

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Ю. В. Морозов
В. И. Батюк

**Стратегический
треугольник
США–КНР–РФ:
ВЫЗОВЫ
и перспективы
безопасности
России**

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 327(470+571:510:73)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)(7Сое)
М80

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИКСА РАН

Рецензенты:

Роман Александрович Камаев, доктор экономических наук;
Владимир Ильич Лутовинов, доктор философских наук;
Владимир Ювенальевич Сизов, кандидат военных наук

Ответственный редактор А.С. Давыдов

Морозов Ю.В., Батюк В.И.

М80 Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография / Ю.В. Морозов, В.И. Батюк / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М. : ИКСА РАН, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-8381-0443-4

DOI 10.48647/ICCA.2022.41.26.010

В монографии представлено системное изложение роли и места «стратегического треугольника» Россия—США—Китай» в структуре международных отношений. В ней рассмотрены международно-правовые аспекты деятельности акторов этого «треугольника» в регионах мира и в сферах их противоборства на глобальном и региональном уровнях, которые обусловили появление вызовов и угроз для безопасности России. Её обеспечение тесно увязано с решением ряда внешнеполитических и внутренних задач, связанных с национальными интересами страны в рамках международного сообщества. И поскольку угроза войны в современном мире окончательно не снята, с особой остротой встает проблема практического обеспечения защиты безопасности России и определения путей нейтрализации вызовов и угроз для защиты ее национальных интересов. В связи с этим в монографии предложены возможные пути их нейтрализации. Особое внимание уделено возможностям развития российско-китайских стратегических отношений и направлениям раскрытия потенциала взаимодействия России, Китая и США по парированию общих угроз их национальным интересам в XXI веке.

Монография адресована ученым и специалистам-практикам, занимающимся проблемами геополитики, безопасности и перспективами межгосударственных американо-российско-китайских отношений в современных условиях, а также преподавателям и аспирантам вузов и широкому кругу читателей.

Оценки и выводы, представленные в научной работе, являются полностью авторскими и не всегда совпадают с позицией Института Китая и современной Азии РАН. Сотрудник Института Ю.В. Морозов в этой монографии разработал Введение, Заключение, Библиографический список, Краткие сведения об авторах, а также разделы 1.1, 1.4, 1.5, 2.1, 2.2, 2.4, 2.5, 3.1, 3.2, 3.3, 3.4, 3.5, 3.6, 3.8, 3.9, 3.10, 4.1, 4.2, 4.3, 4.5, 4.6, 4.7, 4.8, 4.9 и 4.10. Его соавтор, сотрудник Института США и Канады РАН В.И. Батюк, подготовил разделы 1.2, 1.3, 1.6, 1.7. К совместной разработке относятся разделы 2.3, 2.6, 2.7, 2.8 и 3.7.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, «стратегический треугольник», регионы мира, национальные интересы, безопасность, угрозы, вызовы.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00009.

УДК 327(470+571:510:73)

ББК 66.4(2Рос)(5Кит)(7Сое)

ISBN 978-5-8381-0443-4

© Морозов Ю.В., Батюк В.И., 2022
© ИКСА РАН, 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences

Yu.V. Morozov, V.I. Batyuk

**THE US—CHINA—RUSSIA
STRATEGIC TRIANGLE:
CHALLENGES AND PROSPECTS
FOR RUSSIA'S SECURITY**

Moscow
ICCA RAS
2022

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences*

Reviewers:

Kamaev R.A., Lutovinov V.I., Sizov V.Yo.

Edited by

A.S. Davydov

Morozov Yu.V., Batyuk V.I. The US—China—Russia strategic triangle: challenges and prospects for Russia's security. Moscow, ICCA RAS, 2022.

This monograph presents systematic description of the role and place of the strategic “triangle Russia-USA-China” actors in the structure of international relations. It examines the international legal aspects of the activities of these actors in the world regions and in the areas of their confrontation at the global and regional levels, which cause the emergence of challenges and threats to Russia's security. At the same time, ensuring its security is closely linked to solving a number of foreign policy and domestic tasks related to the country's national interests in the international community. Since the threat of war in modern conditions is not completely removed, the problem of practical measures for Russia's security, ensuring protection and identifying ways to neutralize challenges and threats to protect its national interests is particularly acute. In this regard, the final part of this monograph suggests possible ways to neutralize them. Special attention is paid to possibilities of developing strategic Russian-Chinese relations and ways to unlock potential cooperation between Russia, China and the United States to counter common threats to its national interests in the XXI century.

Monograph addressed to scientists and practitioners dealing with geopolitics and security problems, as well as to prospects of interstate US-Russian-Chinese relations in modern conditions, also to teachers and graduate students of Universities, as well as a wide range of readers.

Assessments and conclusions presented in this scientific work are completely the author's and do not always coincide with the position of the Institute of China and Contemporary Asia RAS.

Keywords: Russia, China, USA, “strategic triangle”, world regions, national interests, security, threats, challenges.

The study was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of scientific project No. 19-014-00009.

Оглавление

Предисловие	10
Введение	12
Часть первая. «СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК» АМЕРИКАНО-РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
1.1. Удельный вес США, Китая и России на мировой арене	15
1.2. Взаимоотношения акторов «стратегического треугольника»	36
1.3. Американская модель глобального миропорядка	50
1.4. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке	61
1.5. Внешнеполитический курс России на современном этапе	73
1.6. Отношения между акторами «стратегического треугольника» в военно-политической сфере	87
1.7. Соглашения и противоречия акторов в «стратегическом треугольнике»	102
Часть вторая. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США, КНР И РФ В РЕГИОНАХ МИРА	
2.1. Подходы КНР, США и РФ к глобальной и региональной геополитике	122
2.2. Стратегия акторов «треугольника» в Арктике	136
2.3. «Стратегический треугольник» и Европа	155
2.4. Центральная Азия как область столкновения интересов акторов «треугольника»	168
2.5. Американская стратегия США в АТР как вызов национальным интересам КНР и РФ	179
2.6. Политика и стратегия США, РФ и КНР на Ближнем Востоке	191
2.7. Значение африканского континента для Китая, США и России	204
2.8. Стратегия США, Китая и России в Латинской Америке	214

**Часть третья. ПРОТИВОБОРСТВО АКТОРОВ «ТРЕУГОЛЬНИКА»
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ
ДЛЯ РОССИИ**

- 3.1. Использование США, Китаем и Россией «мягкой»
и «жесткой» силы на международной арене 237
- 3.2. Гибридная война США против России и Китая 260
- 3.3. Совершенствование вооруженных сил США и Китая 277
- 3.4. Подводные камни сотрудничества России с США
и Китаем 289
- 3.5. Нераскрытый потенциал российско-китайского
сотрудничества в Евразии 300
- 3.6. Особенности борьбы акторов «треугольника»
с пандемией коронавируса 317
- 3.7. Влияние американо-китайского противостояния
на интересы России 328
- 3.8. Воздействие изменений глобальной обстановки
на безопасность РФ 338
- 3.9. Внутренние вызовы развитию России
и пути их ликвидации в XXI веке 351
- 3.10. Мифы об угрозах, препятствующие развитию
взаимоотношений акторов «стратегического
треугольника» в XXI веке 362

**Часть четвертая. ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ
ВЫЗОВОВ И УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНЫМ
ИНТЕРЕСАМ РОССИИ**

- 4.1. Развитие российской теории и практики многополярного
мира в рамках международных структур 380
- 4.2. Повышение роли России в борьбе с глобальными
и региональными угрозами 397
- 4.3. Увеличение роли «мягкой силы» России
на международной арене 410
- 4.4. Направления нейтрализации угроз России
в информационной сфере 428
- 4.5. Стратегия развития российско-китайских отношений
в XXI веке 439
- 4.6. Совершенствование военного компонента РФ
для защиты национальных интересов 452
- 4.7. Взаимоотношения РФ, США и КНР в свете военного
кризиса на Украине 470
- 4.8. Опора России на собственные силы в условиях
западных санкций и перспективы восстановления
сотрудничества с США 484

4.9. Факторы в пользу восстановления российско-американских отношений	490
4.10. Направления сотрудничества США, Китая и России по противодействию общим угрозам	499
Заключение	522
Библиография	530
Сведения об авторах	540
About the Authors	542

Content

Foreword	10
Introduction	15
Part One. “STRATEGIC TRIANGLE” OF US-RUSSIAN-CHINESE RELATIONS	
1.1. Specific Weight of the United States, China and Russia on the World Stage	15
1.2. Actors Relationship within the “Strategic Triangle”	36
1.3. American Model of the Global World Order	50
1.4. China’s Views on the System of International Relations in the XXI Century	61
1.5. Foreign Policy of Russia at the Present Stage	73
1.6. Relationship between the United States, China and Russia in the Military-Political Sphere	87
1.7. Actors Agreements and Contradictions in the “Strategic Triangle”	102
Part Two. ACTIVITIES OF THE UNITED STATES, CHINA AND RUSSIA IN THE WORLD REGIONS	
2.1. Approaches of China, the USA and the Russian Federation to Global and Regional Geopolitics	122
2.2. Actors “Triangle” Strategy in Arctic	136
2.3. “Strategic Triangle” and Europe	155
2.4. Central Asia as Region of “Triangle” Actors Interests Collision	168
2.5. American Strategy in the Asia-Pacific Region-as a Challenge to the National Interests of China and Russia	179
2.6. USA, Russian and China Politics in the Middle East	191
2.7. Significance of the African Continent for “Triangle” Actors	204
2.8. USA, China and Russian Strategy in Latin America	214
Part Three. CONFRONTATION OF THE TRIANGLE ACTORS IN THE INTERNATIONAL ARENA: CHALLENGES AND THREATS TO RUSSIA	
3.1. “Soft and Hard” Power Use by the United States, China and Russia on International Arena	237
3.2. United States Hybrid war Against Russia and China	260

3.3. Improvement of the United States and China Armed Forces	277
3.4. Pitfalls of Russia's Cooperation with the United States and China	289
3.5. Untapped Potential of Russian-Chinese Cooperation in Eurasia	300
3.6. "Triangle" Actors Features of Its Struggle with Coronavirus Pandemic	317
3.7. US-China Confrontation Impact to Russian Interests	328
3.8. World Military-Political Situation Influences on Russian Security . .	338
3.9. Internal Challenges Impeding Russian Development in the XXI Century	351
3.10. Myths About Threats that Hinder Development Relations Between "Strategic Triangle" Actors in the XXI Century	362
Part Four. POSSIBLE WAYS TO NEUTRALIZE CHALLENGES AND THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS	
4.1. Practice of a Multipolar World Russian Theory Development in International Structures Framework	380
4.2. Increasing Russian Role in Struggle against Global and Regional Threats	397
4.3. Accumulative Russia's "Soft Power" Role in the International Arena	410
4.4. Russian Directions of Threats Neutralization in Information Sphere	428
4.5. Development Russian-Chinese Strategy Relations in the XXI Century	439
4.6. Growth Russian Federation Military Component for Protection National Interests	452
4.7. Relations between the Russian Federation, the USA and China in the Light of the Military Crisis in Ukraine	470
4.8. Russian Economic Development in Conditions of Western Sanctions	484
4.9. Factors in Favor of Restoration of Russian-American Relations	490
4.10. Possible Areas of cooperation to Counter Common Threats to Russia, the USA and China	499
Conclusion	522
Bibliography	530
About the Authors	542

Предисловие

Проблема взаимоотношений в рамках «стратегического треугольника» Россия—США—Китай становится в последние годы основным фактором мировой геополитики. Весьма вероятно, что взаимодействие именно в этом «треугольнике» будет определять мировую безопасность в течение всего XXI столетия. Повышенное внимание к этой проблеме в мировой науке, политике, да и в обществе обусловлено тем, что Китай и США — самые мощные экономики мира, а Россия обладает самым современным военным потенциалом. Каждая из трёх ведущих мировых держав обладает правом вето в Совете Безопасности ООН, оказывая влияние на развитие ситуации без преувеличения на всех континентах.

Представляемая монография содержит системное научное изложение роли и места каждого из акторов геостратегического треугольника в структуре международных отношений третьего десятилетия XXI века. Для этого авторами работы проведен глубокий сравнительный анализ и синтез национальных концепций США, Китая и России в сфере безопасности, их позиций в различных сферах взаимодействия и взаимного противостояния. Каждый из четырёх основных разделов работы включает иллюстративный материал, подтверждающий выводы авторов по проблемам, касающимся тематики исследований.

Угол преломления фактического материала, изложенного в работе, исходит из проблем безопасности России, являющихся ключевой темой исследования. Авторы работы делают попытку ответить на наиболее насущные вопросы современного геополитического состояния России. Каково поле взаимодействия и противоборства нашей страны с «коллективным Западом», возглавляемым США? По каким направлениям выстраивается и будет выстраиваться взаимодействие России с Китаем, каким должен быть статус партнёрства двух крупнейших держав Евразии? Наконец, какие внешнеполитические вызовы стоят сегодня или в ближайшие годы встанут перед Россией с точки зрения взаимоотношений в различных регионах евразийского материка, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на глобальном уровне? Все эти вопросы освещены в предлагаемой монографии.

Отмечается, в частности, что решение стоящих перед нашей страной задач может быть достигнуто за счет консолидации российского общества и укрепления национальной промышленности и обороны, развития стратегического партнёрства с Китаем и другими партнёрами России, умелого исполь-

зования потенциала международных организаций в интересах обеспечения глобальной и региональной безопасности.

В Заключении монографии её авторы особое внимание уделили аргументированным рекомендациям, имеющих прикладную направленность. Представляется, что практические наработки монографии могут найти своё практическое применение в деятельности Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ, в профильных комитетах Госдумы и Совета Федерации РФ, Министерства иностранных дел, Министерства обороны и иных органов государственной власти России.

Учёным и практикам, занимающимся проблемами геополитики и национальной безопасности, монография поможет углубить свои знания о современных процессах в геополитике и международных отношениях, внести вклад в развитие межгосударственных отношений в условиях формирующегося многополярного мира и защиты национальных интересов России в XXI веке. Преподавателям вузов работа может быть рекомендована с точки зрения ознакомления студентов с существующими проблемами и перспективами американо-российско-китайских отношений, а аспирантам будет полезна для использования материалов научного труда в диссертационных работах. Помимо этого, монография представляет несомненный интерес и для широкого круга читательской аудитории, интересующейся международными отношениями в наш непростой век.

*К.В. Бабаев,
руководитель Института Китая и современной Азии РАН,
доктор филологических наук, профессор*

Введение

С конца XX века планету охватила эпоха бурного развития геополитики, включающая активное перераспределение сфер влияния между государствами. О своих геополитических интересах заявляют не только мировые державы, но и другие страны. Это приводит к упрочению либо ослаблению существующих альянсов, а также к конфликтам между отдельными странами в стратегически важных для их национальных интересов регионах мира. При этом взаимоотношения таких сверхдержав, как США, Россия и Китай, образующих так называемый «стратегический треугольник», все больше привлекают внимание международной общественности, что объективно обуславливает актуальность этой монографии. Прежде всего потому, что они составляют «трио» мировых держав, каждая из которых имеет свои отличия от других стран мира. Так, Соединенные Штаты обладают современным экономическим и научно-технологическим потенциалом, а Китай — громадными демографическими ресурсами, в сфере экономики он постепенно оттесняет США на второй план, что усиливает рост их соперничества. Россия, располагая наибольшей территорией, обширными запасами полезных ископаемых и мощным ракетно-ядерным потенциалом, стремится вернуть себе статус великой державы, чему препятствует Запад, вводя по отношению к РФ все новые санкции, что влечет за собой возрастание вызовов и угроз для её национальных интересов в различных сферах жизнедеятельности. Поэтому это обуславливает необходимость поиска руководством РФ эффективных путей нейтрализации этих вызовов и угроз. Актуальность данной работы обусловлена еще и тем, что проблема российско-китайско-американских взаимоотношений на протяжении длительного времени рассматривалась экспертами в аспекте анализа их двусторонних отношений, а не в рамках их «стратегического треугольника».

С учетом данных обстоятельств, целями монографии являются проведение всестороннего анализа роли и места каждого актора «стратегического треугольника» в международной системе координат и их деятельности в регионах мира; выявление вызовов и угроз для безопасности России и определение возможных путей их нейтрализации; определение направлений взаимодействия России с США и Китаем по противодействию общим угрозам для их национальных интересов в XXI в.

Чтобы реализовать эти цели, авторами были использованы следующие методы исследований: наблюдения, обобщения, абстрагирования, структурный дедуктивный и сравнительный анализы. При оценке роли США, РФ и

КНР в глобальной экономике и анализа их взаимоотношений в этой сфере широко использовалась модель сравнительной оценки экономической мощи этих государств и их союзов. Для выявления вызовов и угроз безопасности России в результате деятельности США и Китая в регионах мира и в области их противоборства на международной арене использовались широкий спектр методов системного анализа и синтеза, индукция и дедукция, формализация и конкретизация. Эти методы исследований позволили выявить проблемы в отношении безопасности РФ и сформировать конкретные направления их нейтрализации.

Исходя из целей исследований, были сформированы структура и содержание монографии. Она состоит из четырех частей, заключения, библиографического списка, глоссария, а также кратких сведений об авторах.

В первой части монографии **«Стратегический треугольник» американо-российско-китайских отношений** описывается роль Соединенных Штатов, Китая и России в глобальной системе координат мирового сообщества в сфере геополитики и экономики, а также их взаимоотношения. Особое внимание уделено проблемам и перспективам развития России в интересах ее превращения в одну из ведущих держав мира. Кроме того, в этой части даются оценки доли США в глобальном раскладе сил и роли Китая в современной международной системе, а также описаны проблемы и перспективы развития России в XXI веке. Отдельные разделы посвящены анализу взглядов американской власти на систему международных отношений и китайской концепции «Сообщества единой судьбы человечества», а также геополитическим ориентирам России в интересах возвращения ей статуса «мировой державы». В других разделах проводится анализ взаимоотношений акторов треугольника в военно-политической области.

Во второй части монографии **«Деятельность США, КНР и РФ в регионах мира»** представлены результаты анализа геополитики и стратегии акторов «треугольника» в регионах мира. В её разделах подробно рассматривается значение Арктики для международного сообщества в условиях глобализации и даются оценки стратегии США их союзников в Арктическом регионе, анализируется стратегия Китая по освоению этого региона, а также шаги России по укреплению её позиций в северных широтах. В них также проводится анализ европейского компонента политики США, КНР и РФ. Отдельный раздел этой части посвящен значению Центральной Азии для акторов «стратегического треугольника», анализируется их стратегия в этом регионе мира. В другом разделе приводятся результаты анализа Индо-Тихоокеанской стратегии США и приоритетов политики России и Китая в этом регионе, а также прогнозируются сценарии будущего АТР. Кроме того, в этой части монографии оцениваются ближневосточные компоненты политики США, КНР и РФ и приводятся результаты синтеза их африканских компонентов политики, а также рассматривается стратегия этих акторов в Латинской Америке.

Третья часть монографии **«Противоборство акторов “треугольника” на международной арене: вызовы и угрозы для России»** посвящена анализу политики «мягкой силы» акторов «треугольника» и стратегии непрямых действий США

в отношении России и Китая, в ней также рассматриваются различные аспекты информационной войны США против них и оценивается влияние концепций и военных технологий на развитие ВС США и КНР. Анализируется взаимодействие США и Китая в военно-политической области и вероятность создания военного союза между РФ и КНР. Помимо этого, исследуется нераскрытый потенциал российско-китайского сотрудничества в Евразии и рассматриваются санкции США против них. Отдельный раздел посвящен анализу борьбы акторов «треугольника» с пандемией коронавируса. В других разделах описаны тенденции развития военно-политической обстановки в мире и дается всесторонняя оценка угроз для безопасности РФ.

В четвертой части монографии «**Возможные пути нейтрализации вызовов и угроз национальным интересам России**» проводится сравнительный анализ развития российской теории многополярного мира в рамках БРИКС и особенности трактовок многополярности на национальном уровне. Второй раздел посвящен оценке предпринимаемых Россией шагов в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом и развитию антитеррористического сотрудничества в рамках международных организаций. Даются рекомендации по стратегии использования «мягкой силы» России на международном уровне и развитию её информационной стратегии, а также по направлениям раскрытия потенциала российско-китайского сотрудничества. Отдельный раздел посвящен анализу темпов перевооружения структур ВС РФ и технического переоснащения военных округов России. В нем также приводятся результаты военных действий ВС РФ в Сирии и спецоперации ВС РФ на Украине. Заключительные разделы этой части монографии посвящены анализу факторов «за» восстановление российско-американских отношений и возможным направлениям их совершенствования. В них также описаны общие угрозы национальным интересам России, США и Китая в XXI веке, и перспективные направления трехстороннего сотрудничества по противодействию этим угрозам объединенными усилиями.

Столь подробный анализ различных сфер взаимодействия акторов «стратегического треугольника» позволил авторам монографии разработать новые теоретические подходы к вопросам раскрытия потенциала взаимодействия России и Китая, а также вопросам обеспечения безопасности России на глобальном и региональном уровнях. Особое внимание уделено перспективным путям разрешения региональных проблем и развития стратегического сотрудничества между Россией и Китаем в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

В **Заключении** изложены обобщенные выводы, отражающие степень раскрытия темы исследований и степень ее достижения в интересах получения научных результатов, имеющих прикладную направленность.

Часть первая

«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»

АМЕРИКАНО-РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ

ОТНОШЕНИЙ

1.1. Удельный вес США, Китая и России на мировой арене

В геополитическом раскладе сил на мировой арене выделяются взаимоотношения таких сверхдержав, как США, Россия и Китай, образующих так называемый «стратегический треугольник», которые все больше привлекают внимание международной общественности¹. Они входят в тройку ведущих ядерных держав, обладающих правом «вето» в Совете Безопасности ООН и все чаще вмешиваются в локальные конфликты в регионах мира с целью отстаивания там своих интересов. Каждая из этих держав обладает отличиями в государственном развитии от других акторов «треугольника». Так, 45-й президент США Д. Трамп в XXI веке старался вернуть стране «былое величие», его правопреемник Джо Байден, следуя генеральному курсу американской политики в мире, объявил, что «Америка возвращается в мировое сообщество», и стал устранять перекосы в геополитике, которые допустил Д. Трамп; председатель КНР Си Цзиньпин нацелен на то, чтобы к середине этого века построить в Китае общество «благоденствия», которое могло бы «затмить» западную модель развития; а президент России В. Путин стремится вернуть стране статус великой державы, утраченный с распадом Советского Союза. При этом США располагают современным экономическим и научно-технологическим потенциалом, Китай — громадными демографическими ресурсами, а в сфере экономики он стал ведущим государством в мире наравне с США. По сравнению с этими державами Россия обладает наибольшей территорией и более обширными запасами полезных ископаемых, а также мощным военным потенциалом. Обозначенные сходства и различия акторов «стратегического треугольника» обуславливают необходимость проанализировать «удельный вес» каждого из них на мировой арене и определить их дальнейшие цели в XXI столетии².

Доля США в глобальном раскладе сил

Соединенные Штаты, являясь ярким примером капиталистического пути развития, занимают одно из лидирующих мест в мире и по объему валового внутреннего продукта (ВВП), и по производству многих видов высокотехнологической продукции. На их лидирующее положение в глобальном раскладе сил оказывают влияние такие факторы, как удаленность географического положения США от театра военных действий в других частях планеты; в военно-технической области Соединенные Штаты занимают 1-е место в мире; на территории страны преобладают умеренные климатические зоны, которые являются благоприятными для ведения сельского хозяйства; страна обладает достаточным количеством полезных ископаемых и высокой емкостью внутреннего рынка, а ее научно-технический потенциал является самым крупным в мире (доля Америки в мировом производстве наукоемкой продукции составляет более 36 %); 65 % населения занято умственным трудом, что и определяет высокий уровень производительности и качества труда. Поэтому США являются лидирующими в областях производства новейших технологий, электронной и компьютерной техники, автомобилестроения и самолетостроения и т. д. Америка ежегодно производит более 10 млн автомобилей, на ее долю приходится 3/4 всего выпуска авиаракетно-космической и 2/3 электронно-вычислительной техники в мире, 1/2 мощности АЭС и около 1/3 сбора зерновых культур.

Соединенные Штаты также являются крупнейшим мировым инвестором (более 3,3 трлн долл.): в авангарде идут 133 компании, находящиеся в списке 500 крупнейших ТНК мира. При этом в страну постоянно идет большой приток иностранных инвестиций, хотя ее экономика развивается в основном благодаря внутреннему спросу (прирост ВВП США более чем на 2/3 обеспечивается расходами на индивидуальное потребление). И несмотря на глобальный кризис финансово-экономической системы 2008—2009 гг., Америка продолжает сохранять ведущие позиции в мировой экономике в XXI веке. В 2011 г. ею было произведено продукции на 15,04 трлн долл. (1-е место в мире), из которых 90,8 % высокотехнологичная³. В 2019 г. вклад США в мировой ВВП несколько уменьшился и составила 15,81 %, уступив 1-е место растущей экономической мощи Китая (рис. 1.1.1).

Немаловажный фактор сохранения глобальной устойчивости экономики США — роль ее валюты в мировой финансовой системе в качестве резервной. В 2015 г. доля доллара составила более 60 % в общем объеме международных резервов (для сравнения, евро составлял 24 %; фунт и иена — по 4,1 %, прочие валюты в совокупности — 5,5 %) ⁴. Благодаря этому динамика развития США сохраняет хорошие перспективы в технологическом укладе нынешнего века, позволяя им оставаться на лидирующих позициях в экономической системе мира. Это связано с тем, что американская экономика имеет конкурентные преимущества по сравнению с другими странами: гибкость в расширении и диверсификации капитала; в качестве производства и продаже новой продукции, несмотря на то, что начиная с 1991 г. платежный баланс страны является дефицитным и покрывается иностранными инвестициями, посту-

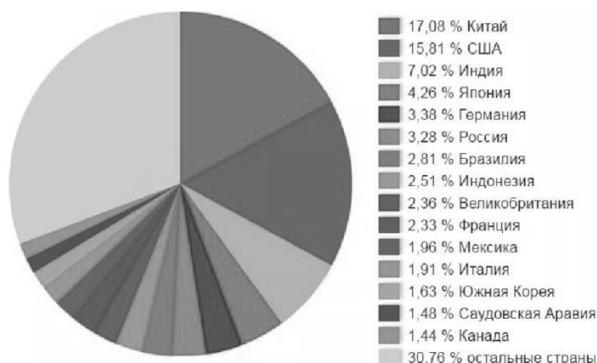

Рис. 1.1.1. Доля 15 крупнейших стран в общемировом ВВП (%) в 2019 г.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?text=рисунокДоля+15-ти+крупнейших+стран+в+общемировое+ВВП+%28%25%29+в+2019+году&img_

пающими в основном из Китая и нефтеперерабатывающих стран. Поэтому США привыкли жить в долг (в 1980 г. он составлял 909 млрд долл. — т. е. 33,3 % ВВП). А в 2020 г. госдолг страны составил 26,003 трлн долл. Это более чем в 15 раз больше ВВП России, по данным Всемирного банка на 2018 г. (1,658 трлн долл.)⁵.

Тем не менее, такая ситуация не снизила инвестиционной привлекательности Америки. Во-первых, Федеральная резервная система (ФРС) и Казначейство США ни разу не объявили дефолт и исправно продолжают обслуживать национальный внешний долг. Во-вторых, держателями около 50 % требований по долгу являются не резиденты страны, а в основном — представители Китая. И, в-третьих, фондовый рынок США являлся более доходным, чем европейский.

К этому следует добавить, что в нынешнем веке производительную составляющую американской экономики можно обозначить как «мировую научно-исследовательскую лабораторию и испытательный промышленный полигон»⁶, в котором производители, освоив новые высокодоходные производства, в погоне за прибылью размещают их в странах с дешевой рабочей силой, не конкурируя с производителями товаров других государств за лидирующие позиции в ряде секторов мирового рынка.

К примеру, США почти полностью отдали странам Юго-Восточной Азии производство бытовой домашней химии, Лагинской Америке — текстильное и швейное производство, Евросоюзу — рынок по производству парфюмерии и представительских автомобилей, хотя эта продукция может с успехом производиться в Америке. В важнейших технологических секторах рынка США выпускают уникальные приборы разнообразного назначения, программы для ПЭВМ, летательные аппараты (30 % мирового рынка) и большинство номенклатуры композиционных материалов с заданными свойствами, которая используется в мировой промышленности. Кроме этого, на долю США приходится 42 % рынка современных видов вооружения.

Таким образом, США нацелены на то, чтобы оставаться на вершине научно-технического прогресса, сохраняя инициативу в области НИОКР, а также выпускать высокотехнологические изделия, которые являются их результатами. А обеспеченность США собственными ресурсами сдерживает рост их зависимости от внешних источников и дает свободу для макроэкономической политики страны.

При этом следует отметить, что в современном мире стало все более заметным нарастающее глобальное противостояние США с Китаем. Факты обострившегося противоборства между ними свидетельствуют о появлении новых моментов в их отношениях: по статусу КНР была переведена Вашингтоном из конкурирующего партнера в разряд геополитических соперников Америки, противоборство с которым в экономической сфере постепенно распространяется и на другие сферы; тесные торгово-экономические связи и громадные объемы товарооборота между ними не являются более гарантией недопущения перерастания разногласий в острый конфликт, где торговые споры становятся рычагами обоюдного политического давления.

Став 46-м президентом США, Байден начал говорить об отказе от политики Трампа по оказанию давления на Поднебесную, хотя в реальности оно нарастает. Американские авианосцы находятся около Тайваня и в Южно-Китайском море, санкции, введенные Трампом, никто отменять не собирается, а в первом же разговоре с Пекином нынешний госсекретарь Блинкен стал сознательно вмешиваться во внутренние дела КНР, ведя речь о проблемах в Синцзяне, Тибете и Гонконге. При этом он пообещал «привлечь КНР к ответственности за ее усилия, угрожающие стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе, и подрыв ею основанной на нормах международной системы»⁷.

Но, несмотря на обострившиеся межгосударственные отношения, США и Китай остаются взаимно притягательны друг другу. Соединенные Штаты зависят от Поднебесной в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая огромными кредитными обязательствами перед ней. Китай в свою очередь зависит от сохранения способности американских потребителей покупать его товары, а также от современных технологий США, важных для ключевых областей китайской экономики.

В целом успехи в глобальном развитии США и в их влиянии на мировые процессы во многом зависят от взглядов действующих президентов и их администраций. Так, в период правления 44-го президента — демократа Б. Обамы политика США была нацелена на развитие более тесных экономических связей с другими странами в рамках мировой глобализации. Путем вложения своих средств в зарубежные страны Америка постепенно создавала там свою «вторую экономику», а доллар служил международным эталоном, на который продолжают равняться валюты других стран мира. При этом повышение его курса уменьшает объем экспортной выручки этих стран, увеличивая их затраты на стоимость производимой продукции, а снижение курса доллара способствует росту американского экспорта в другие государства и оттеснению конкурентов США на мировых рынках сбыта.

Что касается деятельности 45-го президента, республиканца Д. Трампа, то он в отличие от Обамы выступал за некоторые ограничения трендов глобализации, укрепляя внутренний рынок страны, развивая для этого национальную индустриальную базу и отказываясь от международных торговых договоренностей, невыгодных для США. Свидетельством тому являются следующие действия Трампа: в 2017 г. он вывел США из «Транстихоокеанского партнерства»; поставил крест на «Трансатлантическом партнерстве»; заявил, что в АТР он будет проводить «Индо-Тихоокеанскую» стратегию⁸.

Он также планировал сократить на 40 % или ликвидировать финансовый вклад США в деятельность ряда учреждений ООН. По его замыслам, финансирование также следовало урезать и международным структурам, которые поддерживают программы, нарушающие режим санкций, введенных против РФ, Ирана и КНДР⁹. В их отношении Вашингтон применял методы «информационной войны», введения против них санкций и ограничений, а также попытки инициирования в этих странах «цветных и иных революций» для создания в них проамериканских режимов.

Следует отметить, что в 2020 г. на деятельность Д. Трампа повлияли выборы 46-го президента США. Поэтому для завоевания голосов электората на этих выборах основную часть своего выступления в Давосе 21 января 2020 г. Трамп посвятил росту американской экономики. По его словам, «со времени его избрания в 2016 г. в США было создано 7 млн рабочих мест, хотя прогноз обещал 2 млн. При этом уровень безработицы в стране снизился до 3,5 %, что является самым низким показателем за последние 50 лет». Он также сообщил об удвоении налоговых льгот «для детей, которые получают порядка 40 млн американских семей, и выводе из бедности 650 тыс. матерей-одиночек и 1 млн их детей»¹⁰. Однако эти успехи на национальном уровне не помогли Трампу выиграть президентскую гонку. Победителем в ней стал представитель от демократической партии Джо Байден, имеющий значительный опыт, накопленный за долгие годы работы в органах власти¹¹. В целом он продолжает генеральную линию по глобальному сдерживанию России. Однако в его отношении к РФ есть и некоторые положительные моменты. Так, в июне 2021 г. лидеры России и США провели переговоры в Женеве. В ходе переговоров они затронули проблемы российско-американских отношений, изменения климата, борьбу с коронавирусом, киберпреступность, конфликты на Украине, в Сирии и Нагорном Карабахе. Кроме того, американская сторона подняла вопрос политического кризиса в Беларуси и преследования оппозиционера Навального.

В результате переговоров МИД России и Госдеп США вернулись к нормальной работе на дипломатическом треке. Ибо, как заявил Путин, и на американской, и на российской стороне лежит особая ответственность за глобальную стабильность, учитывая, что обе страны являются крупнейшими ядерными державами. Поэтому обе стороны пытаются найти модель «сдерживания — диалога», но каждая из них понимает этот баланс по-своему. В результате можно наблюдать постоянные качели: каждая попытка Москвы и Вашингтона «перезагрузиться» заканчивается враждой. Понятно почему: сов-

падение тактических интересов неспособно смягчить несовместимость системных принципов. При этом генеральной линией американской внешней политики остается антироссийская направленность.

7 декабря 2021 г. президенты России и США провели переговоры по видеосвязи, в результате которых обе стороны выпустили пресс-релизы. В заявлении Кремля говорилось, что «преобладающее место в разговоре заняла проблематика, связанная с внутриукраинским кризисом и отсутствием прогресса в выполнении минских договоренностей, являющихся безальтернативной основой мирного урегулирования». В. Путин «высказал серьезную озабоченность по поводу провокационных действий Киева против Донбасса». В сообщении Белого дома было сказано: «Президент Байден выразил глубокую обеспокоенность США и наших европейских союзников по поводу эскалации Россией сил вокруг Украины и ясно дал понять, что США и союзники ответят решительными экономическими и другими мерами в случае военной эскалации и призвал к деэскалации и возвращению к дипломатии»¹². А 9—10 декабря 2021 г. по инициативе США состоялся виртуальный «Саммит за демократию», на который пригласили представителей 110 стран, но Россию и Китай на саммит не позвали. Москва и Пекин раскритиковали проведение саммита, в частности официальный представитель МИД РФ М. Захарова заявила, что он подрывает роль ООН¹³.

Из вышеперечисленного следует, что для администрации Байдена Россия по-прежнему — противник, а Китай — является конкурентом, глобальные амбиции которого представляют угрозу американским интересам в регионах мира. Но чтобы не допустить создания российско-китайского тандема на антиамериканской основе, нынешняя администрация Белого дома на текущем этапе американо-китайских отношений предпочитает поддерживать конструктивные отношения с Пекином. И в первую очередь здесь важны личные отношения Байдена с Си Цзиньпином. Он познакомился с ним ещё в 2011 г., когда посещал Китай с визитом в качестве вице-президента США. Си, занимавший тогда пост заместителя председателя КНР, не только проводил переговоры с американским коллегой, но и сопровождал его в поездках по стране, а на следующий год уже Байден принимал Си в Штатах. Но, несмотря на давнее знакомство лидеров обоих государств, для Пекина гораздо важнее то, что США в перспективе собираются выстраивать единый антикитайский фронт совместно со своими союзниками. Поэтому у Пекина, равно как и у Москвы, нет никаких иллюзий насчет возможности мирного сосуществования с Западом. Не в том смысле, что они уверены в неизбежности войны, а в том, что прекрасно понимают, что глобалисты не оставят попыток изнутри подорвать оба государства. Поэтому никакого доверия к политике Байдена у Путина и Си быть не может. А отношения между китайским и российским лидерами строятся на взаимном доверии — их доверительный и откровенный характер не раз подчеркивали и Путин, и Си¹⁴.

Что касается внешней политики по отношению к Европе, то Байден стремится восстановить репутацию Америки, основательно испорченную Трампом. Для этого в первые дни на посту президента США он возобновил

участие Соединенных Штатов в Парижском соглашении по климату и во Всемирной организации здравоохранения, а в конце января подписал с Россией Договор о стратегических наступательных вооружениях (ДСНВ-3) на 5 лет, получив положительные отзывы от европейских лидеров. При этом он полон решимости «сделать дипломатию главным инструментом внешней политики Соединенных Штатов». Некоторые из его предложений, например, «вернуть Соединенные Штаты во главу стола, работая с союзниками», скорее всего, будут иметь успех. Евросоюз, в частности, поддерживает решимость Байдена провести саммит по глобальной демократии и дать отпор авторитаризму и коррупции, одновременно защищая права человека¹⁵.

Кроме того, администрация Байдена старается обеспечить, насколько это возможно, синхронизацию американских и европейских планов экономического восстановления после пандемии коронавируса. Параллельно предпринимаются попытки избежать дальнейшего ухудшения трансатлантических экономических отношений, если не в формате комплексного торгового-инвестиционного соглашения, то, по крайней мере, в виде ограниченной договоренности между США и ЕС по торговле промышленными товарами. Поэтому новая консолидация Запада, пусть даже частичная, ставит под сомнение обоснованность тезиса России и Китая о наступлении многополярного мирового порядка в ближайшем будущем.

И хотя президент США Дж. Байден имеет отчетливый интерес к внешней политике и обширный опыт в международных делах, внешнеполитические вопросы не стали его главной заботой в первые месяцы пребывания у власти. В настоящее время в Соединенных Штатах накопилось слишком много внутренних экономических, социальных и политических проблем, требующих срочных действий со стороны администрации Белого дома. Их решение затруднено неизбежным противодействием со стороны контролируемого республиканцами Сената, а также сохраняющимся расколом между «прогрессивистской» и «центристской» группировками внутри демократической партии.

За расколом вашингтонского политического истеблишмента скрывается более фундаментальный и потенциально более опасный раскол американского общества, вызванный мошенническим подсчетом голосов в ходе президентских выборов 2020 г. и последовавшим за этим штурмом Капитолия сторонниками Трампа. Поэтому консолидация, пусть даже и частичная, американского общества станет исключительно важной и крайне сложной задачей для Дж. Байдена и его администрации. Им придется приложить много усилий для того, чтобы восстановить легитимность и функциональность многих политических институтов США, сильно пострадавших в ходе избирательной кампании 2020 г., обнажившей социально-политические проблемы Соединенных Штатов, которые постепенно накапливались с времен президентства Рейгана в 1980-х годах.

К этому следует добавить, что, как считают американские эксперты, значение Америки в мировой экономике к 2025 г. может еще более снизиться, а роль России возрастет. Об этом говорится в аналитическом прогнозе Совета

по национальной разведке, озаглавленном «Глобальные тенденции — 2025: изменившийся мир», для составления которого были привлечены специалисты со всего мира. «При сохранении текущих темпов роста России предстоит через 20 лет стать 5-й по величине мировой экономикой», говорится в нем. «Если США утратят доминирующие позиции в мире, им придется сделать трудный выбор между внутренними делами и международной политикой. Этот процесс усугубит то обстоятельство, что доллар может потерять свой статус мировой резервной валюты и стать одним из равных в рыночной корзине. Важной тенденцией развития мирового сообщества станет его тяготение к различным формам государственного управления. Вместо того, чтобы воспроизводить западные модели развития, все больше стран будут предпочитать альтернативные модели развития, существующие в России и Китае», сообщает в этом прогнозе¹⁶.

Но пока США являются по-прежнему сверхдержавой, имея преимущество над остальными государствами мира в военном, экономическом и в технологическом отношении. Их влияние в мировой экономике и финансовой сфере проявляется через воздействие американской кредитно-денежной политики на масштабы и направления движения капиталов, а через них — на курс доллара к евро, так как во взаимодействии США с Евросоюзом, где партнерство переплетается с конкуренцией, большое значение имеет движение капитала между ними. В дополнении к этому, США обладают преимуществом голосов в МВФ (17,7 %), где доля голосов стран ЕС составляет 26,2 %, а РФ — всего 2,9 %¹⁷.

Поэтому в основе национальных доктрин США последнего времени закреплен тезис о том, что Америка обладает «беспрецедентной силой и влиянием в мире, которые она готова использовать в борьбе с государствами-изгоями, пренебрегающими основными принципами международного права, нарушающими международные договоры, готовыми приобрести и использовать оружие массового уничтожения, а также способствующими распространению международного терроризма»¹⁸.

В качестве способа борьбы с этими субъектами США выбрали «сетевую войну», в основе которой лежат действия, направленные против акторов мировой политики, представляющих угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов. Однако подобного рода действия приводят к росту антиамериканских настроений в мире. В связи с этим знаковой является работа Зб. Бжезинского «Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство»¹⁹, в которой он призвал руководство США отказаться от идеи мировой гегемонии, став лидером в глобальной системе. Сходную с Бжезинским позицию занимает Ф. Закария, который в работе «Постамериканский мир» пришел к выводу о том, что «США больше не могут единолично управлять миром, так как в условиях глобализации возрастает необходимость проведения консультаций и компромиссов при принятии решений, оказывающих существенное влияние на остальных акторов системы»²⁰. Умозаключения этих политиков стали лейтмотивом Стратегии национальной безопасности 2019 г.²¹, в которой было акцентировано внимание на необходимость решения гло-

бальных проблем, стоящих перед человечеством в XXI в., во взаимодействии США с другими акторами международных отношений.

Тем не менее, содержание этих стратегий по многим позициям расходится с внешнеполитическим и военным курсом, проводимым Штатами на современном этапе. Примером тому может служить операция НАТО в Ливии, которая была инициирована США, после чего руководство операцией было возложено на Великобританию и Францию²². Другой пример — 3 января 2020 г. по приказу Д. Трампа без одобрения на то Конгресса ВВС США нанесли удар по аэропорту в Багдаде, в результате которого убиты иранский генерал Сулеймани и зам. командующего Силами народной мобилизации Ирака аль-Мухандиса. С точки зрения международного права, США совершили теракт на территории другого государства, убив несколько человек без суда и следствия, не находясь при этом в состоянии войны ни с Ираном, ни Ираком²³. Но наиболее ярким примером является провал операции США «Несокрушимая свобода» против талибов в Афганистане, длившейся 20 лет.

Таким образом, в современных условиях наблюдается диверсифицирование Соединенными Штатами методов реализации внешней политики, поскольку они стараются использовать все доступные элементы своей мощи: «военно-политические методы, торговлю и инвестирование, а также распространение политических ценностей»²⁴. Это связано с тем, что политика Вашингтона в XXI веке исходит из необходимости сохранения лидерства США во всем мире с использованием при необходимости военной силы. Эта закреплена в военной стратегии США и «Четырехгодичном докладе о состоянии обороны», где определены главные цели: «расширить сферы военного присутствия по всему миру и обеспечить ВС США средствами, позволяющими адаптироваться к внезапности»²⁵.

Поэтому в целях успешной реализации этих целей Соединенные Штаты будут расширять и укреплять военные связи с государствами-партнерами в рамках военно-политических альянсов, особенно с НАТО, где важным элементом американской стратегии является намерение обеспечить Америке неограниченный доступ к объектам всеобщего достояния, которые находятся вне юрисдикции какого-либо иного государства, но являются жизненно важными для доминирования США во всем мире. Любой государственный или негосударственный актор, препятствующий свободному доступу к данным объектам, расценивается Белым домом как источник угрозы для безопасности США и соответственно против него может быть применена «жесткая сила». Для этого Америка ежегодно тратит на военные нужды намного больше, чем любое другое государство мира. Так, оборонная часть госбюджета США в 2020 г. составляет около 750 млрд долл., что почти в 17 раз превышает аналогичную расходную часть госбюджета России.

Современный Китай в мировой политике и экономике

В отличие от США, Китай является по форме правления республикой социалистического типа. На востоке КНР омывается водами Тихого океана, что дает ей преимущества для развития экономических связей с другими страна-

ми как в АТР, так в других регионах мира. По площади лесов страна занимает 5-е место в мире, однако на душу населения приходится лишь 0,11 га, что в 6 раз меньше, чем среднему по миру. По среднедушевым запасам воды Китай занимает лишь 88-е место в мире, площадь пашни составляет лишь 7 % от мировой, но позволяет накормить 20 % населения Земли. При этом Китай богат минеральными ресурсами, на его территории находятся практически все виды природных ископаемых, что позволило ему занять 3-е место по объему их запасов. Численность населения КНР превышает 1,4 млрд человек, поэтому каждый пятый житель современного мира по происхождению является китайцем²⁶.

Согласно Конституции КНР 1982 г., «это социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян, правящей силой которого является Компартия Китая»²⁷. Поэтому для политической системы страны характерно тесное переплетение партийных и государственных функций, практическое слияние КПК и государства, хотя в Китае существуют еще восемь партий, выполняющих в основном роль «декоративного» характера²⁸.

В настоящее время КНР возглавляет Си Цзиньпин, самый влиятельный руководитель Китая после Мао Цзэдуна, который, как и «великий кормчий Мао», рассматривает долго управлять страной, благодаря тому, что занимает должность генсека ЦК КПК и одновременно председательствует в многих комитетах, принимающих решения по жизненно важным направлениям развития КНР. Под руководством КПК экономика Китая стала крупнейшей в мире. Так, в 2019 г. вклад ВВП КНР в общемировое ВВП составил 17,08 % (по этому показателю она опередила США), хотя еще в начале XX века уровень экономического развития Китая был очень низким.

Этот высокий показатель был достигнут благодаря разработанной в 1978 г. Дэн Сяопином стратегии в области проведения национальной реформы и политики «открытости» страны, которые помогли Китаю занять лидирующие позиции на мировой арене. Ее основными компонентами являются: аграрная реформа, предоставившая крестьянам дополнительные права по ведению хозяйства и реализации произведенной ими продукции; предоставление им прав пользования землей, но не подлежащей продаже; поощрение частного предпринимательства, особенно в торговле и сфере услуг; привлечение иностранного капитала и развитие экспортного производства с использованием мирового опыта; создание экспортных зон с высокой производственной инфраструктурой и налоговыми льготами; госконтроль над финансами, крупными предприятиями, транспортом и связью. Благодаря этому ВВП Китая стабильно растет, средние темпы роста составляют 9,8 %. Даже в период мирового финансового кризиса 2008 г. темпы роста упали всего до показателя 8,7 %, и это гораздо меньше, чем в других странах мира. В 2019 г. она превратилась во второй после США полюс мировой экономики, и в будущем КНР намерена динамично развиваться, тогда как Россия занимает там лишь 10-е место (рис. 1.1.2)²⁹.

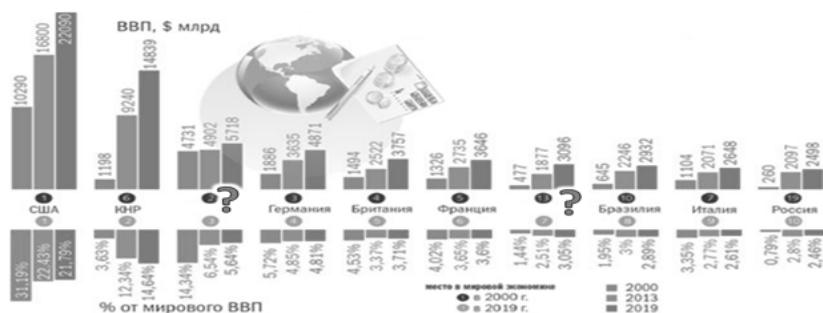

Рис. 1.1.2. 10 крупнейших экономик мира.

Источник: URL: <https://yandex.ru/images/search?text=рисунокДоля+10-ти+крупнейших+стран+в+общеммировое+ВВП+%28%25%29+в+2019+году>

Приоритетными направлениями дальнейшего развития Китая в XXI веке являются: расширение рынков сбыта и приобретение новых партнеров и источников сырья; экспорт высококачественной наукоемкой продукции и повышение уровня жизни граждан страны на основе быстрых темпов роста экономики. К 2050 г. власти КНР планируют построить общество «благоденствия», уровень жизни которого будет равен развитым странам. Для этого большое внимание в Китае уделяется развитию автомобилестроения, текстильной и нефтехимической промышленности, производству качественного оборудования бытового назначения, судостроению, развитию электронной информации и логистики и расширению поставок китайских товаров на внешний рынок. Этому способствует активное участие в торговле с другими странами, вступление КНР в ВТО и создание «свободных экономических зон» со странами АСЕАН, способных конкурировать с Североамериканской зоной свободной торговли.

На развитие этих зон в Китае оказывают благоприятное воздействие как объективные факторы — дешевизна и избыток рабочей силы, благоприятное географическое положение (выход к морю, наличие портов, климатические условия), так льготы и юридические гарантии для иностранного капитала, что обуславливает их растущий приток для развития КНР. Поэтому ВВП Китая неуклонно растет. К примеру, в конце 2017 г. доходы на душу населения в Китае составили 8,583 долл. на человека. Это свидетельствует об улучшении благосостояния населения, но по сравнению с показателем с США в 72,83 долл., это довольно низкий результат, поэтому КНР есть к чему стремиться.

В связи с этим руководство КНР считает необходимым продолжать политику открытости страны, что позволит ей глубже интегрироваться в мировую финансово-экономическую систему. Этому будут способствовать дальнейшая либерализация экономики и финансового сектора; продолжение стимулирования экономического роста страны госинвестициями; оживление спроса на китайскую продукцию на мировых рынках. Сегодня во многих странах мира можно приобрести качественные товары китайского производ-

ва, а крупные транснациональные компании активно размещают свои производства в КНР по причине наличия там дешевой рабочей силы.

Но, несмотря на положительные моменты в китайской экономике, в стране существуют внутренние проблемы, которые в перспективе могут нанести значительный урон КНР. Это — демографическая проблема, огромный разрыв в доходах между городом и деревней, нехватка энергоресурсов и экологическая проблема. Кроме того, в начале 2020 г. страну охватила эпидемия коронавируса, которая оказала негативное влияние на экономику Китая: резко снизились доходы страны в сфере туризма и торговли из-за отсутствия иностранных туристов; многие предприятия приостановили деятельность из-за опасений, что заболевший работник может заразить своих сослуживцев; ряд стран отказались приобретать китайскую продукцию и т. д.

Внешней проблемой КНР является нарастающее геополитическое и экономическое противостояние с США не только в АТР, но и в других регионах мира. При этом китайское руководство отдает себе отчет в том, что полноценное соперничество с Соединенными Штатами в духе «холодной войны» сведет на нет возможности достижения целей национального развития страны. Поэтому 15 января 2020 г. было подписано соглашение о первой фазе торговой сделки между КНР и США. Согласно ему Китай условился увеличить закупки американской продукции на 76,7 млрд долл. в течение первого года и на 123,3 млрд долл. в течение второго года действия соглашения. Несмотря на сохраняющиеся расхождения с Вашингтоном по вопросам демократии и прав человека, торгового дефицита США и курса китайского юаня, степени прозрачности растущих военных расходов Китая и др., Пекин будет стремиться к выстраиванию с Америкой отношений, которые базировались бы на «общих интересах» обеих стран»³⁰.

Как считает помощник президента РФ М. Орешкин, это соглашение между США и КНР — «мина замедленного действия, которая приведет к их спорам на мировом рынке в будущем»³¹. В частности, это связано с тем, что с началом XXI века участились случаи вмешательства соседних и иных стран в «исконно» китайские моря, где Япония, Вьетнам, Корея, США, а вслед за ними другие страны увеличивают свое морское присутствие. Так, Великобритания, Франция и Канада усиливают свою технологическую и финансовую помощь прибрежным странам в освоении морских нефтегазовых ресурсов, углубляя связи с ними. Тем самым они не только получают экономическую выгоду, но и приобретают влияние на геополитическую ситуацию в АТР. Уже более 200 иностранных компаний имеют права на аренду площадей Южно-Китайского моря, где добывают нефть. Её годовая добыча превышает 50 млн т, что сопоставимо с годовым производством крупнейших китайских нефтепромыслов в Дацине.

В ответ на эти притязания руководство страны совершенствует «жесткую силу» КНР, в рамках которой за последние годы по ряду направлений модернизации НОАК Китая достигнуты немалые успехи. Но по сравнению с модернизацией ВС США и России отставание Китая в этой области пока остается существенным. Несмотря на то, что главным соперником военные стра-

теги Китая считают США, в настоящее время практически все виды войск Народно-освободительной армии Китая (НОАК) подготовлены для ведения боевых действий в ближайшем окружении страны. Кроме того, китайские войска не имеют практического опыта ведения боевых действий в современных локальных военных конфликтах.

Следует также отметить, что Европа долгое время рассматривала Китай как глобальный вызов мировому порядку, так как его модель развития могла бы «затмить» западную модель, основанную на либеральной демократии и рыночной экономике. Так, согласно опросам БиБиСи, проведенным в 2011 г., 64 % французов, 62 % немцев, 48 % англичан, 57 % испанцев и 56 % итальянцев высказывали негативное отношение к Китаю. Но в дальнейшем отношение к КНР со стороны мировой общественности, включая Европу, стало меняться с лучшей стороны. На это указывают данные опроса 2019 г., при котором 63 % из 11 тыс. респондентов из 22 стран мира надеются на более значительную роль Китая в глобальном развитии³².

Подтверждением тому является визит председателя Китая весной 2019 г. в ряд стран Евросоюза, которые Китай рассматривает в качестве своеобразного «супермаркета возможностей» при реализации глобального проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), для которого в странах Центральной и Восточной Европы КНР создает свою экономическую и финансовую инфраструктуру. Некоторые из них уже превратились в китайские «опорные пункты» после финансового кризиса 2008 г. или присоединились к проекту ОПОП. При этом проблема присоединившихся к проекту стран состоит в том, что по условиям контрактов участия в ОПОП они должны брать кредиты у китайских банков, чтобы расплачиваться с их же подрядчиками, в связи с чем они постепенно все больше становятся должниками Китая (рис. 1.1.3)³³.

Рис. 1.1.3. Глобальный проект Китая «Один пояс, один путь».

Источник: URL: https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/1711960/pub_5db808378600e100ae494dd5_

Следовательно, инициативу по созданию ОПОП можно рассматривать как концепцию глобализации под эгидой Пекина при помощи его экспансии в зарубежные страны. Она увязана с китайской трансформацией экспортно-ориентированной модели трудоемкого производства с высокой нормой накопления и тотальным заимствованием зарубежных технологий (нередко безлицензионным) для создания в Китае высокотехнологичной продукции, которая в последующем экспортируется в другие страны. Помимо этого, используются другие элементы модели торгово-инвестиционной экспансии КНР, что дает возможность ей выиграть время для перехода к более современной модели китайского развития, создав возможности для внедрения идеологии глобализма под лозунгом «строительства сообщества единой судьбы человечества» под эгидой КНР. Для этого проект ОПОП постоянно наполняется новым геоэкономическим содержанием, акцентируясь на достижении целей китайского проекта, который в 2019 г. поддерживали около 50 % опрошенных респондентов в Индии, 43 % — в Японии, 40 % — в Италии и 30 % — в России и Республике Корея³⁴.

Проблемы и перспективы развития России в XXI веке

Следует отметить, что в свое время многие политологи полагали, что после распада СССР Россия уже никогда не будет одной из ведущих мировых держав. Но это не соответствует действительности — для этого у неё есть почти все составляющие: по размеру ВВП Россия входит в десятку крупнейших промышленно развитых стран мира. В 2019 г. по объему ВВП (3,38 %) она занимала 6-е место в мире. Ей принадлежит 1/8 часть территории земного шара; природно-ресурсный потенциал РФ составляет более 1/5 мировых запасов (их поставки имеют большое значение для мировой экономики, особенно для стран Европы и СНГ). Страна обладает колоссальными запасами пресной воды (только в Байкале он равен 1/5 мировых запасов). Объем прогнозных запасов полезных ископаемых в государстве оценивается в 140 трлн долл. (США по этим запасам отстают от РФ по природному капиталу на душу населения в 10, а Западная Европа в 27 раз). По протяженности железных дорог Россия занимает 2-е место в мире; ее промышленность изготавливает конкурентную продукцию на мировом рынке в области вооружения и военной техники, атомной и космической промышленности. По экспорту вооружения и по ядерному потенциалу Россия находится на 2-м месте после США.

РФ сохраняет неплохие позиции в производстве чугуна (4-е место мире), стали и угля (5-е место). Также заметно присутствие РФ на мировом рынке по поставкам необработанных лесоматериалов и химических удобрений. Благодаря реформе, связанной с западными санкциями, Россия начиная с 2019 г. является одним из главных экспортеров зерна в мире³⁵. Но, главное — Россия играет одну из ключевых ролей в обеспечении глобальной энергобезопасности и намерена дальше утверждаться в этом статусе, увеличивая свою долю на мировом рынке.

Что касается государственного управления страной, то в соответствии с 1-й статьей действующей Конституции «Россия является демократическим

федеративным правовым государством с республиканской формой правления». В настоящее время в первичном органе законодательной власти РФ — в Госдуме большинство голосов принадлежат представителям партии «Единая Россия» которую в свое время создали политики из ближнего окружения В. Путина, поэтому они единодушно поддерживают его инициативы в области внутренней и внешней политики. Другие партии (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и т. д.) в новейшей истории страны никогда на президентских выборах не представляли единого кандидата на эту должность из-за межпартийных разногласий. Поэтому в законодательной власти РФ отсутствует система сдержек и противовесов, как в США. Она скорее похожа на китайскую политическую систему. При этом многие граждане страны, в отличие от США и Китая, не до конца понимают — по какому пути ведет страну «Единая Россия» «капиталистическому или социалистическому», и что их ждёт в будущем. Если страна идет по капиталистическому пути развития, то почему, имея такой громадный потенциал, РФ отстает от США и иных развитых стран в технических инновациях, позволяющих им играть значимую роль в современном мире? Если она привержена социалистическому пути, то почему по уровню благосостояния она отстает от скандинавских стран, не имеющих такой богатый природно-ресурсный потенциал, как в России? При этом разница в доходах самых богатых и бедных в России — одна из величайших в мире, а по количеству миллионеров и миллиардеров она входит в тройку лидеров³⁶.

Пытаясь ликвидировать эти перекосы в развитии России, в 2008 г. президент РФ В. Путин утвердил «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г.», известную как «Стратегия-2020»³⁷. Над ее разработкой трудилась 21 рабочая группа, которая в 2012 г. представила доклад, предполагавший переход России к 2020 г. на постиндустриальную модель развития и рост ВВП на 6,5 % в год. Однако к этому сроку многие планы «Стратегии» оказались невыполненными: Россия не вошла в пятерку стран-лидеров по объему ВВП, по паритету покупательной способности, как это было заявлено в «Стратегии»; ВВП вырос не на 6,5 %, как это предполагалось, а только на 5,8 %; доходы населения не увеличились на запланированные 70 %, а сократились на 5 %; уровень бедности намечалось сократить с 13,4 до 7 %, но он остался прежним; доля среднего класса не выросла до 1/2 населения страны, как планировалось, в 2020 г., она составляет 38 %. В концепции были заложены расходы ВВП на развитие здравоохранения до 5,5 % и на образование до 6 %, но вместо этого в ближайшие 3 года расходы на развитие здравоохранения составляют — 2,9 %, а на образование — 3,7 % ВВП; в стране не было создано 25 млн высокопроизводительных рабочих мест, как было запланировано в «Стратегии-2020», при этом дефицит квалифицированных кадров в стране к 2030 г. может достичь 3 млн человек.

Такое же положение дел наблюдалось и с майскими указами президента (2012 г.), которые затрагивали 11 сфер обустройства страны и включали 218 поручений. Правительство Д. Медведева отчиталось об их выполнении на 76 %, что явно не соответствовало действительности — половина россиян, согласно соцопросам «Левада-центра» (который был признан правительст-

вом Д. Медведева «иноагентом»), считали, что в 2019 г. они стали жить хуже: 43 % опрошенных заявили, что их уровень жизни стал ниже; 46 % считали, что работа больниц и поликлиник стала хуже; 24 % — были недовольны работой полиции и правоохранительных органов³⁸.

Как считает академик РАН С. Глазьев, это связано с тем, что в системе госуправления отсутствует механизм ответственности как институтов власти, так и должностных лиц. Многочисленные попытки внедрить механизмы ответственности в практику провалились, как и закон о стратегическом планировании: правительство Д. Медведева даже не приступало к его исполнению³⁹. Исполнительная власть, возглавляемая им, была неспособна выполнять указания главы государства по ключевым вопросам социально-экономического развития. В повседневной жизни она работала в режиме имитации. Поэтому граждане России постоянно сталкивались с формализмом и бюрократией, а реальные проблемы забалтывались. При этом, крупный бизнес России погряз в офшорах, где зарегистрировано около 50 % собственности промышленности и более половины прибыли частного сектора, которые тоже выведены в офшорные зоны. Так, по оценке агентства Bloomberg, общая стоимость активов, выведенных из РФ за последние 25 лет, достигает 750 млрд долл., или почти 50 % ВВП РФ. А ущерб от взяток, украденных из бюджета средств, скрытых от налогов доходов, денег от наркоторговли и мошенничества достигает 220 млрд руб. в год. 1/3 всех преступных доходов дают хищения из бюджета, при этом с 2014 по 2018 г. у преступников изъяли около 318,5 млрд руб., но это только 1,5 % от их количества.

По мнению директора Института проблем глобализации М. Делягина, это связано с тем, что «по российскому законодательству у проворовавшихся госслужащих и депутатов можно конфисковать недвижимость и ценные бумаги только в том случае, если доказано что они нажиты незаконным путём. А наличные, деньги со счетов в банках, драгоценности и, главное, активы в иностранных трастах конфисковать у госслужащих нельзя, если их законность не подтверждена. В результате коррупция процветает», считает ведущий российский экономист⁴⁰. По масштабам борьбы с ней РФ находится на 137-м месте в мире (между Кенией и Угандой), в ее Уголовном кодексе отсутствует статья, предусматривающая смертную казнь за особо тяжкие экономические преступления. А в Китае, который имеет тысячелетнюю традицию подношений и взяток, в условиях борьбы с коррупцией предусмотрена смертная казнь коррумпированных чиновников, независимо от их положения (порою проводимая публично, а его семье высылают счет за расходы приведения приговора).

Помимо этого, в стране наблюдается постоянный отток за границу талантливых ученых и специалистов, которые могли бы решить её проблемы и обеспечить технологический рывок в XXI веке, но не могут реализовать свои возможности в РФ из-за отсутствия необходимого оборудования и низких зарплат (в 2019 г. оклад научного сотрудника РАН имеющего высшее образование, ученую степень и звание, составлял около 30 тыс. руб. При этом, по подсчетам Минтруда, минимальная стоимость потребительской корзины тру-

деспособного человека должна составлять 35 тыс. руб.). Неудивительно, что начиная с 90-х годов XX века ученые стали уезжать из страны целыми научными школами. Председатель профсоюза научных работников России Калинушкин подсчитал, что за последние 10 лет работу за рубежом нашли от 500 тыс. до 800 тыс. российских ученых, где они получили необходимые лаборатории для научной работы и достойную зарплату за свой труд⁴¹.

К этому следует добавить, что усиление России как субъекта мировой политики встречает противодействие стран Запада, привыкших видеть Россию слабой и зависимой. На сегодняшний день она является одной из самых экономически дискриминируемых стран в мире. В 2014 г. США и Евросоюз ввели санкции в отношении РФ, поводом для которых послужила ситуация вокруг Крыма и конфликт в восточной Украине. Через год после введения санкций президент РФ В. Путин назвал цифру ущерба российской экономики от санкций в 160 млрд долл., добавив, что она легко преодолела «эти барьеры». Поэтому 78 % россиян полагают, что санкции Запада в большей степени нанесли вред США и Европе, чем России. При этом 34 % граждан были уверены, что санкции оказали положительное влияние на экономику России, а 20 % заявили, что вообще не замечают каких-либо последствий. Такой взгляд общества был обеспечен информационной политикой властей, которая заключалась в одностороннем освещении этих санкций государственными телеканалами.

В противовес такому подходу в журнале «Вопросы экономики» за 2015 г. были опубликованы подсчеты специалистов «Экономической экспертной группы», согласно которым за период с 2014 по 2017 г. общее сокращение притока капитала в РФ из-за санкций составило 280 млрд долл. Эти оценки касаются только прямого ущерба потерь от сокращения объемов экспорта. Но самые большие угрозы для РФ несет ущерб косвенный — закрытие доступа к высоким технологиям и финансовым рынкам, что усугубляет технологическое отставание страны, подавляя рост ее ВВП. Так, по подсчетам МВФ, санкции привели в 2015 г. к сокращению реального ВВП России на 1,5 %, а дальнейшее их сохранение — к сокращению ВВП еще на 9 % (по оценкам ВШЭ, санкции США, введенные в 2018 г., увеличили отток частного капитала из России с 29 до 49 млрд долл.; рост ВВП составил 1,7 % вместо прогнозируемого ранее 1,9 %, что почти вдвое ниже темпов роста мировой экономики). Наибольший ущерб российским производителям, по оценкам Минэкономразвития, нанесли санкции стран ЕС (2,4 млрд долл.), США (1,1 млрд долл.), Украины (0,8 млрд долл.)⁴².

Помимо западных санкций, на положение РФ на мировой арене влияет ее сугубо сырьевая специализация (российский экспорт более чем на 1/2 состоит из сырьевых товаров), которая не в состоянии обеспечить недостающие импульсы к развитию страны и ставит под угрозу возможность её интеграции в международное сообщество. Также невысок по сравнению с ведущими странами мира выпуск в расчете на душу населения большинства видов инвестиционных товаров и потребительской продукции. РФ продолжает вывозить из развитых стран товары и изделия, в отношении которых правительство

Медведева применяло «драконовские» меры по ограничению их ценовой (например, резко повысило таможенные пошлины на ввоз иномарок в страну в силу того, что продукция отечественного автопрома не является конкурентоспособной). Более прогрессивная структура торговли России сохраняется с постсоветскими странами, где доля российской высокотехнологической продукции около 30 %⁴³. Но этого явно недостаточно, чтобы Россия считалась глобальной экономической державой. Этому мешают несовершенство российского законодательства и неразвитость многих отраслей промышленности, которые тормозят ее экономический рост. Кроме того, кредитный и фондовый рынки РФ недостаточно развиты: первый из-за слабости банковской системы, второй в связи с малочисленностью успешно работающих компаний, акции которых могли бы представлять интерес для иностранных инвесторов. Поэтому объем их инвестиций в технологические инновации несоизмерим с потребностями рынка и экономики страны. По уровню производительности труда РФ тоже отстает от развитых стран: в промышленности этот показатель в 4 раза ниже, чем в США.

Вместе с тем по объему промышленного производства Россия занимает высокие позиции, находясь на 6-м месте мире, а в Европе на 2-м. РФ ежегодно делает крупные взносы в 12 международных организаций, включая и те, в которых преобладают антироссийские настроения (например — в Парламентской ассамблее Совета Европы). По данным Минфина, на статью этих расходов в бюджете 2018—2020 гг. планировалось затратить более 4 млрд долл., но в реальности было выплачено около 5 млрд долл. (в 2019 г. Россия перевела в бюджет ООН 148,409 млн долл. и ежегодно вносит в бюджет ОБСЕ 7,4 млн евро, где царят антироссийские настроения)⁴⁴. Следует также отметить, что в 2019 г. эффективность управления регионами страны снизилась. По сравнению с 2018 г. ее средний балл снизился с 0,619 до 0,595 (худший результат за период наблюдений с 2016 по 2019 г.). Снижение показателей затронуло 53 из 85 субъектов РФ, а в губернаторском корпусе усилилось расхождение между «управленцами, успешно руководящими закрепленными за ними регионами», и руководителями, которые «отстали от времени» в решении социальных проблем⁴⁵.

Хотя на проблему бедности в регионах страны социологи указывали давно, до органов власти она доходила с трудом. В дополнение к этому Госдума упорно сопротивляется введению прогрессивного подоходного налога, который мог бы, по крайней мере, сгладить возмутительный разрыв в доходах депутатов и населения страны. Так, в 2018 г. месячная зарплата депутатов Госдумы выросла до 800 тыс. рублей, что почти в 80 раз (!) превышало минимальный оклад по стране (9489 руб.). Устанавливая самим себе такие оклады, некоторые депутаты защищают интересы крупного бизнеса и предпринимателей, голосуя против введения прогрессивного налога и сняв с себя депутатские полномочия, они рассчитывают получить работу именно в тех структурах, интересы которых они лоббировали. А пока народное недовольство они сглаживают своими рассуждениями в СМИ о «социальном государстве», о стабильности, о «вставании с колен» и т. д. В этом им активно помогают

каналы телевидения, особенно на госдотации, экраны которых в последнее время заполнили передачи о проблемах с Украиной, Балтией и Западом, при крайне малом количестве передач о российских проблемах и мнений видных экспертов о путях их решения.

На этом фоне всё более заметным становится социальное расслоение (на долю 10 % россиян приходится почти 90 % национального богатства), к которому в условиях роста доходов до введения западных санкций граждане страны относились спокойно⁴⁶. Но это продолжалось не долго. По результатам опроса «Центром исследований политической культуры РФ» в 2019 г. было выявлено нарастание протестных настроений в обществе и недоверие к власти в области неоднократных, но так и не выполненных обещаний, решения социальных и иных проблем. Растёт запрос и на смену непопулярных кадров высшего звена руководства страной и на «ремонт» государственной системы в целом. Раздражение у населения страны также вызывает чрезмерное показное богатство узкой прослойки её граждан. Поэтому рост социальной несправедливости всё чаще стал фигурировать в опросах граждан России, которую они оценивают, как одну из опасных угроз для стабильности страны. Так, среди проведенных недавно опросов социологи выявили два наиболее заметных явления: нарастание неопределённости в отношении будущего и связанных с этим опасений; недовольство всё увеличивающимся перепадом в доходах у разных групп населения страны, их отсталостью относительно минимальных зарплат в других странах, даже в таких, как Литва и Черногория, которые не имеют таких богатых ресурсов, как Россия (рис. 1.1.4).

Как следствие в стране стали появляться зачатки «классовой ненависти», которые пока носят пассивный характер, но грозят в перспективе вылиться в «российский бунт». В высших эшелонах власти России своевременно улови-

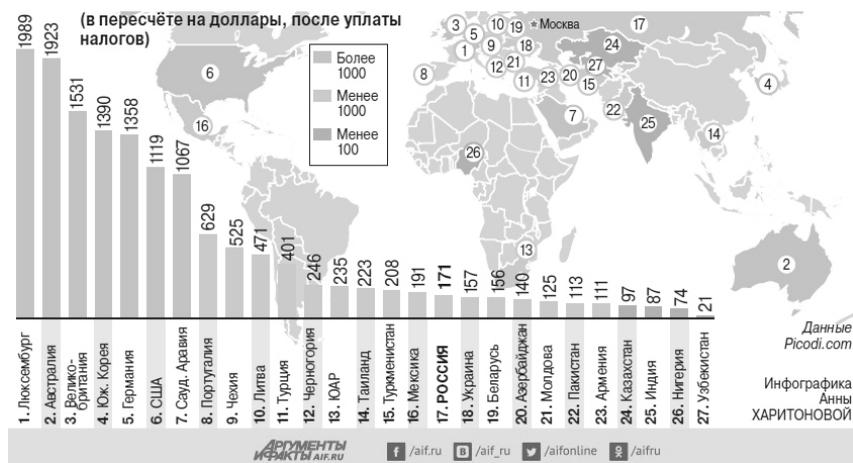

Рис. 1.1.4. Минимальная зарплата в разных странах на начало 2020 г.

Источник: Аргументы и факты. 2020. № 4.

ли тревожные сигналы о нарастании народного недовольства в области внутренней политики и 15 января 2020 г. президент РФ В.В. Путин обратился к Федеральному собранию со своим ежегодным посланием, в котором он предложил пути решения этих проблем. В послании «острейшей проблемой» были названы «низкие доходы значительной части граждан»⁴⁷.

В своем послании В. Путин предложил внести поправки в действующую Конституцию РФ 1993 г., которая создавалась в сложный период становления России, когда в 90-е годы прошлого века ей угрожал распад страны из-за попыток сепаратистов создать на Кавказе «исламский халифат», отделив его от России, а также междоусобицы между бывшими республиками СССР близ российских границ. В то время в руках президента была сосредоточена «супервласть» позволяющая ему при помощи «ручного управления» реагировать на возникающие кризисы. С тех пор ситуация в стране радикально изменилась, что позволяет ей перейти от «суперпрезидентской» республики к парламентской, в которой Госдума и Совет Федерации играют более значимую роль в определении путей стратегического развития.

Поставленные В. Путиным задачи возложены на прагматичный по своему составу кабинет министров РФ во главе с премьером М. Мишустиным, которому приходится искать выход из затянувшейся стагнации отечественной экономики, где ни одну из существующих ее проблем невозможно решить отдельно от других. Поэтому при их решении правительство Мишустина учитывает существующие конкурентные преимущества России в мировой экономике: ее огромные сырьевые богатства и достаточно высокий уровень квалификации рабочей силы; большие масштабы накопленных основных фондов, особенно в промышленности, позволяющие выпускать капиталоемкую продукцию; наличие мощного научно-технического потенциала и уникальных передовых разработок и технологий в ряде секторов промышленности, особенно в оборонной.

Как считает глава Минфина А. Силуанов, дополнительные расходы бюджета на решение ближайших задач развития России составят порядка 4,128 трлн руб. на период до 2024 г. Успешно заработала программа по импортозамещению для стимуляции внутреннего производства, особенно в сельском хозяйстве, а отечественные экспортеры российской продукции на внешний рынок нашли новые рынки сбыта. Таким образом, по мнению экспертов, экономика РФ, которая продолжает находиться под западными санкциями, по многим показателям стабильнее, чем когда-либо⁴⁸.

Подводя итоги анализа роли и места акторов «стратегического треугольника» в современном мире, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, в XXI веке США нацелены на то, чтобы продолжать оставаться на вершине научно-технического прогресса, сохраняя инициативу в области НИОКР, а также выпускать высокотехнологичные изделия, которые являются результатами этого. Оставаясь не превзойденным по совокупной политической и военной мощи государством, США пытаются воплотить в жизнь стратегию доминирования на глобальном уровне в рамках сохранения «однополюсного» мира. Но если в системе международной безопасности военное

могущество США дает призрачное основание говорить о сохранении в некоторой степени такого мира, то для глобальной экономики однополярность исключена, ибо она предполагает множество конкурирующих субъектов. Тем самым глобализация бросает вызов лидерству США в экономической сфере.

Во-вторых, во взаимоотношениях в рамках «стратегического треугольника» по отношению к РФ и КНР США будут продолжать отстаивать интересы сохранения однополярного мира под эгидой Вашингтона. Вследствие этого торговые войны и санкции против них будут продолжены как составная часть провозглашенного курса возрождения «американского величия» на глобальном уровне. Учитывая стратегический характер российско-китайских связей, не исключено, что США могут оказаться в конфликте и с Китаем, и с Россией одновременно, поэтому Белый дом рассчитывает ослабить натиск хотя бы со стороны одного из этих акторов «треугольника», отдалив их друг от друга как можно больше.

В-третьих, долгосрочной целью КНР является сохранение мирной международной обстановки, необходимой для защиты китайских интересов в мире, успешного продвижения глобальных проектов и модернизации страны. Для этого геополитика КНР уже перешагнула ее национальные границы и при помощи активной экономической экспансии стала влиять на перераспределение сфер влияния мировых центров силы в свою пользу, вытесняя другие развитые страны из регионов мира, где они до недавнего времени доминировали. В отличие от США, КНР совместно с Россией выступают за многополярность международных отношений, однако в ближайшей перспективе реальным союзником РФ Китай не станет. Это связано с тем, что он намерен самостоятельно играть более значимую роль в мировых делах, свидетельством чему является инициатива КНР по реализации проекта ОПОП в регионах мира, который нацелен на концепцию глобализации с китайской спецификой, осуществляемой при помощи экспансии Китая в страны, участвующие в этом проекте. Экономический базис для этого уже существует, современный Китай — это страна, занимающая первую строчку на мировой экономической арене.

В-четвертых, президент РФ в этом веке стремится вернуть России статус великой державы на глобальном уровне. Для этого у страны сохранились все основные составляющие — огромный природный потенциал и ракетно-ядерная мощь, служащие опорой в достижении успехов во внешней политике РФ. Однако с учетом продолжающихся западных санкций и специфики российско-китайских отношений возрождение России в глобальном масштабе Москве придется реализовывать самостоятельно, с опорой на ее военную мощь и на своих партнеров по ОДКБ, ШОС и ЕАЭС в тех областях, где их национальные интересы совпадают, ликвидируя при этом многие перекосы в ее развитии в области внутренней политики.

В-пятых, это связано с тем, что враждебные России силы и впредь будут препятствовать ее становлению в качестве мировой державы, вводя по отношению к ней ограничительные меры и санкции под любым предлогом. Другая особенность России заключается в том, что она как экспортер энергоре-

сурсов может оказаться на «обочине» развития глобальных процессов в мире, возглавляемых Китаем, США и ЕС. Это поставит Россию в стратегически невыгодное положение, если она и дальше будет отдавать приоритет экспорту энергоресурсов, не развивая при этом собственную экономику. Также надо учитывать то обстоятельство, что многие страны мира переходят на возобновляемые источники, используя для этого энергию солнца, ветра, морских приливов и т. д., поэтому потребность в природных ресурсах России на международных рынках не будет бесконечной.

В связи с этим важно проанализировать, как выглядит структура взаимоотношений между США, РФ и КНР в рамках их «стратегического треугольника».

1.2. Взаимоотношения акторов «стратегического треугольника»

«Треугольник» американско-российско-китайских отношений стал геополитической реальностью в годы «холодной войны», когда мир оказался расколот на военно-политические блоки во главе с двумя «сверхдержавами» (США и СССР). При этом присоединение Китая к социалистическому лагерю во главе в Советским Союзом стало сокрушительным ударом по международным позициям Соединенных Штатов⁴⁹. Однако их союз просуществовал недолго: уже к концу 1950-х годов между китайским и советским руководством возник серьезнейший конфликт по вопросу о лидерстве в международном рабочем и коммунистическом движении. Председатель Мао претендовал на руководящую роль в этом движении, с чем не могли согласиться советские руководители. Между КПСС и КПК возникли и другие непримиримые идеологические противоречия: китайские товарищи воспринимали советскую внешнюю политику мирного сосуществования с Западом как измену идеалам марксизма-ленинизма. Поэтому к концу 1960-х годов разногласия между СССР и КНР вышли на новый уровень, перестав быть лишь межпартийными и став по преимуществу межгосударственными. Испытания атомного (в 1964 г.), а вскоре — и термоядерного (в 1967 г.) оружия в Китае вызвали серьезную озабоченность в Москве, тем более что превращение КНР в ядерную державу сопровождалось обострением внутриполитической борьбы (в рамках так называемой великой пролетарской культурной революции) и крайне агрессивными заявлениями и действиями китайских руководителей. Очень опасной была и «военная тревога» на советско-китайской границе (август—сентябрь 1969 г.): серия пограничных инцидентов могла перерасти в глобальный конфликт с применением ядерного оружия (во всяком случае, в Москве на достаточно высоком уровне рассматривался в тот период вариант нанесения превентивного ядерного удара по китайской ядерной инфраструктуре)⁵⁰.

И далеко не сразу Вашингтон осознал, какие возможности открывает перед ним советско-китайский конфликт. В связи с этим следует отметить, что

действующий в то время в Штатах «маккартизм» нанес колоссальный ущерб именно американской китаистике, и в течение многих лет американские специалисты по Китаю боялись хотя бы на миллиметр отступить от официальных установок, в соответствии с которыми есть «правильный» Китай — Тайвань и неправильный — материковый Китай, с которым невозможен какой-либо диалог, пока там не произойдет «смена режима».

Новая американская политика в отношении КНР стала возможной только после того, как в конце 1960-х годов США оказались в состоянии глубокого кризиса, столкнувшись одновременно с целым комплексом серьезнейших проблем. Соединенные Штаты в это время утратили былое абсолютное стратегическое ядерное превосходство над СССР, завязли в войне во Вьетнаме, а международное поведение их экономически окрепших союзников в Европе и на Дальнем Востоке стало гораздо более независимым.

Именно администрация Никсона — Киссинджера инициировала американо-китайскую разрядку, стремясь при этом создать более благоприятные условия для американской политики на советском направлении. Как отмечал в связи с этим Г. Киссинджер, «администрация Никсона сумела создать для Советов серьезный стимул вести себя умеренно за счет драматического открытия Китая»⁵¹.

Очевидно, что официальный Вашингтон стремился таким образом сформировать «треугольник» США—КНР—СССР, чтобы Соединенные Штаты заняли наиболее выгодные позиции в этом «треугольнике», поддерживая лучшие отношения с каждым из коммунистических гигантов, чем они — друг с другом. Американо-китайская разрядка помогла американцам одержать верх над так называемым социалистическим лагерем в ходе «холодной войны», а китайцам позволила восстановить нормальные политические и экономические отношения с Соединенными Штатами, что стало важнейшей предпосылкой для мощнейшего роста американо-китайского торгового-экономического сотрудничества.

Кроме того, улучшение американо-китайских отношений во многом помогло Пекину добиться реализации тех целей, которые китайское руководство поставило на рубеже 1970—1980-х годов как условие нормализации советско-китайских отношений (вывод советских войск из Монголии, сокращение советского военного присутствия на Дальнем Востоке, прекращение помощи Вьетнаму в оккупации Вьетнамом Камбоджи, вывод советских войск из Афганистана)⁵².

Настоящая революция произошла и в американо-китайских торговых-экономических связях. Оборот взаимной торговли между Китаем и Америкой, который составлял ничтожные цифры в несколько миллиардов долларов ежегодно в 1970-е годы, достиг 660 млрд долл. в 2018 г.⁵³ Таким образом, США и КНР стали крупнейшими торговыми партнерами друг для друга, а экономические связи между этими гигантами в настоящее время во многом определяют развитие мировой экономики в целом. Тем самым был создан прочнейший экономический фундамент для поступательного развития политического диалога между двумя государствами.

Казалось бы, столь успешная американская политика выстраивания «стратегического треугольника», которая, как уже было сказано, стала одной из причин победы Соединенных Штатов в «холодной войне», должна продолжаться и в постбиполярном мире, в условиях абсолютного и неоспоримого американского лидерства. Этого, однако, не произошло, и конфигурация «стратегического треугольника» после 1991 г. приобрела неожиданные и не всегда устраивающие Вашингтон параметры⁵⁴.

Проблемы российско-американских отношений

После окончания «холодной войны» российские правящие круги возлагали большие надежды на трансформацию взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном, на переход в этих отношениях от конфронтации к сотрудничеству и даже, может быть, к союзу. В первые годы существования новой независимой России тогдашнее российское руководство придерживалось откровенно прозападного курса, рассматривая Запад как «естественного союзника» РФ и стремясь интегрироваться в евроатлантические структуры безопасности и экономического сотрудничества (достаточно вспомнить слова тогдашнего министра иностранных дел РФ А.В. Козырева: «Демократическая Россия должна быть и будет таким же естественным союзником демократических стран Запада, как тоталитарный Советский Союз был естественным противником Запада»)⁵⁵.

Увы, очень скоро выяснилось, что в Вашингтоне склонны рассматривать постсоветскую Россию не столько как равноправного союзника, сколько как партнера «второго сорта», с чьим мнением считаться совершенно необязательно. И если в Москве воспринимали американское направление своей внешней политики как важнейшее, то в глазах американских правящих элит Россия после окончания «холодной войны» стремительно теряла свое центральное место в американской внешней политике. И это касалось всех пунктов российско-американской повестки дня: контроля над вооружениями, региональных конфликтов, экономического сотрудничества.

Хотя и после распада СССР Российская Федерация оставалась единственной в мире страной, способной стереть США с лица Земли термоядерным ударом, в Соединенных Штатах на протяжении 1990-х — начале 2000-х годов крепло убеждение в том, что опасаться надо не столько российской ядерной мощи, сколько слабости российского государства, находившегося тогда на грани распада и исчезновения с политической карты мира. В связи с чем в Вашингтоне пришли к выводу о том, что деградация российских стратегических ядерных сил (СЯС) стала необратимой и Россия более не в состоянии вести ядерную войну против США и их союзников. В официальном Вашингтоне на рубеже 1990—2000-х годов доминировала точка зрения, что Америке следует опасаться не столько прихода к власти в Москве авторитарного, враждебного Западу диктатора, который возродит СЯС России, сколько неконтролируемого распада российского ядерного комплекса, в результате чего материалы и технологии двойного назначения и даже образцы ядерного оружия

могли бы попасть в руки «государств-негодяев» или террористических группировок.

В то же время на протяжении 1990-х годов обострились противоречия между Москвой и Вашингтоном и по региональным проблемам. С одной стороны, Соединенные Штаты действительно были объективно заинтересованы в конструктивном сотрудничестве с Россией в ряде регионов мира, таких как Балканы, Ближний и Средний Восток, Корейский полуостров, постсоветское пространство; и многочисленные заявления американских должностных лиц на сей счет в 1990-е годы представлялись не только данью вежливости. Ведь и в 1990-х годах Россия оставалась одним из крупнейших поставщиков вооружений, военной техники и технологий двойного назначения, и одно это обстоятельство должно было заставить США уделить особое внимание взаимодействию с Москвой в сфере урегулирования региональных конфликтов.

Тем не менее, и в этой области двусторонних отношений США предпочитали в 1990-е годы рассматривать Россию как младшего партнера, что, естественно, было совершенно неприемлемо для Москвы. При этом Вашингтон не собирался предоставлять Москве право вето даже по тем вопросам, которые непосредственно затрагивали российские интересы в Европе и других регионах мира, в том числе и по вопросу о расширении НАТО на Восток или применении силы в обход СБ ООН⁵⁶.

Но, пожалуй, самым серьезным негативным итогом развития российско-американских отношений в 1990-х годах было то обстоятельство, что сторонам так и не удалось выйти за рамки той повестки дня в двусторонних отношениях, которая сложилась еще в период разрядки 1970-х годов, где ключевую роль играли военно-политические проблемы этих отношений (ограничение и сокращение вооружений, предотвращение развязывания термоядерной войны в результате просчета или случайности), региональные проблемы и лишь в качестве довеска, не играющего никакой существенной роли, были торгово-экономические, научно-технические, экологические и гуманитарные аспекты взаимоотношений между двумя «сверхдержавами». На протяжении 1990-х годов так и не сформировалась ситуация экономической взаимозависимости между США и РФ. Так, российские товаропроизводители столкнулись с дискриминационными мерами на американском рынке уже в 1990-е годы. США не проявили готовность открыть свои рынки перед российскими товаропроизводителями, прежде всего перед металлургами.

С еще большими проблемами столкнулись российско-американские отношения на протяжении 2000-х годов, когда Российская Федерация предприняла попытку укрепить свои позиции на международной арене. Слабость постбиполярной России воспринималась в Соединенных Штатах как естественное следствие победы в «холодной войне». Поэтому стремление РФ укрепить свои позиции в мире (в том числе и военные) в XXI веке стало восприниматься западными элитами как недопустимый реваншизм, которому следует дать решительный отпор⁵⁷. При этом значение диалога с Москвой по проблемам контроля над вооружениями, в том числе и ядерными, оставалось крайне низким на шкале приоритетов официального Вашингтона.

Эти американские подходы к России не изменились в принципе и после прихода к власти администрации Б. Обамы: многие представители американской политико-академической элиты продолжали рассматривать Россию как «исчезающе малую величину на арене мировой политики». Так, в своём интервью «Уолл-стрит джорнал» в июне 2009 г. тогдашний вице-президент США Дж. Байден сказал, что российская экономика «увядает» («у них сужающаяся демографическая база, у них увядающая экономика, их банковский сектор и инфраструктура вряд ли выживут в ближайшие 15 лет»), и в этих условиях Россия будет вынуждена пойти на уступки Западу по широкому спектру проблем национальной безопасности, в том числе и в российском «ближнем зарубежье»⁵⁸.

Некоторые эксперты-международники шли ещё дальше, предрекая России неизбежный распад и исчезновение с международной политической арены. «Часть истеблишмента США полагает, что Россия находится в процессе медленного распада и объективного затухания как мощная и единая страна... что будет означать окончательный уход России с мировой арены в качестве важного игрока и радикальный передел сфер влияния в мире», — утверждал директор российских и азиатских программ вашингтонского Института мировой безопасности Н.В. Злобин⁵⁹.

Постепенно российская элита начала осознать, что нормальный двусторонний диалог в российско-американских отношениях становится просто невозможным. Как сказал министр иностранных дел РФ, «что касается российско-американских отношений, по сути дела, эта тема бездонная и можно говорить очень долго. Наверное, самое главное здесь заключается в том, что нынешняя администрация США проводит тезис, который был присущ всем без исключения ее предшественникам, а именно — Америка превыше всего — наиболее жестко, если не сказать, агрессивно. Это такие очень простые прямые действия, которые с дипломатией уже мало чего общего имеют. Если партнер отказывается, его начинают прижимать, подвергать ограничениям, санкциям, ультиматумам, угрожать. Я не думаю, что это перспективный метод ведения дел в мире, но таковы философия и образ действия нынешней администрации»⁶⁰.

Анализируя американские подходы к российско-американским отношениям, нельзя не отметить, что в американских кругах расставляют приоритеты в этих отношениях совсем не так, как это делают в Москве. Вот что говорится, например, в утвержденной президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подорвать американскую безопасность и процветание. Они полны решимости сделать экономику менее свободной и менее справедливой, увеличить численность своих вооруженных сил и контролировать информацию, чтобы проводить репрессии в отношении своих обществ и расширять свое влияние»⁶¹.

А вот что говорится о России в Национальной оборонной стратегии США (утверждена министром обороны Дж. Мэттисом в феврале 2018 г.): «Центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является-

ся восстановление долгосрочного стратегического соперничества со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится все более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью»⁶².

Таким образом, по мнению нынешней американской администрации, причиной осложнений в российско-американских отношениях являются не какие-то недружественные, несоответствующие американским интересам шаги России на международной арене, а само существование «авторитарной» Российской Федерации, которая, дескать, хочет, как было сказано в Национальной оборонной стратегии, «изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью».

При всем критицизме администрации Дж. Байдена по отношению к политике Трампа вышеописанный подход к России был унаследован этой администрацией от ее предшественницы. Так, в своем выступлении в государственном департаменте США президент Байден назвал Россию противником, который якобы стремится к «вмешательству в наши выборы, кибератакам, отравлению своих граждан». В связи с этим Байден пообещал, что «мы без колебаний поднимем цену для России и будем защищать наши жизненные интересы и наш народ»⁶³.

В соответствии с данным подходом, который разделяется подавляющим большинством американской политико-академической элиты, на первый план выходят не политические, а идеологические проблемы. Так, в опубликованном в январе 2018 г. влиятельным Советом по международным отношениям докладе «Сдерживание России. Как реагировать на вмешательство Москвы в американскую демократию и растущий геополитический вызов» говорится прежде всего об идеологической борьбе между Россией и Америкой как о главной причине обострения отношений между двумя нашими странами: «С каждой неделей растет число доказательств того, что Россия вмешивалась в президентские выборы 2016 г., а также в политику и общество США в целом... Помимо попыток вмешательства в выборы, Россия продолжает усилия, чтобы сеять и усугублять раскол среди американцев... В течение 2017 г. Москва продолжала финансировать и направлять усилия на разжигание расовой, религиозной и культурной неприязни в обществе, настраивая американцев друг против друга и многих их политиков... посягательства на американское чувство национального единства могут существенно ослабить основополагающие институты и общие убеждения, которые составляют суть Соединенных Штатов и имеют решающее значение для их прочного успеха. Угрозы нарастания внутренней розни и ослабления доверия к национальным институтам столь же велики, как и любая традиционная угроза национальной безопасности за исключением нападения с применением ядерного оружия, с которой сегодня сталкиваются Соединенные Штаты»⁶⁴.

В этих условиях в силу целого комплекса внутривнутриполитических и идеологических причин Вашингтон не готов к нормальному диалогу с российской стороной. Как полагает профессор Т.А. Шаклеина, американские представления о постбиполярном миропорядке совершенно неприемлемы для

России (и, кстати, других центров силы в современном мире): «Ошибка, которую допустили США, состоит в том, что они превратили свою идеологию уникальной американской глобальной миссии в движущую силу в отношениях с остальным миром и с Россией. Американское видение миропорядка неприемлемо для России. Россия с самого начала отвергала гуманитарные военные интервенции, нарушающие суверенитет независимых государств, возвращение к наращиванию вооружений и расширению их военного блока — НАТО»⁶⁵.

Американо-китайские отношения после окончания «холодной войны»

Следует отметить, что в последние годы между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой наметился рост серьезных противоречий и в военно-политической, и в экономической сфере. В американских политических кругах заговорили о новой «холодной» (и даже, возможно, «горячей») войне между двумя странами. В чем причина этого обострения между Пекином и Вашингтоном?

Как отмечалось в утвержденной президентом Б. Обамой в мае 2010 г. Стратегии национальной безопасности (СНБ) США, Вашингтон будет проводить свои интересы в АТР через укрепление союзнических отношений с традиционными американскими союзниками в регионе, но одновременно будет развивать и партнерские отношения с «растущими державами» и поддерживать многосторонние организации, такие как АТЭС, АСЕАН и «Транстихоокеанское партнерство». «Мы будем и впредь поддерживать позитивные, конструктивные и всесторонние отношения с Китаем, — указывалось в документе. — Мы будем приветствовать роль Китая в качестве ответственного лидера во взаимодействии с Соединенными Штатами и международным сообществом в решении таких приоритетных проблем, как экономическое восстановление, изменение климата и нераспространение». При этом, однако, в СНБ-2010 подчеркивается, что Вашингтон «будет следить за программой военной модернизации Китая и принимать меры, чтобы интересам США, их союзников, как региональных, так и глобальных, не был нанесен ущерб»⁶⁶.

Конкретизируя эти положения СНБ-2010, Национальная военная стратегия США 2011 г. указывала на необходимость поддержания тесных партнерских отношений с такими странами, как Южная Корея, Япония, Филиппины, Австралия, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Таиланд. Что касается Китая, то в Национальной военной стратегии, с одной стороны, говорилось о желательности поддержания всестороннего военного сотрудничества с КНР, особенно в таких областях, как борьба с пиратством, безопасность на Корейском полуострове и предотвращение распространения оружия массового уничтожения, а с другой — отмечалось, что «мы по-прежнему озабочены масштабами и стратегическими целями китайской военной модернизации и ее напористостью в космическом пространстве, киберпространстве, в Желтом море, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Чтобы защитить американские интересы и интересы наших партнеров, мы готовы

продемонстрировать волю и выделить ресурсы, необходимые для противостояния действиям любой страны, препятствующей свободе мореплавания и освоению космического пространства или угрожающей безопасности наших союзников»⁶⁷.

Как отметил тогдашний глава Тихоокеанского командования адмирал Р. Уиллард, выступая перед сенатским Комитетом по делам вооруженных сил в феврале 2011 г., «хотя модернизация вооруженных сил объяснима ввиду роста регионального и глобального значения Китая... масштабы и скорость этой модернизации, при отсутствии ясности конечных целей Китая, внушают тревогу. Например, КНР продолжает ускорять развитие своих наступательных военно-воздушных и ракетных сил без соответствующих публичных разъяснений о том, как эти силы будут использованы. Особую озабоченность вызывает создание новых типов баллистических и крылатых ракет (включая и противокорабельные) и развитие современных боевых самолетов 4-го и 5-го поколения пониженной радарной заметности. Одновременно Китай развивает свои возможности по ведению военных действий в космосе и киберпространстве... Особую озабоченность вызывают действия Китая на море. Недавние официальные заявления и действия китайской стороны в отношении того, что в Пекине называют «ближними морями», представляют собой прямой вызов общепринятому пониманию международного права и установившимся международным нормам. Хотя Китай не выступил с требованиями правового характера на все это водное пространство, он стремится исключить или ограничить иностранную и особенно американскую военно-морскую и военно-воздушную активность в «ближних морях» — в акватории, охватывающей пространство от береговой линии Китая до... Японии, Тайваня, Филиппин и Индонезии, и включающей Бохайский залив, Желтое море, Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море»⁶⁸.

Серьезную озабоченность у американской стороны вызвала и достаточно сдержанная реакция высшего руководства Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на американские инициативы о развитии военного сотрудничества. Как отметил в своей статье в «Нью-Йорк таймс» в июле 2011 г. тогдашний председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал М. Мэллен: «У нас все еще нет диалога с китайцами с глазу на глаз по вопросу о военных операциях в Южно-Китайском море. Мы все еще не в полной мере понимаем объяснение китайцами быстрого роста их оборонных расходов или долгосрочных целей их военной модернизации»⁶⁹.

Во всяком случае, во времена Обамы в США предпочитали рассматривать Китай пусть как проблемного, но все же как партнера Соединенных Штатов. В ходе своего визита в КНР в 2009 г. президент США Б. Обама предложил китайскому руководству глобальное партнерство в формате «большой двойки» для разрешения наиболее крупных мировых проблем, начиная от изменения климата до устранения финансовых дисбалансов в мировой экономике. Но китайцы не заинтересовались предложением Б. Обамы, прекрасно отдавая себе отчет в том, что этот американо-китайский альянс будет, так сказать, союзом всадника и лошади, причем роль всадника американцы отве-

ли себе. В конечном итоге США сменили концепцию «G-2» на концепцию укрепления союзнических связей со своими традиционными союзниками в Азии (в формате Транстихоокеанского партнерства). В Вашингтоне пришли к выводу о том, что «Китай... представляет собой самую большую долгосрочную стратегическую угрозу для свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и для Соединенных Штатов»⁷⁰. В Пекине в свою очередь разглядели в этом новом американском сценарии попытку стратегического окружения Китая.

По словам главы Индо-Тихоокеанского командования США адмирала Ф. Дэвидсона, «за последние 20 лет Пекин предпринял огромные усилия по развитию и модернизации Народно-освободительной армии Китая. НОАК является главной угрозой интересам США, американским гражданам и нашим союзникам внутри первой островной цепи — термин, который относится к островам, которые проходят от севера Японии через Тайвань, Филиппины и Индонезию — и НОАК быстро наращивает свою способность проецировать мощь и влияние за пределы первой островной цепи. Пекин прилагает большие усилия по количественному наращиванию, качественному совершенствованию своих вооруженных сил». Особую озабоченность командующий выразил по поводу утраты американского некогда неоспоримого превосходства в воздухе, под водой, в космосе и киберпространстве⁷¹.

В связи с этим было указано на необходимость укрепить противоракетную оборону США в Индо-Тихоокеанском регионе, принять на вооружение тяжелую торпеду USINDOPACOM, увеличить инвестиции в боеприпасы, способные уничтожать хорошо защищенные цели, а также в гиперзвуковое оружие и системы борьбы с беспилотниками⁷².

Оценивая перспективы военного конфликта между США и КНР, американские военные эксперты обращают внимание в первую очередь на ситуацию в Южно-Китайском море, где китайцы ведут активное строительство и оборудование военно-морских и военно-воздушных баз на спорных островах архипелага Спратли, на которые претендуют КНР, Тайвань, Вьетнам, Малайзия, Бруней и Филиппины. Сотрудники корпорации РЭНД полагают, что американо-китайский вооруженный конфликт может возникнуть в результате маневров американских надводных кораблей вблизи этих спорных островных владений в Южно-Китайском море⁷³.

Некоторые американские специалисты рассматривают именно ситуацию вокруг Тайваня как возможную причину вооруженного столкновения США и КНР. Так, по мнению американского исследователя китайского происхождения М. Пея, «вероятно, самым опасным следствием тайваньской политики Китая является вызываемое ею повышение напряженности в отношениях с США. Будучи главным защитником фактической независимости Тайваня, США уже предприняли ряд шагов, чтобы обозначить свою позицию: Америка не будет просто сидеть сложа руки и наблюдать, как Китай пытается грубо подчинить остров... До сих пор Китай отвечал на подобные вызовы своей «политике одного Китая» усилением давления на Тайвань, тем самым, сохраняя крайне опасную динамику, причём ровно в тот момент, когда америка-

но-китайские отношения уже и так накалены. Если руководство Китая не разорвёт этот порочный круг, эскалация волевого противостояния с США может перерасти в прямой конфликт»⁷⁴.

Очевидно, что в Вашингтоне отдают себе отчет в масштабах китайской военной угрозы, однако в американских правящих кругах не сводят китайский вызов стратегическим интересам США в АТР лишь к потенциалу НОАК. Ведь этот впечатляющий рост китайской военной мощи взаимосвязан с поступательным подъемом экономики Китая. Так, в 2014 г. по размерам своего ВВП КНР вышла на 1-е место в мире, обогнав США. И темпы роста китайской экономики продолжают превосходить американский показатель в 3 раза.

И дело, разумеется, не только в национальной гордости американцев, привыкших во всем, и прежде всего в экономической сфере, быть самыми первыми. Американцев тревожат более практические вопросы — такие, как неуклонный рост отрицательного сальдо американско-китайского торгового баланса, достигшего 345,6 млрд долл. в 2017 г. Беспokoит американцев и специфическое отношение китайских партнеров к проблеме интеллектуальной собственности. Эта ситуация вызывает глубокое разочарование у многих американских специалистов по Китаю. Ведь со времен реформ Дэн Сяопина в американском политико-академическом сообществе доминировала точка зрения, что по мере экономического прогресса, увеличения внешней торговли, расширения сотрудничества с США и Западом Китай неизбежно будет продвигаться по пути демократии по-американски.

Как отмечает индийский исследователь из Центра политических исследований в Нью-Дели Б. Челланей: «От Ричарда Никсона до Барака Обамы сменявшие друг друга президенты США рассматривали помощь экономическому росту Китая как вопрос национальных интересов; действительно, Джимми Картер однажды выпустил президентскую директиву, в которой заявил об этом. Даже когда Китай бросил вызов правилам мировой торговли, заставил компании делиться своей интеллектуальной собственностью и нарастил свои военные мускулы, США держались за наивную надежду, что по мере того, как Китай становится все более процветающим, он, естественно, будет проводить экономическую и даже политическую либерализацию».

«Этого, однако, не произошло, — отмечает Челланей. — Вместо этого Китай занял центральное место в глобальных производственных цепочках создания стоимости, поскольку бесчисленное множество компаний переместили свое производство в эту страну — в том числе из США — сохраняя при этом свои рынки, политику и людей под жестким контролем. На самом деле китайская диктатура еще больше укрепилась в последние годы, поскольку Коммунистическая партия Китая использовала цифровые технологии для создания государства слежки. Между тем американский дефицит в двусторонней торговле вырос в последние годы на триллионы долларов»⁷⁵.

«Китайский вопрос», однако, не сводится лишь к отсутствию экономической и политической либерализации в КНР. Американский политический класс весьма обеспокоен ростом глобального экономического и политиче-

ского присутствия Китайской Народной Республики. Так, в своем выступлении в Гудзоновском институте вице-президент США Р. Пенс обвинил Пекин не только в опасном сближении китайских боевых кораблей с американским эсминцем в районе островов Спратли, но и в том, что Китай использует «дипломатию долга» для расширения своего влияния во всем мире. «Сегодня эта страна предлагает сотни миллиардов долларов инфраструктурных кредитов правительствам от Азии до Африки, от Европы до Латинской Америки, — с огорчением отметил вице-президент США. — Тем не менее, условия этих кредитов в лучшем случае непрозрачны, и выгоды получает в подавляющем большинстве случаев Пекин». По словам Пенса, Пекин протянул спасательный круг «коррупционному и некомпетентному режиму Мадуро в Венесуэле», пообещав 5 млрд долл. кредитов, которые могут быть погашены нефтью. В ходе своего выступления вице-президент выдвинул в адрес Пекина обвинение, которое до того американцы выдвигали исключительно в адрес Москвы: «Разведывательное сообщество США определило, что Китай нацелен на американские государственные и местные органы власти и чиновников, чтобы использовать в своих интересах любые разногласия между федеральным и местным властями»⁷⁶.

Пытаясь нащупать выход из сложившегося положения, некоторые американские эксперты указывают на необходимость возвращения к нормальному диалогу между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой. Так, директор Азиатской программы Фонда Карнеги за международный мир Д. Паал с огорчением отметил, что в органах исполнительной власти США, отвечающих за развитие отношений с Китаем, произошла смена поколений — ушли те американские должностные лица, которые еще помнили, каким был дореформенный Китай и каким громадным был социально-экономический и технологический прогресс, достигнутый этой страной с конца 1970-х годов. На смену им пришли молодые бюрократы, для которых Китай ассоциируется прежде всего с тем, что в Вашингтоне считают нечестной торговой практикой, кражей интеллектуальной собственности, агрессивным поведением в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, подрывом финансового здоровья тех стран, которые участвуют в китайской инициативе «Один пояс, один путь».

«Будет справедливым заметить, — подчеркивает Паал, — что слабость исторической памяти не является чем-то новым для Америки. Наши избирательные циклы и культура, ориентирующаяся на будущее, усиливают тенденцию спрашивать, «что вы сделали для меня хорошего в последнее время», а не «как мы можем опираться на прошлое сотрудничество?». Не каждый американский промах в отношении прошлого или приличия должен быть прощен»⁷⁷.

Российско-китайские отношения: союз или партнерство?

Единственное, чего добились сменяющие друг друга американские администрации своими попытками шантажировать как Китай, так и Россию — то дальнейшее сближение между ними, причем на явно антиамери-

канской основе. Китаю есть что ответить на американский нажим, и укрепление связей с Россией в различных областях (в том числе и в области военно-технического сотрудничества) — один из вариантов такого ответа. Как полагает российский эксперт С.Г. Лузянин: «Очевидно, что стратегическое противостояние США и их союзников, с одной стороны, КНР и России — с другой, в 2018 г. вышло на уровень открытого взаимного сдерживания и «холодной» борьбы во всех сферах — военно-политической, экономической и идеологической. Москва и Пекин вынуждены иметь в своем арсенале различные сценарии ответов на ужесточающийся американский вызов. Сознательно сохраняя несоюзнический статус, обе державы качественно расширяют повестку сотрудничества, охватывая все новые и новые уровни глобальных и региональных процессов — от борьбы с терроризмом в «горячих» точках и тесного взаимодействия в Совете Безопасности ООН практически по всем актуальным вопросам до продвижения различных проектов и инициатив в БРИКС, ШОС, на евразийском континенте — «Один пояс, один путь» + ЕАЭС и др.»⁷⁸.

При этом следует понимать, что взаимное российско-китайское сближение началось еще задолго до того, как в середине 2010-х годов обострились и российско-американские, и американско-китайские отношения. Процесс устойчивого улучшения взаимоотношений между Москвой и Пекином начался еще 30 лет тому назад, после того как советская сторона выполнила те условия, которые власти КНР рассматривали как предпосылку для улучшения двусторонних отношений. Огромное значение для возобновления нормального диалога между двумя странами имел визит генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Китай в мае 1989 г.

Дальнейшее сближение двух стран имело под собой очень весомые основания. Один из ведущих российских китаистов А.В. Лукин указал на 8 ведущих причин российско-китайского сближения.

Общее стремление двух стран к уходу от однополярного и переходу к многополярному миру. В мире, в котором доминируют США и их западные союзники, Россия и Китай не видят возможности обеспечения своих интересов.

Стремление сохранить систему международного права, основанную на принципе суверенитета государств, ядром которой является ООН и ее Совет Безопасности. Будучи единственными представителями незападного мира в СБ ООН, и Москва, и Пекин заинтересованы в сохранении ведущей роли этого органа, так как право вето уравнивает их влияние с влиянием Запада.

Позиции России и Китая по региональным конфликтам близки или совпадают.

Россия и Китай заинтересованы в реформировании международной финансовой системы, увеличении роли незападных государств во Всемирном банке и МВФ, расширении использования региональных валют в международной торговле и т. д.

Россия и Китай необходимы друг другу как торгово-экономические партнеры. В то время как Китай является основным торговым партнером

России, Россия поставляет Китаю товары, которые он не может приобрести у других поставщиков вообще или же по приемлемой для КНР цене.

РФ и КНР имеют одну из самых протяженных общих границ в мире, и поэтому такое большое значение для наших двух стран имеет приграничное сотрудничество между российскими регионами Сибири и Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая.

Россия и Китай активно сотрудничают в Центральной Азии, и прежде всего в формате Шанхайской организации сотрудничества. У Москвы и Пекина в этом регионе общие интересы: экономическое развитие ЦА, поддержание там политической стабильности и сохранение у власти светских режимов.

И в России, и в Китае не приемлют ценностей, которые Запад навязывает всему миру в качестве «универсальных» и «всеобъемлющих». Общее отрицание западной идеологии сближает наши две страны⁷⁹.

В свою очередь такой эксперт по американско-китайским отношениям, как С.М. Труш, указал на военную политику администрации Трампа как на фактор российско-китайского сближения в военно-политической сфере: «При данной динамике действий США Россию и Китай неизбежно подталкивали к выводу о том, что более тесная военно-политическая связка между РФ и КНР — это самый действенный и самый сильный ход Москвы и Пекина в противодействии администрации Д. Трампа»⁸⁰.

Таким образом, надежды США и их союзников на сохранение в российско-китайских отношениях после окончания «холодной войны» той враждебности, которая была характерна для советско-китайских отношений 1960—1980-х годов не оправдались. За последние 30 лет Москве и Пекину удалось завершить демаркацию российско-китайской границы, полностью сняв тем самым сильнейший раздражитель в отношениях двух азиатских гигантов.

Далее, советско-китайское военное противостояние сменилось в постбиполярную эпоху военно-техническим сотрудничеством Москвы и Пекина, которое включает в себя не только поставки готового российского вооружения, но и поставки комплектующих для вооружения и военной техники (ВВТ) КНР, а также организацию лицензионного производства вооружения на территории КНР. Кроме того, китайцы активно осваивают российские инновационные технологии посредством обмена специалистами с РФ.

В последние годы активизировалось и военное сотрудничество между КНР и РФ. Практически ежегодно проходят широкомасштабные военные учения с участием военнослужащих двух стран. Так, в 2018 г. до 3200 военнослужащих НОАК приняли участие в учениях «ВОСТОК-2018» на территории российского Дальнего Востока⁸¹. А в 2019 г. в учениях «ЦЕНТР» приняли участие 1,6 тыс. китайских солдат и офицеров и 300 единиц военной техники. В том же году состоялись российско-китайские учения «Морское взаимодействие-2019» в районе Циндао.

За последние 30 лет был отмечен быстрый рост двусторонних торговых-экономических связей РФ и КНР. Двусторонний торговый оборот превысил 100 млрд долл., и Китай таким образом стал крупнейшим внешнеторго-

вым партнером России. В ходе визита президента РФ В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. были подписаны новые российско-китайские договоренности, которые должны вывести отношения между двумя странами на более высокий уровень. Особое значение имеет в связи с этим контракт о поставках российского газа в КНР на 30 лет общей стоимостью в 400 млрд долл.

«Но дело не ограничивается только энергетикой или углеводородной энергетикой, — отметил российский лидер. — Мы продолжаем наши дискуссии по атомной энергетике, по современным и перспективным видам работы в энергетической сфере, в том числе по альтернативным источникам. Мы большое значение придаём сотрудничеству в высокотехнологичных сферах: это авиастроение, это изучение космического пространства, медицина. Ну и для Китая, и для России очень важно сотрудничество в валютно-финансовой области»⁸².

Россия и Китай активно взаимодействуют и в многостороннем формате, в рамках созданной в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая фактически является противовесом Соединенным Штатам и их евроазиатской политике.

В ходе третьей встречи с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» президент РФ В.В. Путин, отвечая на вопрос о Шанхайской организации сотрудничества, в частности, сказал: «Мы не планировали, что ШОС получит такое звучание и такое развитие, какое она получает... Просто после крушения биполярного мира существует явная потребность в том, чтобы в мире появились какие-то центры силы и влияния. Это просто объективная реальность. Конечно, когда мы это видим, мы соответствующим образом и реагируем. Но мы этого не планировали»⁸³.

Действительно, расширение формата ШОС и функциональное, и территориальное, явилось полной неожиданностью как для специалистов-международников, так и для профессиональных политиков, дипломатов и военных. Видимо, укрепление международных позиций ШОС, в том числе и в сфере борьбы с международным терроризмом — неслучайно. В Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества (15 июня 2001 г.) говорится о «шанхайском духе», который характеризуется «взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию». И далее: «Государства — участники Шанхайской организации сотрудничества твердо придерживаются... принципов взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах»⁸⁴.

Таким образом, в рамках ШОС никто не стремится навязывать своим партнерам по коалиции собственные представления об идеальном мироустройстве. В Шанхайской организации сотрудничества не выставляют «оценок» за «демократическое» или «недемократическое» поведение; отсутствует там и практика вмешательства во внутренние дела друг друга под предлогом

«защиты прав и свобод человека». С самого начала своего существования ШОС была ориентирована не на достижение каких-то абстрактных целей, а на решение реальных проблем своих членов. Этот прагматичный подход доказал свою жизнеспособность.

Подводя итог анализу взаимоотношений России, США и Китая, можно сделать следующие *выводы*.

Во-первых, за последние 30 лет произошла серьезнейшая трансформация того стратегического треугольника Америка — Китай — Россия, который сложился в 1970-х годах. С одной стороны, поражение в «холодной войне» и распад СССР резко ослабили позиции Москвы по отношению к Вашингтону и Пекину. С другой — резко усилившиеся позиции Китая радикальным образом изменили его положение в формате стратегического треугольника. Наконец, и это главное, американские правящие круги утратили способность проводить реалистическую политику на международной арене, что, собственно, и открывало в прошлом перед Соединенными Штатами возможность выстраивать этот самый стратегический треугольник в своих интересах.

Во-вторых, в годы «первой» «холодной войны», поддерживая лучшие отношения с СССР и КНР, чем последние — друг с другом, США занимали прочные позиции на вершине стратегического треугольника. А в настоящее время враждебная политика Соединенных Штатов в отношении России и Китая способна лишь подтолкнуть их к взаимному сближению.

В-третьих, тем не менее, проблема состоит в том, что в своей внешней политике Вашингтон руководствуется не столько интересами, сколько идеалами. Разумеется, в Соединенных Штатах есть и те, кто считает, что Америка должна строить свою внешнюю и, в частности, российскую и китайскую, политику на основе интересов, то есть на реалистической основе — но таких там сейчас немного. Увы, сегодня в США слово «реалист» — это очень плохое слово, и влияние реалистов в американских «коридорах власти» в настоящее время практически равно нулю.

Как показано ниже, руководствуясь подобными подходами, американская сторона выстраивает свою политику не только в отношении России и Китая, но и всего международного сообщества в целом.

1.3. Американская модель глобального миропорядка

Крах американоцентричного миропорядка

В последние годы американская политико-академическая элита была вынуждена серьезно пересмотреть роль и место США в современном мире. Настроения триумфализма, превалировавшие в американском политикуме на протяжении первых двух десятилетий постбиполярной эпохи, сменились ощущением тревоги и неуверенности в сохранении американского лидерства.

Так, еще в 2015 г. тогдашнее американское руководство не сомневалось в безальтернативности и несокрушимости американского лидерства в мире. Как писал Обама в предисловии к Стратегии национальной безопасности

2015 г., «сегодня Соединённые Штаты — сильнее и находятся в лучшем положении для того, чтобы воспользоваться возможностями нового столетия и оградить наши интересы от рисков беспокойного мира... Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины — Америка должна быть лидером»⁸⁵.

А вот у тех, кто работал над Стратегией национальной безопасности 2017 г., утвержденной президентом Д. Трампом (СНБ-2017), оптимизма насчёт американского лидерства уже существенно меньше. В документе прямо говорится об «американском обновлении и восстановлении американского лидерства... Америка, которая в безопасности, процветает и свободна — это Америка, которая сильна, уверена в себе и которая будет лидировать за рубежом»⁸⁶. Но если американское лидерство надо «восстанавливать», то это значит, что его в настоящее время нет.

Оценивая международное положение и место США в современном мире, представители американского академического сообщества обращают внимание на серьёзный кризис того либерального миропорядка, в создание которого Америка внесла столько сил и средств. Как сказал председатель Совета по международной политике США Р. Хаас: «Либеральный порядок также демонстрирует признаки разрушения. Авторитаризм находится на подъёме не только в Китае и России, но и на Филиппинах, в Турции и Восточной Европе. Глобальная торговля выросла, но последние раунды торговых переговоров завершились ничем, а Всемирная торговая организация (ВТО) оказалась неспособна справиться с ключевыми вызовами сегодняшнего дня, включая нетарифные барьеры и крах интеллектуальной собственности. Растет недовольство использованием доллара для введения санкций, беспокойство также вызывает увеличение долга США»⁸⁷.

В свою очередь один из ведущих американских неоконсерваторов Р. Кейган указал на упадок либерализма и рост антилиберальных тенденций в современном мире. «В короткую эпоху либеральной гегемонии, последовавшую за окончанием «холодной войны», мы не испытывали беспокойства, потому что не замечали, как авторитаризм постепенно восстановил свою власть и свой голос как самый прочный и грозный вызов либерализму, — отметил он. — В России, например, мы считали, что коммунизм был побежден либерализмом, и в каком-то смысле так оно и было, но победителем в посткоммунистической России был не либерализм».

И этот кризис либерализма, по мнению Кейгана, не был случайным: «Предпосылка, лежащая в основе этих (либеральных) убеждений, заключалась в том, что все люди во все времена стремились прежде всего к признанию своей внутренней ценности как личности и защите от всех традиционных угроз их свободе, их жизни и их достоинству, исходящих от государства, церкви или общины. Но это всегда было неполное описание человеческой природы. Люди жаждут не только свободы. Они также стремятся к безопасности — не только физической безопасности от нападения, но и безопасности, которая исходит от семьи, племени, расы и культуры. Часто люди при-

ответствуют сильного, харизматичного лидера, который может обеспечить такую защиту»⁸⁸.

Следует отдать должное американским исследователям — они не сводят причину кризиса либерального миропорядка лишь к появлению харизматичных «авторитарных» лидеров, вроде В.В. Путина или В. Орбана. Этот кризис, по мнению большинства представителей американского экспертного сообщества, объясняется некоторыми особенностями постбиполярного либерального американоцентричного миропорядка.

Многие американские эксперты обращают внимание на то обстоятельство, что Соединенные Штаты как раз после окончания «холодной войны» в значительной мере утратили интерес к окружающему миру. «Самая большая ошибка, которую совершили Соединенные Штаты во время своего «момента однополярности», и с Россией, и в более общем плане, состояла в том, чтобы просто перестать обращать внимание (на положение дел в мире). После распада Советского Союза американцы хотели вернуться домой, и они это сделали. Во время «холодной войны» Соединенные Штаты проявляли глубокий интерес к событиям в Центральной Америке, Юго-Восточной Азии, Тайваньском проливе и даже в Анголе и Намибии. К середине 1990-х годов они потеряли всякий интерес к миру», — отметил, в частности, Ф. Закария, один из наиболее влиятельных американских экспертов-международников. — Как Белый дом, так и Конгресс во времена администрации Джорджа Буша-старшего не имели ни аппетита к амбициозным усилиям по преобразованию России, ни интереса к разворачиванию новой версии плана Маршалла или глубокому участию в судьбе этой страны. Они (американцы) давали советы, по большей части рассчитанные на то, чтобы избежать оказания помощи со стороны Вашингтона, но их позиция состояла в выражении благих намерений, а не в том, чтобы быть вовлеченной сверхдержавой».

Как следствие, американское лидерство, как указывает Закария, стало вызывать все больше сомнений: «Американские политики все еще хотели преобразовать мир в 1990-х годах, но задешево. У них не было политического капитала или ресурсов, чтобы действовать в этом направлении. Это была одна из причин, вследствие которой советы Вашингтона зарубежным странам всегда были одинаковыми: экономическая шоковая терапия и мгновенная демократизация. Все более медленное и сложное — то есть все, что напоминало бы то, как сам Запад либерализовал свою экономику и демократизировал свою политику, — было объявлено неприемлемым. В результате получилась пустая гегемония. И эта пустота сохраняется»⁸⁹.

Р. Хаас также указывает на недостатки американского лидерства как одну из важнейших причин кризиса либерального миропорядка: «США в свою очередь переоценили свои возможности, попытавшись переделать Афганистан, вторгнувшись в Ирак и осуществив смену режима в Ливии. В то же время они отступили от поддержания глобального порядка и в некоторых случаях несут ответственность за бездействие. Нежелание Соединенных Штатов принимать меры в основном касалось второстепенных вопросов, которые лидеры считали не заслуживающими внимания и затрат, как война в

Сирии. США не отреагировали на первое применение химического оружия и не оказали существенной помощи оппозиционным группировкам. Такое поведение побудило другие страны к самостоятельным действиям. Примером можно считать интервенцию Саудовской Аравии в Йемен. В этом же свете можно рассматривать действия России в Сирии и на Украине»⁹⁰.

Взгляды американских экспертов на глобальное лидерство США

Следует подчеркнуть, что многие влиятельные представители американского экспертного сообщества продолжают настаивать на сохранении в будущем безусловного американского глобального лидерства. Так, вице-президент Атлантического совета Д. Уилсон полагает, что перед будущим поколением американцев стоит задача — помочь «сформировать новое американское руководство для новой эры», поскольку «мы не просто еще одна страна. Если вы понимаете уникальную роль, которую мы играем в мире, вы понимаете, почему вы должны помочь нам вернуть эту роль. Мы также забываем, как много нашего влияния происходит от вдохновения других, что является источником нашей силы, — отметил Уилсон, обращаясь к молодым американцам. — Вот почему у нас есть союзники, а у авторитаристов — нет. Наши друзья — наше сравнительное преимущество. Помогите нам сохранить нашу способность вдохновлять»⁹¹.

Близкие взгляды высказывает и такой известный американский эксперт-международник консервативного толка, как Р. Кейган. По его мнению, проблемы американской внешней политики объясняются утратой веры в либеральные ценности: «Мы, кажется, упустили из виду простую и очень практическую реальность: что бы мы ни думали о постоянных проблемах нашей жизни, о надлежащем балансе между правами и традициями, между процветанием и равенством, между верой и разумом, только либерализм обеспечивает наше право удерживать и выражать эти мысли и бороться за них на общественной арене. Либерализм — это все, что удерживает нас от сожжения на костре за то, во что мы верим»⁹². Выход, по мнению Кейгана — вернуться к непримиримому противостоянию американского либерализма «авторитарным режимам» как к главной цели американской внешней политики.

Следует отметить в связи с этим, что в настоящее время американская правящая элита придерживается именно таких взглядов — Вашингтон должен сохранить свое глобальное лидерство в противостоянии «авторитарным режимам». Как указывается в СНБ-2017, «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, стремясь подорвать американскую безопасность и процветание. Они полны решимости сделать экономику менее свободной и менее справедливой, увеличить свои вооруженные силы и контролировать информацию и данные, чтобы подавлять свои общества и расширять свое влияние»⁹³.

Этому российско-китайскому вызову, как полагают в Вашингтоне, Запад должен противопоставить свое единство — и тогда он победит, а его авторитарные противники будут повержены. Как заявил, выступая в феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности тогдашний госсекретарь

США М. Помпео: «Запад побеждает. Мы коллективно побеждаем. Мы делаем это вместе. Давайте начнем с простого факта: свободные нации просто более успешны, чем любая другая модель, которая была опробована в истории цивилизации. Наши правительства уважают основные права человека, они способствуют экономическому процветанию и обеспечивают безопасность всех нас»⁹⁴.

Эта грядущая победа Запада в понимании американских правящих кругов, будет означать не что иное, как безоговорочную капитуляцию его авторитарных противников. Как указывается в исследовании, выполненном по заданию Министерства обороны и Объединенного комитета штабов США, чтобы удовлетворить американские претензии, например, к России, от Москвы требуется обеспечить «сокращение (или полную отмену) военных учений, которые проходят вблизи от Балтийских государств, а также... прекращение нарушений воздушного и морского пространства государств Балтии... Далее на восток, это будет включать в себя выход России из замороженных конфликтов в Грузии, Молдове, Азербайджане/Армении и Восточной Украине и возвращение Крыма Украине. России нужно будет уменьшить политическое вмешательство на Западе. По сути, России нужно будет прекратить делать все, что не нравится США»⁹⁵.

Далеко не все американские эксперты-международники, однако, убеждены в том, что Соединенные Штаты просто должны каким-то образом заставить Россию (и Китай) «прекратить делать все, что не нравится США» — и все проблемы в американской внешней политике будут решены.

Так, Хаас полагает, что «нельзя прекращать попытки интегрировать Китай и Россию в региональные и глобальные структуры миропорядка. Эти усилия предполагают комбинацию компромиссов, стимулов и ответных действий... Соединенным Штатам также необходимо взаимодействовать с другими странами в решении проблем глобализации, прежде всего изменения климата, торговли и киберпространства. Для этого нужно не восстанавливать старый порядок, а строить новый... США должны демонстрировать сдержанность и уважение к другим, чтобы восстановить репутацию мягкого актора. Для этого придется отказаться от некоторых шагов, которые Америка практиковала во внешней политике в последние годы. Прежде всего забыть об авантюрных вторжениях в другие страны и экономической политике как оружие, т. е. чрезмерном использовании санкций и тарифов. Но самое главное — пересмотреть рефлекторное противодействие многостороннему подходу»⁹⁶.

Серьезному пересмотру подверглись и казавшиеся незыблемыми представления либеральных глобалистов об отмирании национальных государств и передаче их функций неким наднациональным структурам. «Национализму суждено еще долго оставаться основополагающим принципом — как в развитом, так и в развивающемся мире, — подчеркнул профессор Колумбийского университета А. Виммер. — Просто в настоящее время нет другого принципа, на котором могла бы основываться международная система (например, универсальный космополитизм нигде не рассматривается всерьез, за исключением философских факультетов западных университетов). И непонятно, смогут

ли такие транснациональные образования, как Европейский союз, когда-либо взять на себя ключевые функции национальных правительств, включая обеспечение всеобщего благоденствия, безопасности и обороны, без чего их легитимность будет оставаться низкой в глазах большинства населения»⁹⁷.

Следует подчеркнуть, что даже сторонники сохранения глобального американского лидерства выступают против американской политики «смены режимов», которая завершилась сокрушительным провалом. Как полагает старший научный сотрудник американского Совета по международным отношениям С. Патрик, «два десятилетия мессианских злоключений на Ближнем Востоке принесли демократии дурную славу». В связи с этим Патрик высказывает согласие с теми американскими экспертами, которые считают, что «Америке следует отказаться от высокомерного либерального интернационализма и сосредоточиться на более приемлемой цели поддержки политической независимости и хорошего управления за рубежом. Для либералов и прогрессистов, это будет серьезный сдвиг»⁹⁸.

«Русский вопрос» и китайская головоломка

Вот это самое «рефлекторное противодействие многостороннему подходу» проистекало из твердой уверенности американских кругов в абсолютном превосходстве Соединенных Штатов над окружающим миром, что делает совершенно ненужным какой бы то ни было диалог с кем бы то ни было. Так, до недавнего времени в американской политико-академической элите царил твердая уверенность в том, что с *Россией* можно не считаться.

Во-первых, на протяжении 1990-х годов Российская Федерация была слаба и могла выражать лишь словесные протесты на действия американских «партнеров» (пример — реакция Москвы на натовские бомбардировки Югославии в 1999 г.). Непрерывные российские уступки Западу на протяжении двух десятилетий (от позднего Горбачева до раннего Путина) воспитали, таким образом, целое поколение западных дипломатов, военных, политиков, общественных деятелей и журналистов в твердой уверенности в том, что на вербальные протесты Москвы просто не нужно обращать внимания. В получившей широкую известность статье «С Россией покончено», опубликованной в мае 2001 г., известный американский специалист по России Дж. Тайлер писал, что «с Россией как с великой державой покончено» и «русские, вероятно, столкнутся с долгим, медленным, относительно мирным погружением в безвестность — процесс, который идет полным ходом»⁹⁹.

Во-вторых, в США многие были и остаются убежденными в том, что истинные интересы России и ее народа как раз и состоят в том, чтобы целиком и полностью принять точку зрения американских «партнеров» на международные отношения. Многие американские специалисты по России сохраняют уверенность в том, что никаких расхождений между Соединенными Штатами и подлинно демократической Россией по проблемам национальной безопасности нет и быть не может, а если таковые и возникают, то это — ни что иное, как рецидив российского коммунистического и имперского прошлого. Бывший американский посол в Москве У. Бернс был вынужден при-

знать: «У всех у нас были свои иллюзии. Америка думала, что Москва со временем привыкнет быть нашим младшим партнером и, пусть неохотно, но примет расширение НАТО даже до российско-украинской границы»¹⁰⁰.

Только в последние годы ситуация начала меняться. Некоторые представители американской политико-академической элиты, наконец, признали очевидное: современная Россия располагает и возможностями и, главное, политической волей для того, чтобы отстаивать свои национальные интересы.

Вот что было сказано, в частности, в докладе корпорации РЭНД «Обессиливая Россию. Соревнуясь с позиции превосходства»: «Россия — необычайно мощная страна, которая, несмотря на свои системные слабости, умудряется быть равноправным конкурентом США в некоторых ключевых областях. Не будучи сверхдержавой, какой был Советский Союз, Россия при Путине приобрела экономическую мощь и международный вес и теперь может похвастаться гораздо большими военными возможностями, чем любая страна с аналогичными оборонными расходами»¹⁰¹.

А в докладе «Стратегические намерения России», подготовленном по заказу Министерства обороны США, говорится: «По любым меркам Россия является и будет играть значимую роль в формировании мировых событий — особенно в районах, расположенных поблизости от ее сухопутных границ»¹⁰².

При этом, как с огорчением вынуждены констатировать американские эксперты, официальный Вашингтон мало что может сделать для того, чтобы подорвать позиции Москвы в так называемом «ближнем зарубежье», где российская сторона пользуется весомым военным, экономическим и политическим влиянием. Так, по мнению составителей доклада «Обессиливая Россию», в силу целого комплекса причин, в том числе и геостратегического характера, у России имеются серьезные преимущества на сухопутном театре военных действий на востоке Европы. Хотя совокупная численность сухопутных войск европейских стран — членов НАТО и американских войск в Европе существенно превосходит численность российских сухопутных войск в европейской части РФ, эти натовские войска дислоцированы преимущественно на западе и юге континента. Эта ситуация усугубляется низкой боеготовностью вооруженных сил европейских союзников США. Да и американские сухопутные войска в Европе подверглись серьезным сокращениям после окончания «холодной войны», и в настоящее время на континенте имеются только две американские боевые группы бригадного состава — и ни одного основного боевого танка¹⁰³. Правда, в последние годы американские танки начали вновь появляться на территории восточноевропейских союзников США по НАТО — но только на основе ротации.

Но согласиться с российской или китайской сферой влияния в непосредственной близости от этих стран американская политико-академическая элита категорически не желает. Как утверждал один из крупнейших американских экспертов-международников Г. Эллисон: «Американские политики перестали признавать сферы влияния, — возможности других держав требовать уважения от других государств в их собственных регионах или осуществлять там преобладающий контроль, — не потому, что эта концепция устарела.

Скорее, весь мир де-факто стал сферой влияния США. На смену сферам влияния пришла одна сфера влияния. Сильные по-прежнему навязывали свою волю слабым. А остальная часть мира была вынуждена играть в основном по американским правилам или же платить крайне высокую цену — от разрушительных санкций до прямой смены режима. Сферы влияния никуда не делись — они превратились в одну в силу неопровержимого факта гегемонии США»¹⁰⁴.

Китай — другая великая держава, чья растущая мощь вызывает все большую озабоченность у официального Вашингтона. Как указывается в докладе Министерства обороны США «Индо-тихоокеанская стратегия», «Китай продолжает наращивание своей экономической и военной мощи, стремясь к Индо-Тихоокеанской региональной гегемонии в краткосрочной перспективе и, в конце концов, к глобальному превосходству в долгосрочной перспективе. Китай инвестирует в широкий спектр военных программ и вооружений, включая те, которые предназначены для проецирования военной мощи; в модернизацию своих ядерных сил; и проводит все более сложные операции в таких областях, как киберпространство, космос и радиоэлектронная борьба. Китай также разрабатывает широкий спектр возможностей по проведению операций, цель которых — ограничение доступа/воспреещение присутствия (A2/AD), которые могут быть использованы для предотвращения деятельности иностранных государств в районах вблизи периферии Китая, включая морские и воздушные домены, которые открыты для использования всеми странами»¹⁰⁵.

Не устраивает американцев и экономическая политика КНР: «Соединенные Штаты серьезно обеспокоены потенциальной возможностью Китая использовать долговое бремя стран — получателей китайских кредитов или субнациональных групп для получения доступа к стратегическим и военным объектам, в том числе путем завладения суверенными активами в качестве обеспечения. Такое насильственное поведение Китая проявляется во всем мире, от Ближнего Востока и Африки до Латинской Америки и Европы»¹⁰⁶.

Но дело даже не только в укреплении военной мощи КНР; не оправдались расчеты американской политико-академической элиты на то, что по мере экономического прогресса, увеличения внешней торговли, расширения сотрудничества с США и Западом Китай неизбежно будет продвигаться по пути демократии по-американски. Этого, однако, не произошло: напротив, рост китайской экономики привел к укреплению позиций КПК в китайском обществе¹⁰⁷.

Реакция Вашингтона на возможный российско-китайский тандем

Возвращение России и Китая в «высшую лигу» мировой политики стало неприятным сюрпризом для американского политического класса. Еще более неприятным сюрпризом стало российско-китайское сближение — причем явно на антиамериканской основе. Реакция политико-академической элиты Соединенных Штатов на такое развитие событий была двоякой. Некоторые

американские эксперты полагают, что опасения перед российско-китайским антиамериканским альянсом явно преувеличены.

Так, по мнению обозревателя журнала «Форбс» К. Рапозы, у России и Китая имеется не так-то много общего — а именно, раздражение по поводу политики Вашингтона (и Брюсселя), а также энергетика. Этого, как считает Рапоза, слишком мало для формирования полноценного союза Москвы и Пекина в условиях, когда и Россия, и Китай в гораздо большей степени заинтересованы в сохранении своих экономических связей с США и ЕС. Ухудшающиеся российско-американские и американско-китайские отношения — это слишком мало для российско-китайского сближения, как полагает Рапоза¹⁰⁸.

Действительно, до недавнего времени многие американские эксперты полагали, что в силу ряда причин российско-китайское сближение невозможно. Как с огорчением констатировали адъюнкт Джорджтаунского университета А. Кендэлл-Тэйлор и старший советник Республиканского института Дж. Шульман, «слишком долго западные лидеры предполагали, что глубокое недоверие и конкуренция будут вбивать клин между Россией и Китаем. Но этот прогноз не оправдался»¹⁰⁹.

Не оправдался он во многом вследствие действий официального Вашингтона, который одновременно развязал санкционную войну против РФ и КНР. По мнению директора американского Центра национальных интересов Д. Саймса, растущие экономические связи между Москвой и Пекином могут подтолкнуть Кремль к ужесточению позиции по отношению к Вашингтону, поскольку набирающая обороты американско-китайская торговая война будет способствовать укреплению российско-китайских экономических связей — к выгоде российской стороны¹¹⁰.

Таким образом, в новых условиях американским кругам придется восстановить свой навык балансирования между различными центрами силы, в данном случае — между Россией и Китаем. При этом одни представители политико-академической элиты Соединенных Штатов выступают за нормализацию отношений с КНР с тем, чтобы добиться изоляции Российской Федерации, в то время как другие — за сближение с Россией ради укрепления позиций США в их противостоянии с Пекином.

Так, бывшая сотрудница Госдепартамента США А. Маньюэль делает выбор в пользу КНР в рамках американско-китайско-российского «треугольника»: «Китай и Россия будут решительно поддерживать друг друга, если их загнать в угол. Из них Китай гораздо важнее для долгосрочного процветания Соединенных Штатов. Новая «холодная война» с Китаем не отвечает ничьим интересам и отвлечет ресурсы США от важных приоритетов внутри страны. Если США хотят избежать попадания Си в руки Путина, это не обязательно означает, что они должны капитулировать перед требованиями Си. США следовало бы четко определить, где находятся их линии, и последовательно обеспечивать их соблюдение, как это происходит сейчас в Южно-Китайском море. В то же время США могут протянуть руку для сотрудничества с Китаем, где это возможно, например, по сделке об изменении климата, согласованной в 2014 г.»¹¹¹.

Профессор Школы повышения квалификации офицерского состава ВМС США Дж. Аркилла полагает, что «миропорядок и американское лидерство были бы поставлены с ног на голову, если бы Москва и Пекин добились бы более тесного объединения. Возможно, хорошей американской стратегией было бы сначала разыграть «российскую карту». Обама попытался сделать это с помощью своей «перезагрузки». Трамп также хотел это сделать, но эта попытка была сорвана в ходе предвыборной кампании, по-видимому, соркестрованной Москвой. Эту попытку, однако, не поздно повторить. В конце концов, сотрудничают же Соединенные Штаты с Россией в космосе»¹¹².

Другой американский эксперт в области национальной безопасности Р. Спелдинг полагает, что «цель США должна состоять в том, чтобы побудить европейских союзников дать отпор российской агрессии в Европе. Их главной целью должно быть сдерживание. В то же время США должны в двустороннем порядке привлечь Россию, чтобы оторвать ее от орбиты Китая. США могут работать с Россией таким образом, чтобы улучшить американско-российские отношения, не отвлекаясь от европейских усилий по поддержанию баланса и сдерживания. Это может быть достигнуто путем взаимодействия с Россией в других региональных или функциональных областях, которые не отвлекают от европейских усилий по сдерживанию»¹¹³. Неясно, однако, согласятся ли европейцы за счет собственных усилий сдерживать Россию, в то время как Соединенные Штаты будут ее «привлекать».

Непонятно также, каким образом официальный Вашингтон будет «привлекать» Москву. Вот что говорится в передовой статье «Нью-Йорк таймс» об отношениях в «треугольнике» США—РФ—КНР: «С учетом нынешней траектории движения экономических, военных и технических отношений, а также авторитарной модели государственного управления Китай и Россия в долгосрочной перспективе будут представлять еще более серьезную опасность для Америки и ее целей. А это значит, что президент Трамп прав, пытаясь упрочить отношения с Россией, чтобы оторвать ее от Китая. Но он порой действует весьма грубо и неуклюже, иногда даже в ущерб американским интересам и ценностям. Америка не должна стремиться к улучшению отношений со страной-соперницей, игнорируя ее негативное воздействие на американскую демократию»¹¹⁴.

Иными словами, отношения с Россией надо «упрочить», но ни в коем случае эти отношения не следует «улучшать»! Не очень понятно, как при таком подходе американские круги сумеют «оторвать» Россию от Китая.

С аналогичной проблемой столкнулись вышеупомянутые А. Кендэлл-Тэйлор и Дж. Шульман в своем новом докладе, посвященном российско-китайским отношениям. В докладе, опубликованном в январе 2021 г., констатируется серьезное укрепление российско-китайского партнерства в различных областях — от военного сотрудничества до новейших технологий, что, как полагают авторы доклада, может в перспективе нанести серьезный ущерб международным позициям Соединенных Штатов¹¹⁵.

Что же предлагают соавторы, чтобы разрушить этот столь опасный для американских интересов альянс РФ и КНР?

Во-первых, поугаать русских «желтой опасностью» (американским дипломатам предлагается в своих контактах с российской стороной «подчеркнуть, как Китай подрывает российские интересы по ключевым вопросам и в отдельных регионах»), а, во-вторых, поманить русского медведя морковкой: «Соединенные Штаты могли бы отметить, что некоторое сотрудничество возможно, и дать понять будущим российским руководителям, принимающим решения, что альтернативный курс возможен».

Но ничего более конкретного А. Кендэлл-Тэйлор и Дж. Шульман не предлагают: «Нынешние реалии в российско-американских отношениях означают, что движение в этом направлении потребует времени. Действия России, включая настойчивые попытки Кремля нацелиться на американские выборы, усилить социальные разногласия в США и подорвать веру США в демократические институты, станут ключевым фактором, ограничивающим то, что возможно в ближайшей перспективе. Трудности снятия американских санкций с России в случае изменения Москвой своего политического курса станут еще одним препятствием»¹¹⁶. Очевидно, что в американских правящих кругах не осталось политиков масштаба Никсона и Киссинджера, способных добиться решительного поворота во внешней политике Соединенных Штатов.

Для многих представителей американского истеблишмента решение данной проблемы — проблемы противостояния одновременно и России, и Китаю — видится в сплочении Запада на общей идейной основе. В последнее время в США активно обсуждается вопрос о проведении так называемого саммита демократий, который, как полагают американские исследователи и представители политических кругов, должен обеспечить объединение «демократий» и изоляцию «авторитарных режимов».

Так, в ходе избирательной кампании 2020 г. Дж. Байден пообещал уже в первый год своей президентской каденции провести «глобальный саммит за демократию», «чтобы возродить дух и общую цель наций свободного мира». Целью этого саммита, как сказал Байден, будет «защита от авторитаризма»¹¹⁷.

В свою очередь глава «Херитидж фаундейшн» Дж.-Дж. Карафано и бывший американский посол в НАТО К. Волкер предложили провести «серию встреч на высшем уровне по определению повестки дня, направленных на продвижение... свободы, в таких организациях, как НАТО, G-7 (или «D-10», включая Японию, Корею и Австралию), саммит США—Европейский союз, «Сообщество демократий», Организация зоны свободной торговли США—Канада—Мексика (USMCA) и др.»¹¹⁸

Вполне возможно, что при 46-м президенте США американская внешняя политика сосредоточится на укреплении связей с союзниками, причем эти связи будут строиться на общности мировоззрения стран объединенного Запада. Возникает, таким образом, новый идеологический раскол мира — только теперь не между «капитализмом» и «коммунизмом», а между «демократией» и «авторитаризмом».

Анализ американской модели глобального миропорядка позволяет сделать следующие *выводы*.

Во-первых, перед американской правящей элитой встала непростая задача: адаптироваться к новому миру, в котором абсолютное экономическое, военное и, что особенно важно, идеологическое преобладание Америки более не является чем-то само собой разумеющимся. В настоящее время американский политический класс все еще не готов к тому, что их страна в обозримой перспективе перестанет быть «первой среди равных», став «равной среди первых».

Во-вторых, интеллектуальные усилия американской политико-академической элиты направлены на то, чтобы и в новых исторических условиях Соединенные Штаты сохранили бы свое глобальное лидерство. Этот постулат находит свое подтверждение в передовой статье «Нью-Йорк таймс», где сказано, что Америке «необходимо более уверенно утверждать во всем мире именно свое видение будущего, свою собственную политическую и экономическую модель».

В-третьих, такого рода представления исключают возможность выстраивания российско-американских и американо-китайских отношений на реалистической основе. С точки зрения современного американского политикума, именно нежелание Москвы и Пекина принять американские «ценности» является главной причиной обострения этих отношений. Эта непримиримая заидеологизированная позиция Вашингтона исключает для него возможность играть на российско-китайских противоречиях и, напротив, способствует дальнейшему сближению РФ и КНР. При этом наиболее дальновидные представители американского политического класса отдают себе отчет в том, что этой стране так или иначе придется адаптироваться к новым реалиям. Так, в американском политикуме крепнет убежденность в том, что США придется отказаться от попыток осуществлять «смену режимов» насильственным путем.

При этом, становится очевидным, что установки США на глобальное лидерство и трансформацию международного сообщества в соответствии с американскими «ценностями» совершенно неприемлемы как для России, так и для Китая.

1.4. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке

Воззрения китайских политологов на современное мироустройство

Понимание того, какое место занимает Китай в международной архитектонике, трудно осуществить без анализа его представлений о современном мире, которые складывались в последние десятилетия, обогащая основу традиционного взгляда Поднебесной на окружающие страны. Уходя корнями в глубины многовековой истории, он остается неизменным ресурсом китайской цивилизации на фоне внешних изменений ситуации мире и является

стержнем международной политики страны. В немалой степени этому способствовали взгляды китайских политиков и реформатором Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина и др., что позволило Китаю представить миру его взгляды на современное мироустройство¹¹⁹.

По взглядам китайских политологов, в современном мире существуют *четыре группы государств* — сверхдержавы, сильные, средние и слабые. К *первой группе* пока относится одно государство — Соединённые Штаты Америки, которым приходится сохранять высокий уровень военных расходов в интересах защиты своих национальных интересов в регионах мира. Поэтому политика США носит глобальный характер, а американским политологам приходится постоянно разрабатывать все новые «правила международной игры под эгидой США» применительно к изменениям глобальной и региональной обстановки, чтобы сохранять в XXI веке однополярный мир¹²⁰.

Вторую группу составляют такие государства, как Великобритания, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия и Бразилия. Комплексная мощь каждой из этих стран меньше американской, но все они занимают места в первой двадцатке мировых держав и активно принимают участие в международных делах. При этом основные усилия они направляют на близлежащие регионы, в которых в качестве своей стратегии они используют теорию баланса сил в рамках существующих альянсов, в которых они участвуют (типа НАТО или ОДКБ). Участие Китая в таких международных структурах как ШОС, РИК и БРИКС можно рассматривать как пример его противодействия гегемонии США.

Третья группа стран «среднего уровня» включает большинство развитых государств разных континентов. У каждой из них практически отсутствует возможность самостоятельно влиять на решение глобальных проблем, поэтому их главные усилия сосредоточены на двусторонних и многосторонних контактах регионального уровня. Применение их вооруженных сил в основном направлено на проведения ограниченных по масштабу военных действий либо в рамках миротворческих акций ООН, или же региональной организации, в которых они участвуют (при этом их альянсы не похожи на союзы сильных держав).

И, наконец, *четвертая группа стран* — это небольшие либо маленькие страны в Европе, Африке и в Центральной Америке, которые в международной политике, как правило, занимают позицию нейтралитета либо опираются на поддержку сильных держав¹²¹.

Что касается реальной роли Китая в современной международной архитектонике, то за последние время он превратился в один из центров мировой геополитики и экономики и в этом качестве был признан международным сообществом. Этому в первую очередь способствовали изменения геостратегических и политических параметров Китая. Так, по уровню ВВП Китай уверенно занимает место второй экономики мира и ведущее место по другим стратегически важным показателям. Например, по промышленному производству он уже обогнал США в реальном секторе экономики, а по объему выданных кредитов Китай превзошел МВФ. При этом китайские золотовалют-

ные резервы составляют 1916,3 т благодаря которым Китай активно создает зоны свободной торговли со многими государствами мира, и привязывает свою помощь нуждающимся странам жесткими требованиями по закупке исключительно китайских товаров либо обязательным участием китайских компаний в реализации проектов на территории этих стран, тем самым формируя их зависимость от КНР¹²². К этому следует добавить, что НОАК КНР (2, 3 млн военнослужащих) по совокупной военной мощи является третьей армией в мире, после ВС США и России.

В совокупности такой потенциал позволяет Китаю оказывать реальное воздействие на ход мировых процессов и действовать самостоятельно на международной арене без оглядки на многочисленных партнеров. Но при необходимости Пекин активно использует свой стремительно растущий потенциал и влияние в глобальных и региональных международных объединениях, таких как ООН, МВФ, «G-20», БРИКС, РИК, ОПЕК, ШОС и в ряде других организаций.

Взгляды Китая на «постковидную» эпоху международных отношений

В 2008 г. Вашингтон предложил Пекину идею совместного управления мировыми процессами, но тот это предложение отверг, так как оно не согласуется ни с национальной философией, ни с политикой и стратегией КНР. Как и Россия, Китай поддерживает идею о том, что современный мир продвигается в направлении постепенной трансформации от однополярной модели международных отношений под эгидой США к многополярности. Этому способствовал разразившейся в 2008—2009 гг. мировой финансовый кризис, с которым мировой гегемон справиться не смог. Поэтому в Пекине стали пересматривать оценку роли США в управлении глобальными процессами и пришли к выводу, что Вашингтон больше не является непререкаемым арбитром в мировых делах. Эта точка зрения была актуализирована в 2019 г. после вспышки в мире пандемии COVID. В борьбе с этим заболеванием система американского здравоохранения, которая представлялась Вашингтоном как эталон для других стран, преодолеть пандемию не смогла. В результате США до сих пор прочно занимают 1-е место в мире по смертности от этой болезни, в распространении которой они обвинили Китай¹²³.

Оценивая успехи Поднебесной не только в борьбе с коронавирусом, но и в области глобальной экономики, Вашингтон, почувствовав угрозу своему статусу в мире со стороны КНР, стал усиливать политику её сдерживания повсюду. В результате китайско-американские отношения ухудшились, экономические и политические конфликты между двумя странами обострились, а проблема постковидного мироустройства стала острой темой дискуссий на международном уровне, на которых китайские политологи делают акцент на материальную составляющую системы постковидного мира. По их мнению, независимо от того, какой будет эта система в будущем — она будет отражать асимметрию материального потенциала международных субъектов. И если какие-либо ведущие международные державы (подразумевая под этим не

только США, но и КНР, но не называя её напрямую) будут обладать материальными ресурсами, намного превосходящими ресурсы других глобальных «игроков», такую систему следует считать биполярной.

В ней китайские политологи продвигают концепцию нового типа взаимодействия между международными акторами, которая предполагает в постковидной системе отношений равноправные, основанные на взаимном уважении, кооперативные и взаимовыгодные отношения между ними. Тем самым они ставят под сомнение правомерность западной теории «ловушки Фукидида», утверждающей исключительно конфронтационную природу биполярных отношений, и в понимании этого аспекта наиболее ярко проявляются расхождения в восприятии будущего мира между Китаем и Западом¹²⁴.

При этом Китай не воспринимает биполярность как основную структуру, управляющую миром. Наоборот, Пекин ратует за многополярность международных отношений в постковидную эпоху, в которой национальная мощь КНР будет служить объектом притяжения для других государств. Для этого Пекин планирует взять на себя больше ответственности в международных делах, увеличив свой вклад в создание «глобальных общественных благ», и готов сосуществовать на равных с другими странами¹²⁵. Эта модель международных отношений не противоречит статусу Китая как одному из полюсов многополярного мира в эпоху глобализации мировых процессов.

Место Поднебесной в рамках глобализации

Однако в период незавершенности проведения реформ в КНР китайские политологи хорошо видели угрозы развитию страны со стороны глобализации: деформацию экономического суверенитета Китая, не позволявшую запустить механизмы роста и развития национальной инфраструктуры, сохранение неравенства в доходах среди местного населения и т. д. Поэтому в политике Дэн Сяопина в период реформирования национальной экономики при помощи «открытости дверей» они прикрывали свою заинтересованность в связях с «капиталистическим Западом» разнообразными лозунгами: «импортом развивать экспорт», «открытостью укреплять опору на собственные силы» и т. д. А участие в международном разделении труда они представляли процессом жесточайшей конкуренции и экономической войны в условиях экономического, валютного и технологического гегемонизма Запада¹²⁶. Тем не менее, именно благодаря политике «открытости дверей», Китай за сравнительно короткий исторический период превратился из страны, страдающей от голода и бедности, в государство с огромным производственным, торговым и транспортным потенциалом, позволяющим реализовывать в регионах мира инфраструктурные мегапроекты в своих интересах. При этом в 2000 г. ВВП Китая равнялся 1,21 трлн долл. (т. е. с начала реформ он увеличился в 50 раз!)¹²⁷.

В стране, совершившей мощный экономический и технологический рывок в XXI век, крепнет убеждение о необходимости пересмотра одного из заветов Дэн Сяопина — «держаться скромно, не демонстрируя свои доблести»¹²⁸. Свообразным прорывом в этом направлении стало принятие руко-

водством страны в 2013 г. мегапроекта «Один пояс, один путь», который со временем расширился, включив многие государства мира (стержнем проекта является развитие глобальной инфраструктуры, связывающей страны континентов с потребностями Поднебесной в сырье и товарах оттуда). Фактически речь идет о мощном импульсе глобализации, исходящем от Китая с его возросшими экономическими, техническими и финансовыми возможностями. Об этом импульсе говорил Си Цзиньпин на экономическом форуме в Давосе в начале 2017 г.: «Мы должны приспособиться к экономической глобализации, сгладить негативный эффект от нее и принести ее положительное влияние во все страны»¹²⁹.

Однако не все страны разделяют эту точку зрения. Достаточно упомянуть торговую войну, инициированную администрацией президента Д. Трампа в 2018 г., которая продолжается нынешней администрацией Джо Байдена, а также Евросоюз, который опасается, что по окончании реформ в 2050 г. Китай предстанет перед миром в качестве новой супердержавы, способной проводить свою внешнеполитическую линию, невзирая на наличие других мировых держав и их альянсов, чьи интересы могут кардинально расходиться с национальными интересами Пекина.

Но в современных доктринальных установках, касающихся национальных интересов и безопасности КНР, отсутствуют как претензии на мировую гегемонию в геостратегическом плане, так и намерения распространять «китайские ценности» по всему миру. Китай также не стремится расширять свое «жизненное пространство» за счет военной экспансии в другие страны, как это делают США и НАТО. В то же время Пекин придерживается старой истины, которая гласит: «хочешь мира — готовься к войне», и проводимая ныне реформа НОАК является ярким тому подтверждением.

В рамках глобализации Китай имеет надёжную стратегическую основу (обширная территория с богатыми ресурсами и многочисленным населением), чтобы играть роль естественного центра притяжения для окружающих Поднебесную стран и народов. В их отношении Пекин определил четыре основные цели: обеспечение стабильности на своих границах; содействие реализации программы ускоренного экономического развития западных районов КНР; обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии для своей экономики; противодействие доминирующему влиянию США на экономическом, политическом и военном уровнях. Исходя из этих целей можно предположить, что в краткосрочной перспективе Пекин сможет занять лидирующие позиции в основных регионах мира, в которых ни США, ни Евросоюз не смогут противостоять набирающей силу китайской экспансии. В связи с этим важными являются взгляды китайских политологов на то, как они воспринимают этих акторов.

Так, говоря о внешней политике США, профессор Школы государственного управления им. Чжоу Эньлая Чжан Жуйчжуан подчеркивает, что в период правления в США Трампа цели этой политики являлись второстепенными, а отсутствие четкой стратегии Белого дома в этой области американо-китайских отношений привело к тому, что Трамп начал активно прово-

дить политику сдерживания Поднебесной по всем направлениям. Его преемник на этом посту — Джо Байден намерен продолжать эту политику и в дополнение к экономическим санкциям создал в 2021 г. военно-политический альянс AUKUS совместно с Австралией и Великобританией для сдерживания Китая в АТР¹³⁰.

Касаясь китайско-европейских отношений, глава исследовательского института ЕС при Институте международных исследований Китая профессор Цуй Хунцзянь полагает, что ситуация в Европе постепенно переходит от периода «слияния в рамках ЕС» к «разделению её членов», особенно в период пандемии коронавируса, и подобная тенденция, очевидно, сохранится в будущем. Поэтому во взаимодействии с Европой Китаю необходимо содействовать развитию двусторонних отношений как в сфере экономики, так и в области торговли. Говоря о возможности реализации на европейском континенте китайской инициативы «Один пояс, один путь», профессор Пекинского университета иностранных языков Ма Сяолин отмечает, что Китаю следует в полной мере воспользоваться этой возможностью для развития дружеских отношений со всеми странами региона. Кроме того, Китай и Евросоюз должны вместе способствовать поддержанию стабильности в мире.

Что касается взаимоотношений Китая с другими международными акторами, то в их отношении в 1982 г. был принят Устав, в котором зафиксированы основные принципы внешней политики КНР: взаимное уважение суверенитета и государственных границ; ненападение; невмешательство в дела других государств и недопущение вмешательства во внутреннюю политику собственной страны; равноправие в отношениях со всеми государствами планеты. При этом КНР выступает против всех форм терроризма и всячески способствует созданию справедливого экономического и политического миропорядка. Эти базовые постулаты являются основой внешней политики Китая в XXI веке в эпоху глобализации¹³¹.

Выбор Китаем модели развития в XXI веке

XIX съезд КПК ознаменовал начало реализации в Китае концепции «социализма с китайской спецификой для новой эры», базирующейся на идеях Си Цзиньпина, которые подразумевают усиление власти КПК, её лидерство во всех сферах жизни китайского общества. В развитии этих идей 14 января 2018 г. рупор КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью о необходимости КНР использовать перспективы появившейся исторической возможности совершить глобальный рывок. Её авторы назвали эту статью манифестом с шестью основными датами для «новой эры Китая»: 2018 г. — 40-летие политики реформ и открытости; 2020 г. — построение среднезажиточного общества¹³²; 2021 г. — 100-летие КПК; 2035 г. — создание базы для реализации социалистической модернизации; 2050 г. — полное построение социализма с китайской спецификой и возрождение Китая на глобальном уровне в качестве сверхдержавы.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее: в 1750 г. Поднебесная уже была сверхдержавой. В те времена на страны «третьего мира» (это были в

основном Китай и Индия) приходилось 73 % промышленного производства, а на государства Западной Европы (около 20 стран без России и Восточной Европы) — чуть более 20 % И несмотря на свою «сверхдержавность», Китай не представлял угрозу ни для одной страны мира (ибо после колонизации Китая руководители страны упорно боролись за независимость своего государства, которой они добились в 1949 г.). К этому следует добавить, что в доктринах, касающихся национальных интересов и безопасности Китая, сформулированных под воздействием взглядов Дэн Сяопина, отсутствовали как претензии на мировую гегемонию в геостратегическом плане, так и намерение распространять «китайские ценности». КНР также не стремится расширить свое «жизненное пространство», а все спорные проблемы, включая территориальные, решает за столом переговоров, а не с помощью военной силы. Примером таких успешных переговоров служат, кстати, и договоренности по границам с Россией, Казахстаном и другими сопредельными странами¹³³.

Таким образом, идеи Си Цзиньпина, озвученные на XIX съезде КПК, о модели социализма с китайской спецификой для новой эры следует рассматривать как базу стратегии Китая в сфере международных отношений, которая уже начала проявляться¹³⁴.

Свидетельство тому — КНР усиливает позиции своей дипломатии во всем мире с целью сделать Китай более эффективным глобальным игроком. Кроме того, Пекин начал активное продвижение в международном сообществе своего видения устоявшихся международных понятий в области прав человека, дополняя их «китайской спецификой». Его основной идеей является суждение, согласно которому необходимо покончить с доминированием трактовки прав человека, исходящей от одной страны (под которой подразумеваются США). Права человека должны базироваться на законах страны, невмешательстве в её внутренние дела и отсутствии политических оценок со стороны сторонних акторов (в качестве ответной реакции на китайское видение прав человека администрация Байдена в декабре 2021 г. объявила дипломатический бойкот Олимпийским играм 2022 г., проводимых в Пекине, якобы из-за нарушения прав человека в стране).

Другим свидетельством проведения активной внешней политики Китая является его инициатива «Пояса и пути», которая первоначально была нацелена на Европу и Азию, а теперь распространяется на Арктику, Ближний Восток и Латинскую Америку. Она делает Китай абсолютным лидером импорта в мире, вытесняя США и ЕС из регионов, где они до недавнего времени лидировали. Поэтому Китай намерен всемерно продвигать международное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (в 2017 г. на Форуме по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь» разработано множество планов действий, с разложением этого проекта на дорожные карты). При этом Китай намерен усиливать углублённое сопряжение «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом и далее продвигать строительство экономических коридоров и крупных проектов, включая коридор Китай—Монголия—Россия, обеспечивая межнациональное соединение транспорта и коммуникаций.

Кроме того, Пекин намерен повысить свою роль в рамках деятельности ООН. Для этого он активно продвигает «Повестку дня в области устойчивого развития этой организации до 2030 г.» и ратует за международное сотрудничество по борьбе с такими проблемами безопасности, как терроризм, изменение климата и инфекционные болезни. Кроме того, Пекин намерен стимулировать раскрытие потенциала механизмов АТЭС, ШОС, БРИКС и будет способствовать усилению эффективности механизмов Саммита Восточной Азии, Регионального форума АСЕАН, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, и Фонда Шёлкового пути (в которых КНР является неоспоримым лидером), чтобы те вносили больший вклад в процессы глобального управления.

Перспективы развития отношений Китая с Россией

Что касается перспектив российско-китайских отношений в торгово-экономической сфере, то начиная с 2001 г. взаимный товарооборот двух стран вырос в 14 раз (в январе—апреле 2021 г. его рост превысил 22 %). Успешно продвигается реализация целого ряда важных проектов в авиа- и автомобилестроении, горнорудной и лесной отраслях. На качественно новый уровень вышло сотрудничество в сфере мирного атома. Укрепляется кооперация в области финансов, включая использование национальных валют в двусторонних расчетах (для этого в Китае открылось представительство российского Центрального банка, а в Москве начал работу Расчётно-клиринговый центр по операциям в юанях).

Углубление российско-китайского сотрудничества подтверждается и другими практическими действиями. Например, успешно развиваются двусторонняя торговля сельскохозяйственной продукцией, трансграничная торговля, сотрудничество малого и среднего бизнеса и разработка высоких технологий, что создаёт новые точки роста сотрудничества между РФ и КНР (для этого правительства двух стран определили 73 приоритетных проекта инвестиционного сотрудничества с общим объёмом двусторонних инвестиций около 100 млрд долл.).

Стратегический характер приобрело двустороннее энергетическое партнерство благодаря успешному функционированию российско-китайского нефтепровода и газопровода «Сила Сибири». Помимо этого, Россия активно поддерживает реализацию инициативы «Один пояс, один путь» в Евразии. В этих целях Москва в 2021 г. занялась расширением одноколейной ветки БАМа, которая совместно с Транссибирской магистралью играет геополитическую роль: они увеличивают поток товаров из Китая в Европу. Кроме того, активизировано строительство моста между северо-восточными районами Китая и российским Дальним Востоком, а также международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» (рис. 1.4.1).

Что касается развития сотрудничества в гуманитарной области, то на протяжении последних лет Москва и Пекин обоюдно провели в своих странах национальные годы, годы туризма (количество взаимных посещений граждан РФ и КНР до пандемии коронавируса превышало 3 млн в год), годы мо-

лодѣжных обменов (количество обучающихся по обмену составляет более 80 тыс. человек ежегодно), ставшие крупными мероприятиями межгосударственного уровня, которые укрепили социальную основу развития стратегических отношений двух держав. Параллельно РФ и КНР осуществляют тесные контакты в рамках ряда важных многосторонних механизмов, таких как G-20, АТЭС, БРИКС и ШОС, и совместно усиливают международное взаимодействие по борьбе с терроризмом и в области национальной кибербезопасности.

Рис. 1.4.1. Байкало-амурская магистраль.

Источник: URL: <https://pixellife.ru/wp-content/uploads/2021/04/c3b1a7335bfbf86ac0a8454165bd9689.jpg>

При этом усиление военно-политического давления Вашингтона одновременно на Пекин и Москву вынуждает их углублять двустороннее сотрудничество в военно-политической сфере. В Стратегии национальной безопасности США утверждается, что именно КНР и РФ являются главными противниками Соединенных Штатов¹³⁵. Кроме того, госсекретарь Э. Блинкен неоднократно заявлял, что «США будут работать вместе со своими союзниками в защиту общих ценностей и интересов, чтобы привлечь КНР к ответственности за ее усилия, направленные на угрозу стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе в районе Тайваньского пролива»¹³⁶. Поэтому в 2021 г. президент США Джо Байден способствовал созданию военно-политического альянса AUKUS совместно с Австралией и Великобританией, чтобы усилить военное сдерживание Китая в АТР в дополнение к действующим антикитайским санкциям¹³⁷.

Все это свидетельствует о том, что Соединенные Штаты были бы не прочь развязать локальный военный конфликт против Китая (например, из-за спорных островов в Южно-Китайском море или Тайваня), сделав это «чужими руками», чтобы в последствии обвинить Пекин в агрессии и на этом основании блокировать реализацию проекта «Один пояс, один путь» в зоне

своих национальных интересов. А в Европе такой конфликт уже идет начиная с февраля 2022 г., когда Россия начала спецоперацию на Украине, чтобы защитить граждан и территорию донбасских республик, что позволяет рассматривать ее действия как акт агрессии. Но США своими вооруженными силами в этот конфликт не вмешиваются, мотивируя это тем, что Украина не является членом НАТО. При этом Вашингтон усиленно поставляет Киеву оружие и боеприпасы и при помощи оказания давления на Брюссель не допустил ввод в строй в Европе газопровода «Северный поток-2», заменив его поставками сжиженного газа из США.

При этом между Китае и Россией есть с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, ст. 9 которая гласит: *«в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон, Стороны проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»*¹³⁸. Однако эта весьма расплывчатая формулировка неприемлема в отношении к современным способам развязывания агрессии против России или Китая, для которых характерны стремительность и глубокий охват всеми видами вооружений театра военных действий. По своему содержанию она также проигрывает ст. 5 устава НАТО, в которой сказано: *«вооруженное нападение на одну или нескольких стран-членов НАТО в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом»*¹³⁹.

Несмотря на явное несоответствие содержания ст. 9 Договора о дружбе... реалиям современной военно-политической обстановки в мире, в июне 2021 г. В. Путин и Си Цзиньпин договорились о продлении этого договора еще на 20 лет, оставив ст. 9 без изменений¹⁴⁰. Очевидно власти РФ и КНР рассчитывают на свой «ядерный щит» (который может быть разрушен высокоточным оружием в ходе превентивных ударов, предшествующих агрессии), либо на то, что руководство США, НАТО и AUKUS в ближайшем будущем изменят свою политику в отношении России и Китая (что маловероятно), или же на умелое использование РФ и КНР потенциала международных организаций в интересах обеспечения глобальной и региональной безопасности (однако, многие из этих организаций находятся под влиянием Запада).

К этому следует добавить, что Пекин в последнее время старается наладить отношения с Вашингтоном, ибо Китай по-прежнему зависит от способности американских потребителей покупать его товары, а также от современных технологий США в ключевых для китайской экономики сферах. Поэтому в ближайшей перспективе КНР не намерена идти на открытый конфликт с США. Это подтвердили 16 ноября 2021 г. Си Цзиньпин и Дж. Байден в ходе онлайн-саммита, на котором Байден заверил Си, что «США не пытаются изменить систему Китая»¹⁴¹. Однако в начале ноября председатель Объединенного комитета начальников штабов США Марк Милли заявил, что Штаты «располагают военным потенциалом, чтобы защитить Тайвань от КНР»¹⁴².

Несмотря на это, по мнению ряда российских экспертов, Пекин пока не готов на сближение с Москвой в военно-политической области. Он полагает, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. При этом позиции Москвы и

Пекина по некоторым вопросам существенно разнятся. Так, Пекин занимает «особую позицию» по Крыму и склонен к солидарности с США по поводу интернационализации арктического Северного морского пути, который является составной частью «Пояса и пути». При этом Китай соблюдает все финансово-экономические санкции в отношении Москвы и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению¹⁴³. И если РФ и КНР создадут военно-политический союз против Запада, то в его лице Пекин обретет мощного врага, объединенного на почве не только русофобии, но и китаефобии.

Поэтому Китай в настоящее время предпочитает поддерживать стратегические отношения с Россией в сфере экономики и торговли, в которых ни одна сторона не несет никаких убытков¹⁴⁴. Тем не менее, если нарастание военно-политической обстановки в мире будет непосредственно угрожать национальным интересам Китая, и он может пойти на создание военно-политического союза с Россией. Однако в настоящее время говорить об этом преждевременно. Ибо заключение такого союза может появиться на повестке дня лишь в том случае, если РФ и КНР будут готовиться к глобальной войне, развязывание которой в настоящее время маловероятно. Отдавая себе отчет в том, что полноценный российско-китайский военный союз может ограничить свободу рук России и Китая на международной арене, руководство обеих стран внимательно отслеживает тенденции изменения военно-политической обстановки в мире и военные приготовления своих недругов. И чем более агрессивную политику они будут проводить в зонах национальных интересов России и Китая, тем скорее в Пекине и Москве придет к консенсусу по поводу заключения такого союза, к чему их непроизвольно подталкивает агрессивная политика Запада.

Его создание станет мощным противовесом военной политике США и их союзников, проводимой ими в различных регионах мира.

Во-первых, его создание в корне поменяет глобальный военный баланс не их в пользу, ибо совокупная боевая мощь России и Китая будет превосходить ныне действующие в мире военные альянсы Запада¹⁴⁵.

Во-вторых, этот союз позволит сосредоточить военные усилия России на западном сухопутном ТВД, а Китая — на морском в зоне Тихого океана. При этом их стратегические тылы, расположенные в непосредственной близости от госграницы обеих государств, но вдали от ударов обычными средствами поражения потенциальных агрессоров, будут дополнять друг друга при совершении ими маневров силами и средствами. Что касается защиты от стратегического воздушно-комического нападения, то в настоящее время Москва оказывает помощь Пекину в создании системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая есть только у РФ и США.

В качестве первого шага для нейтрализации этой политики было бы целесообразно уточнить ст. 9 действующего Договора о дружбе..., содержание которой могло бы быть близкой к формулировке ст. 5 устава НАТО. В этом случае у любого агрессора (будь то США, НАТО или AUKUS) пропало бы желание затеять какую-либо военную авантюру против России и Китая. И пер-

вые шаги в этом направлении сделаны. 23 ноября 2021 г. Китай и Россия утвердили «дорожную карту» развития сотрудничества в военной области до 2025 г., в связи с чем сотрудник Общества Генри Джексона И. Соукинс считает, что дальнейшее военно-политическое объединение России и Китая существенно нарушит стратегическое доминирование в мире военных альянсов западных держав¹⁴⁶.

Завершая анализ роли и места Китая в системе международных отношений в XXI веке, можно сделать ряд *выводов*.

Во-первых, в военно-политической области Китай предпочитает пока не связывать себя узами военно-политического альянса с Россией, а для достижения своих целей в регионах мира использует свой экономический и инвестиционный потенциал, а также структуры международных организаций, в которых он активно участвует. Но если военно-политическая обстановка в мире будет меняться в худшую сторону, угрожая национальным интересам Китая и России, то они могут пойти на создание военно-политического союза, потребовавшего от России и Китая тщательного подсчёта каждого шага. Тем не менее, в настоящее время говорить об этом преждевременно. Но чем более агрессивную политику будет проводить воинствующий Запад в отношении РФ и КНР, тем скорее в Пекине и Москве придут к консенсусу по поводу заключения такого союза. При этом Китай совместно с Россией выступает за многополярность международных отношений, при которой национальная мощь КНР будет служить объектом притяжения для других государств.

Во-вторых, в эпоху глобализации стратегические цели и задачи Китая в регионах мира дополняют друг друга, чтобы совместно формировать современную внешнюю политику Поднебесной, которая оказывает существенное влияние на международную ситуацию. Этому способствуют проводимые реформы в стране, начатые Дэн Сяопином и продолженные Си Цзиньпином, благодаря которым Китай за сравнительно короткий исторический период превратился из страны, страдающей от голода и бедности, в государство с огромным производственным, торговым и транспортным потенциалом, позволяющим реализовывать в регионах мира инфраструктурные мегапроекты в своих интересах.

В-третьих, в отношении перспектив развития Китая в нынешнем веке XIX Всекитайский съезд КПК избрал модель «социализма с китайской спецификой для новой эры», базирующуюся на идеях Си Цзиньпина, которые подразумевают усиление власти КПК, её лидерство во всех сферах жизни китайского общества, чтобы обеспечить Китаю к 2050 г. статус сверхдержавы на глобальном уровне. Для этого Пекин активно работает над устранением существующих проблем внутренней политики, последовательно усиливает позиции своей дипломатии в мире, с целью сделать Китай более эффективным глобальным игроком и способствует усилению эффективности механизмов региональных организаций, в которых он является неоспоримым лидером, чтобы они вносили больший вклад в процессы глобального управления.

1.5. Внешнеполитический курс России на современном этапе

Геополитические ориентиры России

Перспективы возвращения России статуса «мировой державы» связаны с разработкой концептуальных основ и механизмов реализации национальной стратегии в XXI в. Для реализации геополитических ориентиров РФ В. Путин сформулировал основную идею России — патриотизм, который связан с государством в качестве главной ценности нации. В глобальном масштабе В. Путин выступает за многополярное мироустройство и против американского господства в мире, за то, чтобы Россия имела постоянное место «в президиуме» мирового сообщества с сохранением права вето в Совете Безопасности ООН, и стремится быть среди тех, кто создает правила, а не пассивно соглашается с тем, что разработало западное сообщество. Поэтому важной составной частью внешнеполитического курса России в XXI в. является ее политика в отношениях с ООН, которая остается единственным надежным регулятором международных отношений. Президент РФ считает, что СБ ООН является более эффективной структурой, чем «Совет Россия—НАТО», где позициям РФ противостоят 29 стран, связанных блоковой солидарностью.

Поэтому В. Путин пытается расширять масштабы геополитической активности России, чтобы в перспективе вернуть ей статус мировой державы. Однако при изменениях, происходящих в мире, политическая активность РФ уже не даёт ей гарантий для возвращения этого статуса. Прежде всего потому, что нынешняя экономика РФ весьма слаба (1,7 % мирового ВВП, а у США — 25 %, Европы — 23 % и Китая — 15 %). К тому же на неё влияют западные санкции, количество которых с началом спецоперации ВС РФ достигло рекордного уровня — более 10 тыс. Под их влиянием, по данным Росстата, в мае производство автомобилей в России рухнуло на 97 %, тепловозов — на 63 %, электродвигателей — на 50 %. В связи с чем России необходимо преодолеть санкционное давление со стороны США и их союзников, приспособив свою экономику к санкциям и противостоянию Западу. Для этого стране нужен экономический рывок, и если его не будет — Россия вынуждена будет довольствоваться второстепенными ролями в мировой политике.

Поэтому в ближайшей перспективе ключевым направлением российской внешней экономической политики будет азиатское направление, одновременно будут поддерживаться и торгово-экономические связи с Европой и другими регионами мира. При этом Россия не желает «раствориться» в «общеевропейском доме» в силу ее географических масштабов и культурного своеобразия, поэтому стратегический курс политики РФ становится более азиатским, чем прозападным. Этот курс направлен на развитие как двусторонних отношений, так и на оптимизацию многосторонних связей России со странами Азии в рамках международных организаций. Это приведет к углуб-

лению общих позиций с Китаем, Индией, а также с исламскими странами по вопросу формирования многополярного мира. Поэтому Москва намерена и впредь вклиниваться в региональные системы баланса сил, развивая многосторонние альянсы, в которых РФ имеет влияние (об этом сказано в действующей Военной доктрине РФ, в которой указаны приоритеты сотрудничества со странами — членами организаций ОДКБ, ШОС, БРИКС и другими международными организациями).

С учетом завоеванных позиций на Ближнем Востоке Москва будет все более приобщаться к процессам урегулирования и разрешения других региональных конфликтов в качестве посредника и арбитра. Так, за последние 5 лет турбулентных событий в странах Ближнего Востока и Северной Африки Россия неоднократно принимала решения, которые оказали влияние на ситуацию не только в этих регионах, но и в мире в целом (речь идет о решениях РФ по резолюциям СБ ООН по Ливии, Ираку, Ирану, Сирии и т. д.). При этом интеграция с ближним зарубежьем приобретет большую целенаправленность и будет сопровождаться усилением влияния на постсоветском пространстве (эта политика будет сталкиваться с противодействием ряда стран Запада во главе США, имеющих экспансионистские устремления в отношении республик постсоветского пространства).

Такие ориентиры позволят России сохранить статус евразийской державы и преемственность ее внешней политики¹⁴⁷.

Ограничения целей внешнеполитической деятельности России

Главное ограничение на пути формирования многополярного мира исходит из стремления стран Запада во главе с США сохранить прежнюю гегемонию. Действиями в этом направлении стали расширение НАТО на Восток, выход США из Договоров РСМД, по Открытому небу и по противоракетной обороне (ПРО). Вступив на пост 46-го президента США, Дж. Байден не сказал ничего позитивного в адрес России. Напротив, его риторика по отношению к ней всегда была откровенно недружественной и агрессивной. Он неоднократно заявлял: «Самая большая угроза для Америки с точки зрения подрыва нашей безопасности и союзов — это Россия». При этом в его администрацию вошли политики, которые придерживаются схожих взглядов и не заинтересованы в улучшении отношений между Москвой и Вашингтоном. Например, советник по безопасности Салливан убежден, что «любые уступки России приведут к ослаблению США». Поэтому в ближайшие годы российско-американские отношения останутся крайне холодными. При этом администрация Байдена будет продолжать давить на Россию по всем фронтам: через санкции, «цветные революции», через размораживание конфликтов на постсоветском пространстве, через финансирование и консолидацию российской оппозиции и т. д.

Даже если в более отдаленной перспективе санкции Запада будут отменены, риски возобновления конфронтации с Западом будут высокими. Это обуславливает необходимость диверсификации российской экономики.

В связи с чем в ближайшей перспективе кабинету министров РФ предстоит выбрать один из трех вариантов: демонтировать существующую экономическую систему; провести экономическую мобилизацию под эгидой государства; либо сохранить нынешнюю экономическую систему, чреватую перспективой затяжного упадка и социальными потрясениями в государстве.

И пока политические факторы препятствуют экономическим связям России с Западом, она будет более активно использовать свои возможности в других регионах мира. Например, если России удастся расширить сбыт своих товаров на рынках стран Юго-Восточной Азии и государств Персидского залива, она сумеет частично компенсировать сокращение торговли с Западом и диверсифицировать свои экономические связи (это будет довольно сложно: российский экспорт в основном состоит из товаров, цена на которые вряд ли существенно повысится).

Помимо этого, рост влияния ИГИЛ в Ближневосточном регионе, особенно на события Сирии, представляет опасность для национальных интересов России. *Во-первых*, под угрозу попадают российские военные базы и нефтяные проекты компаний «Лукойл» и «Газпромнефть» в Сирии. *Во-вторых*, сохранение влияния ИГИЛ влечет за собой дестабилизацию обстановки не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Азии (ЦА), в Каспийском регионе и Закавказье, что затрагивает интересы РФ. Ибо в рядах ИГ воюет несколько тысяч граждан РФ, что может привести к угрозе возникновения ячеек этой организации на территории России (на Кавказе, в Поволжье и в крупных городах). *В-третьих*, пользуясь слабостью правительства талибов, вновь захвативших власть в Афганистане в 2021 г., ИГИЛ пытается создать там плацдарм для того, чтобы расширить свое влияние на государства ЦА. Поэтому Россия вынуждена противостоять провоцируемым ИГИЛ угрозам экстремизма на близких к ее границам территориях.

Межгосударственные противоречия на территории ЦА также вызывают беспокойство России в связи с рядом нерешенных проблем: водный конфликт между Узбекистаном и Киргизией с Таджикистаном, проблемы Ферганской долины и т. д. Серьезным вызовом безопасности в ЦА является нестабильность политико-экономических систем государств региона. Эти страны в своем большинстве представляют собой авторитарные режимы, которые в жестком формате подавляют любую оппозицию. Угроза исламского радикализма также остается актуальной для региона. Данные риски особенно сильны для таких стран, как Таджикистан и Киргизия, которые представляют собой не только неустойчивые политические образования, но также слабы экономически (и в случае эскалации напряженности основные издержки, связанные с обеспечением безопасности и поддержки государств региона, лягут на РФ).

Таким образом, в ближайшей перспективе Россия столкнется с множеством вызовов и угроз безопасности как экономического, так и военного характера по всему периметру своих границ, поэтому перспективную внешнеполитическую обстановку вокруг России можно характеризовать как «напряженную».

Проблемы отношений между Москвой и Вашингтоном

В российско-американских отношениях существует закономерность. Лидеры России и США каждые 5-6 лет объявляют об окончании «холодной войны» между ними. Однако спустя некоторое время Москва и Вашингтон вновь оказываются в состоянии кризиса. Если оценивать нынешние российско-американские отношения, то их можно охарактеризовать как «холодная война-2». Это связано с событиями на Украине, в Сирии, в Афганистане и продолжающимися антироссийскими санкциями.

Выступая 1 марта 2018 г. с посланием Федеральному Собранию РФ В. Путин, обращаясь к руководству США, заявил: «Раньше нас никто не слушал. Послушайте сейчас». Его логика очевидна. С начала 90-х годов прошлого века Вашингтон не воспринимал Москву всерьез, так как она была слаба. Но ныне США уже не могут позволить себе игнорировать Россию, обладающую мощным ракетно-ядерным арсеналом и передовыми военными технологиями. Следовательно, убедить Вашингтон в бесполезности военно-политических усилий по сдерживанию России за счет расширения НАТО в сторону РФ и создания на территории Восточной Европы военной инфраструктуры и глобальной ПРО США — это реальный способ подвести США к договоренности о принципах стратегических взаимоотношений. В связи с чем президент РФ неоднократно предлагал американским властям «сесть за стол переговоров», чтобы договориться о принципах межгосударственных взаимоотношений в области стратегической стабильности. Но, несмотря на эти предложения, США не желают нормализовать отношения с Россией. Признавая выход России из ниши «региональной державы» на глобальный уровень, американское руководство сделало вывод, противоположный предложению В. Путина. Администрация Белого дома взяла курс не на поиск договоренностей с Россией, а на дальнейшую милитаризацию внешней политики США, прилагая больше усилий, чтобы не допустить обвала системы международных отношений, ориентированной на Вашингтон.

Такая ситуация в перспективе ведет к появлению новой реальности в мире — нерегулируемое развитие всех видов вооружений: ядерных, высокоточных и других средств борьбы. Это будет происходить в условиях отсутствия доверия между Вашингтоном и Москвой и нарастания напряженности между ведущими экономическими державами — Соединенными Штатами и Китаем. И рассчитывать на то, что в обозримом будущем начнется серьезный разговор на эту тему между крупнейшими военными державами — США, Россией и Китаем — не приходится.

Это связано с тем, что в период пребывания в Белом доме администрация Трампа антироссийские санкции и множество других негативных факторов в двусторонних отношениях между Москвой и Вашингтоном резко усилились. Повестка дня между РФ и США сократилась до единственного пункта — предотвращения опасности непредумышленного возникновения войны (которая может возникнуть в результате эскалации локального или регионального конфликта, а также инцидентов между ВС двух стран)¹⁴⁸.

При 45-м президенте США Байдене российско-американские отношения в лучшую сторону не изменились. Свидетельство тому — очередная порция антироссийских санкций от его администрации. Поэтому Москва в настоящий момент не ждет от Вашингтона ничего, кроме продолжения жесткой антироссийской политики. Тем не менее, 7 декабря 2021 г. состоялись переговоры по видеосвязи между Путиным и Байденом, на которых были обсуждены проблемы двусторонних отношений, стратегической стабильности, а также ситуация на Украине и расширение НАТО. После переговоров президенты распорядились приступить к «предметным консультациям по чувствительным вопросам», в том числе о надежных и долгосрочных гарантиях безопасности, которых ждут в Москве. Как заявил замглавы МИД С. Рябков: «В результате переговоров Москва не будет предлагать НАТО закрепить за определенными странами постоянный нейтральный статус, чтобы не допустить расширения альянса на Восток. Мы ведем вопрос к тому, что России нужны правовые гарантии безопасности в глобальном смысле», — отметил он. В свою очередь спикер Белого дома Дж. Псаки подчеркнула, что: «у альянса нет агрессивных планов в отношении России, Байден передал это [Москве]. Каждый сделанный нами шаг представляет собой защитные меры, необходимые для обороны союзников».

В комментариях по поводу переговоров российский политолог С. Рогов сделал упор на заявление Байдена о поддержке Украины, в том числе вооружениями и дополнительными санкциями. «Но сам факт обсуждения главами России и США украинского вопроса имеет большое значение, — отметил эксперт. — Нынешняя администрация понимает, что решение кризиса находится не в сфере российско-украинских переговоров, как того требует Киев, а лежит между Вашингтоном и Москвой. Он также отметил готовность руководства США обсуждать российскую озабоченность безопасностью. — Не помню, когда последний раз Соединенные Штаты публично признавали, что у России могут быть интересы в этой области»¹⁴⁹.

Тем не менее, трудно представить, что администрации Дж. Байдена удастся восстановить в ближайшей перспективе институт двусторонних саммитов в качестве главного инструмента «переналадки» американо-российских отношений. В этой области лишь можно прогнозировать попытки повысить гибкость американских санкций (включая и возможность оперативной отмены или модификации некоторых из них), а также минимизировать разногласия по вопросам санкций между США и их европейскими партнерами по отношению к России.

Дополнительная сложность для восстановления полноценного диалога между Вашингтоном и Москвой состоит в том, что администрация Дж. Байдена будет стремиться к быстрым внешнеполитическим победам. Хотя отношения с Россией не дают оснований надеяться на быстрые победы — переговоры по ключевым для обеих сторон вопросам, за исключением ДСНВ-3, будут трудными, а их результаты (если они вообще будут) окажутся скромными. Данное положение может измениться лишь в случае существенных политических перемен в одной или в обеих странах, которые в ближайшем будущем не

просматриваются. Ибо администрация Байдена в ее противостоянии с Россией будет увеличивать поддержку противостоящим Москве государствам «ближнего зарубежья» — Украине, Грузии и Молдове. Она будет включать в себя и расширение военно-технического сотрудничества, и лоббирование более тесного взаимодействия этих стран с НАТО, что окажет существенное негативное воздействие на американо-российские отношения.

Тем не менее, администрация Дж. Байдена не сможет игнорировать Москву в своей внешней политике. Россия является не только ядерной сверхдержавой, способной многократно уничтожить Соединенные Штаты, но и располагает уникальными возможностями для проецирования своей военной мощи далеко за пределами государственных границ. Она также является постоянным членом СБ ООН, обладающим правом вето, и входит в G-20, АТЭС, БРИКС, ШОС и в другие важные многосторонние организации. РФ выступает важным игроком на многих глобальных рынках — нефти и газа, современных вооружений, продовольствия и имеет широкую сеть партнеров практически во всех регионах мира, в том числе имеющих стратегическое значение для США.

Поэтому администрация Дж. Байдена будет постоянно сталкиваться с российским фактором на всех основных направлениях своей внешней политики. Изолировать Москву не получится, а значит, американо-российский диалог в тех или иных формах, на том или ином уровне будет продолжен. При этом ожидания от этого диалога с обеих сторон будут оставаться весьма скромными. И если Москва не признает, что «Америка превыше всего», то следует ожидать наращивания давления на Россию по всем линиям — санкционной, информационной, политической и военной, с тем, чтобы наследники Путина в Кремле предприняли «правильные» (с точки зрения Вашингтона) действия в сторону сближения отношений РФ и США. А существующие проблемы российско-американского сближения позволяют сделать два вывода. Первый — проблемы в двусторонних отношениях вызваны не «злой волей лидеров России и США, а более глубинными причинами. И второй — высокий уровень конфликтности в российско-американских отношениях обусловлен не столько наследием «холодной войны», сколько наличием системных противоречий в глобальном масштабе.

Внешнеполитическая стратегия России в регионах мира

Ключевой задачей во взаимоотношениях с *европейскими странами* — членами *НАТО* является сохранение стратегической стабильности в регионе. Тем не менее, в ближайшей перспективе отношения с ними будут оставаться напряженными¹⁵⁰. При этом возможны инциденты на линии этого противостояния — от Арктики и Балтики до Черного моря и в других регионах мира. Оценивая изменение военного баланса между ОВС НАТО и Вооруженными силами России (ВС РФ) на востоке Европы, российский эксперт по проблемам европейской безопасности А.В. Загорский отмечал: «Совокупная численность личного состава размещенных в странах Балтии и Польше с 2017 г. четырех многонациональных батальонов не превышает 4500 военнослужащих

и вполне вписывается в сформулированное Россией в 2009 г. понимание максимального предела «существенных» боевых сил». В этой связи российская сторона считает «существенными боевыми силами» все, что превышает уровень одной бригады во всех новых странах — членах альянса. В свою очередь в Брюсселе проявляют озабоченность наличием боевых частей ВС РФ в Калининградской и Псковской областях¹⁵¹. Так, на прибалтийском направлении, по оценке американской стороны, российские вооруженные силы могут сосредоточить 22 батальонные тактические группы (до 100 000 солдат и офицеров) и обеспечить полное господство в воздухе. Противопоставить этой мощи американцам и их натовским союзникам нечего. Свидетельством тому стали результаты командно-штабных игр 2014—2015 гг., которые дали недвусмысленный результат: в случае военного конфликта между РФ и НАТО прибалтийские государства будут быстро (в течение 60 часов) захвачены в ходе скоротечной военной кампании, и только переброска семи бригад, из них трех танковых, может предотвратить такое развитие событий (рис. 1.5.1)¹⁵².

В этих условиях важнейшее значение приобретают меры по недопущению эскалации конфликта между Россией и странами НАТО. Главное здесь — предотвращение инцидентов с участием военных сил за счет мер по укреплению доверия; обеспечение надежной работы «горячих» линий связи,

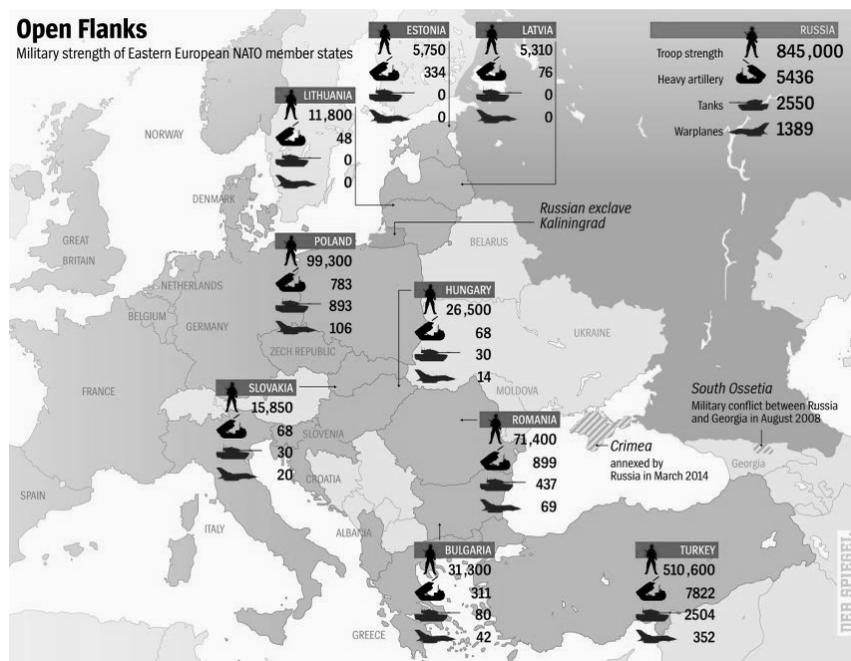

Рис. 1.5.1. Баланс сил России и НАТО на востоке Европы.

Источник: URL: <https://dynamicglobal.files.wordpress.com/2015/03/nato-russia.jpg?w=930>

в том числе между военными; наличие посредников, пользующихся доверием у обеих сторон и способных вести конструктивный диалог по спорным вопросам и общим проблемам в сфере стратегической стабильности.

На фоне конфронтации взаимодействие с Россией будет осуществляться в форме заключения договоренностей в тех областях, где совпадают или пересекаются национальные интересы. Москва не будет уклоняться от такого партнерства с НАТО и готова взаимодействовать с Брюсселем. Однако российская сторона пойдет на такое сотрудничество только если убедится, что альянс учитывает российские интересы. Для достижения этой цели Россия будет добиваться:

- уважения её «пространства безопасности» через исключение возможности вступления в НАТО постсоветских республик (Грузии, Молдавии, Украины) и предоставление этим странам нейтрального статуса по отношению к России и НАТО;
- сотрудничества в разрешении международных кризисов под эгидой СБ ООН, где Россия обладает правом вето;
- восстановления экономических отношений между Россией и Западом в процессе урегулирования конфликта в Донбассе на основе соглашения «Минск-II» и поиска формулы для признания Крыма частью России в соответствии с волеизъявлением его жителей.

В контексте ухудшения отношений с НАТО возможна активизация взаимоотношений России с ее членом — Турцией, которая так и не добилась членства в ЕС. В качестве примера активизации двустороннего сотрудничества служит газовый проект «Турецкий поток», который рассматривается руководством РФ как альтернатива заблокированному ЕС проекту «Южный поток», и совместные усилия российских и турецких военных по стабилизации военной обстановки в Сирии (однако усилению их сотрудничества мешает позиция Турции, которой выгодно усиление позиций ИГИЛ, так как она ослабляет позиции непримиримого противника Анкары — курдов).

Не потеряет актуальности вектор внешней политики РФ, связанный с отношениями с *Евросоюзом*. Несмотря на существенное давление, оказываемое ЕС на Россию, не в интересах Москвы идти на жесткую конфронтацию, так как Европа продолжает являться основным экономическим партнером России. Возможно, лучшей стратегией в отношениях с Евросоюзом будет ожидание, пока ЕС решит свои проблемы по поддержанию единства этого объединения и его нормального функционирования. Однако это не решит главной проблемы в отношениях с ЕС — выработки новой модели взаимодействия (возможности ее создания в ближайшем будущем можно оценить, как скептические). В связи с этим ключевыми усилиями российской дипломатии будут налаживание и укрепление отношений с теми странами — членами ЕС, которые заинтересованы в партнерстве с Россией. Приоритетными для России странами будут Германия, Франция и Италия в силу их политического и экономического влияния в ЕС. Другие задачи будут выстраиваться в рамках тех положений, которые записаны в действующей Концепции внешней политики РФ.

Постсоветское пространство по-прежнему является жизненно важным для России регионом, где имеются прочные экономические связи. Сохранение стран этого региона в зоне влияния РФ во многом решает проблемы обеспечения безопасности страны. Интеграцию с ними планируется реализовать посредством вовлечения государств постсоветского пространства в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Для России этот проект имеет важное значение — в Восточной Европе ряд постсоветских стран (Молдавия, Белоруссия, Украина) присоединились к проекту Восточное партнерство, а Молдавия и Украина — вошли в ассоциацию с ЕС. В странах Закавказья растет влияние Турции и Ирана. Поэтому в Закавказье политику интеграции можно реализовать через сотрудничество России с Арменией в рамках ОДКБ.

Важным направлением российской внешнеполитической стратегии станет активное продвижение идеи сопряжение проекта ЕАЭС и китайского «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). Главная цель России — сделать ЭПШП инструментом укрепления и совершенствования ЕАЭС, не допустить их конкуренции, а в дальнейшем — положить ресурсы ЭПШП в основу формирования экономико-политического сообщества «Большой Евразии». Поэтому среди ближайших задач РФ — разрешение противоречий между членами ЕАЭС для создания общего экономического пространства. Оно будет способно создать противовес западным державам, а с другой стороны — минимизирует риски экономического поглощения Китаем стран ЦА.

Другим важным направлением внешнеполитической стратегии РФ будет активное участие в развитии организаций *БРИКС* и *ШОС*. Взаимодействие со странами БРИКС создает альтернативу влиянию Запада на мировую политику и снижает влияние ведущих западных институтов (Всемирного банка и МВФ) в контексте создания странами БРИКС Банка развития. Координация в формате БРИКС позволяет странам — участникам организации обмениваться мнениями по основным вопросам международной повестки дня и формулировать единую позицию без участия и давления со стороны стран Запада.

А кооперация в рамках ШОС позволяет России предпринять дальнейшие практические шаги по противодействию трем угрозам: терроризму, экстремизму и сепаратизму, а также наркоторговле и укрепит взаимоотношения между РФ и КНР.

С учетом возможной дестабилизации в ЦА взаимодействие с Китаем в рамках ШОС может оказать существенное положительное влияние на обстановку в регионе. Но у китайско-российского взаимодействия есть ограничения: Китай не намерен радикально портить свои деловые отношения с США; Россия в свою очередь стремится не попасть в зависимость от более сильного экономически партнера; экономические стратегии РФ и КНР не всегда совпадают. В частности, это касается вопросов, когда из-за несовершенства государственного регулирования у Москвы происходят конфликты с китайским бизнесом. Другая сложность заключается в мощной защищенности китайского рынка. Следовательно, главными приоритетами Москвы в российско-китайских отношениях будут — синхронизация политических усилий в сфере международной безопасности, укрепление всесторонних связей и развитие их

стратегического характера. При этом совпадение принципиальных подходов РФ и КНР к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Москвой в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности.

В *Центральной Азии* в ближайшей перспективе следует ожидать смену режимов в ряде стран. В связи с этим России необходимо быть готовой к ухудшению ситуации в регионе, появлению очагов нестабильности, росту влияния исламизма. В перспективе будут нарастать трения, связанные с вопросами о водных ресурсах, возможно ожидать перехода и других конфликтов в «горячую» фазу. Здесь РФ нужно приложить максимум усилий, выступая в роли посредника и миротворца, чтобы не допустить эскалации напряженности. Поэтому одной из основных задач внешнеполитической стратегии России будет повышение продуктивности отношений со странами ЦА и с Китаем. В условиях, когда на западном направлении перспективы налаживания отношений туманны, полем деятельности, где Россия сможет добиться реального прогресса, становится Центрально-Азиатский регион.

Операция ВКС РФ в Сирии ознаменовала возвращение РФ в *Ближневосточный регион*. И в ближайшие 5 лет России предстоит решить *ряд задач* по закреплению здесь своего присутствия. *Во-первых*, среди первостепенных внешнеполитических задач — достижение политического урегулирования в Сирии. Пока компромисса достичь не удастся. Разрешение кризиса в пользу только одной стороны чревато тем, что проигравшие террористы и экстремисты попытаются «взять реванш» в других регионах мира, в том числе в ЦА, что негативно повлияет на интересы РФ и ее союзников по ОДКБ и ШОС. *Во-вторых*, реализовать потенциал посредничества в сирийском конфликте для урегулирования других региональных конфликтов (палестино-израильского, ливийского) и продолжить борьбу против исходящих от ИГИЛ и других террористических организаций угроз как с помощью силовых методов, так и «мягкой» силы для развенчания их экстремистской идеологии. *В-третьих*, обеспечить реализацию завоеванных позиций в регионе для российского бизнеса, в первую очередь в высокотехнологичных сферах (строительство АЭС, газо- и нефтедобыча, строительство трубопроводов, инвестиционная деятельность и т. п.), закрепив за собой военное присутствие в регионе. *В-четвертых*, сохранить проводимый курс на диверсификацию, в рамках которого Россия будет поддерживать сотрудничество с ближневосточными государствами. *В-пятых*, России необходимо быть готовой к тому, что в регионе могут произойти неожиданные события, поэтому при планировании внешнеполитического курса РФ в регионе необходим просчет всех сценариев, в том числе и негативных (война на Ближнем Востоке не имеет быстрого окончания. Боевики ИГИЛ имеют поддержку среди суннитского населения Ирака, которое не стремится вернуться под контроль шиитского правительства в Багдаде. И с учетом того, что борьба с ИГИЛ связана и с курдским вопросом, в ближайшей перспективе путь к урегулированию конфликта найден не будет). Нестабильность с Ближнего Востока будет распространяться на сопредельные регионы: в Центральную и Юго-Восточную Азию и Закавказье. Следователь-

но, стратегическими задачами внешнеполитического курса России будут укрепление безопасности границ страны, а также борьба с терроризмом в рамках ОДКБ и ШОС.

При этом следует не забывать, что Ближний Восток — район с огромными запасами нефти и газа, которые через Суэцкий канал и Ормузский пролив развозятся по всему миру. В Судане Россия разворачивает вторую базу, что позволит ей контролировать торговый трафик Ормузского залива. На базе может одновременно находиться 4 военных судна России. Иран также имеет порты на побережье и может стать партнером России в регионе. При этом он граничит с Арменией, которая важна для России по линии ОДКБ и ЕАЭС, поэтому укрепление дружественных отношений Москвы и Тегерана ослабляет соседа Армении Турции — члена НАТО, роль которой в боевых действиях в 2021 г. в Карабахе известна. В те времена Стамбул активно снабжал Азербайджан своим оружием и военными инструкторами. Не нужно забывать и о том, что в Иране проживает от 15 до 30 млн азербайджанцев, на которых имеют виды турки¹⁵³.

Таким образом, предпринимаемые акции на Ближнем Востоке демонстрируют тенденцию по превращению России в активного актора на мировой арене. Её ближневосточные цели укладываются в общий смысл российской внешнеполитической стратегии, ключевыми направлениями которой являются идеи противодействия распаду института суверенных государств, противостояния нелегитимным преобразованиям власти в странах мира, начиная от Ливии и заканчивая Украиной. В этом отношении Россия выступает в качестве лидера направления в мировой политике, не рассматривающего в отличие от западных стран «демократизацию» как гарант устойчивого развития государства.

Значительный потенциал для развития торгово-экономических связей сохраняется для России и в отношениях со странами *Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии*. Усилия на этом направлении будут подкрепляться расширением взаимодействия в таких форматах, как Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание министров обороны государств — членов АСЕАН с диалоговыми партнерами. Приоритетом Москвы также будет разрешение проблем северокорейской ядерной программы. Россия будет поддерживать инициативу Китая, высказанную до начала работы Всекитайского собрания народных представителей в марте 2018 г., заключающуюся в следующем: КНДР отказывается от ядерных экспериментов и ракетных испытаний над Японией и Южной Кореей, а США в ответ воздерживаются от проведения крупных маневров и полетов стратегических бомбардировщиков на определенном расстоянии от северокорейского воздушного пространства. Но какой бы привлекательной не казалась идея ядерного разоружения КНДР, в краткосрочной перспективе эта цель едва ли достижима (КНДР удалось взять на «ракетно-ядерную мушку» США. Тем самым Пхеньян революционизировал понятие сдерживания: достаточно заменить названия стран «Северная Корея» и «США» на любые другие, чтобы осознать потенциальные последствия этой революции). Однако есть и пози-

тивные сдвиги в этом направлении. Так, 3 марта 2018 г. Северная Корея согласилась на переговоры с США по этой проблеме.

Широкие возможности для внешнеполитической стратегии России представляет *Азиатско-Тихоокеанский регион*, особенно на фоне усиления протекционистских тенденций США. При этом Россия рассматривает укрепление своих позиций в АТР и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону. Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в АТР для использования возможностей региона при реализации программ развития Сибири и Дальнего Востока, в создании в регионе всеобъемлющей, открытой и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах.

Россия продолжит укрепление отношений с государствами *Латинской Америки и Карибского бассейна* с учетом растущей роли этого региона в мировых делах. Россия стремится к консолидации связей с латиноамериканскими партнерами в рамках международных и региональных форумов, в частности: с Сообществом латиноамериканских и карибских государств; Южноамериканским общим рынком; Союзом южноамериканских государств, Центральноамериканской интеграционной системой и т. д. Кроме того, России предстоит расширять внешнеполитическое взаимодействие в интересах укрепления многосторонности сотрудничества, в том числе завершение процесса превращения Латинской Америки в зону безвизовых поездок для россиян и размещение в странах региона передовых российских технологий и инвестиций.

С экономической точки зрения, значительный интерес для России представляет *Африка*. Российские компании постепенно выходят на африканские рынки, но «окно возможностей» их постепенно сужается: на континент активно проникают те, кто осознал, что будущее экономического развития мира — за этим континентом. В этой ситуации важную роль в продвижении на континент российских интересов могло бы сыграть не только государство, но и национальные компании. Кроме того, распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в Северной Африке обусловлены в значительной степени внешним вмешательством, что в совокупности привело к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности. Эти вызовы и угрозы требуют адекватного комплексного ответа со стороны России и консолидации ее усилий с африканским сообществом. Эта задача определена действующей Концепцией внешней политики РФ и будет претворяться в жизнь.

При этом в условиях замедления темпов роста мировой экономики и производительности труда, глобальной конкуренции и торговых войн ключом к успеху и региональному и глобальному лидерству становятся инновации. На начальном этапе становления страны в качестве независимого государства Россия отставала от ведущих стран именно по этому показателю — сказались распад Советского Союза, последовавший за ним экономический крах и не-

простые 90-е годы с их войнами, дефолтом и прочими проблемами. Однако в нулевые годы XXI века ситуация начала меняться, Россия в вопросе внедрения новых технологий стала действовать последовательно и более настойчиво. Так, в Глобальном инновационном индексе страна поднялась с 54-го места в 2007 г., когда рейтинг был составлен впервые, на 47-ю позицию в 2020 г. и не собирается останавливаться на достигнутом. Поэтому в ближайшем десятилетии у России есть все шансы стать одним из лидеров в сфере использования искусственного интеллекта и создании беспилотных транспортных средств.

И перспективы в этом смысле есть — лучшие российские проекты получают неплохие дивиденды уже сейчас. Так, согласно отчету «Венчурная Россия», за 2019 г. было заключено 230 публичных сделок. В итоге рост объема инвестиций в венчурный рынок по сравнению с 2018 г. составил 13 %, а средний чек в сделках с проектами вырос в 1,6 раза — до 78,2 млн долл. Это рекордный показатель для России, что может позволить ей оказаться в топ-10 венчурных экономик в мире¹⁵⁴.

Оценивая внешнеполитический курс России на современном этапе ее развития, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, перспективы возвращения России статуса «мировой державы» связаны с разработкой концептуальных основ и механизмов реализации ее национальной стратегии в XXI веке. В связи с этим в области геополитики важной составной частью внешнеполитического курса РФ является ее политика в отношениях с ООН, G-20, РИК, БРИКС, а также в рамках таких международных структур, как ШОС и ОДКБ, где она играет ведущую роль. При этом ключевым направлением российской внешней политики будет оставаться европейское направление из-за существенных торгово-экономических связей с Европой. Вместе с тем Россия не желает «раствориться» в «общеевропейском доме» в силу своих географических масштабов и культурного своеобразия. Поэтому стратегический курс политики РФ становится более азиатским, чем прозападным. Этот курс направлен на развитие как двусторонних отношений, так и на оптимизацию многосторонних связей России со странами Азии и Ближнего Востока. Он также ведет к углублению общих позиций России с исламским миром по вопросу о формировании многополярного мира. При этом интеграция РФ с ближним зарубежьем приобретает большую целенаправленность и в дальнейшем будет сопровождаться усилением влияния на постсоветском пространстве. Эта политика Москвы будет сталкиваться с противодействием стран НАТО, имеющих экспансионистские устремления в отношении республик постсоветского пространства.

Во-вторых, главное ограничение на пути формирования многополярного мира исходит из стремления стран Запада во главе с США сохранить прежнюю гегемонию. Действиями в этом направлении стали расширение НАТО на Восток, выход США из Договоров РСМД, по Открытому небу и по ПРО. Тем не менее, Россия готова к восстановлению сотрудничества с США в самых разных областях, однако вряд ли можно ожидать встречных шагов от нынешней администрации Белого дома. В связи с этим в ближайшие годы российско-американские отношения останутся холодными. И пока политиче-

ские факторы препятствуют экономическим связям России с Западом, она активно использует свои возможности в других регионах мира, где также есть множество препятствий для реализации ее политических и экономических интересов. Поэтому внешнеполитическую обстановку вокруг РФ можно характеризовать как «напряженную».

В-третьих, из двух главных оппонентов Соединенных Штатов на международной арене — Китая и России — именно последняя в глазах американских стратегов является «слабым звеном». При этом Китай воспринимается американцами как супердержава XXI века, а Россия — как супердержава из прошлого XX века. Она рассматривается администрацией Дж. Байдена как долгосрочный стратегический вызов, мешающий сосредоточиться на более важных направлениях внешней политики США. Однако игнорировать Россию невозможно, учитывая её активную роль в мировой политике и те усилия, которые Россия предпринимает, пытаясь противостоять США. Поэтому цели политики администрации Байдена в отношении РФ — сократить риски и снизить издержки американо-российской конфронтации, не ослабляя давления на ее политический режим. И поскольку перспективы восстановления двусторонних отношений выглядят «туманными», основная часть работы будет передана на уровень дипломатов, чиновников и экспертов. Связи с этим в среднесрочной перспективе возможно завершение «дипломатической войны» между Москвой и Вашингтоном, однако это не приведет к существенному улучшению отношений между США и РФ, в отношении которой разносторонние санкции администрацией Байдена могут быть усилены.

В-четвертых, оценивая внешнеполитическую стратегию России в регионах мира, следует отметить, что ключевой задачей во взаимоотношениях с европейскими странами — членами НАТО будет сохранение стратегической стабильности. Тем не менее, в ближайшей перспективе отношения с ними будут оставаться напряженными. Не потеряет актуальности вектор внешней политики РФ, связанный с отношениями с Евросоюзом. Несмотря на существенное давление, оказываемое ЕС на Россию, не в интересах Москвы идти на жесткую конфронтацию, так как Европа является основным экономическим партнером России. Постсоветское пространство также будет являться жизненно важным для России регионом, где имеются прочные экономические связи. Сохранение стран этого региона в зоне влияния РФ во многом решает проблемы обеспечения безопасности страны. А в условиях, когда на западном направлении перспективы налаживания отношений «туманны», полем деятельности, где Россия сможет добиться реального прогресса, становится Центрально-Азиатский регион. В Ближневосточном регионе России в ближайшее время предстоит решить ряд задач по закреплению здесь своего присутствия. Среди первостепенных задач — достижение окончательного урегулирования военной ситуации в Сирии и обеспечение реализации завоеванных позиций в регионе для российского бизнеса. Россия рассматривает укрепление своих позиций в АТР и Африке через активизацию ее отношений с расположенными в них государствами как стратегически важное направление своей внешней политики.

1.6. Отношения между акторами «стратегического треугольника» в военно-политической сфере

Взаимоотношения между США и Китаем в военно-политической сфере

Важнейшей особенностью мирового развития является обострение соперничества ведущих центров силы современного мира — США, Китая и России, по своей сути представляющего собой глобальный геополитический конфликт, в котором США, стремясь сохранить лидерские позиции, объективно выступают за консервацию своего привилегированного положения, а их соперники Китай и Россия — заинтересованы в трансформации существующего мироустройства в полицентрический миропорядок. Растущая напряжённость в отношениях этих государств повышает риск глобального военного столкновения¹⁵⁵. Так, по оценке авторов доклада к Мюнхенской конференции по безопасности (2019 г.), соперничество супердержав стало важнее угрозы терроризма. Они полагают, что после окончания «холодной войны» в любом случае мир ждёт «период длительной стабильности и неопределённости»¹⁵⁶.

При этом превращение Китая во вторую экономику мира (по официальному валютному курсу; в 2014 г. КНР вышла на 1-е место в мире по размерам ВВП, исчисленным по паритету покупательной способности) и государство с расширяющейся зоной геополитического влияния влечёт за собой серьёзные последствия для глобального баланса сил и положения Соединённых Штатов в качестве единственной сверхдержавы.

Как следствие — в сфере их военно-политических отношений произошел ряд существенных изменений, как в доктринальном обеспечении национальной безопасности, так и в развитии систем вооружений. Так, в 2018 г. в американском «Обзоре ядерной политики» был озвучен тезис о заметном росте угрозы Соединённым Штатам со стороны Китая¹⁵⁷. Там констатировалось, что Китай пополняет свои арсеналы новыми видами ядерных средств, усиливая роль стратегических ядерных сил (СЯС) в национальной стратегии, и ведет себя все более агрессивно в международных делах. В документе также содержится предупреждение, что прямой военный конфликт США с Китаем может перерасти в ядерный, что ставит на повестку дня реализацию США в отношении Китая концепции ядерного сдерживания. При этом допускается возможность «дозированного ядерного ответа», если это сдерживание не работает. Одновременно перед ВС США ставится цель «повысить гибкость и многообразие американского ядерного потенциала, в том числе допустив возможность использования ядерного оружия малой мощности»¹⁵⁸.

В частности, это связано с тем, что растущие претензии Китая на утверждение в качестве регионального гегемона, а в перспективе и на мировое лидерство воспринимаются американскими стратегами как подрыв основ существующего мироустройства и лидерских позиций Соединённых Штатов. Поэтому в военной аналитике Вашингтона Китай оценивается как государство, ведущее «холодную войну» против США с целью замены их в качестве лиди-

рующей сверхдержавы. Ссылаясь на работы председателя КНР Си Цзиньпина, чьё мировоззрение было закреплено в Конституции страны, участники форума по безопасности в Аспене (Колорадо, июль 2018 г.) характеризовали эту войну как отличающуюся от противостояния СССР и США, но тем не менее классическую по своим целям с использованием всех возможностей — законных и незаконных, экономических и военных для подрыва позиций соперника, не скатываясь к открытому конфликту. Согласно заявлениям высокопоставленных чиновников, включая директора ФБР К. Рея, директора Национальной разведки Д. Коутса, Китай в настоящее время во многих отношениях представляет собой самую масштабную, самую сложную, самую серьёзную угрозу, с которой сегодня сталкиваются США¹⁵⁹.

Поэтому лейтмотив многих официальных заявлений американских политиков таков: Китай как соперник Соединённых Штатов неизмеримо опаснее России, поскольку концентрирует усилия на превращении в самое влиятельное государство мира, а Россия прежде всего стремится к доминированию на постсоветском пространстве. Высказываются опасения по поводу возможности новой «холодной войны» между США, с одной стороны, и альянсом РФ и Китая, с другой. Другие варианты состояния американо-китайских отношений представлены в ряде авторитетных международно-политических изданий и общенациональной прессе¹⁶⁰. К примеру, не лишена резона интерпретация причин гипотетического глобального конфликта между Китаем и США, предложенная американским учёным Г. Эллисоном. По его мнению, в случае с США и Китаем этот риск осложняется цивилизационной несовместимостью, усугубляющей конкуренцию и затрудняющей взаимодействие¹⁶¹.

При этом важнейшим плацдармом в геополитическом соперничестве США и Китая является Восточная Азия. Нарастание Китая военного присутствия в Южно-Китайском море (ЮКМ) расценивается Соединёнными Штатами как стремление расширить геополитическое влияние, создав плацдарм для контроля над морскими коммуникациями в этом районе Мирового океана, позволяющий максимально дистанцировать тихоокеанскую группировку американских ВМС от береговой линии КНР, и тем самым поставить под вопрос превосходство США в западной части Тихого океана. Открытие в августе 2017 г. первой китайской военной базы за рубежом в районе Африканского Рога (Джибути) свидетельствует о создании потенциала не только для регионального, но и глобального проецирования силы¹⁶².

Поэтому для укрепления планов сдерживания Пекина на глобальном и региональном уровнях Пентагон осуществляет модернизацию американских СЯС, которые могут быть использованы против Китая. Речь идет о ядерных БРПЛ, КРМБ и КРВБ с зарядами пониженной мощности, а также разработке боеприпаса свободной падения В-61-12 малой мощности. При этом программа глобальной ПРО США была изначально нацелена на АТР. По замыслам американских стратегов, в этом регионе должны быть размещены до 80 % радиолокационных станций (РЛС) ПРО и перехватчиков в дополнение к уже развернутым РЛС на 16 из 24 кораблей ВМС США с системами «Иджис» и на

кораблях союзников США. Помимо этого, в США разрабатываются гиперзвуковые планирующие летательные аппараты программы «глобального удара», которые должны быть способны преодолевать систему ПРО КНР, которая прикрывает береговые пусковые ракетные установки, способные нанести первый удар по кораблям США, и противоспутниковые системы.

Сферой соперничества США и Китая становятся новейшие системы оружия, такие, как беспилотные летательные аппараты, перспективные виды боевой авиации, боевые лазеры, а также робототехника, кибероружие и т. д. По оценке российских учёных из ИМЭМО РАН, в области обычных вооружений это соперничество наиболее остро проявится в военно-морском сегменте. В результате к концу прогнозного периода (2035 г.) Китай сможет создать серьёзные проблемы для США в случае попыток ограничить сферу его влияния, и прежде всего в прилегающих к нему акваториях¹⁶³. Просматривается перспектива вывода американо-китайского соперничества за пределы традиционного геополитического пространства — в космос. США и Китай в этой сфере объединяет общее видение развития космической отрасли в контексте подготовки к ведению боевых действий в XXI веке.

В американской правящей элите и экспертном сообществе существует консенсус в оценке роста военного потенциала Китая и его активной политики как долгосрочного стратегического вызова доминированию США в АТР, Латинской Америке и Африке. Если в нулевые годы преобладало мнение о необходимости для Соединённых Штатов в отношениях с КНР следовать сбалансированной политике, сочетающей элементы сдерживания этой страны с достижением взаимоприемлемых соглашений по спорным вопросам, и даже обсуждалась идея создания американо-китайского тандема (G-2) для формирования нового миропорядка, то меняющееся соотношение сил перестало служить основой для гармонизации стратегических интересов этих стран. Отношения с Китаем рассматриваются во многом с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния, при этом ставка делается на сдерживание внешнеполитической активности этого государства как «ревизионистского», угрожающего доминированию США.

Исходя из этого, стратегия сдерживания Китая осуществляется по следующим направлениям: усиление американского присутствия в АТР; укрепление силового потенциала союзников и партнёров в регионе для противодействия растущей мощи КНР; сужение пространства для геополитического маневрирования КНР путём включения государств, расположенных по периметру китайских границ, в западные структуры и зоны влияния. В целях сдерживания роста китайского влияния администрация США усиливает свое партнёрство с «демократиями вокруг Китая» — с Японией, Австралией и Индией. Американский геополитик Р. Каплан также рекомендует нынешней администрации стремиться к проецированию силы и влияния в «ближнем зарубежье» Китая и России, чтобы создать более благоприятный контекст для переговоров, избегая открытого конфликта с обоими государствами¹⁶⁴.

Взаимные недоверие и подозрения между Китаем и США создают условия для роста напряжённости и конфронтации в отношениях между ними.

В связи с этим экспертами высказываются опасения по поводу упрочения позиций Китая благодаря его партнёрству с Россией. «Китай, — полагает американский политолог Р. Мерри, — является государством, которое обладает наибольшей силой, чтобы бросить вызов роли Америки в мире, выдавливая её из Азии назад к опорному плацдарму — Гавайям». Согласно его рекомендации, «Соединённые Штаты должны стремиться увести Россию от флирта с Китаем, который наблюдался в последнее время»¹⁶⁵.

С позиций США, при всей остроте противостояния с Россией в Вашингтоне более озабочены сдерживанием Китая. В ряде публикаций высказывается мысль о возможности создания американо-российского альянса для сдерживания Китая. Симптоматичен совет известных экспертов Г. Эллисона и Д. Саймса администрации в рамках «треугольника» США—Китай—Россия воспользоваться формулой «враг моего врага — мой друг». Апеллируя к опыту антигитлеровской коалиции периода Второй мировой войны и дипломатическому манёвру Никсона — Киссинджера начала 70-х годов для ослабления и подрыва российско-китайского партнёрства, они следующим образом формулируют свою позицию: «Если определяющим вызовом национальным интересам США в XXI веке оказался растущий Китай, то предотвращение появления китайско-российского союза должно стать ключевым приоритетом США. Чтобы убедить Россию сесть на американскую сторону качелей баланса сил, американским политикам потребуется существенно пересмотреть свои стратегические цели в отношениях с Москвой»¹⁶⁶.

Поэтому американский историк Х. Брэндс в статье для Bloomberg рекомендовал администрации Д. Трампа в отношениях с Россией достичь новой разрядки напряжённости и даже стратегического партнёрства, чтобы ослабить более серьёзную и долговременную угрозу со стороны Пекина¹⁶⁷.

Это связано с тем, что Китай в 2020 г. должен был завершить модернизацию своих вооружённых сил. В 2016 г. была завершена перестройка всей системы военного управления КНР, продолжаются изменения в структуре НОАК, направленные прежде всего на сокращение сухопутных войск, перенос центра тяжести военной подготовки на флот и создание мощного экспедиционного потенциала для действий в глобальном масштабе. Идет строительство надводных океанских сил флота, в том числе специализированных кораблей для обеспечения десантных операций значительного масштаба на большом удалении от своей территории. В 2015 г. на вооружение ВМС КНР поступила первая морская десантная платформа (вид кораблей, которые существуют только в США). А для реализации концепции «обороны в ближних морях» (создание потенциала по сковыванию и воспрепятствованию действий США в западной части Тихого океана) и «защиты зарубежных интересов» в КНР наращиваются соответствующие асимметричные возможности, в том числе новые виды вооружений, такие как противокорабельные баллистические ракеты. Кроме того, в НОАК развивается потенциал по проведению кибератак против транспортной инфраструктуры США для срыва переброски американских войск в АТР. Для реализации этих военных реформ военные

расходы КНР составили 150,4 млрд долл. (по оценкам SIPRI — более 220 млрд долл.).

Важным элементом обеспечения национальной безопасности в Китае считают развитие своих СЯС, которые пока меньше, чем у Франции. Исходя из этого Китай не желает участвовать в многосторонних переговорах по ядерному разоружению. Кроме того, по сравнению с модернизацией ВС США и России отставание Китая в этой области пока остается существенным. И несмотря на то, что главным соперником военные стратеги Китая считают США, в настоящее время практически все виды войск НОАК подготовлены в рамках ведения боевых действий в ближайшем окружении Китая, а китайские войска не имеют практического опыта ведения боевых действий в современных локальных военных конфликтах.

Чтобы ликвидировать отставание от США в военной области, Китай реализует программы стратегической модернизации инфраструктуры страны и разрабатывает новые типы вооружений. Так, в НОАК успешно прошло испытание жидкостной межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) с разделяющейся головной частью с 10 боевыми блоками; параллельно развиваются твердотопливные межконтинентальные МБР и несколько типов ракет средней дальности. Продолжается развитие морского компонента СЯС и идет работа над созданием стратегического ядерного бомбардировщика.

Большое количество китайских разработок в области «сетевидной войны» и противодействия кибератакам говорит о вхождении США и КНР в технологическое противостояние. Так, в ответ на стратегию Обамы, которая носила выраженный антикитайский характер, китайцы разработали «инициативу 2017» по развитию искусственного интеллекта, которая призвана вывести Китай в лидеры по данному направлению к 2030 г., отеснив США на второй план. Есть также заявки на лидерство в суперкомпьютерных технологиях, большие успехи были достигнуты в гиперзвуке, в НОАК принят на вооружение собственный истребитель 5-го поколения. Китай также намерен планомерно строить свои ВС, которые обеспечат ему господство в Восточной Азии и позволят ограничить военные возможности США в АТР. А к 2050 г. китайское руководство планирует добиться военного паритета с США в глобальном масштабе. При этом, как считает ряд экспертов, Китай сможет вытеснить США из приоритетных для себя зон влияния, таких как Восточная Азия, не вступая в прямой конфликт, просто за счет комбинации постоянного роста своей военной мощи и экономического влияния. Проблемой для США по-прежнему является «размазанность» по миру всех военных сил и ресурсов при концентрации этих ресурсов у Китая в одном регионе.

В Вашингтоне с беспокойством следят за ростом военной мощи КНР. Как отмечается в «Обзоре противоракетной обороны», утвержденном министром обороны США в 2019 г., китайская сторона развернула от 75 до 100 межконтинентальных баллистических ракет, включая новую дорожно-мобильную систему и новую версию своей МБР шахтного базирования с разделяющейся головной частью. В настоящее время Пекин также располагает 4 современными подводными лодками с баллистическими ракетами класса

«Джиуланг», каждая из которых способна нести 12 новых баллистических ракет (SLBM). Таким образом, Китай теперь может потенциально угрожать Соединенным Штатам примерно 125 ядерными ракетами, некоторые из которых оснащены разделяющейся головной частью, и его ядерные силы, по американским оценкам, увеличатся в предстоящие годы. Очевидно, что полноценная китайская стратегическая ядерная триада обеспечит Пекину гарантированный потенциал ответного ядерного удара при любом сценарии ядерного конфликта с Соединенными Штатами — и именно это обстоятельство, а не пресловутое «отсутствие прозрачности» в ядерной политике КНР беспокоит официальный Вашингтон.

Пекин также разрабатывает передовые военные технологии, такие, как маневрирующие при подлете к цели боеголовки и гиперзвуковое оружие. Цель — лишить Соединенные Штаты возможности защищать американских союзников и партнеров в Азии. Ключевым компонентом военной модернизации Китая является его арсенал баллистических ракет с ядерной головной частью, предназначенных для предотвращения военной помощи со стороны США американским региональным союзникам и партнерам. Китай повышает свою способность наносить удары по региональным целям, таким как американские базы и военно-морские силы на больших дальностях с добавлением растущего числа баллистических ракет средней и меньшей дальности. Это включает в себя противокорабельные баллистические ракеты, которые представляют прямую угрозу для американских авианосцев¹⁶⁸.

В сложившихся условиях можно говорить о наличии двух «конфликтотенных узлов» в военно-политических отношениях Китая и США — Тайвань и Южно-Китайское море (ЮКМ), по проблемам которых различаются американские и китайские подходы. Они характеризуются истощением возможностей глобальных и региональных многосторонних институтов, с точки зрения влияния на эволюцию этих проблем, а также отсутствием предложений по их решению.

Так, Вашингтон рассматривает проблемы ЮКМ сквозь призму формирования Индо-Тихоокеанского региона и видит свой основной инструмент в «четырёхстороннем сотрудничестве» с Японией, Австралией и Индией, которые должны подключиться к мероприятиям США по обеспечению свободы судоходства в ЮКМ. А Китай, избегая прямого столкновения с Вашингтоном, расширяет свои возможности, выстраивая военную инфраструктуру на Парасельских островах и островах Спратли, предназначенную не столько для военных целей, сколько для мониторинга ситуации в этом море и стремится подтолкнуть страны АСЕАН к легитимации де-факто существующего положения вещей, расширяя стимулы этих стран к сотрудничеству с Пекином. Однако у партнеров Вашингтона, не желающих осложнять отношения с Китаем, это не встречает большого воодушевления. Противодействуя укреплению военных возможностей Китая в АТР, США активно используют недовольство соседних государств освоением КНР спорных территорий, способное перерасти в открытый конфликт. Поэтому цель Вашингтона — через мобилизацию геополитических соперников Китая девальвировать значение создавае-

мой на искусственных островах китайской инфраструктуры, заставить его тратить ресурсы в соперничестве со странами Юго-Восточной Азии.

Помимо этого, между Пекином и Вашингтоном существует принципиальное различие в трактовке «свободы судоходства» в ЮКМ. Китай ставит вопрос о том, что существует только одна интерпретация свободы судоходства — это торговое судоходство в рамках будущего проекта «Морской Шелковый путь XXI века», а для США — это «военное судоходство», т. е. право беспрепятственного захода кораблей ВМС США и их союзников в любую точку этого моря.

Также до недавнего времени не было заметно каких-то кардинальных изменений во внешней политике США в отношении Тайваня. Китайская сторона неизменно выступает против любой формы официальных контактов между США и тайваньскими властями. Эта проблема обостряется тем, что китайское руководство заявило: «решение тайваньской проблемы не может затягиваться до бесконечности» и «не давать обещания отказаться от применения военной силы». Пекин рассматривает тайваньский вопрос как проблему защиты национального суверенитета в контексте политики «одного Китая». Такая позиция китайского руководства не могла не обеспокоить США и Японию, которые убеждены, что «стратегическим интересам США и Японии будет нанесен серьезный ущерб» при усилении КНР в западной части Тихого океана и Южно-Китайском море. При этом США опасаются, что их главенствующему положению в АТР будет брошен вызов¹⁶⁹, в связи с чем в 2010 г. администрация Обамы одобрила продажу крупной партии оружия Тайваню (6,3 млрд долл.) и активизировала деятельность ВМС США в районе ЮКМ, которые также провели ряд совместных с Южной Кореей военно-морских учений в Жёлтом море. Из-за этих действий Вашингтона в 2020 г. были разорваны связи КНР с США по военной линии. В период пребывания у власти администрации Трампа ситуация в американо-китайских отношениях по проблемам Тайваня стала меняться в лучшую сторону. Пришедший после Б. Обамы к власти в Белом доме президент США Д. Трамп во время разговора с Си Цзиньпином в 2019 г. не только признал политику «одного Китая», но и пообещал, что будет согласовывать с Пекином последующие действия на тайваньском направлении. Стоит также отметить, что ни США, ни Китай не заинтересованы в эскалации конфликта на Корейском полуострове из-за северокорейской ядерной программы. Соединенные Штаты опасаются непредсказуемых действий КНДР особенно после того, как США осознали, что северные корейцы ни при каких обстоятельствах ядерное оружие не сдадут, несмотря на серию переговоров между Вашингтоном и Пхеньяном по этому поводу.

Для Китая обстановка на Корейском полуострове может нести угрозу его собственной безопасности. Будучи связанной с КНДР обязательствами по оказанию военной помощи в случае войны, КНР сама может оказаться на грани катастрофы. Помимо угрозы наводнения беженцами, Китай может столкнуться с более серьезными проблемами — с ядерной угрозой, экономическим и политическими вызовами внутри страны. А если Китай откажется от своих обязательств в отношении КНДР, то он продемонстрирует слабость

и потеряет свою сферу влияния не только в Юго-Восточной Азии, но и во всем мире. Поэтому своё содействие в урегулировании данного спора Китай использует для того, что добиться политических уступок со стороны США, особенно в тайваньском вопросе. Пекин убедил всех в том, что может оказывать существенное влияние на Северную Корею, хотя об управляемости данного процесса пока говорить трудно. В это же время Вашингтон требует от него оказывать постоянное воздействие на Пхеньян с тем, чтобы КНДР прекратила разработку ядерного оружия потому, что Китай продолжает оставаться «главным военно-политическим союзником и важным торговым партнером Северной Кореи».

Несмотря на очевидные выгоды для США и Китая, не представляется возможности говорить об их реальной заинтересованности в решении проблемы обладанием КНДР ядерным оружием, которое Пхеньян рассматривает как единственную гарантию своей безопасности и желает иметь «индийский» ядерный статус своего государства — официально его никто не признает, но де-факто он существует. А это в корне противоречит интересам нераспространения ядерного оружия в целом и России в частности, ведь она выступает категорически против ядерного статуса КНДР.

На фоне нарастания международной напряжённости внешнеполитическая риторика Китая и официальные концепции взаимодействия с другими государствами в целом миролюбивы и вызваны стремлением успокоить мир, испытывающий тревогу в связи с беспрецедентным увеличением совокупной мощи страны и прокламируемым руководством КПК намерением превратить Китай в сильное государство. Этой же цели — демонстрации миролюбия КНР служат предложенные Си Цзиньпином инициатива «Один пояс, один путь», и концепция «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», и «сообщество единой судьбы человечества», призванные убедить общественное мнение в стремлении Китая занять достойное место в мире, сотрудничая с другими государствами в условиях мирного окружения¹⁷⁰.

В целом в современных условиях отношения между Соединенными Штатами и Китаем всегда будут одной из актуальных тем для мирового сообщества, которые, очевидно, в среднесрочной перспективе можно будет охарактеризовать как «новую холодную войну». И для того, чтобы эта «холодная» война не стала «горячей», США придется придерживаться определенных правил, иначе они рискуют нанести ущерб американско-китайским торгово-экономическим связям и тем самым потерять миллиардные контракты с КНР. При этом у Пекина много важных партнеров по всему миру, и он не намерен следовать в фарватере политики Вашингтона. А те сценарии, которые он реализовывает по всему миру, например, в Ливии, Ираке, где США убирали неудобного лидера страны и сменяли там политический режим, никогда не будут иметь место в Китае.

Соединенные Штаты также не смогут эффективно давить постоянно на экономику Китая с помощью санкций, так как в этом плане они сами зависят от экономических связей с Китаем. При этом многие американские эксперты считают, что США не должны оспаривать позиции КНР, если они желают

сохранить торговые связи с ним. Американское правительство получает гораздо больше от экономического сотрудничества с Китаем, а любые политические шаги могут расшатать и так уже нестабильные отношения США и КНР. И если Белый дом будет продолжать пытаться навязать свое мнение КНР, то это приведет к разрыву дипломатических отношений, что повлияет и на экономические связи двух самых крупных экономик мира.

Отношения между США и Россией в военно-политической области

В современных условиях отношения между Соединенными Штатами и Российской Федерацией находятся на очень сложном этапе. Их межгосударственные отношения в том числе и в военно-политической области, переживают самую сложную стадию с конца «холодной войны».

В России существует стереотип восприятия США если не как враждебной, то и не как дружественной страны, которая не может рассматриваться в качестве союзника. Высказывается большая озабоченность фактами ущемления национальных интересов нашего государства со стороны США, их пренебрежительным отношением к позиции России на мировой арене. Некоторые политики считают, что целью американской политики в отношении РФ является ослабление российской государственности. Такое состояние двусторонних отношений иногда трактуется как «новая холодная война».

Что касается российско-американских отношений в *стратегической* сфере, то здесь сохранилась ситуация взаимного гарантированного уничтожения двух ядерных «сверхдержав» — России и Америки, которая сложилась еще в период первой «холодной войны». С конца 1960-х годов, т. е. на протяжении более чем 50 лет, на долю двух этих стран приходится свыше 90 % всех имеющихся в мире боезарядов. Несмотря на надежды на новое качество российско-американских отношений после окончания «холодной войны», ситуация взаимного стратегического сдерживания Москвы и Вашингтона не изменилась. Соответственно любые попытки изменить сложившийся ядерный баланс со стороны одной из «сверхдержав» неизбежно вызывают ответные меры со стороны другой.

Так, выход США из Договора по ПРО в 2002 г. и планы официального Вашингтона по созданию общенациональной системы противоракетной обороны вызвали озабоченность у российской стороны. Началось развертывание новейших российских стратегических систем, которые должны были нивелировать возможные американские преимущества в результате создания общенациональной системы ПРО: МБР типа «Ярс» (РС-24) мобильного и шахтного базирования, БРПЛ Р-30 «Булава», тяжёлая МБР шахтного базирования «Сармат» РС-28, крылатая ракета с ядерной силовой установкой типа «Буревестник», гиперзвуковой управляемый боевой блок «Авангард», а также беспилотный подводный аппарат с атомной силовой установкой и с межконтинентальной дальностью «Посейдон».

Появление этих новейших российских систем (некоторые из них далеко опережают по своим тактико-техническим характеристикам американские аналоги) вызвало серьезную озабоченность в американских правящих кругах.

В этих условиях в Соединенных Штатах уже не могут (как это было в 1990-х и в начале 2000-х годов) с пренебрежением относиться к российскому стратегическому ядерному арсеналу. В американском «Обзоре ядерной политики 2018 г.» утверждалось, что российская сторона стремится обеспечить реализацию своей стратегии и доктрины путём всеобъемлющей модернизации своего ядерного арсенала. В документе констатировалось, что российская стратегическая ядерная модернизация позволила увеличить потенциал стратегических средств доставки, а также даёт России возможность быстро наращивать число развёрнутых боеголовок. Помимо модернизации унаследованных от Советского Союза ядерных систем, подчеркивалось в «Обзоре», Россия разрабатывает и развёртывает новые ядерные боеголовки и пусковые установки, а также новые системы доставки ядерного оружия. С особой озабоченностью также было отмечено, что Россия обладает значительными преимуществами в производстве ядерного оружия и в нестратегических ядерных силах перед США и союзниками и, кроме того, она также создает большой, разнообразный и современный комплекс нестратегических систем, которые обладают двойным потенциалом (могут быть вооружены ядерным или обычным оружием)¹⁷¹.

Несмотря на озабоченность Вашингтона относительно укрепления российского стратегического потенциала, Соединенные Штаты до сих пор не предприняли серьезных мер, направленных на увеличение своих стратегических ядерных сил. Сравнивая те планы стратегической модернизации, которые были озвучены в «Обзоре ядерной политики 2010 г.», принятом еще при Обаме, с трамповским «Обзором 2018 г.», нельзя не отметить, что никаких серьезных новаций последний не содержит, хотя в «Обзоре-2010» констатировалось снижение роли стратегических ядерных вооружений в стратегии национальной безопасности и военной стратегии США¹⁷².

Конкретно предполагается обновить все компоненты американской стратегической триады. Планируется построить 12 атомных подводных лодок класса «Колумбия», которые будут вводиться в строй с 2031 г., постепенно заменяя субмарины класса «Огайо». При этом баллистической ракетой на подводных лодках (БРПЛ) «Трайидент-2» будут оснащаться и ПЛАРБ «Колумбия», и ПЛАРБ «Огайо», поскольку, как полагают в Соединенных Штатах, эта ракета еще имеет потенциал для модернизации.

В 2029 г. американская сторона планирует начать замену устаревших МБР класса «Минитмен-3» новейшей ракетой «Наземная система стратегического сдерживания» (*Ground-Based Strategic Deterrent* (GBSD)). Предполагается развернуть 450 таких ракет вместо 400 «Минитменов»¹⁷³.

Наконец, предполагается обновить и авиационное звено американской стратегической ядерной триады, заменив тяжелые бомбардировщики В-52Н и В-2, а также крылатые ракеты «Томагавк» воздушного базирования на более современные системы, способные, как полагают в Вашингтоне, прорвать усовершенствованную систему ПВО «потенциального противника». Имеются в виду тяжелый бомбардировщик В-21 *Raider* и крылатая ракета воздушного базирования типа *Long-Range Standoff* (LRSO) («противостояние на большой дистанции»)¹⁷⁴.

Следует отметить, что у российских экспертов эти американские планы стратегической модернизации не вызвали беспокойства. Понятно, что до бесконечности содержать на вооружении такие антикварные системы, как В-52, «Томагавк» или «Минитмен-3», разработанные несколько десятилетий тому назад, невозможно, и рано или поздно им на смену должны прийти более современные стратегические носители. Что касается тех стратегических вооружений, которые должны прийти на смену этим раритетам, то они не смогут представлять качественно новую угрозу безопасности России. Как уже было сказано, на некоторых направлениях гонки стратегических вооружений российская сторона вырвалась вперед, и вряд ли в обозримом будущем в Соединенных Штатах появятся аналоги таким российским системам, как «Авангард», «Буревестник» или «Пересвет». Что особенно важно, новейшие системы российских наступательных вооружений фактически обнулили американские инвестиции в стратегическую оборону. Как отмечалось в американском «Обзоре противоракетной обороны 2019 г.», новейшие российские крылатые и гиперзвуковые ракетные системы бросают вызов американской противоракетной обороне¹⁷⁵.

Озабоченность в Москве вызвали, с одной стороны, американские планы оснащения БРПЛ «Трайдент-2» ядерными боезарядами малой мощности для возможного применения последних в ходе локальных конфликтов (для того, чтобы компенсировать российское превосходство в нестратегических ядерных боезарядах). Тем самым, как полагают российские эксперты, понижается порог применения ядерного оружия в случае локального конфликта, что чревато непредсказуемыми последствиями¹⁷⁶.

В последние годы изменился и российско-американский *конвенциональный* баланс. Так, на востоке Европы, по американским оценкам, сложилось неблагоприятное для НАТО соотношение сил в результате качественного совершенствования и количественного наращивания российских вооруженных сил в Западном и Южном военном округах. Особенно беспокоит американских военных экспертов отставание вооруженных сил США и их европейских союзников от России в артиллерии и РЭБ¹⁷⁷.

И хотя в последние годы увеличилось присутствие американских войск в Прибалтике, Румынии и Польше, это происходит на основе *ротации*. Присутствие же американских войск в Европе на постоянной основе неизменно сокращалось.

Чтобы исправить неблагоприятный для США и их европейских союзников баланс сил на востоке континента, в последние годы Североатлантический альянс принял решение о размещении дополнительных батальонов стран — членов НАТО в Польше и странах Балтии, а также решение «30х30х30х30», в соответствии с которым страны — члены НАТО должны быть готовы к тому, чтобы в случае кризиса в течение 30 дней направить 30 крупных боевых кораблей, 30 батальонов и 30 эскадрилий ВВС для выполнения боевой задачи. Кроме того, были приняты меры для облегчения переброски войск с запада на восток Европы¹⁷⁸.

Однако, несмотря на все эти меры, в любой обозримой перспективе — и в Вашингтоне это прекрасно понимают — в Восточной Европе сохранится внушительный российский военный перевес и противопоставить этой мощи американцам и их натовским союзникам нечего. В соответствии с оценками американского военного ведомства, все территории прибалтийских государств будут заняты российскими войсками через 2—3 дня и под угрозой окажется весь восточный фланг НАТО ввиду отсутствия естественных природных преград на пути наступления российской армии¹⁷⁹. Поэтому по мнению составителей доклада РЭНД «Обессиливая Россию» (“Extending Russia”), для того чтобы хоть как-то уравнивать шансы на востоке Европы, Пентагону придется развернуть 6 боевых групп бригадного состава на постоянной и ротационной основе (т. е. в 6 раз больше, чем в настоящее время), что представляется совершенно нереалистичным¹⁸⁰.

Неблагоприятно для Соединенных Штатов в настоящее время складывается и военный баланс в Арктике. Еще в апреле 2014 г. президент России поручил создать в Арктике единую систему базирования надводных кораблей и подлодок нового поколения, укрепить границу, а также образовать новый государственный орган для реализации политики России в этом регионе. Для выполнения этих решений были построены военные городки и аэродромы в 6 районах Арктики — на Земле Александры (архипелаг Земля Франца-Иосифа), в поселке Рогачево на Новой Земле, на острове Средний (Северная Земля), на мысе Отто Шмидта, на острове Врангеля и острове Котельный (Новосибирские острова). В интересах российской военной группировки в Арктике создаются образцы техники, способной функционировать в полярных условиях, такие как РЛС «Подлет» и «Каста», бронетранспортеры с широкими гусеницами и самоходными гаубицами «Гвоздика», которые предназначены для эксплуатации в полярных условиях, и многое другое. Представляется неслучайным, что гиперзвуковые ракеты корабельного базирования «Циркон» будут первоначально развернуты на кораблях Северного флота.

Укрепление российского военного потенциала в Арктике вызвало серьезную озабоченность в США. В американской Арктической стратегии, утвержденной Министерством обороны в 2019 г., прямо говорилось, что именно Россия и Китай являются главными противниками Вашингтона в арктических широтах. В документе утверждается, будто Россия регулирует прохождение судов по Северному морскому пути вопреки нормам международного права и якобы угрожает применить силу против судов, которые не соблюдают российские правила. Кроме того, Россия может-де в одностороннем порядке использовать свой военный потенциал для отказа в доступе к спорным арктическим водам или ресурсам. Как полагают в Пентагоне, подрыв американских позиций в Арктике «может оказать воздействие и на стратегические позиции США в Индо-Тихоокеанском регионе и в Европе»¹⁸¹. Особую озабоченность у американских правящих кругов вызывают новейшие российские крылатые и гиперзвуковые ракеты¹⁸². В качестве ответных мер на действия российской стороны американская Арктическая стратегия 2019 г. предусматривает модернизацию систем ПВО и ПРО в регионе, а также развертывание

там двух американских бригад морской пехоты, способных проводить наступательные операции в условиях экстремального холода. Эти меры, однако, вряд ли смогут изменить баланс сил в Арктике, который складывается не в пользу США. В Москве исходят из того, что в любой обозримой перспективе у российской стороны сохранится огромное военно-техническое превосходство в приполярной зоне.

Важнейшим показателем этого российского превосходства является соотношение сил между ведущими арктическими державами по числу ледоколов. Без ледокольных судов навигация в высоких широтах практически невозможна, и если в мировом океане господствует американский флот, то в Северном Ледовитом океане благодаря своему ледокольному флоту доминирует Россия — против 2 устаревших дизельных ледоколов, имеющихся в настоящее время у Соединенных Штатов на плаву, Россия располагает 41 ледоколом, из них 4 атомные. И в любом обозримом будущем РФ сохранит свое подавляющее преимущество в ледокольном флоте, гарантирующее ей превосходство в Арктике. В последние годы России удалось укрепить свои позиции и в Ближневосточном регионе, где Москва сумела оказать поддержку законному правительству Сирии и наладить конструктивное сотрудничество с Турцией и Ираном. В целом российская сторона, как представляется, смогла обеспечить стабильный и выгодный для нее военный баланс в тех регионах, которые непосредственно примыкают к территории РФ (постсоветское пространство, восток Европы, Арктика, Ближний Восток, АТР).

Очевидно, что Вашингтон не прекратит попыток изменить этот баланс не в пользу России. На стороне Соединенных Штатов — серьезное военно-экономическое превосходство над Российской Федерацией, однако и политические цели на международной арене у Москвы и Вашингтона различные. Россия более не является сверхдержавой; она в отличие от США стремится обеспечить свои национальные интересы в существующем миропорядке, а не выстроить новый в соответствии со своими представлениями о добре и зле. Российская сторона не расплывает свои силы на глобальное военно-политическое присутствие; она может сосредоточиться на тех функциональных и региональных аспектах военного баланса, которые для нее действительно важны. Как полагает российский военный эксперт И. Полонский, «в отличие от США Россия не стремится к участию во всех мировых конфликтах, не отправляет свои войска в самые разные части планеты. Если у США сохраняется старая гегемонистская колониальная линия, то Россия ориентирована на оборону. И именно потребностями обороны страны сегодня руководствуется российское политическое и военное руководство, совершенствуя военный потенциал страны»¹⁸³.

Военно-техническое и военное сотрудничество между Россией и Китаем

Военно-техническое сотрудничество РФ и КНР имеет прочный правовой фундамент. 24 ноября 1992 г. подписано российско-китайское Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, в соответствии с которым была образована двусторонняя комиссия по военно-техническому сотрудничеству,

которая собирается один раз в год поочередно в Москве и Пекине. А 11 ноября 1993 г. было подписано Соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны двух стран. Происходят регулярные контакты между высокопоставленными представителями военно-политического руководства России и Китая.

На протяжении последних 30 лет взаимодействие двух стран в военно-технической сфере достигло внушительных результатов. Китай является одним из крупнейших покупателей российских вооружений и военной техники, и его доля в российском оружейном экспорте увеличилась за последние годы в несколько раз, достигнув 15 %. Китай был первым зарубежным покупателем таких российских оружейных новинок, как система ПРО С-400 и истребитель-бомбардировщик Су-35. Новые перспективы открывает соглашение, в соответствии с которым Москва примет участие в создании системы раннего предупреждения о ракетном нападении.

В последние годы интенсифицировались совместные маневры и учения военных двух стран. К их числу относятся проведение совместных учений ВМС и сил ПРО на ТВД, участие в стратегических учениях друг друга, совместное стратегическое планирование по отдельным направлениям, совместное патрулирование стратегической авиации и, возможно, боевых кораблей¹⁸⁴.

Так, в 2017 г. российские и китайские военные моряки провели совместные маневры в Балтийском море, в следующем году Китай был привлечен к участию в стратегических учениях «Восток». В июле 2019 г. ВВС Китая и ВКС России впервые после 1950-х годов участвовали в совместном воздушном патрулировании над акваториями Восточно-Китайского и Японского морей. Эти действия двух стран привели к крайне негативной реакции со стороны Японии и Южной Кореи, увидевших в подобных действиях серьезную угрозу своей национальной безопасности. Понятно, что за Сеулом и Токио стоит Вашингтон, весьма обеспокоенный не только наращиванием Россией и Китаем своего военного потенциала, но и развивающимся военно-техническим сотрудничеством двух государств. В 2019 г. крупные российские военные учения «Центр-2019» также проходили с участием китайской армии. НОАК была представлена 3,5 тыс. военнослужащих, 30 самолетами, 900 единицами тяжелой техники и вооружения. Самолеты бомбардировочной авиации ВС РФ и НОАК отрабатывали бомбовые удары, сбросив более 150 бомб на места скопления техники условного противника¹⁸⁵.

В 2020 г. китайские военнослужащие приняли участие в стратегических командно-штабных учениях «Кавказ-2020», которые состоялись в России в сентябре того года. От участия в этих учениях отказались Индия и Азербайджан. В Дели отказ объяснили ситуацией с коронавирусной инфекцией COVID-19. Однако, по данным изданий Times of India, это могло быть связано с тем, что в этих учениях помимо НОАК собирались принять участие войска Пакистана, с которым Индия находится в конфликте.

22 декабря 2020 г. Воздушно-космические силы (ВКС) России и Военно-воздушные силы НОАК провели второе совместное воздушное патрулирование самолетами дальней авиации в АТР. Авиагруппа в составе 2 страте-

гических бомбардировщиков Ту-95МС ВКС России и 4 стратегических бомбардировщиков Хун-6К ВВС НОАК осуществила воздушное патрулирование над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей. В Минобороны России подчеркнули, что совместное патрулирование проведено в рамках реализации положений плана военного сотрудничества на 2020 г. и не направлено против третьих стран. Отмечается, что это уже второе совместное воздушное патрулирование стратегических бомбардировщиков двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Первое, как ранее сообщало Минобороны, прошло 23 июля 2019 г. Тогда 2 российских Ту-95МС и 2 китайских Хун-6К осуществили полет также над Японским и Восточно-Китайскими морями¹⁸⁶.

В 2021 г. в Японском море были проведены совместные учения Военно-морского флота (ВМФ) России и Военно-морских сил (ВМС) НОАК «Морское взаимодействие-2021». В ходе практических этапов учения в морских полигонах боевой подготовки корабли двух стран отработали задачи по противоминной обороне кораблей с выполнением артиллерийских стрельб по макетам плавающих мин. В эпизоде по уничтожению корабля условного противника российские и китайские моряки провели артиллерийскую стрельбу по морскому буксируемому щиту-мишени. В рамках тренировки по противовоздушной обороне отряда корабли противодействовали многофункциональным истребителям Су-30СМ армии ВВС и ПВО Восточного военного округа и вертолётам морской авиации Тихоокеанского флота.

На завершающем этапе учений корабли ВМФ России и ВМС НОАК при поддержке самолетов противолодочной авиации вместе нашли и блокировали субмарину «противника». Лётчики палубных вертолётов имитировали посадку на корабли союзников, отработав зависание над вертолётными площадками.

Видимо, правы те исследователи, которые полагают, что в российско-китайском военном сотрудничестве присутствует демонстративно-пропагандистская составляющая, цель которой — продемонстрировать США и Японии готовность РФ и КНР к военно-политическому взаимодействию с тем, чтобы противостоять американско-японскому тандему.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *выводы*.

Во-первых, РФ и КНР совместно выступают в защиту многополярного мира, придерживаясь принципа центральной роли ООН в международных вопросах, и противостоят идее доминирования одной страны либо группы стран на международной арене, в то время как Соединенные Штаты предъявляют претензии на глобальное лидерство и защиту «порядка, основанного на американских правилах». В формирующейся полицентричной системе международных отношений политико-идеологическая близость Москвы и Пекина и, соответственно, конфликт с Вашингтоном относительно характера современной международной системы неизбежно влияют на характер военно-политических отношений в рамках «стратегического треугольника».

Во-вторых, в последние годы гонка вооружений вернулась в повестку дня американско-китайских и российско-американских отношений. Укрепле-

ние военного потенциала Китая и России позволило двум этим великим державам изменить в свою пользу соотношение сил в тех регионах, которые имеют для них особое значение: в акваториях Желтого, Восточно- и Южно-Китайского морей, на востоке Европы, на постсоветском пространстве и в Арктике. При этом сохраняется устойчивый российско-американский стратегический ядерный баланс, который в любой обозримой перспективе будет оставаться важным фактором стабильности военно-политической обстановки в мире.

В-третьих, необходимость сдерживать одновременно и Россию, и Китай вынуждает США расплывать свои силы, не позволяя Соединенным Штатам добиться решающего военного превосходства ни над Москвой, ни над Пекином. Кроме того, укрепление военного потенциала РФ и КНР подрывает американские претензии на статус «незаменимой сверхдержавы». Так, ввод российских миротворцев в зону армяно-азербайджанского конфликта в ноябре 2020 г. лишний раз продемонстрировал, что в ряде ключевых регионов планеты (включая Южный Кавказ) мир и стабильность могут быть обеспечены без всякого американского военного участия.

Возникает, однако, вопрос: какое место занимает Россия в «стратегическом треугольнике»?

1.7. Соглашения и противоречия акторов в «стратегическом треугольнике»

«Стратегический треугольник» Америка—Китай—Россия сформировался в годы первой «холодной войны». Появление этого феномена было бы невозможно без серьезной эрозии биполярной системы международных отношений на протяжении 1960-х годов, когда, с одной стороны, произошел советско-китайский разрыв, а с другой — по другую сторону «железного занавеса» наметились серьезные разногласия между США и их союзниками в Европе и на Дальнем Востоке.

Именно это обстоятельство и позволило официальному Вашингтону в период пребывания у власти администрации Р. Никсона инициировать политику разрядки в отношении Китая, создав тем самым дополнительный фактор сдерживания в отношении СССР¹⁸⁷. США фактически подтвердили намерение поддержать КНР в случае нарастания угрозы со стороны СССР, а Китай обещал продолжить линию дистанцирования от Москвы. Речь шла об отказе Соединенных Штатов от «двойного сдерживания» одновременно СССР и КНР в пользу сдерживания одного только Советского Союза, в том числе и путем параллельных акций с Китаем¹⁸⁸.

Таким образом, сформировавшийся в 1970-е годы «стратегический треугольник» был совершенно невыгоден Москве — в этом формате советская сторона была вынуждена противостоять одновременно и США, и КНР. Следует отметить, что и после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза многие эксперты-международники исходили из того, что враждеб-

ные отношения между Москвой и Пекином сохраняются и в постбиполярном мире. Казалось, что негативный исторический опыт и сохраняющиеся между Россией и Китаем проблемы, в том числе территориальные, исключают саму возможность российско-китайского сближения.

Полной неожиданностью для Запада стало укрепление и развитие российско-китайских отношений на протяжении последних 30 лет. Россия и Китай смогли решить проблемы, унаследованные ими от прошлого, и прежде всего территориальные, и далеко продвинуться в налаживании взаимовыгодного сотрудничества в самых разных областях — от международной безопасности до туризма.

С другой стороны, не оправдались надежды американских правящих кругов на радикальное улучшение взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном после окончания «холодной войны» и, главное, на дальнейшее поступательное развитие американо-китайских отношений. За последние 30 лет у Америки возникли серьезные проблемы и во взаимоотношениях с Россией, и во взаимоотношениях с Китаем — проблемы, которые, как будет показано ниже, не связаны лишь с экономическими и политическими разногласиями между Вашингтоном, Москвой и Пекином, но имеют идеологическую природу.

Эти перемены в «стратегическом треугольнике» не могут не сказываться самым непосредственным образом на взаимоотношениях Америки, Китая и России и, разумеется, на месте России в «треугольнике». Следует подчеркнуть в этой связи, что в настоящее время — в отличие от «стратегического треугольника» периода «холодной войны» 1945—1990 гг. — Москва по своим военно-экономическим параметрам уступает двум другим «углам» «треугольника» (рис. 1.7.1).

Место в 2019 г.	Место в 2018 г.	Страна	Расходы, млрд долл.	Изменение к предыдущему году (%)	Изменение за 2010—2019 гг. (%)	Доля от ВВП страны (%)	Доля от расходов в мире (%)
1	1	 США	732,0	5,3	-15	3,4	38,0
2	2	 Китай	261,0	5,1	85	1,9	14,0
3	4	 Индия	71,1	6,8	37	2,4	3,7
4	5	 Россия	65,1	4,5	30	3,9	3,4
5	3	 Саудовская Аравия	61,9	-16,0	14	8,0	3,2

Рис. 1.7.1. Список стран по военным расходам за 2019 г. (по данным SIPRI).

Источник: URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf

Российско-китайская грань «стратегического треугольника».

В основе современных российско-китайских отношений лежит Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2001 г.), который был продлен в июне 2021 г. еще на 20 лет.

В соответствии со ст. 1 Договора, «Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования». Согласно ст. 2, стороны не применяют друг против друга силу или угрозу силой, не используют друг против друга экономические и иные способы давления и разрешают разногласия между собой исключительно мирными средствами. Как было отмечено в ст. 3, «Договаривающиеся Стороны, взаимно уважая выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанный каждой из них в соответствии со своими внутренними условиями, обеспечивают долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами». Ст. 4 предусматривает, что стороны поддерживают друг друга «в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности». Как указывается в ст. 5 Договора, «Российская Сторона признает, что в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме». Как было отмечено в ст. 6, «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия». Особо хотелось бы отметить ст. 8 Договора, в соответствии с которой «Договаривающиеся Стороны не участвуют в каких-либо союзах или блоках, не предпринимают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны. Ни одна из Договаривающихся Сторон не допускает использования своей территории третьими государствами в ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны». Как отмечено в ст. 11, «Договаривающиеся Стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, намерены прилагать активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества»¹⁸⁹.

Таким образом, Договор заложил правовую основу для дальнейшего российско-китайского сближения, причем на идеологической основе, которая оказалась несовместимой с господствующим на Западе либеральным глобализмом. В документе подчеркивается уважение к суверенитету и территориальной целостности, невмешательству во внутренние дела, к самостоятельному выбору пути политического, экономического, социального и культурного развития. Тем самым Москва и Пекин ясно давали понять, что не собираются подстраиваться под чужие «ценности» и чужой «порядок, основанный на правилах».

Это идеологическое единство двух великих держав позволило успешно развиваться взаимоотношениям между Россией и Китаем. За истекшие с момента подписания Договора 20 лет российско-китайские отношения далеко продвинулись в самых разных областях — от военно-технического сотрудничества до гуманитарных связей. Поддерживается интенсивный двусторонний диалог на различных уровнях, Москва и Пекин плодотворно сотрудничают в международных организациях и на международных форумах. Всего за эти годы было заключено более 300 межправительственных договоров и соглашений, которые охватывают практически все области сотрудничества.

В российских и китайских директивных документах стороны высоко оценивают и достигнутый уровень взаимодействия между двумя странами, и перспективы российско-китайского партнерства. Как указывается в Концепции внешней политики Российской Федерации, «совпадение ключевых позиций двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая противодействие новым вызовам и угрозам, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в международных организациях и многосторонних объединениях»¹⁹⁰.

В свою очередь в китайской Белой книге по вопросам обороны отмечено, что «военные отношения между Китаем и Россией продолжают развиваться на высоком уровне, обогащая китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерство... для новой эпохи, и играя значительную роль в поддержании глобальной стратегической стабильности. Китайские и российские военные продолжили активное развитие обменных механизмов на всех уровнях... военной подготовки, техники, технологий и борьбы с терроризмом, а также реализовали позитивное взаимодействие и координацию на международном и многостороннем уровнях»¹⁹¹.

Эта позитивная китайская оценка взаимодействия с российскими вооруженными силами опирается на факты. В декабре 2019 г. был подписан российско-китайский протокол, который продлил на очередные 10 лет двустороннее Соглашение об уведомлении о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей. Как заявил о российско-китайском сотрудничестве в военной сфере министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, отвечая на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской

дипломатии в 2020 г., «это отражает доверительный, нацеленный на перспективу характер российско-китайских отношений, нашу обоюдную нацеленность на обеспечение стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)»¹⁹².

Особо следует отметить, что за прошедшие годы с момента подписания Договора о дружбе для дальнейшего развития российско-китайских отношений появился мощный экономический фундамент. Если в 2001 г. оборот российско-китайской торговли составил 10,67 млрд долл., то за 20 лет он вырос в 10 раз, достигнув уровня в 111 млрд долл.¹⁹³ Китай, таким образом, стал важнейшим торговым партнером Российской Федерации. Особое место в двусторонних экономических связях занимает энергетическое сотрудничество, а также сотрудничество в области высоких (в том числе военных) технологий. Идет сопряжение интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Российско-американские противоречия в «стратегическом треугольнике»

За 30 лет после распада СССР и выхода Российской Федерации на международную арену в качестве независимого государства российско-американские отношения знали и взлеты, и падения. Эйфория, которая доминировала в Москве и Вашингтоне в начале 1990-х годов относительно перспектив взаимоотношений между Россией и Америкой в постбиполярном мире, быстро сошла на нет, и уже на рубеже XX—XXI веков в Соединенных Штатах шли дебаты на тему «кто потерял Россию?»¹⁹⁴

Попытка администрации Б. Обамы, пришедшей к власти в 2009 г., вывести эти отношения из тупика первоначально дала положительный результат. На протяжении 2009—2010 гг. в рамках политики «перезагрузки» Москве и Вашингтону удалось добиться реального продвижения в некоторых важнейших сферах российско-американских отношений. Среди достижений в российско-американских отношениях в этот период — Пражский договор 2010 г. об ограничении стратегических наступательных вооружений, организация доставки грузов для Международных сил содействия безопасности в Афганистане (костяк которых составлял американский воинский контингент в этой стране) через российскую территорию, вступление России в ВТО в 2012 г. при активном содействии Соединенных Штатов. Большое значение имело и создание российско-американской Президентской комиссии, рабочие группы которой рассматривали самые разные вопросы — от вопросов разоружения до гуманитарных проблем¹⁹⁵.

В дальнейшем в российско-американских отношениях возникли серьезные трудности — начиная от «закона Магнитского» и кончая взаимными обвинениями в нарушении Договора о ДРСМД. После начала кризиса на Украине в 2014 г. и без того неустойчивые российско-американские отношения пошли под откос. Прежде всего, серьезный ущерб был нанесен институциональной основе взаимоотношений между США и РФ. Была заморожена деятельность всех рабочих групп российско-американской Президентской ко-

миссии, и этот односторонний шаг американской стороны фактически парализовал двустороннее сотрудничество между Соединенными Штатами и Российской Федерацией в самых разных областях — от разоружения до экологии. Особую тревогу вызывают разногласия в подходах двух стран к целому ряду региональных конфликтов в Европе, на постсоветском пространстве, на Ближнем и Среднем Востоке.

Наконец, и без того мизерным российско-американским торгово-экономическим связям на протяжении второго президентского срока Б. Обамы был нанесен еще больший ущерб в результате американских санкций, введенных в качестве реакции Белого дома на якобы вмешательство России в события, происходящие на Украине. Начиная с 2011 г. американская сторона 55 раз вводила санкции против Российской Федерации. Негативные результаты этих санкций не замедлили сказаться. По данным Росстата, в 2019 г. он составил 26 млрд долл.¹⁹⁶, т. е. был меньше, чем в 2014 г., когда двусторонний товарооборот составлял 29 млрд долл.¹⁹⁷ При этом доля США в российской внешней торговле и, тем более, доля РФ во внешней торговле Соединенных Штатов оказались ничтожными.

Надежды на то, что президентство Д. Трампа даст «новый старт» российско-американским отношениям, не оправдались. Именно при Трампе США вышли из Договора по РСМД, под угрозой оказался договор СНВ-3, были введены новые антироссийские санкции после принятия Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций (*CAATSA*).

Его правопреемник Джо Байден также негативно относится к России. Он не одобряет деятельность президента РФ В. Путина на международном уровне, поэтому считает Россию серьезной угрозой для США. Тем не менее, 7 декабря 2021 г. по инициативе Байдена состоялись его переговоры с Путиным по защищенному каналу видеосвязи, одной из тем которых была ситуация на Украине. Как сообщал Белый дом, Байден выразил обеспокоенность по этому поводу, призвал к дипломатическому урегулированию и пригрозил, что на военную эскалацию Запад ответит коллективными экономическими санкциями и другими ограничениями¹⁹⁸.

К этому следует добавить, что в последние годы вновь возникло идеологическое противостояние между Москвой и Вашингтоном. В Соединенных Штатах в настоящее время господствует та точка зрения, что истинное стратегическое партнерство между США и РФ может возникнуть лишь на основе единой системы ценностей. У Вашингтона и Москвы такой системы нет, более того, различие в базовых ценностях между двумя странами за последние годы увеличилось. Вашингтон уверен, что по мере роста «авторитаризма» в России между двумя странами неизбежно будут нарастать разногласия.

Именно это идеологическое противостояние создает непреодолимые препятствия на пути нормализации российско-американских отношений. Как констатировал российский МИД в своей справке о состоянии двусторонних отношений, «российская сторона давно ставит вопрос об *урегулировании многочисленных «раздражителей»*, созданных Вашингтоном в двусторон-

ней сфере отношений. Американская сторона, однако, до сих пор не проявила реальной готовности к конструктивному поиску развязок»¹⁹⁹.

Идеологизированная внешняя политика не считается с каким бы то ни было балансом сил. Преобладающая часть американской политико-академической элиты не испытывает озабоченности в связи с российско-китайским сближением, полагая, что Америка может сокрушить всех своих врагов — если только вернется к твердой и бескомпромиссной защите так называемого либерального порядка²⁰⁰.

Характерными в этом смысле являются высказывания профессора Принстонского университета Дж. Айкенберри: «Как же быть с Китаем и Россией? Обе страны — геополитические конкуренты США и обе стремятся подорвать западные либеральные демократии и, по большому счету, международный либеральный порядок, продвигаемый Соединенными Штатами... Для США было бы серьезной ошибкой отказаться от любых попыток по спасению международного либерального порядка и вместо этого полностью переориентировать свою национальную стратегию на соперничество между великими державами. В этом случае Соединенные Штаты могли бы лишиться своих уникальных идей и лидерского потенциала; кроме того, США стали бы все больше напоминать Китай и Россию, превратившись в еще одно большое и мощное государство, действующее в мире анархии, — ни больше, ни меньше»²⁰¹.

В условиях, с одной стороны, идеологической близости Москвы и Пекина, о чем было сказано выше, и непримиримого идеологического противостояния между Москвой и Вашингтоном — с другой, можно также наблюдать неуклонное ухудшение американо-китайских отношений.

Американо-китайское противостояние в «стратегическом треугольнике»

Но не только в российско-американских отношениях наблюдается в настоящее время идеологический конфликт. В последние годы и в американо-китайских отношениях возникло непримиримое противостояние — в Вашингтоне рассматривают Китай как вызов проамериканскому либеральному порядку, «основанному на правилах».

Так, в своем выступлении в Никсоновской мемориальной библиотеке в июле 2020 г. тогдашний госсекретарь США М. Помпео заявил, что политика сближения с Китаем, начата 50 лет тому назад президентом Р. Никсоном, закончилась неудачей: «...Американские политики... полагали, что по мере того, как Китай станет более процветающим, он станет более открытым, он станет более свободным... и действительно будет представлять меньшую угрозу за рубежом, он будет более дружелюбным. Однако взаимодействие, к которому мы стремились, не привело к тем переменам внутри Китая, которые надеялся вызвать президент Никсон». «...Мы должны признать горькую правду, — подчеркнул государственный секретарь. — Мы должны признать суровую истину, которая должна руководить нами в предстоящие годы и десятилетия, что если мы хотим иметь свободный XXI век, а не китайский век, о котором мечтает Си Цзиньпин... продолжать его и не должны возвращаться к

нему. Свободный мир должен восторжествовать над этой новой тиранией». В качестве примера борьбы с «тиранией» Помпео привел американские санкции в отношении китайской компании «Хуавэй», а также в отношении других китайских компаний, «которые наносят ущерб и злоупотребляют самыми основными правами людей во всем мире»²⁰².

Правда, последствия этих антикитайских экономических санкций оказались достаточно двусмысленными — они никак не повлияли на политику Пекина, нанеся в то же время серьезный ущерб самим американцам. Ведь увеличение ввозных пошлин на китайский импорт на 60 млрд долл. привело к росту цен на произведенные в КНР товары для американских потребителей²⁰³.

Официальный Вашингтон пытается противостоять Пекину не только в торгово-экономической, но и в военно-политической сфере. В своем интервью газете «Уолл-стрит джорнел» М. Помпео заявил, что за последние два с половиной года ему удалось сформировать альянс, направленный против КНР, куда наряду с Соединенными Штатами также вошли Южная Корея, Австралия и страны АСЕАН. И, по словам Помпео, теперь антикитайский курс пользуется двухпартийной поддержкой в самой Америке²⁰⁴.

Действительно, на протяжении последних нескольких лет нынешняя американская администрация предприняла огромные усилия, направленные на выстраивание своего рода «санитарного кордона» на восточных и южных рубежах Китая. Как отмечалось в Индо-Тихоокеанской стратегии, разработанной Министерством обороны США в июне 2019 г., «мы укрепили наши союзы с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом. Эти союзы необходимы для мира и безопасности в регионе, и наши инвестиции в них будут продолжать приносить дивиденды Соединенным Штатам и всему миру в далеком будущем. Мы также предприняли шаги по расширению партнерских отношений с Сингапуром, Тайванем, Новой Зеландией и Монголией. В Южной Азии мы работаем над операционализацией нашего широкомасштабного оборонного партнерства с Индией, одновременно развивая новые партнерские отношения со Шри-Ланкой, Мальдивскими островами, Бангладеш и Непалом. Мы также продолжаем укреплять отношения в области безопасности с партнерами в Юго-Восточной Азии, включая Вьетнам, Индонезию и Малайзию, и поддерживаем отношения с Брунеем, Лаосом и Камбоджей. На тихоокеанских островах мы укрепляем наше взаимодействие, чтобы сохранить свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, поддерживать свободу мореплавания и продвигать наш статус партнера по безопасности»²⁰⁵.

И здесь нужно отдать должное китайскому руководству — оно не стало пассивно наблюдать за антикитайскими действиями Вашингтона, а предприняло активные ответные меры. 15 ноября 2020 г. в Ханое было подписано соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership), целью которого является создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли с примерно 2,2 млрд потребителей и объемом ВВП в 28 трлн долл., что составляет более 32 % от общего мирового объема ВВП. Это соглашение подписали как раз те страны,

которые, по мнению Помпео, присоединились к провозглашенному им антикитайскому крестовому походу — страны АСЕАН, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия.

Таким образом, в условиях полного краха Транстихоокеанского партнерства, именно Китай возглавил процесс экономической интеграции в АТР. В этих условиях американская администрация Байдена будет вынуждена поддерживать активный диалог с Пекином, чтобы избежать экономической (и, возможно, политической) изоляции в жизненно важном для США регионе планеты.

Что касается военно-политических аспектов американо-китайских отношений, то здесь китайская сторона следует совету одного из американских президентов: «Разговаривай мягко, но держи дубинку — далеко пойдешь»²⁰⁶. С одной стороны, в последние годы, по оценкам Пентагона, Китай радикально изменил в свою пользу военный баланс в прибрежных районах КНР, и теперь НОАК может применить в своей прибрежной зоне (шириной до 400 морских миль) тактику «воспреещения доступа/блокирования зоны (*anti-access/area denial*)» в отношении вооруженных сил США²⁰⁷.

С другой стороны, в своих публичных заявлениях китайские власти неизменно подчеркивают свою готовность к конструктивному взаимодействию с Вашингтоном. В опубликованной в 2019 г. Белой книге по обороне констатируется, что «США укрепляют свои военные альянсы в АТР и усиливают там свое военное присутствие, что является вызовом региональной безопасности. Развертывание Соединенными Штатами системы противоракетной обороны (ТНААД) в Республике Корея серьезно подорвало региональный стратегический баланс и... интересы безопасности стран региона»²⁰⁸.

Подводя итоги анализа противоречий взаимоотношений акторов в «стратегическом треугольнике», можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, в настоящее время в отличие от периода «холодной войны» конфигурация стратегического треугольника складывается в пользу России. Если во времена советско-американской конфронтации в прошлом веке США имели возможность использовать свое сближение с Китаем для оказания дополнительного нажима на Москву, то теперь официальный Вашингтон сумел существенно осложнить свои взаимоотношения одновременно и с РФ, и с КНР, делая тем самым дальнейшее сближение двух стран совершенно неизбежным.

Во-вторых, изначально российско-китайское сближение, начавшееся еще в 1996 г. с заключения соглашения о мерах доверия в приграничной зоне между КНР и бывшими союзными республиками, имевшими общую границу с Китаем (Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан), не было направлено против Соединенных Штатов. В Уставе Шанхайской организации сотрудничества, созданной участниками соглашения 1996 г., прямо говорилось о том, что ШОС не направлена против какой-то страны или группы стран. Это сближение не препятствовало ни поступательному развитию американо-китайского экономического сотрудничества в период президентства Клинтона, Буша-мл. и Обамы. Но затем антикитайский и антироссийский курс админи-

страций Трампа и Байдена привел к тому, что это деятельность ШОС стала приобретать все более антиамериканский характер.

В-третьих, в противостоянии с Соединенными Штатами Россия и Китай являются надежным тылом друг для друга, и это обстоятельство существенно облегчает для Москвы и Пекина задачу сдерживания агрессивных проявлений официального Вашингтона. Наличие «стратегического треугольника» помогает российской стороне не только диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, ослабляя тем самым воздействие западных санкций на российскую экономику, но и заставляет Соединенные Штаты расплывать свои вооруженные силы между европейским и тихоокеанским театрами военных действий, ослабляя тем самым военный нажим на Россию. При этом существует опасность возникновения чрезмерной зависимости РФ от КНР, поэтому в рамках «стратегического треугольника» Москва заинтересована в более сбалансированных отношениях с Соединенными Штатами. Однако в настоящее время американская внешняя политика, находящаяся в состоянии глубокого кризиса, не в состоянии создать условия для более конструктивных российско-американских отношений.

Примечания

¹ Давыдов А.С. КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С. 4.

² Морозов Ю.В. «Удельный вес» участников «стратегического треугольника» на мировой арене в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 4. С. 72.

³ Место и роль США в мировой экономике. URL: <http://finuni.ru/mesto-i-rol-ssha-v-mirovoy-ekonomike/>

⁴ Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир. 2018. С. 34.

⁵ Госдолг США поставил новый рекорд и превысил 26 трлн долл. URL: <https://www.rbc.ru/finances/11/06/2020/5ee248089a79475d1d9ab288>.

⁶ Роль Соединенных Штатов Америки в мировой финансовой системе. URL: <https://www.kazedu.kz/referat/198442/1>

⁷ Акопов П. Старик и разбойники: Байден потерял ключ к Си Цзиньпину и Путину. URL: <https://gia.ru/20210209/klyuch->

⁸ Гордиенко Д. Изменение уровня экономической безопасности США в рамках экономической кооперации государств — участников Транстихоокеанского партнерства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 6. С. 1176.

⁹ Что испугало Трампа. URL: <https://rg.ru/2017/01/26/tramp-sokratit-finansovj-vk-lad-ssha-v-deiatelnost-oon.html>

¹⁰ Дерипаска похвалил реформы Трампа. URL: https://www.rbc.ru/business/21/01/2020/5e2701279a79478840d1ab91?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

¹¹ The Economist (США): кто лидирует в предвыборной гонке демократов? URL: <https://inosmi.ru/politic/20190908/245789457.html>

- ¹² Чем завершились переговоры Путина и Байдена. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2021/61b06e269a7947315e6752a4>
- ¹³ Байден объявил «инициативу демократического обновления». URL: <https://ria.ru/20211209/amerika-1762984214.html>
- ¹⁴ *Акопов П.* Старик и разбойники: Байден потерял ключ к Си Цзиньпину и Путину. URL: <https://ria.ru/20210209/klyuch-1596571128.html>
- ¹⁵ Что президентство Байдена означает для Европы. URL: https://news.rambler.ru/conflicts/45210475/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
- ¹⁶ Значение США в мировой политике и экономике к 2025 г. снизится? URL: <https://otvet.mail.ru/question/19815621>
- ¹⁷ Роль международных финансовых и валютных организаций на валютном рынке. URL: <http://finuni.ru/rol-mezhdunarodnykh-finansovykh-i-valutnyh-organizacii-na-mirovom-valutnom-rynke/>
- ¹⁸ Вопросы, относящиеся к борьбе с терроризмом, отражены в различных нормативных актах США: о борьбе с международным терроризмом (1984 г.), об усилении борьбы с терроризмом в США и за их пределами (1993 г.), о борьбе с терроризмом и применении смертной казни (1996 г.) и др. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14156>
- ¹⁹ *Бжезинский З.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 264 с.
- ²⁰ *Закария Ф.* Постамериканский мир. М.: Изд-во Европа, 2009. 280 с.
- ²¹ The National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2010. 52 p.; The National Security Strategy of the United States of America // the White House. 2015. 29 p.
- ²² *Гукасов А.В.* Роль США в современной мировой политической системе. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/26a/1.pdf>
- ²³ CNN: юристы разрешили Трампу ударить по Сулеймани без одобрения Конгресса. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/01/03/cnn-yuristy-razreshili-trampu-udarit-po-suleymani-bez-odobreniya-kongressa.html>
- ²⁴ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense // The U.S. Department of Defense.] URL: http://www.defense.gov/news/defense_strategic_guidance.pdf.
- ²⁵ Планирование развития вооружённых сил США. URL: <http://www.zvo.su/voennye-problemy/planirovanie-razvitiya-vooruzhennykh-sil-ssha.html>
- ²⁶ Китай: укрепление позиции в современной мировой экономике. URL: <https://studme.org/ekonomika/>
- ²⁷ Конституция КНР 1982 г. URL: https://studwood.ru/929991/pravo/konstitutsiya_prinyataya_1982_godu
- ²⁸ *Ситкина О.А.* Место и роль Китая в мировой экономике. URL: <https://scienforum.ru/2019/article/2018013014>
- ²⁹ Современный Китай и его роль в мировой экономике. URL: <http://finuni.ru/sovremennyy-kitay-i-ego-rol-v-mirovoy-ekonomike/>
- ³⁰ *Михеев В.* Роль Китая в глобализующемся мире. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36003>
- ³¹ Орешкин увидел риски для мировой торговли в сделке между США и Китаем. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4228206>
- ³² Китай. 2019. № 10 (168). Октябрь. С. 13.

- ³³ Китай исподволь завоевывает Центральную и Восточную Европу. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/11/06/785688-kitai-zavoevivaet-tsentralnuyu-evropu>
- ³⁴ *Ижу Лю, Авдокушин Е.* Проект «Один пояс, один путь» 2.0 — стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya>
- ³⁵ *Калианиди Х.К. Вукович Г.Г.* Роль России в мировой экономике. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=23127>
- ³⁶ Отразить запрос на справедливость // Аргументы и факты. 2020. № 6. С. 7.
- ³⁷ Стратегия 2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%2020020>
- ³⁸ Явлинский о послании Путина. URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/01/15>
- ³⁹ *Глазьев С.* Когда власть услышит учёных? // Аргументы и факты. 2020. № 3.
- ⁴⁰ Что мешает победить коррупцию в России? URL: <https://www.delyagin.ru/articles/187-pozitsija/50849-chto-meshaet-pobedit-korrupsiju-v-rossii>
- ⁴¹ *Тимофеева И.* Мозги, которые мы потеряли // Новая газета. 2009, 30 октября.
- ⁴² Новая газета. 19.02.2019. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/02/19/79611-i-vse-taki-oni-nas-vertyat>
- ⁴³ Место России в мировой экономике. URL: <https://obrazovaka.ru/geografiya/mesto-rossii-v-sovremennoy-mirovoy-ekonomike.html#ixzz6BSM18AA7>
- ⁴⁴ *Слободян Е.* Взносы, которые Россия платит в международные организации // Аргументы и факты. 2020. № 3.
- ⁴⁵ Эффективность управления снизилась более чем в 50 регионах. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/22/821156-effektivnost-upravleniya?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
- ⁴⁶ Какие символы нужны современной России // Аргументы и факты. 2020. № 3.
- ⁴⁷ Послание Президента Федеральному собранию — 2020. URL: <http://bjuet.ru/article/367491.php>
- ⁴⁸ FT рассказала об успехах российской экономики в условиях санкций. URL: https://ria.ru/20200131/1564086976.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=http
- ⁴⁹ *Батюк В.И.* История международных отношений: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. С. 345.
- ⁵⁰ *Батюк В.И.* Американо-китайские отношения: возвращение «холодной войны»? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 5 (593). С. 23.
- ⁵¹ *Kissinger H.* Diplomacy. New York: Simon and Schuster, 1994. P. 719.
- ⁵² *Балакин В., Сяоинь Л.* КНР и СССР в 1960—1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 1. С. 13.
- ⁵³ U.S. International Trade in Goods and Services, December 2019. An official website of the United States government. URL: <https://www.bea.gov/news/2020/us-international-trade-goods-and-services-december-2019>
- ⁵⁴ *Батюк В.И.* Структура взаимоотношений в рамках «стратегического треугольника» (США — КНР — РФ) // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011657-9-1/>
- ⁵⁵ *Кох А., Авен П.* Андрей Козырев: настоящий камикадзе // Forbes 28.09.2011. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze>

⁵⁶ Ambassador Vershbow speech on NATO future at european institute. USIS Washington File. 17 March 1999. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/russia/1999/99040103_wlt.htm

⁵⁷ Вебер Ю., Кривович А. Измотать и пересидеть. Истоки американского поведения в отношении России // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Izmotat-i-peresidet-18030>

⁵⁸ Biden Says Weakened Russia Will Bend to U.S // Wall Street Journal 2009 July 25, P. 1.

⁵⁹ Злобин Н.В. Две стороны одной медали // Российская газета. 24.02.2010. С. 3.

⁶⁰ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО. 03.09.2018. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3336393.

⁶¹ National Security Strategy of the United States of America. 2017 December. P. 3.

⁶² Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States. P. 2.

⁶³ Remarks by President Biden on America's Place in the World. 2021 FEBRUARY 04. U.S. Department of State Headquarters. Harry S. Truman Building. Washington, D.C. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>

⁶⁴ Blackwill R. and Gordon P. Containing Russia How to Respond to Moscow's Intervention in U.S. Democracy and Growing Geopolitical Challenge. Council on Foreign Relations Special Report No 80. 2018 January. P. 3.

⁶⁵ Russia and the United States in the evolving world order: Monograph Anatoly Tokunov, Norma C. Noonan, Tatiana Shakleina and others; Moscow State Institute of International Relations (University). Moscow: MGIMO University, 2018. P. 50.

⁶⁶ National Security Strategy. 2010. May. P. 44.

⁶⁷ The National Military Strategy of the United States of America. 2011. Redefining America's Military Leadership. February 2011. P. 14.

⁶⁸ Statement of admiral Robert F. Willard, U.S. Navy commander, U.S. Pacific command before the senate armed services committee on U.S. Pacific command posture. 2011. April 12. P. 11.

⁶⁹ Mullen M. A Step Toward Trust With China // The New York Times. 2011. July 25. URL: http://www.nytimes.com/2011/07/26/opinion/26Mullen.html?_r=1&ref=opinion&pagewanted=print.

⁷⁰ Statement of admiral Robert F. Willard, U.S. Navy commander, U.S. Pacific command before the senate armed services committee on U.S. Pacific command posture. 2011. April 12. P. 3.

⁷¹ Statement of admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy commander, U.S. Indo-Pacific command before the senate armed services committee on U.S. Indo-Pacific command posture. 2019. February 12. P. 5.

⁷² Ibid. P. 17.

⁷³ Батюк В.И. Возможный американо-китайский конфликт в оценках американских специалистов. // Россия и Америка в XXI веке. Электронный журнал. 2017. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=541>.

⁷⁴ Pei M. Опасная тайваньская политика Китая // Project Syndicate. 2019 January 11. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-taiwan-policy-conflict-with-america-by-minxin-pei-2019-01/russian>

⁷⁵ *Chellaney B.* The End of America's China Fantasy// Project Syndicate. 2018 Oct. 22. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-china-policy-trade-war-competition-by-brahma-chellaney-2018-10>.

⁷⁶ *Ramton R.* Pence to tell China: We will not be intimidated in South China Sea. 2018. October 4. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-pence/pence-to-tell-china-we-will-not-be-intimidated-in-south-china-sea-idUSKCN1ME05W>

⁷⁷ *Paal D.* How US-China disputes on trade, Taiwan and the South China Sea are driven by Washington's new generation // South China Morning Post. 2018. October 10. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/united-states/article/2167785/how-us-china-disputes-trade-taiwan-and-south>

⁷⁸ *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновленного мира. М.: Весь Мир, 2018. С. 13.

⁷⁹ *Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015. С. 370.

⁸⁰ *Труш С.М.* Россия — США — Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения. // США и Канада: экономика — политика — культура. 2020. № 3. URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300008591-0-1/> (accessed: 17.03.2020).

⁸¹ Department of Defense. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019. May 2019. P. 24.

⁸² *Путин В.В.* Встреча с руководителями мировых информагентств. 24.05.2014. 18:30, Санкт-Петербург. URL: <http://news.kremlin.ru/news/21090> (accessed: 12.03.2020).

⁸³ Встреча В.В. Путина с членами дискуссионного клуба «Валдай» 11.09.2006. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/09/111114.shtml>

⁸⁴ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия в 4-х т. Т. 4. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 519.

⁸⁵ National Security Strategy. February 2015.

⁸⁶ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. II, 1.

⁸⁷ *Хаас Р.* Чем закончится миропорядок. // Россия в глобальной политике. 15.05.2019. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Chem-zakonchitsya-miroporjadok-20028>

⁸⁸ *Kagan R.* The strongmen strike back//Washington Post. 2019. March 14. URL: https://www.washingtonpost.com/news/opinions/wp/2019/03/14/feature/the-strongmen-strike-back/?utm_term=.e62caefecdd1

⁸⁹ *Zakaria F.* The Self-Destruction of American Power. Washington Squandered the Unipolar Moment//Foreign Affairs. 2019. July, August Issue. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-06-11/self-destruction-american-power>

⁹⁰ Указ. соч.

⁹¹ *Wilson D.* Shaping a New American Leadership. Progress is not inevitable//The Atlantic Council. 2019. June 14. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/shaping-a-new-american-leadership>

⁹² *Kagan R.* Op. cit.

⁹³ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 2.

⁹⁴ *Pompeo M.* The West is Winning. Munich Security Conference. 2020. February 15. URL: <https://www.state.gov/the-west-is-winning/>

⁹⁵ Extending Russia. Competing from Advantageous Ground. / James Dobbins, Raphael S. Cohen, Nathan Chandler, Bryan Frederick, Edward Geist, Paul DeLuca, Forrest E. Morgan, Howard J. Shatz, Brent William. RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2019. P. 51.

⁹⁶ Хаас П. Указ. соч.

⁹⁷ Виммер А. Почему национализм работает // Россия в глобальной политике. 19.05.2019. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Pochemu-natsionalizm-rabota-et-20036>

⁹⁸ Patrick S. How the U.S. Can Recommit Itself to the Rules of an Open World // World Politics Review. 2019. June 19. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/27818/how-the-u-s-can-recommit-itself-to-the-rules-of-an-open-world>

⁹⁹ Tayler W. Russia Is Finished // The Atlantic. 2001 May Issue. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2001/05/russia-is-finished/302220/>

¹⁰⁰ Burns W. How the U.S.-Russian Relationship Went Bad. An American diplomat tells the inside story of Yeltsin, Putin, and opportunities lost // The Atlantic. 2019. April Issue. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/04/william-j-burns-putin-russia/583255/>

¹⁰¹ Extending Russia. Competing from Advantageous Ground / James Dobbins, Raphael S. Cohen, Nathan Chandler, Bryan Frederick, Edward Geist, Paul DeLuca, Forrest E. Morgan, Howard J. Shatz, Brent William. RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2019. P. xi.

¹⁰² Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) White Paper. May 2019. P. iv.

¹⁰³ Extending Russia... P. 216.

¹⁰⁴ Allison G. The New Spheres of Influence // Foreign Affairs. 2020. March/April URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence>

¹⁰⁵ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. The Department of Defense. June 1, 2019. P. 8.

¹⁰⁶ Ibid, P. 9.

¹⁰⁷ Chellaney B. The End of America's China Fantasy // Project Syndicate. 2018. Oct. 22. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-china-policy-trade-war-competition-by-brahma-chellaney-2018-10>

¹⁰⁸ Rapoza K. Russia and China Only Look Like They Are Becoming Buddies. It's Mostly Talk // Forbes. 2019. Jun 5. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2019/06/05/russia-and-china-only-look-like-they-are-becoming-buddies-its-mostly-talk/#71f81a64f64e>

¹⁰⁹ Kendall-Taylor A, Shullman D. How Russia and China Undermine Democracy. Can the West Counter the Threat? // Foreign Affairs. 2018. October 2. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-02/how-russia-and-china-undermine-democracy>

¹¹⁰ Simes D. Russia's Best Defense Against America's Pressure Strategy May Be China // National Interest. 2019. June 7. URL: <https://nationalinterest.org/feature/russias-best-defense-against-americas-pressure-strategy-may-be-china-61692>

¹¹¹ Manuel A. It's Not Too Late to Prevent a Russia-China Axis. Here's how the U.S. can avoid driving the two countries together // The Atlantic. 2018. September 14. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/china-russia-alliance-military-exercises/570202/>

¹¹² Russian Strategic Intentions... P. iv.

¹¹³ Ibid. P. 108.

¹¹⁴ What's America's Winning Hand if Russia Plays the China Card? The two adversaries are growing closer, posing a strategic challenge to the United States. // The New York Times. July 21, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/21/opinion/russia-china-trump.html>

¹¹⁵ Kendall-Taylor A, Shullman D. Navigating the Deepening Russia-China Partnership. The CNAS Transatlantic Security Program. January 2021. P. 1—2.

¹¹⁶ Ibid. P. 27.

¹¹⁷ *Biden J., Jr.* Why America Must Lead Again. Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // Foreign Affairs. 2020. March/April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>

¹¹⁸ *Carafano J.J., Volker K.* Building the Post-Pandemic World. // The National Interest. 2020. May 24. URL: <https://nationalinterest.org/feature/building-post-pandemic-world-156791>

¹¹⁹ *Салицкий А., Семенова Н.* Китайские представления о мироустройстве: традиция и современность. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/kitajskije_predstavlenija_o_miroustrojstve_tradicija_i_sovremennost_2019-06-04.htm

¹²⁰ *Дугин А.Г., Олаво де Карвальо.* США и новый мировой порядок // Vide, 2013.

¹²¹ Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность. URL: <http://csef.ru/ru/articles/print/3575>

¹²² 10 стран с самыми большими запасами золота. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ae098a62ae5961b67a1c4ba>

¹²³ *Морозов Ю.В.* Способы борьбы с пандемией коронавируса в США, Китае и России // Глобальная и региональная политика стран «стратегического треугольника» США, КНР и Российской Федерации: обеспечение безопасности России. М: МФЮА, 2021. С. 302.

¹²⁴ РСМД: Новая биполярность и последствия ее становления: взгляды Китая и России. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-bipolyarnost-i-posledstviya-ee-stanovleniya-vzglyady-kitaya-i-rossii/>

¹²⁵ *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013.

¹²⁶ *Тан Жэнью.* Реалии экономической глобализации и политика Китая // Мировая экономика. 2000. № 10.

¹²⁷ Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>

¹²⁸ *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. М, 1988.

¹²⁹ Си Цзиньпин принял участие в открытии ежегодной сессии ВЭФ в Давосе и выступил с основным докладом // Синьхуа Новости. 18.01.2017. URL: russian.news.cn/2017-01/18/c_135991232.htm

¹³⁰ США и союзники создали новый блок против Китая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/61433f6d9a7947a1f9783e78>

¹³¹ Китай: внешняя политика. Основные принципы, международные отношения. URL: <https://fb.ru/article/285776/kitay-vneshnyaya-politika-osnovnyie-printsipyi-mejdunarodnyie-otnosheniya>

¹³² Прояснения о методах построения такого общества было дано 3 ноября 2020г. в докладе Си Цзиньпина по поводу Рекомендаций ЦК КПК относительно 14-го пятилетнего плана развития КНР в 2021—2025 гг. и перспективных целей на 2035 г.

¹³³ *Сидоров О.* Внешнеполитическая доктрина КНР в XXI веке. URL: <https://www.caravan.kz/articles/vneshnepoliticheskaya-doktrina-knr-v-xxi-veke-376211/>

¹³⁴ РСМД: «Новая эра» Си Цзиньпина: развитие КНР и перемены в международных отношениях. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandboh/-novaya-era-si-tszinpinga-razvitie-knr-i-peremeny-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/>

¹³⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 3.

¹³⁶ *Тан J.* Here are the highlights from the heated exchange between the U.S. and China in Alaska. URL: <https://www.cnbc.com/2021/03/19/here-are-the-highlights-from-the-heated-us-china-exchange-in-alaska.html>

- ¹³⁷ What is the Aukus alliance and what are its implications? URL: <https://www.theguardian.com/politics/2021/sep/16/what-is-the-aukus-alliance-and-what-are-its-implications>
- ¹³⁸ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 2001г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>
- ¹³⁹ NATO. Official text. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.html
- ¹⁴⁰ Лидеры России и Китая договорились о продлении Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. URL: https://www.itv.ru/news//408896-lidery_rossii_i_kitaya_dogovorilis_o_prodlennii_dogovora_o_dobrososedstve_druzhbe_i_sotrudnichestve
- ¹⁴¹ Вопрос века и кризис-менеджмент: о чем говорили Си Цзиньпин и Байден // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/11/16/vopros-veka-i-krizis-menedzhment-o-chem-govorili-si-czinpin-i-bajden.html>
- ¹⁴² Should the United States defend Taiwan in the event of a PRC invasion? URL: <https://www.quora.com>
- ¹⁴³ Давыдов А.С. Россия—Китай—США: про альянсы и соперничество// Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 3.
- ¹⁴⁴ Взгляд на Китай с 6 сторон: эксперты анализируют современные международные отношения. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171126/240852766.html>
- ¹⁴⁵ Павленко В. Кто заинтересован в подрыве российско-китайских отношений. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1635716400>
- ¹⁴⁶ The Jerusalem Post. Cooperation between China and Russia can develop into a powerful alliance. URL: <https://inosmi.ru/politic/20211126/250993607.html/>
- ¹⁴⁷ Морозов Ю.В. Перспективы внешнеполитического курса России после выборов президента Российской Федерации. Россия. 2018. № 2. С. 6.
- ¹⁴⁸ Морозов Ю.В. Взаимоотношения России—Китай—США в рамках «стратегического треугольника» (монография). М.: ИДВ РАН, 2020.
- ¹⁴⁹ России — пятерка от НАТО: новые детали разговора Путина и Байдена. URL: <https://ria.ru/20211211/nato-1763188801.html>
- ¹⁵⁰ Морозов Ю.В. Политика и стратегия Китая, США и России в важнейших для них регионах мира // Взаимоотношения России—Китай—США в рамках стратегического треугольника. М., 2020. С. 27.
- ¹⁵¹ Загорский А.В. Кризис европейской безопасности: пути выхода // Ежегодник СИПРИ 2017: вооружения, разоружение и международная безопасность: пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 674.
- ¹⁵² Shlapak D., Johnson M. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf
- ¹⁵³ Шелестовский В. Союз России, Китая и Ирана укоротит амбиции США! Чем интересен Иран для России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f66f8b1e7df857a6902a2a1/soiuz-rossii-kitai-i-irana-ukorotit-ambicii-ssha-chem-interesen-iran-dlia-rossii-60235f65ff10a04637513db0>
- ¹⁵⁴ URL: https://lenta.ru/articles/2020/12/21/tech_russia/
- ¹⁵⁵ Сирота Н.М., Мохоров Г.А. США versus Китай: военно-политическое соперничество. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo/>

¹⁷⁸ Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels. 2018. July 11—12. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=en/

¹⁷⁹ Батюк В.И. Европейское командование США после саммитов НАТО в Уэльсе (2014 г.) и Варшаве (2016 г.) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 31.

¹⁸⁰ Extending Russia. Competing from Advantageous Ground / James Dobbins, Raphael S. Cohen, Nathan Chandler, Bryan Frederick, Edward Geist, Paul DeLuca, Forrest E. Morgan, Howard J. Shatz, Brent William. RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2019. P. 219.

¹⁸¹ Department of Defense Arctic Strategy. Office of the Under Secretary of Defense for Policy. June 2019. P. 4, 6.

¹⁸² Ibid. P. 9.

¹⁸³ Полонский И. США против России. Как будут воевать две великие страны // Военное обозрение. 15.09.2019. URL: <https://topwar.ru/162414-ssha-vs-rossija-kak-budut-voevat-dve-velikie-strany.html>

¹⁸⁴ Храмыхин А. Военное сотрудничество России и Китая. // Независимое военное обозрение. 20.09.2019. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2019-09-20/12_1062_china.html.

¹⁸⁵ Полонский И. Проигравшие и укрепившиеся. Военный союз России и Китая становится реальностью // Военное обозрение. 2019. URL: <https://topwar.ru/163570-kos-hmar-zarada-voennyj-sojuz-rossii-i-kitaja-stanovitsja-realnostju.html>

¹⁸⁶ Российские и китайские стратеги осуществили второе совместное патрулирование. URL: <https://topwar.ru/178408-rossijskie-i-kitajskie-strategi-osuschestvili-vtoroe-sov-mestnoe-patrulirovanie.html>

¹⁸⁷ Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster, 1994. P. 719.

¹⁸⁸ Системная история международных отношений, в 4-х т. 1918—2003. Т. 3. События 1945-года. 2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. С. 351.

¹⁸⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>.

¹⁹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. С. 31.

¹⁹¹ China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July 2019. P. 32.

¹⁹² Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2020 г., М., 18.01.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4527635/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_viewMode=

¹⁹³ Товарооборот России с Китаем. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2019-g/>

¹⁹⁴ Батюк В.И. Российско-американские отношения после окончания «холодной войны». М.: Прометей, 2008. 212 с.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Торговля между Россией и США в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-ssha-v-2019-g/>

¹⁹⁷ Торговля между Россией и США в 2014 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-04/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-ssha-v-2014-g/>

¹⁹⁸ Байден пригрозил России отправкой войск в Восточную Европу. URL: <https://ria.ru/20211212/voyska-1763320323.html>

¹⁹⁹ Российско-американские отношения. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/us/?currentpage=main-county>

²⁰⁰ *Kagan R.* The Twilight of the Liberal World Order. // Brookings. Tuesday, January 24, 2017. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/>

²⁰¹ *Ikenberry J.* The Next Liberal Order. The Age of Contagion Demands More Internationalism, Not Less // Foreign Affairs. July/August 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/next-liberal-order>

²⁰² Communist China and the Free World's Future. Speech. Michael R. Pompeo, Secretary of State. The Richard Nixon Presidential Library and Museum. 2020. URL: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/>

²⁰³ *James H.* Will Lies Win? // Project Syndicate. 2020. Nov 2. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-2020-election-will-lies-win-by-harold-james-2020-10>

²⁰⁴ Secretary Michael R. Pompeo with Matt Murray of the Wall Street Journal CEO Council. Interview. 2020. December 7. URL: <https://www.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-with-matt-murray-of-the-wall-street-journal-ceo-council/>

²⁰⁵ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. The Department of Defense. P. 20.

²⁰⁶ Высказывание Т. Рузвельта на ярмарке в Миннесоте 2 сентября 1901 г.: «Speak softly and carry a big stick; you will go far».

²⁰⁷ Annual report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2019. P. 47.

²⁰⁸ China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July 2019. P. 4, 32.

Часть вторая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США, КНР И РФ В РЕГИОНАХ МИРА

2.1. Подходы КНР, США и РФ к глобальной и региональной геополитике

Геополитика США, Китая и России в Евразии

Для *Соединенных Штатов* Европа является приоритетной в геополитическом раскладе сил и главным военным плацдармом в Евразии. Мощный военно-политический инструмент США—НАТО дает Вашингтону возможность оказывать политическое и военное давление на страны, расположенные как в Европе, так и в Евразии, где в качестве стратегического противника США выбрана Россия, а в АТР — Китай. По замыслу администрации Д. Трампа, на западном фланге Евразии решающую роль в решении задач по противодействию РФ будут играть члены НАТО. Америка же продолжит расширение военного плацдарма в странах Балтии, Польше и Румынии. Таким образом, Вашингтон сумел привлечь на свою сторону десятки государств в Европе, сделав их союзниками и одновременно заложниками проводимой им политики. Единственное, чего пока не удалось США, переложить часть ответственности в сфере обороны и безопасности на своих союзников по альянсу, не желающих или не располагающих возможностью увеличить свои военные расходы¹. При этом США беспокоит самостоятельность ряда стран региона в их взаимоотношениях с РФ в таких областях, как безопасность и энергетика. В связи с этим американцы возлагают надежды в проведении Евросоюзом более согласованной политики в отношении России.

В Восточной Европе Соединенные Штаты заинтересованы в военной победе Киева над ЛНР и ДНР. Для этого Вашингтон оказывает ему экономическое, военное и финансовое содействие в проведении им военной реформы с целью оказания давления на ЛНР, ДНР и Москву. Но даже, если эти задачи будут решены, Вашингтон и продолжит усилия по изоляции России при помощи различного рода санкций, чтобы компенсировать ущерб американскому влиянию в мире, нанесенный «крымским инцидентом» и провалом воен-

ной операции США в Афганистане. В других странах постсоветского пространства администрация США продолжит увеличивать помощь Грузии, Молдове и странам Балтии, активнее участвовать в разрешении конфликтов в Приднестровье и Нагорном Карабахе, энергичнее оказывать политическую поддержку постсоветским государствам, занимающимся добычей и транспортировкой энергоресурсов на Запад.

Весной 2019 г. председатель *КНП* Си посетил с визитами ряд стран Евросоюза с целью вовлечь их в реализацию китайского проекта «Один пояс, один путь». При этом не стоит забывать о том, что экономический рост Китая сделал его не только партнером, но и конкурентом Европы в евразийской политике. Поэтому в 2019 г. на заседании Еврокомиссии были представлены ограничительные меры в отношениях с КНР, которые преследуют две цели. Во-первых, Европа будет усиливать взаимодействие с Китаем, опираясь на четко определенные принципы. Во-вторых, ЕС будет выстраивать более совершенные экономические отношения с КНР с учетом собственных интересов. Но эти меры нельзя считать радикальным изменением европейской политики в отношении Китая. В Брюсселе осознали, что он в экономическом плане изменился и с ним нужно договариваться на равных².

Основой геополитики *Россиу*, на которой зиждется ее внешняя политика, как на глобальном, так и на региональном уровнях, является принцип равенства с ключевыми мировыми державами, подразумевающий многополярность мировых отношений. Вторым элементом является «формирование пространства равной и неделимой безопасности»³. Россия также настаивает на том, что центральная роль должна отводиться международному праву и Совету Безопасности ООН. Другим элементом российской внешней политики является понятие суверенитета, подразумевающее невмешательство во внутренние дела других государств для поощрения каких бы то ни было политических изменений. Поэтому Россия поддерживает позицию Китая по Тайваню. Это связано и с тем, что в XXI веке КНР стала важнейшим стратегическим партнером для нее. Между ними постоянно усиливаются торговые связи, растет обмен технологиями, заключаются политические соглашения. При этом КНР блюдет свои интересы и неуклонно их отстаивает, а России порой приходится идти на уступки Китаю, но обе страны понимают стратегическую значимость их партнерства, и на сегодняшний день Китай — важный, но сложный и расчетливый экономический партнер России. Однако по многим глобальным и региональным проблемам позиции Москвы и Пекина совпадают.

Жизненно важные интересы Москвы в Евразии неразрывно связаны с геополитикой, проводимой на этом континенте, которая должна преодолеть отчуждение России от глобальных интеграционных процессов, сделав РФ ключевым звеном евразийского пространства. Она также желает предотвратить фрагментацию современного мира, связав два крупнейших центра глобальной экономики — Европу и Азию, которые поддерживают тесные финансово-экономические связи с США, но в меньшей степени взаимодействуют друг с другом. Исходя из этого, евразийская стратегия России призвана стать «экономическим мостом» между Востоком и Западом, что позволит ей выстроиться равно-

правные отношения с ними, несмотря на то, что ряд стран Евразии превосходят Россию в экономике и по размерам ВВП. Это также будет способствовать снижению угроз, с которыми может столкнуться Россия в будущем⁴.

При этом следует учитывать, что положение России в Евразии таково, что Запад во главе с США продолжит препятствовать ее возрождению как мощного государства. Элементами их политики являются свертывание связей с Россией в экономической, научно-технической сфере и оказание давления на другие государства с целью побудить их ограничить сотрудничество с Москвой. Поэтому в настоящее время Россия окружена *тремя* «санитарными кордонами», которые затрудняют реализацию ее геополитических интересов.

Первый — это стремление ряда постсоветских государств проводить политику дистанцирования от России при поддержке Запада. Такую направленность демонстрируют государства Балтии, где развернуты части НАТО, способные наносить удары по экономическим и политическим центрам на территории РФ, а также Украина, которая тоже втянута в орбиту влияния НАТО и США. *Второй* «кордон» образуют бывшие страны Варшавского договора, сделавшие русофобию доктринальным принципом своих отношений с Россией, особенно Польша, Румыния и ряд других стран. *Третий* «кордон» образуют традиционные западные противники России, которые не заинтересованы в росте ее могущества и влиянии в международных отношениях. Именно с этой стороны Россия испытывает нажим и получает удары, которые наносят урон ее позициям на международной арене⁵.

Для нейтрализации их последствий Москва предложила Европе партнерство на экономической базе совместного управления трубопроводами «Северный поток-2», «Турецкий поток», «Ямал — Европа», а также взаимовыгодный доступ европейских и российских корпораций на рынки друг друга. При этом и РФ, и Евросоюз полагают необходимым сохранение основ современного миропорядка, особенно когда речь идет о таком вызове, как ИГИЛ. Представители западного бизнеса убеждены в необходимости снятия санкций с России, поскольку эти меры приводят к потерям в странах Евросоюза. Однако ЕС и РФ расходятся во мнении относительно условий возобновления экономических отношений. Москва и Брюссель признают необходимость объединения усилий для урегулирования конфликта на территории Украины, стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом, но в то же время они придерживаются разных точек зрения относительно мер, которые должны быть приняты для достижения этих целей. В этих условиях будет сохраняться адресное сотрудничество Москвы и Брюсселя в интересах устранения общих угроз и решения экономических вопросов, представляющих обоюдный интерес⁶. А для улучшения отношений с НАТО, которые в настоящее время заморожены, России и членам альянса придется сделать еще много шагов на пути к возобновлению их сотрудничества.

Что касается союзников или надежных партнеров в Евразии, то Москве в этом вопросе гордиться нечем — публичная поддержка политики РФ на международной арене ощущается слабо. Сдержанные одобрения Пекином и Дели ряда действий Москвы, дружелюбный нейтралитет по отношению к РФ со

стороны ряда других стран явно недостаточны, чтобы заставить Вашингтон уважать мнение России⁷. Однако ситуация не столь трагична. Важными для нее странами являются члены ШОС и ОДКБ, которые совместно с российскими и китайскими экспертами активно работают над сопряжением евразийского проекта ОПОП в рамках ЕАЭС. Организацию БРИКС тоже по некоторым аспектам ее политики можно считать союзницей России. И если структуры БРИКС заработают, то можно будет говорить о рождении новой международной финансовой системы, которая будет способствовать подрыву позиции доллара США на мировой финансовой арене.

Стратегия Китая, США и России в Арктическом регионе

Среди государств, которые по своему географическому положению относятся к приарктическим странам, наиболее активно в Арктике ведет себя **Китай**. В связи с чем Стокгольмский Институт исследования проблем мира опубликовал целевое исследование «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда»⁸. В этом регионе КНР действует осторожно, поскольку мало кто из международных акторов заинтересован в том, чтобы одно из крупнейших экономических государств мира получило доступ еще и к арктическим ресурсам. А для Китая принципиально важно показать всему миру, что он является великой державой не только в сфере экономики, но и в геополитической стратегии и доказывает это на деле, в том числе и в Арктике. Для этого на 8-й сессии Арктического совета (АС) Китай получил статус наблюдателя этой организации. Стремление Пекина участвовать в деятельности АС объясняется стратегической важностью этого региона, которая постоянно растет, и где основным лейтмотивом стратегии Китая является экономическая выгода⁹. КНР также заинтересована в расширении прав на судоходство и возможности свободного прохода по Северному морскому пути (СМП), а также в свободе ведения хозяйственной деятельности на архипелаге Шпицберген для добычи там полезных ископаемых. Для этого Китай формирует на архипелаге свою инфраструктуру, наращивает технологический и кадровый потенциал¹⁰. Однако нерешенность разделения границ арктического шельфа накладывает ограничение на усиление присутствия Китая в Арктике.

В 2008 г. **Соединенные Штаты** обнародовали стратегический план развития Арктического региона. Его концептуальная основа разработана Комиссией по арктическим исследованиям, занимающейся вопросами геополитики. В ее поддержку учреждена межведомственная Группа анализа и оценки обстановки в Арктике¹¹. Они рассматривают стратегию приполярных стран с целью юридического закрепления за собой территорий арктического шельфа и разрабатывают меры для сдерживания «территориальной экспансии» конкурентов Соединенных Штатов в Арктике¹². Для решения этой задачи Комиссией разработан перечень территориальных претензий США на арктический шельф. Базируясь на их основе, Вашингтон не принимает ни один из вариантов уточнения секторального деления границ арктического шельфа, которые предлагаются приполярными государствами. Оставаясь страной, не ратифицировавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., Вашингтон

также настаивает на «интернационализации» Северо-Западного прохода и СМП. Кроме того, он стремится дополнительно получить территорию, простирающуюся на 965 км от Аляски к Северному полюсу, что позволит США по совокупной площади обойти Россию, Китай, Канаду¹³.

Особое внимание Вашингтон уделяет формированию негативного отношения международного сообщества к приполярным государствам, для чего проводит кампанию по дискредитации их действий в Арктике. Исподволь формируется мнение, что только расширение экономического, гуманитарного, а впоследствии и политического присутствия США в российской Арктике может спасти этот регион «от деградации». По сути, готовится почва для новой «гуманитарной интервенции» США в будущем. Она хорошо зарекомендовала себя на Балканах, когда США в рамках «гуманитарной интервенции» способствовали отделению Косово от Сербии, а также для смены режимов в Ираке и Ливии¹⁴.

Одновременно США наращивают свои военные возможности в Арктике. На территории Аляски расположены морская, армейская и военно-воздушная базы и ещё 54 других военных объекта. Строятся 2 новые передовые базы береговой охраны в Барроу и в Номе. Аляска также выполняет роль наземного «щита» Америки в глобальной системе ПРО на базе в Форт-Грили. Этот щит дополняет система ПРО передового морского базирования. Ее зенитные управляемые ракеты «Стандарт-SM3» могут запускаться с крейсеров проекта «Тикондерога» и с эсминцев типа «Орли Берк». А для отражения ударов МБР из России в США Пентагон постоянно держит в высоких широтах оперативную группу в составе 3—4 крейсеров и 4—6 эсминцев. Их суммарное вооружение не менее 1000 противоракет, что достаточно для того, чтобы частично гарантировать безопасность США от атак с севера¹⁵.

В интересах развития арктической зоны **России** в 2019 г. было принято постановление правительства «О внесении изменений в государственную программу социально-экономического развития Арктической зоны РФ» в дополнение к «Стратегии освоения Арктики» до 2020 г.¹⁶ Эти документы определяют основные принципы политики РФ в этом регионе с решением ряда стратегических задач: разработка и внедрение новых видов техники для освоения морских месторождений полезных ископаемых в арктических условиях; реструктуризация объемов грузоперевозок по СМП, оптимизация «северного завоза»; использование в регионе возобновляемых и альтернативных источников энергии и т. д. Следует отметить, что потенциальным союзником России в освоении ресурсов Арктического региона может стать Китай, который стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Альтернативой зависимости от экспорта энергоресурсов из этих стран является развитие энергопоставок из России, включая и Арктику. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь она заинтересована в финансовых инвестициях из Китая на развитие инфраструктуры своих северных территорий¹⁷.

В области военной безопасности России в Арктике идет процесс создания северной группировки войск ВС РФ. Для этого построено 425 военных объектов и идет оптимизация системы комплексного контроля обстановки в регионе, включая контроль в пунктах пропуска через границу и на маршруте СМП. Наиболее значимая группировка ВС РФ развернута на Новой Земле, что делает этот архипелаг центром всей арктической позиции России¹⁸. Однако развертывание в Заполярье одной бригады, сил ПВО и авиации пока не позволяют говорить о полной защите северных территорий РФ. Но особенности Арктики заключаются в том, что даже эти весьма малые силы могут сыграть стратегическую роль, первыми заняв ту или иную важную точку в этом регионе.

Стратегия Китая, США и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

С ростом влияния *Китая* в АТР и увеличением его военно-стратегического потенциала претерпевает значительные изменения баланс сил в этом регионе. На первый план у Китая выходит «азиатско-тихоокеанский регионализм», который является особой формой интернационализации его хозяйства. Этот принцип соблюдается в затянувшемся процессе подготовки трехстороннего соглашения о свободной торговле между Китаем, Республикой Корея и Японией, несмотря на то, что двусторонние контакты более уязвимы в случаях обострения между этими странами политических проблем. С таких же позиций Китай участвует и в консультациях в формате «АСЕАН плюс...». Поддерживая в принципе идею создания Восточноазиатской зоны свободной торговли в формате АСЕАН+3 или зоны в формате АСЕАН+6, Китай не формирует шаги по ее созданию, предпочитая использовать консультации в этих форматах для отстаивания своих позиций. В целом КНР с настойчивостью относится к любым международным проектам и форматам, где она не будет иметь возможности блокировать решения, идущие вразрез с ее интересами. В этом случае Китай станет объектом давления со стороны США по тем вопросам, которые являются предметом споров в их отношениях — курс юаня, степень прозрачности китайской экономики и политики и иные проблемы¹⁹. Эти споры во многом определяются конфронтационным характером американо-китайских отношений. При этом Китай подчеркивает, что он не стремится к конфронтации с США и демонстрирует готовность к сотрудничеству на основе взаимоуважения и взаимной выгоды.

Однако *США* видят в Китае главную угрозу их интересам в АТР, рассматривая столкновения их финансово-экономических и военно-политических интересов в регионе как неизбежные. Поэтому они пытаются укрепить свое положение в этом регионе путем заключения соглашений о зоне свободной торговли с его странами. Для этого в 2017 г. администрация Трампа издала ряд документов, излагающих основы американской политики в современном мире. Важным документом среди них является Стратегия национальной безопасности, которая была опубликована в конце 2017 г.²⁰ В ней немалое место уделено АТР, который Д. Трамп посетил в ноябре 2017 г. Накануне его визита в Индию госсекретарь Тиллерсон выступил с речью в Центре страте-

гических и международных исследований в Вашингтоне, которая содержала ряд установочных заявлений о политике США в АТР²¹. А в январе 2018 г. глава Пентагона объявил свое видение процессов, происходящих в этом регионе. Согласно его заявлению «американские дипломаты всегда будут выступать «с позиции силы» благодаря мощи вооруженных сил страны»²².

На практике эти заявления подтверждены следующими акциями 45-го президента США: он вывел США из Транстихоокеанского партнерства; поставил крест на Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве и заявил, что будет проводить Индо-Тихоокеанскую стратегию в регионе. Она расширяет понятие АТР и отражает намерения укрепить связи США с Индией, которая становится важным экономическим и стратегическим партнером в акватории двух океанов. Это также означает расширение присутствия США в регионе за счет усиления американской политики военными средствами при «повороте на Восток», провозглашённой в свое время администрацией Обамы. У Вашингтона есть еще одна опция для противостояния Китаю и России — развязать в АТР серию конфликтов, дестабилизирующих региональную безопасность, наподобие тех, которые происходят на Ближнем Востоке. Но в АТР они могут стать, в лучшем случае, «партизанскими», а в худшем — последней мировой войной для человечества. Учитывая растущую напряженность в регионе, набор сепаратистских и радикальных движений в странах региона, это реальная угроза, которая усугубляется ошибочным пониманием Вашингтоном ключевых процессов, происходящих в мире. Он не делает различий между ИГИЛ, КНДР, Китаем и Россией, ставя их на одну доску. Однако КНР и РФ воспринимаются большинством незападного мира как страны, выступающие против несправедливого статус-кво, где примером «справедливости» США отнюдь не являются²³.

Поэтому многие страны АТР проявляют дружественную позицию по отношению к *России*. Свидетельством тому можно считать перевод отношений со странами региона из плоскости преимущественно военно-политической в общественно-политическую и отчасти в экономическую. Наибольший прогресс достигнут в связях с Китаем. Активный политический диалог между ними и тождественность подходов к большинству региональных проблем в АТР обуславливают их крепнущие связи в регионе. Положительную динамику демонстрируют и отношения с Индией, которые строятся на основе общности российского и индийского подходов к АТР. У них много общих интересов для развития двусторонних отношений, в поле действия которых попадают восточные районы России. Но если в политическом плане положение у России лучше, чем у США, то иначе обстоят дела в экономической сфере. Российская экономика во многом уступает «азиатским тиграм», поэтому тихоокеанские районы России пока не смогли занять заметного места в торговле и на рынке капиталов АТР. Да и для многих государств этого региона экономические связи с Россией тоже не играют заметной роли: масштабы этих связей в разы меньше объемов экономических отношений стран АТР между собой или с государствами ЕС; в связях с РФ преобладает простой товарообмен и отсутствует производственная кооперация и взаимное движение капи-

талов. Для ликвидации этих диспропорций в отношениях Москва пытается привлечь инвесторов из АТР путем создания для них Особых экономических зон на Дальнем Востоке и довольно успешно реализует проект «Поворот на Восток» для диверсификации экономических отношений со странами АТР.

Стратегия акторов «треугольника» в Центральной Азии

В *Kumae* исходят из того, что Центральная Азия (ЦА) играет стратегически важную роль в обеспечении его национальной безопасности. Этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого тыла и опоры перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на АТР, где нарастает их конкуренция. К тому же заметна оправданная обеспокоенность Китая по поводу активизации Запада в отношении ЦА. Поэтому в этом регионе КНР развивает широкое экономическое взаимодействие и вкладывает значительные суммы в реализацию значимых для стран ЦА проектов, подталкивая элиты региона к сближению с ней. Значительную роль в китайском финансировании проектов в Азии играют кредиты, которые предоставляются под низкие проценты, однако в обязательном порядке они подразумевают привлечение китайских материалов, техники и рабочей силы для выполнения работ. Применение этих инструментов позволяет максимально задействовать китайские ресурсы и приводит к постепенному росту экономического присутствия КНР в тех или иных отраслях сотрудничества со странами региона. Кроме того, посредством ШОС Пекин легитимизировал свой голос в делах всего региона, где Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан — это зона его особенного внимания. А существующие нерешенные межгосударственные проблемы в регионе Китай старается разрешить в свою пользу.

И все же успешному проникновению КНР в регион мешает значительный уровень негативных настроений по отношению к росту влияния Китая в ЦА со стороны местного населения. Но, несмотря на эти настроения в народной среде, элиты государств региона стремятся укрепить свои связи с Поднебесной, видя в ней важнейшего инвестора в инфраструктурные и транспортные проекты в своих странах. А Китай, понимая важность взаимодействия с народными массами и особенно с молодежью, активно проводит политику привлечения студентов из государств ЦА в свои вузы. Благодаря этому Пекин сумел нарастить не только свое экономическое, но и гуманитарное влияние в ЦА за счет использования «мягкой силы», что способствует дальнейшему укреплению его позиций в регионе.

Стратегия *США* в ЦА определяется, прежде всего, их желанием контролировать добычу и транспортировку энергоресурсов, противоборством с Китаем и сдерживанием России. Вашингтон опасается возможной потери контроля над добычей и транспортировкой энергоресурсов. Кроме того, он оказывает давление на Иран и КНДР, ядерные программы которых представляют угрозу американским интересам. Поэтому с выходом США в 2019 г. из ДРСМД в Вашингтоне стали говорить о необходимости создания нового договора о предотвращении распространения ядерного оружия (ЯО) в мире и подключения к этому процессу Китая. При этом он «забыл» о ЯО Франции,

Британии, оружейном плутонии в Японии, которого достаточно для снаряжения тысячи бомб, и о ядерных программах других стран²⁴.

В экономической области США продвигают идею транспортных коридоров из Азии в Европу в обход России (проект «Великого шелкового пути»). Эта идея была законодательно оформлена задолго до начала войны США в Афганистане. В 2006 г. с учётом военных реалий в ИРА этот закон обновлен. Он преследует ряд целей: освоение природных ресурсов Афганистана; получение доступа к рынкам Азии и размещение там военных баз «для защиты трубопроводов Шелкового пути»; перенаправление природных ресурсов региона от КНР в Индию и Пакистан; создание региональной организации «государств Шелкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Поэтому США в ЦА до 2021 г. были намерены продолжать стратегию, нацеленную на сдерживание Китая и не допускать интеграцию государств региона вокруг России; препятствовать превращению ШОС в дееспособное геополитическое образование, способное противостоять США. Длительное присутствие США в регионе было также обусловлено необходимостью сохранения их воинского контингента в Афганистане. Это давало Белому дому возможность вмешательства во внутренние дела государств региона. Для этого он существенно активизировал политическое и военное сотрудничество с этими странами, что привело к некоторому «дрейфу» ряда государств — членов ШОС в сторону США²⁵. А для «расшатывания» обстановки в республиках ЦА Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги, может задействовать проверенный на практике алгоритм «цветных революций». Опираясь на свою стратегию, проводимую в регионе, США рассчитывали получить возможность влиять на экономическую ситуацию в ЦА в выгодном для себя направлении²⁶. Однако летом 2021 г. эти планы Белого дома рухнули из-за поспешного вывода американских войск из Афганистана по указанию 46-го президента США Байдена. Этот вывод войск выглядел как позорное бегство ВС США из страны, в результате которого многие граждане ИРА, сотрудничавшие с контингентом американских войск, проамериканской администрацией в Кабуле и в других городах Афганистана, оказались под контролем сил талибов, захвативших власть в стране.

Что касается стратегии *России* в ЦА, то она выступает за мирное решение проблем, но в современных условиях напряженность в регионе сохраняется, а вокруг Ирана нарастает. Так, в ответ на убийство американской авиацией в Багдаде командующего подразделением «Корпуса стражей исламской революции» Ирана генерал-майора Сулеймани, совершенное 3 января 2020 г., в Тегеране заявили, что они нанесут удары возмездия по военным объектам США и активизируют свои военные программы (в том числе и по проекту создания ядерного оружия). Иран также может перекрыть Ормузский пролив, и тогда Вашингтон «забудет» о своих союзниках, таких как Япония и ряде стран НАТО, транспортирующих основную часть потребляемой ими нефти через этот пролив. Поэтому мировые цены на нефть могут вырасти, что выгодно России, так как она является одной из главных поставщиков энергоносителей на мировой рынок.

Что касается союзников России в регионе, то к ним можно отнести партнеров РФ по ШОС, среди которых выделяется Китай. Так, КНР согласилась разграничить сферы влияния с РФ в Азии и углубляет всеобъемлющее сотрудничество с Россией. Пекин положительно рассматривает деятельность ОДКБ, находя её не только не противоречащей интересам КНР в регионе, но и необходимой для обеспечения стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В торговых отношениях с КНР РФ также договорилась развивать расчеты в национальных валютах. Однако девальвация юаня из-за торговой войны с США оборачивается потерями для их обладателей, что в 2019 г. уже ощутил Центробанк РФ, нарастивший долю юаня в своем резерве до 15 %²⁷.

Геополитика Китая, США и России на Ближнем Востоке

Ближний Восток приобретает для *Китая* особое значение в связи с началом реализации его планов по проекту «Один пояс, один путь» (ОПОП), целями которого являются вовлечение экономик и рынков стран региона в зону влияния интересов Пекина и обеспечение безопасности поставок энергоресурсов в Китай через Индийский океан и Малаккский пролив. Поэтому в рамках китайской стратегии «гармоничного мира» на Ближнем Востоке он целенаправленно использует комплексы активных мероприятий: подписание контрактов о свободной торговле, предоставление беспроцентных кредитов на экономические проекты, погашение долгов стран региона перед КНР и т. д.; активное освещение в СМИ гуманитарной миссии Поднебесной и дипломатической помощи государствам Ближнего Востока; продвижение китайского языка и китайской культуры в страны арабского мира; использование китайской диаспоры для решения экономических и политических проблем в регионе²⁸. Реализацией этих задач КНР не только наращивает экономическое сотрудничество со странами Ближнего Востока, но и предпринимает шаги в целях вытеснения США с рынков этого региона. При этом Пекин старается открыто не вмешиваться в конфликтные сферы восточной политики. Но стремительное развитие ситуации в регионе во все большей степени вынуждает Китай предпринимать пока только малозаметные шаги с целью обеспечения собственной безопасности. При этом КНР поддерживает суверенитет и территориальную целостность Сирии и считает, что решение сирийского вопроса должно проходить при содействии и под наблюдением ООН. Поэтому многие арабские страны рассматривают КНР не только как надежного партнера, но и как альтернативную силу США на Ближнем Востоке, для чего Китай успешно работает над формированием в регионе имиджа «дружественной и ответственной державы».

Сердцевиной геополитики *США* на Ближнем Востоке является установка на максимальное ослабление конкурентов Вашингтона и блокирование попыток России усилить свои позиции в этом регионе. Поэтому вооруженную активность антиасадовских сил в Сирии и поддержку со стороны США протестных настроений в Ираке можно считать расширением масштабов, приемов и форм ведущейся многоуровневой войны Вашингтона против Москвы в

арабском мире. Это объясняет беспрепятственный доступ ИГИЛ, «Фронт ан-Нусра» и других экстремистских группировок к источникам американского оружия и те уловки, к которым прибегают США с целью уклониться от конкретных договоренностей с РФ по борьбе с международным терроризмом. В октябре 2019 г. Д. Трамп объявил о выводе американских войск из Сирии, однако часть военных США осталась в районе нефтяных месторождений на северо-востоке страны²⁹.

Его правопреемник на посту президента США Байден является сторонником стратегии «контртерроризм плюс» на Ближнем Востоке, которая, по его словам, положит конец предыдущей дискриминационной контртеррористической политике на Ближнем Востоке путем «налаживания диалога с лидерами арабского американского сообщества по вопросам наблюдения, охраны правопорядка и борьбы с терроризмом». При этом он согласен с тем, что военное присутствие США в регионе должно быть сокращено до минимально возможной степени, и в случае необходимости должно ограничиваться количеством 1500—2000 солдат спецназа для работы с местными партнерами по борьбе с террористами типа ИГИЛ (запрещена в России). Байден описал ситуацию в странах, где размещены американские войска, таких как Сирия и Ирак, как сложную, и заявил, что не может обещать полностью вывести из них американские войска в ближайшем будущем.

В связи с этим *Россия* заявила, что такие действия США являются большой ошибкой, которая ведет к эскалации конфликта и к новому витку напряженности в регионе, в котором к концу 2021 г. *Россия своей военной помощью Сирии добилась успешного прекращения войны. В ходе тяжелых переговоров Москве удалось вернуть Дамаску 80 % территорий страны, контроль под которыми был утерян с началом войны. Турция, Иран и боевые формирования организации «Хезболла» также оказали прямую военную и гуманитарную поддержку сирийской стороне. С 2020 г. на севере Сирии ведется успешное совместное российско-турецкое военное патрулирование линии разграничения конфликтующих сторон. В рамках проводимой Москвой геополитики на Ближнем Востоке в России есть немало сторонников выстраивания с Ираном отношений стратегического партнерства. И можно предположить, что в случае дальнейших агрессивных действий со стороны США Москва может оказать помощь Тегерану, чтобы повысить обороноспособность Ирана.*

Вместе с тем развитие отношений с Тегераном потребует от Москвы большого терпения и осмотрительности. Такое же отношение, как и к Ирану, очевидно, будет применяться и в отношении Турции, лидер которой постоянно лавирует между Россией и США. В целом Москва своими действиями на Ближнем Востоке постепенно возвращает России статус одного из лидеров на Ближнем Востоке, переигрывая Вашингтон, привыкший решать международные проблемы «гуманитарными бомбардировками».

Роль Латинской Америки в планах Пекина, Вашингтона и Москвы

На этом континенте особенно рельефно просматриваются ресурсно-сырьевые, инвестиционные, гуманитарные и политические интересы

Китая. Для закрепления там своего присутствия Пекин ежегодно инвестирует в регион по 10 млрд долл. Китай также открыл свой внутренний межбанковский рынок для облигаций латиноамериканских банков, имеющих накопления в юанях. Поэтому китайское руководство разрешило Аргентине продавать КНР свое зерно за юани, на которые аргентинские фирмы покупают у Китая сельскохозяйственное оборудование. Общая стоимость проектов, инициированных Китаем, например, в Венесуэле составляет порядка 62 млрд долл. В эту сумму входят в том числе государственные кредиты, а объем прямых инвестиций Пекина в Венесуэле составляет 20,99 млрд долл.

Латинская Америка играет не последнюю роль и в геополитике **США**, которая открывает новые грани в отношениях со странами континента в свете наметившегося в 2019 г. в ряде государств региона «правого поворота». Вашингтон стал активнее вмешиваться в региональные процессы, где он повлиял на провал мирных соглашений в Колумбии, на переворот в Боливии и на распад Союза южноамериканских наций. При этом США хотят иметь внутри стран континента проамериканских лидеров, которые гарантируют политику, соответствующую их интересам³⁰. Так, в 2019 г. в Венесуэле и Боливии от президентов, сторонников развития отношений с РФ и КНР, власть перешла к проамериканским лидерам. И в перспективе в регионе следует ожидать перемен в контексте растущего там противостояния США, Китая и России. Это связано с тем, что в Латинской Америке находятся 35 % мировых запасов гидроэнергетики, 27 % угля, 24 % нефти, 8 % газа, 5 % урана и 25 % мировых запасов леса³¹. В этом регионе находятся стратегически важные месторождения полезных ископаемых, которые необходимы для производства военной техники и вооружения. Поэтому Вашингтону важно полностью держать под контролем страны Латинской Америки и Карибского бассейна³². Это достигается различными способами: вмешательством в их внутреннюю политику, технологической зависимостью, внешним долгом и коммерческим подчинением, а если этого будет недостаточно, то и вооруженным путем. Для этого в Латинской Америке США воссоздали 4-й Оперативный флот. Его операционная зона включает акватории Карибского моря, а также Атлантического и Тихого океанов, прилегающих к побережью Центральной и Южной Америки. В Гондурасе строится крупный военный объект США в непосредственной близости от Венесуэлы, где существуют антиамериканские настроения.

В последнее время **Россия** вновь становится значимым актором в Латинской Америке. Для этого сложились объективные причины: она играет всё более значимую роль в международных делах, ее внешние связи расширяются, становясь важным фактором стабильности в мире, где Латинская Америка превращается в один из центров экономического роста.

Российская политика в этом регионе характеризуется следующими чертами: она является самостоятельным внешнеполитическим вектором, с выстраиванием отношений, на основе национальных интересов РФ; она не идеологизированна, что позволяет РФ проводить целенаправленный курс с выходом на взаимовыгодное сотрудничество и использовать его для укрепления своего потенциала в той степени, в какой Латинская Америка может это-

му содействовать. Как показал анализ результатов визитов президента РФ в страны региона и глав латиноамериканских государств в Москву, их позиции по многим вопросам международной политики близки, что делает их союзниками в поисках решений ключевых глобальных проблем³³. В связи с этим Россия активно сотрудничает со странами региона в поисках общих ответов на новые вызовы и угрозы, которые становятся всё более разнообразными.

Стратегия Китая, США и России в Африке

В последние годы *Китай* весьма интенсивно развивает связи с африканскими странами. Основа китайского влияния в регионе — его инфраструктурные проекты, в том числе в рамках инициативы ОПОП. Во время проведения в Пекине Форума китайско-африканского сотрудничества председатель КНР Си Цзиньпин пообещал в ближайшие годы вложить в развитие африканских стран 60 млрд долл. К этому следует добавить факт списания Китаем 33 африканским странам долгов и создание Форума *Китай—Африка*, что усилило позиции КНР на континенте. В области создания положительного имиджа своей страны и усиления финансового присутствия на континенте китайская стратегия такова: КНР предоставляет доступные кредиты странам региона в обмен на получение контрактов китайскими корпорациями; для поддержания гуманитарных и иных контактов Пекин сформировал значимое дипломатическое присутствие на континенте — 51 посольство в государствах Африки.

Страны африканского континента, обладающие значительными запасами нефти, редких цветных металлов и драгоценных металлов, давно являются для *США* источником этих ресурсов ввиду неразвитости многих государств региона, где элита задешево покупается Вашингтоном. Примерно 25 % импортируемой в США нефти имеет африканское происхождение. США также стремятся поставить под свой контроль перспективные нефтяные месторождения в Нигерии, Судане и Эфиопии. Основные страны, с которыми связаны интересы Соединенных Штатов — Египет, Нигерия, Ангола и ЮАР³⁴. С 2008 г. на континенте действует Африканское командование США «АФРИКОМ». В зону его ответственности входят все африканские страны, за исключением Египта. Деятельность подразделений ВС США в регионе сводится к созданию авиабаз (Энтеббе в Уганде, Уагадугу в Буркина-Фасо). В районе Нигера, в Эфиопии и на Сейшельских островах базируются американские БПЛА. Помимо авиабаз в Джибути развернута бригада сухопутных войск США, насчитывающая около 3 тыс. солдат. В результате Вашингтон имеет возможность отслеживать конфликты на всем африканском континенте, в случае необходимости вмешиваться в них. И от этих позиций США никогда не откажутся и будут прикладывать максимум усилий, чтобы выдвинуть из региона конкурентов, в том числе их главного конкурента — Китай.

Что касается *России*, то в последнее время она возвращается в Африку³⁵. В связи с тем, что в регионе быстро меняется обстановка, у нее возникают новые возможности, для реализации которых она может многое: в последнее время объем товарооборота со странами Африки с 2010 г. вырос более чем в

2 раза, составив 20,4 млрд долл. по итогам 2019 г., и есть потенциал для дальнейшего развития; РФ и африканские государства связывают традиционно дружественные, проверенные временем отношения; в Африке хорошо налажена система мониторинга РФ обстановки (свыше 40 посольств и 4 торгпредств). Однако здесь существуют проблемы с использованием полученной информации. Так, с целью продвижения экспорта был учрежден Российский экспортный центр (РЭЦ), который должен превращать аналитику представительств в Африке в предложения для российских экспортеров. Но пока РЭЦ занимает выжидательную позицию и дублирует некоторые функции торгпредств. При этом российское руководство проявляет осторожность с экономической помощью странам региона и предполагает сформировать для себя две тестовые группы — группу крупных стран Африки (Египет, Нигерия, ЮАР) и группу нестабильных государств (ЦАР, Судан и т. д.). Очевидно, такой подход поможет РФ определиться с ее перспективной стратегией на континенте. Для этого в 2019 г. Россия провела в Сочи саммит с представителями африканского континента, где общая сумма списанных РФ долгов странам Африки превысила 20 млрд долл., хотя в стране существует много нерешенных экономических проблем³⁶. В ближайшие 5 лет Россия планирует удвоить объем товарооборота с Африкой, где приоритетными направлениями станут энергетика, химическая и горнодобывающая промышленность, фармацевтика, здравоохранение и военно-техническое сотрудничество. Такие внешнеполитические и внешнеэкономические контакты со странами Африки в нынешней обстановке для России — вопрос первостепенный в ее геополитике в мире³⁷.

Анализ подходов Китая, США и России в их борьбе в сферах геополитики позволяет прийти к следующим *выводам*.

Во-первых, у США, Китая и России сохраняются различные подходы в сфере геополитики. США видят современный мир с позиций сохранения монополярности и воспринимают себя как сверхдержаву, распространяющую свои ценности во всем мире. Поэтому стратегия Вашингтона соответствует исторически сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. Обеспечивая свои экономические интересы, США сначала проводят информационные кампании определенного содержания и одновременно в регионах мира расширяется военное присутствие, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. А Китай и Россия считают мир многополярным, в котором наряду с США существуют и другие центры силы: объединенная Европа, Япония, Индия и др. При этом геополитические интересы Москвы лежат в плоскости обеспечения процесса интеграции РФ в мировое сообщество для модернизации российской экономики, где главная угроза ее геополитическим интересам заключается в перспективе изоляции РФ со стороны западного мира.

Во-вторых, в области американских интересов продолжает находиться весь мир, фундаментом для которых является экономическая, финансовая и военная мощь США.

Геополитика Вашингтона исходит из необходимости сохранения безусловного лидерства Соединенных Штатов на планете с использованием, при

необходимости, военной силы. Это обеспечивает превосходство США над Россией в Европе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Россия же удерживает свое влияние в Центральной Азии и развивает свою стратегию в Арктике, постепенно возвращаясь в другие регионы мира. Для противодействия этому Соединенные Штаты преследуют в отношении РФ следующие стратегические цели: сохранение существующих санкций; ослабление РФ, но недопущение ее распада; препятствование наращивания ее военной мощи и устранение влияния России на мировые события.

В-третьих, геополитика США приводит к переменам в восприятии глобального лидерства на планете. Относительное равенство уровня одобрения мировым сообществом действий акторов «стратегического треугольника» (действия Китая поддерживают 34 % населения планеты, США — 31 %, России — 30 %) свидетельствует о том, что в мире нарастает конкуренция между Россией, Китаем, с одной стороны, и США — с другой, не только в сфере экономики и военной мощи, но и в роли их «мягкой силы» для завоевания международного одобрения.

В-четвертых, Китай в своем развитии стремится к упрочению своего экономического лидерства в XXI веке. Основой притязаний на это лидерство служит интеграция экономики Китая в мировую экономику на рыночных принципах. Однако главным препятствием для реализации амбиций Китая является двойственное восприятие КНР Западом. С точки зрения экономики Китай воспринимается мировым рыночным сообществом как «свой», а с точки зрения политики — как «чужой», сохраняющий монополию КПК в политической области. Однако в экономической сфере они остаются взаимно притягательными для друг для друга.

В-пятых, США и НАТО опасаются возрождения мощи России и стремятся сдерживать ее на международном уровне. Поэтому в ближайшей перспективе введенные ими санкции продлятся, даже когда украинская тема перестанет быть актуальной. Для их отмены потребуется согласие всех членов альянса, которого крайне сложно достигнуть при незаинтересованности в этом США. Поэтому на международном уровне Москве необходимо усилить свою геополитику с использованием «мягкой силы», реализовывать меры по замещению импорта западных технологий отечественными аналогами, отказавшись от практики «прощения» долгов зарубежным странам, развивая с ними прагматические отношения в торгово-экономической и политической сфере, в целях укрепления своего потенциала в регионах мира.

2.2. Стратегия акторов «треугольника» в Арктике

Значение Арктики в условиях глобализации XXI века

В последнее время в связи с глобальным потеплением Арктический регион все больше привлекает внимание со стороны США, России и Китая наравне с другими государствами мира. Физическая география определяет Арктику как часть земного шара, которая расположена севернее Полярного кру-

га. Её площадь составляет 21 млн кв. км и включает Северный Ледовитый океан с окраинными морями, расположенные там острова и прилегающие части материковой суши Европы, Азии и Северной Америки. В соответствии с географическим расположением к приарктическими государствами относятся Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания. На этот статус претендуют также Финляндия, Швеция и Исландия. Согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) этим странам в указанном регионе принадлежат исключительные экономические зоны (шириной до 200 миль) и континентальный шельф (до 350 миль), в пределах которых они обладают суверенным правом на разработку недр.

Однако с правовой точки зрения Арктика пока остается по сути «ничейной землей». На международном уровне до сих пор не решен вопрос о способах «дележа» Арктики, его юридических основах и о том, кто имеет право делить — лишь соседние с Арктикой страны, или же она должна стать достоянием всего человечества. Поэтому для решения проблем разграничения арктического шельфа и для определения принадлежности участков шельфа, выходящих за эти пределы, в рамках Конвенции по морскому праву была создана Комиссия ООН по границам континентального шельфа. Государство, сумевшее доказать Комиссии, что его континентальный шельф простирается за границу принадлежащей ему полосы прибрежных вод шириной в 200 морских миль, будет обладать правами на всю нефть, газ и минеральные ресурсы данного шельфа. Наиболее верный способ убедить Комиссию ООН в «своей» принадлежности шельфа Арктики — представить исследование, полученное экспериментальным путем. Для этого международные функционеры требуют представить результаты прямого наблюдения этих территорий с помощью эхолотов. Вместе с тем ещё до основания ООН и создания Комиссии Канада в 1909 г. распространила свою юрисдикцию на сектор Арктики, ограниченный меридианами, начинающимися в точках выхода ее сухопутной границы к Северному Ледовитому океану и сходящимися на полюсе. Её поддержала Россия, приняв в 1916 г. аналогичный закон. И хотя другие приарктические государства подобного законодательного оформления своих владений в Арктике не предприняли, но и возражений Канаде и России не высказали. Поэтому принцип секторального деления этого региона является признанной реальностью, и только в последнее время зазвучали призывы к его пересмотру.

Причиной этого стало обнаружение в Арктике широкой номенклатуры полезных ископаемых, запасы которых к тому же имеют достаточные для промышленного освоения объемы. Так, по оценкам Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана находится до 20 % мировых запасов углеводородов, причем потенциальные запасы нефти составляют 90 млрд баррелей, газа 47,3 трлн куб. м, газового конденсата 44 млрд баррелей³⁸. Наиболее значительные газовые месторождения лежат у берегов Аляски и Сибири³⁹. В связи с этим арктический шельф в перспективе может стать важным и даже основным источником углеводородного сырья. Кроме того, в северных широтах открыты значительные залежи различных руд, включая ред-

коземельные металлы. В Арктике также сконцентрированы крупнейшие биоресурсы, включающие только более 150 видов рыб, некоторые из которых играют ведущую роль в мировом рыбном промысле.

РФ, которой принадлежит половина побережья Ледовитого океана, претендует на большую долю ресурсов региона. Около 80 % запасов нефти и 90 % запасов газа и угля России залегают в её Арктическом секторе. Одно только Штокмановское месторождение, которое совместно с Россией разрабатывают транснациональные компании, содержит 3800 млрд куб. м газа — эквивалент объема газопотребления Франции на протяжении 80 лет. И в ближайшей перспективе Москва намерена расширить свои северные владения ещё на 1,2 млн кв. (по территории это три Германии), подав соответствующую заявку в ООН. Этот регион также играет особую роль в глобальных метеорологических и гидрологических процессах, которые определяют климат на Земле. Он влияет на перемещение воздушных масс в атмосфере и на циркуляцию воды в Мировом океане, определяющих погоду во всем северном полушарии (рис. 2.2.1).

В условиях глобализации для транснациональных корпораций весьма важно и то, что через Арктику проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Евразию. И по мере таяния льдов морской путь через арктические широты позволит сократить на 40 % протяженность маршрутов между Европой и Дальним Востоком. Так, расстояние от Петербурга до Владивостока по Северному морскому пути — 14,8 тыс. км, а вокруг мыса Доброй Надежды — 29,4 тыс. км.

Правда, использование этих путей пока сдерживают серьезные сложности плавания и полетов в высоких широтах, а также слабая транспортная инфраструктура региона. Из-за таяния полярных льдов может возрасти опасность, которую представляют дрейфующие льдины, что потребует крупных инвестиций в безопасность судоходства. Не избежать и необходимого для плавания на севере дооборудования транспортных судов (укрепления корпусов в районе ватерлинии, установки защиты винторулевой группы от повреждений во льдах, монтажа систем обогрева служебных, жилых и грузовых помещений и т. п.). Все это значительно снижает скорость перехода судов (дооборудование судна снижает его скорость на 10–15 %, плавающие льды — в 2 раза, караванная проводка — в 3 раза), что сводит на нет выигранный в расстоянии для данного маршрута в сравнении с альтернативными южными.

На широкое освоение природных ресурсов Арктики накладываются ограничения её экстремальные климатические условия, прежде всего низкий температурный фон, мощный постоянный и сезонный ледовый покров на акваториях, вечная мерзлота на суше, полярные ночи. Хозяйственная деятельность там связана с высокими энергозатратами и зависимостью от внешнего завоза топлива и оборудования и иных товаров первой необходимости, отчего такая деятельность носит очаговый характер, локализуясь в местах, важных для экономики промыслов и производств. Другим ограничением является высокая уязвимость экосистемы Арктики, вызванная крайним дефицитом солнечного тепла. Прогнозируемое смягчение климата на планете также не

Рис. 2.2.1. Границы секторов национальной юрисдикции Арктики.

Источник: URL: <https://tass.ru/v-strane/4132845>

так однозначно, о чем свидетельствует факт случившихся там несколько лет назад сильных и рано наступивших холодов, что тогда не позволило даже привычной к этому России выполнить в необходимом объеме план «северного завоза» в пункты Заполярья. Как считают ряд экспертов, если отмечаемое потепление климата, в основе которого лежат неизвестные еще циклы развития планеты, выразится в заметном изменении его констант, то до этого пройдут многие десятилетия и сменится не одно поколение людей.

И все же, несмотря на указанные ограничения, стратегическое значение Арктики в условиях глобализации XXI века неуклонно растет. Вследствие глобальных изменений мировой политики экономическая и военно-стратегическая роль Севера существенно повысилась. Арктика становится «лаковым пирогом» для ведущих государств мира и их союзов и полигоном территориальной, ресурсной и военно-политической игры. Попытки инициировать вопрос о пересмотре принципов и действующих международных норм, определяющих порядок разграничения владений в нем между государствами, содержат серьезный конфликтный потенциал. За правообладание арктической зоной обостряются политические и юридические споры, которые тесно сплетены с экономическими. И государству, которое в этом регионе будет сильнее в военной области, легче будет доказать свое «право на Арктику» и заниматься там добычей полезных ископаемых.

Стратегия США их союзников в Арктическом регионе

Интерес арктических и иных держав к разработке недр Арктики растет по мере интенсивности таяния полярных льдов. И каждый из этих акторов разрабатывает собственную программу освоения оттаивающих территорий, в которых военная составляющая занимает далеко не последнее место. Так, в 2008 г. США обнародовали свой стратегический план развития арктического региона. Его концептуальная основа была разработана Комиссией по арктическим исследованиям, занимающейся разработкой вопросов геополитики. В поддержку деятельности Комиссии была учреждена межведомственная Группа анализа и оценки обстановки в Арктике. В ее состав включены представители ВМС, береговой охраны, а также службы управления минеральными ресурсами, которые отвечают за запасы нефти, природного газа и других минералов на внешнем континентальном шельфе Америки.

Группа и Комиссия рассматривают курс приполярных стран на юридическое закрепление за собой территорий арктического шельфа как угрозу национальным интересам США и считают необходимым для сдерживания «территориальной экспансии» конкурентов в регионе интенсифицировать политику Соединенных Штатов в Арктике, в том числе путем включения в соответствующие международные институты и присоединения к международным договорам. Для решения этой задачи Комиссией был разработан перечень территориальных претензий США на арктический шельф.

Базируясь на этой основе, Вашингтон не принимает ни один из вариантов уточнения секторального деления границ арктического шельфа, которые предлагаются приполярными государствами, оставаясь страной, не ратифици-

цировавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. При этом ключевым направлением политики Белого дома в Арктике является участие США в освоении континентального шельфа арктической зоны. Вашингтон стремится дополнительно получить территорию, простирающуюся на 600 морских миль (965 км) от Аляски к Северному полюсу. Присоединение шельфовых территорий Арктики увеличит общую площадь территории страны сразу на 4,1 млн кв. км. В результате США по совокупной площади обойдут Россию, Китай, Канаду и станут самым крупным государством в мире. Кроме того, они смогут осваивать природные ресурсы общей стоимостью 1,3 трлн долл., включая ресурсы нефти на 650 млрд долл. только на шельфе Аляски⁴⁰.

Поэтому Вашингтон проводит кампанию по дискредитации действий своих конкурентов в Арктике. Для этого задействуются и рычаги влияния внутри этих стран: американские и транснациональные нефтяные и газовые компании, претендующие на работу в северных широтах, международные экологические организации и другие структуры. Кроме того, у Вашингтона свой подход к определению статуса арктических проливов, который отличается от точек зрения Оттавы и Москвы. Конкретные претензии в этом смысле предъявляются к Оттаве по задействованию Северо-Западного прохода (СЗП) близ берегов Аляски, который Канада еще в начале 70-х годов XX века объявила частью своих внутренних вод. А США претендует на прибрежную полосу в 200 миль в СЗП, ссылаясь на неподписанную ею (!) Конвенцию ООН по морскому праву, и оспаривает право Канады пользоваться проходом как своими внутренними водами.

Американские эксперты выдвигают тезис о необходимости максимальной «интернационализации» прохода. Очевидно, США стремятся взять под контроль этот путь из Атлантического в Тихий океан через море Бофорта и море Баффина вдоль побережья Аляски, Канады и Гренландии, открывающийся по мере глобального потепления. Ибо в перспективе этот путь может сократить торговые пути на Восток на несколько тысяч километров. Аналогичные мотивы — необходимость максимальной «интернационализации» — используются и в отношении к российскому Северному морскому пути (СМП).

К приоритетным областям, в которых действия зарубежных государств в Арктике оказываются под пристальным вниманием Белого дома, относится экология. Американские СМИ развернули настоящую информационную войну и периодически вбрасывают в глобальное информационное пространство различные сценарии нарушений приполярными странами стандартов использования окружающей среды. Пока это носит характер скрытой кампании, однако нельзя не отметить, что фоном к сюжетам о деятельности России в Арктике становятся её разнообразные экологические проблемы.

Преобладание негативных тезисов в сюжетах не только о «российской» и «канадской», но о «датской» Арктике, большое количество озвучиваемых на различных площадках претензий к ним позволяют предположить, что арктическая тема становится предметом жесткого экономического и политического торга США с Канадой, Данией и Россией.

Курс Москвы на юридическое закрепление за РФ территорий арктического шельфа рассматривается как угроза национальным интересам США. В связи с этим одной из задач американской стратегии становится получение Вашингтоном как минимум весомого влияния на экономическую, экологическую и военную деятельность России в регионе. И нефтяные компании США, допущенные к проектам на территории российской Арктики, становятся проводниками этой линии. А для торможения проектов, непосредственно не связанных с американскими промышленными кругами, задействуются международные и российские экологические организации, создающие общественный резонанс вокруг вреда, наносимого РФ окружающей среде. Наиболее яркое свидетельство тому — акция «Гринпис» в Баренцевом море, направленная против деятельности российской нефтедобывающей платформы Прилазменная.

Другой задачей США становится установление контроля над российским Северным флотом. В Баренцевом море с разведывательной целью совершаются полеты ВВС, походы боевых кораблей и подводных лодок ВМС США. К ведению разведки привлекаются и научно-исследовательские суда. Присутствие американских экспертов отмечается и в горле Белого моря — там, где Россия проводит испытания атомных подводных лодок. Самому пристальному изучению подвергается деятельность РФ на полигоне на Новой земле.

Для нагнетания страстей по теме ядерной безопасности в этом районе используются СМИ, причем наиболее авторитетные и влиятельные. В публикациях крайне сомнительного содержания в СМИ и заявлениях американских политиков массовой аудитории внушается представление о том, что российская Арктика — это едва ли не полностью милитаризованный регион и вся деятельность там подчинена только военным целям. При отсутствии реальных доказательств противоправных действий России при испытаниях оружия в СМИ тиражируются обвинения неопределенного характера, позволяющие удерживать нужную для США тему «на плаву».

При этом Аляска выполняет роль первого наземного «щита» Америки (база в Форт-Грили) в развертываемой глобальной системе ПРО. Наземный щит дополняет система ПРО берегового морского базирования, первые элементы которой заработали на боевых кораблях в 2011 г. При этом зенитные управляемые ракеты (ЗУР) «Стандарт-SM3» могут запускаться с крейсеров (типа «Тикондерога») и с эсминцев (типа «Орли Берк»).

В условиях таяния арктических льдов Пентагон может постоянно держать в высоких широтах (то есть на траекториях полета межконтинентальных баллистических ракет из России в США) оперативную группу в составе 3—4 крейсеров и 4—6 эсминцев (каждый крейсер может нести до 122 ЗУР, эсминец — до 90 ЗУР). Их суммарное вооружение (не менее 1000 ЗУР «Стандарт-SM3»), способное эффективно сбивать как МБР, так и их боевые части, что достаточно для того, чтобы гарантировать безопасность США от атак с севера. Американские ВВС и подлодки, выполняющие боевое патрулирование в зоне Северного Ледовитого океана, также обладают высокоточным оружием,

которым, в случае развязывания военного конфликта, смогут уничтожать российские МБР, подводные лодки и бомбардировщики. Освободившаяся ото льда Арктика может сильно помочь Пентагону в этом. Американские ВВС и многоцелевые подлодки получают возможность наносить удары крылатыми ракетами из акватории Северного Ледовитого океана по всей территории России при почти полном отсутствии систем ПВО РФ в этом районе.

К этому следует добавить, что, как показывает пространственная организация «Национальной противоракетной обороны» (НПРО), стратегическое направление военной политики США на север, в сторону России, полностью сохраняется. Дело не меняет тот факт, что на сегодняшний день основные военные усилия США сосредоточиваются в АТР и также нацелены на Северную Корею и Иран. Вместе с тем НПРО США не меняет свою северную ориентацию.

От США в военной области не отстает и *Канада*. В 2009 г. она обнародовала правительственный доклад о своей северной стратегии. В нем говорится о создании армейского тренировочного центра (в районе Резолют Бей), расположенного в 595 км от Северного полюса, увеличении численности подразделений арктических рейнджеров, формирующихся из представителей коренных народов и индейцев — инуитов (их численность в войсках доведена до 5 тыс.). На острове Баффинова Земля планируется сооружение глубоководного порта, который будет построен возле стратегически важного Северо-Западного прохода (СЗП). Объявлено и о строительстве ледокола «Дж. Дифенбейкер» для береговой охраны. Оттава также обнародовала планы о постройке 8 арктических патрульных кораблей помимо уже имеющихся в береговой охране 17 ледоколов. Параллельно принимаются поправки к Закону о предотвращении загрязнения арктических вод, согласно которому юрисдикция Канады распространится еще на 100 миль морской акватории архипелага для освоения его ресурсов.

Правительство *Дании* одобрило план создания объединенного Арктического военного командования, развертывание военной базы на севере Гренландии, а также формирование Арктической группировки сил реагирования. По заявлениям датской стороны, возрастающая международная активность в Арктике «изменит геостратегическое значение региона и, таким образом, поставит новые задачи перед вооруженными силами страны».

Норвегия также все активнее включается в орбиту военных приготовлений на Севере. Военные проблемы стали значительно чаще обсуждаться в печати, в научных кругах, в структурах власти страны. В акватории Баренцева моря круглосуточно патрулируют подлодки Норвегии. Действуют 4 радиолокационных центра, крупнейшие из которых — в Вардё и Киркенесе — способны фиксировать происходящее в радиусе 2 тыс. км, что позволяет видеть весь Кольский полуостров и деятельность российского ВМФ.

Все вышеперечисленные страны входят в *НАТО*, которая никогда не скрывала свои интересы в Арктике, прежде всего — военные. Ныне на Северо-Западном европейском театре военных действий в зоне ОВС альянса на-

ходится акватория западной части Баренцева моря и архипелаг Шпицберген, а в зоне на Атлантике — атлантический сектор Арктики.

Планируемое дальнейшее расширение ответственности НАТО в направлении Северного полюса означает фактический отказ от границ операционных зон ОВС альянса, установленных документами 1949, 1953 гг. По мнению экспертов НАТО, международное соперничество вокруг Арктики в ближайшем будущем обострится, и не только из-за секторов и энергоресурсов, но и биоресурсов, пресной воды, а также судоходных и воздушных путей. В совокупности это является глобальным вызовом безопасности евроатлантического сообщества. Поэтому в документе, посвящённом путям реформирования НАТО, говорится о высокой вероятности возникновения конфликтов в Арктике в результате потепления.

Готовясь к ним, альянс непрерывно укрепляется в рамках межгосударственной интеграции: США строят океанский флот, Великобритания, Бельгия, Нидерланды — противолодочные корабли, остальные специализируются на кораблях для закрытых ТВД. Страны — члены НАТО также ведут постоянную работу по совершенствованию способности своих сухопутных подразделений действовать в северных широтах. О растущей мощи ОБМС НАТО можно судить по ежегодно увеличивающемуся размаху маневров в Северном и Баренцевом морях.

Стратегия Китая по освоению Арктического региона

Среди тех государств, которые по своему географическому положению не относятся к приарктическим государствам, наиболее активно в Арктике ведет себя Китай. Поэтому такое авторитетное в мире учреждение, как Стокгольмский Институт исследования проблем мира опубликовал целевое исследование «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда».

Пекин уже давно стремится стать постоянным участником деятельности в Заполярье. Так, в 80-е годы XX века китайский инвестор пытался купить за 100 млн долл. участок в 300 кв. км (почти 1/4 площади Гонконга) на северо-востоке Исландии под предлогом создания экологического парка. Имея такую территорию за Полярным кругом, Китай получил бы основание не ограничиваться статусом наблюдателя в Арктическом совете, а добиваться постоянного членства АС. Однако в то время власти Исландии на такой шаг не пошли. Примечательно и то, что рупор КПК — газета «Жэньминь жибао» ещё до открытия 8-й сессии АС опубликовала сообщение, что якобы Россия, Канада, Норвегия и несколько других государств Арктического совета уже поддержали заявку Китая на право стать постоянным наблюдателем при АС с определёнными дальнейшими перспективами в этой международной организации, что не соответствовало действительности.

Современная стратегия Пекина по освоению Арктики включает несколько направлений, в том числе:

Проведение широкомасштабных научных исследований Арктики. Китай регулярно отправляет на Северный полюс научные экспедиции. С начала 80-х годов XX века в норвежской зоне архипелага Шпицберген в Баренцевом

море работает китайская научная станция «Хуанхэ». Здесь КНР продемонстрировала свою новейшую технику, включая оборудование для особых глубоководных роботов. К 2008 г. китайцы провели 8 подледных и подводных исследований, в которых задействовали автоматического подводного робота «Арктика-ROV», оснащенного видеокамерой и гидролокатором и способного работать на глубине до 50 м. Основными направлениями китайских исследований служат изучение льдообразования, полярная океанография, исследования биоресурсов, изучение метеорологии, изменение окружающей среды на Северном полюсе и т. д. Эти исследования проводятся с целью учета глобальных изменений климата в интересах развития экономики КНР.

О серьезности намерений Китая в регионе говорит тот факт, что за проведение научных программ в Арктике отвечает специальное управление по Арктике и Антарктике (Chinese Arctic and Antarctic Administration), организационно подчиняющееся Государственному океанологическому управлению, а китайский полярный научно-исследовательский центр заметно увеличил штат своих сотрудников (до 230 человек).

Активное использование Северного морского пути. Интерес Китая к Северному пути понятен: это кратчайший водный маршрут между Европой и Дальним Востоком. Он почти на 4,5 тыс. км короче, чем путь через Суэцкий канал. Изменившиеся климатические условия позволяют проводить по нему суда с июля по конец ноября. Маршрут этот не только короче, но и безопаснее: здесь нет пиратов, которые подстерегают торговые суда у берегов Сомали и которые до недавнего времени хозяйничали в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также в Малаккском проливе. Поэтому плавание вдоль северных берегов России привлекает зарубежные транспортные фирмы все сильнее. Если в 2010 г. по СМП прошли всего 4 судна, то в 2011 г. их было уже 34, а в 2012 — 46. А в первую половину 2020 г. на СМП было зафиксировано 935 судна, которые воспользовались этим путем.

Транзит по СМП имеет важное значение для Китая, ибо летняя проводка судов по канадским и российским путям в Северном Ледовитом океане становится все более рентабельной. По оценке китайских экспертов, только на одном «северном» рейсе простого контейнеровоза или сухогруза можно сэкономить до 0,5 млн долл. Согласно ряду прогнозов китайских ученых, к 2030 г. весь Северный Ледовитый океан может очиститься от ледяного покрова. А это открывает горизонты для новых, более коротких, безопасных, дешевых маршрутов судоходства. Для Пекина этот вопрос крайне важен, с учетом того, что экономика этой крупнейшей страны-экспортера на 46 % зависит от международного судоходства. Освобожденная ото льда Арктика способна не только увеличить китайский грузопоток по морю, но коренным образом изменить всю мировую торговлю.

Перспективу освоения Арктики в интересах своей страны китайские лидеры видят в развитии *собственного ледокольного флота*. Для этого Пекин собирается интенсифицировать работу по строительству мощных ледоколов, став самым крупным производителем морской техники, предназначенной для освоения северных широт. В высоких широтах уже ходит китайский ле-

докол «Сюелун» («Снежный дракон»), который КНР приобрела у Украины. В 2014 г. к нему присоединился более мощный ледокол водоизмещением 8 тыс. т, который сможет преодолевать льды толщиной более 1,5 м. В Шанхае перестраивается порт приписки ледокольного флота, возводятся корпуса для центра обработки данных, хранилища полярного льда и др. Также в Китае принята программа создания других ледоколов, которые, по мнению китайцев, будут сверхмощными.

Китай также начал *освоение арктических богатств на практике*. В частности, китайская корпорация по добыче шельфовой нефти CNOOC в партнерстве с исландской группой Eukon Energy приняла участие в тендере на получение лицензии на разведку и добычу углеводородов у северного побережья Исландии.

Китайская корпорация CNPC приобрела 20%-ную долю в проекте «Ямал-СПГ». Этот проект предусматривает строительство завода, на котором природный газ Южно-Тамбейского месторождения будет сжигаться и закачиваться в крупнотоннажные СПГ-танкеры. Мощность завода — примерно 16,5 млн т сжиженного газа в год. Параллельно здесь будет создаваться морской порт, а в районе поселка Сабетта на Обской губе будет построен аэропорт. Капитальные затраты на реализацию проекта — более 20 млрд долл. Он финансируется консорциумом, в который в том числе вошли Банковская корпорация развития Китая, Промышленный и коммерческий банк Китая, Банк Китая и Китайский строительный банк.

Таким образом, Китай стремится обеспечить себе доступ полезных ископаемых в Арктике с помощью значительной финансовой поддержки их разработок. В связи с этим небезыntenесен комментарий российского эксперта А. Инджиева, который объясняет такое поведение Китая: «Они не хотят быть отрезанными от доступа к Арктике, активно продвигая мысль о том, что у России, контролирующей существенную часть региональных ресурсов, нет ни технологий, ни капитала для добычи этих богатств. Поэтому и грезят о создании совместных предприятий для добычи в российских водах с привлечением китайского капитала и западных технологий»⁴¹. И как заявил китайский контр-адмирал Инь Чжо в 2010 г.: «Китай как страна, где проживает пятая часть населения всего Земного шара, должен непременно принять участие в арктическом освоении»⁴².

В реализации своей стратегии в Арктике Китай предпочитает блокироваться со странами АС, чьи позиции не так сильны перед лицом таких крупных держав региона, как США, Россия и Канада. Так, несмотря на свои противоречия с Норвегией, он заключал с ней договоры по освоению Арктической зоны. Если же говорить о стратегическом партнере КНР, то государство, которое выражает однозначную поддержку Китаю в плане освоения Арктики — это Исландия. Причина заключается в том, что с начала экономического кризиса Исландия стала существенным образом зависеть от китайских инвестиций. КНР выдаёт этой стране кредиты под щадящие проценты. Между Рейкьявиком и Пекином даже действует договор о свободной торговле. Еще одной сторонницей присутствия Китая в Арктике является Дания. Одно из

оснований — не только стремление Копенгагена получить поддержку Пекина в спорных вопросах с другими странами, но и желание также получить китайские инвестиции при разработке природных ресурсов Гренландии, в частности, месторождений нефти и газа на шельфе.

А для Китая эта автономная провинция Дании является идеальным местом для закрепления своего присутствия в регионе, который богат не только энергетическими ресурсами, но и 10 % мировых запасов пресной воды. Гренландия — оптимальная географическая точка входа для китайских предприятий, интересующихся арктическими ресурсами, потому что у правительства острова нет возможностей для самостоятельной добычи полезных ископаемых. Вполне вероятно, что по причине малонаселенности острова китайские фирмы будут завозить туда из КНР большое количество рабочих для строительства электростанций, предприятий по обогащению руды и прочих объектов гренландской инфраструктуры, в которую Китай инвестирует средства.

Национальные интересы и стратегия России в Арктике

В связи с ростом значимости Арктического региона в России в 2008 г. была принята стратегия его освоения⁴³. Она определяет основные принципы государственной политики в Арктике до 2020 г. и призвана оптимизировать систему контроля за обстановкой в этом регионе, где Россия намерена сотрудничать с другими приарктическими державами.

В этом документе *в качестве национальных интересов* названы: использование Арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы государства, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества; сбережение уникальных экологических систем региона; использование Северного морского пути в качестве единой национальной транспортной коммуникации РФ.

Эти интересы определяют главные цели, а также *стратегические приоритеты* государственной политики РФ в Арктике, которые конкретизируются по ряду направлений, в том числе: в области социально-экономического развития — расширение ресурсной базы Арктической зоны РФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах и других видах стратегического сырья; в сфере военной безопасности — обеспечение благоприятного режима в Арктической зоне для России, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) ВС РФ; в области экологической безопасности — сохранение и защита природной среды Арктики, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата; в сфере международного сотрудничества — обеспечение режима взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества России с другими государствами на основе международных договоров и соглашений, участницей которых она является.

Эти цели достигаются решением следующих задач.

В области социально-экономического развития — осуществлением геолого-геофизических, гидрографических и картографических работ по подготовке материалов для обоснования внешней границы Арктической зоны РФ; разработкой и внедрением новых видов техники для освоения морских месторождений полезных ископаемых и водных биологических ресурсов в арктических условиях; реструктуризацией объемов грузоперевозок по Северному морскому пути и оптимизацией «северного завоза» за счет использования возобновляемых и альтернативных источников энергии, реконструкции и модернизации выработавших ресурс энергетических установок, внедрения энергосберегающих материалов и технологий.

В сфере военной безопасности — созданием группировки войск (сил) общего назначения ВС РФ, других войск и органов в Арктической зоне России, способных обеспечить военную безопасность государства в регионе; оптимизацией системы комплексного контроля обстановки в Арктике, включая контроль в пунктах пропуска через госграницу и на трассе Северного морского пути; созданием активно функционирующей системы береговой охраны в Арктической зоне России.

В области экологической безопасности — обеспечением сохранения биологического разнообразия арктической флоры и фауны путем расширения сети охраняемых природных территорий и акваторий в условиях разрастания экономической деятельности и глобальных изменений климата; плановой утилизацией судов с ядерными энергетическими установками, отслуживших установленные сроки эксплуатации.

Их решение реализуется поэтапно. Так, на втором этапе реализации стратегии планировалось международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны России и решение задач ее структурной оптимизации. На третьем этапе должно быть реализовано превращение Арктической зоны России в ведущую стратегическую ресурсную базу государства. Ряд задач уже выполнены или находятся в процессе реализации.

Так, на Ямале растет добыча газа, а в сфере военной безопасности России в Арктической зоне создана группировка войск и система береговой охраны ФСБ РФ. В связи с активизацией мореплавания по СМП было принято решение о реанимации военной базы на Новосибирских островах. Не стоит сбрасывать со счетов и интересы ядерного сдерживания вероятных противников России в регионе. Для этого на борту стратегических ракетносцев, входящих в состав Северного флота, размещено около трети от общего числа российских боевых зарядов по правилам зачета договора СНВ-3⁴⁴. Помимо этого, на Новой Земле развернута зенитная ракетная система С-400 и обеспечено дежурство перехватчиков, что делает этот архипелаг центром всей арктической позиции ВС РФ на северных границах страны.

В целом о необходимости возвращения в Арктику в России говорили регулярно, но воплощение этих пожеланий стало возможно благодаря двум основным факторам: последовательное долговременное улучшение навигационных условий в Заполярье, позволившее значительно расширить сроки

навигации в ряде ранее труднодоступных районов, и начавшееся практическое освоение арктических запасов углеводородов. Начавшаяся эксплуатация платформы «Приразломная» в восточной части Баренцева моря и строительство порта Сабетта, созданного в рамках крупного газового проекта «Ямал-СПГ», стали первыми ласточками новой волны экономического освоения русского Севера.

Рост доступности Севморпути, облегчающий эту задачу, повышает привлекательность Арктики и для других игроков: сокращение пути из Западной Европы в Восточную Азию на несколько тысяч миль даже по сравнению с маршрутом, проходящим через Суэцкий канал, делает этот маршрут крайне выгодным — особенно если в регионе будет создана соответствующая инфраструктура, обеспечивающая безопасность мореплавания. В интересах её ввода в строй в ближайшей перспективе критически важным становится обеспечение постоянной транспортной доступности её ключевых узлов — за счет совершенствования аэродромной сети, строительства новых железных дорог в Арктике и приближенных к ней районов, а также возобновления серийной постройки атомных ледоколов. Строительство 2 кораблей по проекту ЛК-60Я, а в перспективе, возможно, и сверхмощного ЛК-110, в сочетании с постройкой дизельных ледоколов позволяет говорить о сохранении возможностей России по обеспечению доступа в любой район Арктики в течение большей части года.

Развитие обстановки в регионе и вызовы национальным интересам РФ

Точно просчитать, как будет меняться будущая роль ведущих игроков в Арктике чрезвычайно сложно из-за необходимости учитывать множество независимых переменных. Тем не менее, можно с уверенностью предсказать, что в Арктике в ближайшем будущем Россия будет окружена антироссийски настроенными странами и их союзами более динамичными, нежели она сама, в экономическом, военном и политическом отношении. И по мере глобального потепления они усилят давление на Москву в интересах интернационализации использования Севморпути в качестве транспортной коммуникации мирового сообщества. К такому давлению может присоединиться и Пекин. Интернационализация этого вопроса будет одним из способов для него, дабы получить более весомые козыри в споре за арктические богатства.

Пока в Арктике наблюдается относительная стабильность. Но нельзя исключить, что если в обозримой перспективе начнется «силовой передел» этого региона, то в северных широтах возможна *реализация сценария межгосударственного вооруженного конфликта*. Об этом говорится в американской «Стратегии сотрудничества по военно-морским силам XXI века». Будущую ситуацию в Арктике её авторы включили в список «вызовов новой эры», к которым необходимо быть готовыми. Для этого США планируют использовать свои ВМС как для демонстрации военной мощи, так и для давления на государства, политика которых в Арктике не устраивает Вашингтон. В частности, в документе подтверждается, что «мощь крупнейшей в мире армады, насчитывающей 279 надводных и подводных кораблей, будет концентрироваться

там, где высока напряженность или где США захотят продемонстрировать союзникам приверженность идеям безопасности региона».

В Арктике существуют и другие вызовы региональной стабильности, которые затрагивают национальные интересы России.

Первый из них — *проблема разграничения полярных владений*. России предстоит вести борьбу в ООН с США, Канадой, Норвегией и Данией, отстаивая свое право на богатства в условном треугольнике Архангельск — Северный полюс — Чукотка. В этом треугольнике оппоненты России будут проводить единую и скоординированную политику недопущения РФ к богатствам шельфа. Для чего ими уже выдвигаются идеи, что к Арктике надо подходить как «к общему наследию человечества», имея в виду открытие этого региона для международных нефтегазодобывающих компаний. Многие в этих планах не совпадают с экономическими, геополитическими и оборонными интересами России и представляет системную угрозу ее национальной безопасности.

Другой вызов региональной стабильности — *противоречия между приарктическими государствами*. В позициях каждого из них по вопросам деятельности в своих секторах существуют противоречия с другими странами региона. Так, Канада не желает, чтобы СЗП приобрел статус международного. При этом необходимо отметить двойственность политики Оттавы по этому вопросу. СЗП «свой», а не путь вдоль берегов РФ, за интернационализацию которого Канада активно выступает. Дания не может договориться с Канадой относительно границ юрисдикции на разделяющих их владения акваториях. Есть у неё и разногласия по ряду проблем использования Арктики с Норвегией и Россией.

Предметом длительного спора России с Норвегией являлся «серый сектор» континентального шельфа в Баренцевом море площадью 180 тыс. кв. км (больше, чем территория всей Прибалтики), где есть богатые нефтегазовые месторождения. Норвежцы чувствуют себя на спорных территориях хозяевами. Нефтедобычу они пока там не ведут, но российские рыболовные суда выпроваживают оттуда крайне решительно.

Этим обуславливается следующий вызов стабильности — *постоянный рост милитаризации региона*. Скандинавские страны объявили о создании собственного военного блока. В него вошли Дания, Исландия и Норвегия, являющиеся членами НАТО, а также придерживавшиеся до последнего времени политики неприсоединения к военно-политическим альянсам Финляндия и Швеция. При этом они объявили, что их объединение преследует цели «обеспечения безопасности в Арктическом регионе»⁴⁵. Если для Дании и Норвегии, обладающими секторами в Арктике, и для Исландии, примыкающей к ним, но не имеющей собственных ВС, подобные действия в целом оправданны, то не совсем ясен интерес к «скандинавскому блоку» Швеции и Финляндии, которые не располагают прямым выходом в Арктику.

Суммарные силы нового блока насчитывают около 600 боевых самолетов, 24 подводные лодки и свыше 30 боевых кораблей основных классов, а также до 220 более мелких кораблей и катеров. Арктическая направленность блока, как и его преимущественно антироссийская направленность — оче-

видны. Ибо давно известно, в основе всякого военного объединения лежит подготовка к проведению силовых акций, а значит, нужен и объект, консолидирующий необходимость такой подготовки. Если взглянуть на карту Севера планеты, то кроме России и выбрать в этом качестве там некого. И если США и НАТО давно проводят военные приготовления в Арктике, то сейчас к ним присоединяется и «скандинавский блок», что добавляет тревожные «ноги» в полемику относительно возможных направлений дальнейшего развития событий в Арктике.

Проблемы трансарктических перевозок. Следует отметить, что с точки зрения международных правовых основ, маршрут СМП проходит по акваториям с различным правовым статусом. Это — внутренние воды России, территориальное море и прилежащие воды, а также районы, отнесенные к исключительной экономической зоне РФ, и открытое море⁴⁶. Начиная с 1991 г. Москва открыла СМП для проводки иностранных судов, установив при этом некоторые ограничения, поскольку её маршрут в основном проходит по водам, находящимся под юрисдикцией РФ. По некоторым оценкам потенциального объема транзита по СМП, он может достичь 8—12 млн т в год. Правда, это значение пока не дотягивает и до 0,05 % того объема транзита, который сейчас осуществляется через проливную зону Юго-Восточной Азии, превысившего 2 млрд т в год. И, как считают российские эксперты, в обозримом будущем плавание в арктических водах будет возможно по-прежнему только в течение нескольких теплых и светлых летних месяцев. Причем и тогда на некоторых довольно протяженных участках пути, например, между островами Врангеля и Новая Земля (свыше 3 тыс. км) будет невозможно совсем отказаться от ледовой проводки.

Несомненно, что широко рекламируемая в СМИ оценка западными специалистами данного маршрута как весьма перспективного для коммерческого судоходства между Америкой, Европой и Азией имеет иную цель. Это один из способов, с помощью которого транснациональные и крупные национальные компании развитых стран стремятся проникнуть в российское Заполярье, с задачей закрепиться там и развернуть хозяйственную деятельность для установления в последующем своего контроля над добычей ресурсов, прежде всего энергетических, в этом регионе планеты⁴⁷.

Тем не менее, Россия заинтересована в участии западных компаний в освоении ресурсов на своем шельфе и расширении транзита грузов по СМП как дополнительного источника валютных поступлений для развития инфраструктуры российского Арктического региона. Ведь Заполярье приносит 21 % в национальный ВВП, а его экспортная продукция составляет 17 % всего экспорта РФ⁴⁸. Наряду с задачей привлечения иностранных инвестиций в модернизацию северных предприятий у Москвы есть потребность шире привлекать к вывозу этой продукции зарубежных перевозчиков. С этой целью РФ уже открыла значительное число своих северных портов для захода судов, несущих флаги других государств. Аналогичные мотивы определяют заинтересованность Москвы в развитии кроссполярных воздушных маршрутов в

Арктике, что нашло прямое отражение в документах, определяющих приоритеты российской политики в этом регионе.

На этом фоне деструктивными для российских интересов выглядит стремление «интернационализировать» СМП (или хотя бы некоторые его участки). Так, Евросоюз, подавляющее большинство стран-членов которого имеют весьма отдаленное отношение к Арктическому региону, настаивает на расширении круга акторов, которые бы участвовали в решении проблем региона и эксплуатировали там месторождения полезных ископаемых, а также подводит юридическую базу под идею интернационализации СМП, игнорируя существующую нормативно-правовую основу. Поэтому за предложениями типа создания «Международного транспортного консорциума для управления СМП» видится желание третьих акторов оттеснить Россию от руководства этой важной артерией (в том числе от выработки эксплуатационной и тарифной политики, правил безопасности и контроля за их исполнением и т. д.). Причем в случае поступления аналогичных по сути предложений Москвы, в отношении владений самих инициаторов этого предложения, они вряд ли даже стали бы их обсуждать.

Экологические вызовы. Как уже отмечалось, природа в Арктике в высшей степени чувствительна к антропогенному воздействию и очень медленно восстанавливается после грубого вмешательства. Хозяйственная деятельность человека там особенно негативно влияет на окружающую среду, которая ранее считалась эталонно чистой. В нынешнее время зимой и весной в регион нередко попадают загрязненные воздушные массы из отдаленных районов Евразии. Так, в докладе Арктического совета сообщается, что в регион постоянно заносятся устойчивые к разложению вещества, которые обнаруживаются уже не только в почве, но и в организмах животных. При этом уровень их концентрации в большей части арктической зоны можно объяснить только переносом из районов более низких широт.

Также в Арктической зоне РФ экспертами выделено 27 районов, получивших название «импактных», где процессы загрязнения уже привели к сильной трансформации естественного геохимического фона, загрязнению атмосферы, деградации растительного покрова и почвы, повышенной заболеваемости местного населения. Крайне остро стоит проблема утилизации промышленных отходов, в большом количестве накапливающихся вокруг предприятий. Так, российское объединение «Апатит» ежегодно складирует около 30 млн т отходов. За относительно короткий срок освоения Арктики пробурены десятки тысяч скважин, и на половине из них случаются аварийные утечки⁴⁹.

Аналогичные примеры негативного воздействия на экологию Арктики можно привести и из деятельности других приарктических государств. Поэтому экологические проблемы Арктики нельзя рассматривать как сугубо национальные или региональные, поскольку они являются индикатором глобальных тенденций. К тому же следствия нарушения экологического равновесия рано или поздно выходят за границы отдельных стран. Реализовать такие важнейшие проекты, как обоснование «экологической емкости» терри-

торий для допустимых «антропогенных нагрузок», а также разработать нормативы природопользования для условий Арктики можно только усилиями всех приарктических государств.

Возможные шаги России по укреплению своих позиций в Арктике

Из вышеизложенного следует, что в свете стоящих перед страной задач по освоению Арктики основной целью России на ближайшее десятилетие должно стать укрепление статуса арктической державы по следующим направлениям.

Первое направление — в Арктическом совете целесообразно выступать ведущим субъектом в освоении и эксплуатации ресурсов Арктики, развивая диалог и партнерство в этой сфере с недавно принятыми в АС странами-наблюдателями. Прагматичная политика РФ в этой организации, основанная на уважении чужих национальных интересов, может свести к минимуму число потенциальных недругов и установить благоприятный международный климат, при котором Россия могла бы направить свою энергию на развитие своих арктических владений.

Второе. Необходимо стать ключевым субъектом глобальной энергетики и лидером в разработке новых технологий в нефтегазовой сфере в условиях Крайнего Севера. При этом продолжать оставаться ведущим поставщиком энергоносителей с севера России в страны Европы и в Китай, инициируя их инвестиции в российский Север.

Третье. Важно стать основным партнером для всех государств, заинтересованных в освоении Арктики, используя для этого свои преимущества — обладание самым мощным ледокольным флотом в мире и контроль за Севморпутем. Это козырь для России: на самом трудном участке маршрута корабли могут проходить этот путь только в сопровождении российских ледоколов.

Четвертое. Необходимо быть готовым к усилению информационного противоборства по проблемам Арктического региона, играя на опережение оппонентов в этой сфере и не повторяя прежних ошибок (например, по освещению событий на Кавказе 2008 г.). Важной составляющей российского информационного противодействия интернационализации Севморпути должна стать непрерывная научно-аргументированная разъяснительная кампания в зарубежных СМИ. Одновременно целесообразно продолжать развивать систему военной безопасности на севере страны, укрепляя группировку войск (сил) общего назначения и других формирований в Арктической зоне РФ, способных обеспечить защиту госграницы и экономической зоны РФ, а также осуществлять эффективный контроль Севморпути. Для этого целесообразно ускорить внедрение системы «Глонас» и систему контроля за военной обстановкой в регионе, которые включали бы радиотехнические, военно-морские, авиационные и армейские силы и средства.

Подводя итоги анализа стратегии акторов «треугольника» в Арктике, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, во всем мире растет осознание того, что в обозримом будущем Арктика станет основной ресурсной базой человечества. Арктический регион

в целом, СЗП, СМП как неотъемлемые части данного региона становятся в XXI веке центрами притяжения мировой экономики и торговли. В стратегиях западных держав одно из центральных мест занимает признание растущего значения региона не только для их экономики, но и для военных целей. Динамизм происходящих в регионе процессов создает угрозу возникновения межгосударственных трений и противоречий, грозящих обернуться крупными столкновениями на международном уровне. Приарктические страны имеют территориальные и иные претензии друг к другу. Часть из них можно решить в ближайшие годы, решение же наиболее сложных, к сожалению, возможно в весьма отдаленном будущем.

Во-вторых, в современных условиях Арктика как кладовая значительных запасов углеводородов, а также область расположения удобных трансконтинентальных морских и воздушных маршрутов стала привлекать к себе внимание развитых государств мира и международных объединений. Уже сегодня добыча полезных ископаемых в ряде ее районов становится все более рентабельной, а потому растет число акторов, намеренных активно осваивать Арктический регион. Это влечет столкновения их интересов, что подтверждают как обострение споров по поводу границ экономических зон между приарктическими государствами, так и желание не относящихся к ним стран получить свои права на использование арктических недр. Арктика имеет и важное военно-стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиции для старта баллистических ракет по целям их применения, а также систем противоракетной обороны (ПРО) и других элементов систем стратегического сдерживания, что важно для национальной безопасности. Благодаря тому, что в условиях глобального потепления площадь льдов продолжает неуклонно сокращаться, военно-морские силы получают возможность действовать в Арктике на протяжении значительной части года.

В-третьих, арктическая стратегия США соответствует сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. Обеспечивая свои экономические интересы, Вашингтон сначала проводит информационные кампании определенного содержания. Одновременно в регионе расширяется военное присутствие США, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. Аналогично будет развиваться и арктическая стратегия Вашингтона в отношении конкурентов, в цели которой входит расширение экономического и военного присутствия США в районах Арктики, интернационализация СМП и СЗП и в конечном итоге вытеснение России и других конкурентов из региона.

В-четвертых, Китай становится все более заметным участником деятельности в арктических широтах. Торговое плавание по Северному морскому пути, научные высокоширотные экспедиции, а также получение статуса наблюдателя в Арктическом совете дополняются активным участием в реализации проектов разработки полезных ископаемых на шельфе северных морей. Поэтому стратегия Китая в северных широтах не на словах, а на деле доказывает, что он все увереннее становится глобальной державой, способной бросить вызов остальным странам мира, не исключая РФ и США. Борьба за

ресурсы Арктики становится всё более интенсивной, и Китай будет играть в ней всё более значимую роль.

В-пятых, в связи с активностью Китая в Арктике для России складывается двоякая ситуация. С одной стороны, Китай для РФ — стратегический партнёр, с которым по многим геополитическим вопросам просматриваются схожие позиции, но с другой — для России это означает появление в арктических широтах еще одного конкурента, претендующего на освоение арктических богатств. КНР в качестве страны — наблюдателя АС уже получила юридические основания для того, чтобы получить доступ к ресурсной базе богатейшего региона. И рассчитывать на то, что Китай остановится только на позиции наблюдателя в АС, не приходится.

2.3. «Стратегический треугольник» и Европа

Проблемы взаимоотношений России и Европы и возможные пути их решения

На протяжении всей истории российского государства Европа является важнейшим приоритетом для российской внешней политики. Это связано с тем обстоятельством, что с учётом географической близости и культурных связей Россия является самым крупным соседом объединенной Европы в лице Евросоюза, для которого Россия представляет собой крупный развивающийся рынок для европейских товаров и услуг. При этом основными категориями экспорта из ЕС в РФ являются оборудование, транспортная техника, медикаменты, химическая продукция и другие промышленные товары. ЕС также является ключевым иностранным инвестиционным партнером России, общий объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию из ЕС в 2018 г. составил 277 млрд евро, а объем ПИИ России в ЕС — 89 млрд евро. А основными категориями импорта в ЕС из России являются сырьевые продукты — газ, нефть, уран и уголь, а также металлы. И благодаря взаимной притягательности в экономической сфере ЕС является крупнейшим торговым партнером для России: в 2020 г. товарооборот между ЕС и Россией достиг 174 млрд евро, что составляет порядка 40 % российской торговли.

В политической области в качестве членов ООН, ОБСЕ и Совета Европы Евросоюз и Россия обязались поддерживать и уважать фундаментальные ценности и принципы демократии, права человека, обеспечивать верховенство права и рыночной экономики. Поэтому начиная с 1997 г. основным документом, определяющим приоритеты развития взаимоотношений между Евросоюзом и Россией, являлось Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), однако его действие прекратилось в 2010 г. из-за отсутствия прогресса в торговой и инвестиционной сферах и нарастающих разногласиях в политической области⁵⁰. В связи с чем в 2012 г. Россия переместилась с 3-й на 5-ю строчку среди ключевых торговых партнеров ЕС.

Вместе с тем охлаждение отношений началось гораздо раньше — в 2004 г., когда в НАТО, вопреки дипломатическим усилиям РФ, были при-

няты 7 восточноевропейских стран, в том числе Эстония, Латвия и Литва, которые служили буферной зоной между Россией и этим альянсом. В связи с чем российский президент В. Путин отметил: «Нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было с расширением НАТО на Восток и с размещением военной инфраструктуры у наших границ»⁵¹. Последняя ремарка В. Путина касалась планируемого размещения американской ПРО в Европе и военных баз США на территориях Болгарии и Румынии. Поэтому 14 июля 2007 г. президент РФ подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооружениях в Европе и связанных с ним международных договоров». Ряд наблюдателей полагают, что это решение стало первым шагом российского руководства в сторону коренного изменения военно-политической обстановки на европейском континенте, складывавшейся с начала 1990-х годов не в пользу России. В тот период страны бывшего Варшавского договора и Прибалтики «переметнулись в стан» НАТО, руководство которого клятвенно обещало М. Горбачеву не расширяться в сторону границ России. Однако в начале 2008 г. в альянсе началось обсуждение обращений Украины и Грузии о их присоединении к Плану действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ). И несмотря на то, что они не получили официального приглашения стать участниками ПДПЧ, им дали понять, что дорога в НАТО для них открыта и необходимо лишь немного подождать. В августе того года состоялся новый виток противостояния России и Запада из-за вторжения грузинских войск в Южную Осетию, которое осуществилось при активной поддержке Брюсселя и Вашингтона.

В результате введения европейцами экономических санкций после известных событий на Украине в 2014—2022 гг. был полностью заморожен диалог о формировании единого экономического пространства и безвизового режима. Прекратились саммиты РФ — ЕС и работа Совета НАТО и России. Поэтому неудивительно, что в этих условиях неуклонно снижается доля объединенной Европы во внешней торговле России. Так, если в 2008 г. доля Евросоюза во внешнеторговом обороте России была 52 %, в 2019 г. — 41,7 %, в январе — мае 2020 г. — 39,5 %. И если в 2008 г. взаимный торговый оборот составил 382 млрд долл., то в 2019 г. — лишь 278 млрд долл.⁵² В результате надежды на продвижение российской интеграции в евроатлантические структуры не оправдались. Не оправдались и надежды на то, что Россия сможет поддерживать конструктивный диалог с Евросоюзом — европейские партнеры оказались явно не готовы к такому диалогу.

В частности, об этом говорится в Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом РФ 30 ноября 2016 г. В документе отмечается, что «накопившиеся в течение последней четверти века системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, выразившиеся в осуществляемой НАТО и ЕС геополитической экспансии, при нежелании приступить к реализации политических заявлений о формировании европейской системы безопасности и сотрудничества, вызвали серьезный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада»⁵³. В том же документе, однако, указывалось, что «рос-

сийская политика в Евро-Атлантическом регионе в долгосрочной перспективе ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия. Россия последовательно выступает за перевод в юридически обязывающую форму политических деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государств в военно-политических союзах»⁵⁴. Иными словами, несмотря на вышеупомянутую «геополитическую экспансию» Евросоюза, российская сторона не оставляет надежд на некую форму сосуществования России и Европы в формате «общего пространства мира, безопасности и стабильности».

Однако этому препятствуют русофобы в органах власти Евросоюза (в первую очередь представители Польши и стран Балтии). Свидетельство тому их бесосновательные обвинения в адрес России, что она виновата в разразившемся в Европе газовом кризисе в 2021 г. В связи с чем 14 октября 2021 г. на международном форуме «Российская энергетическая неделя» президент РФ объяснил, почему газ в 2021 г. так сильно дорожал. Этому способствовал: отказ Евросоюза от долгосрочных контрактов с российскими энергетическими компаниями, который лоббировался экспертами Еврокомиссии; быстрое восстановление экономики ЕС после пандемии коронавируса разогрело спрос на энергию; во многих странах ЕС сменился энергобаланс в сторону возобновляемых источников, а летом из-за безветрия сократилась выработка ветряной энергии. В результате цены на газ взлетели на 1000 %, в связи с чем в ЕС появился новый термин — энергетическая бедность. Путин также отметил, что Россия всегда являлась и является надежным поставщиком газа своим потребителям во всём мире — и в Азию, и в Европу, в полном объёме всегда выполняет все свои обязательства. В дополнении глава «Роснефти» И. Сечин отметил, что компания готова продать из своих запасов 10 млрд куб. м газа по «Северному потоку-2», что поможет со стабилизацией цен в Европе⁵⁵ (рис. 2.3.1). Однако под давлением Вашингтона Брюссель «заморозил» ввод в эксплуатацию «Северного потока-2» из-за начавшейся операции ВС РФ на Украине. Выгодоприобретателем от этого стали США, которые стали поставлять в Европу сжиженный газ по завышенным ценам, объёмы которого не достаточны для удовлетворения экономических потребностей ЕС.

Что же касается европейских упреков в адрес России по поводу того, что она не увеличивает поставки газа по украинскому маршруту, то «Северные потоки-1, 2» строились совсем не для того, чтобы оказывать давление на Украину. Их маршруты на 2 тыс. км. короче до основных потребителей в Европе, чем маршрут через Украину, а это значит — дешевле. Однако западная пресса не сочла нужным опубликовать позицию России по её подходам к решению существующего энергетического кризиса. Вместо этого в западных СМИ продолжали муссироваться слухи о якобы российских угрозах Европе.

В связи с чем в Москве растёт разочарование по поводу итогов взаимоотношений с ЕС за последние годы. Неслучайным поэтому представляется за-

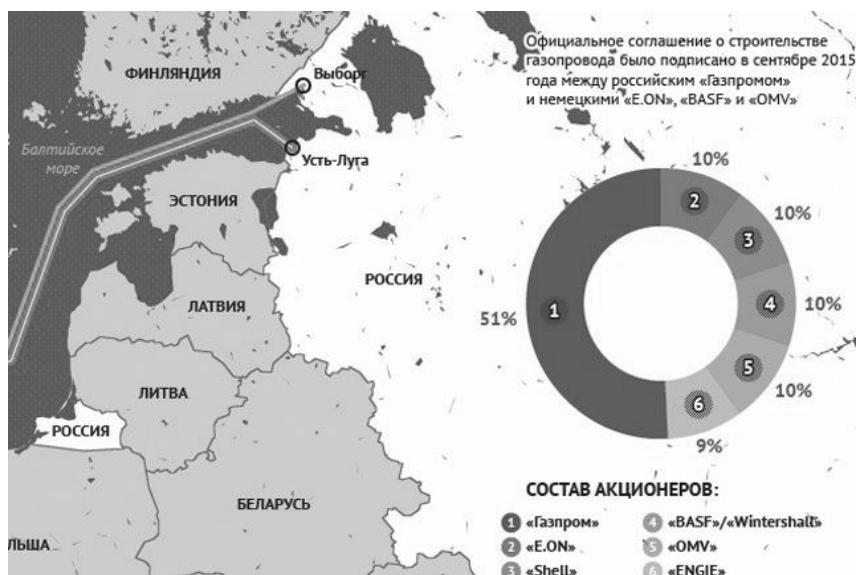

Рис. 2.3.1. Маршрут газопровода «Северный поток-2».

Источник: URL: <https://rusonline.org/world/situaciya-s-severnym-potokom-2-na-11-oktya-brya-evropa-pridumala-put-obhoda-ogranicheniy>

явление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова о том, что «когда ЕС достаточно высокомерно, с ощущением безусловного собственного превосходства заявляет, что Россия должна понимать, что не будет бизнеса «как обычно», Россия хочет понять, можно ли вообще вести какой-либо бизнес с Евросоюзом в нынешних условиях... Наверное, мы должны на какое-то время перестать с ними общаться»⁵⁶.

Такой диалог между Россией и Европой невозможен не только в экономической, но и в военно-политической сфере. Как говорится в докладе группы высокого уровня, созданной по распоряжению генерального секретаря НАТО, «НАТО должна продолжать реагировать на российские угрозы и враждебные действия политически единым, решительным и согласованным образом, не возвращаясь к «бизнесу как обычно», если только не будет изменений в агрессивном поведении России и ее возвращения к полному соблюдению международного права. Единство НАТО в отношении России является самым глубоким символом политической сплоченности, которая является основой эффективного сдерживания»⁵⁷. Таким образом, Североатлантический альянс также не готов к полноценному диалогу с Россией, заменяя диалог политикой сдерживания России.

Тем не менее, пути восстановления нормальных отношений между Россией и объединенной Европой существуют. Так, в немецкой газете «Цайт» президент РФ В. Путин отметил, что «...реальными становятся риски новой

гонки вооружений, и поправить эту ситуацию можно лишь за счет восстановления всеобъемлющего партнерства России и Европы»⁵⁸. И если идеи об универсальном партнёрстве не реализуемы, то можно попробовать выстроить модель соседства, которая будет строиться на таких опорах, как взаимное уважение к различию взглядов, поиск взаимных интересов вместо разъединяющих ценностей, сотрудничество в международных вопросах (здравоохранение и климат) и взаимозависимость в энергетической сфере⁵⁹. При этом стратегической задачей России в отношении с ЕС является формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции, что позволит не допустить появления разделительных линий на европейском континенте.

Для этого целесообразно возобновить контакты между руководством ВС РФ и НАТО. Например, чаще проводить встречи между начальником Генерального штаба ВС РФ, верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе и председателем военного комитета НАТО. Они могут привести к новым договоренностям, основанным на советско-американском соглашении от 1972 г. Но для этого понадобятся согласованные усилия обеих сторон, чтобы перевести их отношения в позитивную плоскость.

Европейская политика Китая

В мировой многовекторной экономической экспансии Китая объединенная Европа в виде Евросоюза занимает особое место. Ибо ЕС — часть развитого западного мира с высокими технологиями в инновационной сфере. Кроме того, страны ЕС представляют заманчивый рынок сбыта для китайской продукции. Достаточно сказать, что КНР на протяжении нескольких последних лет является вторым по значимости и объемам торговым партнером Евросоюза. В 2018 г. товарооборот двух сторон побил исторический рекорд и составил 682 млрд долл. Конечно, пандемия нанесла сокрушительный удар по мировой торговле и имиджу Китая, который в глазах ряда стран является родиной смертельного вируса и несет ответственность за несвоевременное предоставление информации ВОЗ. Однако, по заявлению некоторых европейских политиков, в частности Ангелы Меркель, Китай останется главным торговым партнером Европы⁶⁰. Как говорится в «Политическом документе Китая по Европейскому союзу», который был опубликован в декабре 2018 г., «будучи основными участниками мировой многополярности и экономической глобализации, Китай и ЕС имеют широкие общие интересы в поддержании мира и стабильности во всем мире, содействии глобальному процветанию и устойчивому развитию человеческой цивилизации, что делает обе стороны незаменимыми партнерами в реформировании и развитии друг друга. ЕС уже 14 лет подряд является крупнейшим торговым партнером Китая, а Китай — вторым по величине торговым партнером ЕС. Развитие прочных отношений с ЕС уже давно является приоритетом внешней политики Китая»⁶¹.

Какими же принципами руководствуется Пекин в своей европейской политике? «Китай предлагает обеим сторонам рассматривать отношения между Китаем и ЕС со стратегической и долгосрочной точки зрения и придерживаться следующих принципов в развитии отношений между Китаем и ЕС: поддерживать взаимное уважение, равенство и принцип «одного Китая», чтобы укрепить важнейший политический фундамент отношений между Китаем и ЕС (при этом китайская сторона настаивает на признании европейцами территориальной целостности Китая, включая Гонконг, Макао, Тайвань и Тибет, а также отказе от какой-либо поддержки любых сепаратистских движений на территории КНР, вроде «Исламского движения Восточного Туркестана»); поддерживать открытость, инклюзивность и взаимовыгодное сотрудничество; укреплять координацию планов развития и межцивилизационный диалог и гармонию в многообразии для содействия взаимному обучению между китайской и европейской цивилизациями».

Разумеется, подход китайской стороны к взаимоотношениям с объединенной Европой не ограничивается лишь вышеизложенными общими принципами политических взаимоотношений. На современном этапе отношений КНР—ЕС основным направлением их сотрудничества можно назвать реализацию проекта «Один пояс, один путь», которая предполагает более тесное сотрудничество во всех сферах деятельности, начиная от экономической и заканчивая культурной. Также стоит отметить, что инициатива по созданию «Шелкового пути» была выдвинута с учетом принципа дополнения экономик обоих блоков, культурных и инфраструктурных особенностей (рис. 2.3.2).

При этом Пекин видит в партнерстве с ЕС возможность для реализации своих планов относительно «Пояса и пути», которая «развивается в соответствии с принципом консультаций и сотрудничества для получения общих выгод... соблюдает международные правила и рыночные принципы, а также стремится к высокому качеству и высоким стандартам, адаптированным к местным условиям. Китай приветствует активное участие ЕС и других европейских стран в совместных усилиях по строительству пути, который способствует миру, процветанию, открытости и инновациям, соединяет цивилизации, способствует «зеленому» развитию и поддерживает высокие этические стандарты». В связи с этим Пекин не стесняется предъявлять претензии своим европейским партнерам: «Китай надеется, что ЕС сохранит свой инвестиционный рынок открытым, сократит и устранил инвестиционные барьеры и дискриминационные барьеры, а также обеспечит китайским компаниям, инвестирующим в Европу, справедливую, прозрачную и предсказуемую политическую среду и защитит их законные права и интересы»⁶².

С точки зрения Пекина, «ЕС должен ослабить свой высокотехнологичный экспортный контроль над Китаем, строго выполнять свои обязательства по ВТО, обеспечить соответствие своего законодательства и практики в области торговых средств правовой защиты правилам ВТО, разумно применять меры по торговым средствам правовой защиты и предотвращать дискриминацию де-юре или де-факто в отношении некоторых членов ВТО», а также не препятствовать китайским инвестициям в ЕС⁶³.

Рис. 2.3.2. Маршруты «Одного пояса, одного пути».

Источник: URL: https://pbs.twimg.com/media/D4g__j4W0AE8SdB.jpg

При этом китайская сторона четко дала понять, что не потерпит нравочений на тему прав человека или вмешательства во внутренние дела Китая: «Европейская сторона должна объективно и справедливо рассматривать ситуацию с правами человека в Китае и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Китая и его судебный суверенитет во имя прав человека»⁶⁴.

Если рассматривать отношения КНР и ЕС в более широком смысле, то становится очевидным, что прочные взаимозависимые торговые и инвестиционные связи не исключают эпизодов геополитического соперничества и политической напряженности между ними. Поэтому в Брюсселе постепенно начинают менять свое изначально положительное отношение к китайскому партнеру. Так, в ходе 19-го саммита ЕС—КНР в июне 2017 г. председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер заявил: «Наши отношения с Китаем основаны на общей приверженности открытости и совместной работе в рамках международной системы, основанной на правилах. Мы признаем, что были проведены реформы и разработаны соответствующие планы. Но мы хотели бы, чтобы их реализация была ускорена — чтобы ваша политика соответствовала вашему мировоззрению»⁶⁵.

А вот 1,5 года спустя, в марте 2019 г., было принято заявление Еврокомиссии «ЕС—Китай — стратегический прогноз», в котором, в частности, говорилось, что «в последнее десятилетие экономическая мощь и политическое влияние Китая росли с беспрецедентными масштабами и скоростью, отражая его амбиции стать ведущей мировой державой. Китай больше не может рас-

смагиваться как развивающаяся страна. Это ключевой глобальный игрок и ведущая технологическая держава. Его растущее присутствие в мире, в том числе в Европе, должно сопровождаться большей ответственностью за соблюдение международного порядка, основанного на правилах, а также большей взаимности, недискриминации и открытости его системы. Публично заявленные амбиции Китая в области реформ должны воплотиться в политику или действия, соизмеримые с его ролью и ответственностью»⁶⁶. В данном документе Пекин обвиняется в том, что «экспорт сельскохозяйственной и продовольственной продукции ЕС в Китай подвергается дискриминационным, непредсказуемым и обременительным процедурам, чрезмерным задержкам и решениям, не основанным на науке»⁶⁷. В Брюсселе крайне обеспокоены и попытками китайской стороны выстроить привилегированные отношения с отдельными европейскими странами (включая Италию), что, как считает руководство Евросоюза, расшатывает единство ЕС, и инвестициями КНР в европейские инфраструктурные проекты⁶⁸.

В опубликованном в 2020 г. докладе группы высокого уровня, созданной генеральным секретарем НАТО, о Китае говорится еще менее комплиментарно: «Для большинства союзников Китай является как экономическим конкурентом, так и значительным торговым партнером. Поэтому Китай лучше всего воспринимается как системный конкурент всего спектра, а не как чисто экономический игрок или единственный ориентированный на Азию субъект безопасности. Хотя Китай не представляет непосредственной военной угрозы для Евроатлантического региона в тех же масштабах, что и Россия, он расширяет свое военное присутствие в Атлантике, Средиземном море и Арктике, углубляет оборонные связи с Россией и разрабатывает ракеты и самолеты большой дальности, авианосцы и атомные подводные лодки с глобальным охватом, обширными возможностями космического базирования и большим ядерным арсеналом. Союзники по НАТО все больше и больше ощущают влияние Китая в каждой сфере. Его инициативы «Пояс и путь», «Полярный шелковый путь» и «Кибер-шелковый путь» быстро развиваются, и Китай приобретает инфраструктуру по всей Европе с потенциальным влиянием на коммуникации и взаимодействие. Ряд союзников приписывают кибератаки субъектам, базирующимся в Китае, идентифицируют кражу интеллектуальной собственности с последствиями для обороны и подвергаются дезинформационным кампаниям, происходящим в Китае, особенно в период начала пандемии COVID-19»⁶⁹.

Иными словами, в последние годы в европейском восприятии КНР произошла заметная трансформация — от перспективного торгового партнера к потенциальной военной угрозе. Китай, кстати, не рассматривает Европу в качестве военного противника. Как отмечалось в китайской Белой книге по обороне, вышедшей в 2019 г., «Китай активно развивает свои военные отношения с европейскими странами. Обмены и сотрудничество во всех областях достигают значительного прогресса. Ориентируясь на китайско-европейское партнерство во имя мира, роста, реформ и цивилизации, Китай проводит

диалоги по вопросам политики безопасности, совместные учения по борьбе с пиратством и обучение персонала с ЕС»⁷⁰.

В целом китайская сторона не акцентирует имеющиеся с европейскими партнерами противоречия, рассматривая объединенную Европу как перспективнейшее направление экономического сотрудничества. В настоящее время объем торговли Китая с ЕС превысил товарооборот КНР с США. При этом Пекин не имеет каких-то военно-политических конфликтов с европейцами — и в этом смысле китайско-европейские отношения отличаются в выгодном направлении от взаимоотношений между США и КНР.

Свидетельством того, что конструктивный подход Китая к отношениям с европейскими партнерами дает свои плоды, является инвестиционное соглашение между ЕС и КНР, заключенное 30 декабря 2020 г. В соответствии с этим документом, европейским автомобилестроительным компаниям облегчили доступ на китайский рынок электрических и гибридных автомобилей. В отношении частных клиник в крупных китайских городах отменено обязательное условие о создании совместных предприятий. Кроме того, Китай пообещал открыть свой рынок телекоммуникаций и, наконец, выполнить требование Всемирной торговой организации и раскрыть объем своих субвенций. Также должен быть положен конец принудительной передаче технологий⁷¹.

Это соглашение было воспринято многими зарубежными наблюдателями как успех Китая: ведь в ходе подготовки соглашения Пекину удалось уклониться от обязательств проводить публичные тендеры, подписать соглашение с ВТО о государственных закупках или принять систему инвестиционных судов, которая позволяет решать споры между инвесторами⁷². Очевидно, что это соглашение — большой шаг на пути формирования зоны свободной торговли между Евросоюзом и Китаем (хотя инвестиционное соглашение между КНР и ЕС должно быть еще ратифицировано Европарламентом и парламентами стран — членом Евросоюза).

Однако 20 мая 2021 г. Европарламент отложил ратификацию инвестиционного соглашения из-за введенных ранее китайской стороной контрсанкций в отношении ряда видных европейских политиков, а также ситуации с правами человека в КНР. Это решение было принято под влиянием американского нажима на Брюссель⁷³. В связи с чем стратегия ЕС подчеркивает необходимость говорить единым голосом и укреплять сотрудничество и координацию политики с Соединенными Штатами. При этом деловая активность Китая на европейском направлении, лишь одна сторона европейской стратегии. Проводя активную экономическую экспансию в других регионах мира, которые традиционно связаны с Европой, Китай является не только партнером, но и конкурентом ЕС. Об этом прямо говорится в докладе Европейской комиссии «ЕС ? Китай стратегический взгляд» (2019 г.). И в отличие от ЕС КНР обладает «идеологической стерильностью», в частности, равнодушием к соблюдению прав человека, репрессиям против инакомыслящих и т. д., а его кредиты дешевле европейских. Все это делает КНР для многих сил в мире очень привлекательным партнером по сравнению с ЕС.

Связи с чем Китай пытается диктовать свои условия во взаимоотношениях с ЕС. Однако члены Евросоюза не всегда идут на уступки Пекину, стараясь защитить свою экономику и отстоять свой национальный суверенитет в сфере бизнеса.

Взаимоотношения Соединенных Штатов с Европой

Европейское направление всегда было важнейшим приоритетом внешней политики официального Вашингтона. В годы «холодной войны» на территории европейских стран — членов НАТО была размещена крупнейшая зарубежная группировка вооруженных сил США, насчитывавшая до 350 тыс. военнослужащих и имевшая на вооружении до 7 тыс. единиц тактических ядерных боезарядов.

Но значение Европы для Соединенных Штатов не исчерпывалось лишь военно-политическими позициями Америки в данном регионе, два крупнейших в современном мире центра экономической силы соединяют теснейшие торговые, финансовые, технологические связи. Объем торговли между США и Евросоюзом достиг астрономической цифры в 616 млрд долл. в 2019 г.⁷⁴ При этом в 2017 г. 65,1 % всех накопленных прямых американских зарубежных инвестиций приходилось на Западную Европу; в то же время и для европейских инвесторов США остаются самым привлекательным регионом с точки зрения размещения капиталов. Достаточно сказать, что на долю ЕС приходится до половины всех прямых иностранных инвестиций в США⁷⁵.

И как бы ни складывались американско-европейские отношения в военно-политической сфере, теснейшее экономическое взаимодействие между Америкой и Европой представляется совершенно безальтернативным: никакой адекватной замены этому взаимодействию нет и не предвидится ни для США, ни для ЕС. Тем не менее, в последние годы трансатлантическое торгово-экономическое сотрудничество столкнулось с серьезными вызовами.

Безусловно, эти серьезные проблемы в американско-европейских торгово-экономических связях справедливо связывают с политикой 45-го президента США. Именно Д. Трамп инициировал в 2018 г. тарифную войну с Евросоюзом, введя 25%-ные пошлины на сталь и 10 %-ные пошлины на алюминий, импортируемые в США из ЕС. В ответ в ЕС начали обсуждать повышение пошлин на американские товары. «Европейский союз был создан для того, чтобы использовать в своих интересах Соединенные Штаты», — заявил в связи с этим американский президент⁷⁶.

Очевидно, что если бы Трамп был переизбран на второй срок, этими мерами дело бы не ограничилось: Вашингтон угрожал ввести пошлины в 25 % на произведенные в Европе автомобили, а европейцы собирались ответить введением так называемого цифрового налога, который должен был затронуть в первую очередь крупнейшие американские технологические компании, такие как Amazon, Facebook и Google⁷⁷.

Видимо, было бы не совсем правильно объяснять вышеуказанные проблемы в экономических связях США и ЕС исключительно политикой Д. Трампа. Как полагает председатель президиума Совета по внешней и обо-

ронной политике Ф. Лукьянов, идея американского глобального лидерства (важнейшей составной частью которой является американское военно-политическое присутствие в Европе) «находится в кризисе, не находя прежнего отклика среди населения Соединенных Штатов. Появление изоляционистски настроенного Трампа в Белом доме — продукт этих изменившихся настроений... [Администрация Трампа] видит в качестве приоритета не доминирование как таковое, а реализацию национальных интересов США в противостоянии с крупными соперниками, основным из которых является Китай. С этой позиции все аргументы в пользу тесного взаимодействия с Европой если не теряют смысл, то становятся обусловленными, о чем все время и твердят Трамп с единомышленниками. Иными словами, Европа (прежде всего Германия) должна доказать, что услуги безопасности, которые ей предоставляют Соединенные Штаты, окупаются — финансово или другим способом»⁷⁸.

Вот почему было бы неверным рассчитывать на то, что после прихода к власти в США Дж. Байдена в американо-европейских отношениях наступит гармония. Ведь и без Трампа в торгово-экономических отношениях Соединенных Штатов и Европейского союза имеются серьезные проблемы.

Достаточно сказать, что еще до прихода к власти 45-го президента США зашли в тупик переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП). И вряд ли Байден сумеет без проблем реанимировать эти переговоры — в апреле 2019 г. Совет Европейского союза особым решением признал предыдущие директивы, относящиеся к переговорам по ТТИП, «устаревшими и более не актуальными».

Столь же серьезными выглядят и военно-политические проблемы во взаимоотношениях трансатлантических партнеров. После окончания «холодной войны» Европа утратила свое былое значение для американской внешнеполитической стратегии. Американские правящие круги придерживались той точки зрения, что основные угрозы национальной безопасности США сконцентрированы не в Европе, а в других регионах планеты. Как следствие, численность американских вооруженных сил, развернутых на постоянной основе в Европе, неуклонно снижалась — с 350 тыс. военнослужащих в конце 1980-х до 52 тыс. при Б. Обаме.

При Трампе эта тенденция сокращения американского военного присутствия в Европе продолжилась. 29 июля 2020 г. Министерство обороны США заявило о дальнейшем сокращении американских военных на континенте. В соответствии с этим заявлением, численность американских войск в Германии должна быть сокращена на 11 900 солдат и офицеров, причем 6400 человек будут переведены для прохождения службы на территорию США, а 5600 — размещены на территории других западноевропейских стран — членов НАТО, преимущественно в Бельгии и Италии. Правда, как утверждает Пентагон, элементы командования V корпусом ВС США будут переброшены в Польшу, но что касается американских боевых частей — они будут присутствовать на востоке Европы исключительно на основе ротации⁷⁹. Так, в 2018 г. США разместили на востоке континента бронетанковую бригаду из

4500 военных, плюс элементы батальона армейской авиации и 70 военных и гражданских сотрудников, управляющих беспилотными самолетами-разведчиками с базы в польском городе Мирославец. Кроме того, в Балтийско-Черноморском регионе была развернута тактическая группа американской морской пехоты⁸⁰, но все эти американские воинские контингенты были развернуты не на постоянной, а на ротационной основе.

При этом американцы обвиняют своих европейских союзников в том, что последние являются не производителями, а потребителями безопасности. Так, выступая на совместной пресс-конференции с генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом, Д. Трамп обвинил ФРГ в том, что она тратит на оборону лишь 1 % своего ВВП — против 4,2 %, которые расходуют США. «Я должен поднять этот вопрос, потому что считаю, что это очень несправедливо по отношению к нашей стране, — подчеркнул американский президент. — Это очень несправедливо по отношению к нашим налогоплательщикам. И я думаю, что эти страны должны наращивать оборонные расходы не в течение 10 лет, а немедленно. Германия — богатая страна. Они говорят о том, что собираются увеличить их немного к 2030 г. Ну, они могли бы увеличить их сразу завтра и не иметь никаких проблем. Я не думаю, что это справедливо для США»⁸¹.

Следует отметить в связи с этим, что такого рода претензии европейским союзникам выдвигали и предшественники Трампа, правда, делали они это не в таком резком и оскорбительном тоне. Можно предположить, что в любой обозримой перспективе экономическое положение в посткоронакризисной Европе не позволит европейцам существенно увеличить свои оборонные расходы и, следовательно, сохранится вызывающая раздражение у официального Вашингтона ситуация, когда свыше 70 % совокупного военного бюджета стран — членов НАТО приходится на США⁸² — при том, что Объединенная Европа имеет сопоставимый с Соединенными Штатами экономический потенциал.

Таким образом, и при администрации Дж. Байдена между евроатлантическими союзниками сохранятся серьезные разногласия в военно-политической и торгово-экономической сферах — хотя 46-й президент США постарается избегать публичных унижений своих европейских союзников. Так, Байден уже объявил об отказе от вышеупомянутого вывода 11 900 американских военнослужащих из Германии.

Кроме того, успехом европейской политики 46-го президента США стал саммит НАТО в Брюсселе 14 июня 2021 г. В коммюнике, принятом по итогам брюссельского саммита, утверждается, будто «амбиции и напористые действия» КНР представляют собой системный вызов основанному на правилах международному порядку и тем сферам, которые имеют отношение к безопасности Североатлантического союза»⁸³. Правда, за вовлечение европейских союзников в противостояние с Китаем администрации Байдена пришлось заплатить свою цену — в частности, отказаться от санкций в отношении «Северного потока-2». А состоявшаяся через два дня после брюссельского саммита российско-американская встреча в верхах продемонстрировала, что офи-

циальный Вашингтон не в состоянии противостоять одновременно и России, и Китаю в условиях, когда европейские союзники готовы вести борьбу с Поднебной главным образом на словах.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *умозаключения*.

Во-первых, в настоящее время российско-европейские отношения находятся в состоянии упадка, что обусловлено историческим противостоянием Запада любым попыткам России наладить плодотворное сотрудничество с ним. Поэтому Евросоюз под влиянием антироссийской настроенных политиков продолжает применять по отношению к РФ различного рода санкции под любым предлогом. Они включают три компонента: отеснять, сдерживать и, что позитивно, вести переговоры с Москвой, которая заинтересована в выстраивании стабильного и предсказуемого сотрудничества со странами ЕС и НАТО на принципах равноправия и взаимного уважения интересов. При этом дальнейшее развитие отношений с ними потребует совершенствования как договорно-правовой базы, так и институциональных механизмов сотрудничества в целях обеспечения взаимной выгоды и оптимального выстраивания партнерских связей.

Во-вторых, по сравнению с российско-европейскими отношениями взаимоотношения между Китаем и Европой имеют позитивную динамику. Это связано с тем обстоятельством, что они не отягощены политико-идеологическими противоречиями между Москвой и Брюсселем. Кроме того, в Европе отсутствует китаефобия, сопоставимая с имеющейся в структурах ЕС и НАТО русофобией, что объясняется историей взаимоотношений между Европой и Китаем, разительно отличающейся от истории отношений между Россией и Европой. И в отличие от Вашингтона Пекин никогда не обращается с Европой как со своим младшим партнером, обязанным подчиняться воле «большого брата» в военно-политических вопросах. Благодаря этому КНР успешно развивает торгово-экономические и научно-технические связи с Европой. Уже сейчас Китай является одним из ведущих торговых партнеров Евросоюза, и Пекин планирует и в дальнейшем наращивать свое экономическое присутствие в Европе — в том числе и за счет США и РФ.

В-третьих, администрация Байдена предприняла попытки преодолеть те трудности, которые возникли во взаимоотношениях между трансатлантическими партнерами при его предшественнике. Решения Брюссельского саммита Североатлантического альянса (июнь 2021 г.), казалось, свидетельствуют о восстановлении прочных союзнических отношений между США и Европой. Увы, уже через несколько месяцев американско-европейские отношения резко обострились после катастрофического по своим последствиям вывода американских войск из Афганистана и образования трехстороннего американско-австралийско-британского альянса AUKUS, за бортом которого оказалась континентальная Европа. В этих условиях официальному Вашингтону будет не так-то просто мобилизовать Европейский союз на борьбу с Китаем, который, как уже было сказано, является одним из важнейших экономических партнеров объединенной Европы, которую с Востоком связывает Центральная Азия.

2.4. Центральная Азия как область столкновения интересов акторов «треугольника»

Значение Центральной Азии и существующие региональные проблемы

Центральная Азия, являясь своеобразным мостом, связывающим Восток и Запад, издревле была ареной столкновения ведущих держав мира. При этом в различных источниках понятие «Центральная Азия» (ЦА) — территория площадью 3,994,300 кв. км с населением порядка 78 млн человек — определяется по-разному.

Впервые оно было введено немецким ученым А. Гумбольдтом в середине XIX века. Он относил к этому региону все азиатские территории (всю Среднюю Азию и Тибет) с пустынными ландшафтами, удаленные от океанов и огражденные от их влияния горами. А американская энциклопедия «Британника» утверждает, что нет различия между понятиями «Средняя Азия» и «Центральная Азия», поэтому они трактуются как «Центральная Азия». Не согласуется с этим трактовка ЮНЕСКО, согласно которой регион ЦА включает Монголию, Северо-Западный Китай, районы азиатской России южнее таежной зоны, Афганистан, северо-западную часть Индии, северную часть Пакистана, северную часть Ирана. Но при любых критериях границ этого региона он включает в себя такие государства, как Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан (рис. 2.4.1).

В современных условиях территория ЦА является областью конкуренции и сотрудничества России с другими мировыми лидерами (США, ЕС, Китаем), региональными державами (Турцией, Ираном) и новыми региональными акторами (например, Катаром, Саудовской Аравией и др.), что обусловлено рядом существенных причин.

Во-первых, общая история развития в недавнем прошлом республик ЦА и РФ, схожесть взглядов их руководителей на важнейшие события в мире в совокупности с близостью национальных экономик, а также наличие многочисленных родственных связей народов, проживающих на этих территориях, являются хорошей основой для развития экономики региона. Но, с другой стороны — инфраструктура ЦА развита недостаточно, и она находится на большом удалении от экономических центров мира, плюс с этому политическая нестабильность в некоторых республиках (например, в Кыргызстане) создает риски для стабильного развития региона.

Во-вторых, этот регион является одной из важных кладовых энергоресурсов на планете наравне с Саудовской Аравией, ОАЭ и другими мировыми лидерами в области их добычи. Так, общий объем запасов природного газа в странах ЦА составляет порядка 360 трлн куб. м, а запас нефти оценивается в 31 млрд баррелей, что представляет несомненный интерес для экономически развитых государств.

В-третьих, ЦА является своеобразным мостом, соединяющим Европу, Ближний Восток, Южную и Восточную Азию. На севере он граничит с Россией, на западе — с азиатскими странами, на юге — с Китаем, а на востоке он

Рис. 2.4.1. Государства Центральной Азии.

Источник: URL: <https://www.maps-of-the-world.ru/maps/asia/central-asia/large-political-map-of-central-Asian-states-2002.jpg>
<https://ia-centr.ru/publications/nesvobodnaya-mysl-pochemu-tsentralnaya-aziya-v-kontse-progressa/>

имеет общие границы со странами мусульманского мира. К этому следует добавить, что ЦА является своеобразным плацдармом, связывающим Россию, Китай, Индию и Пакистан, обладающих ядерным оружием, поэтому проблема региональной безопасности приобретает глобальное значение⁸⁴.

Таким образом, наличие в регионе больших запасов энергоресурсов и других полезных ископаемых в совокупности с его недостаточным развитием в экономической сфере, а также наличие в нем важных стратегических направлений, связывающих Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), обуславливают рост конкуренции среди нерегиональных акторов, претендующих на ключевую роль в ЦА, с тем чтобы иметь возможность влиять на развитие региональных государств в выгодном для себя направлении.

Что касается существующих в регионе проблем, то согласно «Индексу несостоявшихся государств» Фонда мира, в настоящее время Кыргызстан является наиболее «хрупким» среди государств ЦА. Это связано с тем обстоятельством, что Кыргызстан — горная республика, в которой земли, пригодной для земледелия, мало. В частности, это явилось причиной кровавых столкновений в Оше между киргизами и узбеками в 1990 и в 2010 гг. В первом

случае в стычках участвовало около 35 тыс. человек (среди которых убитых и раненых оказалось от 8 до 10 тыс.). 20 лет спустя в той же области вновь вспыхнул земельный конфликт (итог: около 1000 убитых, 2000 раненых и десятки тысяч беженцев). И поскольку причины земельного конфликта в современных условиях никуда не исчезли, националисты с обеих сторон будут продолжать накалять страсти, что может привести к очередным кровавым столкновениям.

Это же касается и Таджикистана, где из-за гражданской войны в XX веке и продолжающихся экономических трудностей численность страны сократилась на 26 %, что приравнивает его к одной из самых неблагополучных стран на планете.

Также следует отметить, что для ряда экономик стран ЦА характерна их «сырьевая зависимость». Это газ для Туркменистана, нефть и цветные металлы — для Казахстана, газ и хлопок — для Узбекистана⁸⁵. При том эти страны не проявляют особого желания к региональной консолидации, которая способствовала бы их экономическому развитию. Об этом свидетельствует не реализованный проект «Транспортного консорциума», создание которого содействовало бы формированию общей транспортной политики государств ЦА. В противовес этому существующие ныне многочисленные таможенные сборы и прочие платежи делают транзит грузов через их границы весьма дорогими. Их интеграции также препятствуют наличие ограничений во взаимной торговле, высокие политические и экономические риски в инвестировании региональных проектов, из-за чего уровень выполнения уже принятых решений является низким, а сами документы носят общий характер⁸⁶.

Страны ЦА сталкиваются с проблемами эксплуатации водных ресурсов приграничных рек. К примеру, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, расположенные в нижнем течении рек Амур-дарьи и Сыр-дарьи, постоянно испытывают дефицит воды, в то же время Кыргызстан и Таджикистан, расположенные по верхнему течению этих рек, сталкиваются с проблемой обеспечения работы гидроэлектростанций зимой, что приводит к дополнительной эксплуатации этих сооружений, чреватой уменьшением объемов водохранилищ и повышением весенних объемов сброса воды в приграничные области соседних государств. Подтверждением тому являются события в мае 2020 г., когда узбекская сторона для ослабления потока воды открыла 1 мая шлюзы Сардобинского водохранилища в Сырдарьинской области. В результате произошел прорыв дамбы, и хлынувшая вода затопила не только близлежащие районы Узбекистана, но и территорию на юге Казахстана. Поэтому более 70 тыс. узбеков и 30 тыс. казахов были вынуждены покинуть свои дома из-за наводнения.

В ряде республик ЦА (кроме Казахстана) существуют проблемы обеспечения местного населения рабочими местами, в связи с чем люди ищут работу в других государствах, особенно в России, тем самым обостряя там миграционные вопросы.

В сфере экономики, в образовании и в науке ряда среднеазиатских республик наблюдается определенный застой, связанный с эмиграцией высоко-

классных специалистов из этих областей из-за того, что местные органы власти предпочитают назначать на руководящие посты в жизненно важных отраслях государства только национальные кадры, несмотря на то, что они нередко не являются экспертами соответствующего профиля.

Помимо этого, почти все государства ЦА характеризуются достаточно высокими рисками с точки зрения угроз региональной безопасности, особенно терроризма и исламского экстремизма. Эту угрозу дополняет инфильтрация боевиков в регион из Сирии после их разгрома силами правительственных войск при поддержке России, Ирана и Турции.

Существующая разобщенность среднеазиатских государств в решении проблем региона в совокупности с его важной геополитической и экономической ролью обуславливают высокую степень вовлеченности в региональные дела нерегиональных акторов и их альянсов. Например, Турцию, представляющую одну из нерегиональных сил, успешно конкурирующую в ЦА с другими акторами. Она обеспечила себе достаточно уверенную позицию в регионе за счет активного участия в региональных делах президента Эрдогана, сумевшего представить территорию Турции «вратами во внешний мир» для среднеазиатских государств. Несколько иная позиция у Евросоюза, который акцентирует свое внимание на развитии демократических институтов в ЦА и стремится воспользоваться возможностью получения доступа к региональным источникам энергоресурсов, сократив при этом свою зависимость от стран Персидского залива и России. Помимо этих акторов в регионе активно действуют другие державы, реализующие там свою политику и стратегию.

Политика и стратегия США в регионе

Политика и стратегия Вашингтона в ЦА определяется, прежде всего, его противоборством с Москвой и Пекином которые сдерживают его желание контролировать добычу региональных энергоресурсов и нацеливать их развитие в выгодном для себя направлении. Поэтому в противовес ШОС и ОДКБ США стремятся «оторвать» среднеазиатских членов этих организаций за счет создания в регионе организации «государств Шелкового пути» под патронажем Вашингтона. С этой целью он продвигал идею создания в регионе Великого шелкового пути за счет строительства коридора из Афганистана в обход РФ и КНР, чтобы направлять региональные энергоресурсы в Индию, Японию и Южную Корею. Однако реализация этой идеи стала маловероятной в 2021 г., когда войска США и проамериканские органы власти Исламской Республики Афганистан (ИРА) спешно покинули страну, и власть оказалась в руках талибов.

Каспийская тематика также входит в круг американских интересов. Для этого Вашингтон совместно с Брюсселем лоббируют создание в обход России транскаспийского газопровода по дну Каспия для снижения взаимодействия каспийских нефтедобывающих стран и РФ в экономической и транспортной сферах. Помимо этого, Вашингтон реализует в регионе программу «Каспийский страж», которая открывает для США перспективы контроля трансконтинентальных коммуникаций и доступа к местным запасам углеводородов, а

также усиления изоляции Ирана и снижения влияния России на события в районе Каспийского моря. С этой целью Пентагон передает прибрежным странам боевые катера и обучает пограничные и береговые подразделения Казахстана и Туркменистана, способствуя координации их действий на море, а также реализуют программы стажировок военнослужащих из стран ЦА в центрах ВС США. Помимо этого, Белый дом активно подключился к строительству в государствах ЦА центров боевой подготовки военнослужащих и занимается реформированием учебных заведений Минобороны, МВД и т. д.

Важным пунктом стратегии США в ЦА является адресная поддержка подразделений ВС республик, их оснащение и подготовка по американским стандартам, чтобы подготовить их к совместному с НАТО выполнению миротворческих задач. Результаты этой активности были продемонстрированы в Афганистане в ходе проведения многонациональной операции «Несокрушимая свобода», в которой приняли участия подразделения альянса и казахстанский батальон «Казбат».

Кроме того, Вашингтон тайно подбирает сторонников американской политики в регионе среди военнослужащих и в правительствах ЦА в надежде на то, что эти кадры в нужный момент смогут совершить переворот по сценарию «цветной революции» и сбросить неугодного Белому дому президента. Этим занимаются не только представители посольств США в регионе и подконтрольные Вашингтону СМИ и НПО, но и Пентагон, в ведении которого находится сайт www.centralasiaonline.com, являющийся частью американского проекта «Трансрегиональная веб-инициатива»⁸⁷.

Опираясь на эти рычаги, США рассчитывает получить возможность влиять на экономическую и политическую ситуацию в странах ЦА в выгодном для себя направлении⁸⁸. Тем не менее, администрация Белого дома слишком поторопилась в реализации плана «революции тюльпанов» в Киргизстане. В 2005 г. их планы смены президента республики Акаева на проамериканского лидера страны провалились. Вмешательство США во внутренние дела этой республики вызвало у лидеров других государств ЦА резкое неприятие, отразившееся на их отношениях с Вашингтоном. Подозревая, что он и далее намерен использовать алгоритм «цветных революций» в регионе, они заявили, что их страны намерены и впредь последовательно укреплять сотрудничество с Москвой и Пекином.

Среди других американских инициатив в регионе заметным является проект «С5+1» (появившийся в период обострения отношений между Вашингтоном и Москвой из-за событий в Украине и Сирии). Успешная реализация этого проекта позволит Вашингтону выполнить две важные внешнеполитические задачи: укрепить региональные позиции США по отношению к Китаю и России и способствовать стабилизации обстановки в ЦА для снижения рисков распространения в регионе терроризма и экстремизма, препятствующих реализации американских интересов.

Однако этот формат нельзя назвать полноценным интеграционным объединением для многостороннего сотрудничества: он существует лишь в форме встреч министров иностранных дел; при этом Вашингтон лишь на словах

борется с терроризмом и экстремизмом в регионе, так как этому препятствует Положение договора о создании ОДКБ, предусматривающее ввод иностранных войск на территорию стран-участниц договора после консультации с Москвой, которая, видя, к чему привело присутствие войск НАТО в Афганистане, категорически против появления американских войск в регионе. К тому же Китай в рамках его инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) и Россия, реализующая в регионе проект ЕАЭС, требуют гораздо меньше финансовых затрат со стороны республик ЦА по сравнению с американским проектом «C5+1».

В связи с этим администрация Трампа сформировала два варианта эволюции американской стратегии в регионе. Первый — *инерционный*, предполагает сохранение формата «C5+1», но уже в усеченном виде, за счет совершенствования его технического и процедурного обслуживания. И второй — *конфронтационный*, предусматривающий формирование более агрессивной политики Вашингтона в ЦА в случае, если ему не удастся добиться прогресса во все более обостряющихся отношениях с Китаем, ибо в действующей стратегии национальной безопасности США прямо указано, что помимо России Китай для США — тоже соперник.

К этому следует добавить, что Вашингтон довольно сильно увяз в противоречиях между декларируемым стремлением к партнёрству с Пекином и ведущейся с ним торговой войной. К примеру, он заблокировал китайским инвесторам покупку микросхем, производителем которых является корпорация США *Lattice Semiconductor Corp.*, сославшись на то, что эта сделка может принести вред интересам США, и отверг китайские аргументы, что закупщик микросхем является всего лишь частной фирмой, а не государственной корпорацией, соперничающей с корпорациями Соединенных Штатов. А чтобы закамуфлированный фронт атаки на Пекин был шире, Трамп активно привлекает своих союзников из стран АСЕАН. В результате проамерикански настроенный глава корпорации *CT Corp.* Танъюнг заявил, что «Китай с инициативой «Один пояс, один путь» слишком агрессивен для стран АСЕАН». А премьер-министр Японии Абэ пообещал выделить 349 млн долл. на создание отличного от китайского проекта «коммуникаций в АСЕАН», чтобы дать отпор проекту ОПОП.

Таким образом, исходя из политических целей в ЦА, США в ближайшей перспективе будут продолжать стратегию, нацеленную на сдерживание КНР в глобальном плане, и не допускать интеграцию государств ЦА с РФ, одновременно препятствуя превращению ОДКБ и ШОС в дееспособные образования, способные противостоять США.

Стратегические интересы и политика Китая в Центральной Азии

Несмотря на антикитайские выпады США, Китай, благодаря росту своей мощи в глобальной экономике, достиг больших успехов во влиянии на экономические и политические процессы в ЦА. Тем не менее, в Пекине вызывает беспокойство активизация США во многих сферах регионального развития, поэтому он развивает широкое взаимодействие со среднеазиатскими

странами — членами ШОС и вкладывает значительные финансовые средства в реализацию значимых для этих стран проектов, тем самым стимулируя руководителей стран ЦА к сближению с Китаем.

Значительную роль в этом играют кредиты, которые предоставляются им под низкие проценты, однако они в обязательном порядке подразумевают привлечение китайских материалов, техники и рабочей силы для выполнения работ. Примером тому является проект ОПОП, для реализации которого КНР создает в странах ЦА и Европы свои экономические, технологические и финансовые структуры. При этом проблема присоединившихся к проекту государств состоит в том, что согласно условиям их участия в «Поясе и пути», они должны брать кредиты у китайских банков, чтобы расплачиваться с китайскими же подрядчиками. Это ведет к тому, что страны-участницы постепенно превращаются в должников КНР. Тем не менее, заинтересованность среднеазиатских государств региона в китайских инвестициях, необходимых для развития национальных экономик, способствует реализации интересов Поднебесной в ЦА. А экспорт нефти и газа из Туркменистана и Казахстана способствует сокращению китайской зависимости от ресурсов Ближнего Востока.

В реализации своих целей в ЦА Китай также активно использует «мягкую силу». Наиболее масштабным проектом в этой области является создание сети Институтов Конфуция в среднеазиатских государствах, на что тратятся миллионы долларов. Так, в 2020 г. КНР планировала открыть более тысячи таких учреждений по всему миру, включая Центрально-Азиатский регион.

На пропаганду притягательности сотрудничества с Поднебесной Пекин тратит до 10 млрд долл. в год (из которых 7 млрд долл. — приходится на зарубежное вещание). При этом немалые суммы направляются на финансирование образовательных проектов в республиках ЦА, а также на обмен студентами и преподавателями. К примеру, в 2018 г., по данным Министерства образования Китая, в КНР было зарегистрировано 1784 студентов из Казахстана⁸⁹. В 2019 г. в Узбекистане прошла выставка китайского высшего образования, спонсорами которой стали Китайский стипендиальный совет, Посольство Китая в Узбекистане и Министерство высшего и среднего специального образования Узбекистана. На тот момент около 6500 студентов из Узбекистана обучались в Китае. Также в Узбекистане планируют открыть несколько филиалов университетов Китая. Помимо этого, Всемирная организация *China Campus Network*, объединяющая 28 китайских университетов, объявила для студентов из ЦА о дополнительных местах в своей программе. Эта организация обязуется обучать китайскому языку до начала программы и помочь с трудоустройством в ведущих китайских компаниях после окончания учебы⁹⁰.

В целом образование в Китае для студентов из республик ЦА является привлекательным по нескольким причинам: большое количество китайских стипендий для иностранных студентов частично или полностью покрывают обучение в Китае; их визовая и иная поддержка, предоставление жилья в об-

жежитиях; возможность получения знаний китайского и английского языков; благоприятные перспективы дальнейшего трудоустройства из-за бизнес-связей и инвестиций Китая в республики ЦА. Студенты, получившие китайское образование и обслуживающие китайские предприятия и компании, также вовлекаются в экономику своей страны⁹¹. А для усиления китайского влияния в республиках ЦА в некоторых вузах КНР для молодых китайских экспертов преподается учебный предмет «Народная дипломатия» в целях подготовки к их деятельности в странах ЦА в будущем⁹².

И все же успешному проникновению Китая в регион мешают сложности в освоении китайского языка и значительный уровень негативных настроений по отношению к росту влияния Китая в ЦА со стороны местного населения. Поэтому Китай, понимая важность взаимодействия с народными массами, старается привлечь их на свою сторону с помощью гуманитарных акций. К примеру, в апреле 2020 г. Таджикистан получил от Китая для борьбы с коронавирусом несколько партий противоэпидемических грузов с тестами и защитными средствами.

Что касается военно-стратегических аспектов ЦА, то китайское военно-политическое руководство учитывает то обстоятельство, что этот регион играет важную роль в обеспечении военной безопасности КНР. Он является для Пекина своего рода «стратегической тыловой зоной» в нарастающем противостоянии с Вашингтоном. Поэтому в своей внешнеполитической стратегии Китай, помимо среднеазиатских стран, уделяет особое внимание Афганистану и поддерживает прочные политические, экономические и военные связи с Пакистаном.

Это связано с тем обстоятельством, что вывод в 2020 г. американских войск и их союзников из Афганистана создает новую геополитическую ситуацию не только в этой стране, но и в субрегионах Азиатского региона, открывая перспективы для активного воздействия на ситуацию в ИРА со стороны ШОС, наблюдателем в которой является Афганистан. Его участие в проекте ОПОП позволит соединить энергоизбыточную ЦА с другими субрегионами Азии, испытывающими недостаток в энергоресурсах. А реализация проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор» обеспечит прямой выход Китая к побережью Индийского океана и далее — к Ближнему Востоку и Европе при помощи морской составляющей проекта ОПОП, который помогает создавать ориентированную на Китай систему экономической и инфраструктурной интеграции в Евразии. К этому следует добавить, что более весомое участие Пакистана в стабилизации обстановки в ИРА будет способствовать разрядке напряженности в районе Кашмира, негативно влияющей на пространство Организации.

Однако это не означает, что Пекин стремится навязывать Кабулу свою волю как ему проводить внешнюю и внутреннюю политику после вывода сил западной коалиции из страны. У Китая есть иные причины для тревоги — в провинции Бадахшан уже не раз были замечены боевики ИГИЛ, часть из которых уйгуры, которые раньше воевали под знаменами ИГИЛ в Сирии и Ираке. И если они обоснуются в Бадахшане, то смогут перебрасывать в при-

границные районы Китая отряды своих боевиков по Ваханскому коридору в СУАР, где существует достаточно мощное сепаратистское движение с исламской спецификой. Поэтому Пекин намерен создать свою военную базу в Бадахшане.

Что касается экономических аспектов взаимодействия Пекина и Кабула, то здесь необходимо отметить тот факт, что китайские корпорации China Metallurgical Group Corp., Jiangxi Copper Corporation и Zijin Mining Group Company выиграли тендер на разработку одного из крупнейших месторождений меди в мире в Айнаке (сделка в 3,5 млрд долл. считается крупнейшей в истории Афганистана). Кроме того, в ИРА находятся практически неразработанные залежи нефти (около 1,6 млн баррелей) и природного газа (15,7 трлн куб. м), для добычи которых КНР активно вкладывает свои средства, одновременно являясь крупнейшим инвестором в другие отрасли экономики страны. Помимо этого, в ИРА Китай поставляет лёгкое вооружение, боеприпасы и военную форму, а военнотружущие НОАК периодически проводят совместное патрулирование с афганскими подразделениями в предгорьях Памира. В связи с этим актуальным на сегодняшний день является вопрос — насколько серьезно КНР намерена втягиваться в афганские проблемы после вывода американских войск из страны? Эксперт В. Кашин полагает, что «китайское присутствие в ИРА, скорее всего, будет смоделировано по образцу российского присутствия в Сирии — взаимодействие с властями талибов в Кабуле и поддержка дружественных связей с местными властями»⁹³. При этом у Китая есть козырь, которого не было у США — лояльный Пакистан, способный влиять на талибов.

Значение Центрально-Азиатского региона для национальных интересов России

Интересы России в регионе могут быть охарактеризованы как ее непосредственные национальные интересы. К примеру, в сфере военной безопасности РФ территория ЦА используется в военно-стратегических целях (космодром Байконур, полигон ПРО в районе Сарышгана, аэродромы в районе Семипалатинска, Жангиз-Тюбе, и Жана-Семей, узлы системы ПРН в районе мыса Гульшад и другие объекты). ВС РФ совместно с армиями Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана отвечают за военную безопасность южного фланга стран — участниц ОДКБ. И в случае вторжения боевиков на территорию ЦА со стороны Афганистана, ВКС и спецназ ВС РФ окажут поддержку своим союзникам по ОДКБ с последующим развертыванием оперативных сил. Россия также является поставщиком современных вооружений, сотрудничества на льготных условиях для членов ОДКБ.

В регионе расположены важные нефтегазопроводы, проходящие в Европу и в АТР, и коммуникации, обеспечивающие экономическую безопасность РФ. Этот регион обладает ёмким рынком для российской обрабатывающей промышленности, а его коммуникации обеспечивают пропуск экспортно-импортных российских грузов в АТР. Кроме того, в среднеазиатских республиках до сих пор находится значительная русскоязычная диаспора.

Поэтому происходящие в странах региона процессы непосредственно затрагивают не только российские интересы, связанные с обеспечением стабильности южных рубежей страны, но и созданием условий для хозяйственного развития районов РФ, примыкающих к ЦА. При этом рабочий рынок России является своеобразным «спасательным кругом» для избыточных трудовых ресурсов из стран ЦА, где для них нет работы.

В свою очередь, для среднеазиатских республик Россия является источником инвестиций, а ее территория — транзитным путем для выхода продукции республик на рынки европейских стран. Поэтому страны региона заинтересованы в развитии экономических, военных, научно-технических и иных связей с РФ и совместно с ней они являются сторонниками коллективной системы безопасности.

Ведущий сотрудник ИМЭМО РАН Э. Соловьев полагает, что «для более благоприятного позиционирования России в ЦА сегодня, как никогда, требуется усиление комплекса мер мягкой силы»⁹⁴. К этим мерам относятся: создание более широких общественных и экономических связей, привлечение финансовых ресурсов российских бизнес-структур к различным образовательным и культурным проектам в ЦА, что является важным фактором обеспечения их безопасности и экономическим локомотивом развития. В настоящее время сильной составляющей этих элементов является успешная наработка контактов России с азиатскими бизнес-структурами и их информирование о российских предложениях, что особо важно для азиатских экспортеров энергоресурсов. А такие организации, как «*Россотрудничество*», «*Русский мир*», подразделения российских университетов и РАН вносят свой значимый вклад в образование и науку среднеазиатских стран.

При этом оказываемая Россией гуманитарная помощь государствам ЦА является весьма существенной. Так, с 2008 по 2019 г. она безвозмездно помогла странам региона на сумму, превышающую 6 млрд долл. Эта цифра включает в себя помощь, оказанную на двусторонней основе (более 4 млрд долл.), а также деньги, которые выделялись Москвой по линии международных организаций — ООН, Всемирного банка и ЕАЭС. И это, не считая списанных Россией задолженностей. Однако в октябре 2020 г. Москва приостановила свою финансовую помощь Бишкеку, так как на тот момент в Кыргызстане из-за массовых беспорядков, начавшихся после парламентских выборов, фактически не было легитимных органов власти, которые могли бы нести ответственность за эффективное использование выделяемых Россией средств⁹⁵.

Что касается гуманитарного взаимодействия России со странами ЦА, то в вузах РФ ежегодно обучаются более 160 тыс. их граждан. При этом РФ оплачивает из своего бюджета обучение около 59 тыс. студентов из среднеазиатских республик, что обходится казне в 100 млн долл. в год⁹⁶.

Россия также оказывает помощь странам региона в борьбе с коронавирусом. К примеру, в 2020 г. тысячи тест-систем для диагностики COVID-19 и несколько партий технических средств были переданы РФ Казахстану и Кыргызстану.

Что касается последних событий в Афганистане, то действия России в этой стране являются продолжением ее ближневосточной стратегии, давшей ей политическую и военную выгоду и превратившей Москву в ключевого актора в урегулировании конфликта в Сирии. Поэтому по аналогии с этой стратегией Россия будет стремиться укрепить свои позиции в Афганистане после того, как власть в стране оказалась в руках Талибана. Этому способствуют дружественные отношения Москвы с Кабулом, Исламабадом и Нью-Дели, что позволяет ей выступить гарантом в сделке в «треугольнике» Афганистан—Пакистан—Индия.

Подводя итоги анализа геополитического и экономического значения Центральной Азии для нерегиональных акторов, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, в XXI веке этот регион стал играть всевозрастающую роль на политическом и экономическом пространстве Евразии. Однако его развитию мешают факторы, негативно влияющие на обстановку в регионе: сохраняющиеся кризисные тенденции экономического и социального развития государств региона; противоречия, дестабилизирующие как внутривнутриполитическое, так и внешнеполитическое положение среднеазиатских республик, и наличие территориальных проблем между ними; появление в ЦА террористических и экстремистских движений и групп. В дополнение к этим факторам в регионе нарастает политическая и экономическая борьба нерегиональных акторов, которые включились в региональные процессы с целью обеспечить себе выгодные позиции в борьбе за энергоресурсы региона и за транспортные артерии ЦА, ведущие в Европу и в АТР.

Во-вторых, основные усилия США в Центральной Азии сосредоточены на нескольких направлениях: продолжение стратегии, нацеленной на сдерживание КНР, и стимулирование реформ в республиках ЦА по западному образцу с целью недопущения их интеграции с Россией; воспрепятствование превращению ШОС и ОДКБ в дееспособные структуры, способные противостоять США; экономическое закрепление в регионе для контроля газовых и нефтяных месторождений и их экспорта в другие страны; создание в ВС ЦА подразделений по американским стандартам для их участия в совместных операциях с НАТО за рубежом.

В-третьих, интерес Китая заключается в обеспечении доступа к энергетическим ресурсам Центральной Азии и защиты безопасности своих приграничных районов от проникновения туда террористических групп. По сравнению с США Китай обладает рядом преимуществ в регионе за счет влияния его «мягкой силы» на политические и экономические структуры региона, что способствует сбыту китайской продукции на среднеазиатском рынке. При этом Пекин относится к внутренней политике стран региона с высокой лояльностью, что также содействует углублению их отношений с Китаем. А среднеазиатские государства рассматривают Поднебесную в качестве финансового донора для развития национальной экономики.

В-четвертых, внимание России к региону Центральной Азии обусловлено ее непосредственными национальными интересами. Этот регион является

важным стратегическим плацдармом для военных интересов РФ и ёмким рынком для российской обрабатывающей промышленности, а его коммуникации обеспечивают пропуск экспортно-импортных российских грузов по дорогам в АТР. Поэтому для реализации национальных интересов в регионе Россия успешно использует свою военную и экономическую помощь странам ЦА, что в совокупности с ее «мягкой силой» позволяет оставаться главным нерегиональным актором в среднеазиатских республиках. А военные возможности ВС РФ позволяют укрепить веру среднеазиатских союзников России по ОДКБ в их способность обеспечить национальную безопасность ее членов в случае обострения военной ситуации в регионе.

2.5. Американская стратегия США в АТР как вызов национальным интересам КНР и РФ

В связи со стремительно растущей значимостью Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) для национальных интересов акторов «стратегического треугольника» их политика и стратегия направлена на обеспечение их национальных интересов в этом регионе.

Индо-Тихоокеанская концепция и стратегия США

В 2017 г. администрация Трампа издала ряд документов, излагающих основы американской политики в современном мире. Среди них важным документом является «Стратегия национальной безопасности», которая была опубликована в конце 2017 г.⁹⁷

Немалое место в ней уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону, в котором Д. Трамп был намерен проводить «Индо-Тихоокеанскую стратегию». По его замыслу, она расширяет понятие АТР. Но в реальности это означает расширение присутствия США в регионе за счет усиления американской политики военными средствами (рис. 2.5.1).

Это связано с тем, что Пекин усилил деятельность в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, разместив там свои военные базы на спорных территориях, которые находятся под его контролем⁹⁸. В целом Китай претендует на 90 % акватории Южно-Китайского моря. Однако эти претензии были оспорены Международным судом в Гааге в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву. Он отверг все притязания Китая в июле 2016 г.⁹⁹ Отказавшись признавать это постановление суда, Пекин подтвердил «непререкаемый» китайский суверенитет над этими территориями. Поэтому в ближайшем будущем маловероятным представляется, что удастся распутать клубок противоречий между странами, претендующими на спорные территории в Восточно-Китайском море. Так, КНР оспаривает претензии Японии на острова Сенкаку, которые по-китайски называются Дяоюйдао.

Следует отметить, что администрация Трампа заимствовала «Индо-Тихоокеанскую стратегию» в качестве термина у японского премьер-министра Синдзо Абэ, который впервые сформулировал эту концепцию в речи 2007 г. в

Рис. 2.5.1. Военные базы США и КНР в Восточной Азии.

Источник: URL: http://dergachev.ru/images/301016_002.jpg

индийском парламенте во время своего первого срока пребывания на посту премьер-министра Японии: «Сегодня Тихий и Индийский океаны оказывают взаимное влияние друг на друга, обеспечивая свободу и процветание. «Большая Азия», вышедшая из своих географических границ, начинает приобретать ясные очертания. У наших двух стран есть возможность позаботиться о том, чтобы она расширилась ещё больше. Наша ответственность — пестовать и обогащать это пространство двух океанов, превращая его в пространство открытости»¹⁰⁰. При этом Трамп в мире проводит американскую протекционистскую политику, выражая неприятие к тому, что он называет «глобализмом», хотя в официальных заявлениях США повторяют постулат о важности «порядка, основанного на правилах».

Первое разъяснение по «свободной и открытой Индо-Пасифике» было дано министром обороны США Джеймсом Мэттисом на ежегодном Азиатском саммите по безопасности (Диалог Шангри-Ла). На нём Мэттис очертил четыре основные темы, в значительной степени совпадающие с японскими, австралийскими и индийскими: «море — это всеобщее благо, а морские линии сообщения — это артерии экономической жизни, необходимые всем.

США будут помогать партнёрам в деле создания морского потенциала и обеспечения соблюдения норм права с целью мониторинга и защиты существующего порядка на море, а также интересов; мы будем добиваться большей интегрированности наших вооружённых сил с вооружёнными силами других государств; и поддерживаем укрепление верховенства права, гражданского общества и открытости регулирования; США будут совершенствовать финансовые институты и институты развития, признавая необходимость наращивания инвестиций, включая инфраструктурные»¹⁰¹.

При этом США укрепляют свои оборонные связи с Индией, как на двусторонней основе, так и посредством проведения ежегодных военных учений США, Японии и Индии «Малабар». Кроме того, объявив в 2015 г. об Инициативе в области морской безопасности Юго-Восточной Азии стоимостью в 425 млн долл., США всё больше помогают ключевым государствам АСЕАН наращивать свои возможности на море. Речь идёт, о Вьетнаме, Филиппинах, Малайзии и Индонезии — в ответ на действия Китая в Южно-Китайском море. Эти усилия координируются с Японией и Австралией.

Однако стремление реализовать в АТР американскую стратегию уравнивания действий Китая и укрепления порядка наталкивается на множество противоречий. Прежде всего, в регионе продолжается тренд дальнейшего расхождения между процветающей экономикой и усугубляющимися проблемами в сфере безопасности. В экономическом отношении в АТР усиливается интеграция: более 53 % всей торговли осуществляется внутри региона, растут межрегиональные инвестиции, а экономика региона оценивается в 20 трлн долл. Вместе с тем в регионе наблюдаются проблемы в области безопасности: он изобилует территориальными спорами, атмосферой недоверия, усиливающимся национализмом. В связи с этим в начале XXI века в регионе началась гонка вооружений, особенно на море. Хотя темпы роста военных расходов в мире замедляются, страны Азии тратят на оборону существенно больше, чем европейские государства.

При этом Китай является крупнейшим торговым партнёром любой экономики в АТР: Японии, РК, стран АСЕАН, Индии и Австралии. Экономические закономерности дают основания с гораздо большей вероятностью предположить появление всеобъемлющей экономической архитектуры в регионе, чем инклюзивной структуры в сфере безопасности. Помимо торгового компонента, китайская инициатива «Один пояс, один путь» обладает привлекательностью для региона и по другим причинам, тем более что Пекин активно развивает различные проекты от Южной Азии до стран АСЕАН. Хотя усиливающаяся деятельность Китая в регионе и тактика принуждения, к которой он время от времени прибегает, вызывают определённое недовольство, мало кто видит какую-либо иную альтернативу необходимости договариваться с Пекином.

Таким образом, в интерпретации Вашингтона, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) — это обширное пространство «от западных берегов Индии до западного побережья США»¹⁰². Этот регион нужен США для того, чтобы сбалансировать усиление Китая в Восточной Азии, которая является естествен-

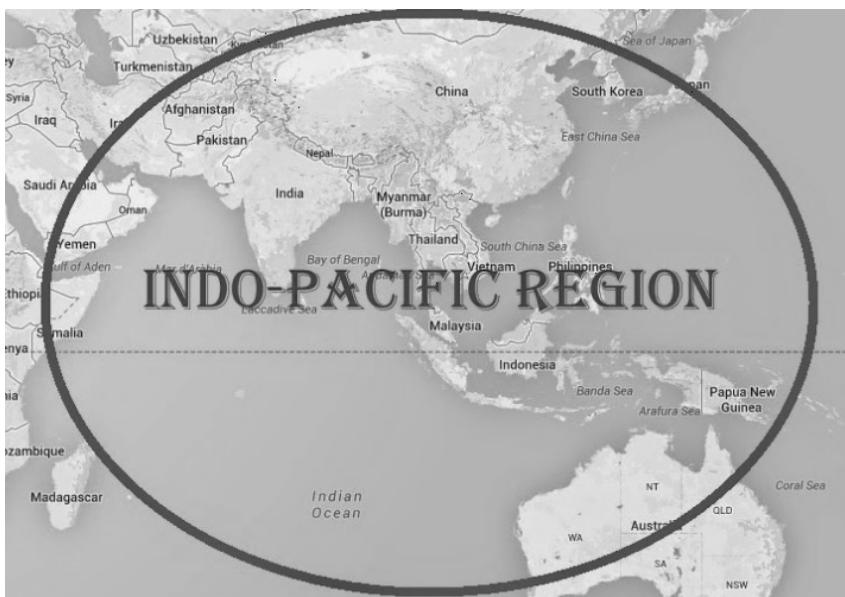

Рис. 2.5.2. Индо-Тихоокеанский регион: США на пространстве двух океанов.

Источник: URL: http://politanalyse.com/wp-content/uploads/2018/07/indo_pacific_region1.jpg

ной осью АТР. И тот, кто контролирует Восточную Азию, управляет АТР, и впоследствии — целым миром. Поэтому нарезка ИТР практически соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США (рис. 2.5.2).

Как считает эксперт Российского совета по международным делам И. Кравченко: «Для Трампа важно установить тесное взаимодействие с ведущими странами в регионе. Речь идет об оси, соединяющей США, Индию, Японию, Южную Корею и Австралию с учетом их противоречий с Китаем, который строит новые острова в Южно-Китайском море для создания там военных баз. Пекин также активно спонсирует портовые проекты в Пакистане и на Шри-Ланке. Рост влияния Китая в АТР вызывает озабоченности у Индии и других стран региона, у которых есть нерешенные вопросы с КНР»¹⁰³.

Его правопреемник на посту президента США Джо Байден также назвал главным геополитическим вызовом США в XXI веке отношения с Китаем. Это означает, что основным полем внешнеполитической деятельности Вашингтона остаётся Индо-Пацифика и реализация внешнеполитической концепции Трампа касательно «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», цель которой — сдерживание лидерских амбиций и возможностей КНР с опорой на коллективную поддержку союзников и партнёров Америки. Во «Временном стратегическом руководстве» говорится о том, что Китай стал «более напористым» и является единственным конкурентом США, способным объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и техно-

логическую мощь, чтобы бросить вызов стабильной и открытой международной системе. В документе указаны основные направления противодействия КНР: «Мы будем бороться с несправедливой и незаконной торговой практикой, киберворовством и принудительными экономическими методами, которые наносят ущерб нашим передовым и новым технологиям и стремятся к подрыву нашего стратегического преимущества и национальной конкурентоспособности»¹⁰⁴.

Это связано с тем, что претензии Китая в качестве экономического гегемона, а в перспективе — на мировое лидерство воспринимаются американскими стратегами как подрыв основ существующего мироустройства во главе США. Поэтому в своей военной политике Вашингтон оценивает Китай как государство, ведущее скрытную войну против США с целью замены их в качестве сверхдержавы. Ссылаясь на работы председателя КНР Си Цзиньпина, участники форума по безопасности в Колорадо (2018 г.), характеризовали эту войну как отличающуюся от противостояния СССР и США времен «холодной войны» по своим целям и использованию средств для подрыва позиций Америки, не скатываясь к открытому конфликту с ней.

Исходя из этого, лейтмотив многих официальных заявлений американских политиков таков: Китай как соперник Соединённых Штатов неизмеримо опаснее России, поскольку концентрирует усилия на превращении в самое влиятельное государство мира. Также высказываются опасения по поводу возможности новой «холодной войны» между США, с одной стороны, и альянсом РФ и Китая — с другой¹⁰⁵.

Как считает политолог Г. Эллисон, «риск возникновения такого конфликта повышается из-за цивилизационной несовместимости США и КНР, усугубляющей их конкуренцию и затрудняющей взаимодействие на региональном уровне, где важнейшим плацдармом в соперничестве США и Китая является Восточная Азия»¹⁰⁶. А наращивание Китаем военного присутствия в Южно-Китайском море расценивается США как его стремление расширить свое военное влияние, создав плацдарм для контроля над морскими коммуникациями в этом районе океана, позволяющий максимально удалить тихоокеанскую группировку ВМС США от КНР и тем самым поставить под вопрос их превосходство в западной части Тихого океана. Подтверждением тому является создание в 2017 г. зарубежной военной базы НОАК в районе Джибути, свидетельствующее о наличии потенциала не только для регионального, но и глобального проецирования военной силы КНР¹⁰⁷.

В экспертном сообществе США существует консенсус в оценке роста военного потенциала Китая и его активной политики как долгосрочный стратегический вызов доминированию США в регионах мира. Если в начале этого века в США преобладало мнение о необходимости в отношениях с КНР следовать сбалансированной политике, сочетающей элементы ее сдерживания и достижения взаимоприемлемых соглашений по спорным вопросам, и Пекину предлагалось реализовать идею создания тандема «G-2» для формирования нового миропорядка, то во втором десятилетии XXI века такой подход перестал служить интересам США. Отношения с Китаем стали рассматриваться

Вашингтоном с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния, где делается ставка на сдерживание внешнеполитической активности КНР.

Это сдерживание осуществляется по нескольким направлениям: усиление присутствия США в АТР; укрепление силового потенциала их союзников и партнёров в регионе для противовеса растущей мощи КНР; сужение пространства для геополитического маневрирования КНР путём включения государств, расположенных по периметру китайских границ, в американские альянсы и зоны их влияния. Для этого администрация Д. Трампа акцентировала свое внимание на укрепление партнёрства «трех демократий вокруг Китая» — Японии, Австралии и Индии. А администрация Байдена способствовала созданию военно-политического союза AUKUS для сдерживания активности Китая в АТР, отвечающего и интересам Индии, которая борется с Китаем за региональное лидерство.

Пока Нью-Дели ведет себя в отношении Пекина достаточно осторожно, и нет оснований говорить о том, что Индия отказалась от своей линии «стратегической автономии», которая подразумевает избегание тесных альянсов с великими державами. Показательно и то, что Нью-Дели не готов участвовать в совместном патрулировании с ВМС США в Южно-Китайском море для поддержания свободы мореплавания, чего очень бы хотели в Вашингтоне. Кроме того, в июне 2017 г. Индия стала полноправным членом ШОС наравне с Китаем и Россией.

Помимо Китая, фактором, существенно влияющим на американскую стратегию в АТР, является Северная Корея, чья ракетно-ядерная программа представляет угрозу США. Это отразилось на их отношениях с КНДР, Китаем и Японией. На пресс-конференции 6 ноября 2017 г. премьер-министр Японии и президент США заявили, что будут усиливать давление на КНДР, которая продолжает разрабатывать ядерное оружие. Они также объявили, что Япония и США будут осуществлять совместную стратегию в ИТР¹⁰⁸.

По мнению сенатора-республиканца Тома Коттона, наличие ядерной Северной Кореи выгодно Пекину, так как это отвлекает внимание США от экономической экспансии и других действий, предпринимаемых Китаем в АТР¹⁰⁹. Ему вторит политик Пол Рон, который считает, что «в одиночку Китай и Россия очень уязвимы, но вместе они дополняют друг друга и сильны, что представляет прямую угрозу для США»¹¹⁰.

Это сказывается на направлениях противоборства с КНР и РФ, где первым направлением является наращивание экономического и военного потенциалов США за счет ускорения роста и модернизация экономики, укрепления вооруженных сил и создания «мобилизационного» резерва техники и вооружения, который будет необходим, если противостояние с РФ и КНР перейдет в «горячую фазу». Вторым направлением является перевод военно-стратегической конкуренции с Китаем и Россией в новые области, способные обеспечить доминирование США на следующие десятилетия, в первую очередь в космосе и киберпространстве. Еще одним направлением будет попытка задействовать проамериканский альянс против своего главного конку-

рента — Китая, используя для этого Индию, Японию и иные государства. Однако их желание стать инструментом США в противостоянии с КНР, а тем более с Россией на стороне Китая — неочевидно¹¹¹.

Тем не менее, реализация стратегии ИТР представляет вызов для китайских национальных интересов в АТР¹¹². Она подразумевает неприятие инициативы КНР «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП), которая, по мнению Вашингтона, создает угрозу экономического доминирования Китая в Азии¹¹³. Это также свобода действий ВМС США на акваториях Тихого и Индийского океанов в соответствии с принципом «свободы мореплавания». При этом попытки Пекина установить суверенитет над Южно-Китайским морем, а также его территориальные споры в регионе рассматриваются Вашингтоном как посягательство на принцип «свободы и открытости». В стратегию ИТР укладываются и адресуемые КНР обвинения США в «подрыве суверенитета соседних стран» и превращении их в свои «сателлиты»¹¹⁴.

Что касается России, то в настоящее время в Тихом океане позиции РФ, кроме военных, не особенно сильны, а в Индийском они отсутствуют. Однако они присутствуют в регионах Азии, намеренно исключенной Трампом из нарезки ИТР, где соперничество между Москвой и Вашингтоном нарастает. Это касается важнейшего субрегиона АТР — Северо-Восточной Азии (СВА), которая превращается в мощный плацдарм роста и является перекрестком геополитических интересов РФ, КНР и США. В процессах, происходящих в СВА, все большую роль играют транснациональные политические и экономические организации (БРИКС, ЕАЭС и ШОС), где Россия и Китай имеют важное значение, что не по нраву Вашингтону. В стратегическом плане Россия в этом субрегионе является «северным тылом Китая» и альтернативой для поставок энергоресурсов в КНР в случае их блокады ВМС США в Персидском заливе и в акваториях Африки¹¹⁵.

Приоритеты политики России в регионе и перспективы отношений с Китаем

Оценивая приоритеты российской политики в АТР, их можно суммировать следующим образом. Во-первых, повышение качества российско-китайского сотрудничества. Прежде всего — в экономической, научно-технической и гуманитарной областях. Во-вторых, максимальная «диверсификация» экономических и политических и иных связей России в АТР, включая его субрегионы. Тесное сотрудничество с КНР не исключает для России возможности стратегического партнерства с Индией, сотрудничества с Японией и странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. В-третьих, преодоление наметившихся сложностей в Азии и в акватории Тихого и Индийского океанов. В-четвертых, недопущение военного конфликта на Корейском полуострове с сохранением долгосрочной цели превращения полуострова в безъядерную зону. В-пятых, активизация участия России в режимах обеспечения безопасности в АТР.

Что касается перспектив развития российско-китайских отношений, то в этой области сохранится тенденция укрепления позитивных отношений. Од-

нако качественных прорывов здесь ожидать вряд ли стоит, так как постепенно будет нарастать асимметрия сотрудничества РФ и КНР в торгово-экономической сфере: китайские инвестиции в большем объеме поступают в Россию, чем российские в Китай. Тем не менее, такая модель сотрудничества важна для России с учетом западных санкций против неё¹¹⁶.

При этом политическая повестка будет превалировать над торгово-экономической, где надо решить проблемы разбалансированности уровней сотрудничества, создания финансовой системы, которая страховала бы КНР и РФ от использования Вашингтоном их финансовой зависимости от США. В рамках ШОС возможно дальнейшее продвижение в сторону сопряжения российской инициативы ЕАЭС и китайской инициативы ЭПШП, которые обеспечат выход Организации на глобальный уровень развития за счет реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов в Евразии. В связи с этим директор Департамента стран Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунюнь отметил, что «Москва и Пекин координируют свою внешнюю политику по всем направлениям. И как бы ни изменилась международная ситуация, наш курс на углубление всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия не изменится».

Касаясь размещения американской системы ПРО ТНААД в Южной Корее, глава КНР Си Цзиньпин заявил, что действия американцев нарушили стратегический баланс в регионе и нанесут серьезный ущерб Китаю и России, которым придется принимать адекватные меры для защиты безопасности обеих стран. В связи с этим Россия помогает Китаю создать собственную систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН), о чем в 2019 г. заявил президент РФ В. Путин. Контракт на участие России в разработке этой системы оценивается в 60 млрд долл. и будет реализовываться российскими специалистами на предприятиях концерна «Алмаз-Антей». Вслед за разработкой программного обеспечения Россия будет выполнять и другие заказы Китая в создании СПРН, прежде всего, в области технологий, которые пока не в состоянии разрабатывать китайские специалисты. Развитие этой системы имеет для КНР стратегическое значение, поскольку в настоящее время такими системами обладают лишь США и Россия. Китай также стремится к созданию системы, обеспечивающей своевременное предупреждение о ракетных ударах со стороны вероятного противника. Тем более, что Вашингтон своими действиями дал ясно понять Пекину — между ними начинается гонка вооружений¹¹⁷.

Если военно-политическая обстановка в мире будет меняться в худшую сторону и угрожать национальным интересам Китая и России, они могут пойти на создание общей СПРН, которая станет мощнейшей в мире, охватив большую часть территории Евразии. При этом Китай сможет использовать преимущества России в арктическом направлении, которое является одним из наиболее вероятных для ракетно-космического удара по Китаю со стороны США. ВС РФ, контролирующие это направление своими системами ПВО и ПРО, могут минимизировать этот риск в том случае, если СПРН двух государств будут функционировать как единая система.

Военное сотрудничество между РФ и КНР развивается и по другим направлениям, включая подготовку китайских военнослужащих НОАК в учебных центрах ВС РФ. Свидетельством укрепляющихся связей по военной линии являются проводимые на регулярной основе совместные учения: «Морское взаимодействие» и «Мирная миссия». ВМФ России и ВМС Китая также тесно взаимодействовали в обеспечении безопасности российских конвоев, которые вывозили из Сирии химическое оружие.

Помимо этого, проводятся ежегодные проведения учений сухопутных войск двух стран в рамках подготовки к совместным действиям в случае обострения ситуации в Центральном-Азиатском регионе. Свидетельством этому является привлечение подразделений НОАК к участию в стратегических учениях «Восток» в 2018 г. В 2019 г. крупные российские военные учения «Центр-2019» тоже проходили с участием китайской армии, которая была представлена 3,5 тыс. военнослужащих, 30 самолетами, 900 единицами тяжелой техники и вооружения. В 2019 и 2021 гг. ВВС Китая и ВКС России участвовали в совместном воздушном патрулировании над акваториями Восточно-Китайского и Японского морей. Эти действия двух стран привели к крайне негативной реакции со стороны Японии и Южной Кореи, увидевших в подобных действиях серьезную угрозу их национальной безопасности. К такой реакции их подталкивает Вашингтон, весьма обеспокоенный не только наращиванием Россией и Китаем военного потенциала, но и развивающимся военно-техническим сотрудничеством двух государств.

При этом, по мнению Си Цзиньпина, у них с президентом РФ «сложилась тесная рабочая связь и добрые личные отношения. Они встречаются примерно пять раз в год, что придает импульс развитию китайско-российских отношений»¹¹⁸. В свою очередь, В. Путин в приветственном слове участникам церемонии открытия Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества отметил масштабность этого проекта, который позволит реализовать перспективные инициативы. Эти годы, заявил он, призваны укрепить взаимовыгодные связи между российскими регионами и провинциями Китая. В рамках проекта в 2020 г. были проведены сотни мероприятий, в том числе контакты в ходе Петербургского международного экономического форума, Восточного экономического форума и Российско-Китайской ЭКСПО¹¹⁹. 15 декабря 2021 г. состоялись очередные переговоры лидеров РФ и КНР в режиме видеоконференции, на которой был дан старт строительству российскими специалистами в Китае четырех новых энергоблоков атомной электростанции. Си Цзиньпин подсчитал, что начиная с 2013 г., это была его 37-я встреча с В. Путиным¹²⁰.

Сценарии будущего Азиатско-Тихоокеанского региона

Основным опасением государств АТР является необходимость выбирать между США и Китаем. Одно дело перестраховываться от неопределённости вокруг долгосрочности присутствия США в регионе и усиливающейся роли Китая, и совсем другое дело — делать выбор, на чью сторону встать в случае кризиса или военного конфликта в ключевых очагах напряжённости, напри-

мер, в Южно-Китайском море, в китайско-индийском конфликте, в ситуации вокруг Тайваня или на Корейском полуострове. Один лишь географический аспект этого вопроса вызывает опасение государств АТР, так как Китай граничит с 14 странами на азиатском континенте, а США имеют свои форпосты на удалённых островах, таких как Гуам.

В любом случае государства АСЕАН действуют на основе консенсуса и соблюдают нейтралитет до такой степени, что оказываются политически парализованными в споре в Южно-Китайском море, при том, что четыре её члена имеют территориальные споры с Китаем. С аналогичными дилеммами сталкиваются Австралия, торговля которой с Китаем была стимулятором её экономического роста, Республика Корея, надежды которой, связанные с решением северокорейской ядерной проблемы и воссоединением с КНДР, требуют сотрудничества с крупнейшим торговым партнёром — Китаем.

Даже для США навешивание на Пекин ярлыка «стратегический конкурент» выглядит чрезмерным упрощением с учётом их сложных и разноплановых отношений с Китаем, с которым ежегодный торговый оборот составляет 600 млрд долл., а объём инвестиций в китайскую экономику достигает почти 100 млрд долл., при этом имеется необходимость в сотрудничестве по Северной Корее и другим международным вопросам.

В свете изложенных выше факторов, влияющих на Индо-Тихоокеанскую стратегию США, необходимо рассмотреть альтернативные сценарии до 2025 г., что позволит лучше понять динамику развития региона — от наиболее оптимального к менее желаемому:

Первый сценарий — отчасти кооперативный, отчасти конкурентный. Этот сценарий включает консенсус на основе экономических реформ в Китае; открытие китайского рынка для большего объёма прямых иностранных инвестиций в отраслях, где пока существуют ограничения; снижение субсидий для государственных предприятий; заключение двусторонних инвестиционных договоров с США и ЕС с гарантией взаимных инвестиций; поддержку цифровой торговли ВТО и других технологических соглашений.

В области безопасности этот сценарий включает разрешение ядерной проблемы Северной Кореи за счёт сотрудничества и возобновления шестисторонних переговоров, достижение договорённости между США, Китаем, РК и КНДР о сокращении вооружений и заключение мирного договора между США и властью талибов в Афганистане. Под эгидой ШОС в этой стране будет развиваться сотрудничество органов власти Талибана с приграничными государствами по борьбе с терроризмом и наркоторговлей, при условии отказа талибов от экспорта идей «Исламского халифата» в эти страны и ликвидации сил ИГИЛ на своей территории. Согласно этому сценарию, Индо-Тихоокеанский формат будет выступать в качестве консультационного механизма и дискуссионной площадки.

Второй — стагнация и застой. При нем в отношениях между Китаем, Индией и рядом других региональных государств будет происходить постепенный дрейф в сторону конфронтации и роста напряжённости в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Будет наблюдаться ограниченное

сотрудничество по Северной Корее при достижении промежуточного решения о сворачивании ядерной программы и программы создания межконтинентальных баллистических ракет, которые будут частично демонтированы и частично заморожены. Усилится экономическое соперничество Вашингтона и Пекина в вопросах торговли и передачи технологий. США и их партнёры-единомышленники продолжат своё давление на Китай, чтобы подтолкнуть его к более «нормативному» поведению в торговле и инвестициях. Индо-тихоокеанские партнёры США сосредоточатся на наращивании своих возможностей в сфере безопасности с целью нейтрализации Китая, если ситуация в американско-китайских отношениях зайдёт в тупик.

Третий — усиление напряжённости и конфронтации. В ходе реализации этого сценария торговая война между США и Китаем усугубится, причём обе стороны будут считать, что могут одержать в ней верх. Их торговые споры негативно отразятся на ситуации на фондовых рынках и замедлят экономический рост в регионе. После продолжительного периода конфронтации будут предприниматься умеренные шаги для частичного разрешения торгового конфликта. Одновременно будет расти военно-политическая напряжённость между Пакистаном и Индией по поводу спорных границ в Гималаях. Избегая прямого столкновения с Вашингтоном, Китай будет расширять свои возможности в АТР, выстраивая военную инфраструктуру на спорных островах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, предназначенную не столько для военных целей, сколько для мониторинга ситуации в этих морях. При этом Пекин будет стремиться «подтолкнуть» страны АСЕАН к легитимации де-факто существующего положения вещей, расширяя стимулы этих стран к сотрудничеству с ним. В свою очередь, Вашингтон будет активно использовать недовольство государств, граничащих с Китаем, освоением им спорных территорий, что будет способствовать перерастанию этого недовольства в конфликт. Цель США — через мобилизацию геополитических соперников Китая девальвировать значение создаваемой китайской военной инфраструктуры в ЮКМ, заставив его тратить ресурсы в соперничестве со странами Юго-Восточной Азии. При этом Индо-Тихоокеанский формат станет более активным форумом стратегического планирования США с целью противодействия политике Китая, блокирующего доступ во внутренние моря, и оказания нажима на других региональных акторов с целью настроить их против Китая.

Таким образом, анализ точек зрения политологов относительно стратегий главных действующих субъектов в АТР позволяет прийти к следующим **выводам** и определить ряд областей взаимодействия России и Китая в интересах купирования совместными усилиями угроз, которые несет им реализация Индо-Тихоокеанской стратегии США.

Во-первых, в АТР сохраняется высокая динамика развития ситуации в сфере безопасности. Об этом свидетельствуют активные попытки американской администрации реализовать свою стратегию ИТР в регионе; обострение ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове; вступление в ШОС Индии и Пакистана и внешнеполитический курс России, направленный на

углубление отношений с Китаем в регионе. Военно-политические альянсы в АТР — австрало-американо-японский «четырёхугольник» и AUKUS нацелены в этом регионе на долгосрочное сдерживание Китая и России. Главным актором в этих альянсах остаются США, которые направляют политику своих союзников в нужном для Вашингтона направлении.

Во-вторых, к ключевым угрозам России и Китаю и вызовам региональной безопасности в АТР в ближайшей перспективе относятся: закрепление в официальных документах США роли Китая и России в качестве соперников США в мире; нарастание российско-американских и американо-китайских противоречий; формирование Вашингтоном «большого Ближнего Востока» и вовлечение его стран в сферу своего влияния; расширение зоны ответственности США в «дуге нестабильности», включающей Афганистан, Пакистан, Индию и Иран; использование Соединёнными Штатами военной силы, политических, экономических, информационных и иных акций против неугодных государств для замены существующей власти на проамериканские режимы при помощи «цветных революций»; обострение споров вокруг Южно-Китайского моря и растущая военная активность США в акваториях Тихого и Индийского океанов; стагнация российско-индийских и китайско-индийских отношений, отсутствие диалога США с ШОС по вопросам безопасности; угроза распространения ядерного оружия в регионе и его непреднамеренного использования.

В-третьих, вполне очевидно, что с этими угрозами и вызовами для национальных интересов России и Китая Москве и Пекину не справиться в одиночку. Поэтому важно обеспечить совместными усилиями эффективность деятельности ШОС и БРИКС, создать общую систему безопасности в АТР и не дать Индии превратиться во врага Китая. В связи с этим заслуживают внимания предложения экспертов, знакомых с проблемами безопасности и деятельностью тех организаций, в которых Китай и Россия играют значимую роль, среди них на первом месте стоит ШОС. Мировой характер этой Организации проявляется в том, что в ней сопрягаются российский проект ЕАЭС и китайский проект ЭПШП. А когда Индия и Пакистан стали членами этой Организации, численность населения государств ШОС составила 63,4 % нашей планеты, суммарный ВВП участников ЭПШП — более 40 % мирового показателя. Как считает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шэн Шилян, ШОС, следуя примеру АСЕАН, целесообразно образовывать новые форматы сотрудничества типа «ШОС — плюс»: «ШОС + АСЕАН», «ШОС + ЕС», «ШОС + США» и т. д. для решения проблем региональной безопасности и других проблем на равноправной основе. Это может стать фундаментом оздоровления международных отношений на планете¹²¹.

В-четвертых, по мнению заместителя председателя Социально-демократической партии Казахстана «Азат» П. Своика, «в перспективе многополярное мироустройство будет напоминать русскую «матрешку», где ШОС будет играть роль «внешней» оболочки. Но как в ней будут соотноситься интересы Китая и России и как распределятся другие члены Организации — пока

под вопросом». По мнению директора армянского филиала Института стран СНГ А. Маркарова, выходом из сложившейся ситуации является реализация на практике сопряжения идеи евразийской интеграции и инициативы ЭПШП, которые обеспечат ШОС выход на глобальный уровень экономического развития за счет реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов ЕАЭС и Китая.

В-пятых, в рамках ШОС необходимо блокировать противоречия между её членами в двустороннем формате и углубить сотрудничество со странами-наблюдателями и странами-партнёрами диалога. Для этого необходима активизация диалога Индии, Пакистана и Китая на площадке ШОС с целью снижения их конфликтного потенциала в субрегионах АТР. Главная цель диалога — предотвращение возобновления вооруженного насилия между Индией и Пакистаном и ликвидация «дуги напряженности» в АТР¹²². Россия и Китай в целом одинаково оценивают существующие вызовы и угрозы для их интересов в мире — начиная от оценки американской стратегии в АТР, сирийского и афганского конфликтов и заканчивая северокорейским, где стороны придерживаются идентичной позиции. Поэтому им необходимо совместными усилиями реагировать на эти угрозы и принимать адекватные меры для защиты безопасности обеих стран, развивая двустороннее и многостороннее сотрудничество в структурах ООН, ШОС, АСЕАН и БРИКС.

2.6. Политика и стратегия США, РФ и КНР на Ближнем Востоке

Американская политическая стратегия в Ближневосточном регионе

В последнее время события на Ближнем Востоке, где сталкиваются национальные интересы США, России и Китая, все больше привлекают к себе внимание со стороны международного сообщества. При этом в последние годы в этом регионе наметилась однозначная тенденция снижения политических обязательств Соединенных Штатов в рамках их ближневосточной политики. Так, сменявшие друг друга администрации Обамы, Трампа и Байдена были вынуждены вводить все новые ограничения американского военного присутствия в регионе. К примеру — за последние 12 лет было сведено до минимума их присутствие в Ираке и Сирии. Вашингтон также отверг идею о прямом американском вооруженном вмешательстве в сирийский и йеменский конфликты (рис. 2.6.1).

Что еще более важно — в последнее время американское руководство предпринимало попытки дать идейное обоснование сокращению американского присутствия и в Ближневосточном регионе, и в мире в целом. И трамповская идея «сделать Америку снова великой», и байденовская концепция «внешней политики для среднего класса» предусматривают прекращение или, во всяком случае, сокращение до минимума американского вооруженного вмешательства в дела Ближнего Востока¹²³. В своей речи, посвященной

выводу американских войск из Афганистана, президент США Дж. Байден заявил, что Америка отказывается от бесконечных войн во имя «нациестроительства» и «расширения демократии». Вместо этого, по словам американского президента, Соединенные Штаты должны сосредоточить свои усилия на том, чтобы противостоять своим «истинным стратегическим конкурентам» — Китаю и России¹²⁴.

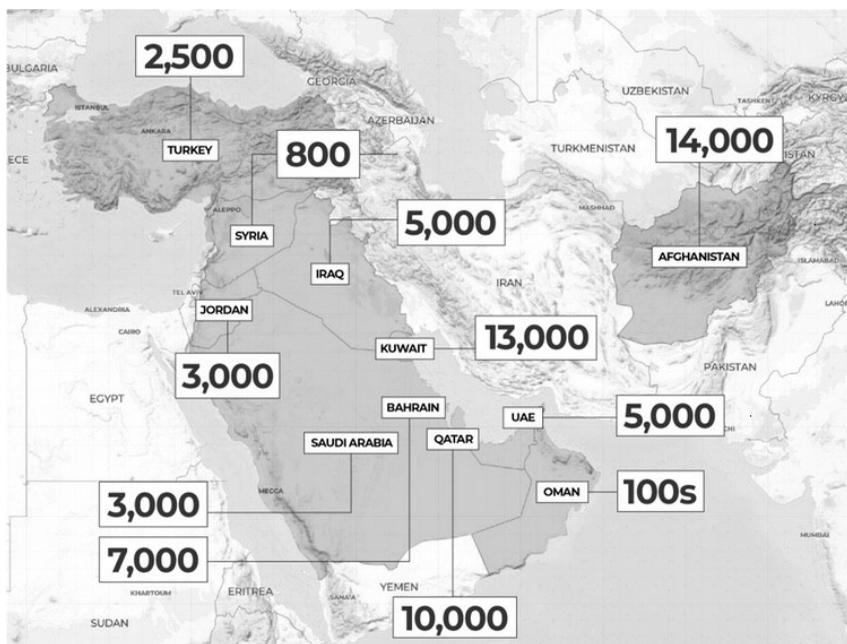

Рис. 2.6.1. Численность ВС США на Ближнем Востоке.

Источник: URL: <https://marafonec.livejournal.com/13262237.html>

Теперь, когда задача нести свободу народам Ближнего Востока посредством «гуманитарных интервенций» более не выглядит актуальной, Вашингтон может уделить больше внимания другим проблемам и вызовам, с которыми Соединенные Штаты сталкиваются в данном регионе. И здесь также уместно обратить внимание на преемственность американской ближневосточной политики: еще в директивных документах администрации президента Трампа Россия и Китай были названы главными противниками Америки, в том числе и на Ближнем Востоке. При всем критицизме в отношении политики предшественницы, байденовская администрация придерживается тех же подходов. Вот что говорилось в «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом Трампом в декабре 2017 г. (СНБ-2017): «Китай и Россия хотят сформировать мир, противоположный ценностям и интересам США. Китай

стремится вытеснить Соединенные Штаты из Индо-Тихоокеанского региона, расширить масштабы своей государственной экономической модели и перестроить регион в свою пользу. Россия стремится восстановить свой статус великой державы и установить сферы влияния вблизи своих границ»¹²⁵.

Во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности», утвержденном президентом Байденом в начале марта 2021 г., говорилось в принципе то же самое: «Китай... стал более напористым. Это — единственный конкурент, потенциально способный объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для того, чтобы бросить вызов стабильной и открытой международной системе. Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене. И Пекин, и Москва предприняли значительные усилия, направленные на то, чтобы помешать нам защищать наши интересы и союзников по всему миру»¹²⁶.

В свою очередь, американские военные высказывают озабоченность по поводу активного проникновения Китая и России в Ближневосточный регион. Выступая перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил, командующий Центральным командованием ВС США генерал К. Маккензи обратил внимание на активное экономическое проникновение КНР в регион Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в рамках инициативы «Пояс и путь». Особую тревогу у генерала Маккензи вызвало недавнее ирано-китайское соглашение об экономическом сотрудничестве сроком на 25 лет, в рамках которого Китай будет инвестировать в экономику и инфраструктуру ИРИ в обмен на скидки на иранскую нефть. Соглашение предполагает сотрудничество двух стран и в военной сфере, что не может не подрывать позиции Соединенных Штатов на иранском направлении.

Россия же, по словам Маккензи, стремится подорвать американские военно-политические позиции в регионе. Российское присутствие в Сирии, по его словам, является прямым вызовом Соединенным Штатам. В этой ближневосточной стране Москва не только получила незамерзающую базу для своего военно-морского флота в Тартусе, но испытательный полигон для тестирования новых возможностей, технологий и оборудования пятого поколения, используемых для радиоэлектронной борьбы, противовоздушной обороны, беспилотных летательных аппаратов и информационных операций — и все это в непосредственной близости от вооруженных сил США.

Как сказал командующий, Россия и впредь будет позиционировать себя в качестве альтернативы Западу, предлагая свое посредничество в региональных конфликтах, продавая оружие без ограничений на конечное использование, предлагая военный опыт и участвуя в региональных и многосторонних организациях и военных учениях. При этом в некоторых районах зоны ответственности Центрального командования (например, в Центральной Азии) Россия и Китай, по словам Маккензи, уже имеют более сильные экономические и военно-политические позиции, чем Соединенные Штаты. Правда, как полагает командующий, США могли бы конкурировать с Москвой и Пекином за влияние в Центрально-Азиатском субрегионе, предложив странам

Центральной Азии американскую помощь в обеспечении безопасности границ, борьбе с наркотиками, борьбе с терроризмом и создании оборонных институтов¹²⁷.

Эти оптимистические расчеты на подрыв влияния РФ и КНР в регионе были сделаны, однако, до начала вывода американских войск из Афганистана. Известно, что еще весной 2021 г. в Вашингтоне рассчитывали на то, что режим президента А. Гани продержится 2 года после того, как американские военные покинут страну¹²⁸.

Все, однако, пошло совсем не так. Афганская катастрофа уже сказалась на позициях США в Ближневосточном регионе и в мире. Одним из немедленных последствий этой катастрофы стали решения саммита ШОС (Душанбе, сентябрь 2021 г.) о начале процедуры приема Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества. Известно, что Пекин до недавнего времени был против вступления Исламской Республики Иран (ИРИ) в эту международную организацию, но афганское фиаско развязало Китаю руки. Это — сильнейший удар по американской политике изоляции Ирана на международной арене.

В условиях, когда Афганистан оказывается со всех сторон окруженным странами — членами ШОС, его сближение с этой международной организацией, где ведущую роль играют Россия и Китай, становится совершенно безальтернативным.

№	Страна	2018	2019
1	 США	10 991	12 232
2	 Россия	10 527	10 625
3	 Саудовская Аравия	10 317	9808
4	 Ирак	4410	4576
5	 Китай	3787	3825
6	 ОАЭ	3008	3058
7	 Бразилия	2587	2788
8	 Кувейт	2737	2678
9	 Иран	3553	2356
10	 Нигерия	1602	1737

Рис. 2.6.2. Список стран по добыче нефти в тыс. баррелей в день.

Источник: по данным «Annual Statistical Bulletin 2020» ОПЕК

Одновременно со снижением военно-политического влияния США в Ближневосточном регионе происходит и экономическая «расстыковка» Соединенных Штатов и ближневосточных государств. «Сланцевая революция» позволила Америке стать мировым лидером по производству нефти, резко снизив тем самым ее зависимость от поставок нефти с Ближнего Востока (рис. 2.6.2).

В настоящее время зависимость американской экономики от ситуации с нефтедобычей в странах Ближнего Востока совсем не та, что была еще полвека тому назад, и это не может не сказываться на американской политике в регионе. Так, в вышеупомянутой СНБ-2017 в разделе, посвященном Ближнему Востоку, было много сказано об угрозе со стороны радикального исламизма, об иранской угрозе, но ничего не говорилось о перспективах экономического сотрудничества Соединенных Штатов со странами региона (при этом были отмечены «экономическая стагнация» и необходимость проведения реформ в ближневосточных государствах)¹²⁹.

Соответственно, во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» говорилось и о «железной» американской поддержке Израиля, и о противостоянии «иранской агрессии», и о стремлении «разрешить вооруженные конфликты» в регионе, но об экономическом сотрудничестве со странами Ближнего Востока не было сказано ни слова. Очевидно, что и у американских правящих кругов, и у американского делового сообщества в настоящее время имеются иные внешнеэкономические приоритеты.

Политика и стратегия России на Ближнем Востоке

Благодаря активной внешней политике России на Ближнем Востоке ей удалось вернуться в кратчайший исторический период на глобальную арену в качестве одного из ведущих игроков в этом регионе и завоевать авторитет ближневосточных государств. Для этого Москва активно использовала набор дипломатических, военных и иных методов при решении существующих проблем в регионе, с которыми другие глобальные игроки не смогли справиться. Так, в конце января 2020 г. глава МИД РФ С. Лавров на заседании Совета Безопасности ООН предложил провести весной или летом 2021 г. министерскую встречу по ближневосточному урегулированию с участием Израиля и Палестины. При этом он отметил, что на это заседание необходимо пригласить и Саудовскую Аравию как автора арабской мирной инициативы. А в феврале 2021 г. МИД РФ назвало главной задачей России на Ближнем Востоке — комплексную нормализацию ситуации в регионе. Иными словами, основная цель Москвы на Ближнем Востоке в ближайшей перспективе — закрепить за Россией роль значимой внешней силы в одном из самых нестабильных регионов мира.

Заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ А. Скосырев, выступая на площадке клуба «Валдай», отметил, что «Россия исходит из необходимости содействия урегулированию всех конфликтов на пространстве Ближнего Востока исключительно политико-дипломатическими методами через конструктивный диалог без дискриминации отдельных сторон, также под эгидой ООН и с привлечением ключевых региональных организаций, прежде всего Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации исламского сотрудничества. Второй задачей России является недопущение на Ближнем Востоке возникновения новых опасных военных кризисов. Третьей задачей является превращение Ближнего Востока в регион мира, добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества»¹³⁰. Кроме того,

Россия энергично развивает многоплановое взаимодействие с государствами региона в экономической и гуманитарной сферах, в военно-технической и других областях на принципах взаимного учета интересов, уважения и доверия. Есть и важные задачи политики и стратегии Москвы в регионе: ослабление исламского экстремизма и радикализма, влияние которых может распространиться на территорию России и ее союзников; поддержка дружественных сил в регионе и создание с ними альянсов; обеспечение ограниченного военного присутствия России в регионе и расширение её присутствия на региональных рынках вооружений, ядерного топлива, нефти и газа, продовольствия; привлечение в РФ инвестиций из стран Персидского залива и поддержание цен на энергоносители путем координации действий с ключевыми поставщиками нефти и газа в этих странах.

В этих целях Россия, будучи заинтересована в налаживании контактов с членами ОПЕК, наряду с Катаром и Ираном сформировала костяк Форума стран — экспортеров газа. Она является основным поставщиком зерна в Египет и заинтересована в технологическом сотрудничестве с Израилем. Государства Ближнего Востока являются крупными потребителями российской оборонной продукции. К примеру, в 2015 г. на их долю пришлось 36 % поставок российского вооружения и военной техники (ВВТ), а Алжир, Египет, Иран, Ирак и Сирия являются её основными покупателями на протяжении многих десятилетий. Есть основания полагать, что продемонстрированные на практике в Сирии тактико-технические достоинства российского ВВТ будут способствовать его обретению другими государствами, прежде всего из Персидского залива. Кроме того, в государствах региона есть свои интересы и в российских энергетических компаниях. Так, «Росатом» построил для Ирана АЭС в Бушере и работает над получением новых контрактов, у «Росатома» есть проекты в Иордании, в Ираке активно работает российская нефтяная компания «Лукойл». Следовательно, российская политика и стратегия Москвы на Ближнем Востоке строятся на учете собственных геополитических и экономических интересов и на стимулах, способствующих их реализации (рис. 2.6.3).

В контексте событий, происходящих в регионе, важное значение для Москвы имеет и фактор внутренней стабильности России, с учетом того, что 12 % населения страны исповедуют ислам (в основном проживающие в Чечне, Дагестане, Татарстане и Башкортостане). При этом количество трудовых мигрантов в РФ из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Азербайджана исчисляется миллионами, многие из которых находятся там нелегально¹³¹. К этому следует добавить, что если боевики Талибана, захватившие власть в Афганистане в августе 2021 г., вторгнутся на территорию центральноазиатских стран, то волна беженцев оттуда может захлестнуть Россию, в связи с чем её далекие от ислама регионы будут постепенно «зеленеть» по мере роста в ней числа мусульман. В связи с этим ближневосточную политику России также необходимо рассматривать через этапы отношений Москвы к исламскому сообществу.

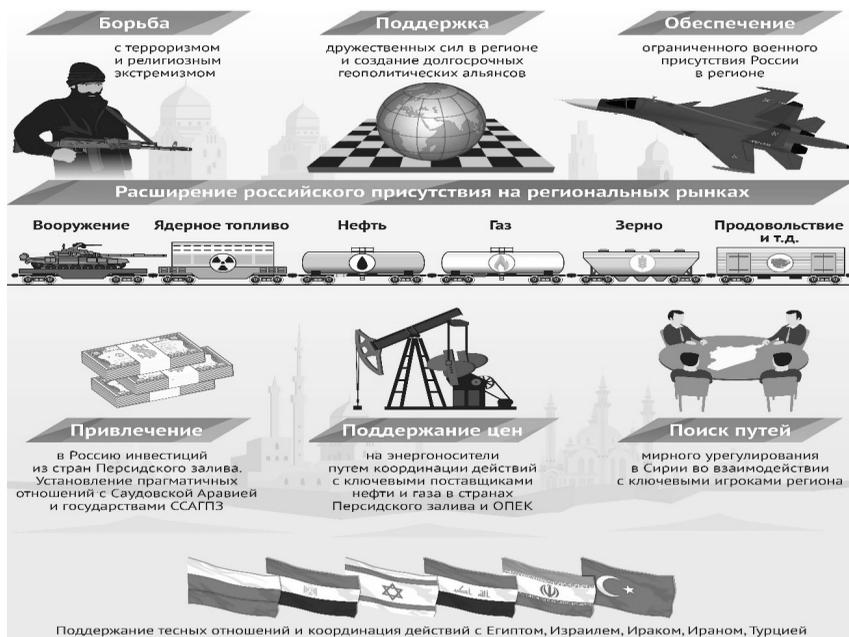

Рис. 2.6.3. Основные задачи и приоритеты политики РФ на Ближнем Востоке.

Источник: URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/politiki-rossii-blizhniy-vostok/>

Так, во время второй чеченской кампании произошел первый период сближения России с исламским миром. Именно к этому периоду относится выступление В. Путина на саммите Организации исламского сотрудничества и получение РФ статуса наблюдателя в этой структуре. Второй этап сближения России с исламским миром происходит сегодня. Его предварительным итогом стало взаимодействие РФ с действующими против правительства Б. Асада в Сирии силами, многие из которых придерживаются исламских установок. Это позволило Москве запустить формат переговоров в Астане с мусульманскими странами — Ираном и Турцией и вывести на новый этап взаимодействия свои отношения с Саудовской Аравией, Египтом и ОАЭ, которые заинтересованы в стабилизации обстановки в регионе¹³².

При этом военная политика России в Сирии существенно увеличила её «военно-стратегический вес» в регионе, ибо она напрямую вмешалась в конфликт, когда возникла угроза свержения Асада и перехода Дамаска под контроль «Исламского государства». Ибо победа исламских экстремистов в этом государстве могла бы привести к серьезному усилению их поддержки во всем исламском мире, в том числе в Центрально-Азиатском регионе и среди мусульманского населения РФ. Поэтому Москва применила в Сирии разумную, но в то же время рискованную стратегию. ВС РФ впервые с окончания Вто-

рой мировой войны вели боевые действия за рубежом, главным образом с моря и с воздуха и совместно с Турцией и Ираном помогали Асаду справиться с сепаратистами, превратив тем самым Сирию в геополитический оплот РФ в регионе. Москве удалось договориться с Анкарой и Тегераном об их совместных действиях в этой стране. Свидетельство тому — переговоры в 2020 г. в Сочи В. Путина с Р. Эрдоганом и Х. Рухани. На них лидеры трёх государств обсудили ситуацию на Ближнем Востоке, в результате чего Путин заявил, что войну в Сирии можно считать фактически завершённой¹³³. На первый взгляд, на этой конференции царило единодушие, но на самом деле каждый из её участников разыгрывал свою «ближневосточную карту».

Так, на переговорах В. Путин отстаивал российские интересы в Сирии по двум направлениям: в результате его договоренностей с Б. Асадом в стране будут находиться две российские военные базы, а российские компании — иметь привилегии в Сирии, в связи с чем Россия намерена и впредь активно поддерживать правительство этой страны. Президент РФ также считает, что окончательное урегулирование ситуации в Сирии должно быть найдено в рамках Женевского процесса в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254, что означает проведение в стране конституционной реформы и свободных выборов под эгидой ООН при сохранении территориальной целостности и светского характера государства.

Первоначально Турция, занимала в сирийском конфликте противоположную России позицию. Анкара поддерживала одну из крупнейших вооружённых группировок в Сирии — «Сирийскую свободную армию», и только после значительных успехов ВС РФ при ведении ими боевых действий пошла на сотрудничество с Москвой (в настоящее время на севере Сирии ведется успешное совместное российско-турецкое военное патрулирование линии разграничения конфликтующих сторон). При этом Р. Эрдоган категорически против создания в Сирии какой-либо курдской автономии, ибо успех сирийских курдов может придать дополнительный импульс борьбе этого этнического меньшинства в Турции. Поэтому основной целью Анкары в Сирии является создание буферной зоны на севере страны, чтобы не допустить реализации там курдского проекта. Это позволит Анкаре разорвать связи между курдами Сирии и Турции, обеспечить заселение на территории, созданной в приграничной полосе «зоны безопасности», сирийских беженцев, в основном арабов-суннитов.

Что касается Х. Рухани, то он, как и В. Путин, также поддерживает правительство Асада, причём ещё более решительно. Эта поддержка включает в себя не только доставку в Сирию ВВТ, но и обучение сирийских военнослужащих, и обмен разведывательными данными между военными ведомствами обеих стран, а Корпус стражей исламской революции Ирана нес основную нагрузку при ведении наземных операций в Сирии. Помимо этого, Тегеран координирует свою политику по Сирии с Москвой в рамках астанинского процесса. Поэтому отнюдь не случайно в сентябре 2021 г. при содействии России на 20-м саммите ШОС было принято решение о приеме Ирана в члены ШОС. В связи с этим многие эксперты высказывают мнение, что в пер-

спективе Иран станет больше фокусировать свое внимание, прежде всего, на восточном направлении. Речь в первую очередь идет об изменении акцентов Тегерана в его геополитике на Ближнем Востоке и появлении новых граней сотрудничества со странами региона — в торгово-экономической сфере, в области энергетики, транспорта, банковской сферы, а также в области региональной безопасности. Важно и то, что постоянное членство Ирана в ШОС является серьезной защитой в случае военной интервенции со стороны США, ибо членство в ШОС увеличивает геополитический вес Ирана за счет постоянных члена СБ ООН — РФ и КНР.

На саммите президент РФ приветствовал предоставление ведущим государствам Ближнего Востока — Египту, Катару и Саудовской Аравии статуса «диалоговых партнеров ШОС»¹³⁴. И при проведении Москвой в отношении этих стран гибкой политики и стратегии они в перспективе могут сформировать «пояс ближневосточных союзников» России, при условии, если она не будет повторять свои ошибки в отношении «старых друзей», в том числе Ирака, который прежде входил в орбиту советского влияния, а теперь находится под влиянием США. В процессе йеменского урегулирования Москва также пока не смогла до конца раскрыть свой потенциал, что свидетельствует о сложностях для российской дипломатии играть роль только посредника. Тем не менее, у Москвы есть возможность начать играть более активную роль в йеменском урегулировании, используя свои связи с противоборствующими сторонами. Например, российская сторона могла бы начать более тесно взаимодействовать с партией «Аль-Ислах», на которую опирается президент Махди аль-Машат.

В связи с указанными обстоятельствами Москве в ближней перспективе было бы целесообразно уточнить некоторые элементы российской ближневосточной политики и стратегии. Одновременно российским властям необходимо бдительно следить за попытками Вашингтона вбить клин в успешное развитие российских отношений с государствами региона, в которых Москва значительно усилила свое влияние.

Рост влияния Китая в регионе: перспективы и проблемы

В отличие от России Китай предпочитает напрямую не вмешиваться своей военной силой в существующие региональные конфликты на Ближнем Востоке, что соответствует подходу Пекина к проблемам Ближнего Востока, базирующемуся на постулате проведения Поднебесной «мягкой» внешней политики. Благодаря этому влияние Китая в регионе по сравнению с США быстро растет. Пекин установил хорошие партнерские отношения со всеми странами Персидского залива (кроме Бахрейна) и является крупнейшим иностранным инвестором в регионе. При этом большая часть инвестиций направлена традиционным союзникам США, многие из которых являются активными покупателями китайского ВВТ. Поднебесная также вкладывает значительные средства в коммерческие порты, которые можно легко превратить в военно-морские объекты в других стратегически важных точках региона, включая пакистанский Гвадар и оманский порт Дукм в Оманском проливе.

Наряду с ним, Китай считает Малаккский и Баб-эль-Мандеб проливы критически важными для своего экономического выживания, поскольку большая часть китайского импорта энергоресурсов доставляется через эти проливы. И по мере того как китайско-американские отношения ухудшаются, целью Пекина становится усиление контроля над этими водными путями и снижение способности ВМФ США блокировать их. Это основная причина, по которой Китай совершенствует свой военно-морской флот, а в Джибути была создана китайская военная база¹³⁵.

Помимо этого, в израильско-китайских отношениях, начиная с 2010 г., произошел положительный сдвиг в сторону сотрудничества: Израилю было разрешено установить свой павильон на выставке *Expo-2010* в Шанхае. Затем последовали сделки между странами, которые позволили китайским компаниям реализовать ряд проектов в области развития инфраструктуры Израиля, включая железные дороги до Эйлата, до Ашдода, в Акко и по развитию порта Ашдод. Одновременно увеличился приток китайских инвестиций в израильский технологический сектор. В результате, в 2017 г. израильское правительство одобрило соглашение о доставке 20 тыс. рабочих из Китая в Израиль, а китайская компания *Shanghai International Port Group* выиграла тендер на эксплуатацию порта Хайфа в течение 25 лет. Это вызвало серьезные опасения в Вашингтоне относительно обеспечения безопасности сил 6-го флота ВМФ США, который базируется в этом порту. При этом Тель-Авив отклонил предложение Вашингтона о проведении комплексной проверки порта в Хайфе в связи с участием китайских компаний в его расширении¹³⁶.

Китай также является крупнейшим торговым и инвестиционным партнером Египта. Начиная с января по сентябрь 2020 г. объем их двусторонней торговли составил 10,2 млрд долл. США, что на 6,6 % больше, чем в 2019 г. При этом прямые китайские инвестиции в Египет увеличились на 19 %, а объем китайских инвестиций на внутреннем рынке превысил 7 млрд долл. Египетский министр по инвестициям и международному сотрудничеству подтвердил, что в ближайшее время Египет получит около 30 млрд долл. новых китайских инвестиций, из которых 20 млрд пойдут на строительство новой административной столицы в китайской промышленной зоне в районе Суэцкого канала и продолжение строительства высокоскоростной железной дороги, связывающей эту столицу со всеми египетскими городами. Помимо этого Китаем было завершено строительство в Египте первой высоковольтной линии электропередач и совместной египетской лаборатории с Китайским институтом прикладных технологий.

Наряду с развитием сотрудничества с Израилем и Египтом китайская сторона заинтересована в сотрудничестве с другими странами региона по принципу взаимной выгоды и беспроигрышности, особенно через их участие в реализации проекта «Один пояс, один путь», который будет играть существенную роль в процессе расширения круга сотрудничества Китая с арабскими государствами в области инфраструктуры и в содействии торговле и инвестициям — в дополнение к ядерной энергии, космосу, новым источникам энергии, сельскому хозяйству и другим сферам¹³⁷ (рис. 2.6.4).

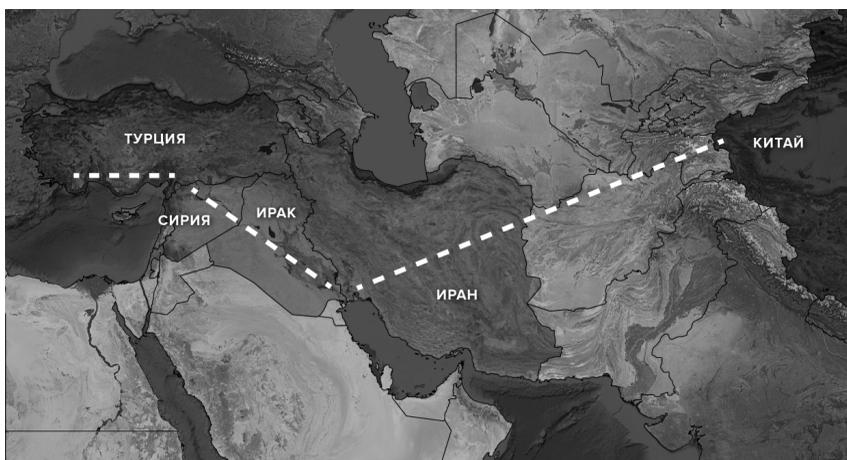

Рис. 2.6.4. Коридоры проекта «Один пояс, один путь» через Иран, Ирак и Сирию.
Источник: URL: <https://static.riafan.ru/uploads/2020/12/04/orig-1607067355laTJ2g>

Существует множество других сфер, связывающих Поднебесную и ближневосточный мир — широкая сеть экономических и торговых отношений, Суэцкий канал, другие морские пути и т. д. При этом КНР является крупнейшим в мире импортером ближневосточной нефти. В связи с этим Китай увеличил свои инвестиции в нефтедобывающие страны, став их главным торговым партнером. К этому следует добавить, что в результате развития китайско-арабских отношений произошло значительное увеличение количества авиакомпаний, соединяющих эти страны (при этом их показатели достигли более 200 рейсов в месяц), перевозящих более 1 млн пассажиров ежегодно, что способствует сотрудничеству арабских стран с КНР и притоку арабских туристов в Китай¹³⁸.

Хорошие отношения Пекина с правящими режимами мусульманских стран исключают моральную и материальную поддержку ими китайского мусульманского уйгурского меньшинства. Об этом свидетельствует тот факт, что почти каждая страна с мусульманским большинством поддержала заключение 2 млн китайских мусульман (!) в лагеря перевоспитания в Западном Китае. А в совместных письмах в ООН такие государства, как Саудовская Аравия, Египет, Кувейт, Ирак и ОАЭ, хвалили эти лагеря и приветствовали подавление китайскими властями исламских сепаратистов в СУАР¹³⁹.

Тем не менее, при всех успехах политики Китая на Ближнем Востоке Пекин в этом регионе сталкивается с рядом серьезных проблем.

Так, конфликтный потенциал Ближнего Востока объективно затрудняет реализацию там китайской политики с учетом того, что воздействие «американского фактора» на события в регионе по-прежнему продолжает оставаться существенным. А санкции, введенные США и ЕС в отношении Ирана из-за

ядерного спора, ограничили энергетическую политику Китая в регионе (хотя до этого Иран был третьим по величине поставщиком сырой нефти в Китай). И чтобы поддерживать дипломатические отношения с США и Евросоюзом, Китай был вынужден сократить импорт из Ирана. Помимо этого, из-за продолжающихся в регионе военных конфликтов китайские инвестиции в страны Ближнего Востока находятся под постоянной латентной угрозой. Так, действующие в регионе силы ИГИЛ не только угрожают атаковать китайские нефтяные танкеры и транспортные каналы, чтобы дестабилизировать усилия КНР по налаживанию связей между Востоком и Западом, но и объявили китайскую провинцию Синьцзян частью своего халифата. Эти угрозы, исходящие от ИГИЛ в Ираке, вынудили многие китайские предприятия приостановить свой бизнес в этой стране. К этому следует добавить некоторые неэкономические факторы, особенно проблемы коррупции в некоторых арабских странах, которые являются опасными для интересов китайских инвесторов.

Частично существованию этих проблем способствует ближневосточная политика КНР, которая строится на принципах невмешательства и нейтральности. Хотя ситуация на Ближнем Востоке не предполагает проведение такой пассивной линии поведения и по некоторым оценкам не вполне соответствует статусу ведущей мировой державы, коей является Китай. В связи с этим ряд международных экспертов считают, что Пекину целесообразно изменить слишком «мягкую» линию поведения в регионе.

Но, несмотря на указанные проблемы, сотрудничество между Китаем и Ближним Востоком зиждется на прочной основе. Китай продолжает оставаться самым крупным потребителем ближневосточных энергоресурсов, и спрос на них продолжает расти. При этом китайские энергетические компании обладают опытом участия в проектах по развитию энергетики на Ближнем Востоке, особенно в нефтехимическом секторе. В свою очередь, бизнесмены Ближнего Востока стремятся расширить свои рыночные доли в Китае. Осознавая эти взаимосвязи со странами Ближнего Востока, Пекин активно взаимодействует с государствами региона с помощью традиционных форматов кооперации, например, таких как Форум китайско-арабского сотрудничества. Параллельно с этим он стремится к созданию альтернативных международных организаций, как это произошло при создании БРИКС и Азиатского банка развития в котором 7 арабских стран участвовали в качестве соучредителей.

Что касается китайско-российского взаимодействия на Ближнем Востоке, то перспективным направлением развития контактов Москвы и Пекина со странами региона могут стать площадки БРИКС и ШОС, что поможет КНР и РФ реализовывать совместные инициативы в нем. Кроме того, по мнению российских экспертов, учитывающих сотрудничество по оси Китай—Иран—Россия, Москва и Пекин могли бы определить свои зоны ответственности как по вопросу восстановления Сирии (в сентябре 2021 г. Китай выразил намерение участвовать в восстановлении этой страны), так и по Ближнему Востоку в целом. Другим элементом российско-китайского сотрудничества может стать сопряжение международного транспортного коридора

дора «Север—Юг», формирующегося по маршруту Россия—Азербайджан—Иран с выходом на Индию¹⁴⁰.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *умозаключения*.

Во-первых, Соединенные Штаты постепенно утрачивают свои некогда доминирующие военно-политические позиции в Ближневосточном регионе. Вашингтон был вынужден отказаться от насильственной «смены режимов». Американская ближневосточная стратегия находится в настоящее время в состоянии постепенной трансформации, и Соединенные Штаты вынуждены уделять все больше внимания своим региональным противникам из числа крупных держав (таких, как Иран, КНР и РФ), отказавшись, в то же время от планов «демократизации» Ближнего Востока. В силу этого комплекса причин снижается заинтересованность американских деловых кругов в экономическом сотрудничестве со странами региона.

Во-вторых, Россия, отстаивая свои интересы на Ближнем Востоке, прочно заняла место одного из самых значимых игроков в этом регионе, утраченное в эпоху коллапса СССР. При этом современная ближневосточная политика России определяется пониманием того, что проблемы, с которыми столкнулись государства региона, представляют для неё серьезную угрозу. В связи с чем Москва принимает активное участие в урегулировании региональных кризисов, создавая тем самым образ сильного внерегионального актора в лице РФ, способной оказывать воздействие на региональные проблемы не только силовыми, как в Сирии, но и дипломатическими методами. Её экономические связи со всеми значительными силами в регионе, а также рост доверия среди лидеров ближневосточных государств к президенту РФ В. Путину свидетельствуют об укреплении положительного имиджа России на Ближнем Востоке. Этому также способствует успешно проведенная военная операция ВС РФ в Сирии, что существенно увеличило их «военно-стратегический» вес в мире.

В-третьих, Китай последовательно расширяет свое влияние на Ближнем Востоке, используя для этого свою экономику, инвестиции и дипломатию, предпочитая не вмешиваться в существующие региональные конфликты. При этом Китай обладает серьезными преимуществами в Ближневосточном регионе, выступая предпочтительным партнером для государств Ближнего Востока с учетом возможностей Пекина по предоставлению им кредитов и развитию экономического взаимодействия. В Пекине рассматривают Ближневосточный регион как важную составляющую реализации глобального проекта «Один пояс, один путь», в рамках которого Китаю удалось наладить хорошие отношения со всеми странами Ближнего Востока. В связи с этим многие арабские страны рассматривают КНР не только как надежного партнера, но и как альтернативную силу США на Ближнем Востоке. Однако, несмотря на огромные усилия Китая по расширению своего присутствия в регионе, в ближайшей перспективе китайская сторона не сможет в полном объеме заменить США в качестве ключевого союзника для государств Персидского залива, которые по-прежнему нуждаются в американском «зонтике безопасности», защищающем от внешних и внутренних опасностей и угроз.

Кроме того, расширение китайского присутствия в регионе сталкивается с проблемами, связанными с неурегулированными в нем военными конфликтами, которые негативно сказываются на национальных интересах КНР на Ближнем Востоке.

2.7. Значение африканского континента для Китая, США и России

Притягательность африканского континента для внерегиональных акторов

В современных условиях объектом конкуренции таких глобальных игроков, как США, Россия и Китай, являются ресурсы африканского континента в виде энергоресурсов, алмазов, редких цветных и драгоценных металлов. При этом в Африке доказанные запасы нефти непрерывно растут (с 57 млрд баррелей в 1980 г. до 124 млрд баррелей в 2012 г.), также значительно возросли и доказанные запасы газа (с 210 трлн кубических футов в 1980 г. до 509 трлн в 2012 г.). Благодаря интенсивной разведке, показатели запасов других полезных ископаемых на континенте также увеличиваются (рис. 2.7.1).

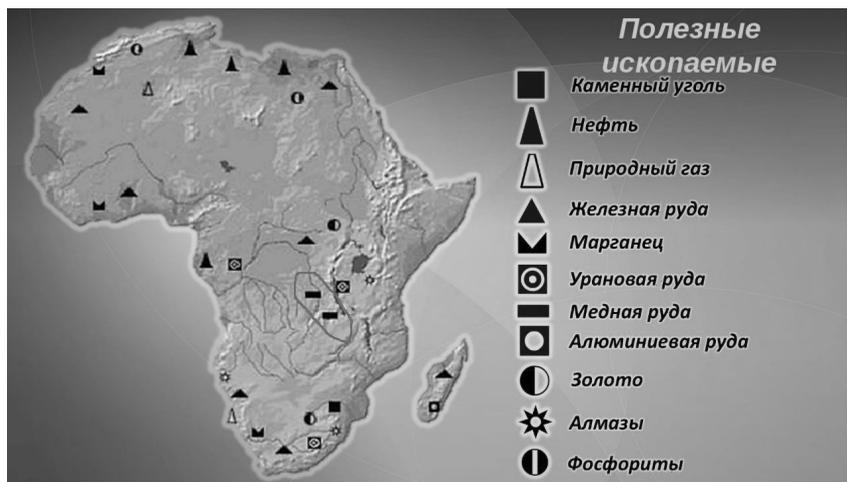

Рис. 2.7.1. Полезные ископаемые, расположенные на африканском континенте.

Источник: URL: <https://ru-static.z-dn.net/files/dc2/79dc3b76960b22355259ad43e577e045.jpg>

При этом особенности их залегания и наличие в странах континента дешевой рабочей силы, доходность вложений в добывающую промышленность в Африке значительно выше, чем в других регионах мира, а стоимость добытой продукции на 20—30 % ниже. Помимо экспорта этих ресурсов, глобальных акторов привлекают африканские рынки сбыта их товаров и быстрора-

стущая платёжеспособность стран континента. Уже сегодня в Африке проживают более 1 млрд человек, их платежеспособный спрос быстро растет и к 40-м годам нынешнего века на Африку будет приходиться 80 % прироста мирового среднего класса. Как следствие этой тенденции, на этот континент будет смещаться интересы мировых производителей. Фактически речь будет идти о перенастройке многих отраслей мировой экономики с целью увеличения их прибыли.

Невысокая вовлеченность африканских государств в глобальную экономику привела к тому, что мировой экономический кризис в начале этого века не слишком ударил по ним, в связи с чем в период с 2001 по 2012 г. экономика Экваториальной Гвинеи показала прирост 20 %, Анголы — 12 %, Сьерра-Леоне — 10 %, Нигерии — 9 %, Эфиопии — 8 %¹⁴¹. К другим достижениям африканских стран можно отнести стабильный рост их ВВП, увеличение уровня международного сотрудничества, повышение качества образования, преобразование ряда секторов национальной экономики и изменение экономического климата на континенте. Существенным также является политический вес африканских стран в рамках ООН, на долю которых приходится более четверти её членов.

Интересы и цели Китая в Африке

В современных условиях Китай стремится закрепить за собой доступ к значительной части полезных ископаемых в Африке, способных обеспечить его ресурсной базой, достаточной для успешного противостояния нарастающей конкуренции с западным миром. Поэтому, несмотря на неоднократные заявления китайских властей о снижении импорта из Африки её природных ресурсов, именно они являются основной составляющей торговли с африканскими странами. Нефть составляет 64 % общего импорта Китая. Африка также обеспечивает 6 % китайского импорта железной руды и 8,3 % импорта меди. Поэтому импорт природных ресурсов «черного континента» является краеугольным камнем для китайской энергетической стратегии. Об этом свидетельствуют следующие факты: в 2013 г. объемы африкано-китайской торговли превысили 210 млрд долл., тем самым Пекин оставил Вашингтон далеко позади себя, а в 2018 г. КНР обогнала другие экономически развитые страны, став крупнейшим партнером Африки в области импорта и экспорта (рис. 2.7.2).

Вот почему у Пекина возник соблазн преобразовать «занятое» Западом на континенте экономическое, политическое и военное пространство. В этих целях Китай приступил к реализации «Всеобъемлющего регионального экономического партнерства» с большинством государств Африки. И в отличие от европейских стран, которые, руководствуясь комплексом вины за колониальное прошлое континента, долгое время были сосредоточены на гуманитарной помощи африканским странам, Китай сделал акцент на взаимной торговле и на инвестициях африканским партнёрам¹⁴². Это привело к тому, что Африка стала стремительно превращаться в континент, во многом зависящий от КНР, ибо Пекин активно предоставляет африканским государствам

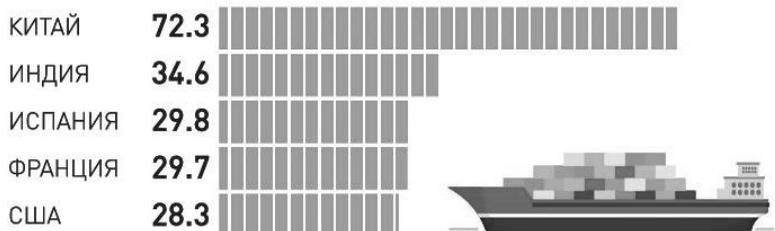
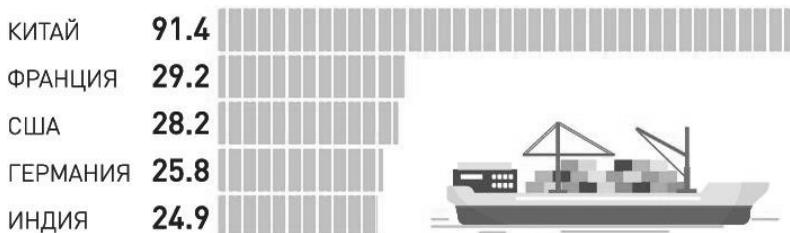
ТОП-5 ЭКСПОРТЕРОВ**ТОП-5 ИМПОРТЕРОВ**

Рис. 2.7.2. Основные направления экспорта и импорта Африки (млрд долл.).

Источник: данные ИТС за 2018 год.

большие объемы кредитов для их инфраструктурного развития (дороги, мосты, линии электропередач и т. п.). Однако большая часть работ реализовывается китайскими рабочими с применением их техники и оборудования и с использованием около 2/3 материалов китайского происхождения. Таким образом, китайские кредиты в страны Африки почти не попадают, а поступают в казну КНР, а на странах-заёмщиках этих кредитов повисают долгосрочные долги. Так, из 37 африканских государств, участвующих в реализации экономической инициативы Пекина «Один пояс, один путь» (ОПОП) на континенте, большая часть их уже успела сильно задолжать Поднебесной. В связи с чем Китай предлагает им «пакистанскую» модель погашения долгов в виде получения прав на организацию своего бизнеса на их территориях по льготным налоговым ставкам. Так, получив от Исламабада разрешение на создание свободной экономической зоны возле порта Гвадар, Пекин взял на себя обязательство ежегодно засчитывать в погашение задолженности Пакистана по китайским кредитам фиксированную сумму (а если страна не может заплатить по китайским кредитам, то Поднебесная становится полноправным владельцем построенных ею объектов).

Тем не менее, идея ОПОП была широко поддержана на континенте, поскольку она предоставляет африканским странам возможность получить широкий доступ не только к мировым рынкам сбыта своей продукции, но и к развитию собственной инфраструктуры и логистики. Однако африканские партнеры Китая по ОПОП часто жалуются, что для реализации этого проекта

привлекается больше китайской рабочей силы, чем требуется, а некоторые китайские компании «прославились» плохим обращением с африканскими сотрудниками. Также они обеспокоены наплывом мелких китайских предпринимателей и торговцев, которые конкурируют с местными производителями. Растет число случаев, когда дешевый китайский импорт заменяет собой продукцию, произведенную африканцами, что стало серьезной проблемой в африканском текстильном секторе.

Чтобы нивелировать негативные последствия своей экономической экспансии, Китай активно использует свою «мягкую силу» в африканских странах в виде гуманитарной помощи, при поддержке которой было реализовано несколько сотен проектов, включая строительство больниц и медицинских центров¹⁴³. КНР также сыграла значительную роль в борьбе стран региона с пандемией коронавируса и лихорадкой Эбола, которые ставят под угрозу поставки необходимых ресурсов в Китай.

Помимо этого, Китай переподготовил немалое количество африканских студентов и внедрил свои образовательные программы в местные вузы (например — в Кении, Мозамбике и Танзании). Благодаря этому китайский язык активно изучают в учебных заведениях многих африканских государств, где он рассматривается как очень перспективный, поэтому многие африканские учащиеся предпочитают осваивать китайский язык, а не английский. Регулярную переподготовку проходит и инженерный состав добывающей промышленности Африки, для которой КНР поставляет своё оборудование.

Ради усиления своего влияния в африканских странах Пекин готов даже поступиться иногда своими принципами, чтобы создать на континенте положительный образ Китая (к примеру, Пекин оказывает помощь Буркина-Фасо, несмотря на то, что эта страна признает суверенитет Тайваня). В немалой степени этому способствует то обстоятельство, что в Восточной Африке проживают многочисленные китайские диаспоры, насчитывающие более 0,5 млн человек, которые являются проводниками китайского культурного влияния. Для Китая также немаловажное значение имеет увеличение своего политического влияния на государства континента¹⁴⁴. Ибо в противостоянии с США ему необходимы африканские партнеры, которые могли бы поддержать китайские инициативы при решении глобальных и региональных проблем в международных организациях, включая ООН, где представители Африки составляют большинство. Поэтому Китай продолжает активно вкладывать миллиардные инвестиции в геополитическое будущее Африки. В целом и китайская, и африканская стороны довольны сложившейся ситуацией в их взаимоотношениях, где каждая из них получает выгоду. Развитие инфраструктуры в Африке обеспечивает китайские корпорации работой и прибылью, а китайские проекты положительно сказываются на экономике африканских государств. При этом в отличие от Вашингтона и Брюсселя Пекин не требует от руководства ряда африканских стран проведения реформ, борьбы с коррупцией и других неудобных для многих правящих в Африке режимов преобразований.

Постепенно нарастает и военно-политическое присутствие КНР на континенте. Если прежде Китай воздерживался от отправки своих войск в Африку для ликвидации там военных конфликтов в соответствии с резолюциями ООН, то в середине 2000-х годов в «горячих точках» на континенте появились китайские миротворцы. Помимо этого, в Джибути была создана первая военно-морская база НОАК за пределами КНР (её создание было обусловлено потребностью Китая в защите транспортировки нефти и других важных природных ресурсов из Африки и стран Ближнего Востока). Эта военно-политическая активность Пекина в Африке не осталась без внимания Вашингтона, что привело к созданию в 2008 г. Африканского командования вооруженных сил США, которое формально формировалось для противодействия терроризму и повстанцам в регионе Сахара — Сахель и в дельте Нигера, но на самом деле его появление было обусловлено соперничеством с Китаем.

Цели и задачи России на африканском континенте

По сравнению с Китаем и Соединёнными Штатами Россия пока не является ведущим актором на африканском континенте. Отчасти от того, что объем торговли России с африканскими странами невелик. Он, по данным за 2019 г., всего составлял 16,8 млрд долл. по сравнению с Китаем (204,2 млрд долл.). В структуре российского импорта в этом году большая часть — 56,8 % — пришлось на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. При этом основной объем товарооборота России со странами Африки в 2019 г. был сформирован за счет взаимных торговых операций с Египтом (37,2 %), Алжиром (20,2 %), Марокко (7,6 %), ЮАР (6,6 %), Сенегалом (4,3 %), Тунисом (3,9 %), Нигерией (2,5 %), Того (2,4 %), Суданом (1,6 %) и Кот-д'Ивуаром (1,6 %). Что касается товарооборота РФ с другими странами континента, то он еще меньше¹⁴⁵. К этому следует добавить, что по сравнению с США и КНР в Африке нет российских военных подразделений и частей. Тем не менее, в последнее время российско-африканские отношения стремительно развиваются.

Этому способствовало проведение в 2019 г. российско-африканского саммита в Сочи (в котором участвовали 43 лидера африканских стран, многим из которых были списаны их долги перед РФ), продемонстрировавшего желание Москвы занять достойное место на африканском континенте. Это связано с тем обстоятельством, что в перспективе РФ будет испытывать дефицит по ряду полезных ископаемых, которые добываются в Африке. Так, на грани истощения находятся многие эксплуатируемые месторождения российских полезных ископаемых, в том числе марганца (почти на 100 %), хрома (на 80 %), бокситов (на 60 %), а Африка является одним из главных обладателей этих ресурсов в мире¹⁴⁶. Вот почему способствовать завоеванию Россией достойного места на африканском континенте будут её крупные компании, которые в настоящее время предпринимая заметные усилия для расширения своих позиций в разработке природных ресурсов Африки (рис. 2.7.3).

Их наиболее значительными проектами на континенте являются: добыча «Алросой» алмазов в Анголе и «Норникелем» никеля в Ботсване; разработка

Рис. 2.7.3. Участие российских компаний в экономическом освоении Африки.

Источник: URL: <https://ds03.infourok.ru/uploads/ex/07c2/00060eb9-223588/img25.jpeg7223588/img25>

месторождений нефти в прибрежной зоне Кот-д’Ивуара и Ганы; освоение «Лукойлом» месторождений марганца и «Реновой» ванадия в ЮАР; добыча «Газпромнефтегазом» нефти в Экваториальной Гвинее¹⁴⁷. А для «Росатома» поставки африканского урана имеют стратегическое значение, так как в перспективе структура мирового энергопотребления будет наравне с «зелеными технологиями» дрейфовать в сторону атомно-газовой энергетики. Вот почему важность урана стремительно растет, а его экспорт из Африки способствует упрочению позиций России в качестве энергетической сверхдержавы. В этих целях «Росатом» планирует построить в Уганде атомную электростанцию, что позволит ему существенно расширить добычу урана (в 2017 г. Россия подписала с Угандой соответствующий меморандум по развитию инфраструктуры атомной энергии)¹⁴⁸. В целом, благодаря активности этих компаний в 2013—2018 гг. объем российско-африканской торговли удвоился (с 9,9 млрд долл., до 20,2 млрд долл.), а доля продовольствия и промышленных товаров за этот период в 2 раза превзошла объем российских поставок ВВТ в Алжир (2,2 млрд долл.) и Египет на (4,5 млрд долл.).

Таким образом, Россия постепенно восстанавливает свое положение на африканском континенте и в расширении там рынков сбыта своей продукции, особенно в тех отраслях, в которых она сохраняет конкурентоспособность, например — в области экспорта российского ВВТ (который в настоящее время составляет в Африке 13 %). Россия также занимается подготовкой

африканских военнослужащих в своих военных заведениях. Эта стратегия военно-технического сотрудничества РФ с государствами континента коррелируется с другими задачами России в Африке.

Наиболее важная среди них — создание на континенте самодостаточного российско-африканского кластера с суммарным ВВП около 4,5 трлн долл., который может обеспечить к 2030—2050 гг. завоевание Россией достойного места на глобальном уровне за счет замещения импорта продукции из европейских стран и США выгодной торговлей со странами Африки, что может значительно снизить зависимость России от Запада. Это возможно при проведении Москвой грамотной политики, особенно в области формирования торгового пространства, близкого по своей структуре к «Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству КНР». Это позволит одновременно создать огромный рынок сбыта для российских товаров, получить финансовый источник для их дальнейшего совершенствования, а также сформировать представление о России, как об одном из самых привлекательных акторов в Африке¹⁴⁹, в связи с чем Москва заинтересована в усилении политического взаимодействия со странами континента, без которого невозможно добиться повышения «стратегического веса» РФ на континенте.

К другим задачам России в Африке относятся: противодействие установлению гегемонии США над стратегическими ресурсами континента. В противном случае есть риск потерять их если не навсегда, то на долгое время; обеспечение безопасности своих национальных интересов в мусульманских странах Африки с целью предотвращения в них политической радикализации исламских течений, которые могут стать угрозой военно-политическому взаимодействию Москвы с этими государствами; важную роль будет играть поддержка России африканскими странами в рамках ООН по очень важной для Москвы тематике — введения против неё западных санкций из-за ситуации на Востоке Украины и возвращения Крыма в состав РФ. По этим важным для России вопросам ряд африканских стран в настоящее время ведут себя достаточно индифферентно. Поэтому Москве будет необходимо приложить немало усилий для того, чтобы они изменили свое поведение и поддержали Россию на международном уровне.

Стратегические интересы Соединенных Штатов в Африке

В Соединенных Штатах давно уже не смотрят на «черный континент» как на некую социально-экономическую и политическую «черную дыру». Мимо внимания американских правящих кругов не прошло то обстоятельство, что в последние годы Африка относится к числу наиболее динамично развивающихся регионов планеты. В самом деле, средний ежегодный прирост общего ВВП Африки составил с 2008 по 2016 г. 4 %¹⁵⁰; именно в Африке полагаются 11 из 25 наиболее быстрорастущих экономик¹⁵¹.

С другой стороны, именно в Африке, по данным Всемирного банка, расположены 9 из 10 беднейших стран мира (Экваториальная Гвинея, Зимбабве, Демократическая Республика Конго, Свазиленд, Эритрея, Мадагаскар, Бурунди, Сьерра-Леоне, Сан-Томе и Принсипи). 33 африканских государства

относятся к так называемому четвертому миру, т. е. к наименее развитым странам со слаборазвитой экономикой и крайне низким уровнем жизни. Многие из этих стран — типичные *failed states* со всеми присущими им особенностями (внутренняя нестабильность, целый «букет» серьезнейших социальных проблем, постепенное проникновение исламских радикалов)¹⁵².

Вот это сочетание возможностей и рисков, безусловно, привлекает внимание американских правящих кругов. Как отмечается в «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом Д. Трампом в декабре 2017 г., «в Африке расположены многие из самых быстрорастущих экономик мира, которые представляют собой потенциальные новые рынки для американских товаров и услуг... Спрос на качественный американский экспорт высок и, вероятно, будет расти по мере увеличения населения и процветания Африки... Число стабильных африканских государств выросло с эпохи независимости, поскольку многие страны вышли из разрушительных конфликтов и прошли демократические преобразования. Несмотря на этот прогресс, многие государства сталкиваются с политической нестабильностью... Многие африканские государства являются ареной борьбы с насильственным экстремизмом и террористами-джихадистами. ИГИЛ, «Аль-Каида» и их сторонники действуют на постоянной основе и увеличили смертоносность своих атак, распространились на новые районы и нацелились на граждан и интересы США. Китай расширяет свое экономическое и военное присутствие в Африке, превращаясь из мелкого инвестора на континенте два десятилетия назад в крупнейшего торгового партнера Африки сегодня. Мы будем расширять торговые и коммерческие связи, чтобы создавать рабочие места и создавать богатство для американцев и африканцев.... Мы будем продолжать работать с партнерами над повышением способности их служб безопасности противостоять терроризму, торговле людьми и незаконной торговле оружием и природными ресурсами. Мы будем работать с партнерами, чтобы победить террористические организации и других лиц, которые угрожают гражданам США и нашей Родине»¹⁵³.

Несмотря на серьезные политические различия между администрациями Трампа и Байдена, последняя придерживается в целом схожих подходов к африканской политике Соединенных Штатов. Как отмечается в утвержденном в марте 2021 г. «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» (Interim National Security Strategic Guidance), «мы будем сотрудничать с динамичными и быстрорастущими африканскими экономиками, оказывая помощь странам, страдающим от плохого управления, экономических трудностей, проблем со здоровьем и отсутствия продовольственной безопасности, усугубляемых пандемией... Мы поможем африканским странам бороться с угрозами, создаваемыми изменением климата и насильственным экстремизмом, и поддержим их экономическую и политическую независимость перед лицом чрезмерного иностранного влияния»¹⁵⁴.

Эти подходы американских правящих кругов к африканской политике нашли свое отражение и в военной политике Соединенных Штатов на континенте. Свидетельством того, что африканский континент занимает куда более

значимое место в американской военной политике, чем это было раньше, стало образование Африканского командования — самого «молодого» из региональных командований вооруженных сил США, указ о формировании которого был подписан президентом Дж. Бушем-мл. 6 февраля 2007 г.

В распоряжении командования нет крупных и боеготовых подразделений вооруженных сил Соединенных Штатов. Поэтому свои задачи Африком решает не за счет размещения на континенте крупного американского воинского контингента на постоянной основе, а посредством налаживания сотрудничества в сфере безопасности с африканскими государствами¹⁵⁵.

Выступая перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил, командующий Африканским командованием ВС США генерал С. Таунсенд подчеркнул, что с точки зрения американских национальных интересов, Африка имеет глобальное стратегическое значение, примыкая к южному флангу НАТО, торговым потокам через Красное море, Ближнему Востоку и Индийскому океану. В непосредственной близости к «черному континенту» располагаются такие важнейшие морские торговые пути, как Гибралтарский пролив, Сицилийский пролив, Красное море, Баб-эль-Мандебский и Мозамбикский проливы. Эти пути имеют огромное значение не только для глобальной торговли, но и для текущих операций и планов действий в чрезвычайных ситуациях 7 командований ВС США. Эти коридоры обеспечивают треть перевозок между Северной Америкой и Азией и треть мировых перевозок нефти. Безопасность США и мира зависит от беспрепятственного доступа к этим водам, подчеркнул Таунсенд¹⁵⁶.

Еще несколько лет тому назад американские военные рассматривали террористические группировки, действующие на территории континента («Аль-Каида» — в странах Магриба, «Боко Харам» — в Нигерии и «Аль-Шабаб» — в Сомали), в качестве угрозы номер один¹⁵⁷.

Теперь перед Африкомом стоят иные задачи. В своем выступлении перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил Таунсенд с тревогой сообщил об огромных инвестициях КНР в экономику африканских стран (только в развитие инфраструктуры Африки Китай в последние годы вложил до 60 млрд долл.). Командующий Африкомом был вынужден констатировать, что на «черном континенте» в настоящее время США и их союзники проигрывают экономическое соревнование Пекину.

Но дело не только в экономике — американцев беспокоит и военная активность Китая в Африке. Именно на территории «черного континента», в Джибути, китайская сторона строит свою первую заморскую военно-морскую базу — всего в 12 км от американского лагеря Лемонье — передового пункта базирования Африканского командования, где размещены 3400 сотрудников Министерства обороны США. По прогнозу Таунсенда, китайская база в Джибути — это только начало; опираясь на свое экономическое присутствие в Африке, Китай, по мнению командующего Африкомом, будет и в дальнейшем наращивать свое военное присутствие на континенте.

Американских военных беспокоит и российская активность в Африке, которая, по их мнению, носит «дестабилизирующий» характер. «Российские

частные военные компании (ЧВК) оказывают дестабилизирующее влияние в Африке, часто обеспечивая российские инвестиции за счет интересов Африки», — утверждает командующий Африкомом. Особенно раздражают генерала Таунсенда действия российских ЧВК в Ливии, где в 2019 г. они сбили американский беспилотник и даже разместили в стране «высокоэффективные истребители»¹⁵⁸.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *выводы*.

Во-первых, в современных условиях Африка является одним из главных «призов» в геополитическом и экономическом соперничестве США, Китая и России. Поэтому их стратегическая цель — укрепить свои позиции на этом континенте, что гарантирует приток существенного объема африканских ресурсов для их национального развития в условиях возрастающей конкуренции на глобальном уровне. Вот почему эти акторы активно развивают взаимодействие с африканскими странами. Свидетельство тому — 25,8 % внешней торговли большинства стран Африки приходится на Китай, 8,6 % — на США и только 3,7 % — на Россию, остальные проценты принадлежат Евросоюзу и ряду других государств. Такая негативная тенденция для российских интересов в Африке обусловлена тем обстоятельством, что Москва лишь в начале пути по восстановлению своих позиций на континенте.

Во-вторых, пока российские экономические позиции в Африке еще далеки от достижений советских времен и от успехов КНР на этом континенте. При этом он является доступным пространством для проведения там активной российской наступательной политики, которая может обеспечить завоевание Россией достойного места в нарастающей геополитической конкуренции в мире. И при проведении Москвой грамотной политики, направленной на развитие сотрудничества с африканскими странами, особенно в варианте формирования торгового пространства на российских условиях, возможно создание на континенте российско-африканского экономического кластера, в котором Москва будет замыкать на себя местные экономические процессы. Это также позволит создать рынок сбыта для российских товаров, получить финансовый источник их дальнейшего совершенствования и разработки новых технологий.

В-третьих, в современных условиях Китай стремится закрепить за собой добычу значительной части полезных ископаемых в Африке, способных обеспечить КНР ресурсной базой, достаточной для успешного противостояния с США. При этом китайское руководство осознает уязвимость формирующегося на континенте китайского кластера от американского и европейского влияния. Отсюда возникает стремление Пекина преобразовать уже «занятое» Западом на континенте экономическое, политическое и военное пространство. Китай приступил к реализации «Всеобъемлющего регионального экономического партнерства» с государствами Африки, сделав акцент на взаимной торговле и на инвестициях африканским партнерам. Для Китая важное значение имеет и усиление своего политического влияния в африканских странах, которые могли бы в нужный момент поддержать китайские инициативы при решении региональных проблем в рамках международных

организаций, включая ООН, где представители Африки составляют большинство. Поэтому Китай продолжает активно вкладывать миллиардные инвестиции в геополитическое будущее Африки.

В-четвертых, в настоящее время Соединенные Штаты при проведении своей африканской политики сталкиваются с китайской и российской конкуренцией и в экономической, и в военно-политической сферах. На фоне противостояния с китайским и российским проникновением в Африку борьба с экстремистскими группировками, с точки зрения Вашингтона, утратила свою приоритетность. В настоящее время, однако, США более не могут просто «уйти» из Африки, как это было после окончания «холодной войны», когда «черный континент» перестал быть ареной советско-американского противоборства. Слишком важна Африка для официального Вашингтона — и с экономической, и с геополитической точек зрения.

2.8. Стратегия США, Китая и России в Латинской Америке

Значение Латинской Америки для мировых держав

Наравне с африканским континентом Латинская Америка привлекает к себе внимание многих мировых держав прежде всего своими полезными ископаемыми (в регионе сосредоточено около 30 % мировых запасов пресной воды, 1/3 лесных богатств, 18 % нефти, 30 % черных металлов и других редких цветных металлов) (рис. 2.8.1).

Помимо залежей полезных ископаемых повышению «стратегического веса» Латинской Америки в глобальной экономике способствуют следующие факторы: растущий потенциал Бразилии (по экономическим показателям она занимает 8-е место в мире и претендует на членство в СБ ООН); мощная внешнеторговая экспансия Мексики, занимающей по объему внешней торговли одно из ведущих мест в мире; агропромышленный комплекс Аргентины (при населении в 40 млн человек она может прокормить 400 млн человек); энергетический сектор Венесуэлы (соперничающей по запасам нефти с Саудовской Аравией); газовые богатства Боливии; экономические успехи Чили и ряда других государств региона.

При этом постепенно происходит экономическое сближение и взаимодействие этих государств на региональном уровне, где создаются структуры, ориентированные на формирование центров влияния, которые усиливают позиции Латинской Америки в международных делах. Одновременно в странах континента идет переоценка прежних внешнеполитических установок. Например, Аргентина, Бразилия, Мексика, Венесуэла, Перу, Чили заметно корректируют свои внешнеполитические стратегии в сторону защиты своего суверенитета, большей независимости и самостоятельности. Государства Латинской Америки также выступают за укрепление роли ООН и за примат международного права. Этими акциями ряд стран региона последовательно укрепляют свои экономические и политические позиции и фактически становятся одними из центров многополюсного мира. С учетом этого можно

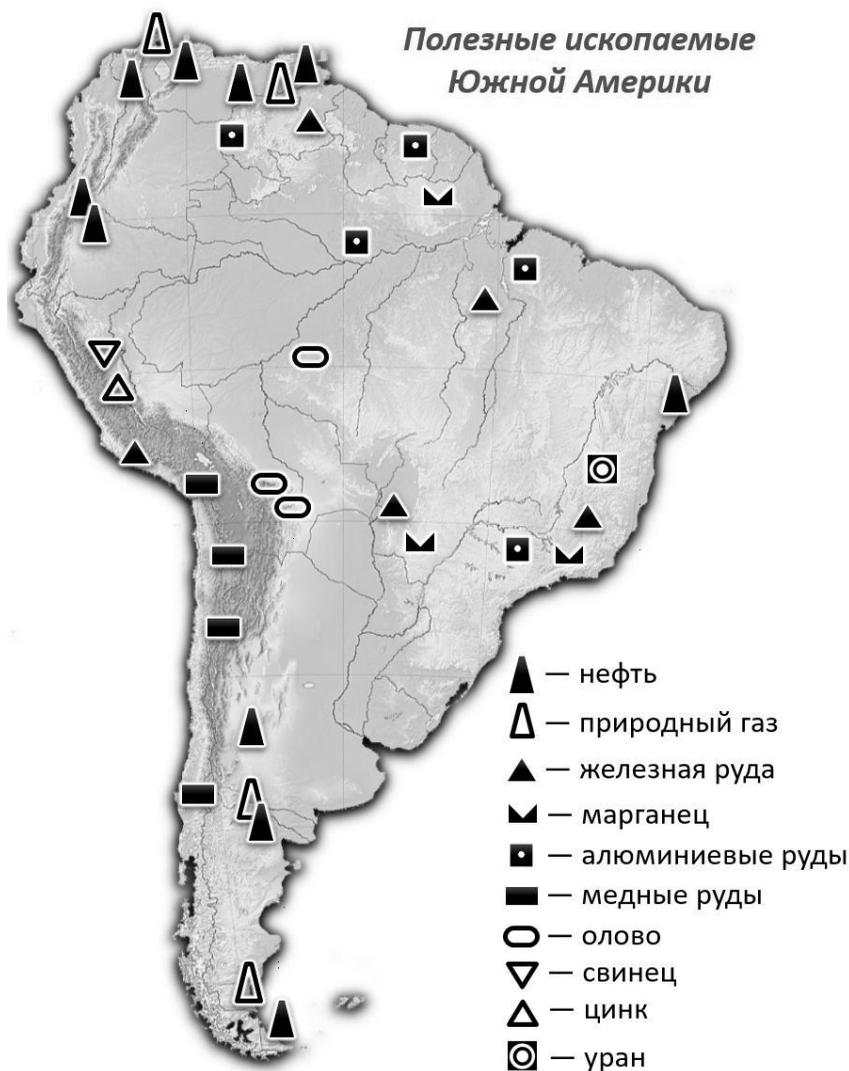

Рис. 2.8.1. Полезные ископаемые Южной Америки.

Источник: URL: <https://ru-static.z-dn.net/files/d90/97a9fd50ccc84084fe098bf7d8f9a8ea.png>

констатировать, что Латинская Америка становится влиятельным участником глобальных процессов. Об этом также свидетельствуют следующие факты: Аргентина, Бразилия и Мексика — участники «G-20», которая во многом определяет экономическую и финансовую ситуацию в мире; Бразилия — член

международной структуры БРИКС, играющей все более заметную роль в мировой политике и экономике; Мексика, Перу и Чили — члены АТЭС; эти государства и Колумбия образовали «Тихоокеанский альянс», региональную структуру, которая динамично развивается.

Стратегия Китая в отношении стран Латинской Америки

В связи с указанными обстоятельствами в начале XXI века в отношениях Китая со странами Латинской Америки произошел настоящий прорыв. А для ряда государств региона партнерство с КНР приобрело приоритетный характер, отодвинув на второй план традиционные связи с США. Это было обусловлено, с одной стороны, стремительным развитием китайской экономики и целенаправленным курсом Пекина на расширение торгово-экономических и политических отношений с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). С другой стороны, многие латиноамериканские страны увидели в КНР серьезный источник инвестиционных ресурсов для своего экономического роста и емкий рынок для товаров регионального экспорта.

При этом китайские кредиторы, в отличие от большинства международных финансовых институтов, не предъявляют каких-либо сопряженных жестких требований (финансовых, экологических, политических), хотя они зачастую сопровождаются обязательствами в части закупок только китайских товаров и услуг для реализации целей займов. Особенно это касается реализации в регионе китайского проекта «Один пояс, один путь» и попыток продвинуть инициативы КНР по подписанию соглашений о свободной торговле, в связи с чем Пекин наталкивался на осторожную позицию многих латиноамериканских правительств. Понимая это, он стремится предложить латиноамериканским странам взаимовыгодную модель сотрудничества, увеличивая инвестиции в различные отрасли, в том числе высокотехнологичные, а главное, предлагая мощную финансовую поддержку¹⁵⁹. Это связано с тем обстоятельством, что быстро растущая китайская экономика все больше нуждается в сырьевых ресурсах, тем самым побуждая китайское руководство расширять экономические связи со странами региона. Результатом усилий Пекина в этом направлении стал быстрый рост товарооборота между КНР и странами региона. Например, с 1990 по 2000 г. товарооборот между Китаем и латиноамериканскими странами вырос в 10 раз (причем китайский экспорт — в 22,7 раза, а импорт — в 4,6 раза) и превысил 11 млрд долл.

Особенно увеличилась торговля с КНР в странах, стартовавших с достаточно низкого уровня: с Венесуэлой — в 52 раза, Колумбией — в 99 раз, Мексикой — в 124 раза. В результате опережающего роста китайского экспорта произошло изменение торгового баланса: если в 1990 г. латиноамериканские государства имели положительное сальдо в товарообмене с Китаем, то к 2000 г. китайские предприятия стали больше продавать в регионе, чем покупать¹⁶⁰. И если в региональном экспорте КНР доминируют промышленные изделия, включая машины и оборудование, то в китайском импорте из стран Латинской Америки преобладают сырьевые и продовольственные това-

ры и полуфабрикаты (в первую очередь углеводородное и сельскохозяйственное сырье, минералы, металлы, древесина, а также соя и ее продукты). Таким образом, страны региона стали важным источником сырьевых и продовольственных товаров, рынком сбыта промышленных изделий и сферой приложения инвестиций китайских бизнес-структур.

Так, по объему торговли с Бразилией, Перу и Чили Китай уже обогнал США. Только за последние 3 года КНР предоставила странам региона кредитов на 50 млрд долл. В Аргентине появилась целая новая отрасль, ориентированная на удовлетворение китайского спроса — выращивание сои и производство продуктов из нее. Это привело к тому, что хозяйственные связи Поднебесной со странами региона вышли за рамки традиционной внешней торговли и распространились на область инвестиционного сотрудничества и оказания экономического и технического содействия наиболее отсталым государствам региона. При этом товарооборот между Китаем и Латинской Америкой вырос с 12 млрд долл. в 2000 г. до почти 306 млрд долл. в 2019 г. Кроме того, Китай стал крупным инвестором: стоимость его займов — в основном на проекты в области энергетики и инфраструктуры — превысила финансирование со стороны Всемирного банка и Межамериканского банка развития. Помимо этого, Китай строит дома и гидроэлектростанции в регионе, шоссе и железные дороги, воздерживаясь от навязывания своей модели развития, что облегчает взаимопонимание с местными элитами¹⁶¹. В итоге Латиноамериканский регион, который США привыкли считать своим «задним двором», постепенно переходит в сферу влияния Китая. Так, в Чили и Бразилии, Венесуэле и на Кубе уже трудятся тысячи китайских строителей и инженеров. С китайского космодрома Сичан в октябре 2008 г. был запущен первый в истории Венесуэлы спутник «Симон Боливар», разработанный в КНР. А телекоммуникационный гигант «Хуавэй» уже давно успешно обосновался на латиноамериканском континенте.

В своеобразном «табели о рангах» во взаимоотношениях Китая со странами региона на первом месте стоит Бразилия, чьи отношения с КНР приобрели характер стратегического партнерства и взаимодействия. Это главный торговый контрагент Китая в регионе. Так, в 2020 г. крупнейшими торговыми партнерами по импорту товаров в Бразилию стали Китай с долей 22 % (36 млрд долл.) и США с долей 17,8 % (29 млрд долл.)¹⁶², причем Бразилия остается одной из немногих стран, сохраняющих активное saldo в торговле с Поднебесной: бразильский экспорт приблизился к 20,2 млрд долл., а импорт превысил 15,9 млрд долл.¹⁶³

Экономическому сближению Аргентины и Китая способствует близость моделей развития этих стран на основе «Пекинского консенсуса», который ориентирован на инновации, устойчивое развитие, социальную справедливость и национальное самоопределение (в отличие от «Вашингтонского консенсуса», который минимизировал роль государства)¹⁶⁴.

Специфический характер приобрели торгово-экономические отношения КНР с Мексикой. При этом объем мексиканских закупок в Китае уже в 2009 г. вырос в 2063 раза (!) и значительно превысил китайский экспорт в лю-

бую другую страну региона. Мексиканский вывоз в Китай тоже увеличился, но по объему не идет ни в какое сравнение с закупками в КНР. В итоге в торговле двух стран сложился сильный дисбаланс в пользу Китая.

Растущая потребность Пекина в энергоресурсах заставляет искать новые источники снабжения, поэтому в Латинской Америке Венесуэла превратилась в значимого партнера КНР, поставляющего в Поднебесную 400 тыс. баррелей нефти в день. И это не предел. Китайская компания ЧНООК, венесуэльская государственная корпорация «Петролеос де Венесуэла» и другие организации обеих стран подписали ряд соглашений по совместной разработке в бассейне реки Ориноко крупнейших месторождений тяжелой нефти, а также ее переработке (как в Венесуэле, так и в Китае). Помимо этого, Китай продолжает оказывать Венесуэле огромную финансовую помощь, предоставляя ей внушительные кредиты (с 2014 г. Китай кредитовал Венесуэлу более чем на 30 млрд долл.)¹⁶⁵. Не менее важны для Каракаса и связи с Пекином в области военно-технического сотрудничества. Венесуэла стала первым зарубежным заказчиком китайских бронетранспортеров VN-1 для нужд венесуэльской морской пехоты. На вооружение ВВС Венесуэлы поступили 18 учебно-боевых самолетов К-8W «Каракорум», приобретенных в Китае, затем — военно-транспортные самолеты китайского производства. Кроме поставок вооружения, Китай осуществляет помощь стране в подготовке венесуэльского офицерского корпуса, также регулярно проводятся совместные военные учения китайских и венесуэльских подразделений.

Если говорить о Никарагуа, то здесь Китай больше всего интересуется возможностью строительства Никарагуанского канала, который бы соединил Тихий океан с Атлантикой и стал бы альтернативой Панамскому каналу. Через канал КНР планировала перевозить большие объемы нефти, закупаемые в Венесуэле. Для этого в 2013 г. гонконгская компания «НК Nicaragua Canal Development Investment Co Ltd» получила от правительства Никарагуа концессию на 50 лет по эксплуатации планируемого канала. Однако впоследствии темпы по подготовке строительства канала резко снизились, и в настоящее время проект заморожен (в связи с чем Китай пока не инвестирует в него средства).

Отдельно следует отметить растущее сотрудничество Китая и стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) в космической сфере. Благодаря активности КНР в этой области свои космические программы появились у Боливии и Никарагуа. В настоящее время китайские компании инвестируют немалые средства в развитие космической промышленности в Бразилии (для чего реализуется программа China-Brazil Earth Resources Satellites, позволяющая запускать совместные спутники).

Расширение хозяйственных связей с государствами Латинской Америки Пекин стремится сочетать с интенсивным диалогом на высшем уровне, прокладывая китайским бизнес-структурам путь в Латиноамериканский регион. Двусторонние переговоры дополняются регулярными контактами в различных многосторонних форматах: в структурах ООН, на форумах «G-20», БРИК, АТЭС, в многочисленных региональных и субрегиональных структу-

рах. Кроме того, Пекин умело использует экономическое и политическое влияние своей диаспоры в странах региона, которое в последние годы ощути-мо растет. Особенно заметен этот процесс в Боливии, Парагвае, Перу и Аргентине. Например, в 2006—2010 гг. китайская община в Аргентине практически удвоилась и превысила 120 тыс. человек. Это экономические активные, финансово состоятельные и предприимчивые люди, поставившие под свой контроль значительную часть розничной торговли в крупнейших городах страны. Кроме того, китайцы традиционно контролируют тысячи объектов сферы услуг, включая прачечные и химические чистки.

Однако разразившаяся на планете пандемия COVID-19 сдерживает стратегическую активность Китая за рубежом. Несмотря на безусловный интерес Китая к Латинской Америке, ограничения на поездки и иные ограничительные меры, направленные на замедление распространения коронавируса в регионе, привели к тому, что некоторые компании КНР отложили стратегические планы по закреплению своего присутствия в государствах ЛАКБ. Так, если в 2019 г. китайские слияния и поглощения в Латинской Америке составили 18 транзакций на сумму 8,9 млрд долл., а за первые три месяца 2020 г. такие сделки принесли всего 163 млн долл.¹⁶⁶ Но такое замедление стратегической активности Поднебесной не будет длиться вечно. Наоборот после пандемии влияние китайской стратегии в Латинской Америке будет усиливаться и Пекин вновь будет играть ключевую роль в региональных инфраструктурных проектах и инвестировании стран Латинской Америки.

Цели и задачи Соединенных Штатов в Латинской Америке

После окончательного краха планов по созданию Панамериканской зоны свободной торговли (ПЗСТ) Вашингтон утратил ту стратегическую инициативу, которой он обладал в своей южноамериканской политике с начала 1990-х годов. После провального саммита стран Северной и Южной Америки в Мариа-дель-Плато в ноябре 2005 г., где разногласия между США и их соседями по полушарию оказались столь значительными, что не удалось даже договориться о месте проведения следующего саммита по вопросам образования ПЗСТ, эта тема исчезла из американских официальных заявлений и директивных документов.

Это был сильнейший удар по американской политике в Новом свете. Ведь пока сохранялась перспектива формирования ПЗСТ (иными словами, открытия колоссального американского внутреннего рынка для латиноамериканских государств), у Соединенных Штатов оставался мощный рычаг воздействия на экономическую (и не только) политику государств «к югу от Рио-Гранде». В случае реализации инициативы по созданию ПЗСТ Вашингтон мог бы держать под своим плотным контролем как экономические связи между латиноамериканскими государствами и Старым светом, так и интеграционные процессы в Южной Америке.

Более того, создание ПЗСТ превращало бы Новый Свет в мощнейший центр экономического притяжения и влияния в мире. Как писал об этом Г. Киссинджер, «система свободной торговли размерах с Западное полуша-

рие — с НАФТА в качестве первого шага — предоставит обеим Америкам лидирующую роль... Западное полушарие будет главным участником в глобальном экономическом росте... Предлагая ассоциативное членство странам, находящимся за пределами Западного полушария, расширившееся НАФТА создаст стимулы к соблюдению принципов свободной торговли и сможет называть страны, настаивающие на более ограничительных правилах»¹⁶⁷.

Провал этих планов стал одной из причин того, что процессы экономической интеграции в странах Латинской Америки, а также внешнеэкономические и политические связи этих стран вышли из-под контроля США. В директивных документах, принимаемых Вашингтоном в последние годы, с тревогой говорится о проникновении «к югу от Рио-Гранде» геополитических противников Соединенных Штатов.

Так, в утвержденной президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности, в разделе, посвященном политике США на латиноамериканском направлении, говорилось, что «Китай стремится втянуть регион в свою орбиту с помощью государственных инвестиций и займов. Россия продолжает свою провальную политику «холодной войны», поддерживая своих радикальных кубинских союзников, в то время как Куба продолжает подавлять своих граждан. И Китай, и Россия поддерживают диктатуру в Венесуэле и стремятся расширить военные связи и продажи оружия по всему региону»¹⁶⁸.

Экономическое проникновение КНР в Южную Америку вызывает особую озабоченность в американских кругах. С начала нулевых годов товарооборот КНР с латиноамериканскими государствами увеличился в десятки раз, с 17 млрд долл. в 2002 г. до более чем 315 млрд долл., с планами достичь 500 млрд долл. в торговле к 2025 г.¹⁶⁹ Правда, по общему товарообороту со странами Латинской Америки Соединенные Штаты все еще опережают Китай (в 2017 г. американская торговля со странами региона достигла 754 млрд долл.¹⁷⁰), но, как видно, Китай быстро наращивает свое экономическое присутствие «к югу от Рио-Гранде», став вторым после Соединенных Штатов экономическим партнером стран региона. Уже в 2019 г. Китай стал основным торговым партнером таких южноамериканских стран, как Бразилия, Чили, Перу и Уругвай, оттеснив США на второй план. Озабоченность в Вашингтоне вызывает и быстроразвивающееся военно-техническое сотрудничество между КНР и Латинской Америкой.

Но не только китайское, но и российское проникновение в Южную Америку вызывает озабоченность у американских правящих кругов. Как заявил, выступая в сенатском комитете по делам вооруженных сил, командующий Южным командованием ВС США адмирал К. Фэллер, Россия все больше заявляет о себе в Латинской Америке и Карибском бассейне, проводя стратегию, направленную на усиление влияния Москвы и подрыв лидерства США в регионе в долгосрочной перспективе¹⁷¹.

Конкретно Пентагон беспокоит увеличение российского военного присутствия в регионе. Россия с 2008 г. трижды развертывала свои стратегические бомбардировщики в регионе; российские военно-морские суда совер-

шили 40 заходов в порты латиноамериканских государств начиная с 2010 г. Выросли и поставки российских вооружений в Южную Америку, составив за последние 10 лет 2,3 млрд долл. Негативную реакцию у американцев вызывает и информационное проникновение России в Латинскую Америку: так, в 2020 г. российские испаноязычные СМИ более чем удвоили число подписчиков в социальных сетях — с 7 млн до более чем 18 млн; это, по мнению Фэллера, позволит русским «распространять дезинформацию», «искажающую действия США в области безопасности»¹⁷².

Негативную реакцию у американской стороны вызывает и «медицинская дипломатия» Китая и России, которая резко активизировалась в связи с пандемией COVID-19. Американские должностные лица выражают озабоченность по поводу китайских предложений продавать латиноамериканским странам вакцину против COVID-19 в кредит, стремясь расширить программы сотрудничества со странами Латинской Америки в медицинской сфере. Уже заключены соглашения о сотрудничестве с КНР в области развития медицинской инфраструктуры с Аргентиной, Бразилией, Перу и Венесуэлой. Россия, как считают в Вашингтоне, также использует пандемию как возможность усилить свое влияние в странах, где у нее ранее был ограниченный доступ¹⁷³.

Соединенные Штаты дают решительный отпор попыткам Москвы оказать помощь странам Латинской Америки в борьбе с пандемией. Широкую известность получил факт нажима на Бразилию американских властей, с тем чтобы убедить эту страну отказаться от российской вакцины¹⁷⁴.

Как уже было сказано, у официального Вашингтона больше нет эффективных средств противодействия проникновению своих геополитических противников на свой «задний двор»: о реанимации инициативы создания Панамериканской Зоны свободной торговли (ПЗСТ) в нынешних условиях не может быть и речи. В утвержденном президентом Байденом в марте 2021 г. «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» не содержится никаких масштабных инициатив в отношении Южной Америки; вместо этого произносятся общие слова о том, что «жизненно важные национальные интересы Соединенных Штатов неразрывно связаны с судьбой наших ближайших соседей в Северной и Южной Америке».

Как указывается в документе, «мы будем расширять наше взаимодействие и партнерские отношения по всему Западному полушарию — и особенно с Канадой и Мексикой — на основе принципов взаимного уважения и равенства и приверженности экономическому процветанию, безопасности, правам человека и достоинству»¹⁷⁵. Из этой фразы правящие круги латиноамериканских стран вынуждены будут сделать однозначный вывод: в глазах Вашингтона они — союзники «второго сорта» по сравнению с Канадой и Мексикой. В этих условиях у стран Южной Америки не остается иного выбора, кроме диверсификации своих международных и внешнеэкономических связей — нравится ли это «северному соседу» или нет. К сказанному следует добавить, что в настоящее время Соединенные Штаты вряд ли смогут проводить в отношении своих южных соседей «дипломатию канонерок»: у Вашингтона отсутствуют военные возможности для проведения такой политики.

Южное командование (Южком) вооруженных сил США отвечает за планирование, осуществление операций американских вооруженных сил в Центральной и Южной Америке и их сотрудничество в сфере безопасности с государствами региона. Южное командование отвечает также за оборону Панамского канала и прилегающей зоны. В подчинении командования находится порядка 1200 военнослужащих и гражданских служащих. В центре внимания руководства командования — обеспечение взаимодействия различных видов вооруженных сил, береговой охраны США, а также других американских «силовых» структур. В настоящее время в командно-штабную структуру Южкома входят Межвидовая группа по проведению специальных операций, две общевойсковые тактические группы, одна межвидовая тактическая группа, а также Бюро сотрудничества в области безопасности. Штаб-квартира Южного командования располагается в Майами (штат Флорида).

По мнению руководства Южкома, ни в настоящее время, ни в любом обозримом будущем не предвидится появления серьезной военной угрозы Соединенным Штатам в данном регионе. Маловероятным считают там и возникновение крупного вооруженного конфликта между латиноамериканскими государствами. В то же время терроризм, наркотрафик, международная оргпреступность и стихийные бедствия являются, по оценке американских военных, общим вызовом для безопасности как стран региона, так и Соединенных Штатов. Как уже было отмечено выше, в последнее время серьезную озабоченность американских кругов вызывает военно-политическая активность КНР и РФ в Латинской Америке¹⁷⁶.

Руководство Южкома исходит из того, что Южное командование сможет дать ответ на все эти вызовы, если только сумеет наладить как эффективное межведомственное взаимодействие с другими американскими правительственными органами, действующими в регионе (включая и такие «силовые» структуры, как ЦРУ, Департамент по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, Береговая охрана и др.), так и с военными латиноамериканских стран. У американских военных — давние традиции связей и сотрудничества со своими коллегами «к югу от Рио-Гранде»; при этом Пентагон активно использует такие военно-учебные заведения, как Институт сотрудничества в области безопасности западного полушария, Центр оборонных исследований западного полушария и Межамериканская академия военно-воздушных сил, где проходят подготовку и переподготовку как американские, так и латиноамериканские военные. Кроме того, регулярно проводятся совместные военные учения американских военных и военнослужащих латиноамериканских государств.

Интересы России в регионе и направления её деятельности при их реализации

Учитывая мировую экономическую конъюнктуру и геополитическую ситуацию в регионе, Латинская Америка интересна для РФ прежде всего в качестве: стратегического союзника в западном полушарии; привлекательного рынка сбыта для российской продукции; поставщика ресурсов и продуктов

(углеводороды, мясная, винная и фруктовая продукция)¹⁷⁷. В связи с чем торгово-экономические связи России со странами Латинской Америки развиваются по нарастающей, но все же не в том объеме, как с Китаем, который за последние 10 лет довел свою торговлю со странами ЛАКБ. до 70—80 млрд долл. и ставит перед собой задачу увеличить ее до 100 млрд долл., при этом его инвестиции составляют 250 млрд. А максимальный торговый оборот России со странами региона составляет лишь 18—19 млрд долл., при инвестициях, равных 13 млрд долл., что более чем в 20 раз меньше китайских инвестиций (график 2.8.1).

У этого отставания РФ от КНР есть как субъективные, так и объективные причины. Во-первых, российские предприниматели пока не рассматривают латиноамериканский рынок как перспективный для своих товаров. Во-вторых, у российских властей после введения западных санкций нет достаточно финансовых средств для зарубежных инвестиций, и хотя в последнее время ситуация постепенно меняется в лучшую сторону, это происходит слишком медленно. В связи с чем Россия развивает отношения со странами ЛАКБ по двум направлениям: на двусторонней основе и с их региональными структурами.

Что касается двусторонних связей, то латиноамериканское направление в российской внешней политике приобрело самостоятельное значение в 2000 г., когда В. Путин совершил свою первую поездку на Кубу. Именно с этого визита Россия начала отчет своей новой политики с государствами ре-

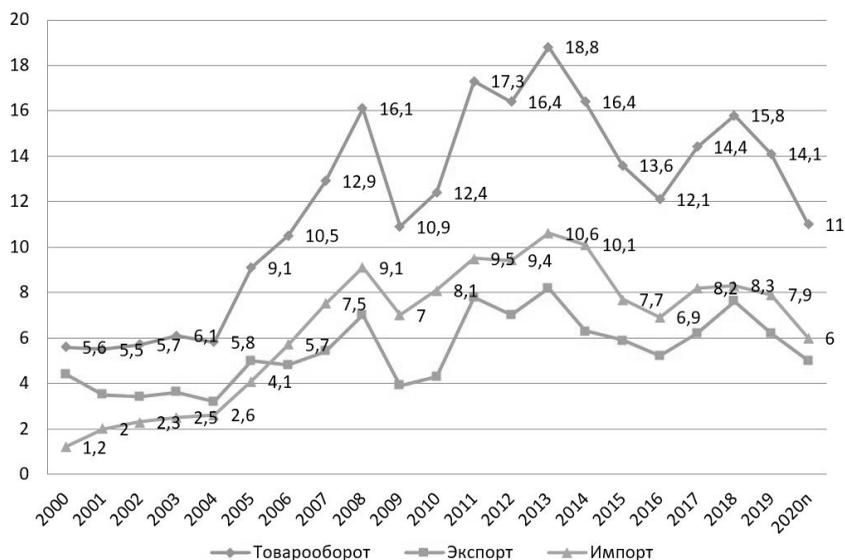

График 2.8.1. Динамика внешней торговли России со странами Латинской Америки.
 Источник: URL: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/lkatrade2w.jpg>

гиона, независимо от их политической и идеологической ориентации, на основе разумного прагматизма.

Особо стоит отметить заинтересованность Москвы в развитии стратегических сношений с Гаваной, которая не приемлет политику и военную стратегию Вашингтона в регионе. Поэтому в качестве «противовеса» США на территории Кубы до недавнего времени существовала РЛС ВС РФ в Лурдесе, которая позволяла контролировать теле-радиосистемы в юго-западной части Соединенных Штатов. И при дальнейшем обострении отношений между США и Кубой вполне возможно восстановление этого и других российских военных объектов. Этому способствуют взаимные опасения Москвы и Гаваны по отношению к агрессивной политике США, а также помощь, оказываемая Россией Острову Свободы. В связи с чем Куба в перспективе может стать одним из главных стратегических партнёров России, способным быть проводником российской политики и стратегии на латиноамериканском континенте.

Помимо Кубы, отношения России с такими государствами, как Аргентина, Бразилия, Венесуэла, также постепенно приобретают стратегический характер, что обуславливается уровнем двусторонних связей, их ролью в региональных и мировых делах. Успешно развиваются отношения России с Мексикой, особенно в области газовой и горнодобывающей промышленности, энергетики и транспорта, в аэрокосмической сфере. Парагвай, Аргентина и Уругвай стали крупными поставщиками в Россию мясомолочных продуктов. А Мексика, Чили, Уругвай, Эквадор и другие страны континента — фруктов и алкоголя, рыбы и рыбной муки, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Мексика — кофе и т. д.

При этом большая заинтересованность Москвы обращена на развитие отношений с Бразилией в рамках БРИКС, где их общие интересы заключаются во взаимодействии в рамках этой Организации; совместной разработке нефти и газа на восточном побережье Бразилии и новейших образцов военной техники¹⁷⁸. Бразилия разделяет геополитическую заинтересованность России на утверждение в мировой политике принципов многополярности и примата международного права. Кроме того, Бразилия входит в «двадцатку» крупнейших экономик мира и активно участвует в деятельности ООН.

Политика развития Москвой двусторонних связей со странами региона полностью себя оправдывает. С одной стороны, продолжается курс на развитие двусторонних отношений в самых разных областях. С другой стороны, Москва отслеживает интеграционные процессы в регионе и стремится поддерживать связи с различными объединениями, учитывая, что они важны с точки зрения упрочения российских позиций в Латинской Америке. Со своей стороны, латиноамериканские страны проявляют заметный интерес к российским технологиям, особенно в сфере военно-промышленного комплекса (при этом самым крупным клиентом российских производителей вооружений в регионе стала Венесуэла). Кроме того, в регионе активно действуют российские компании — «Роснефть», ЛУКОЙЛ, «Зарубежнефть», РУСАЛ, «Авто-ВАЗ», «Рособоронэкспорт» и ряд других российских компаний, спрос на продукцию которых постоянно растет.

Москва поддерживает отношения со всеми государствами ЛАКБ. Для этого в регионе действуют 18 посольств и 3 генеральных консульства (в 15 странах послы аккредитованы по совместительству). Благодаря их усилиям в регионе была создана довольно обширная правовая база для дальнейшего развития многосторонних контактов. За последние 15 лет было подписано более 200 документов, регулирующих российско-латиноамериканское сотрудничество в самых разных областях. Благодаря этому, на фоне общего охлаждения отношений РФ с США и их сателлитами наблюдается активизация контактов с государствами Латинской Америки, которые не поддерживают антироссийские санкции и готовы развивать деловые связи, в первую очередь торговые. Многие из них уже начали поставлять товары на российский рынок. И если в перспективе ряд стран ЛАКБ заменят своей продукцией европейскую и американскую, то с отменой западных санкций российский рынок для Брюсселя и Вашингтона во многих областях может быть утерян.

Таким образом, в основе отношений между Россией и Латинской Америкой лежит не только развитие экономических связей, но и их совпадающие геополитические интересы. Во-первых, это закрепление на внутренних и международных рынках и укрепление своего геополитического статуса и потенциала в международных политических и экономических процессах. Во-вторых, учитывая современные тенденции по формированию западных коалиций с целью удержания своего господства в мире, Россия и её латиноамериканские коллеги рискуют остаться «один на один» с враждебными блоками в будущем, когда будет нарастать их давление на страны-обладательницы больших геостратегических запасов ресурсов. В результате РФ и государства ЛАКБ будут лишь объектами передела мира в интересах западного сообщества. Это обуславливает третью причину, которая заключается в заинтересованности создания Россией и государствами региона механизмов сдерживания геополитических поползновений Запада во главе с США. Ряд латиноамериканских стран, не желающих быть «сырьевым придатком Соединенных Штатов», побуждают увеличивать свои вложения в свою военную отрасль, тем самым открывая рынки своих вооружений для российских компаний (поэтому у России существует большой потенциал для увеличения внешнеторгового сальдо с этими странами)¹⁷⁹.

Во взаимоотношениях России со странами региона важное место занимают контакты по линии федеральных ведомств. К примеру, за последние 10—15 лет к ним подключились правоохранительные органы — Министерство юстиции, Генеральная прокуратура, МВД, ФСБ — которые ранее практически не участвовали в контактах такого рода. Это позволяет развивать взаимодействие в борьбе с глобальными вызовами, такими, как, например, производство и контрабанда наркотиков. А сотрудничество в борьбе с оргпреступностью повышает уровень отношений России со странами ЛАКБ, делая их более доверительными. Немаловажное значение имеет и участие России в предотвращении стихийных бедствий и ликвидации их последствий (в этой области есть проект создания регионального центра в Венесуэле, рассчитанный на покрытие потребностей региона в предоставлении чрезвычайной помощи)¹⁸⁰.

Эти направления сотрудничества дополняют усилия российской дипломатии в работе с соотечественниками, которых в регионе насчитывается порядка 500 тыс. человек. Большая часть их находится в Аргентине, Бразилии и Парагвае, и они способствуют усилению влияния российской «мягкой силы» в этих странах. Кроме того, Россия оказывает гуманитарную помощь странам региона в их борьбе с пандемией коронавируса. Свидетельство тому — представитель Аргентины Э. Суайн на состоявшемся 14 сентября 2021 г. международном телемосте, посвященном сотрудничеству между Москвой и странами Латинской Америки, поблагодарил российскую сторону за беспрецедентную помощь, оказанную аргентинскому народу в борьбе с пандемией, в которой Россия не только предоставила вакцины «Спутник», но и поделилась технологией их создания, благодаря чему удалось наладить их производство в этой латиноамериканской стране. Такое производство в планах и у Боливии, о чем заявил заместитель боливийского министра внешней торговли и интеграции Б. Бланко¹⁸¹.

Таким образом, благодаря активной наступательной политике в регионе у России есть все шансы закрепиться в Латинской Америке для реализации там своих геополитических и экономических интересов: в лице государств региона Россия приобретает новых торговых и экономических партнёров, что повышает её значимость на мировой арене путём диверсификации отношений со странами ЛАКБ; в ряде государств региона Россия может восстановить своё военное присутствие, что является логичным ответом на военное расширение НАТО на постсоветском пространстве; развитие энергетических отношений со странами региона будет содействовать выходу России к берегам Антарктиды, где находится большое количество неразработанных нефтегазовых ресурсов, которые в перспективе могут стать полем битвы в рамках передела сфер влияния в мире. Всё это возможно лишь при чётком определении интересов России в этом регионе и потенциальных угроз, исходящих из него. Следовательно, успех России на латиноамериканском направлении будет зависеть от законодательного закрепления российской стратегии в этом регионе и сбалансированности там внешней политики.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие **выводы**.

Во-первых, Латинская Америка благодаря своим природным ресурсам и активной внешней политике её государств все больше превращается в самостоятельный центр влияния в мире, и в перспективе роль и значение этого региона будут только возрастать. Это открывает дополнительные возможности для расширения связей ведущих мировых держав в сфере экономики и политики с этим перспективным во многих отношениях континентом.

Во-вторых, стратегический рывок КНР в Латинскую Америку по времени совпал с проведением в ряде стран региона реформ, «открывших» их национальные экономики для роста экономических обменов с Китаем и экспансии в них китайского капитала. Китайские экспортеры в полной мере воспользовались этими возможностями и повели инвестиционное наступление на латиноамериканские рынки. В результате хозяйственные связи КНР со странами региона вышли за рамки торговли и распространились на об-

ласть инвестиционного сотрудничества и оказания экономического и технического содействия государствам Латинской Америки. При этом двустороннее сотрудничество Китая с отдельными государствами было дополнено установлением связей с региональными экономическими и политическими организациями ЛАКБ — с «Группой Рио», с Межамериканским банком развития и Карибским банком развития, а также с ведущими субрегиональными интеграционными группировками — МЕРКОСУРом, Андским сообществом наций и Карибским сообществом. В результате Пекин стал играть ключевую роль в региональных инфраструктурных проектах, оттеснив Вашингтон на второй план.

В-третьих, США в настоящее время сталкиваются с серьезной конкуренцией в западном полушарии со стороны внерегиональных акторов, прежде всего КНР и ЕС. У Соединенных Штатов ныне нет ни экономических, ни политических ресурсов для выдвижения масштабных инициатив в отношении Южной Америки, вроде создания Панамериканской зоны свободной торговли. И в этих условиях у стран Латинской Америки не остается иного выбора, кроме диверсификации своих международных и внешнеэкономических связей — нравится это «северному соседу» или нет.

В-четвертых, учитывая географическую отдаленность РФ от латиноамериканских стран, Москве приходится иметь дело с давлением ряда международных акторов, включая КНР и США, которые имеют свои стратегические установки в этом регионе. В результате России приходится задействовать свои дипломатические и экономические рычаги для выстраивания эффективных межгосударственных связей со странами этого региона. И хотя по сравнению с Китаем и США экономические и инвестиционные позиции России в Латинской Америке пока слабы, можно выделить три основных направления, формирующие общую платформу национальных интересов РФ и стран ЛАКБ в мире: Россия и многие государства региона являются сторонниками многополярного мира; они желают занимать достойное место в глобальном экономическом и финансовом регулировании и не приемлют вмешательство стран Запада в их внутренние дела; Россия и страны Латинской Америки не являются соперниками в экономической области, а дополняют друг друга. В совокупности эти направления являются базисом для того, чтобы Россия вплотную занялась уточнением своей внешнеполитической стратегии в отношении Латинской Америки, что придаст новый импульс развитию отношений между Россией и странами этого региона.

Примечания

¹ Гушер А. Современные геополитические процессы и их влияние на состояние международной безопасности. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/sovremennye-geopoliticheskie-protsessy/>

² Нежданов В. Китай и Евросоюз: партнеры или конкуренты? URL: <https://news.rambler.ru/asia/42047317-kitay-i-evrosyuz-partnery-ili-konkurenty/>

³ Материалы 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

⁴ *Рогов С.* Стратегия России в Евразии в XXI веке. URL: http://www.ng.ru/style/2010-02-26/7_evrazia.html

⁵ *Петросян Э.* Между Азией и Европой. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2019-06-13/1_6_7_1048_geopolitica.html

⁶ *Романова Т.* Россия и Европа: в чем-то разные, в чем-то похожие? URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-Europe-Policybrief5-ru.pdf>

⁷ *Игнатьев С.* Всеобъемлющее американо-российское противоборство. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/vseobemlyushchee-amerikano-rossiyskoe-protivoborstvo>

⁸ New chances and new responsibilities in the Arctic Region. International Conference of the German Federal Foreign Office in cooperation with the Ministries of Foreign Affairs of Denmark and Norway, Heidelberg, 2009. March 11—13, Berlin.

⁹ *Гордиенко Д.В.* Геополитический компонент КНР в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США// Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 1. С. 21—37.

¹⁰ Highlights of Proposals for China's 13th Five Year Plan. 2015, November 4. URL: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm.

¹¹ *Морозов Ю.В.* Военно-политические аспекты национальных интересов США в Арктике и вызовы региональной стабильности. URL: <https://www.warandpeace.ru/analysis/view/57124/>

¹² США претендуют на арктический шельф России. URL: <https://www.km.ru/glavnoe/2006/10/12/arkhiv/ssha-pretenduyut-na-arkticheskii-shelf-rossii>

¹³ *Морозов Ю.* Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation? // Peace Review: a journal of social justice / 2011, # 5. Vol. 27. P. 25.

¹⁴ После Ирака Америка взялась за Арктику. URL: <http://www.yoki.ru/social/08-12-2005/13294-0>

¹⁵ *Морозов Ю.В.* Стратегия ведущих государств в Арктике в XXI веке и вызовы национальным интересам России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-veduschih-gosudarstv-mira-v-arktike-v-xxi-veke-i-vyzovy-natsionalnym-interesam-rossii-v-regione/viewer>

¹⁶ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу, утверждены Президентом РФ 17 декабря 2008 г.

¹⁷ *Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.* Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 17 (302). С. 39.

¹⁸ *Крамник И.* Полярный бастион: что означает военная активность России в Арктике. URL: <http://iz.ru/647792/ilia-kramnik/poliarnyi-bastion>

¹⁹ Китай в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: <https://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2126&type=news>

²⁰ Сайт Белого дома — «President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests «NATIONAL SECURITY & DEFENSE». December 18, 2017.

²¹ Remarks on “Defining Our Relationship with India for the Next Century”. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

²² «Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

²³ *Аш-Шарбаджи Манар*. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

²⁴ Обнуление баланса: чем опасны американские ракеты средней дальности. URL: <https://rg.ru/2019/12/23/obnulenie-balansa-chem-opasny-amerikanskie-rakety-srednej-dalnosti.html>

²⁵ *Парамонов В.В.* Основные факторы центральноазиатской политики Китая в сфере безопасности в конце XX — начале XXI века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-factory-tsentralnoaziatskoj-politiki-kitaya-v-sfere-bezopasnosti-v-kontse-xx-nachale-xxi-v>

²⁶ *Морозов Ю.В.* Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М., 2019. С. 170

²⁷ Выступление А.Ч. Мокрецкого на «круглом столе» по проблемам российско-китайских отношений// Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С.17.

²⁸ Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm

²⁹ Американские войска заняли несколько нефтяных месторождений в Сирии. URL: <https://ria.ru/20191113/1560896246.html>

³⁰ США активно вмешиваются в дела Латинской Америки, заявили в Уругвае. URL: <https://ria.ru/20191123/1561499531.html>

³¹ Латинская Америка в 2019 г.: «волна консерватизма», влияние крупных держав и напряженность в Венесуэле (La Nación, Аргентина). URL: <https://inosmi.ru/politic/20190127/244464890.html>

³² *Колусси М.* Латинская Америка — территория, оккупированная США. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171210/240969243.html>

³³ American Thinker (США): реальные интересы Путина в Латинской Америке. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191117/246247938.html>

³⁴ Политика новой администрации США в Африке: некоторые оценки. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/politika-novoj-administraczii-ssha-v-afrike-nekotorye-ocenki-7235>

³⁵ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2018 г. Обзор МИД РФ. М., 2019. С. 59.

³⁶ На саммит «Россия — Африка» в Сочи приехали главы больше 40 государств. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2019/10/24/vladimir-putin/858937-sammit-rossiya-afrika-rf-spisala-afrikanskim-stranam-dolgo>

³⁷ Итоги саммита «Россия — Африка». URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2019/10/24/vladimir-putin/858937-sammit-rossiya-afrika-rf-spisala-afrikanskim-stranam-dolgo>

³⁸ *Кашин В.* Арктическая кладовая// Ведомости. 25.07.2008.

³⁹ *Matthias Schepp, Gerald Traufetter*// «Business Week». 2010/05/24.

⁴⁰ *Morozov Y.* Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation?// Peace Review: a journal of social justice # 5/2011. Volume 27. P. 25.

⁴¹ *Инджиев А.* Битва за Арктику. М. 2011

⁴² Битва за Арктику: Азия рвётся в бой. URL: <https://regnum.ru/news/2284997.html>

⁴³ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу, утверждены Президентом РФ 17 декабря 2008 г.

⁴⁴ Что означает рост российской военной активности в Арктике? URL: [http://chvk.info/arctic/chto-oznachaet-rost-rossijskoj-voennoj-aktivnosti-/](http://chvk.info/arctic/chto-oznachaet-rost-rossijskoj-voennoj-aktivnosti/)

⁴⁵ Скандинавские страны создают «арктический кулак» «Правда.Ру». URL: <http://news.mail.ru/politics/2364882/>

⁴⁶ Материалы заседания Экспертного совета СФ России «Государственная политика Российской Федерации в Арктике: парламентское измерение» 24 апреля 2009 г.

⁴⁷ Тезисы выступления академика Симония Н.А. на круглом столе в МИД РФ «Арктика в политических ориентирах» 19 мая 2009г.

⁴⁸ *Svend Aage Cristensen*. Are the northern sea routs really shortens? URL: www.diis.dk/sac

⁴⁹ *Моргунов Б.А.* Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны России. СПб. 2006.

⁵⁰ Европейский союз и Российская Федерация//Европейская служба внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia_ru/35940/Европейский%20Союз%20и%20Российская%20Федерация

⁵¹ Внешняя политика России// Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵² *Миркин Я.* Европа сама придет//Российская газета. 19.07.2020. URL: <https://rg.ru/2020/07/19/iakov-mirkin-sejchas-rossia-piatyj-po-znachimosti-torgovyj-partner-es.html>

⁵³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. С. 25.

⁵⁴ Там же. С. 26.

⁵⁵ Путин назвал пять причин рекордных цен на газ в Европе. URL: <https://www.kp.ru/daily/28340/4485711/>

⁵⁶ Выступление и ответы на вопросы С. В. Лаврова на презентации аналитического доклада «Утопия многообразного мира: как продолжается история» Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, 13 октября 2020 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4380725

⁵⁷ NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General. 25 November 2020. P. 25.

⁵⁸ В. Путин «Быть открытыми, несмотря на прошлое». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/65899>

⁵⁹ Разъехаться не получится: Россия и Европа могут выстроить соседские отношения. URL: <https://www.pravda.ru/world/1648127-evrososed/>

⁶⁰ Европейский союз и Китай — ситуативное сотрудничество и стратегическое соперничество. URL: <https://www.interfax.ru/world/726893>

⁶¹ Full text of China's Policy Paper on the European Union. Source: Xinhua| 2018-12-18. URL: http://xinhuanet.com/english/2018-12/18/c_137681829.htm

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ EU-China Summit: moving forward with our global partnership. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1524

⁶⁶ EU—China — A strategic outlook. Joint communication to the European Parliament, The European Council and the Council. Strasbourg, 12.3.2019. URL: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf>

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ *Burchard H.* EU slams China as ‘systemic rival’ as trade tension rises// Politico. March 12, 2019. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-slams-china-as-systemic-rival-as-trade-tension-rises/>

⁶⁹ NATO 2030... P. 27.

⁷⁰ China’s National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. July 2019. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html

⁷¹ *Wettach S.* Merkels Last-Minute-Deal mit China — und seine Folgen// WirtschaftsWoche. 30. Dezember 2020. URL: <https://www.wiwo.de/politik/europa/investitionsabkommen-zwischen-eu-und-peking-merkels-last-minute-deal-mit-china-und-seine-folge-n/26757104.html>

⁷² *Durso J.* Russia is part of the U.S. response to China’s European campaign//The Hill. 01/09/21. URL: <https://thehill.com/opinion/international/533485-russia-is-part-of-the-us-response-to-chinas-european-campaign>

⁷³ ЕС решил заморозить инвестсоглашение с Китаем. 20 мая 2021 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11428797>

⁷⁴ USA—EU — international trade in goods statistics. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/USA-EU_-_international_trade_in_goods_statistics

⁷⁵ *Ушанов С.А., Федеякина Л.Н.* США—Европейский союз: особенности потоков взаимных прямых иностранных инвестиций, и проблема репатриации американского капитала. // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6. Т. 11. С. 4, 9.

⁷⁶ *Тадаев Г.* Трамп обвинил Евросоюз в эксплуатации США. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/07/2020/5f0e9f459a79475b377a5218>

⁷⁷ *Кадомцев А.* США vs ЕС: новая атлантическая торговая война не за горами? // Международная жизнь. 13.07.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26887>

⁷⁸ *Лукьянов Ф.* Сдвиг по фронту. Почему американско-германские отношения не будут прежними// Московский центр Карнеги. 22.06.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82127>

⁷⁹ Department of Defense Statement: U.S. European Command Force Posture Review. July 29, 2020. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2292244/departement-of-defense-statement-us-european-command-force-posture-review/>

⁸⁰ *Marme E., White G.* European Deterrence Initiative. Bolstering the Defense of the Baltic States. International Centre for Defense and Security. December 2017. P. 15, 16.

⁸¹ Remarks by President Trump and NATO Secretary General Jens Stoltenberg at Bilateral Breakfast. Issued on: July 11, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-nato-secretary-general-jens-stoltenberg-bilateral-breakfast/>

⁸² Оборонные расходы стран — членов НАТО. Досье. 12 июля 2018 г. URL: <https://tass.ru/info/5368737>

⁸³ Brussels Summit Communiqué. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en

⁸⁴ *Чжоу Цзюнь.* Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-mirovoy-politicheskoy-sisteme>

⁸⁵ *Казанцев А.* Центральная Азия: тенденции национального развития. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnaya-aziya-tendentsii-regionalnogo-razvitiya/>

⁸⁶ Прорыв дамбы в Узбекистане и Кыргызстане 1 мая 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?>

⁸⁷ *Иванов В.* Контрразведка США разработала новую стратегию. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2020-02-13/100_usa130220.html

⁸⁸ Запад выступает за прокладку газопровода между Туркменистаном и Азербайджаном. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2019-10-07/9_7695_gaspipeline.html

⁸⁹ Statistics of study abroad in China in 2018. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html

⁹⁰ China Opens Education Opportunities for Uzbekistan's Youth. URL: <https://thediplomat.com/2019/08/china-opens-education-opportunities-for-uzbekistans-youth/10>. Chinese higher education system attracts growing number.

⁹¹ *Serikkaliyeva A.E.* Educational migration from Kazakhstan to China: reality and prospects. *Almaty: T. 23. № 4. 2019. 14 p.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/educational-migration-from-kazakhstan-to-china-reality-and-prospects/viewer>

⁹² *Морозов Ю.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в XXI веке. М.: ИДВ РАН, 2016. 376 с.

⁹³ Китай решил зайти в Афган. URL: <https://aleks070565.livejournal.com/5057325.html>

⁹⁴ Роль «мягкой силы» России в формировании благоприятного бизнес-климата. URL: <http://delonovosti.ru/analitika/3567>

⁹⁵ Почему Россия приостановила финансовую помощь Киргизии? // Аргументы и факты. 2020. № 43.

⁹⁶ Чем и как Россия помогает Центральной Азии. URL: <https://rg.ru/2020/02/19/chem-i-kak-rossiya-pomogaet-centralnoj-azii.html>

⁹⁷ Сайт Белого дома — «President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests «National Security & Defense». December 18, 2017.

⁹⁸ *Swaine M.D.* China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // *China Leadership Monitor*. No. 34. URL: http://carnegieendowment.org/files/clm34ms_final.pdf

⁹⁹ *Santos M.* Philippines wins arbitration case vs. China over South China Sea // *Global Nation Inquirer*. 2016. July 12. URL: <http://globalnation.inquirer.net/140358/philippines-arbitration-decision-maritime-dispute-south.china-sea-arbitral-tribunal-unclos-itlos>

¹⁰⁰ Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India, August 22, 2007. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>

¹⁰¹ Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shangri-La Dialogue. URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/>

¹⁰² *Лужин А.* Индо-Тихоокеанская стратегия Трампа. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/33964/>

¹⁰³ *Аи-Шарбаджи Манар.* Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

¹⁰⁴ *Blinken A.J.* A Foreign Policy for the American People. Speech. Washington, D.C. March 3, 2021. URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people>

¹⁰⁵ *Miller C.* The New Cold War's Warm Friends. *Foreign Policy*. March 1, URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/01/the-new-cold-wars-warm-friends>

¹⁰⁶ Allison G. China vs America. Managing the Next Clash of Civilizations. Foreign Affairs. September/October 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-08-15/china-vs-america>

¹⁰⁷ Сурова Н.М., Мохоров Г.А. США versus Китай: военно-политическое соперничество. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo/>

¹⁰⁸ Азиатский гольф неуверенного Трампа // ИноСМИ. 10.11.2017. URL: <http://geo-politica.info/aziatskiy->

¹⁰⁹ Rater Ely. How to Stop China's Maritime Advance. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017>.

¹¹⁰ Ron Paul. Russia gate is not about Trump, and It Isn't Even Ultimately about Russia// The Institute for Peace and Prosperity. 2017. P. 7.

¹¹¹ Внешняя политика России: взгляд в 2018 год. URL: <http://russiangouncil.ru/papers/Russia2018>

¹¹² Гордиенко Д.В., Празднов Г.С. Обеспечение экономической безопасности Китайской Народной Республики при реализации стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. Вып. 2. С. 377—392.

¹¹³ Am Proud of Our Diplomacy; Secretary of State Rex W. Tillerson. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/12/276570.htm>

¹¹⁴ Remarks on “Defining Our Relationship With India for the Next Century”; Secretary of State Rex W. Tillerson; Center for Strategic & International Studies; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks10/18/17>.

¹¹⁵ Морозов Ю.В. Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США// Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32.

¹¹⁶ Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. URL: <http://russiangouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-v-tsen-tralnoy-az/>

¹¹⁷ Шишкина Н. И. Сближение России и Китая на фоне украинского кризиса. URL: <http://rusrand.ru/analytics/sblizhenie-rossii-i-kitaja-na-fone-ukrainskogo-krizisa>

¹¹⁸ Молчанов А. Россия и Китай пойдут единым фронтом против США. URL: <https://pravdoryb.info/rossiya-i-kitay-poydut-edinym-frontom-protiv-ssha-122444.html>

¹¹⁹ Путин: годы перекрестного сотрудничества РФ и КНР помогут в реализации перспективных инициатив. URL: <https://rueconomics.ru/305328-putin-gody-perekrestno-go-sotrudnichestva-rf-i-knr-pomogut>

¹²⁰ Состоялись переговоры Владимира Путина с председателем КНР Си Цзиньпином// Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-12-15/418072-sostoyalis_peregovory_vladimira_putina_s_predsedatelem_knr_si_tszinpinom

¹²¹ Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. URL: <http://www.materik.ru/institute/about/>

¹²² Российская программа нейтрализации «афганской угрозы». URL: <https://pravdoryb.info/rossiyskaya-programma-neytralizatsii-afganskoj-ugrozy-113686.html>

¹²³ Mounk J. So Much for a ‘Foreign Policy for the Middle Class’ // The Atlantic. August 17, 2021. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/08/afghanistan-foreign-policy-for-the-middle-class/619778/>

¹²⁴ Remarks by President Biden on Afghanistan. AUGUST 16, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/>

¹²⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 25.

¹²⁶ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden, Jr. P. 8.

¹²⁷ Posture statement of general Kenneth F. McKenzie, JR., commander, United States Central Command before the Senate armed services committee 22 APRIL 2021. P. 15.

¹²⁸ U.S. Exit Plan Unravels // The New York Times. August 21, 2021. P. 1. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/21/us/politics/biden-taliban-afghanistan-kabul.html>

¹²⁹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 48.

¹³⁰ Основные задачи и приоритеты политики России на Ближнем Востоке. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/politiki-rossii-blizhniy-vostok/>

¹³¹ *Тренин Д.* Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы. URL: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388>

¹³² *Ардасов А., Семенов К.* Российская политика на Ближнем Востоке: Ребалансировка. URL: <https://www.ridl.io/ru/rossijskaja-politika-na-blizhnem-vostoke-rebalansirovka/>

¹³³ Постсочинский мир. URL: <https://versia.ru/kak-rossiya-turciya-i-iran-budut-de-lit-siriyu>

¹³⁴ *Тарасов С.* Приём Ирана в ШОС меняет геополитику на Ближнем Востоке. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3373992.html>

¹³⁵ *Андерлини Д.* Стратегия Китая на Ближнем Востоке. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/6177663.html>

¹³⁶ Китай и арабский мир. URL: <https://katehon.com/ru/article/kitay-i-arabskiy-mir>

¹³⁷ Стратегия «Один пояс, один путь» и энергетическая политика Китая на Ближнем Востоке. URL: <https://prc.today/bri-kitaya-na-blizhnem-vostoke-chast-2/>

¹³⁸ Последние два десятилетия КНР последовательно расширяет географию своих национальных интересов. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/osnovnyenapravleniya-blizhnevostochnoj-strategii-kitaya-9344>

¹³⁹ Саудовская Аравия защищает письмо в поддержку Китая. URL: <https://golosisl.ama.com/news.php?id=36874>

¹⁴⁰ *Мамедов Р.* Перспективы сотрудничества России и Китая на Ближнем Востоке. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-na-blizhnem-vostoke/>

¹⁴¹ *Фитунни Л.* Значение Африки для России. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-02-14/5_gambit.html

¹⁴² *Ирисова О.* Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyy-imperializm-kak-kitai-zavoevuaet-afriku>

¹⁴³ *Полонский И.* Как Китай колонизирует Африку. Проект «Один пояс, один путь» оставил в долгах целый континент. URL: <https://fishki.net/3359664-kak-kitaj-koloniziruet-afriku-proekt-odin-pojas--odin-puty-ostavil-v-dolgah-celyj-kontinent.html>

¹⁴⁴ Новая империя: зачем Китай в XXI веке «колонизирует» Африку. URL: <https://realt.onliner.by/2018/08/14/china-95>

¹⁴⁵ Россия — Африка: старые друзья и перспективные партнеры — ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10621831>

¹⁴⁶ Наш интерес в Африке: зачем Россия вступает в борьбу за влияние на самом жарком континенте. URL: https://tsargrad.tv/articles/nash-interes-v-afrike-zachem-rossiya-vstupayet-v-borbu-za-vlijanie-na-samom-zharkom-kontinente_146540

¹⁴⁷ *Бакланов А.* Россия — Африка: среднесрочный план действий — Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-afrika-srednesrochnyj-plan-dejstvij/>

¹⁴⁸ Уганда ведет с Россией переговоры о строительстве АЭС. URL: <https://smotrim.ru/article/1406419>

¹⁴⁹ Стратегические интересы России в Африке. URL: <https://russtrat.ru/reports/14-fevralya-2021-2357-3033>

¹⁵⁰ *Подбиралина Г.В., Азиямба Дж.* Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары: современные тенденции. // Контуры глобальных трансформаций. 2018. Т. 11. № 5. С. 43.

¹⁵¹ Южный Судан, Египет, Руанда, Бенин, Танзания, Эфиопия, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Кения, Гана, Малави и Нигер. International Monetary Fund, 2020 GDP growth (annual %). URL: <https://www.imf.org/2021>.

¹⁵² *Батюк В.И.* Африка в американской стратегии локальной войны // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 12. С. 71.

¹⁵³ National Security Strategy of the United States of America. 2017. December. P. 52.

¹⁵⁴ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden, Jr. P. 11.

¹⁵⁵ *Батюк В.И.* Указ. соч. С. 71—80.

¹⁵⁶ Statement of general Stephen J. Townsend, United States army commander United States Africa command before the United States Senate committee on armed services. 2021. April 22. P. 4.

¹⁵⁷ Statement of general Carter F. Ham, USA commander United States Africa command before the Senate armed services committee. 2013. March 7. P. 17.

¹⁵⁸ Statement of general Stephen J. Townsend... P. 4.

¹⁵⁹ Китайская экспансия в Латинской Америке: что рекомендует Атлантический совет? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-ekspansiya-v-latinskoy-amerike-chto-rekomenduet-atlanticheskij-sovet/>

¹⁶⁰ *Яковлев П.* Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/latinskaja_amerika_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm

¹⁶¹ South China Morning Post (Гонконг): Китай в Латинской Америке — партнер или хищник? URL: <https://inosmi.ru/politic/20190529/245165487.html>

¹⁶² Бразилия | Импорт и Экспорт | Весь мир | Все товары | Стоимость (долл. США) и Изменение стоимости, г/г (%) | 2009—2020. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Brazil/TOTAL>

¹⁶³ China Became Brazilian Largest Trade Partner. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>

¹⁶⁴ *Бергер Я.* Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9.

¹⁶⁵ Китай осваивает Латинскую Америку. За экономикой пришла очередь военной сферы. URL: <https://topwar.ru/146246-kitaj-osvaivaet-latinskuyu-ameriku-za-jekonomikoj-prishla-ochered-voennoj-sfery.html>

¹⁶⁶ Китайское экономическое влияние в Латинской Америке. URL: <https://prc.today/kitaj-stanet-silnee-v-latinskoy-amerike/>

- 167 *Kissinger H.* Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994. P. 832.
- 168 National Security Strategy of the United States. 2017. December. P. 51.
- 169 Statement of admiral Craig S. Faller commander United States southern command before the 117th congress senate armed services committee 2021. March 16. P. 5.
- 170 *Яковлев П.П.* США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Vol. 19. N. 1. С. 49.
- 171 Statement of admiral Craig S. Faller... 2021. P. 7.
- 172 Ibidem.
- 173 Statement of Admiral Craig S. Faller...2021. P. 4.
- 174 Department of Health and Human Services. USA. Annual Report. 2021. P. 48.
- 175 Interim National Security Strategic Guidance , P. 10.
- 176 Statement of admiral Craig S. Faller... P. 1.
- 177 *Пятаков А.* Россия-Латинская Америка в XXI веке. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latin_america_ru_2020.pdf
- 178 Фонд исторической перспективы // Россия — Латинская Америка: новый этап. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/rossija__latinskaja_amerika_novyj_etap_2010-05-14.htm
- 179 *Емельянов А.* Геополитические интересы России в Латинской Америке. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/geopoliticheskie-interesy-rossii-v-latinskoj-amerike-4835>
- 180 *Морозов В.* Латинская Америка — становление самостоятельного центра влияния в мире. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posolskie-lektcii-latinskaya-amerika-stanovlenie-samostoyate/>
- 181 Политико-экономическое взаимодействие России со странами Латинской Америки в XXI веке. URL:https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/politiko-ekonomicheskoe_vzaimodeystvie_rossii_so_stranami_latinskoy_ameriki_v_xxi_veke/

Часть третья

ПРОТИБОБОРСТВО АКТОРОВ «ТРЕУГОЛЬНИКА» НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ

3.1. Использование США, Китаем и Россией «мягкой» и «жесткой» силы на международной арене

Развитие теории «мягкой силы»

В последние годы термин «мягкая сила» (soft power) часто появляется в новостных сводках, а также в высказываниях различных специалистов в области политологии и общественных отношений. Это выражение впервые было использовано в книге американского политолога Джозефа Ная в 90-х годах прошлого века. Он утверждал, что политика «мягкой силы» — один из ключевых аспектов современной внешней политики ведущих мировых держав.

При этом основы теории применения «мягкой силы» в Китае были заложены еще в древности такими китайскими философами, как Лао-цзы, Сунь цзы и Конфуций. Эта теория более двух тысяч лет практиковалась в Китайской империи, претерпев некоторые изменения, дожила до наших дней. Как отмечал древний китайский философ Лао-цзы, одним из первых использовавший философию «мягкой силы» применительно к государству и власти: «Лучшие вожди те, кого народ не замечает». Это не значит, что вождь не должен ничего делать. «Когда хороший вождь закончит свое дело, деланное руками народа, то он будет считаться, что они все делали по своему желанию и плану»¹. Тогда, по мнению философа, народ будет наилучшим образом подчинен, так как не будет чувствовать какого-то гнета власти и будет уверен в том, что все действия исходят от народа.

Позднее к этому пришел и Антонио Грамши, который, будучи итальянским теоретиком марксизма, выдвинул понятие о «мягкой силе» как о «позиционной революционной борьбе»². Далее концептуальные основы примене-

ния стратегии «мягкой силы» нашли отражение в работе Джозефа Ная, который разработал теорию комплексной взаимозависимости политических факторов и принимал участие в проекте по реформе национальной безопасности США. В своей книге «Обреченные лидировать: меняющаяся природа американской власти» Най отмечал, что США победили в «холодной войне» именно «мягкой силой», а не экономической мощью и армией³. И действительно, это сыграло немаловажную роль в дестабилизации и последующем развале СССР, особенно в период «гласности» в 80—90-е годы XX века, когда Россия переживала времена глубочайшего кризиса. Вследствие этого российское общество и культура были значительно деформированы под влиянием западной культуры в новых для нее капиталистических реалиях.

Однако не только культура и искусство являются инструментами «мягкой силы», но и наука, и технологический прогресс. Поэтому в своей книге «Soft Power. Means to Success in World Politics»⁴ Най приводит следующие данные опроса, который проводился в 2000 г.: примерно 80 % респондентов из 43 стран мира восхищаются достижениями США в технологиях и науке, около 60 % выражают любовь к американской музыке, кино и телевидению. А более половины опрошенных выразили симпатию к американской политике и отметили огромный финансовый вклад в «мягкую силу» США. В 2000-х годах Соединенные Штаты вкладывали в «мягкую силу» примерно в 10 раз больше средств, чем в военную, при том, что они являются абсолютными лидерами в мире по военным расходам.

Концепция и стратегия «мягкой и жёсткой силы» США

На текущий момент в стратегии, используемой США на международной арене, сочетается применение «мягкой и жесткой» силы в интересах сохранения однополярного мироустройства. При этом американская концепция «мягкой силы» покоится на нескольких основных «столпах» (рис. 3.1.1).

Первый столп — это привлекательность американской культуры и образа жизни, так называемая «американская мечта». Вторым столпом можно считать стратегию международного образования, формирующую положительный образ США в глазах международного сообщества и создающую центр притяжения для различных лидеров и мнений в других государствах. Иностранцы выпускники американской образовательной программы, становясь политическими и культурными лидерами, формируют среди населения своих стран положительное отношение к США. Не меньший вклад вносит распространение «американских ценностей» через СМИ, кино и шоу-бизнес. А против тех государств, которые ставят под сомнение правомерность американской модели развития мирового сообщества, Вашингтон применяет «жёсткую силу» и иные методы воздействия, включая методы информационной войны⁵.

В настоящее время наиболее эффективной стратегией США является «публичная дипломатия». В рамках этой стратегии американское руководство освящает свои внешнеполитические акции, фокусируется на наиболее важных для США политических темах, а также осуществляется постоянный и плотный контакт с иностранными интеллектуальными элитами. В частности,

Рис. 3.1.1. Стратегия «мягкой силы», используемая США.

Источник: URL: <https://pptcloud3.ams3.digitaloceanspaces.com/slides/pics/003/608/262>

в программах обмена студентами, научных стипендий и премий, которые не только повышают уровень доверия к США, но и позволяют их участникам напрямую знакомиться с «американскими ценностями». Так, к 2000 г. через международную образовательную систему США прошло около 200 человек, ставших впоследствии главами государств различных стран. Некоторые из них в период своего пребывания у власти заняли активную проамериканскую позицию — к таковым относятся Тэтчер, Саакашвили, Ющенко, Порошенко и ряд других лидеров.

«Умная сила» во внешнеполитическом курсе 44-го президента США

Б. Обама, ставший 44-м американским президентом, выступал за дипломатические методы внешнеполитического курса США. Он считал, что «перебор» с применением силы формирует в сознании международного сообщества имидж США как «милитаристского государства» и вбивает клин между США и теми, кто преследует те же цели, что и Америка⁶. И если Дж. Буш-мл. вводил войска в Афганистан и Ирак, то Обама поэтапно вывел их из этих стран, оставив там незначительные силы⁷.

В начале своего президентства он был одним из самых популярных людей на Земле, свидетельством чему стало вручение Обаме Нобелевской премии мира. Первый чернокожий президент был символом обновления США, реальности американской мечты. На фоне Буша-мл., втянувшего Америку в две тяжелые и, главное, ненужные войны и «великую рецессию», Б. Обама казался олицетворением «Америки с человеческим лицом»⁸.

В стремлении примирить Запад с исламским миром, устранить угрозу распространения ядерного оружия, перезагрузить отношения с Россией и

странами Латинской Америки, помешать опасному для США возвышению Китая он попытался реализовать программу, которая не укладывается полностью ни в одну из существовавших в США внешнеполитических традиций. Это была амбициозная доктрина, подразумевавшая трансформацию самого характера американского лидерства на основе использования «умной силы» с особым акцентом на инновационно-технологическое превосходство США, с помощью которой они должны были разделить со своими партнерами ответственность за судьбы мира.

Обама также отказался от «экспорта демократии» путем военных вторжений и начал проводить более реалистичский внешнеполитический курс: уменьшил критику России по вопросам демократии и прав человека, заморозил вопрос о вступлении Украины и Грузии в НАТО и признал в 2010 г. более влиятельную роль России на постсоветском пространстве (что и обеспечило успех «перезагрузки» в том же году). Да и сама «перезагрузка» тогда имела логику: Москва и Вашингтон использовали сотрудничество для реализации своих важных интересов в точках соприкосновения.

Однако во внешней политике Б. Обаме, как правило, не хватало решительности, последовательности и твердости в тех случаях, когда это было необходимо. Он проводил «красные линии», а потом сам же их нарушал. Он потратил много сил на урегулирование долговременного израильско-палестинского конфликта, упустив неконтролируемый, лавинообразный процесс формирования «Исламского государства». Обама называл РФ региональной державой с «порванной в клочья экономикой» и одновременно обвинял В. Путина и Россию во вмешательстве в президентские выборы в США.

В рамках реализации плана по сокращению ядерных вооружений Б. Обама в 2010 г. заключил договор СНВ-3 с Россией, а также способствовал в 2015 г. подписанию шестистороннего соглашения по иранской ядерной программе. Однако в первом случае сотрудничество приостановилось из-за кризиса в российско-американских отношениях, а во втором — из-за ухудшения отношений с Израилем, традиционным союзником США.

Многие внешнеполитические проекты Обамы, начиная с глобальных интеграционных объединений и заканчивая его вкладом в подписание Парижского соглашения по изменению климата, были нацелены на перспективу, а не на получение мгновенного результата. В начале 2010-х годов в политике «умной силы» США имели место как универсальные, так и специфические моменты. И во всех случаях внешнеполитическая деятельность США имела свои особенности⁹.

Самым распространенным и универсальным направлением политики этой силы США в 2011—2013 гг. можно назвать образовательные и научные программы, в том числе программы обменов. В частности, к таким программам можно отнести курсы Fulbright Program, которая в течение одного года предоставляет возможность для иностранных граждан пройти обучение или проводить научные исследования в США. Существуют также курсы для преподавателей английского языка, которые предоставляют возможность молодым преподавателям всего мира совершенствовать методы обучения, повы-

сильно повысить уровень владения английским языком и расширить свои знания о США, пройдя 9-месячный курс обучения. Всего, по данным американских дипломатических представительств, образовательное и научное направление было сильнее представлено в странах бывшего СССР (за исключением Казахстана и Армении), а также во Вьетнаме, с которым США особенно активно развивали студенческие обмены и программы получения высшего образования в американских университетах.

Другое направление политики «умной силы» — поддержка и развитие демократии — получило наибольшее распространение на пространстве бывшего СССР. В этих странах работает программа малых грантов и финансирования местных НПО, не связанных с политическими партиями. Программы ориентированы на деятельность в таких сферах, как развитие гражданского общества, образование, открытость правительства, разрешение конфликтов, борьба с торговлей людьми, этическое и гендерное равноправие. По данным государственного портала США по внешней поддержке, на Украине затраты на это направление в общем объеме затрат в 2009—2013 гг. составили 37 %, в Узбекистане — 33 %, в Армении — 17 %¹⁰. В связи с этим следует особенно выделить Украину и Киргизию, где за последнее десятилетие произошло несколько политических трансформаций. В то же время направление «демократизации» получило меньшее развитие, например, в Казахстане и Азербайджане, где политические системы и режимы достаточно устойчивы, а также во Вьетнаме и Бразилии, где в политических системах отсутствуют транзитивные тренды.

Тем не менее, политика продвижения американских ценностей и взглядов, как при Обаме, так и при прошлых администрациях, создавала зоны конфликта. «Арабская весна», в ходе которой США поддерживали оппозиционные силы, привела к дестабилизации Ближнего Востока, что в итоге способствовало росту влияния ИГИЛ. А украинский кризис стал камнем преткновения в российско-американских отношениях. При администрации Б. Обамы они прошли полный цикл — от «перезагрузки» до кризиса, сравнимого с худшими эпизодами времен «холодной войны»¹¹. Искусственно раздвигая украинский кризис и создав самый острый конфликт в Европе с начала 1980-х годов, администрация Б. Обамы поставила крест на вопросе интеграции России в западное сообщество. Между тем, введя против России жесткие санкции, причем одновременно с усилением политики экономического и военного сдерживания КНР, США поспособствовали консолидации незападного мира. Стали усиливаться альтернативные институты глобального управления (БРИКС, ШОС). И Запад вдруг обнаружил раскол «единства» мирового сообщества и подъем правого популизма, где не-Запад выглядит весьма уверенно и сплоченно. А Россия при Обаме из региональной державы и периферии Европы стала одним из лидеров не-Запада и вторым центром Большой Евразии. При этом ни санкции, ни ожесточенная критика России не смогли изменить политику Москвы в отношении Украины и других раздражающих Вашингтон вопросов¹².

И на остальных направлениях внешней политики США ее итоги оказались не лучше. «Большая двойка» с Китаем не состоялась, «перезагрузка» от-

ношений с Россией провалилась, и вместо ориентированной на Америку сети партнерств с другими центрами силы Б. Обама получил конфронтационные или весьма напряженные (в случае с КНР) отношения с ключевыми западными державами.

Усилив одновременное сдерживание и России, и Китая, администрация Обамы обесценила то, чего американские реалисты добивались со времен Р. Никсона: чтобы отношения Вашингтона с Москвой и Пекином были лучше, чем между Россией и КНР. Не без участия Вашингтона произошло беспрецедентное сближение двух евразийских держав, запустившее процесс формирования Большой Евразии как единого геополитического пространства, в котором Америке места нет.

Таким образом, можно констатировать, что стратегия «умной силы», стартовавшая при администрации Б. Обамы с 2009 г., проходила период своего становления как интеллектуальный инструмент геополитики США, предназначенный для глобального преобразования международной среды в XXI веке в интересах сохранения однополярного мироустройства. Эта стратегия была адаптирована под национальные интересы США и сравнима с невоенным доминированием над странами путем вовлечения с помощью ряда мер в сферу американских ценностей и интересов. Однако реализация этой стратегии США столкнулась с трудностями. Это связано с приходом к власти администрации Трампа, которая оказалась вовлечена в ожесточенное внутриполитическое противостояние со всем миром, и с личностью 45-го президента США, его особенностями импульсивного подхода к выработке американского внешнеполитического курса, а также с тем, что свои идеи и взгляды на глобальное мироустройство есть и у других влиятельных стран, и они не совпадают с американским видением.

Особенности политики 45-го и 46-го президентов США в сфере применения «мягкосилового арсенала»

В период пребывания у власти 45-го президента США Д. Трампа его деятельность была нацелена на решение внутренних проблем страны. В мировых делах он отказался от ненужных глобальных военных затрат и поддержки правительств тех государств, которые не несут Америке должной выгоды. Это был прагматичный подход, направленный на усиление геоэкономических, а не геополитических позиций США в мире.

При 45-м президенте США на мировой арене происходила дальнейшая поляризация сил. Союзники Соединенных Штатов под нажимом Вашингтона защищали сложившийся односторонний миропорядок с доминирующей ролью США, другие государства укрепляли формирующийся многополярный мир, добиваясь конкретных результатов. Свидетельством тому является развитие структур ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Союзные США государства, недовольные успехами государств ШОС, старались использовать свой «мягкосиловой арсенал» для организации «цветных революций» и переворотов в странах-членах этой Организации. Совместно с США им удалось столкнуть в хаос Ливию, Сирию, осуществить «цветную революцию» в Грузии и начать граж-

данскую войну на Украине. А политическая и иная пропаганда использовалась Вашингтоном и его союзниками для «промывки мозгов» международному сообществу с целью поддержания тезиса о приоритете американских ценностей над остальными. Для этого западные власти будут активно применять широкий набор инструментов, таких как аналитические центры и специальные фонды, теле- и радиостанции, вещающие на разных языках, мультимедийные службы, а также социальные сети Интернета для того, чтобы удерживать мировое сообщество в рамках однополярного мира под эгидой США.

Пентагон для этих целей продолжал активно использовать миротворческий потенциал США, позволяющий устанавливать мир в «горячих точках» планеты в выгодном для Вашингтона ракурсе. Миротворчество также является специфичным способом обеспечения военного присутствия в регионах мира. Именно под его флагом, а после 11 сентября 2001 г. — под лозунгом борьбы с терроризмом — США создали военные базы на Балканах и в Афганистане, расширяют военное присутствие в Африке. Очевидно и то, что практика решения военных конфликтов силами региональных организаций (НАТО и др.), где США играют одну из «первых скрипок в оркестре», продолжится. При этом неравенство партнеров США в сфере миротворчества, в средствах воздействия на обстановку в районе кризиса, а также в политических и экономических возможностях приводит к фактическому подчинению политики региональных организаций целям и задачам политики Вашингтона. А когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества начинает рушиться старая государственная машина страны — участницы конфликта, начинают налаживаться новые схемы взаимоотношений, у Вашингтона появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Десятки американских НПО, тянущиеся за миротворческими миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от США. В последующем американский бизнес, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики этой страны и разработку там полезных ископаемых. Так было на Балканах, на африканском континенте, где американские компании безоговорочно одерживали победу над конкурентами¹³.

Что касается нынешних российско-американских отношений, то при 46-м президенте США Джо Байдене информационная война и санкции, начатые 44-м и 45-м президентами США против РФ, продолжатся. И в ближайшей перспективе эти санкции сняты не будут. Этому препятствуют действующие ныне антироссийски настроенный Конгресс США, который ввел эти санкции «до тех пор, пока Крым не вернется в состав Украины», на что Россия не пойдет ни при каких обстоятельствах. При этом стоит заметить, что информационная война против России дает обратный эффект. Так, вывод части российских войск из Сирии был расценен в мировых СМИ как победа политики России над политикой Соединённых Штатов на Ближнем Востоке. А продление Байденом Договора СНВ-3 в феврале 2021 г. ещё на 5 лет без всяких дополнительных условий (на чем настаивал Трамп) полностью соответствует предложению В. Путина, которое он озвучил в 2020 г.

Также следует отметить, что администрация Дж. Байдена будет пытаться подорвать российско-китайское стратегическое партнерство. Возможности сделать это, однако, у нынешней американской администрации весьма ограничены. В силу целого комплекса причин она не может действовать в духе Realpolitik по образцу политики администрации Никсона-Киссинджера в «треугольнике» США-СССР-КНР. Чтобы сблизиться с РФ и, соответственно, добиться ослабления российско-китайских связей, официальный Вашингтон будет вынужден признать российские интересы в так называемом ближнем зарубежье — а это табу для любого, даже самого популярного и авторитетного американского президента. В этих условиях, как представляется, американская политико-академическая элита рассматривает российско-китайское сближение на антиамериканской основе как нечто безальтернативное, как нечто такое, к чему Америка вынуждена приспособиться, но чего преодолеть она не может¹⁴.

Глобальное и региональное измерение «мягкой силы» Китая

В настоящее время в китайской политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов: культурный диалог со странами-партнерами; несилевое лидерство, обусловленное экономическими успехами в мире, и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Культурный компонент Китая в мире реализуется с помощью китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка, в том числе через Институты Конфуция и СМИ. «Простое» гуманитарное сотрудничество и «народная дипломатия», а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — это «три кита», на которых зиждется «мягкая сила» Китая (рис. 3.1.2).

Однако успехи Пекина по созданию положительного образа КНР в мире зачастую аннулируются другими его действиями, направленными против

Рис. 3.1.2. Области применения «мягкой силы» Китая.

Источник: URL: <https://pptcloud3.ams3.digitaloceanspaces.com/slides/pics/003/608/262>

своих граждан. В частности, грандиозный успех всемирной выставки ЭКС-ПО в Шанхае, которую посетили около 70 млн человек и на которой было представлено 195 стран, был омрачен арестом лауреата Нобелевской премии мира Лу Сяобо. Аналогичная ситуация была и с пекинской Олимпиадой 2008 г., после которой последовали массовые аресты китайских правозащитников. Несмотря на это, КНР активно развивает стратегию «мягкой силы», делая акцент на международной образовательной программе и ориентируясь, в первую очередь, на страны АТР и Юго-Восточную Африку. Так, ещё в 2007 г. в Китае обучалось более 190 тыс. студентов из 188 стран мира, и в дальнейшем это число только росло.

Кроме того, Государственная канцелярия Китая в 2004 г. начала создание по всему миру Институтов Конфуция, целью которых является распространение среди иностранных граждан китайского языка и культуры. Хотя этот проект по своей сути аналогичен более ранним — испанскому (Институт Сервантеса, 1991 г.) и немецкому (Институт Гёте, 1951 г.) — китайский вариант достиг заметно больших успехов. По оценкам Пекина, по состоянию на 2010 г. насчитывалось 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах мира в сравнении со 140 отделениями у испанского аналога и 149 у германского.

Как и США, Китай старается представить миру свою массовую культурную продукцию. В основном это кинофильмы, так или иначе рассказывающие о китайской истории в своеобразном эпическом и даже фантастическом стиле. Для этого Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. Он тратит на соответствующие цели до 10 млрд долл. в год. Из них порядка 7 млрд долл. — на зарубежное вещание и использование электронных рекламных щитов. Миллионы долларов направляются на образовательные проекты, обмена студентами и преподавателями. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике¹⁵.

Китайская мировая «образовательная экспансия» как механизм «народной дипломатии» развивается достаточно успешно: по данным ЮНЕСКО, число китайских студентов за рубежом составляет 14 % от общемирового показателя, превращая Китай в крупнейшего «поставщика» студентов-иностранцев. В США наибольшее количество обладателей степени PhD неамериканского происхождения приходится на выходцев из КНР¹⁶. Тем не менее, в Китай возвращается только треть обучившихся¹⁷, но это не особенно беспокоит Пекин, потому что оставшиеся специалисты представляют собой ресурс и резерв «мягкой силы» КНР за рубежом.

Вместе с тем у «мягкой силы» Китая есть трудности в продвижении своей гуманитарной продукции за рубеж в силу специфики китайского менталитета и образа жизни, особой сложности языка, в ряде случаев — из-за отсутствия общей культурно-исторической базы со странами-реципиентами. А в области киноэкспорта у КНР нет достаточного опыта. Так, в 2011 г. китайская киноиндустрия выпустила 791 фильм, но только 52 из них оказались пригодны для продажи за рубежом: 50 картин было снято в совместном формате, поэтому истинно китайским «культурным продуктом» оказались только 2 фильма. Кро-

ме того, в Китае было снято 15 тыс. серий телесериалов (самый высокий показатель в мире в 2011 г.), но выручка от экспорта этого вида кинопродукции оказалась вдвое меньше, чем заработала Южная Корея, изучившая запросы массового иностранного телезрителя¹⁸.

Что касается значения гуманитарного сотрудничества для России и Китая, то его можно проиллюстрировать мнением российского ученого В. Ларина. Он считает вопрос о состоянии российско-китайских гуманитарных связей гораздо более важным, нежели совершенство экономических отношений двух стран, поскольку пока «самым слабым звеном нынешней конструкции» российско-китайского стратегического партнерства ему видится отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Российский эксперт полагает, что и китайские, и российские школьные программы и учебники дают примитивные знания о стране-соседе, из которых в дальнейшем складывается неверное или негативное восприятие друг друга. В связи с этим В. Ларин подчеркивает значение подготовки истинных профессионалов — специалистов-синологов в России и в Китае — русистов, которых пока катастрофически не хватает.

Важно отметить и уникальную особенность китайской культурной экспансии — «хуацяо», китайские эмигранты, которых в мире, по разным данным, насчитывается около 40 млн. Несмотря на то, что КНР не признает двойного гражданства, китайские традиции говорят о том, что текущая страна проживания человека важна куда меньше, чем родина его предков. Поэтому любой выходец из Китая, неважно в каком поколении живущий вдали от родины, считается в первую очередь китайцем. С этим связан феномен «чайнатаунов», компактных поселений этнических китайцев со своей архитектурой, культурой, а иногда и законами.

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на древнюю историю стратегии «мягкой силы», на данный момент Китай проходит стадию ее реформации и адаптации к современным реалиям. Это можно сказать и обо всей китайской культуре. Правительство КНР поощряет любое заимствование технологий и материальных достижений у западной цивилизации, но внимательно следит за проникновением чужеродной культуры, оставляя исконные китайские ценности на некоем сакральном уровне. Эту политику можно характеризовать следующим образом: искать общее, оставаясь различными. Также следует отметить, что в настоящее время Китай не претендует на статус сверхдержавы официально, и даже на роль гегемона своего региона, хотя китайские экономические показатели в мире свидетельствуют об обратном. Но эксперты разных стран всерьез сомневаются в истинных намерениях Пекина и считают, что избранная Китаем позиция «мягкой силы» является стратегическим выжиданием. Сейчас из уст экспертов все чаще можно слышать слова: «XXI век — век Великого Китая».

«Мягкая» стратегия США в отношении Китая

В связи с ростом могущества Китая Соединенные Штаты вынуждены учитывать интересы КНР. В этом плане уместно сослаться на американскую концепцию «G-2». В ней США признавали определенную зависимость от

Китай и демонстрировали готовность к сотрудничеству с ним в глобальных делах. Однако Пекин отклонил идею разделить с Вашингтоном бремя ответственности за судьбы мира. Поэтому в США уже не отрицают, что американско-китайское сотрудничество постепенно сходит на «нет» из-за существования ряда серьезных проблем: «торговая война», Тайвань, Тибет, Северная Корея, права человека, рост военной мощи КНР и т. д. В связи с этим администрация Обамы не допустила Пекин к участию в «Соглашении о Транстихоокеанском партнерстве» в АТР¹⁹.

Несмотря на тесную взаимосвязь двух ведущих экономик мира, Вашингтон ревностно защищает свои передовые технологии. Это выражается, в частности, в установлении торговых барьеров и ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции в КНР. Противостояние Вашингтона по ключевым для Пекина вопросам региональной безопасности и торговле также не способствует сближению внешнеполитических позиций двух государств.

В свое время Б. Обама рассчитывал заручиться поддержкой КНР в украинском вопросе. Однако Си Цзиньпин лишь подтвердил неизменность позиции Китая по Украине, которая заключается в «отстаивании необходимости политического решения кризиса».

С приходом к власти в Белом доме администрации Трампа ситуация в американско-китайских отношениях изменилась в худшую сторону. Как обещал Д. Трамп во время предвыборной кампании, он начал экономическую войну с Китаем и попытался потеснить его на мировой арене. Именно эта держава сейчас представляет для США наибольшую опасность — экономика КНР развивается быстрее, её военное могущество крепнет. Поэтому Трамп стремился развивать промышленное производство в США, пытаясь вернуть обратно рабочие места. Ведущие американские СМИ при поддержке крупнейших рейтинговых агентств США Standard & Poor's и Moody's развязали против КНР информационные атаки, прежде всего против её финансового сектора, понизив кредитный рейтинг Китая. Трамп также добивался объявления Китая «валютным манипулятором», после чего в отношении его товаров в США были введены повышенные пошлины, тарифы и прочие сдерживающие китайский товаропоток санкции²⁰. Однако у Китая есть ответное невоенное оружие — 1 трлн долл. в казначейских обязательствах ФРС. Их сброс может начаться в случае, если Соединенные Штаты развяжут «холодную войну» против КНР.

Риторика Дж. Байдена по отношению к Китаю является значительно более миролюбивой в сравнении с критикой России. При этом 46-й президент США больше опасается решительных и часто непредсказуемых действий В. Путина, чем осторожных и легче просчитываемых внешнеполитических шагов Си Цзиньпина. К этому следует добавить, что подавляющая часть экспертов США по России относится к Москве крайне негативно, а большинство экспертов по Китаю склонны демонстрировать симпатию или хотя бы понимание в отношении Пекина. Такие же принципиальные различия в восприятии существуют между российской и китайской диаспорами в Соединенных Штатах: если китайские иммигранты в США в своем боль-

шинстве оказываются лоббистами нормализации отношений между США и КНР, то о большинстве российских или русскоязычных иммигрантов этого не скажешь.

Тем не менее, необходимость усиления конкурентоспособности американских товаров на внутреннем и международном рынках может содействовать сохранению введенных администрацией Д. Трампа торговых ограничений по отношению к китайской продукции. И как показывает опыт применения Вашингтоном поправки «Джексона—Вэника» и других санкционных законов, эти торговые ограничения по отношению к Китаю могут сохраняться долгое время. Не стоит забывать и о том, что процесс ослабления Соединенных Штатов в мировой экономике и политике не был обращен Д. Трампом вспять и неизбежно будет продолжаться при Дж. Байдене. Более того, пандемия COVID-19 значительно ускорила сдвиг в глобальном соотношении сил между КНР и США в пользу Пекина, а ее последствия создают долгосрочную экономическую и политическую инерцию, которая будет действовать еще очень долго.

В этих условиях в Вашингтоне сохраняется и увеличивается популярность призывов к «стратегической сдержанности», сокращению внешнеполитических обязательств, «уходу» из отдельных регионов мира и т. д. И подобно тому, как Трамп за 4 года своего президентства убедился в невозможности оторвать Россию от Китая, так и Байдену придется убедиться в невозможности оторвать Китай от России. Москва нужна Пекину независимо от текущего состояния китайско-американских отношений, поэтому Китай ни при каких обстоятельствах не будет активно поддерживать США в их стремлении загнать Россию «на обочину мирового развития».

В ближайшей перспективе американо-китайские отношения будут оставаться сложными и преимущественно конкурентными. В некоторых областях, например, по вопросам прав человека в Китае или в сфере технологической конкуренции с КНР, от администрации Байдена можно ожидать даже более жесткого курса, чем от Трампа.

Сильные и слабые стороны российской «мягкой силы»

В начале 90-х годов прошлого века Россия имела значительное влияние на обширные пространства стран Варшавского договора, а также на страны на других континентах, с которыми СССР вел тесное сотрудничество. Но в начале 2000-х годов российские власти в отличие от Китая решили, что стратегия «мягкой силы» является пережитком коммунистического прошлого. Поэтому к началу 2000 г. практически все программы «мягкой силы» и распространения русской культуры за рубежом были приостановлены или находились в состоянии упадка. К тому же в тот период Москва избрала тактику невмешательства во внутренние дела Украины. Единственное, что она позволила себе — восстановить историческую справедливость, присоединив к РФ Крым после проведения там референдума по этому вопросу. Данный шаг вызвал глубокий кризис в отношениях Москвы и Киева на фоне активной поддержки Вашингтоном и Брюсселем прозападного выбора Украины. Россия

была обвинена во всех проблемах украинского общества и в глазах мировой общественности вновь стала «агрессором». Перманентные изменения в составе политической элиты Украины, никак не ориентированной на мнение рядовых граждан страны, и происходящие под влиянием внешнего фактора (частично европейского, очень редко — российского и всегда — американского) также сыграли деструктивную роль.

Хотя казалось бы, по сравнению с США, у России в диалоге с Украиной есть более весомые «козыри» не только в экономической, но и в гуманитарной сфере: общая история и культура, многочисленные диаспоры и трансграничные родственные узы и многое другое, что неразрывно связывает россиян и украинцев. Для сохранения и укрепления этих связей Москве было необходимо не только задействовать потенциал МИД РФ, но и активно противостоять антироссийской пропаганде и практике хотя бы путем работы по развитию культурного присутствия РФ через скоординированную реализацию гуманитарных, образовательных и лингвистических проектов. Увы, если что и было сделано Москвой в этом направлении, то по сравнению с усилиями Запада этого оказалось явно недостаточно.

Несмотря на это, Россия по-прежнему сохраняет значительный потенциал своей «мягкой силы» на мировой арене. На постсоветском пространстве в сфере культурно-гуманитарного взаимодействия Россия больше сориентирована на государства — члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в Организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС — Китая.

При этом большой пласт населения центральноазиатских стран продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение — «ступенькой» для карьерного роста и выхода в мир. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20 % их населения. Тесные культурные связи РФ со странами Центральной Азии (ЦА) позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦА является более высокой, чем в других постсоветских странах. Так, в Казахстане она составляет 84 %, Узбекистане — 85 %, Кыргызстане — 84 %, в Таджикистане — 90 %. Такие показатели были достигнуты, в том числе благодаря работе в регионе «Россотрудничества», Фонда «Русский мир», Кыргызско-российского и Таджикско-российского университетов, филиалов российских вузов, а также других российских гуманитарных структур.

Концептуальным основанием нынешнего взаимодействия с государствами ЦА в области применения «мягкой силы» является тезис, сформулированный президентом РФ В.В. Путиным в 2012 г. — о необходимости расширять образовательное и культурное присутствие России в мире и, особенно, в странах, где часть населения говорит на русском языке или понимает его. Для этого за последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с 18 государствами, в ча-

ности, со странами ЦА — Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится и Китай. К 2013 г. в 41 стране мира было открыто 90 центров «Русского мира»²¹.

В 2014 г. была принята комплексная «Стратегия расширения гуманитарного влияния России в мире». Она сформулировала подходы и задачи РФ в сфере «мягкой силы». Документ является беспрецедентным для России. В некоторых вопросах его разработчики вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и подсмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитивного имиджа России в международном сообществе и обоснование притягательности сотрудничества с РФ.

Одним из препятствий укрепления влияния российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы российского образования*. Во многих странах бывшего СССР был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало перезагруженность оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостаточностью числа учителей и уровня их подготовки. А при поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центральноазиатских абитуриентов. И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последних 15 лет не снизилось, однако существенно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. Так, среди обладателей стипендии «Болашак» вузы ЕС выбрали 46,6 %, США — 29 %, а РФ — только 9,5 % молодых людей. При этом на центральноазиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные — Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Например, в исламских странах учится 2,3 тыс. таджиков, что гораздо больше студентов из Таджикистана в России. Многие страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения.

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах постсоветского пространства показывает растущую потребность расширения в регионе сети образовательных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в школах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке и применять иные формы включения школьников из стран ЦА в российское образовательное пространство.

Следует также констатировать, что в России очень мало *Фондов поддержки гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами*. Хотя существуют «Росзарубежцентр» и Фонд «Русский мир», однако этого явно недостаточно.

Нет в России и НПО, которые работали бы исключительно в Центральном-Азиатском регионе (ЦА). А ведь там уже активно функционируют фонды К. Аденаура, Ф. Эберта, Макартуров, Карнеги, Сороса и другие западные НПО, затраты которых в ЦА увеличиваются год от года. Это способствует росту влияния в регионе стран ЕС и НАТО. Государства ЦА, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

А проблемы *поддержки соотечественников*, проживающих на постсоветском пространстве, заключаются прежде всего в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор не решена проблема двойного гражданства, и только в ЦА с Таджикистаном у России есть соответствующее приглашение. А соотечественники из других центральноазиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве — это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема — *слабость организационной базы*, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание Координационных советов, объединяющих все или большинство организаций соотечественников в каждой стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом Советы должны иметь информационное обеспечение: интернет-сайт либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов. Положительным примером здесь может послужить Кыргызстан, где 63 местным организациям соотечественников удалось создать единый Координационный совет.

Одной из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии*. Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа и какие специальности им нужны (информация в основном исходит от друзей и родственников, уже побывавших в России). Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обуславливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда. Они часто пополняют ряды криминальных элементов, провоцирующих коррупцию, допускают и другие нарушения российского законодательства.

Правовое и уважительное обращение с мигрантами — это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Полезным видится создание в странах ЦА центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для

пребывания на территории РФ. Зная язык и законы России, мигранты смогут получать юридическую защиту. Также представляется целесообразным открытие единой центральноазиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами*. Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России. Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и выстраивает политику таким образом, чтобы она открыто не задевала интересы РФ. США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в ЦАР, а также растущую там роль КНР, в лице которой США видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон открыто нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центральноазиатских стран.

Роль Турции в гуманитарном диалоге со странами ЦА носит двойственный характер. С одной стороны, Анкара стремится наглядно продемонстрировать свою лояльность и посредническую роль в регионе, а с другой — продвигает на пространстве ЦА собственные интересы. Историческая, культурная и языковая близость к тюркоязычному населению центральноазиатских государств, «прозападный» имидж светской мусульманской страны способствуют расширению турецкого влияния в регионе.

Иран обозначил свое присутствие в ЦА прежде всего в экономической области, что в принципе отвечает интересам государств региона. Однако имидж ИРИ как страны «воинствующего ислама», претензии Тегерана на лидерство в мусульманском мире, чрезмерная идеологизация его внешней политики не способствуют популярности Ирана в ЦА. Начиная с 1991 г. на гуманитарном пространстве региона проявилась Япония. Она стала проводить в ЦА Дни своей культуры, а с 1999 г. — предоставлять студентам из Азии стипендии для обучения в японских университетах. Правительство Японии учредило в Алматы «Центр развития человеческих ресурсов», который проводит различные культурные мероприятия, организует курсы по изучению японского языка и подготовке менеджеров и т. д. Токио также начал выдавать гранты на цели развития культурно-образовательных и спортивных учреждений в ЦАР.

Поэтому, говоря о влиянии «мягкой силы» России на пространстве ЦАР, можно сделать вывод о том, что интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих интересам РФ целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, России крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно при-

нести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией или США.

Сейчас вопросами укрепления имиджа России и формирования активов «мягкой силы» призваны заниматься два ведомства. Федеральное агентство по делам СНГ (Россотрудничество) занято не только вопросами влияния на страны СНГ, но и международного гуманитарного сотрудничества и имеет представительства в 76 странах мира. Подобную работу ведет и Российский центр науки и культуры (РЦНК) с акцентом на совместные научные изыскания, обмен техническим опытом и культурным достоянием. РЦНК проводит различные выставки и концерты, направленные на привлечение внимания к современной русской науке и искусству. Нельзя оставить без внимания и активное иновещание российских СМИ — так с 2005 г. телеканал Russia Today круглосуточно вещает на английском, арабском и испанском языках, и его суммарная аудитория насчитывает порядка 700 млн человек (рис. 3.1.3).

В настоящее время перед российским правительством стоит трудная задача — необходимо не просто укрепить положительный имидж, но в некотором роде создать его заново. Приоритетным направлением тут является сохранение влияния русского языка и культуры в приграничных территориях, сохранение его межнациональной роли. Кроме того, необходимо наращива-

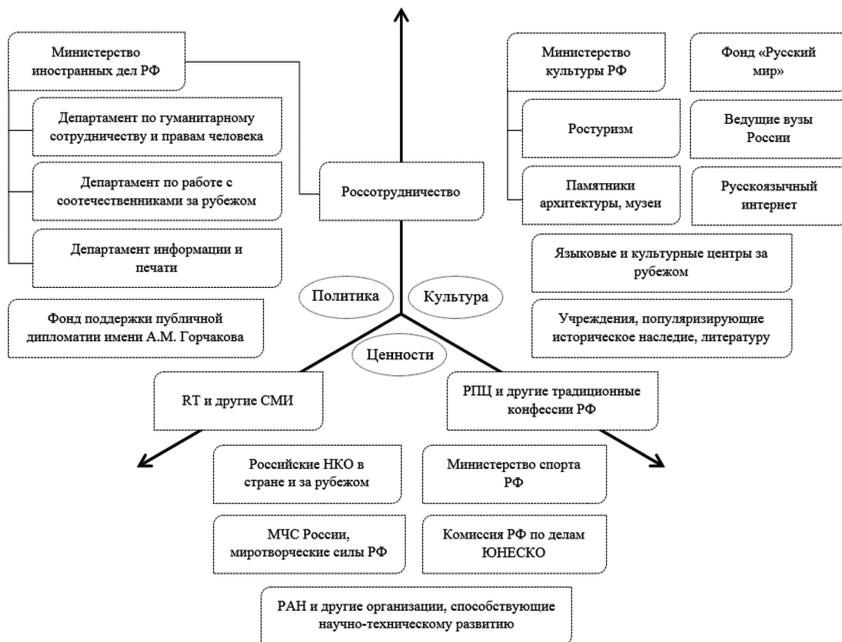

Рис. 3.1.3. Институциональный фундамент реализации «мягкой силы» России.

Источник: URL: <https://pptcloud3.ams3.digitaloceanspaces.com/slides/pics/003/608/262>

ние престижа российской науки и искусства в западных странах, а для этого в первую очередь нужно активное внутреннее развитие этих отраслей, которое, к сожалению, не так велико. Не стоит забывать и о том, что распространение русской культуры на Западе может протекать достаточно успешно ввиду огромного исторического наследия страны, однако заикливаться на этом ни в коем случае нельзя, ибо подобная стратегия без привнесения чего-то нового приведет к стагнации и угасанию.

Информационная война США против России

Первое определение термина «информационная война» было дано в докладе корпорации RAND «Strategic Information Warfare a New Face of War» (1996 г.). Согласно данному документу, «информационная война — это война в информационном пространстве». К трем военным пространствам (сухопут-

Рис. 3.1.4. Концепция информационной войны США.

Источник: URL: <http://ok-t.ru/studopedia/baza14/454477405857.files/image019.png>

ному, морскому и воздушному) был добавлен новый — информационный²². Впоследствии в документе «Joint Doctrine for Information Operations» (1998 г.) было дано определение «информационной войны», но уже как «информационных операций — конфликт, в котором критически важным и стратегически важным ресурсом является информация, которая подлежит освоению или уничтожению»²³ (рис. 3.1.4).

Особенно это касается стран, несогласных с американской моделью глобального миропорядка, прежде всего России и Китая, которые создают альтернативы американскому пути развития, одним из которых является ШОС. После вступления в Организацию Индии и Пакистана она представляет больше половины человечества и глобального материального производства. Поэтому понятно, почему США вместе со своими союзниками ведут против РФ информационную войну, так как она выступает против однополярного мира с доминирующей ролью США и продвигает идею многополярности. При этом в Вашингтоне продолжают опасаться Россию, рассматривая ее как геополитического конкурента, не забывая о том, что это единственное государство, которое может гарантированно уничтожить Соединенные Штаты. Её активное неприятие незаконных односторонних действий США в мире также раздражает Вашингтон. Поэтому предпринимаются меры по дискредитации РФ на международной арене и отрыву от нее партнеров по ШОС, препятствованию действиям других пророссийских центров силы — ОДКБ, Евразийскому экономическому союзу и БРИКС. Для этого Вашингтон активно использует целую серию способов, приемов и методов²⁴ (рис. 3.1.5).

К основным из них относятся:

нарушение договоренностей. После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» «статус-кво» нарушаться не будет и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию гуманитарного сотрудничества с бывшими республиками СССР. Она финансировала эти акции по остаточному принципу, в расчете на то, что эти государства экономически и исторически и так прочно связаны с Россией²⁵. Запад же во главе с США в нарушение договоренностей действовал явно и тайно. Путем масштабного финансирования и при помощи НПО он не только создавал на территории этих стран «пятое колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами общественное сознание, культуру и мировоззрение. В силу этого ряд государств Европейского региона стали переориентироваться в сторону США и ЕС. Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем Грузией и Украиной. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, продвигать свой имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно;

навязывание стереотипов. Типичным примером использования этого метода является использование специальных словосочетаний, которые могут меняться в зависимости от стоящих задач. Так, когда Россия в 2008 г. оказала

Рис. 3.1.5. Способы, приемы и методы информационной борьбы.
Источник: URL: <http://geum.ru/next/images/16485-nomer-4e79a8eb.gif>

помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан от очевидно-го агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в западных СМИ была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. В англоязычных СМИ также активно используются другие ложные клише — Россия — «империя зла», которая стремится к воссозданию времен СССР, «диктаторский режим Путина» и т. д.

Аналогичным образом повели себя западные СМИ и после известных событий на Украине в 2014 г. Если ранее в этих СМИ говорилось о «поддерживаемых Россией сепаратистах на Украине», то теперь все чаще встречается другое определение — «совместные российско-сепаратистские войска». В целом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву для формирования прозападного курса страны и реализации русофобского проекта по отрыву Украины от России по аналогии с реализованными ранее планами в Восточной Европе и Балтии;

подбор выгодных фактов. Когда аудитории предлагается якобы самой сделать вывод из материалов СМИ. Однако в западных СМИ часто дается ложный выбор, когда часть невыгодных фактов умалчивается. Например, когда был совершен государственный переворот на Украине, западными политоло-

гами отбиралась только информация, дискредитирующая президента Украины В. Януковича и силы правопорядка, одновременно умалчивалось о преступных действиях «Майдана», о попытках физически уничтожить главу государства;

подмена понятий и ключевых слов. Через обозначение своих неправомерных действий словами, имеющими в сознании людей нейтральную или положительную окраску. Яркий тому пример — объявление «санкций» против России после воссоединения с Крымом, да и не только против нее. Дело в том, что санкции имеет право объявлять только СБ ООН после соответствующей резолюции. А слово «санкций» было вброшено Вашингтоном в мировые СМИ для обоснования легитимизации действий США в сознании мировой общественности;

провокации и использование психотравмирующих событий. Авиакатастрофа боинга «Малайзийских авиалиний» на Украине в июле 2014 г. также стала предлогом для создания западного «санкционного» фронта против России, которую сразу обвинили в поддержке ополченцев, которые якобы сбили самолет. При этом не было представлено никаких доказательств, были приведены лишь пространные заявления официальных лиц США и домыслы псевдоэкспертов. Российская версия, озвученная Генштабом ВС РФ, опровергнута не была;

искажение исторических событий. Разрушительная мощь этого воздействия на все слои общества настолько велика, что оно может поставить под сомнение не только историю государства, но и сам факт правомерности его существования. Это касается не только текущих событий в мире, но и истории человечества, фальсификаторы которой пытаются доказать, что СССР (правопреемницей которого является Россия) мало что сделал для освобождения человечества от фашизма²⁶. Для этого проводится коренной пересмотр итогов Второй мировой войны. Так, американский историк Х. Болдуин считает, что исход этой войны решили 11 битв («великих кампаний»). В частности, операция «Маркет Гарден» в Голландии, высадка англо-американских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй. Из битв, выигранных Красной Армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву²⁷. Кроме того, в западноевропейских и американских учебниках истории уже давно пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли победы англо-американских войск. А такие события, как битва на Курской дуге, победа в которой дала стратегическое превосходство на всех фронтах, последующие освобождение Европы от нацизма советскими войсками — все это описывается как бои местного значения, не являющиеся переломными в ходе мировой войны. «Промывка мозгов» в области истории коснулась не только западного сообщества, но и граждан России. В 1990-х годах в Россию хлынули различные западные фонды, предлагая всевозможные услуги. Так, американский фонд Open Society Fund, возглавляемый Дж. Соросом, предложил свои услуги Минобразования РФ и стал безвозмездно финансировать выпуск учебников по истории для средних и старших классов. В них Вторая мировая война описана как абсолютный триумф англосаксов, а

важнейшие события на советско-германском фронте перечисляются через запятую. Так называемую образовательную помощь Open Society Fund продолжает оказывать странам Прибалтики, Грузии и Украине. А для Японии история войны была полностью переписана. После знакомства с этим «новоделом» большинство японцев стали считать, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки — дело рук... Советского Союза (!).

Антироссийская пропаганда также ведется в сетях Интернета. Объектами воздействия являются журналисты, политические и общественные деятели, а также граждане стран ШОС, ОДКБ и СНГ (рис. 3.1.6).

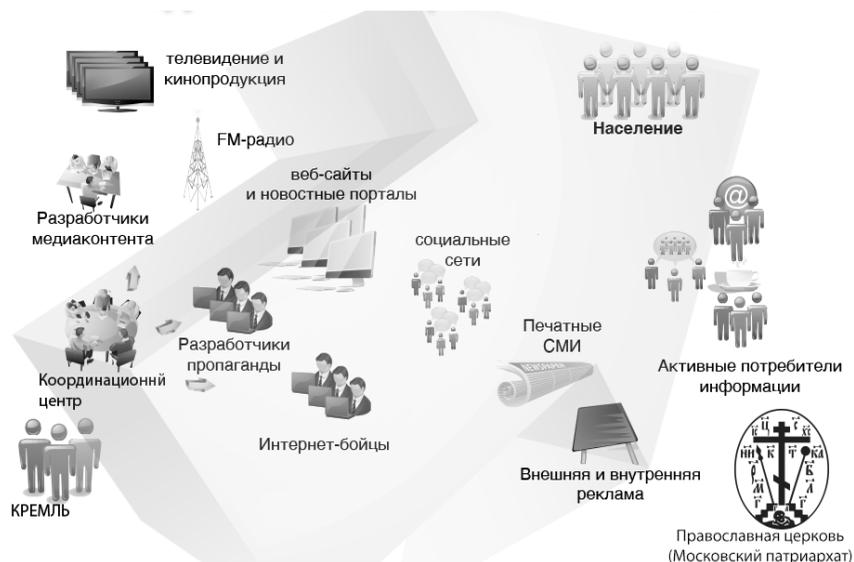

Рис. 3.1.6. Средства информационной агрессии и ее объекты воздействия.

Источник: URL: <http://1.bp.blogspot.com/>

Цель одна: заполнить головы этих людей самыми изощренными вымыслами. Помимо Интернета, не менее важными по значимости сферами приложения усилий являются телевидение, кинематограф и радио. На просторах этого информационного пространства последовательно, не прекращаясь ни на минуту, также идет идеологическая война против России. В связи с событиями на Украине, а также в Сирии администрация США резко усилила информационную войну, масштабы которой превосходят самые мрачные периоды «холодной войны» против СССР.

Одной из антироссийских программ, касающихся событий в мире, является проект, запущенный после военных действий в Южной Осетии, когда стратеги из Пентагона обнаружили, что «отсталая и небоеспособная российская армия», оказывается, способна быстро разгромить «мобильную и высо-

коэффициентную армию будущего», подготовленную американскими инструкторами по стандартам НАТО. Поэтому для пресечения разброда среди американских союзников в 2009 г. на саммите НАТО в Страсбурге было предложено создать «Службу стратегических коммуникаций». При Вашингтонском Центре по анализу европейской политики было создано подразделение Information Warfare Initiative (Инициатива в области информационной войны). Его главная задача — тотальное блокирование любой информации, которую Россия попытается распространять в странах мира. Одновременно британское правительство объявило о создании «Бригады 77», сотрудники которой должны сражаться с «русской пропагандой» на просторах Интернета. В 2016 г. в Евросоюзе была создана оперативная группа по стратегическим коммуникациям — для запрета распространения российской информации по всем каналам, от публичной дипломатии до онлайн-пространства. Подоплека её создания — резолюция Европейского парламента от 23 ноября 2016 г. «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон». Автор этого документа А. Фотыга предложила приравнять российские газеты и телевидение к террористическим организациям «Аль-Каида» и ИГИЛ, которые «ведут активные пропагандистские кампании с целью скомпрометировать европейские ценности и интересы». Поэтому Фотыга призвала Европарламент бороться с «пропагандой Кремля» путем более активного ее разоблачения²⁸.

В ответ на эти призывы Президент РФ В. Путин в феврале 2021 г. выступая на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня — 2021», отметил, что «все более значимую роль в жизни общества стали играть современные технологические и прежде всего цифровые гиганты. И это уже не просто какие-то экономические гиганты, по отдельным направлениям они де-факто конкурируют с государствами. Их аудитория исчисляется миллиардами пользователей, которые проводят в рамках этих экосистем значительную часть своей жизни. В связи с этим у общества возникает вопрос: где грань между успешным глобальным бизнесом, востребованными услугами и сервисами, консолидацией больших данных и попытками грубо, по своему усмотрению управлять обществом, подменять легитимные демократические институты, по сути, узурпировать или ограничивать естественное право человека самому решать, как жить, что выбирать, какую позицию свободно высказывать? Поэтому в перспективе можно ожидать, что более агрессивным станет и характер практических действий, включая давление на те страны, которые не согласны с ролью послушных управляемых сателлитов, использование торговых барьеров, нелегитимные санкции, ограничение финансовой, технологической, информационной сфер»²⁹.

Таким образом, рассмотрев стратегии США, КНР и РФ в сфере применения «мягкой» и «жесткой» силы на международной арене, можно сделать следующие *выводы*.

Во-первых, их объединяет стремление показать свою культуру с интересной и привлекательной стороны. Китай для этого использует свою древнюю историю, философию, а также эстетику. Продукты развлекательной культуры

(кино, компьютерные игры), выпускаемые в Китае, это ярко показывают. А деятельность США на культурном поле может быть характеризована как «актуальная», ввиду того, что они не часто заглядывают в прошлое. Россия так же, как и Китай апеллирует к богатой истории и прошлым достижениям как царской России, так в меньшей степени и советской.

Во-вторых, в сфере гуманитарного сотрудничества с государствами мира явно виден интерес США, КНР и РФ к расширению влияния своего языка. Это благотворно сказывается как на экономическом сотрудничестве, так и на научном, культурном и в других сферах. Кроме того, распространенность языка — есть показатель его статуса и значимости в мировом сообществе, а значит, и страны — источника языка. Общей чертой стратегий трех государств является продвижение образования и науки, которые занимают ключевое место в стратегии «мягкой силы». Через образовательные программы можно не только распространять свою культуру и язык, кроме этого они могут показать уровень технических достижений страны, что, безусловно, положительно отразится на ее имидже.

В-третьих, анализ общих черт стратегий «мягкой силы» США, КНР и РФ показывает, что они различаются в общих направлениях. В первую очередь, они различаются глобальными целями. США стараются удерживать за собой титул мирового лидера во всем. Кроме того, США активно комбинируют «мягкую силу» с иными формами воздействия, как прямыми (применение силы к другим государствам), так и непрямыми (экономические, дипломатические). Китай старается защитить свою культуру и проводит протекционистскую политику, при этом развивая бизнес и экономическое партнерство с другими государствами, в том числе налаживая рынки сбыта своей продукции. Россия же старается вернуть себе влияние на региональном и мировом уровнях. Кроме того, США, КНР и РФ имеют разную ресурсную базу, как финансовую, так и культурно-техническую. Следовательно, в совокупности с разными целями методология используемых процессов различна.

3.2. Гибридная война США против России и Китая

Концепция ведения гибридной войны по взглядам западных теоретиков

Помимо применения Соединенными Штатами методов информационного воздействия на Россию и Китай Вашингтон намерен использовать против них средства гибридной войны в случае резкого ухудшения взаимоотношений с ними. Главной целью своего президентства Д. Трамп избрал лозунг «Вернем Америке былое величие!», что в сфере геополитики по существу означает — сохранение доминирования Соединенных Штатов в мировых делах. Поэтому для усиления американского влияния на другие государства мира 46-й президент США Джо Байден будет продолжать широко использовать методы гибридной войны и иные действия с целью удержания их на своей орбите под лозунгом «Наши лучшие дни еще впереди»³⁰, чтобы сохранять однополярный мир под эгидой Вашингтона.

Для этого в США и НАТО активно ведутся исследования концепции ведения «гибридной войны» и «стратегии непрямых действий» против ряда государств, включая Россию и Китай³¹.

Согласно версии бывшего советника НАТО, генерал-майора ван Каппена гибридная война — «это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет эту войну, совершает сделку с ее негосударственными исполнителями — боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально Вашингтоном полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые делать не могут США, обязанные следовать Женевской и Гаагской конвенциям о законах сухопутной войны и договоренностям с другими странами. Таким образом, всю грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований»³².

А по мнению подполковника Корпуса морской пехоты США Б. Неметта, «гибридная война» — это современный вид партизанской войны, который объединяет современные технологии и современные методы мобилизации.

Также изобретено множество иных формулировок гибридной войны, и на эту тему западными экспертами написаны десятки книг. Поэтому анализ практики многих конфликтов современности и некоторые научные разработки позволяют рассматривать «цветные революции» в качестве важной составной части «гибридной войны» США.

В военно-политическом контексте это понятие может объединять широкий диапазон действий, осуществляемых государством-агрессором с использованием военных и иррегулярных формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов. В работах западных экспертов встречается близкое к этому понятие «войны управляемого хаоса». Широкое распространение получило также понятие «гибридные угрозы», которые определяются как угрозы, создаваемые противником, способным адаптивно использовать традиционные и нетрадиционные средства для достижения собственных целей.

Таким образом, по мысли американских стратегов, гибридная война — это форма военных действий с вовлечением в конфликт разнородных по составу, средствам, уровню и характеру подготовки сил (рис 3.2.1).

Из научных статей понятие «гибридных войн и угроз» «переключало» в некоторые официальные и рабочие документы США и НАТО. Например, в п. 13 Итоговой декларации саммита НАТО, состоявшегося в Шотландии, впервые на официальном уровне говорится о необходимости готовить альянс к участию в гибридных войнах (hybrid warfare). По мнению специалистов альянса, такие войны включают проведение широкого спектра прямых боевых действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, партизанскими и другими иррегулярными формированиями. При этом понятие «гибридные угрозы» объединяет широкий диапазон враждебных обстоятельств и намерений, таких как кибервойна, сценарии асимметричных конфликтов низкой интенсивности, глобальный терроризм, пиратство, незаконная миграция, коррупция, этнические и религиозные кон-

Рис. 3.2.1. Гибридная война по взглядам стратегов США.

Источник: URL: <http://rubicon.org.ua/images/stati/gibrid.jpg>

фликты, безопасность ресурсов, демографические вызовы, транснациональная организованная преступность, проблемы глобализации и распространение оружия массового уничтожения (ОМУ). В концепции НАТО, получившей название «NATO's Bi-Strategic Command Capstone Concept», гибридные угрозы определяются как угрозы, создаваемые противником, способным одновременно адаптивно их использовать.

В интересах совершенствования способности союзников США противостоять гибридным угрозам в этом документе содержится требование наладить тесную координацию между министерствами внутренних дел, привлекать силы полиции и жандармерии для пресечения нетрадиционных угроз, связанных с пропагандистскими кампаниями, кибератаками и действиями местных сепаратистов. Проведение учений для отработки действий в гибридной войне считается одним из приоритетов альянса. В Латвии, в частности, для целей подготовки и координации таких учений создан специальный центр (Strategic Communications Centre of Excellence). Важным шагом альянса по подготовке к войнам нового типа является решение о формировании Сил быстрого развертывания (СБР), находящихся в 48-часовой готовности к действию. Наряду с подразделениями сухопутных войск СБР в их составе планируется иметь авиацию и силы флота. Их комплексный состав позволяет предположить, что это формирование может привлекаться для решения двух принципиально разных задач. Одна из них будет заключаться в предотвращении диверсионно-разведывательных действий противника в угрожаемый период и борьбе с иррегулярными формированиями на собственной территории. Другая задача состоит в организации подрывной работы на территории

противника за счет создания иррегулярных сетевых структур, заранее обеспеченных людскими и материальными ресурсами.

Российские специалисты Ю.Н. Балуевский и М.М. Хамзатов³³ еще в 2014 г. предупреждали, что эти действия изначально предполагают согласованные точечные воздействия по ключевым элементам системы национальной безопасности противника на всей его территории разнообразными тактическими группировками, управляемыми из единого стратегического центра.

Театры действий гибридной войны

Театр гибридной войны — территория какого-либо одного континента с прилегающими к нему океанским (морским), воздушным и космическим пространством, на котором могут быть развернуты или ведутся военные действия отдельными враждующими государствами или коалициями государств. При этом состав и границы театра войны устанавливаются военно-политическим руководством каждого государства — участника гибридной войны, исходя из стратегических задач, вытекающих из общего плана войны и учета политического, экономического, географического и собственно военного факторов.

В границы театра военных действий (ТВД) входит территория государства-жертвы с прилегающими приграничными зонами. Эти зоны включают территории союзников и партнеров, которые используются государством-агрессором на различных этапах гибридной войны. В зависимости от конкретно сложившихся условий военно-политической обстановки масштаб, роль и значение театра действий гибридной войны могут меняться.

В случае ведения гибридной войны против отдельного государства или группы государств она будет проходить в «серой зоне», которую следует рассматривать как ТВД, на котором развивается гибридный военный конфликт (рис. 3.2.2).

Важное значение для успешного проведения операций гибридной войны имеет подготовка театра военных действий, которая проводится по определенному плану еще в мирное время и совершенствуется в ходе войны. При

Рис. 3.2.2. Основные составляющие гибридной войны по взглядам США.

Источник: URL: <https://cont.ws/uploads/pic/2016/9/Слайд2.JPG>

этом содержание ее подготовки определяется спецификой гибридной войны как интегратора военных и невоенных форм, средств, методов и технологий борьбы, используемых в современных многомерных конфликтах для получения политических, экономических, военных, информационно-психологических преимуществ действий в период, который невозможно в чистом виде отнести ни к войне, ни к миру. Мероприятия, предусмотренные стратегиями и контрстратегиями гибридной войны, осуществляются на ТВД задолго до начала активной фазы действий.

Ярким примером продуманной заблаговременной подготовки серой зоны в рамках ТВД на юго-восточных рубежах России является целенаправленная деятельность США и НАТО на Украине. Работа по подготовке инфраструктуры гибридной войны и превращения этой страны в плацдарм агрессии против России развернулась с первых лет после провозглашения независимости и продолжается до сих пор. К опорным элементам этой инфраструктуры в информационно-коммуникационной сфере следует отнести: Центр информации и документации НАТО, Офис связи НАТО — Украина³⁴, Институт евро-атлантического сотрудничества, Межпарламентский совет Украина — НАТО³⁵, Институт трансформации общества с собственным сетевым холдингом, Общественная лига «Украина — НАТО» и др. Помимо этого, на средства американского Национального фонда демократии также были учреждены 15 региональных центров евро-атлантической интеграции, преимущественно с охватом юго-востока и севера Украины. Такая тактика укладывается в общую канву информационной работы западных НПО на Украине, где особое внимание уделяется традиционно пророссийским регионам. Созданные сетевые структуры при прямой поддержке дипломатов ряда западных государств уже неоднократно активно вмешивались в события на Украине в 2004 г., а также в конце 2013—2014 гг.

При этом стратегия гибридной войны нацелена на изнурение страны-жертвы и предполагает широкий спектр действий, включающих использование воинских и иррегулярных формирований одновременно с проведением в рамках единого замысла операций по хаотизации экономики, сферы военной безопасности и культурно-мировоззренческой сферы, а также применение кибератак. Государство-агрессор, без формального объявления войны, тайно атакует структуры государственного управления, экономику, информационную и культурно-мировоззренческую сферу, силы правопорядка и регулярную армию страны-мишени. Затем на определенном этапе разворачиваются военные действия с участием местных мятежников, наемников, частных военных компаний, поддерживаемых кадрами, оружием и финансируемых из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами: преступными, националистическими и псевдорелигиозными организациями, отдельными олигархами.

Важная составляющая стратегии — целенаправленное воздействие на сферу военной безопасности государства, чтобы втянуть его в непомерные изнуряющие военные расходы путем провоцирования локальных конфликтов в приграничных районах и стратегически важных регионах, проведения

его границ масштабных военных учений по провокационным сценариям, развертывания дестабилизирующих систем оружия, использования возможностей «пятой колонны» и агентурных сетей. Временные рамки действия стратегии гибридной войны — многие годы.

Комплекс таких действий страны-агрессора формируется по заранее определенному стратегическому замыслу и воздействует на широкий спектр военных и гражданских целей противника, включая население страны-мишени. Конечная цель состоит в подрыве совокупной мощи государства, позиции и влияния правительства внутри страны и на международной арене.

Таким образом, в отличие от других видов угроз комплекс гибридных угроз ориентируется строго на выбранный объект воздействия и имеет четко определенный формат и заранее определенную конечную цель, что представляет собой ядро стратегического замысла операции. Его успешная реализация зависит от наличия источника, способного обеспечить необходимые силы и средства, а также возможности доступа к ним. Такой синергетический эффект применения гибридных средств борьбы обуславливает их особую опасность для всей системы обеспечения национальной безопасности страны — жертвы агрессии.

Западными стратегами разрабатываются и контрстратегии, предназначенные для противодействия и нейтрализации эффективности стратегий

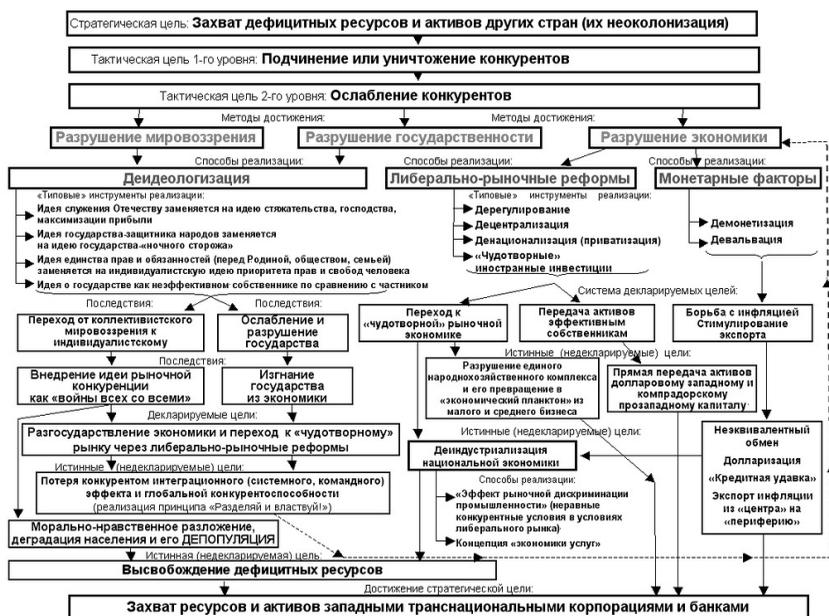

Рис. 3.2.3. Цели США в рамках борьбы за глобальное лидерство.

Источник: URL: http://img-fotki.yandex.ru/get/6211/163177035_0/0_7cfbe_19f509a6_XXL

войны, избранных противником. При этом ведущая роль в подготовке ТВД отводится созданию условий для разрушительного информационно-психологического и экономического воздействия на противника. Применение непрямых асимметричных действий и способов ведения гибридной войны позволяет лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета и навязать свою волю без захвата территории государства военной силой.

Используя невоенные ресурсы, такие как экономическая мощь, высокий уровень развития технологий, науки и культуры, а также возможности навязывания миру свои политические идеалы и моральные стандарты, США и их партнеры по НАТО в состоянии оказать необходимое влияние на политиков и население страны-мишени без широкого применения традиционных приемов военного давления и принуждения. При этом военная сила, военный потенциал остаются в арсенале коллективного Запада, а угроза их возможного применения служит дополнительным стимулом для удержания многих других государств в русле, определенном Вашингтоном, с решительным пресечением попыток идти путем собственных национальных интересов (рис. 3.2.3).

Фактор «цветных революций» в гибридной войне

Отдельное место в списке инновационных подрывных технологий в рамках гибридной войны занимают «цветные революции». Политическим реалиям современности вполне соответствует формулировка, предложенная политологом А. Манойло: «цветная революция» — это «технология организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, когда давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное протестное движение»³⁶. Можно добавить, что от политического шантажа противоборствующие стороны переходят к силовым мерам воздействия, реализация которых может привести к развязыванию в стране гражданской войны. В ходе её применяются технологии гибридной войны.

Анализируя развитие военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, следует заметить, что в этом регионе силами Запада довольно успешно реализуются способы «бескровной» смены власти в рамках «цветных революций» в тех странах, чья политика не устраивает США. Как правило, они включают следующий набор методов и средств их реализации, проводимых последовательно:

проведение по отношению к государству — объекту нападения «стратегии не прямых действий» (скрытая и всесторонняя поддержка антиправительственных движений, размывание единства народных масс за счет информационных провокаций; возвращение прозападных лидеров оппозиции к действующей власти и т. д.);

создание в стране экономических и социальных трудностей (за счет экономических и иных блокад), сеяние розни между партиями, нациями/народ-

ностями и конфессиями, искусственное усиление недовольства населения сложившимся положением в государстве;

спонсорство и управление очередной «цветной революцией» при помощи «твиттерных акций». Одновременно используется массированное информационно-психологическое воздействие на международное сообщество с использованием «эффекта CNN» (с призывами к «защите недовольного властью народа и завоеваний демократии», вплоть до использования военной силы);

и, наконец — военное вмешательство в страну — объект агрессии. Особенностью такого вторжения является то, что оно проводится коалиционными силами (дабы «размыть» ответственность за свои деяния) и под прикрытием мандата международных организаций (в частности, ООН)³⁷.

Как правило, в результате таких акций в государствах-объектах «мирной агрессии» к власти приходят режимы, угодные агрессору.

Вследствие «мирной агрессии» против ряда государств на Ближнем Востоке под угрозой оказались важные геополитические интересы России в этом регионе. В феврале 2012 г. Россия была на грани от того, чтобы потерять своего стратегического и экономического партнера — Сирию. До этого Москвой были утрачены позиции в Ираке и Ливии, где Запад использовал указанные методы и средства, обусловившие политические перевороты в этих странах.

Первоначально в Ираке под предлогом разработки Багдадом ОМУ в ходе военной агрессии было свергнуто правительство С. Хусейна. Американско-британская группировка войск, словно на полигоне, наносила удары по военным и гражданским объектам и использовала способы информационно-психологического воздействия на иракскую армию и население. Для придания международной легитимности своим действиям западная коалиция получила мандат ООН (3 месяца спустя после военного вторжения в Ирак).

В результате военного вторжения в стране было сформировано проамериканское правительство, ОМУ так и не нашли, а С. Хусейн был повешен. Из-за разразившейся междоусобицы между суннитами и шиитами страна оказалась в хаосе и на грани развала, а разработка ее нефтяных недр досталась нефтяным компаниям США и Великобритании. Российские, китайские и европейские нефтяные компании, правительства стран которых осуждали военное вторжение в Ирак, остались «не у дел».

Затем в Египте для смены действующей власти был по полной программе задействован интернет-ресурс (Twitter, Facebook, Blackberry и Messenger). По электронной почте был распространен план свержения режима Х. Мубарака со спутниковыми фотографиями и схемами дорог, описанием стратегических объектов для штурма: президентский дворец, теле- и радиостанции. Правящий режим не смог удержать власть при беспрецедентном давлении социальных сетей и поднятой ими «улицы».

В Ливии также во всю мощь были задействованы информационные технологии. Twitter и Blackberry завели и активно использовали микроблоги на арабском, чтобы проводить информационно — психологическое воздействие

на ливийцев. Вследствие этого, а также невмешательства России и Китая в грубое нарушение Западом резолюций СБ ООН по применению военной силы, правящий режим Джамахирии был свергнут, а М. Каддафи — убит. В итоге Россия потеряла еще одного важного экономического партнера на Ближнем Востоке.

После этих событий Сирия заняла одну из ключевых позиций в регионе по ряду причин. Во-первых, это мощный военно-политический союзник Ирана, связанный с ним договорными обязательствами. Во-вторых, на сирийском побережье располагалась единственная в дальнем зарубежье база российского ВМФ, которая мешает Западу беспрепятственно действовать в Средиземном море. Дамаск также заключил долгосрочные контракты с Москвой на поставки вооружения. Смена власти в Сирии грозила лишить Россию и того, и другого, что стало бы заметным проигрышем РФ на геополитической арене Ближнего Востока. Однако этого не произошло благодаря активной военной помощи Сирии со стороны ВС России, которая не только упрочила свои позиции на геополитической арене Ближнего Востока, но и дополнительно получила авиабазу в этой стране.

Расширяется и военный плацдарм для возможной военной агрессии против Ирана. США и Израиль намереваются любыми способами, вплоть до военного вмешательства, лишить Россию союзника в его лице. Поводом для этого служат обвинения Тегерана в развитии ядерной программы и поддержке международного терроризма³⁸.

«Серая зона» действий в стратегии «неопределенности»

Действия в рамках «гибридной войны» позволяют конкурировать с враждебными США государствами, находясь ниже порога обычной войны и ниже порога того, что может вызвать международную реакцию. Отсюда и появился термин «серая зона» как промежуточная среда между черным и белым, войной и миром.

Своеобразными «красными линиями», ограничивающими цели, размах, и используемыми в операции в «серой зоне», является недопущение эскалации событий до уровня, на котором станет возможным вмешательство ООН на основе резолюции Генеральной Ассамблеи «Об агрессии» от 14 декабря 1974 г.³⁹, введение в действие ст. 5 Договора о коллективной обороне НАТО, а также развитие конфликта, способного вызвать жесткие меры реагирования со стороны мирового сообщества.

В США планирование операций в «серой зоне» относят к сфере так называемых «стратегий неопределенности», которые предполагают создание условий в политической и военной сфере в отдельном государстве, регионе или на мировой арене, при которых затруднительно правильно оценивать обстановку, эффективно использовать армию и совершать адекватные, соразмерные политические шаги.

При этом «серая зона» используется как в краткосрочном, так и в долгосрочном планировании, а конкуренция между субъектами направлена на формирование новой международной системы. По сложившейся на Западе

традиции авторы концепции «серой зоны» ищут примеры ее современного использования вне рамок стратегий, применяемых в повседневной практике США и НАТО: это действия Китая в Южно-Китайском море; России — на юго-востоке Украины, на Среднем Востоке; Ирана — в Ираке, Сирии и Ливане.

Смысл таких действий, по мнению авторов, заключается в том, что упомянутые субъекты оспаривают лидерство США, союзы и партнерские связи в Восточной Европе, Восточной Азии и на Среднем Востоке с целью продвижения собственного видения многополярного мира, в котором Америка будет более ограниченной, а ее влияние — размытым.

Важной характеристикой «серой зоны» является использование в ее пределах поэтапного подхода, задача которого заключается не в достижении отдельных оперативно-тактических целей, а в формировании нарастающей лавины относительно маломасштабных событий, совокупность которых служит катализатором новой стратегической реальности. При этом поэтапный подход усложняет задачу сдерживания и соблюдения баланса, что требует проведения согласованных мер противодействия.

В «серой зоне» государствами-агрессорами используются нетрадиционные средства. Это тщательно проработанные и хорошо интегрированные невоенные средства, подобранные таким образом, чтобы в результате их использования избежать нарушения «красных линий» и не допустить эскалации конфликта за счет тщательно выбранного масштаба операций и распределения их во времени. При стратегическом планировании важно предвидеть, какие действия могут вызвать непропорционально сильную ответную реакцию противника.

В результате последовательного и осторожного применения совокупности действий в «серой зоне» их результирующая составляющая в каждый данный момент должна размещаться ниже порога традиционного конфликта. При этом каждая операция в «серой зоне» уникальна в своем контексте, однако среди них можно выделить некоторые общие характеристики:

- они представляют собой некую гибридную комбинацию военных и невоенных методов для получения стратегических результатов за счет формирования сложной и противоречивой обстановки, что в конечном итоге снижает эффективность применяемых соперником контрстратегий;
- применяемые методы и средства не соответствуют представлениям о линейной модели традиционных военных конфликтов, что создает трудности для использования отработанных оборонительных действий. Нелинейный характер развития конфликта в «серой зоне» является важнейшим фактором, способствующим получению стратегических преимуществ за счет относительно незначительных воздействий;
- используемые в «серой зоне» методы и средства существенно осложняют задачу выбора между действием и бездействием. Каждый из возможных вариантов представляется одинаково ответственным и неприятным, что оказывает разрушительное воздействие на контрстратегии, разрабатываемые противостоящей стороной.

Государства, ведущие гибридную войну в «серой зоне», рассматривают ее как менее дорогостоящую альтернативу традиционной войне. Особенности «серой зоны» позволяют использовать различные способы военного и невоенного насилия постепенно, скрытно и косвенно. При скрытом воздействии применяются нерегулярные военные формирования, ведется война «чужими руками», используются частные военные компании, что позволяет скрывать истинных инициаторов конфликта. Таким образом, «серая зона» становится податливым пространством между войной и преступностью на пересечении нетрадиционных средств, незаконных методов и международных норм, порядка и анархии.

Широкие возможности, которые предоставляют действия в «серой зоне» для решения комплекса стратегически важных для США задач, обуславливают растущее внимание к этому феномену со стороны американских исследовательских центров. В их числе — Консультативный совет по международной безопасности (КСМБ) Федерального консультативного комитета, созданный для предоставления Государственному департаменту США консультаций и предложений по аспектам научной, военной, дипломатической, политической и общественной дипломатии, контроля над вооружениями, разоружения, международной безопасности и нераспространения⁴⁰.

КСМБ считает, что концепция «серой зоны» является особенно актуальной сегодня в связи с широким использованием гибридных стратегий в современных конфликтах и применяемых при этом различных форм и способов действий. В связи с этим Совет рекомендует правительству США:

- сформулировать единый правительственный подход к противодействию попыткам использовать возможности «серой зоны» в ущерб интересам США, в том числе привлечь агентства, которые непосредственно не связаны с обеспечением международной безопасности;
- создать организационную структуру, которая будет способствовать координации и управлению операциями в «серой зоне» с привлечением всех задействованных государственных учреждений США;
- разработать новый подход к планированию действий по решению проблем в «серой зоне», включая оценку целей, задач и интересов США в разных странах и регионах мира;
- продолжить усилия по устранению основных источников насилия и условий, которые делают стратегию «серой зоны» потенциально эффективной для противников США путем предоставления экономических льгот, проведения акций в защиту прав человека, помощи в организации качественного управления, повышения уровня общественного здравоохранения и обеспечения верховенства закона;
- разработать и внедрить в Государственном департаменте и в правительстве США систему «после извлеченных уроков», а также дополнительных мер по отработке сценариев «серой зоны» в военных учениях с привлечением правительственных структур.

В целом проблемы «серой зоны» рассматриваются в военных кругах США как приоритетные и важные для обороны страны и для выработки ре-

шений ее руководством. Считается, что такому подходу способствуют следующие факторы:

во-первых, угрозы «серых зон» несут в себе новый импульс, способный придать ускорение реформам обороны США и разработкам новой военной стратегии;

во-вторых, успехи противников США будут последовательно подрывать позиции и влияние Вашингтона до тех пор, пока высшие руководители не примут инновационных решений, направленных на адаптацию государства и вооруженных сил к новым конфликтам и организацию противодействия противнику.

Стратегия не прямых действий против стран, неугодных США

В настоящее время стратегия не прямых действий (СНД) является наиболее эффективным средством ведения геополитической борьбы между государствами, которые правящие круги стран НАТО активно используют во второй половине XX — начале XXI века в целях разгрома или ослабления своих реальных и потенциальных государств-противников на международной арене⁴¹. Подобные способы захвата геополитических пространств используются руководством альянса, которое, придерживаясь принципа «скрывать свои возможности и намерения», не афиширует применение данной стратегии.

Технология сокрушения «враждебных» государств посредством применения стратегий не прямых действий и «мягкой силы» строится на основе следующих базовых идей и подходов⁴²:

- использование как открытых, так скрытых форм и методов воздействия, избегая открытой конфронтации и прямого силового столкновения с противником, с целью внутреннего разрушения государства-противника;
- достижение господства агрессора над атакуемой страной имеет целью лишение ее экономической и ресурсной самодостаточности и способности к устойчивому развитию.

Это достигается путем создания в рамках государственной системы страны-жертвы особого пространственно-организационного механизма «внешнего управления», позволяющего установить опосредованный и скрытый контроль над процессами жизнедеятельности атакуемой стороны, а также возможность трансформации общественно-политической системы государства-жертвы в соответствии с интересами и целями внешних акторов мировой политики. Это означает не только физическое разрушение самого института государственности страны-жертвы, что ведёт к завоеванию её территории и ресурсов, но и уничтожение самобытной цивилизации данной страны, т. е. изменение цивилизационной, конфессионально-культурной и национальной идентификации её народа. При этом следует подчеркнуть, что такая победа в ходе геополитического противоборства, в отличие, например, от победы в войне, является необратимой, т. е. исторически неоспариваемой ввиду исчезновения оспаривающей стороны с исторической арены⁴³; воздействие государства-агрессора на государственную систему страны-жертвы осуществ-

ляется как по внешнеполитической линии, так и за счёт внутренней трансформации системы.

Следует отметить, что страны Запада не являются пионерами применения стратегий не прямых действий и «мягкой силы». Впервые принципы стратегии не прямых действий были сформулированы в Китае ещё в V в. до н. э. китайским полководцем и военным теоретиком Сунь-цзы, который изложил принципы стратегии достижения победы над врагами в трактате «Сунь-цзы бин фа», или «Правила ведения войны мудреца Суня». Концептуальная сущность данной стратегии заключается в «достижении победы над противником, не сражаясь с ним», что означает необходимость «побеждать замыслом».

При этом американская модель СНД ориентирована на быстрый развал государственной системы страны-жертвы за счёт формирования внутри враждебного государства кризисных явлений системного характера и создания в рамках её государственной системы болевых точек, способствующих углублению кризисных процессов. Это позволяет атакующему государству выждать ослабления своего противника до необходимого уровня и появления условий, при которых проведение силовых акций по захвату территории может не потребоваться. В данном случае роль вооруженных сил будет сведена к закреплению силовым путём существующей экономической и демографической ситуации в конкретном регионе⁴⁴.

Что касается западных технологий «цветных революций» на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, то они, как правило, реализуются в следующей последовательности⁴⁵:

- осуществляется дестабилизация социально-политической и экономической систем страны-жертвы путем создания масштабного системного кризиса и погружения ее в состояние «управляемого хаоса», что делает политический режим данной страны уязвимым для внешнего давления. При этом главной целью дестабилизирующих действий государства-агрессора является создание в стране-жертве подконтрольного внешним силам «центра влияния» в лице оппозиционных сил, наращивающих противодействие правящему режиму вплоть до развязывания вооруженной борьбы. Для выполнения данной программной установки государство-агрессор находит в среде правящей элиты «враждебной» страны сторонников, которые становятся исполнителями трансформации политической-системы страной-агрессором;

- в условиях «управляемого хаоса» осуществляется формирование структуры-аттрактора в лице оппозиционного центра социально-политического влияния, задачей которого является взятие власти в стране при смене политического режима;

- создание институтов государственного управления и силовых структур под эгидой международных организаций.

Ведение геополитической борьбы в рамках СНД обладает превосходством над стратегиями «прямых действий» по следующим параметрам:

- позволяет агрессору минимизировать затраты на трансформацию политической системы страны-жертвы без применения силовых методов и при соблюдении оптимального баланса показателей «прибыль — риски»;

- обеспечивает возможность регулирования масштабов нанесённого ущерба экономической системе враждебной страны, а также ограничивает потери её людских и экологических ресурсов в целях их дальнейшего использования.

Произошедшие на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке «цветные революции» являются следствием разработанной в Соединённых Штатах теории «управляемого хаоса» (или, как ещё её называют — теории «контролируемой нестабильности»), авторами которой являются Дж. Шарп, автор книги «От диктатуры к демократии» и Ст. Манн, автор книги «Теория хаоса и стратегическая мысль», на основе которых была разработана технология реализации стратегии «мягкой силы», базирующейся на следующих принципах⁴⁶:

- объединение всех политических сил, выступающих против существующего законного правительства;
- подрыв уверенности руководства страны в своих возможностях по стабилизации обстановки и в лояльности силовых структур;
- дестабилизация обстановки в стране путём инициирования протестных настроений, культивируемых в различных слоях общества с целью подрыва легитимности существующего политического режима;
- инициирование смены власти путём оспаривания результатов выборов (зачастую ещё до их окончания) и организации актов гражданского неповиновения.

Практически во всех странах, вовлечённых в хаос массовых беспорядков, «стихийные» толпы были организованы посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети и электронную почту, а также на мобильные телефоны. Поэтому произошедшие в последние годы «цветные революции» на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке следует квалифицировать не как революции, а как «хаос и мятежи», замаскированные под стихийные выступления народа в целях смены неугодных внешним силам политических режимов.

Формируемые политтехнологами общественные структуры в социальных сетях создают опасно критическую массу людей на трех основных уровнях:

- на информационном уровне оппозиционные силы акцентируют внимание людей на существующих проблемах с выработкой обострённой реакции на недостатки в общественной жизни с популистскими предложениями по их решению;
- на ментальном уровне формируются убеждения, что «так дальше жить нельзя» и «жить стало невыносимо»;
- на социальном уровне активизируется деятельность этнических, социальных, религиозных и региональных групп с целью их мобилизации на применение радикальных методов решения существующих в обществе проблем.

Подрывные действия США в отношении России и Китая

Следует отметить, что против современных технологий «мягкой силы» и «цветных революций» очень сложно защищаться стандартным набором средств. Осуществление государственного переворота в России с использова-

нием протестного потенциала народных масс, обманутых «благими» идеями «справедливой революции» — наиболее приемлемый для Запада сценарий. Еще в период начала «холодной войны» США сформулировали свои цели в отношении России (на тот момент — СССР). В директиве СНБ 20/1 была сформулирована конкретная задача: «Уменьшить мощь и влияние России до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества».

Однако крушение Советского Союза и всего социалистического лагеря показалось Вашингтону недостаточными для окончательного «уменьшения мощи и влияния Москвы». Россия все еще оставалась крупнейшим государством мира с огромным потенциалом. Она тождественна самой Евразии, так как ее территория, демографический ресурс и индустриально-технологическое развитие способны стать прочной основой для континентальной евразийской интеграции. Обладая внушительными запасами природных ресурсов и занимая выгодное географическое положение, Россия имеет все шансы превратиться в стратегического партнера для тех, кто заинтересован в торгово-экономическом сотрудничестве. В то же время укрепление России — это угроза глобальной гегемонии западных стран, и прежде всего США.

Поэтому после развала СССР Вашингтону было необходимо установить контроль над политическими и экономическими процессами на постсоветском пространстве, а также внутри новой России. Американские «фабрики мысли» трудились над созданием стратегии постепенной фрагментации Российской Федерации и ее окончательного распада. При этом успешная реализация проекта «свободной конфедерации», направленная на децентрализацию политической системы, могла бы окончательно уничтожить российский государственный суверенитет. Создание «санитарных кордонов» из враждебных российскому государству режимов — это попытка ограничить влияние России и изолировать ее от участия в важных европейских и мировых событиях. Наличие подобной практики в современных подходах ряда государств раскрыл президент России В.В. Путин в 2014 г. в послании к Федеральному собранию. Он открыто заявил о том, что США и их союзники нашли бы любой повод с целью «сдерживать растущие возможности России, повлиять на неё, а еще лучше — использовать в своих интересах»⁴⁷. Этот тезис находит свое подтверждение в выступлении директора ЦРУ У. Бернса 25 февраля 2021 г., который в своем обращении к Сенату заявил, что наибольшее внимание будет уделять борьбе с Китаем, который стремительными темпами закрепляется в роли нового полюса силы. Что касается отношений с Россией, то Бернс отметил, что не видит оснований для стабильного надежного сотрудничества с президентом В. Путиным. По мнению главы американской разведки, отношения с русскими будут колебаться от острого противостояния до надоедливой ссоры⁴⁸. При этом РФ и КНР вышли на уровень стратегического партнерства и их совместные торгово-экономические, энергетические и политические проекты динамично развиваются.

Это вынуждает противников сближения России и Китая использовать все инструменты для сдерживания этих государств. Так, события, связанные

с организацией массовых протестов в Гонконге, известные как «революция зонтиков», свидетельствуют о применении деструктивных политических технологий в отношении Китая. Попытка раскачать ситуацию через одно из наиболее уязвимых мест КНР (в тогдашнем Гонконге) — нанесение удара по правящей КПК с целью демонстрации отсутствия в китайском обществе солидарности с действиями государственного аппарата. Тем самым Соединенные Штаты демонстрировали свое недовольство проводимой Пекином политикой, одновременно указывая на наличие средств и возможностей для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в КНР. Однако эта попытка дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в КНР провалилась.

Что касается России, то в условиях современной системы международных отношений, которая характеризуется напряжением между Москвой и Вашингтоном, сворачиванием многих сфер сотрудничества, администрация Байдена будет по-прежнему стараться вбить клин в отношения Москвы и Пекина. Поэтому еще в 2015 г. начальник ГРУ Генштаба ВС РФ И. Сергун заявил, что для США ключевыми задачами на долгосрочную перспективу являются: «воспрепятствование политико-экономическим интеграционным процессам в Центрально-Азиатском регионе, а также окружение России и Китая как потенциальных противников сетью дружественных и лояльных Вашингтону режимов и очагов напряженности»⁴⁹.

При этом в отношении РФ, равно как и по отношению к КНР, реализуется комплексная подрывная стратегия, где в качестве высокоэффективного орудия геополитики выступает корреляция технологий «цветных революций» и гибридной войны. Среди инструментариев этих акций необходимо выделить следующие аспекты:

Финансово-экономический и технический аспекты: обвал рубля и юаня и стимулирование инфляции через наращивание нефтедобычи внутри США, давление на Саудовскую Аравию и ОПЕК с целью обрушения цен на нефть и сокращения доходов России, введение Западом ограничений на экспорт нефтедобывающей техники, которая нужна для добычи трудноизвлекаемых природных ресурсов. Нелегитимные санкции, введенные Западом в отношении России, и торговая война, объявленная США Китаю, нацелены на то, чтобы привести экономики РФ и КНР в состояние рецессии, понизить жизненный уровень их граждан, тем самым вызвав широкую волну социального недовольства и уже на этой ниве, путем заранее подготовленной политической агентуры на местах и сочувствующих лиц в элите попытаться осуществить государственный переворот.

Военно-политический: создание по периметру российских и китайских границ очагов нестабильности, дестабилизация ситуации посредством технологий «цветных революций» в странах — участницах интеграционных объединений на постсоветском пространстве и в АТР, попытки втянуть Россию и Китай в затяжной, изматывающий конфликт с Западом. Так, в 2014 г. генсек ОДКБ Н.Н. Бордюжа констатировал, что «возникновение и развитие очагов конфликтов на пространстве ОДКБ и ШОС в большинстве случаев связано с активизирующимся внешним воздействием»⁵⁰.

Информационный аспект: целенаправленная информационная «обработка» населения РФ и КНР, углубляющая раскол между народом и государственной властью, постепенная подмена ценностей и культурных кодов, «раскручивание» социофобий с параллельным возвышением «западных идеалов», ревизия истории (на страницах школьных и вузовских учебников и в СМИ), уничтожение исторической памяти. Эффективным инструментом реализации геополитических целей является переформатирование сознания. Слом духовно-интеллектуальных скреп действует намного эффективнее любого оружия, лишая общество государства-мишени культурного иммунитета.

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с применением Соединенными Штатами стратегии не прямых и иных действий в рамках гибридной войны против России и Китая, можно прийти к следующим **выводам.**

Во-первых, против тех стран, которые заявляют о необходимости создания многополярного мира и проводят независимую от Соединенных Штатов политику, включая Россию и Китай, Вашингтон использует методы информационной войны с целью скомпрометировать эти государства в глазах мирового сообщества. И для усиления своего влияния на другие государства мира Вашингтон будет широко использовать методы гибридной войны и иные действия с целью удержания их на своей орбите и сохранять однополярный мир под эгидой Вашингтона. А для смены политических режимов в «неудобных» для США государствах может быть использована стратегия не прямых действий. Реализуя её, США демонстрируют готовность использовать военную силу и даже применяют ее, часто пренебрегая нормами международного права. В случае ведения гибридной войны против отдельного государства или группы государств, она будет проходить в так называемой серой зоне.

Во-вторых, по периметру границ России и Китая постепенно создаются «серые зоны», рассчитанные на долгосрочную перспективу. Эти зоны различными «оттенками серого» уже охватили территорию России и протянулись от Арктики до Закавказья и Центральной Азии. Есть еще одна угроза на Дальнем Востоке России, где Япония претендует на «северные территории». Такие спорные территории уже созданы совместными усилиями США и НАТО на протяжении всей «дуги нестабильности» от западного побережья Африки до Центральной Азии. При этом для действий в «серой зоне» характерны следующие общие черты: противостояние в «серой зоне» развивается ниже признанного правового понимания войны; применяемые в «серой зоне» стратегии рассчитаны на введение противника в заблуждение и построены на постепенном движении к цели при сочетании нетрадиционных, военных и невоенных средств. Тем самым создается сложная обстановка неоднозначности, которая парализует действия субъектов, готовых вмешаться в конфликт (международных организаций или отдельных государств).

В-третьих, значительное место в списке инновационных подрывных технологий в рамках гибридной войны США занимают «цветные революции» в рамках управляемого хаоса. При этом они являются технологиями организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, когда давление на власть осуществляется в фор-

ме политического шантажа, а основной движущей силой удара по власти выступает специально организованное протестное движение. Анализ развития военно-политической обстановки на Ближнем Востоке свидетельствует, что в этом регионе силами США довольно успешно реализовались способы «бескровной» смены власти в рамках «цветных революций» в Ливии, Ираке, Египте и Сирии.

В-четвертых, с учетом масштабов и реального характера угроз и подрывных действий Соединенных Штатов против РФ успешное решение комплекса задач по обеспечению безопасности ее и союзников может быть достигнуто за счет: консолидации общества России и укрепления национальной обороны; развития связей с Китаем и другими союзниками и партнерами, умелым использованием потенциала существующих организаций обеспечения международной безопасности и решительным противодействием попыткам деструктивного влияния в сфере международных отношений. Это также означает, что органы власти России должны внимательно следить за тенденциями изменения военно-политической обстановки в мире и оценивать вероятные последствия функционирования «стратегического треугольника» для экономических интересов России.

3.3. Совершенствование вооруженных сил США и Китая

Влияние концепций и военных технологий на развитие ВС США

Еще одним аспектом, угрожающим национальным интересам России, является совершенствование вооруженных сил акторов стратегического треугольника под влиянием новейших технологий. Прописав в своей Стратегии национальной обороны 2019 г. тезис о возрождении соперничества великих держав, США приступили к перестройке своих ВС для этой задачи. Они должны быть готовыми к войне, в том числе и с Китаем, во всех сферах, включая космос и киберпространство. С этой целью в октябре 2019 г. была обнародована Стратегия модернизации армии 2019: инвестируя в будущее, которая стала ориентиром в деле совершенствования видов ВС США⁵¹. В ней описано, как будут трансформироваться все компоненты армии и флота в силу, способную с высокой эффективностью вести операции на глобальном и тактическом уровне. К 2028 г. ВС США должны быть готовы вести операции на одном театре военных действий (ТВД), а к 2035 г. — одновременно на нескольких в составе объединенных группировок коалиционных сил НАТО. Для этого было принято решение о формировании к 2022 г. двух новых командований объединённого командования ОВС НАТО — «Атлантика» и объединённого командования тыла. Это позволит обеспечивать переброску войск из США в Европу и их ускоренное развёртывание вблизи российских границ. В 2019 г. для этого были определены основные запасные транспортные маршруты, а в 2020 г. — сформирован механизм координации трансгра-

ничных перебросок, что позволит сократить сроки получения необходимых разрешений с 15 до 5 суток. США уже потратили 6300 млрд долл. на работы по развёртыванию системы передового базирования в странах Европы⁵².

Одним из ведущих подходов в строительстве ВС США является интенсивное развитие и широкое применение новых военных технологий в интересах реализации концепции *«сетцентрических войн будущего»*⁵³. В соответствии с ней происходит всесторонняя технологизация процессов всех сфер военных действий и деятельности органов военного управления. Это означает, что в реальном масштабе времени будет собираться и перерабатываться информация и приниматься соответствующие решения, которые будут доводиться до участников военных действий. Для реализации этих возможностей в Пентагоне идет коррекция боевых уставов и наставлений. Так, «сетцентричная модель войн будущего» реализована в таких документах, как «Глобальная информационная сеть»⁵⁴, «Перспективная технология тактического целеуказания ВВС»⁵⁵, «Единая тактическая система радиосвязи»⁵⁶ и в наставлении «Боевая система будущего»⁵⁷, а также в ряде других уставов для видов ВС США.

Таким образом, в будущей войне на первый план выходят не только тактико-технические характеристики (ТТХ) образцов и систем вооружения и военной техники (ВВТ), но и способности войск по ведению «объединенных» военных действий для «войн будущего поколения»⁵⁸. Для этого в структурах ВС США активно внедряются новые способы обучения военнослужащих и формирование у командиров навыков управленческой деятельности в будущих военных действиях.

Нарастающее влияние на развитие геополитических процессов в мире оказывают *информационные войны*, ставшие значимым инструментом внешней политики США. Поэтому в перспективе следует ожидать, что политическая и иная пропаганда в рамках таких войн будут и далее использоваться Вашингтоном для «промывки мозгов» международному сообществу с целью поддержания тезиса о приоритете американских ценностей над остальными. Для этого применяется широкий набор инструментов, таких как аналитические центры, теле- и радиостанции, вещающие на разных языках, мультимедийные службы — и все это для того, чтобы удерживать мировое сообщество в рамках однополярного мира под эгидой США. В зарубежных странах посредством Интернета этим занимается «киберкомандование» ВС США для создания в странах-противниках условий для проведения «цветных революций» и иных акций.

Не забывают и о совершенствовании ядерного оружия. В ближайшей перспективе в США будет разработана новая концепция применения *американской триады стратегических ядерных сил*. Она начнет формироваться с 2026 г. и просуществует до 2080–2090-х годов. В ВМС вместо подводных лодок с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) типа «Огайо» будут приняты на вооружение субмарины проекта 826 «Колумбия». На смену МБР «Минитмен-III» придет ракета «стратегического сдерживания наземного базирования» — GLSD. В ВВС появится новый стратегический

бомбардировщик В-21 «Рейдер», который заменит существующие типы самолетов В-52Н, В-1 и В-2⁵⁹. А ядерное оружие будет постепенно терять особое положение в системе обеспечения безопасности США, став «оружием поля боя», для чего разрабатываются атомные заряды малой и сверхмалой мощности. Так называемое «чистое» ядерное оружие, применение которого может открыть принципиально новую эру войн (рис. 3.3.1).

Триада стратегических ядерных сил Соединенных Штатов

Рис. 3.3.1. Цели США в рамках борьбы за глобальное лидерство.

Источник: URL: https://oborona.ru/dyn_images/img9134.jpg

По мере увеличения дальности крылатых ракет (КР), районы, из которых могут наноситься удары высокоточным оружием (ВТО) по территории России и Китая, значительно расширятся. Также разрабатываются гиперзвуковые ракеты разных типов, способные летать со скоростью до 10 Махов, преодолевая расстояние в 1 тыс. км менее чем за 5 минут. Этот потенциал лежит в основе концепции «Глобального молниеносного удара», предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара по противнику США в любой точке мира⁶⁰. Поэтому под их ударом могут оказаться практически все цели на территории РФ и КНР, которые рассматриваются Пентагоном в качестве объектов для его нанесения.

Одним из амбициозных проектов США в развитии ВТО является программа FALCON нацеленная на разработку к 2025 г. боевой системы для нанесения с территории США ударов «трансконтинентальной дальности» (до 16 тыс. км). Ее главным элементом станет система гиперзвуковых КР, ос-

нащенных боеприпасами весом до 500 кг. Время боевого развертывания этой системы не будет превышать двух часов. А в качестве более дешевого ВТО планируется использовать комплекс Small Launch Vehicle, разработка которого ведется и который обеспечит вывод на космическую орбиту боевой нагрузки до 1 т при стоимости запуска не более 5 млн долл.

Предполагается, что в перспективе также будет применяться в военных действиях будущего лазерное оружие. У ВМС США уже есть лазерное вооружение в виде орудия, установленного на борту десантного корабля. Лазеры планируется использовать не только на море: сухопутная электрическая волоконно-лазерная оружейная система, разработанная Lockheed Martin, уже прошла полевые испытания, в ходе которых за считанные секунды была уничтожена наземная цель.

Для достижения превосходства *в космическом пространстве* Соединённые Штаты, начиная с 2018 г. приступили к созданию нового вида вооружённых сил — космических войск. И хотя космического оружия еще нет, уже выпущены наставления по применению боевых систем США в космосе, из космоса по земле, с земли в направлении космоса, для чего ведутся лётные испытания систем, которые станут таким оружием. В связи с этим Вашингтон не намерен заключать никаких соглашений в области ограничения военной деятельности в космосе, за исключением противоспутниковых систем. Это связано с тем, что Пентагон озабочен испытаниями противоспутникового оружия, проведенными Китаем, так как зависимость ВС США от космических систем уже достигла 90 %. В перспективе следует ожидать инициативу США о начале переговоров с участием Китая, России и, возможно, других стран по противоспутниковому оружию.

Для защиты от ударов из космоса, Соединенные Штаты продолжают активно создавать глобальную *систему противоракетной обороны* (ПРО), способную защитить их территорию и силы за рубежом. Эта система должна обладать такими тактико-техническими характеристиками (ТТХ), которые бы делали бесперспективным для противников США вкладывание значительных средств в развитие ракетных технологий и сдерживали бы их от конфронтации с Америкой.

В настоящее время ПРО США защищает их территорию от ограниченного удара МБР. Она развернута в двух позиционных районах — на Аляске и в Калифорнии. Для перехвата ракет на среднем участке их траектории полета развернуты радиолокационные станции (РЛС) раннего предупреждения на Алеутских островах (о. Шемия), в Калифорнии (Бил), Гренландии (Туле) и Великобритании. РЛС морского базирования размещены на эсминцах и крейсерах, которые оснащены системами «Иджис», и на территории Аляски. Дополнительно создан целый ряд систем для защиты от ракет малой и средней дальности при помощи модернизированного комплекса «Пэтриот»; строится передвижной радар передового базирования AN/TPY-2 для обнаружения и сопровождения МБР; создан противоракетный комплекс наземного базирования для заатмосферного перехвата ракет средней дальности и идет модернизация корабельной системы «Иджис», обеспечивающей возможность

обнаружения и перехвата МБР с использованием противоракеты «Стандарт-3». Последовательно развертывается европейский компонент глобальной ПРО, который будет решать задачи защиты войск США на этом континенте. По мере укрепления ракетного потенциала КНДР, при поддержке США развивается ПРО Южной Кореи и Японии, основу которой составляют ПЗРК «Пэтриот» и система «Иджис» морского базирования.

Таким образом, объединение систем ПРО членов НАТО в рамках единой системы управления одновременно с реализацией «Адаптивного подхода США к развертыванию ЕвроПРО», установка американских систем ПРО на Ближнем Востоке и в Азии являются практической реализацией поэтапного развертывания глобальной ПРО. И при ее завершении может измениться природа международных отношений. Ключевым стимулом поведения на международной арене станет не соблюдение норм международного права, а стремление ряда стран использовать глобальную ПРО США для защиты своих интересов. При таком сценарии роль Совбеза и других институтов ООН может быть существенно девальвирована.

Для повышения боевых возможностей *сухопутных войск* (СВ) США определен ряд главных направлений, в рамках которых военно-промышленный комплекс (ВПК) ведет разработку новых образцов ВВТ⁶¹. В первую очередь речь идет о создании ударного ВТО большой дальности, с помощью которого СВ смогут «преодолевать и нейтрализовать неприятельские системы ограничения и воспрепятствования манёвра, обеспечивая военное превосходство на всех уровнях»⁶². В рамках данного направления Пентагон в 2020 г. запросил 1,3 млрд долл. с целью создания: стратегической системы гиперзвукового ракетного комплекса (очевидно, именно для этого Вашингтон в 2019 г. вышел из ДРСМД); баллистической ракеты средней дальности и управляемого артиллерийского боеприпаса увеличенной дальности⁶³.

Другое направление совершенствования технического оснащения войск — создание семейства бронированных машин нового поколения. В рамках этого направления ведутся работы по четырем основным программам, совокупные расходы на которые в 2020 г. составили 2 млрд долл. для создания: обитаемой боевой машины пехоты (БМП), которая заменит БМП «Брэдли»⁶⁴; многоцелевого бронетранспортера (БТР) и создаваемых на его базе различных специализированных машин, которые заменят в СВ весь парк БТР М113 и технику на его базе⁶⁵; легкого танка с возможностью транспортировки самолетами; семейства боевых машин, предназначенных для оказания огневой поддержки пехоте⁶⁶.

Следующее направление — создание новых летательных аппаратов, способных осуществлять вертикальный взлет и посадку с целью повысить маневренность, ударную мощь и живучесть армейской авиации, увеличив ее радиус действия. Работы ведутся с целью создания к 2030 г.: легкого вертолета на замену вертолета OH-58 «Кайова»⁶⁷; штурмового вертолета большой дальности для замены всего парка вертолетов UH-60 «Блэкхок» и в перспективе AH-64 «Апач»; беспилотной авиационной системы и модульной системы с открытой архитектурой⁶⁸.

В настоящее время беспилотные летательные аппараты (БПЛА) различного назначения получили широкое распространение в американских ВС и играют важную роль в объявленной руководством США «войне с террором». Вполне естественно, что Командование Сил специальных операций (ССО) ВВС США приняло на вооружение несколько типов БПЛА среднего и лёгкого класса для выполнения задач разведки, наблюдения и целеуказания, а также для нанесения точечных ударов. При этом количество беспилотников в ССО ВВС США постоянно увеличивается и формируются новые эскадрильи. В настоящее время в распоряжении Командования ССО имеется пять строевых эскадрилий вооружённых БПЛА MQ-9A. В марте 2019 г. появилась информация, что компания General Atomics Aeronautical Systems испытала новую наземную станцию управления Block 50 Ground Control Station (GCS) для управления разведывательно-ударным беспилотным летательным аппаратом MQ-9A Reaper. Управление осуществлялось с комплекса, расположенного на аэродроме Грейт-Бьютт в штате Калифорния⁶⁹.

В рамках развития направления «Сетевые технологии и связь» в 2020 г. было потрачено 2,3 млрд долл. для повышения эффективности управления силами и средствами в ходе ведения операций будущего. А в рамках программы «Противовоздушная и противоракетная оборона» в 2020 г. было запрошено 1,4 млрд долл. для создания новых систем радиотехнического и иного вооружения, а также для разработки передовых технологий с целью повышения защищённости подразделений от ударов средств воздушного нападения. Кроме того, адаптируются под нужды СВ США существующие системы ПВО и ПРО малой и средней дальности⁷⁰.

В рамках программы «Огневая мощь солдата» в 2020 г. планировалось потратить 0,8 млрд долл. с целью создания новых образцов стрелкового оружия, а также усовершенствованной системы ночного видения и интегрированной системы «дополненной реальности»⁷¹. У военнослужащих вскоре появятся солнечные панели на касках для зарядки батарей, питания экранов и другого оборудования, применяемого во время боя. Уже разработан планшет, который изображает рельеф местности. Фирма Natick работает над созданием самолета воздушной разведки размером с ладонь, который будет передавать видео в реальном масштабе времени⁷². Изучаются методы, по которым можно превратить солдат в «ходячие генераторы» путем сбора кинетической энергии из движения с помощью приборов, закрепленных поверх униформы.

Что касается *развития ВМС США*, то их боевые возможности несоизмеримы с другими флотами мира. В их составе 10 атомных авианосцев, 10 крупных десантных кораблей, выполняющих роль морских баз для вертолётов и самолётов вертикального взлёта, 57 ударных многоцелевых подводных лодок — носителей тяжёлых ракет. Корпус морской пехоты США насчитывает 202 тыс. военнослужащих, он может быть переброшен в любую точку мира по приказу президента США без согласия на то Конгресса.

Следует также учесть еще одно обстоятельство: берега США омывают два океана, которые защищают их территорию. Пентагон использует это преиму-

щество в полной мере: у него полное господство в Атлантике и на Тихом океане, которое обеспечивается флотами ВМС, в том числе и авианосцами, радиус действия которых достигает 1500 км (!). На этой дальности у них всестороннее боевое обеспечение, которое сложно преодолеть: радиолокационные дозоры, авиаразведка и силы охраны, состоящие из кораблей и подводных лодок, обеспечивают действия авианосцев, на борту которых находится порядка 95 самолётов, из них 65 ударных, способных нести ядерное оружие.

Модернизация видов вооруженных сил Китая

В настоящее время численность НОАК — тех, кто находится на действительной военной службе — более 2,3 млн солдат и офицеров (к примеру, вторая по численности в мире армия США имеет в своем составе 1,3 млн военнослужащих, пятая в этом списке армия РФ насчитывает почти 800 тыс. человек). Кроме того, в составе НОАК, по мнению специалистов, около 3 млн человек хорошо подготовленных резервистов и порядка 12 млн народного ополчения. Поэтому китайская армия входит в тройку самых сильных ВС в мире, несмотря на то, что расходы на военные нужды НОАК почти в 4 раза меньше, чем у США. При этом за последние 15 лет в области перевооружения Китай совершил рывок, аналогов которому в мировой истории нет. В основе всего — мощнейший военно-промышленный комплекс, включающий в себя 24 предприятия атомной отрасли, 12 предприятий ракетно-космической отрасли, 9 авиазаводов, 14 заводов по производству бронетехники, 20 предприятий по сборке артиллерийских орудий и более 200 предприятий по производству боеприпасов. Их деятельность способствует проведению реформ в китайской армии при соблюдении двух основополагающих принципов: сохранения полного контроля со стороны Компартии Китая над развитием НОАК и роста боевых возможностей армии за счет повышения боевого мастерства ее личного состава.

А чтобы адаптироваться к новым реалиям XXI в., *стратегия «активной» обороны* Китая наполнилась новым содержанием, включающим следующие основные требования.

Во-первых, обновление представлений о ведении войны будущего, в которой с учетом стратегических интересов КНР армия и флот Китая будут наносить высокоточные удары по всей стратегической и оперативной системе построения войск противника, проводя операции с применением всех видов и родов войск НОАК на суше, на море, в воздухе и космосе.

Во-вторых, это установка на победу в войне в условиях информационно-го противоборства. ВС Китая, понимая суть информационной войны, считают владение информацией ключевым способом удержания лидерства на поле боя. Для этого в НОАК был создан такой вид ВС, как Силы стратегической поддержки, которые отвечают за разработку новых способов ведения сетцентрической войны и противодействие им в ВС других стран, в первую очередь — США⁷³.

В-третьих, учитывая существующие угрозы национальной безопасности, совершенствуется система стратегического планирования, которая

включает координацию военных действий на ТВД, распределение ответственности по округам и интегрированное использование сил и средств в ходе будущих операций. При этом уделяется внимание как традиционным сферам борьбы на суше, в море и воздухе, так и новым сферам — в космосе, сети Интернет. Принимаются меры по укреплению военного сотрудничества со странами мира, имеющими важное значение для Китая.

Исходя из этих требований, целью модернизации ВС КНР является всестороннее повышение качества и эффективности обороноспособности страны за счет переоснащения войск новыми образцами ВВТ и достижений в сфере информатизации армии для значительного повышения ее стратегического потенциала в 2021 г. Особое внимание обращается на развитие науки и технологии как ядро боеспособности НОАК. Это позволит повысить уровень боеспособности войск за счет трансформации армии из сил «количественного превосходства» в силы «качественного превосходства». Для этого структуры НОАК стали переходить на сетевую информацию — от общевоинских объединений к межрегиональным объединениям, а модели развития — от относительного разделения военной и гражданской сфер к их глубокой интеграции⁷⁴.

В Пекине главными угрозами для КНР считают покушающихся на её суверенитет сепаратистов, действующих под лозунгами: «За независимость Тайваня», «За независимость Восточного Туркестана» и «За независимость Тибета». Не оставляет китайское руководство без внимания наращивание военного присутствия США в АТР. Поэтому основные силы ВМС и ВВС Китая сосредоточены на юге страны для решения задач при возможном противостоянии Соединенным Штатам. Другая цель потенциальной военной активности Китая — Тайвань. По мнению военных экспертов, несмотря на отсутствие опыта десантных операций, НОАК способна закрыть «тайваньский вопрос» в считанные недели, если не дни. Однако прагматичный Пекин не стремится к прямой военной экспансии. Гораздо выгоднее решить проблему мирно, добившись присоединения процветающего острова путем политического нажима. На данный момент для КНР наиболее эффективной стратегией является экономическая экспансия. За последние 15 лет, посадив на «кредитную иглу» Киргизию, Таджикистан и Казахстан, Китай сумел отторгнуть от этих стран почти 2000 кв. км спорных пограничных территорий. Большую ставку власти КНР делают и на свою диаспору, которая, разрастаясь, способна влиять на внутривнутриполитические и экономические процессы стран проживания. В будущем именно китайская диаспора может стать важнейшим ресурсом геополитики Поднебесной.

Для руководства КНР главной задачей является создание армии нового типа, подготовленной и вооруженной согласно современным требованиям ведения войны. Милитаризация Китая, на вооружении которого, по разным оценкам, от 300 до нескольких тысяч ядерных боеголовок, привлекает пристальное внимание мирового сообщества. Следит за приумножением военной мощи Китая и Россия. Но, как считает российский президент В. Путин, «Китай не является угрозой безопасности России. Мы поддерживаем добро-

соседские отношения уже на протяжении нескольких сотен лет, и слухи о том, что многомиллионная армия Китая однажды займет обширные территории нашего Дальнего Востока, сильно преувеличены»⁷⁵.

Тем не менее за годы реформ китайский ВПК по количеству выпускаемой военной техники вышел на первое место в мире. Каждый год в Китае выпускается более 300 боевых самолетов и вертолетов, столько же танков, порядка 30 подводных лодок и боевых кораблей. По производству практически всех классов военной техники Китай опережает все вместе взятые страны НАТО. Ежегодные военные расходы Китая сегодня оцениваются примерно в 215 млрд долл. (2-е место в мире). Впрочем, это пока заметно уступает расходам на военные нужды в США, которые тратят 705,4 млрд долл. (на 2021 финансовый год). Тем не менее за последние пять лет КНР увеличила продажу своего оружия на 150 % и недавно вышла на третье место в мире по этим показателям. При этом некоторые западные эксперты скептически относятся к новинкам китайского ВПК, намекая, что в Поднебесной не прочь позаимствовать чужие технологии. Так, аналитик сингапурского Института обороны и стратегических исследований Майкл Раска утверждает, что установки ракет «земля—воздух» HQ-6A концептуально основаны на итальянских ракетах Alenia Aspide, а китайские палубные истребители J-16 имеют в качестве прототипа российские Су-30. Не все так гладко и в китайских ВМС. Единственный китайский авианосец «Ляонин» — заложенный в 1985 г. для ВМФ СССР под названием «Рига» (с 1990 г. — «Варяг»), имеет серьезные ограничения для использования палубной авиации, в связи с чем эксплуатируется как учебно-экспериментальный корабль.

Основные мероприятия в рамках модернизации *ядерной триады* Китая направлены на разработку и производство новых твердотопливных БР с улучшенной точностью стрельбы и минимальной уязвимостью. А для парирования угрозы девальвации ядерного потенциала из-за развертывания США стратегической ПРО, Минобороны КНР приняло программу оснащения МБР разделяющимися головными частями и средствами преодоления ПРО. Для этого разработана МБР «Дунфэн-5Б» с ядерной касетной головной частью, ведутся работы по модернизации МБР «Дунфэн-31» для оснащения её средствами преодоления ПРО. В стратегической авиации идет поступление ядерных КР для бомбардировщиков «Хун-6», продолжается модернизация радиоэлектронного оборудования ядерной триады. Боевые возможности морского компонента китайских ракетных войск будут увеличены за счет ввода в состав ВМС атомной подводной лодки проекта 094 с 16 БР «Цзюлайн-2» дальностью стрельбы около 8000 км.

Модернизация *ракетных войск* является приоритетным направлением в рамках общей модернизации НОАК. Постоянный рост ассигнований, а также темпы развития этой отрасли являются впечатляющими, что вызывает наибольшие опасения у ряда зарубежных государств. Во многом это связано с последними космическими достижениями Китая, а также с разработкой новых видов ядерного оружия. В конце 2016 г. в китайских СМИ были опубликованы данные о том, что НОАК имеет на вооружении примерно 200 МБР

(DF-5, DF-31, DF-41), примерно 300 БРСД (DF-21, DF-26), около 1200 тактических баллистических ракет (DF-11, DF-15, DF-16) и до 3 тыс. крылатых ракет семейства ДН-10. Тем не менее пока нет оснований полагать, что ядерный потенциал КНР представляет серьезный фактор, способный повлиять на изменение ядерного баланса сил в мире: он слишком мал и технически отстал от США и РФ как для ведения оборонительных действий, так и для нанесения превентивных ударов.

С развитием ядерной триады НОАК тесно связаны *космические программы* КНР, поскольку боевые баллистические и космические ракеты-носители разрабатываются в рамках единой госпрограммы, включающей запуски различных видов спутников разведки, связи, наблюдения и навигации. В настоящее время китайская орбитальная группировка состоит из более чем 100 космических летательных аппаратов различного назначения, еще 100 спутников могут быть введены в строй в ближайшем будущем⁷⁶. А для обнаружения стартов МБР вероятного противника при помощи российских специалистов строится китайская система СПРН.

Китайские специалисты продолжают активно работать над совершенствованием *противоспутниковых систем*. Еще в 2007 г. при помощи ракеты наземного базирования был уничтожен один из старых китайских спутников, находившийся на орбите на расстоянии 900 км от поверхности Земли. Это испытание продемонстрировало способность Китая наносить удары по участкам околоземного пространства, где находятся спутники-разведчики, а также системы ПРО космического базирования США.

Особую роль в повышении боевых возможностей НОАК будут играть поставки в войска *робототехнических комплексов* (РТК). Согласно концепции «роботизации поля боя», номенклатура китайских робототехнических систем будет представлена двумя типами роботов: «Т-роботс», контрольные функции управления которым сохраняются за оператором, и «F-роботс» — автономными или действующими при минимальном вмешательстве человека. Применение этих роботов повысит боевые возможности частей СВ в ходе проведения операций и частично заменит военнослужащих при проведении ими мероприятий боевого и тылового обеспечения.

В то же время концепция создания автономного робота имеет ряд трудно решаемых проблем, связанных с рисками несанкционированного или неправильного применения систем оружия, в том числе против мирного населения либо своих войск. В этой связи военное руководство отдает предпочтение разработке Т-роботов для применения их в структурах СВ НОАК. В частности, одной из целей ведущихся сейчас работ является создание «экзоскелета железного солдата», который может поступить на вооружение не раньше 2040 г.⁷⁷ А программы по созданию «F-роботов» могут быть реализованы не ранее 2065 г., «Т-роботов» — к 2070 г. Эти комплексы рассматриваются китайскими экспертами в качестве эффективной системы оружия в операциях будущего.

В рамках модернизации *сухопутных войск* НОАК, их общевойсковые армии переходят на структуру механизированных объединений с более высокой

ударной мощью и мобильностью. Эти преобразования привели к тому, что сильными сторонами СВ являются наличие большого числа боеготовых дивизий и бригад, содержащихся по штатам военного времени, и гибкая мобилизационная база, опирающаяся на многочисленный обученный резерв. Также проводятся мероприятия по техническому перевооружению войск, по оптимизации видов связи и коммуникаций, что повысило боеготовность и мобильность НОАК за счет совершенствования боевых характеристик ВВТ. Тем не менее недостатками проводимых преобразований продолжают оставаться медленное техническое перевооружение армии, а также невысокий уровень квалификации офицерского состава.

Развитие *военно-воздушных сил* стало одним из главных требований военной модернизации НОАК. В настоящее время в ВВС и морской авиации ВМС НОАК имеется более 220 бомбардировщиков JH-7, более 400 тяжелых истребителей семейства Су-27/30/35С/J-11/15/16 и более 250 легких истребителей J-10. При этом высокими темпами продолжается производство JH-7, J-11В (копия Су-27), J-16 (копия Су-30), J-10 модификаций В и С. Китай обошел Россию в производстве истребителей 5-го поколения. Если российский Т-50 пока не вышел из стадии испытаний, то в 176-й бригаде ВВС НОАК уже имеется не менее шести серийных J-20 5-го поколения. Кроме того, по сравнению с ВС РФ НОАК имеет весь спектр разведывательных БПЛА, а также несколько типов боевых БПЛА. Техническое перевооружение ВВС идет по двум направлениям: модернизация имеющегося парка авиации и вооружений ПВО, а также подготовка личного состава ВВС к ведению боевых действий на технике нового поколения. Эти мероприятия осуществляются за счет закупок ВВТ за рубежом и за счет производства вооружений на предприятиях Китая. Но, несмотря на растущую с каждым годом долю военной продукции, выпускаемой в КНР, большинство технологий в ВВС Китая является безлицензионными российскими копиями. Наряду с приобретением у России ЗРК С-400 в КНР идет разработка собственной ЗРК HQ-9.

Модернизация *военно-морских сил* Китая базируется на положениях Военно-морской доктрины НОАК, предусматривающих создание ВМС и поддерживающих их ВВС, способных не только отразить агрессию со стороны моря, но и предусматривающих превентивные удары, в том числе на океанском ТВД. Для этого на первом этапе модернизации (до 2000 г.) были созданы оперативные группировки сил, способные поддерживать операционный режим в пределах зоны, ограниченной «первой цепью островов» (Филиппинские острова и Рюкю, акватории Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей). На этом направлении силы флота количественно обеспечены силами и средствами для создания благоприятного операционного режима в пределах этой зоны, что говорит об успешном выполнении задач первого этапа. На втором этапе (до 2020 г.) планировалось усилить ВВТ ВМС, чтобы они могли осуществлять оперативные действия в пределах «второй цепи островов» (Курильские о-ва, о. Хоккайдо, о-ва Нампо, Марианские, Каролинские и о. Новая Гвинея, включая акватории Японского и Филиппинского морей, а также морей Индонезийского архипелага). На третьем

этапе (до 2050 г.) предполагается создать флот, способный решать поставленные задачи в любом районе Мирового океана.

В настоящее время ВМС КНР сохраняют структуру, ориентированную на действия в прибрежной и ближнеморской операционных зонах, и им удалось существенно увеличить свой военный потенциал присутствия в морской операционной зоне. Атомный подводный флот Китая пока не вышел из стадии строительства кораблей небольшими сериями, что компенсируется наличием крупнейшего в мире (более 55 единиц) флота неатомных подлодок, включая новейшие лодки проектов 039А/В и 043 и российские лодки проекта 636ЭМ. В дополнение к авианосцу «Ляонин» на китайских верфях завершается строительство аналогичного по конструкции авианосца. При этом существует дисбаланс в военно-морском строительстве Китая. Это связано с тем, что в течение 90-х годов XX в. происходило значительное сокращение катерных сил с увеличением числа кораблей эскортной группы морской, а затем и океанской зоны, что привело к снижению боевой готовности кораблей прибрежной зоны. Таким образом, в настоящее время ВМС НОАК способны обеспечивать лишь безопасность прибрежной зоны Китая, и они слишком слабы, чтобы противостоять главным морским державами в АТР⁷⁸.

Итоги анализа подходов США и Китая к развитию их вооруженных сил за счет внедрения новейших технологий позволяют сделать следующие **выводы**.

Во-первых, совершенствование сил и средств вооружённой борьбы как в США, так и в Китае идёт непрерывно в соответствии с развитием новейших технологических достижений. Создание и внедрение новых образцов ВВТ приводит не только к совершенствованию структур их ВС, но и изменению стратегии и тактики ведения боевых действий. Скачкообразное развитие получили информационные системы разведки, связи, управления, обнаружения целей на базе новейших электронных компонентов. В сочетании с качественным совершенствованием других технологий появилась возможность создания новых образцов ВВТ, способных совершить революцию в военном деле. С учётом развития современных и перспективных наступательных вооружений предсказать момент нападения противника представляется весьма сложным, так как дальность действия современных средств поражения позволяет нападающему нанести внезапный удар из мест базирования или патрулирования его боевыми системами.

Во-вторых, за последние годы в ряде направлений модернизации НОАК достигнуты немалые успехи. Но по сравнению с модернизацией ВС США отставание Китая в этой области пока остается существенным. И несмотря на то, что главным соперником военные стратеги Китая считают США, в настоящее время практически все виды войск НОАК подготовлены в рамках ведения боевых действий в ближайшем окружении КНР. Кроме того, китайские войска не имеют практического опыта ведения боевых действий в современных локальных военных конфликтах.

В-третьих, в перспективе сухопутные войска США по сравнению с СВ НОАК претерпят наиболее радикальные изменения как по задачам, так по составу и тактике ведения боевых действий. Широкое распространение высо-

коэффициентов радиолокационных и тепловизионных средств разведки, высокоточных крылатых ракет, боеприпасов с кассетными самоприцеливающимися боевыми элементами и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) не позволит осуществлять в будущем полномасштабные наземные операции в их традиционном понимании. Любое скопление бронетехники и живой силы с высокой вероятностью будет выявлено и уничтожено.

В-четвертых, в войне будущего соединения и части ВВС становятся одним из главных звеньев как в обороне, так и в нападении. От успешности ведения ими боевых действий в воздушно-космическом пространстве зависит успешность действий и сухопутных сил, и военно-морского флота. Поэтому приоритетными задачами ВВС Китая и США считаются контроль воздушного пространства, обеспечение господства в воздухе, нанесение ударов на большую глубину ядерными и высокоточными неядерными средствами поражения по наземным и надводным целям. Прослеживается тенденция перехода авиации на большие (свыше 15 км) и сверхмалые (до 50 м) высоты, увеличивается средняя скорость их полёта и боевой радиус действий. В обозримой перспективе для ведения боевых действий на сверхмалых высотах в основном будут применяться беспилотные и дистанционно-пилотируемые летательные аппараты.

В-пятых, тенденции развития ВВТ на флотах ВМС США и Китая показывают, что акцент боевых действий на море всё больше смещается под воду, особенно с учётом растущих противоречий между США, с одной стороны, и Китаем и Россией — с другой. Их боевые действия под водой будут отличаться высокой скрытностью, внезапностью и сложностью определения государственной принадлежности нападавшего, что обуславливает разработку в НОАК и в ВМС США новых технических средств опознавания для обеспечения своевременного и адекватного ответа на агрессию.

3.4. Подводные камни сотрудничества России с США и Китаем

Негативные факторы, влияющие на развитие отношений России и США

Помимо военных приготовлений указанных государств, на национальные интересы России оказывают влияние «подводные камни» сотрудничества с этими акторами.

Современные причины глубокого кризиса в российско-американских отношениях, начавшегося в 2012 г. и усугубившегося после присоединения Крыма к России в 2014 г., можно свести к двум ключевым обстоятельствам: это явное пренебрежение, выказываемое США в отношении РФ на протяжении длительного времени, официальное отнесение ее к разряду государств, не имеющих решающего слова в серьезных вопросах мировой политики; и охватившее российскую политическую элиту и значительную часть населения страны острое чувство несправедливости, желание доказать США, что

Россия, несмотря ни на что, остается великой державой, к мнению которой не просто желательно, но и необходимо прислушиваться⁷⁹.

При этом существующая ныне российско-американская конфронтация имеет системную природу и сложно преодолимые последствия, что обусловлено несколькими факторами⁸⁰.

Во-первых, они носят комплексный характер и отражают противоречия на ценностном, военно-политическом и международно-правовом уровне, накопившиеся с 1991 г. В российско-американских отношениях после эйфории 1991—1993 гг. на первый план стали выходить разногласия сначала по второстепенным, а затем и по более важным вопросам. Лишившись глобальной роли после развала СССР, Москва попыталась очертить круг своих интересов, а США отказывались признать их не только в Центральной и Восточной Европе или на Ближнем и Среднем Востоке, но и на территории бывшего Советского Союза. В дальнейшем список расхождений стал выглядеть все внушительнее: войны в Сербии, Ираке, Ливии и Сирии, санкции против Ирана, расширение НАТО, политика Москвы и Вашингтона в отношении стран СНГ, где происходило столкновение интересов России и США, сменявшееся затем определенной нормализацией отношений.

Во-вторых, события на Украине стали переломным моментом, который перевёл двусторонние отношения в качественно новую фазу, когда стороны стали однозначными противниками. А годы президентства Б. Обамы и Д. Трампа способствовали углублению этой конфронтации. В 2022 г. из-за спецоперации ВС РФ на Украине отношения между Москвой и Вашингтоном стали серьезной причиной эскалации напряженности в их взаимоотношениях, поэтому надежды на партнёрство или нормализацию отношений, судя по высказываниям 46-го президента США Джо Байдена, пока не имеют под собой основания: каждая из сторон воспринимает другую как угрозу своим национальным интересам и правилам международного порядка.

В-третьих, в ходе украинского кризиса стало очевидно, что США видят угрозу не столько в действиях России, сколько в её политическом режиме. Распространёнными стали обвинения российского президента в крушении малайзийского «Боинга», «аннексии» Крыма, агрессии против Украины и т. д. В свою очередь, Россия на протяжении 1990-х и начала 2000-х гг. избегала открытой конфронтации с США в ответ на косвенное противостояние военно-политической интеграции в рамках СНГ и попытки открытого выведения Украины из орбиты российского влияния. Однако с началом конфликта на Украине в 2022 г., наступательными действиями США по линии НАТО и введением санкций против России она стала воспринимать американские действия как враждебные.

В-четвертых, в настоящее время Россия и США пытаются взаимно ослабить влияние друг друга на постсоветском пространстве, в Европе и на Ближнем Востоке. При этом Вашингтон старается минимизировать сотрудничество с Москвой по совпадающей для национальных интересов повестке обеих сторон: международный терроризм, вопросы контроля над вооружениями, стабилизация региональных конфликтов. Разблокирование конфронтации

осложняется прочно укоренившимися в американском истеблишменте анти-российскими настроениями и инерционностью внешней политики США.

В-пятых, подобное восприятие сложно изменить ввиду отсутствия экономической, научно-технологической или культурно-гуманитарной основы взаимоотношений США и России. Тем не менее в Москве готовы к конструктивному диалогу, но лишь на условиях равноправия, уважения интересов друг друга и взаимных юридических гарантий. Однако эти условия неприемлемы для Вашингтона, не желающего принять реалии мировой политики XXI в. с множественностью моделей развития.

В-шестых, с беспрецедентным усилением антироссийской информационной кампании стало очевидно, что Вашингтон делает ставку на ослабление России изнутри. А любая положительная риторика других членов международного сообщества в адрес России или соглашение с ней воспринимаются Вашингтоном в качестве «предательства» национальных интересов США и наличия связей с российским режимом. Поэтому негативное восприятие друг друга Вашингтоном и Москвой продолжает нарастать в отсутствие предпосылок двустороннего сближения. Также следует учитывать, что в российско-американских отношениях почти отсутствует торгово-экономическая компонента, по пути сокращения идёт традиционное сотрудничество в области освоения космоса и атомной энергетики.

Таким образом, российско-американская конфронтация представляет собой не просто очередную схватку двух противников времён холодной войны, но самое острое с момента распада биполярного мира противостояние за право определять контуры нового миропорядка. При этом каждая из сторон опасается проиграть эту схватку за миропорядок, утратив свой авторитет на мировой арене. К этому следует добавить, что Россия и США как две ядерные сверхдержавы по определению не могут быть друзьями ввиду необходимости контрбалансировать друг друга. Поэтому в современных условиях основная задача российской внешней политики состоит в содействии установлению такого международного порядка, который предполагал бы меньшее неравенство и уравнивание условий для развития РФ, ее большую безопасность, основанную на многостороннем диалоге и учете интересов всех вовлеченных сторон⁸¹. А для возвращения в клуб ведущих экономических держав мира руководству России придется рассчитывать в основном на собственные силы, с учетом того, что антироссийские санкции со стороны Вашингтона будут продолжены.

Проблемы отношений РФ и США в военно-политической области

За весь период новейшей истории правительство США всегда стремилось сдерживать СССР, а затем Россию в качестве державы, оказывающей значительное влияние на развитие процессов в регионах мира. Исключение составляет их альянс времен совместной борьбы против фашизма, сменившийся затяжной холодной войной. И если в ряде областей сотрудничество между США и РФ продолжает быть более-менее стабильным, несмотря на введенные американские санкции против России, то в военно-политической

сфере их точки зрения на проблемы региональной и глобальной безопасности расходятся по многим параметрам⁸².

Поэтому в *Арктическом регионе* российско-американские отношения в ближайшей перспективе будут оставаться конфликтными. Россия выступает за сложившуюся секторальную систему раздела Арктики и отстаивает свои права на Северный морской путь. А США отказываются от секторального деления и выступают за интернационализацию Северного Ледовитого океана, омывающего Арктику, и, как следствие, — за сокращение акватории действий Северного флота ВМФ РФ, который является морским компонентом российских стратегических ядерных сил (СЯС)⁸³. Кроме того, в Арктическом совете его члены — США, Норвегия, Дания, Канада и Швеция — не признают право РФ на Северный морской путь. Одновременно Вашингтон наращивает свои военные возможности в Арктике, где российской Чукотке противостоит постоянно расширяющийся аляскинский бастион⁸⁴. На территории этого штата расположены морская, армейская и военно-воздушные базы и ещё 54 других военных объекта. В ответ Россия активно наращивает свое военное присутствие в Арктике путем строительства стационарных военных баз на островах Арктического архипелага, где уже построено 425 военных объектов.

В *Европе* после краха биполярности между Россией и НАТО во главе с США образовалась «дуга нестабильности» с тлеющими конфликтами с опасностью их разрастания в Косово и Приднестровье. В 2020 г. замороженный конфликт между Азербайджаном и Арменией по поводу спорных территорий в Нагорном Карабахе вспыхнул с новой силой. Его разрастание удалось предотвратить усилием России, благодаря которой при помощи ее миротворческих сил между конфликтующими сторонами вновь установился хрупкий мир.

При этом на континенте соперничают два подхода к обеспечению евробезопасности. Атлантический подход фокусирует внимание на важности сохранения гарантий безопасности США союзникам по НАТО, а евроатлантический подход, признавая американское лидерство в Европе, стремится ограничить свободу их действий через подписание взаимобязывающих соглашений. Инициативой России в этой области был проект Договора о европейской безопасности, которым она стремилась ограничить деятельность США комплексом соглашений, призванных снизить их свободу в вопросах применения силы, и создать механизм совместного обсуждения Россией и НАТО проблем безопасности. Однако в Белом доме опасались, что посредством этого соглашения Москва пытается подорвать механизм действий НАТО не только в Европе, но и в других странах мира. Поэтому под давлением Вашингтона Брюссель отказался от переговоров с Москвой по поводу реализации этого Договора, и им не удалось выработать новые правила их взаимодействия в Европе. Одновременно администрация Д. Трампа предпринимала все зависящее от нее, чтобы повысить вклад европейских членов альянса в повышение боевых возможностей блока.

Это связано со стремлением США участвовать в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве и расширить сферу ответственности

НАТО за счет включения в нее территорий этих стран; с сохранением конфликтного потенциала в отношениях России со странами Центральной и Восточной Европы, вызванного историческим наследием. Поэтому в ближайшей перспективе напряженность военно-политических отношений между Россией и США в Европе будет сохранена, что создаст новые конфликтные узлы противоречий во взаимоотношениях Москвы и Вашингтона не только в Европе, но и в других регионах мира.

Что касается вопросов *глобальной безопасности*, ее ключевой проблемой является разночтение Москвой и Вашингтоном понятия «стратегической стабильности», которая для США связана с определением параметров развития стратегических ядерных сил (СЯС). А в российской трактовке она выступает набором условий, снижающих риск начала ядерной войны. Для ликвидации этих разночтений и сохранения паритета в области вооружений между США и Россией в феврале 2021 г. был подписан Договор СНВ-3, предусматривающий снижение потолков СЯС до 1550 блоков у каждой из сторон и фиксирующий правила их диалога: сохранение прав России и США на наличие «возвратного потенциала» МБР; учет проблемы ПРО в структуре стратегического баланса сил; исключение из переговорного процесса неядерного ВТО; отказ от приоритетности переговоров по сокращению тяжелых МБР; ослабление системы взаимных инспекций.

Кроме того, в 2019 г. США вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Поэтому в СМИ все чаще стали говорить о возможности вооруженного конфликта между Россией и США. Однако война между ними маловероятна из-за наличия у обоих государств ядерного оружия, но возникновение военного конфликта между ними с применением обычных средств поражения, наподобие их военного противостояния в Корее и во Вьетнаме, некоторые эксперты не исключают⁸⁵. В таких конфликтах, «головной болью» для США будет ненадежность их военных союзников. Так, на вопрос о том, какую из сторон в случае американо-российского вооруженного конфликта они поддержат, большинство респондентов из стран НАТО ответило, что лучше сохранять нейтралитет. Например, в Германии более 70 % выступили за нейтралитет; в Греции нейтралитет поддерживает 81 %; в Словакии — 65 % опрошенных, а 20 % готовы прийти на помощь России. И в АТР союзников у США тоже мало, за исключением Южной Кореи и Японии, которые воевать за американские интересы вряд ли будут. В арабском мире США ненавидит абсолютное большинство населения, даже в важнейшем союзнике Вашингтона среди арабских нефтяных монархий — Саудовской Аравии⁸⁶.

Также конфликтной сферой российско-американских отношений остается *проблема нераспространения ядерного оружия*. Формально Москва и Вашингтон совместно выступают за укрепление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Однако между Россией и США сложился комплекс противоречий, связанных с разночтением преамбулы Договора и его статей, а также с различием в политике в отношении государств-аутсайдеров в системе нераспространения, в отношении которых Вашингтон реализовал ряд акций:

в Ираке — проведение военной операции под предлогом изъятия ОМП у «потенциально опасного» режима; в Иране — требования свернуть программу обогащения урана, а в КНДР — отдать ядерные объекты под контроль комиссии «пяти держав»; в Пакистане — допуск американских представителей к управлению ядерным потенциалом страны; по отношению к Индии — частичное признание ее ядерного статуса в обмен на открытие ею своих ядерных объектов для МАГАТЭ⁸⁷. Со своей стороны, Москва небезосновательно считает, что под прикрытием этих акций США выдавливают своих конкурентов с перспективных мировых ядерных рынков, и это задел для применения стратегии США «контрраспространения» в отношении к России в будущем. Поэтому для обеспечения национальной безопасности и усиления роли в решении проблем в военно-политической области США и Россия активно развивают боевые возможности своих вооруженных сил на потенциальных театрах военных действий.

Что касается развития неядерных компонентов ВС РФ, то на протяжении ряда лет после развала Советского Союза на Западе считали, что они надолго потеряли свою боеспособность. Однако когда проявились их боевые возможности в Грузии и Сирии, это стало шоком для них. За короткий срок России удалось превратить эти войска в современную армию, способную оперативно решать самые сложные задачи. Кроме того, у ВС РФ есть мощный мобилизационный резерв, а в ВС США его не существует. И какими бы сильными ни были агрессоры, с которыми воевала Россия, они всегда проигрывали, в том числе и потому, что сталкивались с необходимостью вести боевые действия не только против действующей армии, но и против населения страны, прошедшего ранее военную службу.

А для усиления своего информационного потенциала на международном уровне Россия взяла на вооружение некоторые элементы западной стратегии «гибридных войн». Если прежде преимущества этой стратегии активно использовал Вашингтон, прибегая к использованию СМИ, Интернета и негосударственных акторов в своих интересах, то теперь Москва может защищать свои интересы, противостоя антироссийской политике Запада, используя для этого возможности «глобальной паутины» и иные средства, в связи с чем американские военные инструкторы, участвующие в боестолкновениях на Донбассе на стороне ВС Украины, признаются, что им противостоит не российская армия, а идейно мотивированные местные жители и добровольцы из России. И хотя по охвату интернет-пропаганды США еще опережают РФ, но, в отличие от них, Москва не стремится навязывать свои взгляды другим странам мира.

Узкие места сотрудничества России и Китая: российский аспект

Следует отметить, что в многочисленных научных и журналистских публикациях и в электронных изданиях неоднократно высказывалась обеспокоенность в связи с «мирным китайским нашествием» в Россию. Там приводятся различные факты и примеры того, как китайские трудовые мигранты и предприниматели при фактической поддержке своего государства ведут на

территории России деятельность, которая зачастую приводит к разрушительным последствиям, прежде всего для окружающей среды и природопользования. И если оставить в стороне административно-правовые и социальные аспекты, касающиеся деятельности китайцев в России, ухудшения криминогенной обстановки на заселяемых ими территориях, а выделить сугубо экономическую составляющую нынешнего трансграничного сотрудничества, то можно констатировать, что выгоды от него в немалой степени являются для РФ иллюзорными — соотношение издержек и выгод складывается для России далеко не самым благоприятным образом. В связи с этим целесообразно привести мнение эксперта В. Шмата, высказанное им в одной из недавних публикаций под названием «Нефтегазовый цугцванг».

По его мнению, «в экономической сфере основные риски сотрудничества России с Китаем находятся в ресурсно-сырьевом секторе. Развитие добывающих производств, нацеленных на экспорт продукции, не создает достаточных предпосылок для усиления внутренних интеграционных процессов в РФ и привлекает восточные регионы страны в большей степени к Китаю, нежели к России. Это относится и к нефтегазовому сектору, который в современном формате развития не создает серьезных интегрирующих эффектов. Трассы магистральных трубопроводов прокладываются с прицелом на экспорт и, по большей части, обходят обжитые территории стороной, чем делают нефть и газ, добываемые на востоке страны, недоступными для российских потребителей. Для выполнения работ в строительстве приглашались китайские подрядчики и рабочие. Китайские инвестиции в нефтегазовые проекты РФ, и не только нефтегазовые, привлекаются на условиях предоставления связанных кредитов. Названные обстоятельства не позволяют рассматривать развитие нефтегазового сектора на востоке России в качестве «сильнодействующего средства» от хозяйственной дезинтеграции, которое помогло бы устойчивому развитию приграничных регионов РФ»⁸⁸.

Кроме того, практически все авторы, затрагивающие тему социально-экономического развития восточных регионов России, сходятся во мнении, что выправить баланс издержек и выгод в сотрудничестве с Китаем и другими странами можно лишь путем увеличения экспорта обработанной продукции, товаров с высоким «содержанием» добавленной стоимости. Действительно, в стоимостной структуре экспорта регионов Дальневосточного округа сырьевые товары занимают порядка 80 %. При этом доля машин, оборудования и транспортных средств в суммарном экспорте дальневосточных регионов составляет всего 2,2 %. А показатели удельного веса машиностроительной продукции в импорте составляет: по Дальневосточному ФО — 51,2 %, 47,4 % — из стран АТЭС; по российскому импорту в целом — 34,4 %, по импорту из стран АТЭС — 61,7 %. В структуре экспорта Хабаровского края, который является крупнейшим производителем продукции обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке, доля машин и оборудования составляла всего 2,4 %, а в импорте — 58,7 %. Эти данные статистики свидетельствуют о том, что восточные регионы РФ, да и вся страна в целом, остро нуждаются в улучшении структуры экспорта.

Но возникают вопросы, как это сделать, если развитие обрабатывающего сектора промышленности происходит слишком медленно? Если в последние годы обрабатывающая промышленность Дальнего Востока набрала темпы роста, превышающие среднероссийский показатель, то для промышленности Сибирского федерального округа эта скорость оказывается недостижимой: регион устойчиво демонстрирует самый медленный рост среди всех федеральных округов России. При этом в структуре обрабатывающей промышленности Сибирского ФО преобладают отрасли, фактически замыкающие технологическую цепочку ресурсного сектора — обогащение сырья, выплавка металлов, деревообработка, а продукции с действительно высокой добавленной стоимостью производится крайне мало?

Поэтому некоторые ведущие российские ученые-экономисты, не без влияния которых формируется государственная экономическая политика, полагают, что развивать обрабатывающую промышленность на Дальнем Востоке вообще нет смысла из-за ее слишком высокой трудоемкости и что при дефиците рабочей силы выгоднее сосредоточиться на развитии добывающего сектора и энергетики. Производительность труда в современной российской обрабатывающей промышленности по выпуску продукции в среднем в 3,5 раза ниже, чем в добыче полезных ископаемых, а по валовой добавленной стоимости — в 6,4 раза ниже.

Но показатели добывающего сектора находятся под сильным влиянием нефтегазовой промышленности, а без учета добычи топливно-энергетических полезных ископаемых оказывается, что производительность труда по добавленной стоимости в горнодобывающем секторе сопоставима с обрабатывающим — в среднем на уровне 2 млн руб. в расчете на одного занятого. В обрабатывающем секторе есть отрасли с более высокой производительностью, например химическое производство — 2,8 млн руб., при том что в российской химической промышленности крайне низка доля производств сложной дорогостоящей продукции. Однако если на востоке России, равно как и в других регионах страны, развивать обрабатывающий сектор с применением новых технологий, сделав акцент на производстве дорогостоящей продукции, то вопрос повышенной трудоемкости отпадет сам собой.

Очевидно, главная проблема такого пути развития — отсутствие собственных технологий для освоения ресурсов полезных ископаемых в сложных горно-геологических условиях, которые преобладают в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, что хорошо видно на примере нефтегазовых ресурсов и в особенности шельфовых месторождений, где у РФ пока нет своих технологий. К ведению интенсивного сельского хозяйства в районах рискованного земледелия Россия тоже технологически не готова. Сказанное отнюдь не означает, что не нужно осваивать ресурсы полезных ископаемых восточных регионов, но это не должно стать каким-то безусловным приоритетом. На востоке России нужно и должно развивать добывающий сектор как естественную и неотъемлемую часть региональной экономики и сырьевую основу для глубокой переработки, но нельзя допускать его превращения в проблему, которая, разрастаясь, может погубить весь социально-экономический организм

территории. Это относится и к освоению всего российского природно-ресурсного потенциала⁸⁹. При этом на востоке страны для обеспечения роста необходимо создать такие условия трудовой деятельности, которые включают возможности приложения высококвалифицированных специальностей, знаний и навыков, творческой самореализации, а не только высокие денежные доходы, и условия жизни, чтобы часть населения страны была готова устремиться на Восток. Для этого идеологические и мобилизационные методы прошлого должны быть заменены надлежащими экономическими и социальными стимулами.

Для интеграции восточных территорий в экономику РФ следует сбалансированно подходить к формированию региональной специализации и товарных потоков, которые главным образом должны быть ориентированы на внутренний рынок, а не на внешнеторговые направления. Необходимо стремиться к достижению естественной конкурентоспособности всех региональных экономик страны на основе внутренней эффективности производства. Применительно к хозяйству восточных регионов это означает населенность на выпуск продукции, в ценах которой действительно содержится высокая доля добавленной стоимости. Только подобным способом можно свести к минимуму негативное действие объективного фактора удаленности восточных регионов страны и больших транспортных издержек.

Проблема восточных регионов России состоит не в их слабости или бедности, а наоборот, в богатстве природными ресурсами и обширности территории, что в сочетании с удаленностью от центра и слабыми хозяйственными связями с остальной частью страны делает Дальний Восток и Забайкалье слишком привлекательными для экспансии со стороны сопредельных государств. Одной из главных причин, породивших нынешнюю сложную ситуацию, является унификация подходов к регулированию социально-экономического развития регионов. Поэтому правительство РФ ввело на Дальнем Востоке и в Забайкалье специальный налоговый режим, что является чрезвычайной мерой, поскольку на пути унификации взаимоотношений между центром и регионами, по которому ранее двигалась Россия, решить проблемы ускоренного развития восточных регионов не удалось. Кроме того, необходим целый комплекс мер, направленных на выравнивание конкурентных условий в экономике российского востока и северо-восточных провинций Китая. Это касается тарифов и цен на продукцию и услуги инфраструктурного характера: электроэнергию, транспортные услуги и прочие условия. Если китайские предприниматели для ведения бизнеса на территории РФ получают госкредиты под 2 %, то и у российских предпринимателей должны быть не худшие условия кредитования.

Возможно, имеет смысл, чтобы функции льготного кредитования взял на себя специальный фонд для финансирования проектов по развитию восточных регионов, который в свое время предложил создать тогдашний премьер-министр Д.А. Медведев. Следует подчеркнуть, что конкурентоспособность региональных экономик — включая сибирскую и дальневосточную, должна быть естественной, основанной на внутренней эффективности

хозяйственного развития, а не искусственно питаемой за счет специальных налоговых, инвестиционных и прочих режимов. Становится очевидным, что России нужна налогово-бюджетная реформа, нацеленная на то, чтобы каждый регион — субъект РФ, а в его границах каждый субъект местного самоуправления — располагал достаточными компетенциями для использования и развития своего хозяйственного и финансового потенциала. При этом восточные регионы РФ объективно заинтересованы в построении более рациональной модели федеративных отношений, включая сферу межбюджетных взаимодействий с центром. Но в сегодняшней ситуации Сибири, и в особенности Дальнему Востоку, в не меньшей степени нужна прагматичная политика хозяйственного развития, балансирующая интересы регионов и центра. Однако в рекомендациях экспертов «Стратегии-2020» о такой политике не было сказано ни слова, равно как и о региональной экономической политике вообще⁹⁰.

Федеральный центр продолжает двигаться по пути административного решения проблем и в определенной степени копирует советский стиль управления экономикой, который основывался на принципе: если есть проблема, нужно создать специальный управленческий орган для ее решения. Так, для решения проблем развития восточных территорий создано федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока с широко, но весьма неконкретно очерченными функциями, включая координацию деятельности по реализации государственных программ развития, управление частью федерального имущества, контроль за осуществлением органами государственной власти субъектов своих полномочий.

В современных подходах к решению проблем российского востока, выдвигаемых разными экспертами, просматривается любопытное совпадение. Сторонники федеральной власти действуют в административном ключе, а либеральные экономисты продолжают поиски по части реформирования административных структур на разных уровнях власти. Но и те и другие сходятся в оценке значения восточных территорий как инструмента для интеграции России в экономическое пространство АТР. Причем акцент делается на сотрудничестве в энергетической сфере и на привлечении иностранных инвестиций. Поэтому для стимулирования территориального развития необходимо определение формата открытия регионов Дальнего Востока для иностранных инвестиций и размещения производств, в первую очередь из развитых стран. Данный шаг также поможет реализовать стратегию «перетягивания» на территорию России части китайских инвестиций в развитие производственной и социальной инфраструктуры развивающихся стран.

К этому прагматизму целесообразно добавить разумный протекционизм. Стимулирование притока иностранных инвестиций не должно оборачиваться созданием для зарубежных компаний и предпринимателей условий деятельности, более предпочтительных по сравнению с условиями для российского бизнеса. Если возникает необходимость в каких-то особых преференциях, то они должны быть локализованы в рамках отдельных хозяйственных анклавов, отделенных от общего экономического пространства и внутреннего рынка.

При этом развитие экономического сотрудничества с КНР таит в себе риски по вполне очевидной причине. Участие в РФ капиталов других стран, в отличие от китайского, не сопровождается массовым заселением «осваиваемых» территорий выходцами из стран-инвесторов с образованием национальных диаспор, прежде всего в восточных регионах. Причем плохо контролируемая российскими властями иммиграция из Китая зачастую идет впереди инвестиций в экономику или даже вместо них.

Таким образом, Россия объективно заинтересована в силу складывающихся обстоятельств в тесном экономическом сотрудничестве с Китаем в различных сферах. И дело не только в географическом соседстве. Взаимодействие, обмен ресурсами и капиталом, глубокая интеграция с одной из крупнейших национальных экономик мира таит в себе значительный потенциал разнообразных выгод для России, однако они не придут сами собой. Для этого Россия должна на деле реализовать прагматичные подходы к сотрудничеству, позволяющие максимизировать свои выгоды и минимизировать издержки, добиваясь наилучшего баланса издержек и выгод для себя. Китайская сторона стремится к тому же и пока что преуспевает гораздо лучше. Выгоды, которые сейчас получает Россия, в значительной степени поверхностные, а её издержки затрагивают фундаментальные основы социально-экономического развития восточных регионов страны.

Завершая анализ взаимоотношений России с США и Китаем в военно-политической области, можно прийти к следующим *выводам*.

Во-первых, к общим угрозам и вызовам России и Китаю со стороны США относятся: закрепление в официальных документах Белого дома их роли в качестве соперников интересам США в мире; нарастание российско-американских и американо-китайских противоречий; формирование Вашингтоном «Большого Ближнего Востока» и вовлечение его стран в сферу своего влияния; расширение зоны ответственности США в «дуге нестабильности», включающей Афганистан, Ливию, Сирию и Иран; использование Соединенными Штатами военной силы, политических и экономических, информационных и иных акций против РФ и КНР; вероятность развязывания военных конфликтов в зонах национальных интересов Китая и России; растущая военная активность США в акваториях Мирового океана.

Во-вторых, в настоящее время разногласия между Россией и США по многим принципиальным и даже второстепенным вопросам глобальной и региональной безопасности носят долгосрочный характер. И если какие-то контакты и каналы связи и в нынешних условиях сохранились, то либо на минимальном уровне в форме негласного обмена отдельной информацией между спецслужбами, либо в ходе диалога в ООН. А усиливающаяся напряжённость между США и РФ в рамках их взаимоотношений в военно-политической сфере снижает вероятность укрепления безопасности в мире в ближайшей перспективе. Ни Москва, ни Пекин не приемлют концепцию однополярности мира под эгидой США. Они выступают за многополярность мироустройства, отводя в нем центральную роль ООН в решении международных проблем, и противостоят доминированию одной страны либо группы

стран на международной арене. Поэтому в среднесрочной перспективе их отношения с США в военной сфере будут сочетать в себе как сотрудничество, так и конкуренцию, формируя тем самым хрупкое динамическое равновесие.

В-третьих, в России воспринимают США как враждебное государство, которое ущемляет ее национальные интересы и игнорирует российские инициативы на мировой арене. Москва считает, что целью американской политики во втором десятилетии XXI в. в отношении РФ является дальнейшее ослабление российской государственности, поэтому в ближайшей перспективе их отношения в военно-политической области будут напряженными. Этому способствует антироссийская направленность американской внешней политики и применяемые к РФ различные экономические санкции и ограничения, стремящиеся помешать ее возрождению в качестве экономической державы XXI в., а также существующие расхождения между Москвой и Вашингтоном по проблемам глобальной и региональной безопасности.

В-четвертых, Китай также не намерен следовать в фарватере политики США по проблемам безопасности, по ним у него есть стратегический партнер — Россия и много иных союзников во всем мире. А те сценарии, которые Вашингтон реализует в Ливии, Ираке, Сирии и в других странах мира, где правительство США стремится убрать неугодного им лидера страны и сменить политический режим на проамериканский, никогда не будут иметь место в Китае.

3.5. Нераскрытый потенциал российско-китайского сотрудничества в Евразии

Современное состояние экономического сотрудничества между РФ и КНР

Когда речь идёт о современном состоянии торговли между КНР и его основными партнёрами, то объём торговли между Китаем и Россией кажется небольшим. Так, в 2017 г. товарооборот между двумя странами достиг уровня в 84,4 млрд долл., а объём торговли между Китаем и США составил 637,9 млрд долл., между Китаем и Японией — 297,2 млрд долл., между Китаем и Южной Кореей — 239,9 млрд долл., между Китаем и Германией — 180,5 млрд долл.⁹¹. Сравнительные данные за 2018 г. о внешнеторговом обороте РФ с основными торговыми зарубежными партнерами приведены в табл. 3.5.1.

И не следует ожидать, что в ближайшем будущем китайско-российская торговля достигнет такого же уровня, как между Китаем и США или Японией, так как нынешний объём внешней торговли России намного меньше, чем у этих государств.

Также следует отметить, что структура китайско-российской торговли часто подвергается критике российскими экспертами за чрезмерную концентрацию Китая на энергоносителях. Конечно, энергия является основной статьей экспорта России в Китай. Однако это характеризует не только китай-

Таблица 3.5.1. Внешнеторговый оборот России с основными торговыми партнерами

	Январь—май 2018 г.			Январь—май 2017 г.		
	млн долл.	в % к		млн долл.	в % к	
		к январю— маю 2017 г.	итого		к январю— маю 2016 г.	итого
Внешнеторговый оборот	271 387	123,3	100	220 078	129,6	100
В том числе:						
<i>Страны дальнего зарубежья</i>	239 113	124,0	88,1	192 768	129,5	87,6
из них страны Евросоюза:	119 772	122,1	44,1	98 111	131,5	44,6
Бельгия	5214	125,1	1,9	4170	125,6	1,9
Германия	24 348	125,0	9,0	19 473	128,5	8,8
Испания	2406	111,5	0,9	2159	140,6	1,0
Италия	10 338	111,4	3,8	9279	125,2	4,2
Латвия	2005	74,2	0,7	2702	115,6	1,2
Нидерланды	19 531	115,4	7,2	16925	133,0	7,7
Польша	8362	130,7	3,1	6398	141,4	2,9
Словакия	2281	111,3	0,8	2048	133,6	0,9
Великобритания	5849	125,1	2,2	4675	120,6	2,1
Финляндия	6238	129,2	2,3	4827	150,7	2,2
Франция	7084	119,2	2,6	5944	123,6	2,7
Чехия	3348	120,5	1,2	2777	146,6	1,3
<i>страны АТЭС:</i>	79 713	123,1	29,4	64 737	132,7	29,4
Китай	40 831	131,4	15,0	31 066	136,8	14,1
Республика Корея	8623	111,1	3,2	7758	147,3	3,5
США	9289	110,5	3,4	8407	120,1	3,8
Япония	8427	127,5	3,1	6610	107,8	3,0
Индия	4269	126,2	1,6	3383	120,6	1,5
Турция	11 387	146,2	4,2	7791	128,0	3,5
Швейцария	2407	128,0	0,9	1881	118,6	0,9
Государства — участники СНГ	32 273	118,2	11,9	27311	129,9	12,4
Азербайджан	957	108,6	0,4	882	155,4	0,4

Окончание табл. 3.5.1

	Январь—май 2018 г.			Январь—май 2017 г.		
	млн долл.	в % к		млн долл.	в % к	
		к январю— маю 2017 г.	итого		к январю— маю 2016 г.	итого
<i>страны ЕАЭС</i>	22 725	115,1	8,4	19 745	133,8	9,0
Армения	783	127,9	0,3	612	125,4	0,3
Беларусь	13 836	118,0	5,1	11 721	128,9	5,3
Казахстан	7453	109,2	2,7	6822	144,4	3,1
Киргизия	654	110,8	0,2	590	130,6	0,3
Молдова	607	136,6	0,2	444	97,0	0,2
Таджикистан	402	127,9	0,1	315	134,3	0,1
Туркмения	124	74,9	0,0	166	30,8	0,1
Узбекистан	1620	132,3	0,6	1225	120,5	0,6
Украина	5838	128,7	2,2	4535	132,9	2,1

Источник: URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/140.htm

ско-российскую торговлю, но и всю внешнюю торговлю России в целом. Так, в 2017 г. энергетика и нефтепродукты в стоимостном выражении составили 59 % российского экспорта. На этом фоне структура китайско-российской торговли не лучше и не хуже, чем вся российская внешняя торговля. При этом в качестве крупного производителя и экспортёра газа Россия сталкивается с растущим давлением со стороны США на европейском и азиатском рынках. Китай как один из крупнейших потребителей газа стратегически важен для России. Поэтому энергетическое сотрудничество выступает важной сферой углубления двустороннего прагматичного сотрудничества. Это взаимодействие в сфере энергетики носит всеобъемлющий характер и распространяется не только на торговлю нефтью и природным газом, но и охватывает такие направления, как ядерная энергетика, уголь, электричество и новые виды энергоносителей. Главная цель продвижения энергетического сотрудничества — это реализация двусторонней выгоды и совместного выигрыша.

При этом Китай уделяет повышенное внимание российскому направлению в своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, подчеркивая их высокий уровень. В современных условиях активизировалось практическое сотрудничество во многих областях, в том числе в реализации крупных совместных проектов, совершенствуется договорно-правовая база по всему спектру двустороннего взаимодействия. Особое внимание уделяется повышению доверия и укреплению взаимопонимания между простыми гражданами, что, помимо гуманитарной составляющей, стимулирует увеличение

числа коммерческих сделок и взаимных и инвестиций и дает реальный экономический результат⁹².

Российско-китайские отношения не носят конъюнктурного характера и не зависят от ситуации в мире или от действий третьих стран. Партнерство, основанное на политическом доверии, позволяет более эффективно отстаивать общие интересы на международной арене, координировать действия в рамках СБ ООН, различных международных организаций и форумов, противостоять распространению международного терроризма, прилагать действенные усилия по поддержанию мира, стабильности и безопасности на региональном и глобальном уровнях.

Высокий уровень отношений, географическое соседство, исторически широкие связи во многих отраслях создают весьма благоприятные условия для качественного расширения экономических связей. При этом Китай удерживает 1-е место в списке внешнеторговых партнеров РФ, которая занимает 9-е место в списке основных торговых партнеров КНР⁹³.

Россияне покупают все больше китайских товаров, а Россия поставляет в Китай ряд видов продукции, ключевой для китайской экономики. Речь идет не только об энергоносителях, хотя они стратегически важны для экономической безопасности КНР.

Например, благодаря российско-китайскому сотрудничеству в области мирного атома китайская атомно-энергетическая отрасль смогла значительно повысить уровень применяемых технологий. А первая очередь Тяньваньской АЭС с реакторами российского производства была признана самой безопасной из действующих в КНР. Экспериментальный реактор на быстрых нейтронах, спроектированный и построенный вблизи Пекина при помощи российских специалистов, позволил Китаю, наряду с Россией и Японией, войти в тройку государств мира, где действуют реакторы четвертого поколения. В Китае при содействии России также построены современные заводы по обогащению урана, которые вырабатывают высококачественное топливо для АЭС. Есть еще проекты в авиастроении, мирном космосе и других сферах.

Во время посещения России председателем КНР Си Цзиньпином в июле 2017 г. главы двух стран достигли единства мнений по вопросам упрочнения китайско-российского стратегического сотрудничества и приняли Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Это заявление стало дорожной картой развития российско-китайских отношений на долгосрочный период. Оно утвердило направления дальнейшего развития двусторонних отношений и основные сферы сотрудничества:

- необходимо сделать так, чтобы преимущества тесных политических связей превратились в реальные результаты в каждой из сфер прагматичного российско-китайского сотрудничества;
- при этом экономическое развитие Китая в значительной степени зависит от научно-технической инновации, и в этой области Россия по-прежнему

остается достаточно авторитетной страной с большим научно-техническим потенциалом;

- китайско-российские торгово-экономические отношения демонстрируют темпы развития, исчисляющиеся двузначными показателями, правда, за исключением периода, когда негативное влияние международного финансового кризиса оказалось слишком сильным;

- торгово-экономический обмен также выступает важным звеном китайско-российских связей. В сферах торговли услугами, взаимного инвестирования и в научно-технических областях тоже существует огромный потенциал, который сторонам предстоит раскрыть;

- молодежный обмен становится приоритетным направлением гуманитарного сотрудничества. Поэтому представляется чрезвычайно важным расширять обмены между китайской и российской молодежью, создав соответствующие механизмы на долгосрочной основе. Ведомства культуры и просвещения Китая и России должны создать площадку для проведения молодежного обмена и поощрять такой обмен во всех формах и проявлениях, включая организацию студенческих диалогов, молодежных лагерей и т. д.⁹⁴

Тем не менее потенциал развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества еще далеко не исчерпан. И чтобы охарактеризовать нераскрытый потенциал сотрудничества России и Китая, следует проанализировать достигнутые успехи во взаимном сотрудничестве, а также выявить узкие места их взаимодействия в основных сферах для того, чтобы найти способы их устранения.

Узкие места сотрудничества в торгово-экономической сфере

Мировой финансовый кризис 2010—2013 гг. а также разразившаяся в 2020 г. глобальная пандемия коронавируса оказали существенное негативное влияние на экономику России и Китая, что привело к резкому падению межгосударственного товарооборота. При этом многочисленные факторы неопределенности в международной торговле, а также замедление темпов экономического роста в России и Китае обусловили определенное снижение динамики развития двусторонней торговли (рис. 3.5.2).

Данные статистики за эти годы свидетельствуют о том, что России совместно с Китаем удалось остановить негативные тенденции, стабилизировать ситуацию во взаимной торговле и обеспечить устойчивые темпы прироста товарооборота⁹⁵. Но, несмотря на достаточно высокий товарооборот между двумя странами, его структуру нельзя назвать благоприятной для РФ, поскольку она не соответствует установкам на модернизацию ее экономики. В структуре российского экспорта в КНР в посткризисный период преобладали (и до сих пор преобладают) сырьевые товары, и их доля постоянно растёт. На второй позиции в российском экспорте в Китай находятся поставки древесины и изделий из неё, составляющие 6,97 % совокупного экспорта РФ в КНР. На третьем месте в совокупном российском экспорте в Китай находятся поставки цветных металлов — 3,99 % (табл. 3.5.3).

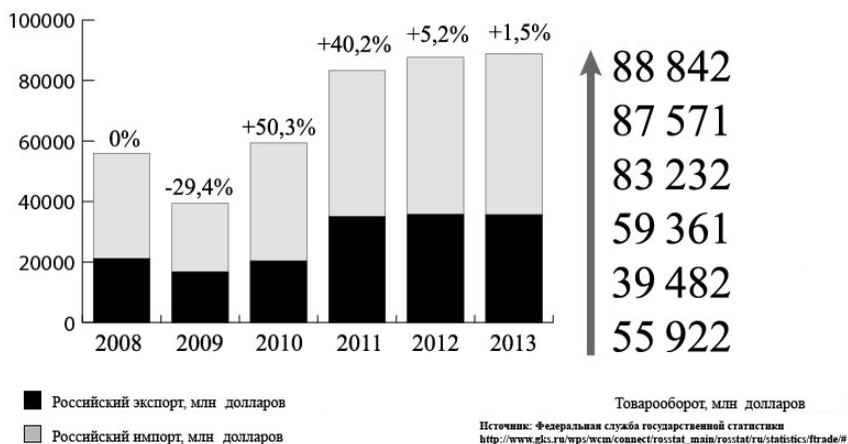

Рис. 3.5.2. Внешняя торговля России с Китаем во время мирового финансового кризиса.
Источник: URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>

Таблица 3.5.3. Удельный вес основных групп в экспорте РФ в КНР

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОСНОВНЫХ ТОВАРНЫХ ГРУПП В ЭКСПОРТЕ РОССИИ В КНР (В %)							
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Экспорт – всего	● 100,0	● 100,0	● 100,0	● 100,0	● 100,0	● 100,0	● 100,0
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	● 50,11	● 44,11	● 49,45	● 56,76	● 66,86	● 67,89	● 71,63
Древесина и изделия из нее	● 12,49	● 11,10	● 10,67	● 8,65	● 5,52	● 7,07	● 6,97
Цветные металлы	● 5,19	● 10,10	● 8,38	● 7,60	● 4,79	● 4,29	● 3,99
Черные металлы	● 1,74	● 7,63	● 1,24	● 0,53	● 0,14	● 0,25	● 0,06
Химические товары	● 6,18	● 6,50	● 8,37	● 6,40	● 4,37	● 3,79	● 2,78
Рыба, моллюски, ракообразные	● 5,12	● 5,57	● 4,88	● 3,94	● 2,82	● 3,53	● 3,05
Руды, шлаки, зола	● 5,21	● 4,98	● 4,69	● 8,31	● 5,61	● 5,30	● 2,88
Удобрения	● 6,39	● 3,33	● 3,90	● 2,82	● 3,79	● 3,03	● 2,28
Машинальная масса, целлюлоза	● 3,28	● 2,27	● 2,54	● 2,26	● 1,65	● 1,51	● 1,89
Машины и оборудование	● 1,70	● 2,04	● 1,44	● 0,70	● 0,70	● 0,71	● 1,12
Драгоценные камни	● 0,33	● 0,68	● 2,00	● 0,80	● 1,02	● 1,51	● 1,22
Бумага, картон	● 0,43	● 0,45	● 0,34	● 0,31	● 0,22	● 0,25	● 0,24
Минеральные продукты	● 0,78	● 0,25	● 0,36	● 0,48	● 0,51	● 0,35	● 0,40

Источник: Портал внешнеэкономической информации
http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/

Источник: URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/>

А в китайском экспорте в Россию преобладают товары обрабатывающей промышленности. В то же время наблюдается постоянный рост доли высокотехнологичной продукции. При этом основными статьями китайского экспорта в Россию являются: машинно-техническая продукция (36,12 %), химическая продукция (8,37 %), текстиль (6,70 %), трикотаж (5,95 %) и обувь (табл. 3.5.4).

Таблица 3.5.4. Удельный вес основных товарных групп в импорте РФ из КНР

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОСНОВНЫХ ТОВАРНЫХ ГРУПП В ИМПОРТЕ РОССИИ В КНР (в %)								
		2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Импорт – всего		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Машины и оборудование		36,71	33,44	38,43	40,91	42,43	37,90	36,12
Химические товары		7,46	8,20	8,01	9,28	8,76	8,35	8,37
Обувь		5,18	7,70	7,91	6,34	5,90	6,31	5,96
Одежда текстильная		4,91	7,08	6,12	5,41	4,82	6,85	6,70
Одежда из трикотажа		11,18	6,63	6,00	5,20	4,96	6,31	5,95
Изделия из кожи		2,32	2,98	2,48	2,69	1,65	2,12	1,86
Мебель, матрацы		4,85	2,62	2,94	2,12	2,18	2,44	4,46
Готовые изделия из текстиля		2,06	2,37	1,85	1,80	2,82	3,27	3,16
Пушнина		0,16	2,20	2,93	3,00	3,56	2,85	4,84
Игрушки, спортивный инвентарь		1,64	1,83	1,49	1,85	1,55	1,53	1,73
Продукты из овощей и фруктов		1,01	1,35	1,02	1,01	0,92	0,81	0,81
Фрукты		0,69	1,19	0,79	0,65	0,66	0,64	0,59
Изделия из черных металлов		2,40	1,16	3,43	3,30	3,06	3,29	3,00
Овощи, горох, фасоль		0,51	0,97	0,85	0,80	0,51	0,48	0,61
Керамические изделия		1,07	0,91	0,70	0,75	0,65	0,69	1,04
Мясные продукты		0,88	0,80	1,02	0,72	0,84	0,81	0,68
Минеральное топливо		0,81	0,51	0,75	0,90	0,67	0,60	0,34
Трикотажное полотно		0,25	0,39	0,72	0,35	0,84	0,34	0,30
Зерновые		0,04	0,08	0,0	0,04	0,02	0,00	0,00
Мясо		0,02	0,08	0,0	0,0	0,02	0,0	0,00

Источник: URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/>

На первый взгляд, подобное положение дел может показаться естественным: располагающей богатыми природными ресурсами России выгодно специализироваться на поставках сырья в Китай. Однако эта ситуация иррациональная, потому что в отраслевой структуре российской экономики, помимо сырьевого сектора, также широко представлены другие секторы промышленности и сферы услуг, а российские товары и услуги вполне могут конкурировать с китайскими. Например, аэрокосмический сектор, авиа- и судостроение и др. Следовательно, существующий потенциал российской экономики не реализуется в китайском направлении в полной мере, с учетом ёмкого внутреннего рынка Китая. Тем более что с китайской стороны проявляется большой интерес к такому сотрудничеству.

Диспропорции в инвестиционном сотрудничестве

Следует также отметить, что за последние годы прямые инвестиции из Китая составляли в среднем менее 1 % в совокупных инвестициях, полученных Россией. Ещё меньше доля России в полученных Китаем прямых инвестициях⁹⁶. При этом главными приоритетами инвестиционной деятельности КНР в России является разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, строительство и связь. Основной объём китайских инвестиций приходится на кредиты, выданные китайскими банками российским компаниям (ОАО «Роснефть» — 15 млрд долл., ОАО «Транснефть» — 10 млрд долл.) в обмен на поставки нефти.

Но официальная статистика не отражает действительных объёмов китайских прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в Россию. Поэтому о реальных масштабах китайских ПЗИ в Россию можно судить по данным, основанным на публичных отчётах о зарубежных вложениях китайских компаний. Например, согласно этой информации, в 2013 г. они инвестировали 6,25 млрд долл. в уставный капитал Банка России⁹⁷. В 2014 г. эти капиталовложения сократились до 3,53 млрд долл. Вместе с тем были заключены контракты на новое строительство на сумму 4,67 млрд долл. Таким образом, всего в 2014 г. из Китая было привлечено в Россию 8,2 млрд долл. В дальнейшем рост прекратился. В 2016 г., по данным АЕИ, китайские инвестиции в Россию составили 2,23 млрд долл., что на 38 % меньше, чем в 2015 г. В дальнейшем снижение инвестиционной активности в российскую экономику было связано с пандемией коронавируса в 2020—2021 гг. и опасениями крупных китайских компаний, и прежде всего банков, работающих на рынках США и ЕС, которые могли попасть под действие экономических санкций, введённых против России. Кроме того, некоторые китайские инвесторы ожидают более выгодные предложения для начала инвестиций. При этом новые вложения в индустриальный сектор российской экономики сдерживаются сравнительно слабым развитием сферы услуг в России и закрытостью области российских высоких технологий для иностранного капитала.

Что касается снижения активности на российском рынке в целом, то китайские инвесторы объясняют его в значительной степени состоянием российской экономики. Об этом свидетельствует, в частности, исследование, проведённое компанией Ernst & Young (EY). Ею были опрошены руководители 142 китайских фирм, имеющих оборот свыше 30 млн долл., в том числе 31 крупной компании с оборотом более 1 млрд долл. Чаще всего в качестве препятствия для инвестиций в российскую экономику руководство китайских компаний называло проблемы с соблюдением законодательных норм. Такой вариант ответа выбрало 39 % участников опроса. Наиболее остро недостатки в правовой сфере воспринимаются крупными китайскими компаниями (71 %). Ещё 34 % всех респондентов отметило экономическую нестабильность в России. Причём среди компаний, которые уже присутствуют на российском рынке, на ухудшающуюся макроэкономическую ситуацию указало 63 %. В то же время на трудности с поиском интересных проектов для капиталовложений пожаловалось только 15 % из работающих в России китай-

ских компаний по сравнению с 22 % в целом. Аналогичные результаты дал опрос 60 представленных в России китайских компаний, проведённый консалтинговой компанией IPT Group, в котором большинство респондентов (57 %) полагают, что притоку инвестиций из Китая препятствует нестабильная макроэкономическая ситуация в РФ. Тогда как традиционные для российского рынка проблемы с соблюдением законодательных норм назвали только 43 % участников опроса.

При этом 57 % респондентов отмечают, что китайские компании планируют расширить присутствие на российском рынке. По данным исследования EY, 61 % участвовавших в опросе китайских компаний намеревался осуществить вложения в экономику России в течение ближайших пяти лет. Китайские инвесторы проявляют интерес к вложению средств в российскую фармацевтическую промышленность, которая в 2020—2021 гг. единственная в мире смогла разработать сразу три вакцины против коронавируса; в проекты в области биотехнологий и медицинских исследований, в онлайн-кинотеатры и мобильные игры. Таким образом, сохраняющийся высокий интерес китайских инвесторов к российскому рынку позволяет рассчитывать на активизацию инвестиционного взаимодействия. При этом необходимо учитывать, что Китай всё сильнее интегрируется в мировую финансовую систему. Такие институты, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути, платёжная система CIPS, начинают тесно сотрудничать с западными институтами. А это, в свою очередь, ограничивает возможности реализации имеющегося потенциала инвестиционного сотрудничества РФ и КНР.

Пока Россия заметно отстаёт в освоении рынка капитала КНР, хотя развитие сотрудничества между Россией и Китаем в инвестиционной сфере отвечает взаимным интересам обеих стран. К числу наиболее крупных инвестиционных проектов, реализуемых российскими компаниями в Китае, можно отнести покупку «Русалом» двух заводов по производству катодных блоков для алюминиевых заводов в пров. Шаньси и создание совместного предприятия по разработке и производству строительных пластмасс и сплавов Kuibyshev Azot Engineering Plastics Company, учредителями которого стали ОАО «Куйбышев Азот» и шанхайская торговая компания «ХЭ Е», а общий объем инвестиций составил 18 млн долл., в том числе 8,1 млн долл. российских инвестиций⁹⁸. Ещё одним из важнейших совместных проектов является строительство нефтеперерабатывающего завода в г. Тяньцзинь с участием ОАО «НК «Роснефть» и Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC). При этом значительная роль в обеспечении инвестиционного рывка, преодолении сложившихся структурных диспропорций отводится развитию широкого спектра форм российско-китайских приграничных внешнеэкономических связей. В их использовании особую актуальность приобретает формирование баланса интересов сторон. Его достижение во многом определяется взаимовыгодностью реализуемых сторонами задач и соответствием механизмов организации и основных форм экономического сотрудничества⁹⁹.

Приграничное и межрегиональное сотрудничество: проблемы и перспективы

Важной составляющей двусторонних экономических связей, а также значимым фактором стимулирования социально-экономического развития определенных регионов РФ является межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Китая. Около 70 субъектов России в настоящее время напрямую взаимодействуют с провинциями Китая. Они решают масштабные задачи в рамках проводимых региональных программ развития. Для России это программа развития Дальнего Востока и Забайкалья, а для Китая — восстановления и возрождения старых промышленных регионов Маньчжурии. Осуществление этих программ позволит решить ключевую проблему торгово-экономических отношений с точки зрения России, а именно стимулировать диверсификацию структуры российского экспорта, которая в последние годы характеризуется усугубляющейся диспропорцией, когда экспорт российских регионов представлен преимущественно природными ресурсами¹⁰⁰.

Основными торговыми партнерами Китая в России являются Хабаровский и Приморский края, Амурская область, а также Красноярский край, Кемеровская и Иркутская области. Из китайских регионов лидерами является пров. Хэйлунцзян, Автономный район Внутренняя Монголия и пров. Цзилинь.

Внешняя торговля с КНР для приграничных регионов Дальневосточного федерального округа имеет разное значение. Так, если на долю внешнеторгового оборота с Китаем в Приморском и Хабаровском краях приходилось соответственно 51 и 43 % внешнеторгового оборота этих регионов, то в Амурской области — 90 %. Поэтому осуществление на практике баланса интересов составляет серьезную проблему, требующую скоординированных усилий и являющуюся длительным и сложным процессом. Как отметил генеральный директор АО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» А. Чекунков, «наиболее перспективно развитие сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке, который является кладовой природных богатств»¹⁰¹. В свою очередь, генеральный секретарь Китайской ассоциации по развитию предприятий за рубежом Хэ Чжэньвэй заметил, что «потенциал сотрудничества наших стран в области сельского хозяйства до сих пор не использован в полной мере. В 2018 г. был запущен Крымский мост, а у нас на границе пока нет ни одного моста. В Благовещенске мост вступил в последний этап строительства, но на это потребовалось 20 лет». Его озабоченности разделяет и генеральный управляющий China Chengtong International Investment Ltd. Чжоу Лицунь: «Есть договоренность, что товарооборот между нашими странами достигнет 100 млрд долл., а в 2020 г. — 200 млрд долл. Однако этого пока не произошло. Товарооборот между Россией и Китаем составляет 80 млрд, а с США 500 млрд. Мы импортируем больше 95 млн тонн сои, треть из них — американского происхождения, из России — только 500 тыс. тонн». Его озабоченности дополняет председатель Туристической палаты КНР Ван Пин: «В 2017 г. мы отправили более 1,5 млн китайских туристов в Россию, а в Таи-

ланд около 10 миллионов! То есть у нас есть огромный потенциал в этой сфере».

Успехи и проблемы в военно-техническом сотрудничестве

Следует отметить, что военно-техническое сотрудничество с КНР наиболее плодотворно развивалось в период с 1992 по 2004 г., когда Россия осуществляла масштабные поставки боевой техники и вооружения в Китай. В их числе более ста боевых самолетов и вертолетов различных типов, в том числе истребители СУ-27, а также их модификация СУ-30МКК. Кроме того, российская сторона передала Китаю лицензии на производство СУ-27, а российские специалисты приняли участие в проектах китайских истребителей J-10, JF-17, учебного самолета L-15¹⁰². Во второй половине 2000-х годов в Китае, пережившем научно-техническую революцию, вызванную бурным освоением китайскими экспертами японских, американских и российских технологий, было решено, что они в состоянии самостоятельно справиться с оснащением НОАК современным вооружением и техникой. Однако полностью Китай не отказался от импорта вооружений из России. Так, «Рособоронэкспорт» заключил с Минобороны Китая контракт на поставку 150 авиадвигателей АЛ-31Ф. Затем был заключен контракт на поставку 123 двигателей АЛ-31ФН, которые используются на истребителе J-10. Однако недостаточная защита интеллектуальной собственности остается острой проблемой, с которой сталкиваются все страны, развивающие сотрудничество с КНР в сфере гражданских и военных высоких технологий. При этом мировой опыт показывает, что эта угроза почти никогда не ведет к отказу от совместных с Китаем проектов, она лишь вынуждает тщательнее планировать взаимодействие. А примеры сотрудничества КНР с развивающимися странами в сфере высоких военных и гражданских технологий (Аргентина, Иран, Пакистан) показывают, что китайская сторона легко идет на передачу паттернам технологий на экономически обоснованных условиях.

Также надо отметить, что в настоящее время пока не разработан сценарий совместных действий российских и китайских руководителей при принятии решения о военном взаимодействии в случае угрозы безопасности для обеих стран в рамках ШОС. Как следствие, например, в 2010 г. страны «Шанхайской пятерки» так и не смогли сыграть заметную роль в урегулировании межэтнических столкновений в Киргизии¹⁰³. Поэтому кооперация с КНР приобретает особую важность в свете обострения отношений России с США и ЕС, а Китая — с Соединенными Штатами и приграничными странами в Южно-Китайском море.

Особенности сотрудничества в космической области

В 2020 г. Китай начал строительство многомодульной станции. У нее должно быть три отсека и два стыковочных узла для космических кораблей или добавления новых модулей. А к 2022 гг. Поднебесная планировала собрать на орбите полноценную космическую станцию типа советской станции «Мир», послать корабли к Луне и Марсу и, таким образом, сравниться с Рос-

сией и США в освоении космоса. При этом космическая программа стала для Китая одним из главных приоритетов. Это свидетельствует о том, что Пекин намерен в течение ближайших десяти лет значительно укрепить свои позиции в космической отрасли. В настоящий момент в активе Китая 11 отправленных в космос тайконавтов, две космические лаборатории, луноход Yutu, гигантский телескоп для поиска внеземной жизни и многое другое. Китайская спутниковая группировка насчитывает 181 аппарат, включая 21 спутник навигационной системы Beidou, аналога американской GPS и российской ГЛОНАСС. Для сравнения: у США — 576 аппаратов, а у России — около 140.

Секрет успеха КНР в освоении космоса — большие финансовые вливания, упорство и российские технологии, благодаря которым китайская космическая программа совершила существенный скачок. Результатом сотрудничества с Россией стали 93 контракта, включая продажу Пекину схем строительства корабля «Союз» со всей начинкой и скафандрами, а также помощь в тренировке тайконавтов в Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина. При этом сотрудничество России и Китая в космической отрасли базируется на двух документах: межправительственном соглашении от 18 декабря 1992 г. и межведомственном соглашении от 25 марта 1994 г.

С начала 2000-х годов стороны стали продвигать идею совместного исследования и использования космического пространства в мирных целях, однако говорить о каком-то прорывном сотрудничестве долгое время не приходилось. Ситуация начала меняться в 2014 г., когда после воссоединения Крыма с Россией США наложили вето на поставки в РФ высокотехнологичной продукции. Запрет распространился и на электронно-компонентную базу, которая использовалась в российских спутниках. Подходящую замену предприятия космической промышленности страны нашли в Китае. А китайскую сторону, которая в ближайшие годы планирует приступить к строительству многомодульной космической станции, интересует российский опыт длительных космических полетов и строительства крупных космических объектов. Помимо этого, у Пекина нет ряда важных технологий, и он готов предложить Москве свое партнерство в обмен на них¹⁰⁴.

Также следует отметить, что российско-американское сотрудничество в космосе развивается более успешно, чем американско-китайское. Сотрудничество США и КНР в освоении космического пространства началось на оптимистичной ноте: в 1979 г. между двумя странами было заключено Соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве в космической сфере. В 1990-х годах Китай запустил в космос 19 американских коммерческих спутников (из них шесть пусков были неудачными), выведя американско-китайское сотрудничество на новый уровень. Но в процессе сотрудничества выяснилось, что часть американских технологий, повышающих точность китайских баллистических ракет, оказалась в руках КНР, причем некоторые из них были переданы им компаниями США Hughes и Loral добровольно. Результатом стало прекращение сотрудничества США и Китая в области космических запусков, а потом и во всех остальных сферах. В 2011 г. в бюджет США была включена строчка, запрещающая NASA в любой форме контактировать с Китаем. По-

этому уже 20 лет США делают все, чтобы воспрепятствовать развитию космического направления китайской науки и техники. Например, из-за американских санкций Китай не может продавать свои запуски, хотя возможности у него очень большие, но выход на рынок пусковых услуг для него под запретом. В создании орбитальных станций Китай оказался также позади остальных участников этого процесса. Как считает сотрудник Института космических исследований РАН Н. Эйсмонт, «есть и препятствия технического плана к налаживанию сотрудничества. Китайцы для своих орбитальных станций выбрали орбиты несколько иного наклонения. Если сейчас запланировать стыковку с китайскими станциями, будут определенные проблемы. Но такого рода проблемы были в свое время и между США и СССР, и это удалось преодолеть», отмечает он¹⁰⁵.

Поэтому КНР ищет других партнеров, следствием этих поисков в значительной мере является сотрудничество с Россией. Так, «Роскосмос» и Национальная космическая администрация Китая договорились значительно расширить сотрудничество в проектах изучения Луны и создания совместных орбитальных группировок. Кроме того, было подписано соглашение между правительствами России и Китая о мерах по охране технологий в области исследования и использования космического пространства; иными словами, китайская сторона не сможет заняться нелегальным копированием российской продукции. Это было основное условие, которое Москва выдвинула для начала предметных переговоров.

При этом успехи китайской космической программы вызывают закономерный вопрос о том, не составит ли она конкуренцию российской. Ведь позиции России в космосе — не только один из неоспоримых поводов для национальной гордости, но и существенный источник дохода: прибыль за доставку астронавтов на МКС и доставку спутников на орбиту при помощи российских ракет-носителей приносит «Роскосмосу» сотни миллиардов рублей. Помимо этого, Россия продает США двигатели РД-180, служащие первой ступенью для американской ракеты Atlas-5.

Возможные пути повышения потенциала российско-китайского сотрудничества

Важным стимулом для реализации потенциала российско-китайского сотрудничества являются: продолжающиеся экономические санкции Запада по отношению к России и санкции США по отношению к Китаю; возрастание роли АТР и российского Дальнего Востока в качестве рынков сырья и сбыта готовой продукции для экономик обеих стран; развитие добрососедских отношений между обеими странами. Как заявил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян по итогам 23-й регулярной встречи глав правительств РФ и КНР, «Пекин готов развивать сотрудничество с Москвой. Мы заинтересованы в развитии инновационного сотрудничества с российскими коллегами, в частности планируем создать фонд, чтобы поддержать совместные научно-технические проекты и разработки. Но такой высокий уровень — это не финал. Это говорит о том, что у нас огромное пространство для дальнейшего разви-

тия. В процессе общения мы сошлись в том, что у нас огромный нераскрытый потенциал»¹⁰⁶.

Одним из приоритетных направлений сотрудничества между Россией и Китаем является расширение практического сотрудничества в научно-технической области между научными центрами, академическими институтами и технопарками. Так, по линии Российского фонда фундаментальных исследований ведется активное сотрудничество с Государственным фондом естественных наук Китая. Совместные проекты выполняются по таким приоритетным направлениям, как энергосберегающие технологии, наносистемы, промышленная химия, рациональное природопользование, информационно-коммуникационные технологии и живые системы¹⁰⁷. Также активно развивается сотрудничество региональных отделений РАН с научно-техническими организациями Китая. В настоящее время более 30 институтов Российской академии наук осуществляют научное сотрудничество с различными научными организациями КНР в рамках межгосударственных прямых договоров. В 2020 г. из 171 заявки было поддержано 50 совместных проектов по таким научным направлениям, как ядерная физика, нанотехнологии, энергосберегающие технологии, математика, экология, биофизика, биотехнология, фотохимические процессы, материаловедение, лазерные технологии, исследования плазмы и др. Важным направлением продвижения технологий на китайские наукоемкие рынки является участие российских региональных исследовательских структур, промышленных предприятий и компаний в проводимых в Китае выставках и ярмарках высоких технологий.

Космическая отрасль также оказалась в общем потоке развития российско-китайских отношений, которые начали стремительно улучшаться после введения санкций против России со стороны Европы и США. Китай крайне заинтересован в приобретении российских двигателей РД-180, которые могли бы использоваться в китайском ракетостроении, а Россия — в поставках китайской радиоэлектроники космического назначения. Такой обмен обсуждался и на уровне вице-премьеров Д. Рогозина и Ван Яна, а также на уровне президента В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина.

Можно предположить, что кризис в отношениях России с США и ЕС на фоне сохраняющегося роста напряженности в китайско-американских и китайско-японских отношениях придаст новый импульс сотрудничеству в сфере военных высоких технологий. В этих условиях обе стороны заинтересованы максимально использовать имеющийся потенциал промышленной кооперации, чтобы защитить себя от возможных санкций и других мер экономического давления. Тем не менее развитию такого сотрудничества препятствует недостаточная информированность сторон о реальном потенциале друг друга. Очевидно, этот недостаток необходимо устранить в ближайшем будущем из-за наличия общей угрозы для национальных интересов РФ и КНР со стороны Соединенных Штатов. При этом российско-китайское военно-техническое сотрудничество в обозримой перспективе будет продолжать играть важную роль в общем комплексе двусторонних отношений. Китай остается ключевым рынком российской продукции военного назначения,

и от взаимодействия с Россией зависит ряд важных программ перевооружения НОАК.

Среди других факторов, способствовавших укреплению российско-китайских связей, следует отметить географическую близость стран, взаимную дополняемость экономических ресурсов и заниженные курсы национальных валют, позволившие наращивать взаимный экспорт товаров и услуг¹⁰⁸. При этом смещение центра роста мировой экономики в страны Восточной и Юго-Восточной Азии поставило перед правительством РФ задачу активнее задействовать восточное направление внешнеэкономической деятельности и в первую очередь расширять торговое и инвестиционное сотрудничество с КНР. Введение секторальных санкций со стороны США и их союзников, которые ограничили доступ российским банкам и промышленным компаниям к западным рынкам капитала, ускорило эти процессы¹⁰⁹. В дополнение к этому руководство Китая выступило с предложением создать «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века». Осуществление этой инициативы, известной также как «Один пояс, один путь» (ОПОП), призвано обеспечить широкую кооперацию стран, расположенных вдоль исторического Великого Шёлкового пути. Центральное место в ходе реализации этой инициативы отводится России, через которую должно пройти три из шести экономических коридоров, призванных установить тесные связи между Европой и Азией. Для финансирования проектов в рамках инициативы ОПОП потребуются значительные средства, часть из которых могут предоставить китайские компании и банки, уже сейчас активно работающие за рубежом. Наряду с этим Китай начал постепенно открывать свой фондовый рынок для российских эмитентов, разрешив им привлекать средства в юанях за счёт размещения долговых облигаций внутри страны. Тем самым создается значительный потенциал для российско-китайского инвестиционного сотрудничества.

Рассматривая нефтегазовую сферу, которую можно назвать основным направлением российско-китайского энергетического сотрудничества, следует отметить совместные проекты трубопроводных поставок углеводородов из РФ в КНР. Результатом сотрудничества в нефтяной сфере стало вступление в строй трубопроводной ветки Сковородино—Мохэ—Дацин, которая является ответвлением российского нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан». Значительные результаты достигнуты и в газовой сфере. Например, российский газовый холдинг «Газпром» и государственная нефтегазовая компания Китая CNPC подписали договор купли-продажи природного газа с поставкой по «восточному» маршруту. Контракт действует 30 лет и предусматривает поставки в КНР 38 млрд кубометров газа в год. И в ближайшей перспективе следует ожидать увеличение экспорта до 60 млрд кубометров. На реализацию проекта поставок газа в КНР России потребуются инвестиции в размере 55 млрд долл. (Китаю — 22 млрд долл.), которые будут направлены на обустройство месторождений и строительство газопроводов, в том числе газотранспортных систем «Сила Сибири» и «Алтай».

Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества России и Китая также будет способствовать стратегическому раскручиванию широко-масштабных торгово-экономических отношений между этими странами. Опыт развития приграничных связей показывает их востребованность и способность к развитию. Ограничиваясь бартерными торговыми операциями между предприятиями и компаниями сопредельных территорий на начальной стадии межрегиональных контактов, сотрудничество получило дальнейшее развитие преимущественно в строительстве и сельском хозяйстве. Достигнут также определенный прогресс в таких сферах, как энергетика, совместное производство бытовой электротехники, комплексное освоение лесных ресурсов. Улучшается инфраструктура транспортных перевозок, более разнообразными становятся формы развития двустороннего технико-экономического сотрудничества. Особо следует отметить, что в большинстве случаев на региональном уровне инициатором процесса экономической интеграции выступает китайская сторона.

Касательно территорий опережающего развития на Дальнем Востоке и свободного порта во Владивостоке председатель российско-китайского комитета дружбы Б. Титов отметил, что это уникальный эксперимент в России, и нигде больше нет такого понятия, как «зона опережающего развития». Таких зон на Дальнем Востоке четырнадцать: во Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском и других городах. Там были созданы такие особые условия для инвесторов, как низкие налоги, благоприятный деловой климат. Поэтому китайским компаниям следует поторопиться, ведь сейчас там уже много инвесторов из различных стран Тихоокеанского бассейна и Америки¹¹⁰.

Для этого в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР российской и китайской сторонами предусматривается осуществление целого комплекса детально проработанных согласованных мер по обустройству пунктов пропуска, строительству и реконструкции приграничной инфраструктуры. Их реализация позволит кардинально совершенствовать условия для внешнеэкономических контактов, наращивания внешнеторгового оборота. Высокий уровень проработанности вопросов развития российско-китайского сотрудничества также нашел свое отражение в решениях по сотрудничеству в сфере транспорта, где закрепляется открытие конкретных направлений российско-китайского международного железнодорожного и авиационного сообщения. В приграничье России и Китая предусматривается создание и развитие ряда зон научно-технического сотрудничества. Программой закреплена заинтересованность сторон в укреплении сотрудничества в сфере трудовой деятельности и туризма, гуманитарной сфере, охране окружающей среды. Такое сочетание предполагает в перспективе как наличие широкой зоны для развития сотрудничества, так и возможность формирования конкурентных отношений. В последнем случае, как показывают сравнения данных по привлечению прямых иностранных инвестиций в приграничье обеих стран, в более выиг-

рышном положении находятся китайские провинции, имеющие значительно более благоприятный инвестиционный климат.

Завершая анализ нераскрытого потенциала экономических проектов России и Китая и возможных путей решения существующих проблем в этой области, можно прийти к следующим *выводам*.

Во-первых, в китайском экспорте в Россию преобладают товары обрабатывающей промышленности и наблюдается стабильный рост доли высокотехнологичной продукции. При этом основными статьями китайского экспорта в Россию являются: электронная и машинно-техническая продукция, химическая продукция, текстильная одежда, одежда трикотажная и обувь. В структуре российского экспорта в КНР до сих пор преобладают сырьевые товары, и их доля постоянно растёт. На второй позиции в российском экспорте в Китай находятся поставки древесины и изделий из неё, на третьем месте находятся поставки цветных металлов. Эта ситуация иррациональна, потому что в отраслевой структуре российской экономики, помимо сырьевого сектора, также широко представлены другие секторы промышленности и сферы услуг, а российские товары и услуги вполне могут конкурировать с китайскими, например продукция аэрокосмического сектора, авиа- и судостроения и др. Следовательно, существующий потенциал российской экономики, который можно реализовывать в Китае с его очень ёмким внутренним рынком, не реализуется на китайском направлении в полной мере. Тем более что с китайской стороны проявляется большой интерес к такому сотрудничеству.

Во-вторых, главными приоритетами инвестиционной деятельности КНР в России являются: разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, строительство и связь. Основной объём китайских инвестиций приходится на кредиты, выданные китайскими банками российским компаниям в обмен на поставки нефти и газа. За последние годы прямые инвестиции из Китая составляли в среднем менее 1 % в совокупных инвестициях, полученных Россией. Ещё меньше доля России в полученных Китаем прямых инвестициях. В целом снижение инвестиционной активности в российскую экономику было связано с пандемией коронавируса в 2020—2021 гг. и опасениями крупных китайских компаний, и прежде всего банков, работающих на рынках США и ЕС, которые могли попасть под действие экономических санкций, введённых против России. Кроме того, некоторые китайские инвесторы ожидают более выгодных предложений для начала инвестиций. Новые вложения в индустриальный сектор российской экономики сдерживаются сравнительно слабым развитием сферы услуг в России и закрытостью области российских высоких технологий для иностранного капитала. При этом необходимо учитывать, что Китай всё сильнее интегрируется в мировую финансовую систему. Его финансовые структуры — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути, национальная платёжная система CIPS — начинают тесно сотрудничать с западными институтами. Это, в свою очередь, ограничивает возможности реализации имеющегося потенциала инвестиционного сотрудничества РФ и КНР.

В-третьих, к этому следует добавить недостаточную защиту российской интеллектуальной собственности в Поднебесной, что является острой проблемой, с которой сталкиваются и другие страны, развивающие сотрудничество с КНР в сфере гражданских и военных высоких технологий. При этом мировой опыт показывает, что эта угроза почти никогда не ведет к отказу от совместных с Китаем проектов, она лишь вынуждает более тщательно планировать взаимодействие. Также необходимо отметить, что в настоящее время пока не разработан сценарий совместных действий российских и китайских руководителей при принятии решения о военном взаимодействии в случае угрозы безопасности для обеих стран в рамках ШОС.

В-четвертых, для улучшения китайско-российского сотрудничества в экономической сфере было бы целесообразно: расширять масштаб двусторонней торговли, ускорять строительство современных логистических и торговых платформ и повышать уровень удобства торговли; усилить взаимное сотрудничество в области инвестиций и содействовать проведению китайско-российских инвестиционных форумов, а также совершенствовать положения национальных законодательств об инвестициях, устранять административные барьеры в процессе инвестирования, прибегая к более гибким методам при продвижении крупных инвестиционных проектов; углублять сотрудничество в научно-технической и инновационной областях, реализовав ряд важных научно-технических проектов по таким направлениям, как строительство авиационной, космической и вертолетной техники, обогащение урана, применение реакторов на быстрых нейтронах и наметить будущее сотрудничество в сфере нанотехнологий, биоинженерии, новых источников энергии и новых материалов; расширять экономическое сотрудничество в приграничных регионах и ускорить трансграничный обмен и строительство базовых объектов таможенной инфраструктуры, упорядочить процесс прохождения грузов через границу, совместно бороться с «серой растаможкой», создавая благоприятную среду для двустороннего сотрудничества.

3.6. Особенности борьбы акторов «треугольника» с пандемией коронавируса

Реальное положение дел борьбы в США с COVID-19 и их претензии к КНР

Глобальная пандемия COVID-19, разразившаяся на планете в конце 2020 г., нанесла серьезный урон Соединенным Штатам. Хотя еще в 2005 г. президент США Дж. У. Буш описал, какой будет пандемия: «Она во многом похожа на лесной пожар, если ее поймать рано, она может быть потушена с ограниченным ущербом. Если ей позволить тлеть незаметно — она может вырасти в ад, который может быстро распространиться за пределы способности контролировать ее»¹¹¹. Спустя 15 лет пожар пандемии коронавируса стал стремительно распространяться в мире (рис. 3.6.1).

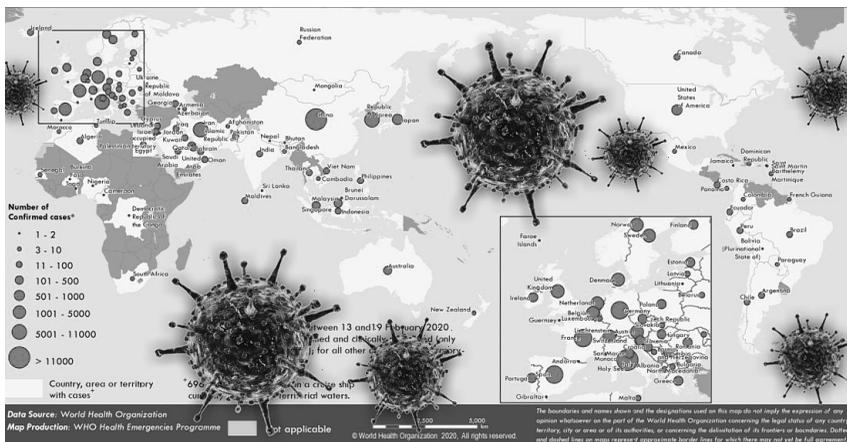

Рис. 3.6.1. Распространение коронавируса в регионах мира в 2020 г.

Источник: URL: https://www.tourprom.ru/site_media/images/upload/2020/3/12/newsphoto/

Неучёт предостережения Буша привел к тому, что неупорядоченные действия Белого дома на начальном этапе борьбы с эпидемией, а также перегрузка системы здравоохранения не позволили спасти всех, кому можно было помочь. Тем не менее в апреле 2020 г. президент США Д. Трамп оповестил мир о прорыве в борьбе с этой инфекцией заявив, что «выбранная им стратегия помогла снизить рост заболеваемости в США, так как количество заболевших американцев перестало расти, и это является явным доказательством того, что наша стратегия по борьбе с вирусом работает, а американцы следуют рекомендациям»¹¹². Он также обвинил Китай в том, что тот скрыл масштабы коронавируса и степень его заразности, чтобы запастись необходимыми товарами медицинского назначения, и весь январь скрывал от ВОЗ информацию о вирусе. Президент США пригрозил Пекину суровой карой, если выяснится, что тот сознательно укрывал вспышку COVID-19¹¹³. В дополнение к этим угрозам госсекретарь США М. Помпео заявил, что «компартия Китая стремится к мировому господству и угрожает безопасности США, поэтому либо Китай будет жить по законам западной цивилизации, либо с ним случится то, что ранее случилось с СССР»¹¹⁴.

Однако реальное положение дел в США на начальном этапе борьбы с COVID-19 свидетельствует о том, что из-за неготовности к этой борьбе они прочно удерживали первое место в мире по количеству заболевших этим недугом. Их медперсоналу не хватало средств индивидуальной защиты, тест-систем и аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ). В результате больницы оказались переполнены заболевшими коронавирусом, а morgи были не в состоянии разместить умерших. Как отмечала The Washington Post, «американцы умирают дома или в перегруженных больницах и домах престарелых из-за того, что у них не был вовремя обнаружен этот вирус при помо-

щи тестирования»¹¹⁵. Кроме того, в госрезерве США не было необходимых объемов тестов, которые нужны для борьбы с COVID-19.

Первая волна пандемии обнажила ряд других серьезных недостатков американской системы здравоохранения, где 27 млн граждан США вообще не имеют медицинских страховок, в связи с чем реакция Белого дома на пандемию являлась своего рода «лоскутным одеялом» разнообразных усилий, включая срочное закрытие предприятий на карантин; попыток введения чрезвычайного положения в некоторых штатах; предписаний всем гражданам носить маски и пребывать дома. Как следствие, в апреле было объявлено о катастрофическом обвале американской экономики на 40 %, а из-за закрытия предприятий на карантин страна потеряла порядка 25 млн рабочих мест¹¹⁶.

COVID-19 выявил другую ахиллесову пята национальной безопасности США: их атомные станции не могли полноценно работать из-за того, что обслуживающий персонал заболел и помещался в карантин, что создавало проблему для их бесперебойного функционирования. Другие жизненно важные учреждения США — полиция, предприятия пищевой промышленности, почтовая служба и поставщики медицинских услуг — также были чрезвычайно напряжены, поскольку их персонал болел COVID-19¹¹⁷.

Есть еще одно существенное обстоятельство, снижающее эффективность борьбы с пандемией в США. Иностранцы, прибывающие туда авиарейсами, были поражены тем, что им никто не задавал медицинских вопросов и не требовал, чтобы они находились на обязательном двухнедельном карантине. По сути, американские аэропорты являлись «ситом», которое пропускало миллионы людей в страну, а отсеивало лишь очень немногих. Это подтверждается данными Бюро транспортной статистики США: в январе число пассажиров международных авиакомпаний составило более 4 млн человек, часть из которых прибыла прямыми рейсами из Китая, многие — прямо из Уханя. Поэтому последующие затраты на карантин 200 пассажиров с одного международного рейса в течение двух недель составляли около четверти млн долл., а карантин для 9 млн человек обходился примерно в 11,25 млрд долл.¹¹⁸

Хотя в начале января Центр по контролю и профилактике заболеваний и Национальный центр медицинской разведки неоднократно выражали обеспокоенность по поводу распространения в стране COVID-19, эти предостережения администрацией Трампа оставались без внимания вплоть до середины марта. При этом сеть должностных лиц и подразделений, связанных с управлением чрезвычайными ситуациями, которые знали, как реагировать на пандемию, была заменена группой Белого дома во главе с вице-президентом М. Пенсом¹¹⁹.

Видя эти промахи в борьбе с пандемией, ряд частных компаний и корпораций предложили Белому дому свою помощь. Глава компании Salesforce М. Бениофф призвал в марте другие компании не увольнять сотрудников в течение 90 дней. Корпорация General Motors в середине марта объединилась с компанией по изготовлению ИВЛ, и в апреле они начали производство тысяч аппаратов, а также нарастила производство масок для лица до 50 тыс. в сутки. Компания Starbucks, владеющая сетью ресторанов, предложила своим сотрудникам остаться дома с сохранением зарплаты до 3 мая. Компания AT&T со-

вместно с другими интернет-провайдерами открыла по всей стране точки бесплатного доступа к Wi-Fi, что позволило американцам сохранять связь друг с другом, а дети получили возможность дистанционного обучения. Компания Gilead Science пожертвовала свои запасы противовирусных препаратов государству для пациентов, у которых был диагностирован COVID-19¹²⁰. Корпорации IBM и HP создали консорциум High Performance Computing Consortium, чтобы помочь ученым лучше понять природу вируса, а правительство США выделило необходимые средства, чтобы обеспечить принятие дополнительных мер для удовлетворения основных потребностей населения во время пандемии¹²¹.

Помимо этого, 14 апреля Д. Трамп объявил, что прекращает финансирование ВОЗ, так как она «играет на стороне Пекина, и заявил, что он сделает все, для того чтобы привлечь КНР к ответственности за пандемию»¹²². Для этого у США есть весомый козырь — доллар, которого нет у Китая и на который приходится около 2/3 валютных резервов мира. Однако газета The Economist в своей публикации отметила, что Китай может уменьшить это преимущество с помощью непросчитанных Трампом мер: КНР является важным кредитором и техническим партнером США и имеет американские облигации на 1,3 трлн долл. Он также не учел, что на территории КНР расположены тысячи американских предприятий, и если США за счёт Китая решат «обнулить» свой госдолг, прикрываясь коронавирусом, то Китай заберёт эти предприятия себе. А если Пекин предъявит к оплате американские обязательства по кредиту, то страшно представить, что ждет тогда финансовую систему США. Тем не менее Вашингтон продолжает упорно давить на Пекин и ждет от него оправданий, тем самым пытаясь «убить двух зайцев» — свалить всю вину на Китай, чтобы скрыть собственные промахи в борьбе с пандемией, и потребовать от него возмещения ущерба за понесенные потери.

Тем временем в 2021 г. уровень заболеваемости коронавирусной инфекцией в мире достиг беспрецедентных масштабов. Было зафиксировано около 45 млн случаев заболевания и более миллиона погибших (табл. 3.6.2).

Поэтому в рамках борьбы со второй волной пандемии коронавируса президент США Байден подписал ряд распоряжений, направленных на усиление борьбы с ней. По его словам, при нынешних темпах заражения смертельной инфекцией количество летальных исходов в ближайшее время могло достичь полумиллиона. Согласно его плану, вакцинация в США будет ускорена, а количество тестов увеличено. Чрезвычайное законодательство будет использоваться для увеличения производства предметов первой необходимости, таких как маски. Объявляя о десяти мерах, Байден сказал, что для победы над пандемией потребуются месяцы, но Америка «справится с этим, если люди будут вместе»¹²³. Иностранным путешественникам необходимо будет получить отрицательный результат теста перед отъездом в США и пройти четырнадцатидневный карантин по прибытии в Америку.

Помимо уже объявленных правил ношения масок и социального дистанцирования, во всех федеральных объектах, в аэропортах и на многих самолетах, поездах и автобусах станет обязательным ношение масок. Губернаторам

Таблица 3.6.2. Статистика пандемии коронавируса в мире на 27 июля 2020 г.

	США	4 371 992	149 850	2 090 231	453
	Бразилия	2 419 901	87 052	1 634 274	409
	Индия	1 440 371	32 866	921 303	24
	Россия	818 120	13 354	603 329	92
	Южная Африка	445 433	6 769	265 077	114
	Мексика	390 516	43 680	251 505	339
	Перу	384 797	18 229	267 850	552
	Чили	345 790	9 112	318 095	476
	Испания	319 501	28 432	нет данных	608
	Великобритания	299 426	45 752	нет данных	674
					

Источник: URL: <https://pbs.twimg.com/media/Ed7c7cdXgAAEeK9.jpg>

штатов и местным властям будет выделено больше средств для борьбы с пандемией, также будет создан новый офис для координации национальных ответных мер для борьбы с COVID-19. Закон о оборонном производстве будет использован для ускорения производства средств индивидуальной защиты и основных материалов, необходимых для производства вакцин. Эти шаги были предприняты на следующий день после того, как Байден был приведен к присяге в качестве 46-го президента США. При этом тон и планы Байдена резко контрастируют с высказываниями его предшественника Д. Трампа, который часто стремился приуменьшить серьезность коронавирусного кризиса и оставлял большую часть планирования отдельным штатам, в результате чего политика по всей стране была неодинаковой. При этом Соединенные Штаты продолжают прочно удерживать первое место в мире по количеству заболевших и умерших от этой заразы. Так, по состоянию на 1 марта 2021 г. в США заболели 28 605 669, а умер — 513 091 человек.

Успехи Китая в борьбе с коронавирусом

Следует отметить то, что разработанная Китаем модель на первом этапе борьбы с пандемией продолжала совершенствоваться и стала для международного сообщества образцом системы борьбы с возвратным циклом панде-

мии коронавируса. Для этого Китай в борьбе со второй волной пандемии применял уже проверенные на практике способы борьбы с Covid-19, которые позволили ему успешно преодолеть пандемию¹²⁴:

Во-первых, одной из первых в стране была закрыта пров. Хубей и г. Ухань, откуда началась эпидемия, за неделю была построена мобильная больница, а вторая — через две недели. Дополнительно в город прибыли 6 тыс. врачей и медсестёр и направлено 2 тыс. машин «скорой помощи» со всех провинций Китая. Врачи, работавшие в городе, получили от властей награду в размере 10 тыс. юаней и год бесплатного входа в любые туристические объекты по всему Китаю (что было сделано впервые в мире).

Во-вторых, позднее власти посадили на карантин все население Китая, надев на него маски, срочно запустив их в массовое производство. На всей территории КНР были закрыты школы, детсады, торговые центры, рестораны, кафе. Работали только магазины и аптеки, где был введен запрет на продажу жаропонижающих лекарств и лекарств против кашля. На время карантина было ограничено количество рейсов общественного транспорта, а правительство заменило старые деньги населения на новые (что также было сделано впервые).

В-третьих, перемещения внутри Китая по провинциям и въезд/выезд в/из Гонконга осуществлялись только через карантин. Была усовершенствована система камер слежения с помощью дронов с распознаванием лиц без масок и через маски. Они нависали над нарушителями и просили их надеть маски. Некоторые гостиницы использовали роботов-разносчиков, тем самым полностью исключая контакт с проживающими там гражданами, находившимися на карантине (что тоже было сделано впервые). За распространение в соцсетях ложной информации о распространении вируса в стране были введены штрафы и уголовная ответственность. И хотя в Китае не существует бесплатной медицины, правительство КНР обеспечило бесплатное лечение заболевшим коронавирусом иностранцам и китайским гражданам (для КНР это было нововведением).

В-четвертых, правительство КНР обязало владельцев частного бизнеса сохранять зарплаты работникам, а госслужащие регулярно получали зарплату из госбюджета. Малый и средний бизнес был поддержан выплатами в размере декларируемой прибыли и отменой взимания платы в январе — марте за аренду помещений, а владельцам квартир было рекомендовано не взимать плату с квартиросъемщиков за эти же месяцы.

В-пятых, компании Китая Midea и Haier обеспечили больницы телевизорами, кондиционерами и прочими бытовыми приборами. Компания Meituan весь карантин исполняла любые заказы, включая лекарства, продукты и т. д. Онлайн-логистическая компания JD.com также сыграла важную роль — она гарантировала быструю доставку товаров первой необходимости потребителям во время карантина. Приложение Meeting компании Tencent позволило школам продолжить работу в форме онлайн-классов. Компании Alibaba, Pinduoduo стали «спасательным кругом» для владельцев малых предприятий, поддерживая их связь с потребителями внутри страны и за рубежом, а соци-

альная сеть WeChat поддерживала контакты между людьми, находившимися на карантине. Эта сеть также предоставила правительству возможность распространять важную для общества информацию. И по мере смягчения режима карантина программное обеспечение, встроенное в WeChat, стало использоваться для мониторинга состояния здоровья жителей (что стало возможным благодаря тому, что эти приложения установлены в Китае почти на всех смартфонах).

В-шестых, была организована кампания помощи странам, поражённым коронавирусом. Китай отправил команды врачей в Россию, Иран, Пакистан и Таджикистан, которые получали гуманитарную помощь от Китая партиями противоэпидемических грузов и защитными средствами. Пекин также заявил о готовности поддержать соглашение G20 о прекращении двусторонних выплат по кредитам более бедными странами и готов взаимодействовать с ВОЗ, хотя их партнёрство проходило сложно, поскольку Китай стремился не столько поделиться информацией о коронавирусе, сколько разузнать о методах лечения подобных болезней. Тем не менее он никогда не отказывался от диалога (что является значительным преимуществом КНР по сравнению со странами Запада).

В-седьмых, в борьбе с пандемией участвовало не только правительство КНР, но Компартия Китая, которая является, по сути, главным стержнем общества. На пике эпидемии ее члены активно включились в борьбу с COVID-19. Огромные полномочия получили райкомы КПК, которые стали центрами антикризисного управления и позволили властям не «потерять» страну. Ключевые решения — вводить или ослаблять карантин на подконтрольной местным органам власти территории — принимали не они сами, а именно партия¹²⁵.

Таким образом, во время второй волны пандемии коронавируса Китай смог остановить рост числа заболевших (по состоянию на 1 марта 2021 г. в стране заболели — 100 965, умерли — 4835, вылечились — 95 646 человек), в то время как во всем мире их число увеличилось в 13 раз.

При этом, как считает научный сотрудник Совета по международным отношениям в Нью-Йорке Яньчжун Хуань, китайский опыт едва ли применим в других странах мира, потому что «даже если кто-то из демократических лидеров захочет скопировать китайский подход, у него просто не хватит для этого сил и власти»¹²⁶. Но, несмотря на это мнение, другие представители научной сферы связывают современное «китайское чудо» с быстротой реакции, с которой правительство Поднебесной взяло под контроль ситуацию. При этом основным партнёром Китая в борьбе с этой угрозой стала Россия. В 2020 г. обе страны оказали активную поддержку друг другу в борьбе с пандемией. Россия, потеряв рынок сбыта нефти в Европе, обрела его в Китае, что положительно сказалось на российской экономике, которая серьезно пострадала от эпидемии. В перспективе это увеличит влияние Пекина на вектор развития экономических отношений двух стран¹²⁷.

Серьезной сложностью на этом пути стало снижение мирового спроса на китайскую продукцию из-за эпидемии коронавируса, оказавшее негативное

влияние на национальное хозяйство Китая: резко снизились его доходы в сфере туризма и торговли; многие предприятия приостановили работу; ряд стран отказались приобретать продукцию из КНР и т. д. Невзирая на этот ущерб, власти Китая к 2050 г. планируют построить в стране общество «благоденствия», уровень жизни в котором сравняется с показателями развитых держав. А для того чтобы лучше понять, как распространялся вирус, группа экспертов из ВОЗ в январе 2021 г. отправилась в Китай, чтобы провести свое расследование. Его результаты должны не только помочь установить происхождение COVID-19, но и обезопасить мир от новых пандемий.

В целом стратегия правительства и Компартии Китая на максимальную изоляцию заражённых зон страны оказалось верной. И если еще в феврале 2020 г. американские СМИ ругали Поднебесную за то, что, закрыв Ухань и другие города от остального мира, власти КНР «похоронили в стране остатки демократии», то в начале марта большинство западных стран во главе с США, попав под удар пандемии, стали разваливаться на закрытые национальные зоны, где каждый «стоял сам за себя». Поэтому эти страны стали срочно прибегать к похожим мерам, которые уже реализовал Китай во время борьбы с первой волной коронавируса.

Предпринимаемые Россией меры в борьбе с коронавирусом

В начале марта 2019 г. в России были зафиксированы первые случаи заражения коронавирусом, в связи с чем в регионах РФ были предприняты срочные меры по противодействию распространения этой инфекции: уже к 22 марта в стране было развернуто более 55 тыс. инфекционных коек, подготовлено 7,5 тыс. специальных боксов, более 40 тыс. аппаратов ИВЛ и более 600 аппаратов экстракорпоральной мембранной оксигенации. В медучебных учреждениях был сформирован запас лекарственных препаратов и неснижаемый запас средств индивидуальной защиты. Было принято решение выплатить денежное поощрение медработникам, участвующим в борьбе с коронавирусом (для реализации этих мероприятий правительством РФ стали использоваться средства из резервного фонда). Помимо этого, власти стали анализировать борьбу с пандемией в зарубежных странах, чтобы избежать их ошибок в борьбе с инфекцией и перенять у них положительный опыт. Также был организован мониторинг за эпидемической обстановкой в стране и приняты меры по усилению санитарного контроля на границе РФ, была осуществлена эвакуация россиян, находящихся за рубежом, которые помещались в карантин на 14 дней. Всем гражданам страны было предписано оставаться дома с незамедлительной изоляцией лиц с подозрением на коронавирус и была проведена дезинфекция всех помещений предприятий и ведомств РФ. Важным аспектом в борьбе с заболеванием стала переподготовка медперсонала, чтобы он умел оказывать помощь подготовленным к борьбе с этим вирусом 6 тыс. врачей-инфекционистов, 2 тыс. пульмонологов и 18 тыс. медсестер.

Но, несмотря на предпринятые меры, эпидемия продолжала распространяться в стране, и по состоянию на 11 мая в России число заболевших COVID-19 приблизилось к отметке 209 тыс. случаев, но количество смертей

за сутки составило всего 3510, что явилось самым низким показателем в мире благодаря поголовному тестированию населения страны.

Однако в начале борьбы с COVID-19 можно было наблюдать «перегибы» органов власти в их стремлении отрапортовать об успехах в борьбе с эпидемией, несмотря на то, что ими для этого не все было сделано. Так, в апреле руководство МВД доложило В. Путину, что они готовы ввести электронные пропуска для личного транспорта, чтобы сократить распространение пандемии, но когда их начали вводить, из-за множественных сбоев в программном обеспечении это привело к временному образованию огромных автомобильных пробок на дорогах, и только после срочной отладки этой программы ситуация стабилизировалась. Это же произошло с попытками получения одноразовой выплаты 10 тыс. руб. на каждого ребёнка в мае, когда портал Госуслуг «завис» из-за большого количества заявок. А в Москве, на которую приходилась почти половина всех заразившихся коронавирусом, было трудно вызвать врача на дом по телефону, так как линии связи все время были перегружены звонками москвичей, нуждающихся в медпомощи. Из-за того, что многие медучреждения были перепрофилированы для борьбы с COVID-19 и все силы персонала были брошены на борьбу с пандемией, больным с другими заболеваниями стало труднее получить соответствующую помощь.

В апреле президент РФ поручил правительству установить медработникам специальные выплаты. На эти цели регионам выделили 41,8 млрд руб., еще более 10 млрд — для федеральных учреждений. Но деньги получили менее половины медработников, хотя средства по регионам были распределены. Поэтому В. Путин распорядился прекратить «бюрократическую канитель» и не считать часы и минуты работы медработников с коронавирусными больными, а давать им деньги за сам факт участия в лечении.

Вызванные пандемией ограничения сильно ударили по экономике и социальной сфере РФ, нанеся урон благосостоянию многих ее граждан, у которых доходы снизились, а непредвиденные расходы и долги стали расти. В мае число зарегистрированных безработных в России достигло 1 млн 400 тыс. (при этом их количество было в 20 раз меньше, чем в США). Вынужденное ограничение работы в марте—мае негативно сказалось на многих секторах экономики, где коллективы ряда крупных предприятий промышленности РФ и частных предпринимателей ушли на карантин, что резко снизило доходы российского бюджета. Помимо этого, на госказну страны продолжали негативно влиять экономические санкции Запада и падение нефтяных доходов. И если для Китая падение цен на нефть — это «плюс», то для казны России это — «минус», так как из-за падения цен на нефть, которая является основным источником доходов РФ, и приостановки активности китайских предприятий, использующих эти энергоресурсы, замедлился рост российского ВВП.

В середине мая представитель ВОЗ в России М. Вуйнович заявила, что ситуация с распространением коронавируса в стране вошла в стадию стабилизации. Тем не менее Путин предупредил правительство, что осенью возможна вторая волна заболеваемости COVID-19, причем органы власти уже знают, как

этой волне противостоять. Для этого число специализированных коек в РФ было увеличено до 130 тыс. и сформирован дополнительный запас оборудования и техники. Минобороны построило 16 стационарных госпиталей (а не временных, как это было сделано в США и КНР). В каждом регионе страны есть всё необходимое для того, чтобы оказывать помощь людям с тяжёлыми осложнениями, а врачи знают о болезни гораздо больше, чем это было в начале эпидемии. Ими отработаны новые методики лечения с использованием эффективных препаратов, производство которых в России существенно нарастили. Продолжают работать все органы власти, организации непрерывного цикла, медицинские учреждения, аптеки, финансовые структуры, осуществляется торговля продуктами питания и товарами первой необходимости.

Однако эти меры президент РФ В. Путин посчитал недостаточными. Он ввел в действие Указ об оказании материальной поддержки российским семьям по уходу за ребенком, для чего им был повышен минимальный размер финансовой помощи до 6750 руб., которые также получают неработающие граждане и студенты. Президент также посчитал необходимым запустить специальную кредитную программу «поддержки занятости», которой воспользовались все предприятия в пострадавших отраслях экономики и социально ориентированные некоммерческие организации (НКО), что позволило поддержать 7 млн рабочих мест. В сфере оказания помощи самозанятым гражданам был возвращен их налог на доход, уплаченный в 2019 г., в полном объеме.

При этом Россия продолжает оказывать помощь странам мира в их борьбе с коронавирусом. Для этого тысячи тест-систем для диагностики COVID-19, партии медицинского оборудования были переданы Китаю, Казахстану, Киргизии и Венесуэле. В Италию была отправлена большая группа военных специалистов с оборудованием для оказания помощи в борьбе с пандемией, за что Россия получила благодарность от официальных властей страны и местного населения. В то время как СМИ США разразились негодованием по поводу оказываемой военными РФ Италии, государству — члену НАТО, помощи в борьбе с коронавирусом, американские военные, вместо того чтобы помочь своим союзникам по альянсу, незаконно перехватили предназначенный для Италии груз с 500 тыс. тестов на COVID-19.

Следует отметить, что Россия первая в мире зарегистрировала сразу три вакцины от коронавируса. Поэтому западные медиа начали информационную войну против разработки российских ученых. Тем не менее ВОЗ назвала российскую вакцину безопасной и эффективной, поблагодарив за ее разработку. Это связано с тем обстоятельством, что 6 февраля 2021 г. агентство Bloomberg сообщило мировому сообществу о том, что российская вакцина «Спутник V», к которой на Западе поначалу отнеслись со скептицизмом, теперь стала мировым фаворитом в борьбе с пандемией¹²⁸. Поэтому другие страны начали «выстраиваться в очередь» за поставками препарата после того, как в престижном медицинском журнале The Lancet опубликовали результаты третьей фазы клинических исследований, подтвердившие высокую эффективность «Спутника V». Это позволило России заключить соглашение

о поставках вакцины с десятком стран Азии, Южной Америки и Ближнего Востока, а в Европе «Спутник V» уже поставляется в Венгрию и Сербию. И еще 20 стран заявили о намерении заключить такое соглашение с Россией. Сумма заявок составляет более миллиарда доз. В совокупности это позволило России приобрести ценные экономические и политические рычаги влияния на международном уровне¹²⁹. Что касается вакцинации в России, то по состоянию на начало февраля первую прививку вакциной от COVID получили 1 374 498 человек (0,94 % от населения); полностью привито 117 014 человек; среднее количество всех прививок (первых и вторых) в день — 88 638. А по состоянию на 1 марта 2021 г. в России заболели 4 257 650, умерли 86 455, вылечились 3 823 074 человека¹³⁰.

Исходя из анализа методов и способов борьбы с коронавирусом в США, Китае и России, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, ничто так не обнажает системные отличия различных методов борьбы США, Китая и России, как борьба с COVID-19 на ее первом этапе, которая нанесла гражданам этих стран существенный урон. Насколько разрушительными были последствия от первой волны пандемии для их экономик и финансов, пока точно подсчитать трудно. Но, невзирая на потери, эти государства для отражения второй волны COVID-19 усиливали свои системы здравоохранения и совершенствовали методы борьбы с пандемией во время ее второй волны. Одновременно между ними началась международная гонка — кто первый изобретет вакцину против COVID-19. Приз этой гонки — огромные геополитические и финансовые бонусы победителю от многих стран мира, которых накрыли последующие волны коронавируса. При этом, несмотря на информационную войну против разработок российских ученых, Россия первая в мире зарегистрировала три вакцины от коронавируса, за поставки которой другие страны мира начали «выстраиваться в очередь». Хотя для ускорения создания антивирусной вакцины было бы целесообразно объединить усилия мирового сообщества, к чему призывала лидер ФРГ А. Меркель.

Во-вторых, в ходе противодействия первой волне пандемии администрация Белого дома предъявила Китаю обвинения в распространении пандемии в мире, в результате которой экономике США был нанесён ущерб. А в американских СМИ разразилась «пандемия дезинформации» о России, публиковалась искаженная информация о смертности в РФ и о ее помощи Италии. К новой холодной войне, которую ведет Вашингтон против Москвы начиная с 2014 г., добавилась холодная война и против Пекина. Анализ способов борьбы США с вирусом показывает, что первоначальная неготовность американских властей на первых этапах противодействию COVID-19, перегрузка системы здравоохранения, которая почти полностью перешла в частный сектор, а ее господдержка была сведена к минимуму, — все это не позволило американским властям своевременно справиться с пандемией.

В-третьих, несмотря на то что COVID-19 первым нанес удар по Китаю, страна успешнее других в мире справилась с этим вирусом благодаря своевременно принятым жестким мерам правительства и КПК, которые применяли разнообразные способы противодействия пандемии во всех сферах жизнедея-

тельности. Поэтому эти способы активно применялись властями КНР во время второй волны пандемии. При этом стратегия борьбы с COVID-19 правительства и Компартии Китая оказалась верной. Многие страны мира стали срочно прибегать к мерам, похожим на те, которые уже реализовал Китай.

В-четвертых, российские власти оказались готовы к отражению второй волны COVID-19. Для этого в стране создана комплексная система для борьбы с этой болезнью. Такой глобальный вызов, как пандемия, является причиной повышения эффективности совместной гуманитарной работы России и Китая на международном уровне. Когда в Китае была острая фаза эпидемии, он без колебаний принимал зарубежную помощь. А когда произошло улучшение, стал активно оказывать помощь другим странам. Аналогично поступила Россия, которая оказывала помощь ряду стран мира, несмотря на то, что в стране пик пандемии еще не был пройден. Но некоторые государства — союзники США предпочитают умалчивать об этом и не принимать помощь от РФ и КНР. Тем самым они сохраняют иерархию гегемонии Вашингтона в мире, против которой выступают Москва и Пекин, совместная борьба против COVID-19 для которых является шагом по выстраиванию новой системы международных отношений с одинаковыми для всех правилами, оказывающей благотворное влияние на граждан всего мира.

3.7. Влияние американо-китайского противостояния на интересы России

Деятельность США в противостоянии с Китаем

В выступлении перед сотрудниками Государственного департамента США президент Байден назвал Китай «наиболее серьезным соперником», который бросает вызов процветанию, безопасности и демократическим ценностям Америки¹³¹. Поэтому его администрация делает ставку на противостояние Пекину с помощью союзников, разделяющих демократические ценности США.

В связи с этим в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) США продолжают противостояние с Китаем в Южно-Китайском море и развивают отношения с военно-политическими союзниками США в АТР, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Индию, которые с точки зрения Вашингтона являются «зрелыми демократиями». В документе, озаглавленном «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», который был утвержден президентом Байденом в начале марта 2021 г., говорилось, что «на протяжении десятилетий наши союзники стояли на нашей стороне против общих угроз и противников и работали рука об руку, чтобы продвигать наши общие интересы и ценности. Они являются огромным источником силы и уникальным американским преимуществом, помогая выполнять обязанности, необходимые для обеспечения безопасности нашей страны и процветания нашего народа. Наши демократические союзы позволяют нам выступать

единым фронтом, вырабатывать единое видение и объединять наши силы для продвижения высоких стандартов, установления эффективных международных правил и привлечения к ответственности таких стран, как Китай. Вот почему мы будем подтверждать, инвестировать и модернизировать Организацию Североатлантического договора (НАТО) и наши союзы с Австралией, Японией и Республикой Корея, которые, наряду с другими нашими глобальными альянсами и партнерствами, являются величайшим стратегическим активом Америки»¹³².

Чтобы создать своего рода «санитарный кордон» на восточных и южных рубежах КНР, Министерство обороны Соединенных Штатов разработало Индо-Тихоокеанскую стратегию¹³³ и в 2018 г. сформировало Индо-Тихоокеанское командование вооруженных сил США (рис. 3.7.1).

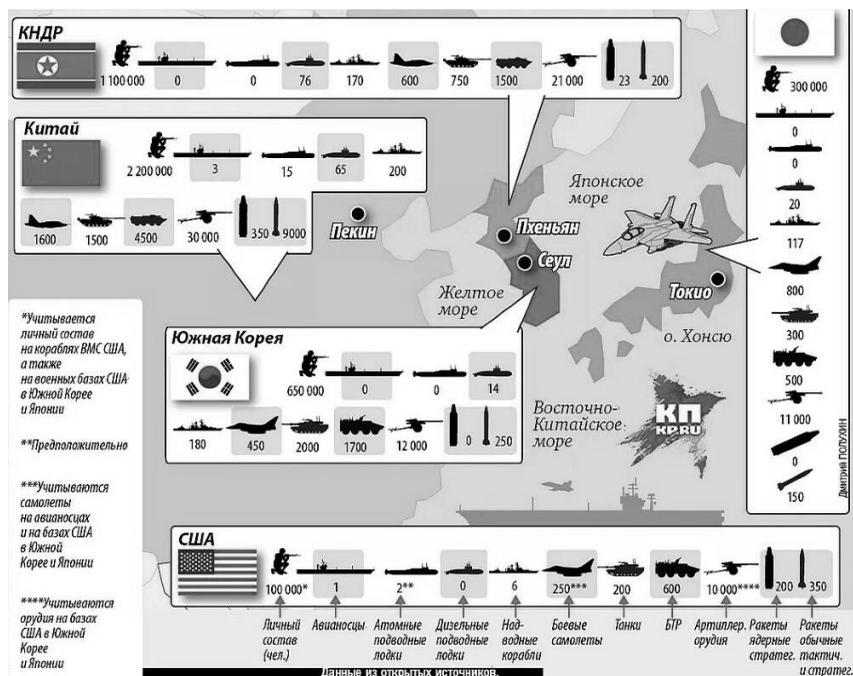

Рис. 3.7.1. Соотношение вооруженных сил в районе Корейского полуострова.

Источник: URL: <https://yandex.ru/images/search?cbird=5&rpt=imageview&redircnt=1634448942>

При этом администрация Байдена видит важнейшую цель своей внешней политики прежде всего в продвижении американских демократических «ценностей» — в качестве средства идеологического нажима на Китай. Для чего будет продолжена начатая еще государственным секретарем в админист-

рации Д. Трампа М. Помпео антикитайская идеологическая кампания, чтобы «дать отпор» нарушениям прав человека в КНР¹³⁴. Как заявил советник президента по вопросам национальной безопасности Дж. Салливан, «администрация Белого дома намерена в этом отношении продолжить шаги, которые были предприняты предыдущей администрацией»¹³⁵. Она также будет развивать формат четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности (в составе США, Японии, Индии и Австралии) в своей политике в регионе. Свидетельство тому: 12 марта 2021 г. был проведен саммит «четверки», на котором еще раз было подтверждено намерение строить «свободный, открытый, инклюзивный Индо-Тихоокеанский регион, который опирается на демократические ценности и свободен от принуждения»¹³⁶.

В дополнение к четырёхстороннему диалогу летом 2021 г. выстраиваемая Вашингтоном сеть коалиций в АТР, направленная на военное сдерживание Китая, приросла очередным альянсом. Президент США Джо Байден совместно с премьером Британии Борисом Джонсоном и его австралийским коллегой Скоттом Моррисоном объявили о создании нового трехстороннего партнерства в области обороны и безопасности. Главной составляющей названного AUKUS (по первым буквам названия стран-участниц) нового англосаксонского союза станет передача Австралии чувствительных технологий строительства атомных подводных лодок, а также дальнейшая интеграция военного и разведывательного потенциала Вашингтона, Лондона и Канберры для жесткого противостояния Пекину.

Джо Байден так объяснил геополитическую подоплеку этой инициативы: «Сегодня мы делаем новый исторический шаг по углублению и формализации сотрудничества между тремя нашими странами. Мы все понимаем, что необходимо гарантировать мир и стабильность в Индо-Тихоокеанском регионе. Нам нужно учитывать текущую региональную стратегическую ситуацию и то, как она может измениться»¹³⁷. Кто именно, по мнению Байдена, угрожает изменить стратегические расклады в АТР в ущерб американско-британо-австралийским интересам, так и осталось за скобками его выступления. Ни разу не упомянули Китай и Джонсон с Моррисоном.

Тем не менее для международных экспертов не является секретом, что на всех уровнях власти США давно и без обиняков называют КНР главной стратегической угрозой. Еще со времен администрации Барака Обамы реализуется концепция «разворота США к Азии», которую экс-президент Д. Трамп поставил на жесткие антикитайские рельсы, вступив в прямую политико-экономическую и информационную конфронтацию с Пекином. Его преемник, 46-й президент США, демонстрирует преемственность в этом вопросе и последовательно повышает ставки в эскалации отношений с КНР, «обкладывая» Поднебесную как с запада, так и с востока.

В частности, Байден открыто продавил крайне критическое по отношению к Китаю коммюнике в ходе июньской встречи лидеров «Большой семерки», а затем успешно «пристегнул» союзников по НАТО к сколачиваемой антикитайской коалиции, включив в итоговый документ саммита Североатлантического альянса соответствующие тезисы. Одновременно Вашингтоном

активно продвигаются и различные региональные объединения для сдерживания КНР.

А в качестве прикрытия военной направленности политики США против КНР в ходе беседы с главой канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Яном Цзечи, состоявшейся в марте 2021 г., государственный секретарь США Э. Блинкен заявил, что Соединенные Штаты будут продолжать отстаивать права человека и демократические ценности, в том числе в Синьцзяне, Тибете и Гонконге, и настаивать на том, чтобы Китай присоединился к международному сообществу в осуждении военного переворота в Мьянме. Госсекретарь подтвердил, что США будут работать вместе со своими союзниками и партнерами в защиту их общих ценностей и интересов, чтобы привлечь КНР к ответственности за ее усилия, направленные на «угрозу стабильности» в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе в районе Тайваньского пролива, и подрыв «международного порядка, основанного на правилах»¹³⁸.

Таким образом, созданный трехсторонний союз направлен против Китая. В этом уверен генеральный директор Российского совета по международным делам А. Картунов: «Задача состоит в том, чтобы не дать Китаю взять под контроль основные морские транспортные пути в акваториях Тихого и Индийского океанов. Это продолжение той линии, которая ведется США в рамках других организаций, таких как QUAD, предусматривающей четырехстороннее сотрудничество США, Индии, Австралии и Японии»¹³⁹.

В то же время провозглашенное байденовской администрацией стратегическое противодействие Китаю не означает полный разрыв связей с этой страной. Как подчеркивается во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности», «мы также признаем, что стратегическая конкуренция не препятствует и не должна препятствовать сотрудничеству с Китаем, когда это отвечает нашим национальным интересам. Действительно, восстановление американского превосходства гарантирует, что мы будем взаимодействовать с Китаем с позиции уверенности и силы. Мы будем вести практическую, ориентированную на результат дипломатию с Пекином и работать над снижением риска неправильного восприятия и просчетов. Мы будем приветствовать сотрудничество китайского правительства по таким вопросам, как изменение климата, глобальная безопасность здравоохранения, контроль над вооружениями и нераспространение, где переплетаются наши национальные судьбы»¹⁴⁰.

В какой мере, однако, реалистичны эти американские планы сдерживания КНР? Представляется, что в Вашингтоне не в полной мере учитывают те перемены, которые произошли в мире за последние десятилетия. Если обратиться к опыту первой холодной войны, то тогда Соединенные Штаты могли проводить успешную политику сдерживания и СССР, и Китая прежде всего благодаря своему абсолютному экономическому превосходству над коммунистическими гигантами. Ни Москва, ни Пекин не могли предложить своим союзникам на международной арене что-то, хотя бы в отдаленной степени напоминающее такие ширококомасштабные программы американской экономической помощи, как «План Маршалла», «Союз ради прогресса» и др. Да и

крупнейший в мире американский внутренний рынок оставался сильнейшим соблазном для любой национальной экономики.

В настоящее время, однако, баланс экономических сил в мире резко изменился — и не в пользу США. Теперь уже Китай, а не Америка, является крупнейшей в мире экономикой — и с этим обстоятельством приходится считаться и тем странам, которые формально остаются американскими союзниками.

Так, 15 ноября 2020 г. в Ханое было подписано соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership), целью которого является создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли с примерно с 2,2 млрд потребителей и объёмом ВВП в 28 трлн долл., что составляет более 32 % от общего мирового объёма ВВП. Это соглашение подписали те страны, которые являются военно-политическими союзниками США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию, Сингапур, Филиппины и Таиланд¹⁴¹. Хотя Индия не подписала это соглашение, Китай остается крупнейшим внешнеэкономическим партнером Нью-Дели, и там не собираются (несмотря на военно-политические проблемы между двумя этими азиатскими гигантами) отказываться от преимуществ экономического сотрудничества с Китаем.

Полтора месяца спустя американская глобальная система союзов получила новую «пробоину» ниже ватерлинии. 30 декабря 2020 г. было заключено инвестиционное соглашение между ЕС и КНР. Очевидно, что это соглашение — большой шаг на пути формирования зоны свободной торговли между Евросоюзом и Китаем. Хотелось бы отметить в этой связи, что переговоры между США и ЕС о формировании трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства были сорваны, а из Транстихоокеанского торгового партнерства Соединенные Штаты вышли при администрации Трампа.

Возникает вопрос: будут ли в этих условиях американские «союзники» в Европе и в Азии добросовестно выполнять свой союзнический долг перед Соединенными Штатами, особенно в условиях, когда американская политика сдерживания может нанести ущерб взаимовыгодным экономическим связям с КНР? Так, по некоторым данным, уже сейчас многие американские союзники в АТР без всякого энтузиазма воспринимают американские идеи о размещении американских ракет средней дальности на их территории.

Иными словами, в нынешних условиях для Соединенных Штатов будет крайне трудно сдерживать один лишь Китай, не говоря уже о «двойном сдерживании» КНР и РФ. Постепенно не в пользу США меняется не только соотношение экономических сил с Китаем, но и военный баланс между двумя державами. В настоящее время Вашингтон утратил абсолютное военное превосходство в прибрежных районах КНР, которым он обладал с начала холодной войны.

По словам командующего Индо-Тихоокеанским командованием ВС США адмирала Ф. Дэвидсона, «КНР проводит быструю, всеобъемлющую военную модернизацию в сухопутной, морской, воздушной, космической, кибернетической и информационной областях, уделяя особое внимание систе-

мам, предназначенным для ограничения доступа-воспрещения присутствия (anti-access — area denial, A2/AD) по всему региону и повышения потенциала страны и стратегического сдерживания. Эта далеко идущая стратегия согласуется с заявленными целями модернизации Народной-освободительной армии (НОАК), которых лидеры КНР по-прежнему полны решимости достичь <...> КНР располагает крупнейшими в мире военно-морскими силами, численность которых за последние два десятилетия увеличилась втрое. ВМС КНР ввели в эксплуатацию более 25 крупных кораблей только в 2020 г., включая боевые корабли, боевые корабли-амфибии и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами <...> Тем временем НОАК развернула свой первый истребитель-невидимку 5-го поколения J-20». Вывод командующего однозначен: в ИТР Соединенные Штаты теряют качественное превосходство над потенциальным противником¹⁴².

Американские военные вынуждены констатировать, что китайская сторона успешно применяет в отношении ВС США тактику «ограничения доступа-воспрещения присутствия» (Anti-Access/Area Denial, A2/AD) в западной части Тихого океана. Как сказал министр ВВС США Ф. Кендалл, Соединенные Штаты являются доминирующей в мире военной державой, но на расстоянии 1000 миль от китайского побережья это уже не так благодаря усилиям КНР¹⁴³.

По данным американской военной разведки, в 2021 г. ускорились темпы наращивания китайских СЯС, и на протяжении ближайшего десятилетия китайский ядерный арсенал, насчитывающий в настоящее время 200 боеголовок, должен по меньшей мере удвоиться, создав тем самым серьезную угрозу континентальным США. Но СЯС КНР переживают в настоящее время не только количественный рост, но и качественное совершенствование: по американским оценкам, новейшие китайские стратегические платформы не уступают по эффективности, надежности и способности перенести первый вражеский удар стратегическим носителям США и РФ, которые в настоящее время находятся в стадии разработки¹⁴⁴.

Для озабоченности американских военных имеются веские основания. В средствах массовой информации появились сообщения о строительстве в районе китайско-монгольской границы 230 ракетных шахт, в которых могут быть размещены китайские МБР типа DF-41 (ракеты такого типа могут доставить до 10 боевых блоков до территории США). В этом случае только в этих ракетных шахтах китайская сторона сможет разместить стратегические ракеты с общим числом боеголовок 2300 единиц. Это больше, чем в настоящее время имеют на вооружении СЯС США и РФ (согласно Договору СНВ-3, общее количество развернутых стратегических боезарядов у Москвы и Вашингтона не должно превышать 1550 единиц)¹⁴⁵.

Некоторые высокопоставленные американские военные утверждают, что в ближайшее время Стратегическому командованию ВС США придется уделять стратегическому ядерному сдерживанию Китая не меньше (а может быть, и больше) внимания и сил, чем сдерживанию России. Так, по утверждению заместителя командующего Стратегическим командованием генера-

ла Т. Буссьера, уже через несколько лет у КНР будет больше ядерных боеголовок, чем у РФ¹⁴⁶.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что Вашингтон проигрывает Пекину не только в экономическом соревновании, но и в гонке вооружений. Да, у Соединенных Штатов все еще имеется немало военно-технических преимуществ перед Китаем — и по общему размеру оборонных расходов, и по размеру и оснащенности некоторых видов вооруженных сил, и прежде всего ВМС.

Но весь этот громадный военный потенциал американская сторона вынуждена расходовать на обеспечение глобального военного присутствия США. У Китая же нет глобальных амбиций, он не претендует на статус «сверхдержавы», благодаря чему китайская сторона может сосредоточить свои силы и средства на наиболее приоритетных для нее направлениях американско-китайского противоборства, добиваясь преимуществ перед Вашингтоном.

Реализация национальных интересов России на фоне американо-китайского противостояния

Содержание национальных интересов России на современном этапе её развития изложено в Стратегии национальной безопасности РФ. В частности, в её ст. 25 указано, что «с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются: повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности РФ, укрепление обороны страны; развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений»¹⁴⁷.

При этом нынешнее американо-китайское противостояние на глобальном и региональном уровнях при его обострении может вызвать частичный или полный переход к мобилизации части или всех ресурсов российского общества, а также привлечению ресурсов союзников и стратегических партнеров в интересах обеспечения безопасности страны и её развития. Такой переход может прервать или существенно затормозить реализацию утвержденных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. В совокупности это, безусловно, может снизить качество жизни и благосостояние основной массы российского населения.

Что касается влияния американо-китайского противостояния на обеспечение территориальной целостности страны, то оно может проявиться в случае обострения военно-политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это связано с тем обстоятельством, что нарастание военной

напряженности в этом регионе на границах РФ может создать угрозу её государственной и территориальной целостности, а также вовлечения российских Вооруженных Сил в разрешение этого конфликта. В этих условиях возникнет необходимость создания дополнительных оперативно-стратегических группировок войск (сил) ВС РФ и органов военного управления, активизация выполнения Государственного оборонного заказа. Стратегическое сдерживание при этом будет осуществляться путем повышения потенциала ядерного сдерживания, а боеготовность воинских формирований и органов управления — за счёт поддержания их в заданной степени готовности к боевому применению. А действия российских миротворцев в зоне военных конфликтов на постсоветском пространстве наглядно демонстрируют, что и в других регионах мира стабильность может быть обеспечена без американского участия.

Обострение американо-китайского противостояния будет сопровождаться информационным противоборством США и КНР, что может негативно отразиться на развитии безопасного информационного пространства РФ и снизить уровень защиты российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. При этом основным объектом такого деструктивного воздействия может стать российская молодежь, на которую может усилиться насаждение чуждых идеалов и ценностей, что обусловит разобщенность и поляризацию общества, разрушение фундамента культурного суверенитета, подрыв основ политической стабильности и государственности. В этих условиях будет необходимо повышение защищенности информационной инфраструктуры государства и устойчивости ее функционирования; развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз РФ, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз; предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы, включая объекты отечественной критической информационной инфраструктуры; повышение устойчивости функционирования единой сети электросвязи России, а также российского сегмента сети Интернет и иных значимых объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также недопущение иностранного контроля за их функционированием.

Для снижения деструктивного влияния иностранной пропаганды на «умы и сердца» россиян важная роль должна быть отведена тесному взаимодействию профессионального журналистского и экспертного сообществ страны в формате сети информационно-аналитических групп, состоящих из дипломатов, политологов, политтехнологов, публицистов, репортеров, психологов, сотрудников систем связи и коммуникации, веб-дизайнеров, способных не только прогнозировать возможные внешнеполитические риски и информационные атаки, но и оперативно, доходчиво разъяснять мировому сообществу суть внешнеполитических инициатив и позиций России, поставляя в мировое информационное пространство оценки и комментарии соответствующего контента. При этом американо-китайское противостояние может вызвать подъем российского патриотизма.

Помимо этого, это противостояние объективно снижает конкурентоспособность США и Китая в глобальном и региональном аспектах. И это снижение может еще более ускориться при обострении противостояния США и Китаю других мощных в экономическом плане держав. В свою очередь, это может обеспечить повышение конкурентоспособности отечественной национальной экономики. Однако этот временный успех может быть быстро нейтрализован при разрешении имеющихся американо-китайских противоречий.

Что касается геополитических аспектов американо-китайского противостояния, влияющих на международную обстановку, то взвешенная внешняя политика Российской Федерации в условиях их обострения может закрепить за ней статус одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира. При этом, как представляется, особое внимание должно быть уделено поддержке развитию региональной и субрегиональной интеграции в рамках многосторонних международных институтов, диалоговых площадок, региональных объединений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Европе, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Африке. Для этого на международном уровне необходимо усилить задействование российской «мягкой силы», нацелив её на поддержание положительного имиджа страны в международном сообществе. При этом она не должна ориентироваться на систему ценностей, принятую в странах Запада, поскольку в этом случае Россия фактически попадет под их идеологическую зависимость, в связи с чем в глобальной сети международного сообщества необходимо создать логическую связку, которая отвечает миссии РФ в современном мире.

В частности, России целесообразно принять меры по усилению ее гуманитарных позиций в Центральной Азии, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят по значению и качеству растущие позиции Китая в регионе (если РФ не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей гуманитарной активности в странах этого региона, вкладывая в нее достаточные средства, то враждебные ей силы смогут расширить там своё присутствие и заметно потеснить РФ с занимаемых ею позиций, как это уже произошло в странах Восточной Европы и Балтии, в Грузии и на Украине).

Целесообразно также обратить внимание и на усиление гуманитарной составляющей деятельности ШОС, которая подвластна негативному воздействию недружественных Организации сил. Для этого нужны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона «антишосовским» акциям путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия, в связи с чем первоочередной задачей Секретариата ШОС может стать развитие единого «информационного поля» Организации: на телевидении, в прессе, на радио, а также создание его рейтингового агентства. В связи с этим видится целесообразным создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News) либо обеспечение широкой доступности телеканала

«Мир» для населения не только стран — участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и основание печатного органа ШОС, например доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации.

В целом результаты оценки влияния американо-китайского противостояния на интересы России позволяют сделать следующие *выводы*.

Во-первых, конкуренция США и Китая на современном этапе — яркий пример нелинейности международных отношений. По историческим меркам их соперничество произошло молниеносно: в 2019—2021 гг. число взаимных санкций, ограничений и запретов превысило количество аналогичных мер за все годы после окончания холодной войны, вместе взятых. При этом пределы американо-китайского противостояния до сих пор не исчерпаны, а фундаментальных предпосылок для коренного разворота в сторону потепления взаимоотношений пока не просматривается. Их продолжающееся соперничество в сфере геополитики и экономики будет оказывать существенное влияние на реализацию российских национальных интересов в XXI в.

Во-вторых, усилия 46-го президента США по сдерживанию КНР на глобальном уровне являются продолжением политики Д. Трампа. Тем не менее Вашингтону пока не удаётся нащупать асимметричные шаги, которые позволили бы в полной мере восстановить американское превосходство над Китаем. При этом отношения США со своими союзниками и партнёрами ослаблены, а авторитет американской внешней политики в ряде регионов мира подорван, в том числе из-за непредсказуемой политики Д. Трампа. Поэтому нынешняя администрация Белого дома во главе с Дж. Байденом восстанавливает и укрепляет стратегическое партнерство с НАТО и Евросоюзом, чтобы решить проблему снижения вовлеченности США в конфликты за пределами Индо-Тихоокеанского региона с целью концентрации сил против Китая. Военное, технологическое и политическое сдерживание КНР останется важнейшей внешнеполитической задачей американской дипломатии.

В-третьих, американо-китайское противостояние объективно снижает конкурентоспособность США и Китая на международной арене. Поэтому взвешенная внешняя политика Российской Федерации в условиях обострения этого противостояния может закрепить за ней статус одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях формирования полицентричного мира, за который выступают и Москва, и Пекин. Но если у Китая на глобальном уровне начнется «головокружение от успехов», то России будет целесообразно усилить западный вектор своей внешней политики. Если же в противостоянии с США Китай начнет проигрывать, то России разумно усилить союз с ним, чтобы не допустить выигрыша Запада. При этом американо-китайское противостояние в экономической и торговой областях в регионах мира может обеспечить повышение конкурентоспособности отечественной продукции и национальной экономики. Однако этот временный успех может быть быстро нейтрализован при разрешении имеющихся американо-китайских противоречий.

3.8. Воздействие изменений глобальной обстановки на безопасность РФ

Тенденции развития военно-политической обстановки в мире

Помимо американо-китайского противостояния, на безопасность России в XXI в. оказывают воздействие тенденции изменения глобальной обстановки. Современная военно-политическая обстановка (ВПО) в мире характеризуется ростом нестабильности, обусловленной комплексом взаимосвязанных, преимущественно негативных факторов глобального и регионального масштаба на фоне ужесточения конкуренции между существующими и новыми «центрами силы», в связи с чем ее развитие в ближайшей перспективе будет определяться продолжающимися процессами глобализации и связанным с ними стремлением США упрочить свое положение как единственной сверхдержавы в однополюсном мире и в противовес этому — попытками региональных центров силы уменьшить доминирующее влияние США на мировую политику¹⁴⁸.

Нарастанию напряженности в регионах мира способствует расширение масштабов терроризма и радикального экстремизма, усиление кризисных явлений в мировой экономике, связанных с последствиями пандемии COVID-19, обострение борьбы за энергетические, водные, продовольственные и иные ресурсы. В мире сохраняются значительные запасы ядерных вооружений, химического и биологического оружия, наращиваются военные потенциалы ведущих стран. Эта тенденция усиливается в связи с продолжающимися в ряде стран мира работами по созданию новых высокотехнологичных средств вооруженной борьбы, сопоставимых по своей эффективности с ядерным оружием и не подпадающих под контроль и ограничения. Одновременно формируются возможности для переноса военных действий в космическую сферу и киберпространство. Последние события в Соединенных Штатах, связанные с результатами деятельности 46-го президента США, наглядно демонстрируют громадное влияние современных информационных технологий на массовое сознание и достижение желаемых результатов. В условиях активизации антироссийской кампании сформировался и имеет тенденцию к постоянному наращиванию целый спектр угроз безопасности РФ в информационной сфере со стороны США, их союзников и партнеров.

Особую обеспокоенность с точки зрения обеспечения безопасности России вызывает рост числа международных приверженцев насильственного экстремизма, сепаратизма и радикального ислама. Это во многом обусловлено применением странами Запада двойных стандартов в оценке ситуаций с соблюдением прав человека, проявлений неонацизма и расизма в различных регионах мира. По-прежнему актуальной является значимость военной силы как инструмента реализации национальных интересов государств, а причиной вооруженных конфликтов все чаще становятся чисто экономические приоритеты заинтересованных сторон.

Одним из ключевых факторов, оказывающих негативное влияние на развитие ВПО в мире, является стремление США любой ценой сохранить лидирующую роль на международной арене. Решение данной задачи рассматривается Белым домом в качестве главного условия обеспечения национальной безопасности США, их экономического развития, а также «комфортного» уровня благосостояния американской нации. Такая политика приводит к попыткам американской стороны компенсировать неспособность к контролю ключевых международных процессов все более широким задействованием силовых инструментов, а также целенаправленным созданием «управляемых» кризисных ситуаций, последующее разрешение которых требовало бы непосредственного участия США¹⁴⁹.

Спровоцированный Вашингтоном и его партнерами кризис на Украине и попытки принизить роль РФ в разрешении конфликта в Сирии являются продуманными шагами по формированию в лице России образа «главного врага Запада». Ключевое влияние на данный процесс оказывает руководство Пентагона, американского военно-промышленного комплекса и стоящих за ними лоббистских групп. При этом Соединенные Штаты рассматривают санкционное давление на Россию в качестве одного из основных инструментов воздействия на нее. Поводом для этого стали события на Украине в 2014—2022 гг., политика которой была нацелена на вступление в НАТО и на силовой возврат в свой состав «мятежных» территорий ЛНР и ДНР. Это обусловило для РФ необходимость признания независимости этих республик и проведения военной спецоперации с целью демилитаризации Украины. Это позволило США консолидировать НАТО и ЕС и ввести совместные санкции, чтобы замедлить развитие России и при помощи информационной войны изолировать ее от глобальных процессов.

Кроме того, целенаправленно раздуваемая «российская угроза» позволяет Белому дому обосновывать необходимость значительного увеличения объемов финансирования программ разработки новых средств вооруженной борьбы, наращивания масштабов присутствия ВС США за рубежом и добиваться от иностранных государств принятия выгодных Вашингтону решений в военной и политической сферах. А отмена законодательно введенных мер дискриминационного характера против России является в США гораздо более сложным и продолжительным процессом, чем их принятие.

К этому следует добавить, что в среднесрочной перспективе руководство США не будет воспринимать РФ как равного партнера, обладающего правом на отличные от американских подходы к решению глобальных и региональных проблем, а также на продвижение и защиту своих национальных интересов.

Кроме того, для оказания влияния на военно-политические процессы в мире Вашингтон будет активно использовать экономические факторы. В частности, в рамках существующей финансово-банковской системы предпринимаются шаги по сдерживанию экономического развития России, Китая и стран Евросоюза. При этом Соединенные Штаты стремятся нанести максимальный ущерб российским интересам «руками» своих союзников и партне-

ров, главным образом европейских, так как уровень сотрудничества и взаимная зависимость Европы и России, прежде всего в экономической сфере, в силу географической близости всегда были на порядок масштабнее, чем взаимодействие США с РФ. Вот почему навязанный Евросоюзу антироссийский курс наносит существенно более серьезный ущерб европейским странам, чем самим Соединенным Штатам. Что касается развития ВПО по границам России, то её тенденцию можно охарактеризовать следующим образом.

Обстановка на северных границах России

Важное стратегическое значение для России имеет открытый выход через Баренцево море в Атлантический океан. В интересах противодействия этому ряд приарктических государств во главе с США пытаются воспользоваться отсутствием законодательного закрепления арктических границ РФ в рамках ООН. В частности, это связано с тем обстоятельством, что в Арктике находятся огромные ресурсы и сосредоточена значительная часть предприятий научно-промышленного комплекса РФ, в том числе связанных с разработкой и освоением нефтегазовых месторождений России.

Одновременно в связи с потеплением климата в Арктике и разработкой новых технологий добычи там природных ресурсов значительно повысился интерес к этому региону многих государств мира, причем не только стран, находящихся в Арктическом поясе. Так, к развитию Северного морского пути и добыче углеводородов в северных широтах помимо приарктических государств рассчитывают подключиться Китай, Корея, Индия и Сингапур.

При этом арктические государства наращивают свое военное присутствие в полярных районах Севера, где страны НАТО ведут мониторинг обстановки в регионе и расширяют свои военные возможности. Для развертывания СБР НАТО в Норвегии созданы склады оружия и военной техники альянса. В качестве реакции на стратегию альянса ВС России проводят регулярные военные учения, воздушное патрулирование арктических регионов и полеты стратегической авиации. А руководство НАТО под предлогом «вынужденного реагирования» на активизацию деятельности России в Заполярье принимает меры по укреплению северного фланга блока. Особое значение придается организации патрулирования воздушного пространства Исландии и прилегающих к ней районов Северной Атлантики силами и средствами ОБВС НАТО, несения боевой службы в регионе американскими и британскими атомными подводными лодками, а также полетам самолетов стратегической авиации ВВС США. При этом альянс активно привлекает на регулярной основе к коалиционным мероприятиям боевой подготовки в северных широтах формирования ВС нейтральных стран — Финляндии и Швеции.

Ситуация на западных границах России

Анализ ВПО в этом регионе показывает, что политика стратегического сдерживания и ослабления экономического потенциала, проводимая консолидированным Западом в отношении России, является явной угрозой для

безопасности РФ. Вдоль её западной границы совершенствуется военная инфраструктура альянса, в прибалтийских странах развернуты батальонные тактические группы НАТО и создаются координационные центры по приему и развертыванию дополнительных сил. Такие же центры созданы в Болгарии, Польше и Румынии, в которых развернуты ракеты-перехватчики на базах ПРО. Администрация США заявляет о готовности обеспечить их безопасность, положительно реагируя на просьбы о защите от «военной угрозы» со стороны РФ. Пентагон в рамках реализации «адаптивного подхода» по созданию европейского сегмента глобальной системы ПРО США практически завершил мероприятия по развертыванию и вводу в эксплуатацию противоракетного комплекса «Иджис Эшор» в Румынии. Это свидетельствует о том, что, несмотря на достигнутые договоренности по иранской ядерной программе, Вашингтон продолжает развертывание в Европе компонентов глобальной системы ПРО.

Усиленное передовое военное присутствие НАТО реализуется с опорой на подготовленную инфраструктуру восточноевропейских стран. К настоящему времени там модернизировано значительное количество аэродромов, а также расширены возможности морских портов по базированию и обслуживанию кораблей и судов ВМС.

При этом НАТО наращивает активность по всему миру, уделяя особое внимание возможным столкновениям с Россией, — в альянсе прямо называют эту задачу приоритетной. Особая активность военных группировок НАТО наблюдается на европейском континенте (рис. 3.8.1).

Общее число военных баз альянса в этой части света — 11. Только в 2018 г. их состав увеличился с 23 тыс. до 42 тыс. человек. Речь идет не о полной численности войск альянса в Европе, а исключительно о «силах немедленного реагирования». Особое внимание уделяется подготовке, оснащению и тренировкам именно этих групп повышенной мобильности. На них в случае чрезвычайной необходимости возлагается особая задача — нанесения первичного удара в плане «сдерживания России». Речь идет о концепции так называемой неядерной войны, активно продвигаемой сейчас стратегами альянса. Особенно это стало актуальным после начала проведения ВС РФ спецоперации на Украине.

Помимо этого, было резко увеличено количество учений НАТО, которые проводятся на территории сопредельных с Россией государств и имеют явную антироссийскую направленность. В рамках трансформации альянса продолжается реализация политики «открытых дверей» с целью охвата блоком всего евроатлантического пространства. В качестве первоочередных претендентов на вступление в НАТО рассматриваются Черногория, уже получившая официальное приглашение, Македония, Босния и Герцеговина; в 2022 г. о своем желании вступить в НАТО заявили Швеция и Финляндия. Также в Брюсселе рассматривается возможность присоединения к альянсу государств постсоветского пространства (включая Грузию и Украину).

Из-за военных действий на Украине (более подробно см. раздел 4.7) сложная ситуация складывается вокруг Приднестровья, внешнеэкономиче-

Рис. 3.8.1. Военные объекты НАТО в Европе.

Источник: URL: <https://twitter.com>

ская деятельность которого ограничена скоординированными усилиями Молдавии, Украины и стран Запада. В условиях отказа ЕС от продления после 1 января 2016 г. льгот для приднестровских экспортеров она имеет тенденцию к обострению. Молдавская сторона препятствует обеспечению нормальной жизнедеятельности Оперативной группы российских войск в Приднестровской Молдавской Республике и предпринимает попытки скомпрометировать миротворческую операцию, проводимую российскими военнослужащими, с целью их замены на миссию ОБСЕ.

Кроме того, масштабный рост потока беженцев в Европу из зон нестабильности в Северной Африке и Ближнего Востока может спровоцировать обострение социально-политической ситуации в регионе и привести к активизации террористической деятельности на европейском континенте.

Обстановка на южных границах России

Дестабилизирующим элементом ВПО в регионе является увеличение количества стран, где ведется вооруженная борьба с международным терроризмом, — это Сирия, Ирак, Йемен, Ливия. Нельзя назвать спокойной и обстановку в зоне прекращения нагорно-карабахского конфликта, где ВС Армении и Азербайджана разделены миротворческими силами России. При этом в Армении продолжают жаждать реванша в ответ на победу в этом конфликте сил Азербайджана. Кроме того, в НАТО стремится Грузия, которая хочет восстановить свою территориальную целостность.

С момента вывода многонациональных сил НАТО из Афганистана угроза национальной безопасности РФ с этого направления возросла. В последнее время там замечено увеличение количества террористических и религиозно-экстремистских бандформирований, проникших в страну из ближневосточного региона. При этом треть боевиков являются выходцами из среднеазиатских республик, входящих, в том числе, в «Исламское движение Узбекистана», которое участвовало в подготовке террористических актов в России, в «Союз исламского джихада» и в ряд других организаций, которые хотят создать исламское государство в республиках Центральной Азии. К этому следует добавить, что часть из них являются членами ОДКБ, поэтому в случае вторжения на их территорию боевиков из Афганистана Россия будет обязана оказать им военную помощь в соответствии с действующим между ними договором.

Ситуация в регионах, граничащих с Дальним Востоком РФ

Для этих регионов характерно дальнейшее развитие тенденций нарастающей борьбы за лидерство между США, КНР и Японией. Администрация США в рамках реализации курса «стратегического разворота» в сторону АТР активизирует взаимодействие с государствами, чей потенциал может быть эффективно использован для решения задачи сдерживания в регионе растущего влияния КНР. В экономической области Вашингтон концентрирует внимание на стимулировании интеграционных процессов путем формирования новых многосторонних механизмов кооперации, функционирование которых способствовало бы решению задачи по укреплению региональных позиций США. В условиях быстрого роста военно-экономической мощи Китая Вашингтон будет укреплять свои позиции в регионе путем демонстрации силы в ходе мероприятий оперативной подготовки, которые зачастую носят откровенно провокационный характер.

Белый дом также придает большое значение развитию отношений не только с традиционными региональными союзниками Вашингтона, но и с новыми партнерами, такими как, например, Вьетнам. При этом Соединенные Штаты пытаются интернационализировать территориальные противоречия Китая с Японией, Вьетнамом и Филиппинами. Их основная задача — закрепить в роли «третьей стороны» в данных спорах, чтобы иметь дополнительные рычаги давления на КНР и одновременно стимулировать

союзников и партнеров к более тесному сотрудничеству с ними в военной сфере.

Можно ожидать, что в интересах решения задачи сдерживания Китая США усилят свое военное присутствие не только в Южно-Китайском море, но и в районе российских Курильских островов. С учетом этого серьезным потенциальным источником военной опасности для РФ остаются традиционные территориальные притязания Японии по поводу островов Итуруп, Кунашир и Малой Курильской гряды. Также правительство Японии приступило к реализации мер, направленных на повышение роли вооруженных сил как инструмента государственной политики. Законодательно закреплена и возможность их участия в действиях коалиционных группировок войск при отсутствии непосредственной угрозы национальной безопасности, и формы применения воинских формирований в операциях на территории иностранных государств, в том числе проводимых без санкции СБ ООН. А на Корейском полуострове под предлогом защиты от северокорейской ядерной угрозы США начали строительство базы противоракетной обороны ТНААД в Южной Корее, что было расценено КНР как угроза ее национальной безопасности. Поэтому Китай ввел санкции против Южной Кореи, вынудив ее дать обещание не развертывать далее эту систему ПРО, что также отвечает интересам России.

Угрозы для безопасности РФ в среднесрочной перспективе

Следует отметить, что в среднесрочной перспективе внешние угрозы России все более приобретают комплексный характер за счет усиления негативного воздействия политических, экономических, информационных и других внешних вызовов. Вместо существовавшей ранее открытой угрозы крупномасштабного военного столкновения появилось множество угроз локального характера, которые менее предсказуемы. В связи с этим наметилась тенденция расширения конфликтного пространства и распространения его на зоны жизненно важных интересов России. Изменившиеся источники угроз — как внутренние, так и внешние — могут стремительно трансформироваться в военные конфликты с возможностью их эскалации, особенно при неудачном исходе их разрешения на начальном этапе. Другая группа военных угроз безопасности России связана с наличием потенциальных и реальных очагов вооруженных конфликтов в непосредственной близости от ее границ.

К особой группе военных угроз РФ следует отнести деятельность международных террористических организаций, которая стала долговременным фактором современной политической жизни, превратившись в одну из самых серьезных проблем человечества.

Всесторонний анализ данной проблемы и условий, в которых она развивается, позволяет сделать вывод о дальнейшем усилении агрессивности терроризма, увеличении его потенциала и роста профессионального уровня международного терроризма за счет приобретения опыта проведения крупномасштабных акций в регионах мира, совершенствования подготовки террористов за счет активного использования наемничества, тесного смыкания политиче-

ских террористических структур с преступными сообществами, а также использования ими принципиально новых форм политического противоборства на современном этапе. При этом пропагандистским прикрытием подобных акций часто является широкое распространение лозунгов «национально-освободительной борьбы» (рис. 3.8.2).

Рис. 3.8.2. Уровень террористической активности в регионах мира.

Источник: URL: <http://900igr.net/up/datai/148895/0003-002-.png>

В таких документах, как «Стратегия национальной безопасности»¹⁵⁰ и «Военная доктрина РФ»¹⁵¹, подробно излагаются угрозы и вызовы национальным интересам России в ближайшей и среднесрочной перспективе. Они детализируются в ведомственных документах государственных структур, ответственных за принятие мер по защите национальных интересов России, определяются конкретные направления и меры противодействия этим угрозам и вызовам. И они периодически уточняются в зависимости от складывающейся военно-стратегической обстановки в мире и в регионах РФ.

Вызовы для информационной безопасности России

Существенными вызовами для информационной безопасности России являются планы ряда стран Запада, и прежде всего США, использовать свое превосходство над Россией, полученное в результате успехов в организации ведения информационной борьбы в глобальном информационном пространстве¹⁵².

В настоящее время в США активизировано проведение работ, направленных на реализацию национальной информационной стратегии. Ее цель — обеспечить подавляющее информационное превосходство путем навязыва-

ния информации, побуждающей высшее военно-политическое руководство других стран принимать выгодные для США решения. Эта цель США будет достигаться путем ведения стратегического информационного противоборства с использованием атакующего информационного оружия воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание граждан России. Поэтому за последние годы на Западе резко возросло количество средств специального программно-математического воздействия на информационные системы федеральных органов власти РФ, при котором во много раз увеличилось количество компьютерных вирусов и хакерских атак. Также продолжается неконтролируемый рост масштабов информационных сетей, находящихся в частных руках. А ситуация в глобальных информационных сетях уже во многом вышла из-под контроля ее создателей.

Рис. 3.8.3. Угрозы информационной безопасности России.
Источник: URL: <http://900igr.net/up/datas/182344/016.jpg>

Поэтому применение различных форм и способов ведения информационной войны против России обуславливает рост угроз для ее информационной безопасности (рис. 3.8.3).

Угрозы для военной безопасности РФ по стратегическим направлениям

На северо-западном стратегическом направлении усугубляющим фактором появления военных угроз для России являются проблемы взаимоотношений с прибалтийскими странами. На почве нерешенных территориальных проблем и ущемления прав русскоязычного населения в Эстонии и Латвии

может возникнуть военно-политическое противостояние России и стран НАТО с оказанием политического и силового давления на РФ, вплоть до блокирования ее военного и торгового флота в акваториях Баренцева и Балтийского морей. А вступление в НАТО Литвы способствовало изоляции группировки российских войск в Калининградской области силами альянса на суше и с моря, что существенно ухудшило стратегическое положение России в Балтийском бассейне. Это, в свою очередь, привело к качественному изменению военно-стратегической ситуации в регионе в целом.

На западном стратегическом направлении наибольшую опасность для России представляет Североатлантический альянс и его вооруженные силы. Мероприятия военно-политического руководства блока будут по-прежнему направлены на превращение альянса в единственную организацию, способную диктовать свои военно-политические и экономические требования не только в Европе, но и за ее пределами. При этом, наряду с повышением политической активности, руководство блока значительное внимание будет уделять укреплению военной составляющей альянса¹⁵³. С присоединением к НАТО стран — кандидатов третьей очереди его боевой потенциал может возрасти еще в 1,5 раза. Поэтому дальнейшая реализация планов продвижения НАТО на восток, при определенных условиях, будет означать для России значительное повышение уровня потенциальной военной опасности. При этом расширение НАТО имеет многовекторную направленность: включение новых стран в альянс увеличивает возможности США и других ведущих держав альянса оказывать политическое и военное давление на Россию с южного, юго-западного, западного и северо-западного направлений; их давление на РФ может рассматриваться как попытка шантажа, осуществляемого без непосредственного применения военной силы в целях достижения интересов альянса. Что касается постсоветского пространства этого направления, то одним из наиболее взрывоопасных регионов, помимо Украины, продолжает оставаться Приднестровье с учетом того, что Молдавия все более ориентируется на Запад, а Россия в соответствии с взятыми на себя обязательствами вовлечена в процесс урегулирования этого конфликта. В этих целях Вашингтон готов рассмотреть комплекс мер против Тирасполя, вплоть до использования альянсом силы для ликвидации фактической независимости Приднестровья¹⁵⁴.

На юго-западном стратегическом направлении военная опасность для РФ будет исходить прежде всего от нестабильности процессов разрешения территориальных, национально-этнических и конфессиональных споров в республиках Закавказья, перераспределения сфер влияния между традиционными и вновь образующимися центрами силы, участвующими в распределении нефти и газа Каспийского бассейна. В случае вовлечения Грузии и Азербайджана в процесс расширения НАТО Россия может оказаться перед фактом формирования геостратегического коридора для прямого выхода стран НАТО в район Каспийского моря и Центральной Азии, что является непосредственной военной угрозой безопасности России

В настоящее время ВПО на *центральноазиатском стратегическом направлении* также остается сложной. Именно отсюда исходят основные угрозы безопасности России, связанные с региональной нестабильностью, экспансией радикального ислама, международным терроризмом, распространением наркотиков и неконтролируемой миграцией. А активизация в последнее время деятельности исламских экстремистов в Афганистане стала следствием быстрого вывода войск из этой страны и падения проамериканского режима в Кабуле. Одновременно предпринимаются попытки усилить влияние США на центральноазиатские республики. США ищут надежного союзника рядом с Каспийским морем, в районе с большими запасами нефти и газа, что позволит Вашингтону с этого направления не только готовить военную операцию против Ирака, но и контролировать ЦА.

Существенной опасностью на этом направлении является распространение исламского экстремизма, особенно в странах, граничащих с Россией, где преобладает мусульманское население. Всплеск национального экстремизма наиболее показателен на примере Ферганской долины, расположенной на территории Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Деятельность уйгурских исламских организаций грозит стать источником вооруженного конфликта с вовлечением в него Китая и центральноазиатских республик.

С геополитической, военной и экономической точек зрения самой уязвимой частью РФ является *Дальневосточное стратегическое направление*. Демографическая экспансия Китая (в Приморье, Забайкалье, Амурскую область и в другие регионы), его динамичное превращение в мощную в военно-экономическом отношении мировую державу могут обусловить возникновение угрозы военной безопасности России в случае обострения отношений между Москвой и Пекином. Хотя в настоящее время это маловероятно.

Особое влияние на формирование ситуации в регионе оказывает и Япония, которая традиционно следует в фарватере внешней и военной политики США. И несмотря на прогресс в развитии двусторонних отношений, Россия и Япония все еще далеки от заключения мирного договора, как это предлагал В. Путин на Дальневосточном форуме в 2018 г., и решения территориальной проблемы Курильских островов. Японская сторона по-прежнему стремится использовать экономические возможности, чтобы добиться уступок в вопросе окончательного территориального разграничения. Однако передача островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а также Малой Курильской гряды представляет угрозу территориальной целостности России, а в геополитическом плане превратит Охотское море в замкнутый водоем, при этом силы ВМФ, базирующиеся в портах Охотского моря, будут отрезаны от выхода в Тихий океан.

Что касается *Сибирского стратегического направления*, то эта часть российской территории от Сибири до Дальнего Востока богата практически всеми видами сырья и энергоресурсов и обладает огромными массивами тайги. На Сибирь и Дальний Восток приходится 1/2 мировых запасов угля и почти 1/3 — нефти и газа. При этом большая часть Восточной Сибири представляет

относительно слабое звено в геополитической и экономической структуре России, что связано со слаборазвитой и нестабильной экономикой при мощной ресурсной базе, растянутостью транспортных коммуникаций, а также с низкой плотностью трудоспособного населения региона. Это способствует активизации миграции (том числе нелегальной) китайского населения на территорию Забайкалья и на Дальний Восток.

Корейский п-ов по-прежнему остается серьезным очагом напряженности в регионе. США и Япония фактически не заинтересованы в образовании единого сильного корейского государства, которое может стать для них серьезнейшим экономическим конкурентом, а в перспективе — и мощной военно-политической силой.

В целом проведенный анализ содержания угроз для безопасности России на среднесрочную перспективу позволяет прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, в настоящее время мировое развитие характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровне на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения. Неурегулированными остаются многие региональные конфликты и сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с РФ. Существующая архитектура международной безопасности не обеспечивает равной безопасности всех государств. Наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу РФ. При этом на ряде направлений военные опасности для России усиливаются. В обобщенном виде эти угрозы выглядят следующим образом (рис. 3.8.4).

Во-вторых, к основным внешним военным угрозам РФ относятся:

- наращивание силового потенциала НАТО и надделение его глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры альянса к границам России, в том числе путем дальнейшего расширения блока;
- подрыв глобальной и региональной стабильности, наращивание воинских контингентов иностранных государств на территориях стран, сопредельных с РФ и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для и военно-политического давления на Россию;
- развертывание систем стратегической ПРО, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
- территориальные претензии к РФ и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела и нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;

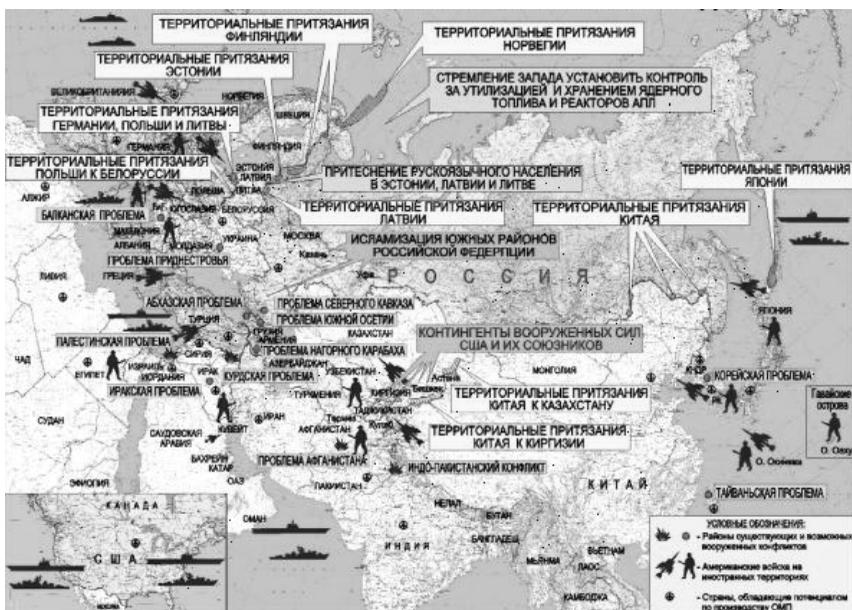

Рис. 3.8.4. Обобщенные угрозы военной безопасности России.

Источник: URL: http://mypresentation.ru/documents_5/bb181862057339009fd0f04db3/img23.jpg

- применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, в нарушение Устава ООН и других норм международного права и растущая угроза глобального терроризма и экстремизма, их новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного сотрудничества, реальная угроза проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ;
- возникновение очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе РФ и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий;
- использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности РФ и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности;
- установление в государствах, сопредельных с Россией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам РФ, а также подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против России.

3.9. Внутренние вызовы развитию России и пути их ликвидации в XXI веке

Внутригосударственные препятствия, препятствующие развитию страны

В современных условиях существенной угрозой безопасности России являются внутренние вызовы развитию страны, препятствующие ее возрождению в качестве ведущей державы мира. Наиболее существенной угрозой, препятствующей развитию страны, являются последствия пандемии коронавируса. В целом статистика результатов влияния пандемии на Россию неутешительная: численность населения страны сократилась на 510 тыс. человек, при этом смертность в 2020 г. стала рекордной с 2008 г. По итогам января — октября 2020 г. она составила 113,2 человека на 10 тыс. населения, став максимальной с 2010 г. Именно высокий уровень смертности многие демографы считают главным вызовом национальной безопасности России. Подсчитано, что, если бы в последней трети XX в. российские власти добились такого же снижения смертности, что и ведущие страны Европы, население страны сейчас было бы в 2 раза больше. Детей же в первом полугодии 2020 г. родилось на 5,2 % меньше, чем в 2019 г. Не стоит забывать и о том, что Россия несколько лет назад вступила в очередную демографическую яму и её прогнозируемый ежегодный вклад в снижение числа родившихся — 3 %¹⁵⁵.

Уменьшение населения РФ ведёт к тому, что молодое работоспособное поколение не может полностью заместить уходящих на пенсию работников. Это проявляется во всех отраслях, но в большей мере в тех, которые связаны с цифровой экономикой. Нужно учитывать и то, что в стране низкая производительность труда — в 3 раза ниже, чем во Франции, Германии, США или Японии. И хотя количество рабочей силы в РФ больше, чем в ряде развитых государств, она выпускает продукции в 3-4 раза меньше. В России есть программа, в которой предусмотрены меры по повышению производительности труда на 5 % ежегодно начиная с 2024 г. Если удастся её реализовать, то дефицит кадров может сократиться. Но заместить нынешнее убывание высокопрофессиональной рабочей силы мигрантами не получится, потому что в стране низкая заработная плата. На ту зарплату, которая предлагается мигрантам, могут согласиться только работники с низкой квалификацией, и они едва ли помогут повысить эффективность труда. А специалисты высокого уровня будут искать места в тех государствах, где платят больше¹⁵⁶. Так, денежные доходы россиян, согласно данным Росстата, во 2-м квартале 2020 г. снизились на 8,4 % в годовом исчислении. При этом Минэкономразвития не вложило средства на компенсацию этого снижения в свою программу восстановления страны после второй волны COVID-19. Основная часть финансовой помощи от государства в период пандемии поступила семьям с детьми, а граждане, которые еще не обзавелись ребенком, получили минимальную поддержку. Хотя именно эта категория населения будет находиться в группе риска в ближайшее время, так как ее представителям будет сложно найти работу и достойный заработок. Такая ситуация влечет ограничение потреби-

тельского спроса. Так, в 2020 г. жители России более чем на 1/3 сократили число покупок в магазинах из-за пандемии коронавируса (на 39 %), а средний чек покупки увеличился на 19 %¹⁵⁷.

Касаясь причин падения доходов россиян по итогам 2020 г., проректор Финансового университета при Правительстве РФ А. Сафонов обратил внимание на специфическую ситуацию, в которой оказался российский рынок труда: «В 2020 г. резкий рост регистрируемой безработицы, стартовав с отметки в 700 тыс. человек в начале года, составил 3,75 млн человек к октябрю. Если не создать устойчивую занятость для людей, то говорить о том, что власть сможет только при помощи пособия по безработице и увеличения зарплат в бюджетном секторе переломить ситуацию с падением реальных доходов населения, будет нельзя»¹⁵⁸.

Российский бизнес также испытывает существенные трудности, в том числе после отмены карантинных мер. Он будет восстанавливаться медленно, так как в стране отсутствуют какие-либо поддерживающие меры, способные быстро помочь ему встать на ноги. 2021 г. принес для малого бизнеса России множество разных новостей, самая неприятная из которых — отмена Единого налога на вмененный доход (ЕНВД). Это был один из самых популярных налоговых режимов, которым в России во время пандемии пользовались более 2 млн плательщиков. Многие предприниматели ждали, что ЕНВД продлят, в Госдуму вносилось предложение о продлении этого режима до 2024 г. Однако правительство к мнению бизнеса не прислушалось. Позиция Минфина и Минэкономки была проста: якобы ЕНВД используется для ухода от налогообложения¹⁵⁹.

Поэтому в ближайшей перспективе выручка бизнеса будет снижаться, и по этой причине предпринимателям придется сокращать штат. Масштабное увольнение неминуемо будет сопровождаться дальнейшим ростом цен. Директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХ и ГС Т. Малева считает, что ни о каком экономическом росте страны до тех пор, пока доходы населения продолжают падать, говорить не приходится. Такая ситуация будет затяжной, а потому ожидаемым следствием станет стагнация в экономике России¹⁶⁰.

По мнению академика Р. Нигматулина, сокращение численности населения, низкая рождаемость и высокая смертность связаны, в том числе, с пренебрежительным отношением власти к науке и учёным. По расчётам Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, к 2025 г. численность населения страны будет стабильно уменьшаться с интенсивностью 500 тыс. человек в год. Это, главным образом, связано с двумя обстоятельствами. *Во-первых*, из-за того, что в России была сокращена система здравоохранения и в итоге выросла смертность. И в ближайшие 2-3 года финансирование здравоохранения ещё больше будет сокращаться. *Во-вторых* — в стране катастрофически упала рождаемость, она фактически стала такой же, как в 1990-е годы, когда Россию сотрясали многочисленные кризисы. Следовательно — смертность сильно зависит от финансирования здравоохра-

нения, а рождаемость — от уровня жизни людей. И всё потому, что начиная с 2013 г. экономика РФ деградирует.

Одна из причин — российский бюджет распределяется крайне неэффективно, при этом власти игнорируют мнение видных экспертов и ученых. Для сравнения: на базовые ценности развития гражданина европейской страны (образование, здравоохранение, науку, культуру) ежегодно выделяется порядка 20 % от ВВП, а в России — более чем в 2 раза меньше. Следовательно, при сохранении нынешней социально-экономической стратегии и отношения власти к науке и к базовым ценностям население России будет и дальше сокращаться. Как следствие, жизнь большинства её граждан будет ухудшаться, а интеллектуальный и технологический уровень страны — падать¹⁶¹. Таким образом, пандемия коронавируса нанесла серьезный ущерб развитию страны, в течение 20 лет и без того регулярно подвергающейся различным внешним и внутренним вызовам и рискам (рис. 3.8.5).

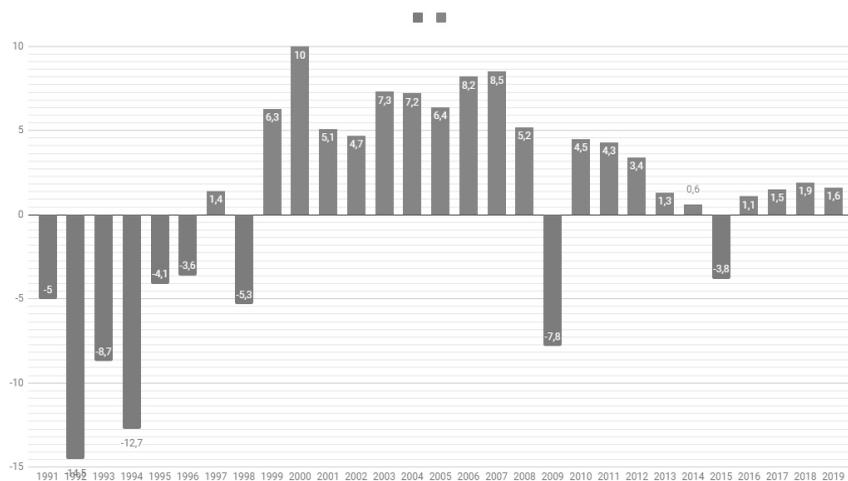

Рис. 3.9.1. Темпы роста ВВП России с 1991 по 2019 г. (в процентах).

Источник: сайт Fincan.ru

При этом узкий слой российских бизнесменов и чиновников продолжает богатеть, несмотря на череду кризисов. Разрыв между доходами 10 % самого состоятельного и 10 % самого бедного населения в России составляет 15 раз, а в странах Европы — 6–7 раз. Там самые бедные слои населения освобождены от подоходного налога, а в России они его платят. Налог на богатство в развитых странах мира составляет 40 % и более, а в РФ для самых высоких доходов ставка поднята только на 15 %. При этом пособия для бедных слоев населения страны, которые растут в последнее время, принципиально ничего не меняют, а их низкие доходы снижают потребительский спрос. Из-за этого экономика развивается медленно, и возникает угроза её деградации. А для

российских нуворишей, несмотря на сложную социально-экономическую обстановку в России, важно продолжать увеличивать свои доходы, поэтому они кладут деньги в банки других стран, где ситуация стабильнее. Поэтому их капиталы бегут за рубеж, однако «холодным душем» для них стал их арест рядом европейских стран и США в рамках проводимой санкционной политики по отношению к России.

Также следует отметить, что из-за событий на Украине Россия столкнулась с кризисной ситуацией в финансовой отрасли: коллективный Запад арестовал 350 млрд долл., которые Центробанк РФ хранил в его банках. С учетом этого обстоятельства российская власть, чтобы восполнить эти потери, будет по-прежнему ориентироваться на развитие энергодобывающих отраслей, нацеленных на экспорт природных ресурсов. При этом экспорт российских энергоресурсов будет направлен не в Европу, куда нацелены газ и нефтепроводы, а в другие регионы мира, на что потребуются дополнительные расходы для создания новых веток газо- и нефтепроводов.

Важным фактором, сдерживающим развитие экономики России, является минимальный размер оплаты труда (МРОТ), который по состоянию на конец 2021 г. составлял 12 792 руб. Если в развитых странах этот показатель находится в районе 50—60 % от средних зарплат, то в России он не превышает 30 %. И чем ниже этот показатель, тем ниже стоимость оплаты труда.

Трудовые мигранты из менее благополучных постсоветских стран обесценивают российский рынок труда, соглашаясь на более низкие зарплаты, как правило выдаваемые по «серой схеме». Чем меньше зарабатывают они, тем меньше денег поступает в казну государства на развитие социально важных проектов. А гастарбайтер после работы в России уезжает с заработанными деньгами к себе на родину, где рубли имеют куда более высокую «покупательную способность», нежели местная валюта, а казна российская остается без причитающегося ей налога¹⁶². Поэтому, по мнению экспертов, которых регулярно опрашивает Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, на ближайшие 6 лет максимальная планка роста для российской экономики — 2 %, (этого показателя она достигнет лишь к 2024 г.)¹⁶³.

Тем временем цены на продукты первой необходимости в стране продолжают повышаться. Это вызывает недовольство населения, так как их доходы постоянно падают. Оно появляется и оттого, что гражданам постоянно рассказывают в СМИ, особенно по телевизору, об успехах сельского хозяйства. Однако это неверно. В России практически прекращено семеноводство овощных культур, и она полностью зависит от зарубежных компаний-монополистов, ряд из которых в связи со спецоперацией ВС РФ на Украине, прекратили свои поставки в Россию, из-за чего производство сельхозпродукции в стране может оказаться в трудном положении, так как селекционные центры, созданные в советские годы, сейчас влачат жалкое существование. Восстановить семеноводство можно в течение 2-3 лет, но для этого нужны мощные финансовые вливания в инфраструктуру.

От постоянного роста цен на продукты, инфляции, налогов, подорожания тарифов ЖКХ и лекарств доходы населения продолжают падать, что ска-

зывается на общем экономическом климате страны. При этом предприниматели, особенно средние и мелкие, не выдерживают натиска ограничений, поборов, запретов и коррупционных нагрузок со стороны чиновников.

Также следует отметить, что в период до 2024 гг. политическая жизнь страны будет находиться в зоне турбулентности. Это связано с поправками в Конституцию РФ, которые обязывают изменить порядок формирования органов власти. Так, Госдума получила расширенные полномочия в вопросах формирования и контроля работы правительства РФ. Меняются функции Совета Федерации с точки зрения процедуры его формирования и с точки зрения его полномочий. Будет усиливаться новая госструктура — Госсовет, которую нужно встраивать в систему власти. На политический расклад в законодательных органах власти будет влиять вероятный уход с политической арены лидеров ЛДПР, КПРФ, «Яблока», а также падение популярности у электората «Единой России» из-за отсутствия у этой партии стратегии развития общества в сфере идеологии (согласно социологическим опросам, за «партию власти» в случае выборов сегодня проголосовало бы лишь 30 % избирателей). Когда все эти процессы начнут запускаться, западные оппоненты будут провоцировать внутреннюю оппозицию на протестные действия. Но каких-то серьезных политических потрясений не будет (вопреки ст. 31 Конституции Госдумой был введен приоритет отказных решений со стороны органов власти и механизм признания публичным мероприятием любого собрания граждан).

Серьезным фактором, сдерживающим развитие России, является деградация системы образования. Её нынешнее состояние — следствие навязанной западными «партнерами» болонской системы образования (том числе ЕГЭ, бакалавриат и пр.). Свою лепту в падение её эффективности внесла коммерциализация. Поэтому в глобальном рейтинге университетов Round University Ranking (RUR) за 2021 г. МГУ находился на 91-м месте¹⁶⁴. Кроме МГУ в российский топ-10 вошли: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (101-е место в мире), Томский государственный университет (103-е место), Московский физико-технический институт (106-е место), Санкт-Петербургский государственный университет (305-е место), Национальный исследовательский технологический университет (309-е место), Казанский (Приволжский) федеральный университет (372-е место), Томский политехнический университет (375-е место), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (384-е место)¹⁶⁵.

Что касается уровня образования в российской «глубинке», то сельским педагогам российским законодательством было обещано бесплатное жилье с отоплением и освещением. Но не сказано, из какого бюджета возмещаются эти расходы — из федерального или из местного. В результате вместо льгот у педагогов — судебные споры. Кроме того, им гарантируется предоставление жилья вне очереди. Но в Жилищном кодексе РФ вообще нет понятия «первоочередное предоставление жилой площади». Также до сих пор не решен вопрос об уравнивании нагрузки на ставку для учителей начальной школы, устарели и нормативы по классному руководству. Прибавка к жалованию в 1000 руб. положена только тому учителю, у которого в классе не меньше

25 учеников, а если в классе меньше (что характерно для многих сельских школ), эту прибавку он не получит¹⁶⁶.

Поэтому перед нынешнем правительством во главе с Мишустиним стоит задача «двойной сложности» — в непростых условиях западных санкций, проводя намеченные структурные преобразования, не допустить серьезного снижения уровня жизни людей. Несмотря на заметный рост тревожных ожиданий, оценки качества работы главы правительства удерживаются на уровне 50 %. А своё недовольство население вымещает на министрах, чиновниках и политических партиях. Так, доверие к министрам упало на 5 %, а рейтинг «Единой России» просел на 10 %. Однако даже при растущем недовольстве жители России не собираются массово выходить на улицу и требовать, как в Белоруссии, смены власти. Претензии чаще всего носят не политический, а материальный характер. Для власти это успокаивающий признак. Но, если граждане страны в ближайшем будущем будут опять постоянно слышать о росте тарифов и цен, у них может обозначиться и предел терпению. Так, в 2022 г. налоговое бремя для россиян стало тяжелее: гражданам придется платить четыре новых сбора из-за изменений в Налоговом кодексе. При этом в 2020 г. число банкротств физических лиц и индивидуальных предпринимателей выросло в России на 73 %¹⁶⁷.

Пути ликвидации проблем, препятствующих преобразованию России

В Кремле учитывают рост уровня недовольства населения, связанного с падением уровня жизни. Поэтому 21 июля 2020 г. президент России подписал Указ «О национальных целях развития страны до 2030 года». Его основными задачами являются: сохранение населения, здоровье и благополучие людей, возможности для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среда для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, а также цифровая трансформация. Основные цели развития государства в указе конкретизированы в отдельных разделах, в которых сказано следующее.

О здоровье и продолжительности жизни в тексте указа говорится, что ожидаемая продолжительность жизни в стране к 2030 г. должна равняться 78 годам (сегодня она в среднем составляет около 73 лет, однако российские банки отказываются выдавать серьезные кредиты лицам, достигшим 70-летнего возраста).

О нацпроектах: кабинету министров Мишустина было поручено скорректировать программы нацпроектов до 2024 г. и разработать единый план по достижению национальных целей развития страны на период до 2030 г. Глава государства также поручил привести его майский указ от 2018 г. в соответствие с новым указом и актуализировать соответствующие нормативные акты (ежегодно при формировании проекта федерального бюджета на очередной финансовый период приоритетно предусматривается выделение бюджетных средств на реализацию национальных целей, а также расходование на нацпроекты дополнительных доходов федерального бюджета, которые образуются в ходе его исполнения). Кроме того, глава государства дал поручения пра-

ительству подготовить новую государственную программу научно-технологического развития «с учётом опыта организаций и сложнейших технологических проектов, особенно в сфере оборонно-промышленного комплекса». При этом он требует кардинально изменить подход финансирования наук за счет бюджетных средств. По мнению президента В. Путина, необходимо создавать особые стимулы для бизнеса и привлекать его к участию в научных разработках. В. Путин также упомянул частные компании, которые принимают участие «в прикладных исследованиях вместе с научными институтами, вузами и конструкторскими бюро»¹⁶⁸.

Об экономике: глава государства поручил обеспечить рост ВВП выше среднемирового, сохраняя при этом макроэкономическую стабильность. Согласно документу, уровень бедности к 2030 г. должен быть снижен вдвое по сравнению с 2017 г. и реальный рост инвестиций в основной капитал должен составить не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 г., а реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров — не менее 70 % по сравнению с 2020 г. Еще одна задача — увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП), включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн человек (проект по поддержке МСП включает пять федеральных проектов: по улучшению условий ведения предпринимательской деятельности; расширению доступа субъектов малого и среднего бизнеса к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию; акселерации субъектов МСП; созданию системы поддержки фермеров и развитию сельской кооперации; популяризации предпринимательства).

О технологиях: среди целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 г., названы, в частности, «рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к интернету до 97 %, а также увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %». К 2030 г. должна быть достигнута «цифровая зрелость» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления. Кроме того, в четыре раза по сравнению с уровнем 2019 г. должен увеличиться объем вложений «в отечественные решения в сфере информационных технологий» (это является крайне важным направлением развития страны, так как в настоящее время они базируются на западных технологиях. И отключение России от программы SWIFT может привести к коллапсу ее банковской системы).

Об образовании: в документе сказано, что к 2030 г. Россия должна войти в десятку мировых лидеров по качеству общего образования и по объему научных исследований. Помимо этого, в стране должна быть сформирована эффективная система выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи¹⁶⁹.

Комментируя указ президента, председатель правительства РФ М. Мишустин отметил: «Мы провели точечную настройку национальных и федеральных проектов, чтобы они более уверенно выводили нас на националь-

ные цели развития с учетом новых непростых условий, которые возникли в том числе из-за распространения коронавирусной инфекции. Также определены результаты, непосредственно влияющие на улучшение жизни людей, сохранение занятости, доходов, повышение доступности и качества образования, создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности и поддержки ключевых отраслей экономики. Мы обновили, а где надо и дополнили список мероприятий, которые нужны для их достижения. А для достижения целей указа предусматривается ежегодно выделение 12 трлн руб.»¹⁷⁰.

Помимо этого, во время пандемии кабинет министров разработал комплекс мер по поддержке наиболее пострадавших отраслей экономики: транспорта, туризма, розничной торговли, сферы услуг и общественного питания (рис. 3.8.6).

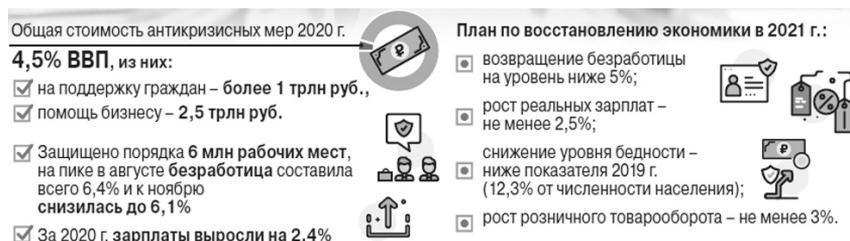

Рис. 3.9.2. Результаты работы правительства Российской Федерации в 2020 г.

Источник: Аргументы и факты. 2021. № 4.

На их спасение было выделено 3 трлн руб., а бюджеты регионов дополнительно получили 300 млрд. На помощь гражданам в прошлом году дополнительно направили 600 млрд. В основном деньги пошли на выплаты семьям с детьми. Кроме того, за 2020 г. премьер-министр заменил шесть министров и начал административную реформу. И если раньше кабинет министров Д. Медведева в год принимал 200 решений, то теперь — 5 тыс. В 2020 г. премьер объехал лично 15 регионов страны, а другие делали это за 3—5 лет. Ещё одно важное достижение Мишустина — он дал старт реализации проекта «Северный морской путь», который имеет стратегическое значение для российской экономики¹⁷¹.

При этом некоторые направления указа были запущены в 2020 г., часть из них уже работали в полную силу с 2021 г. Так, в сфере здравоохранения будет и дальше развиваться отраслевая система оплаты труда, создается единый реестр граждан, имеющих право на льготные лекарства, внедряется система маркировки лекарств и их контроля. Переход предприятий и организаций на удаленную работу в условиях самоизоляции привел к ускоренной цифровизации как в государственном, так и в частном секторе. Дополнительно создается единая межведомственная информационная аналитическая система мониторинга реализации нацпроектов на всех уровнях власти.

Эксперты агентства Bloomberg отметили, что экономика России в 2021 г. пережила наименьший спад из-за пандемии коронавируса по сравнению с большинством западных экономик. Они считают, что это произошло благодаря решению правительства РФ не вводить локдаун во время второй волны коронавируса¹⁷².

К этому следует добавить, что в конце ноября был дан старт работе не имеющего аналогов в мире сверхпроводящего ускорителя — бустера, научного проекта Объединенного института ядерных исследований. Его ввод с собой даёт ученым доступ к новейшим технологиям. Ученые из Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева (РХТУ) совместно со специалистами Института общей химии и Института элементоорганических соединений РАН синтезировали гибридные азотосодержащие вещества с высокой скоростью горения, которые окажутся полезными в качестве добавок к твердому ракетному топливу, делая его более конкурентоспособным на международном рынке.

Кроме того, Россия является мировым лидером по технологическому заделу в переходе на новый энергетический уклад. У неё есть не только необходимые углеводородные ресурсы для энергетической обеспеченности перехода, но и технологический задел, на 15 лет опережающий остальной мир в вопросах атомной энергетики и производства водорода. «Росатом» уже сегодня может поставлять водород на экспорт в качестве энергоносителя будущего. Но США не могут допустить такого развития событий, поэтому стремятся максимально ухудшить двусторонние отношения любыми способами. При этом было бы наивно предполагать, что антироссийские санкции администрации президента Джо Байдена закончатся: в ближайшем будущем, наоборот, они будут усиливаться. А руководители других стран понимают, что если сегодня не договориться с Россией, то можно отстать от неё в энергетическом переходе навсегда. Это понимает Япония, которая в 2019 г. заключила с Москвой договор о реализации пилотного проекта о поставках водорода из России¹⁷³.

К этому следует добавить следующее. Президент России, выступая на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» 25 февраля 2021 г. отметил, что «трудно не заметить коренных трансформаций в глобальной экономике, политике, социальной жизни, технологиях. Но есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватый борьбой всех против всех, с попытками разрешить назревшие противоречия через поиск «внутренних» и «внешних» врагов. При этом ясно, что мир не может идти по пути построения экономики, работающей на «золотой миллиард». Это просто деструктивная позиция, и такая модель по определению неустойчива. Сейчас важно от общей констатации перейти к делу, направить реальные усилия и ресурсы на то, чтобы добиться как снижения социального неравенства внутри отдельных стран, так и постепенного сближения уровня экономического развития разных стран и регионов планеты. Только вместе мы сможем добиться прогресса в решении серьёзнейших проблем»¹⁷⁴.

Опрос «Левада-центра» показал в связи с предпринятыми правительством мерами и планами реализации указа президента, что большинство опро-

шенных россиян (49 %) считает: Россия движется в правильном направлении, иной точки зрения придерживаются 43 % (рис. 3.8.7).

Наиболее достижимые цели указа россияне связывают со своими мечтаниями: о нормальной семье мечтают 90 % жителей страны; получить интересную работу — 76 % и хорошее образование — 71 %. И для того, чтобы их градус оптимизма поддерживался на должном уровне, столь необходимым для дальнейшего развития страны, российским властям необходимо делать ставку не на углеводороды, а на «человеческий капитал». В развитых странах давно поняли, что основная ценность государства, это не ресурсы и территории — а «человеческий капитал», который позволил таким странам, как США, Китай, Германия, Япония, развиться до уровня сильнейших экономик мира.

Рис. 3.9.3. Градус оптимизма в российском обществе в 2020 г.

Источник: Аргументы и факты. 2021. № 4.

Президент В. Путин в течение 2020 г. неоднократно и настойчиво обозначал необходимость экономического рывка российской экономики одной формулой: «действовать на опережение». Эти требования составили ядро российской антикризисной стратегии в условиях пандемии, последовательная реализация которой позволила частично минимизировать негативные последствия коронавируса. При этом российская система здравоохранения показала себя более эффективной, чем во многих странах мира, включая экономически наиболее развитые¹⁷⁵. Поэтому для устранения негативных факторов, сдерживающих развитие России, ее власти необходимо уделить больше внимания рекомендациям отечественных экспертов и ученых. В противном случае указ президента РФ постигнет печальная участь «Стратегии развития страны до 2020 г.», многие положения которой остались лишь на бумаге.

Завершая рассмотрение внутренних вызовов развитию России в XXI в., можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, основной внутренний вызов безопасности страны связан с незавершенностью объявленного правительством Мишустина реформирования госструктур управления страной, где наблюдается разрыв между конституционными принципами и реальной политикой, несоблюдение законов, регламентирующих их деятельность, и слабость механизмов гражданского контроля над институтами государственной власти. Многие действующие законы не обеспечены механизмами их реализации, и поэтому не работают. Развитие России необходимо начинать с наведения порядка в государственном механизме. Не повысив качества управления, нельзя решить другие задачи, главная из которых — улучшение жизни россиян.

Во-вторых, другими серьезными внутренними угрозами для развития России являются: *в экономической области* — незавершенность экономических преобразований, слабость рыночных институтов экономики, сохранение коррупции в стране и бегство капиталов из неё, финансовые спекуляции и возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов; *в области социальных отношений* — социальное расслоение общества, большой разрыв между наиболее богатыми и бедными, низкая эффективность сферы образования и рост безработицы. Проблема и в том, что в России очень высока диверсификация граждан по уровню доходов. Для этого необходимо повышение МРОТ до адекватного уровня и отказ от идеологии «налогового террора».

В-третьих, действенным способом противодействия этим негативным факторам являются развитие сильной российской экономики с опорой на национальные прорывы в области высоких технологий. При этом экономический рост страны могут обеспечить: рост занятости, рост производительности труда и рост конкуренции. Но в условиях нынешней демографической ситуации занятость в стране расти не может — для этого нет достаточного количества трудовых ресурсов. И если не стимулировать рождаемость, роста производительности труда не будет. Также необходимо осваивать дешёвое кредитование, поскольку оно помогает развивать малый и средний бизнес. Кроме того, необходимо пересмотреть шкалу и содержание прогрессивного налога, чтобы налоги для большей части населения стали меньше, а поступления в казну страны от состоятельной прослойки граждан и бизнеса росли пропорционально росту их доходов. При этом усиление борьбы с коррупцией будет способствовать притоку в Россию зарубежных инвестиций.

Следует отметить, что направления преобразования России в XXI в. надежно защищены от внешних угроз и вызовов военной мощью страны. В этих целях Россия укрепила ВС РФ и разработала гиперзвуковое вооружение, обеспечив причинение неприемлемого ущерба любому агрессору, который вздумает применить против нее военную силу. При этом сегодня у США нет средств противостоять вооружению России, тем более в гиперзвуковом плане. А через 15 лет будет уже поздно что-то менять, поэтому недруги России будут продолжать применять против неё санкции, провокации и информационные войны.

3.10. Мифы об угрозах, препятствующие развитию взаимоотношений акторов «стратегического треугольника» в XXI веке

Мифология об угрозах как средство достижения стратегических целей

Во времена «холодной войны» трехсторонние отношения между СССР, Китаем и США служили одной из опорных точек биполярной системы международных отношений, разделенной на два антагонистического лагеря — соцстраны, включая СССР и Китай, и западные государства во главе с Соединенными Штатами. После ее окончания биполярность рухнула, уступив место геополитическому лидерству США.

Что касается нынешних взаимоотношений США—РФ—КНР, то они напоминают неравносторонний «стратегический треугольник», в котором самое большое расстояние — между его вершинами, в силу того что Пекин и Москва не приемлют давления Вашингтона на другие страны при помощи санкций, когда последний использует двойные стандарты во внешней политике и при каждом удобном случае применяет военную силу.

При этом каждая из сторон «треугольника» стремится реализовать свои национальные интересы в том числе с использованием мифов об угрозах со стороны других его акторов. Эта мифология базируется на неверной оценке тенденций развития обстановки в мире и связанных с ней угроз национальным интересам под влиянием внутренних сил, заинтересованных в нагнетании обстановки в той или иной сфере деятельности государства на международной арене. Заинтересованные в этом силы активно занимаются тиражированием в СМИ заданных мнений, преследующих корыстные цели. Свидетельством тому служит то, что накануне принятия очередного госбюджета в СМИ США, РФ и КНР регулярно появляются серии статей о возрастании военных и иных угроз для безопасности этих стран. Их излюбленной темой являются проблемы межгосударственных отношений, вопросы глобальной и региональной безопасности и ошибочные оценки военной политики акторов «треугольника». Базируясь на этих публикациях, заинтересованные силы (минобороны, ВПК и т. д.) добиваются увеличения расходов на оборонную часть ежегодного бюджета. Кроме того, эти мифы препятствуют развитию взаимоотношений Пекина, Москвы и Вашингтона в XXI в. в интересах ликвидации общих угроз их национальным интересам. Но самое опасное то, что некоторые из мифических угроз «перекочёвывают» в национальные законодательные акты. Особенно в этом преуспел Вашингтон, который муссирует «старые» и инициирует «новые» мифы об угрозах национальным интересам Соединенных Штатов со стороны России и Китая, которые служат обоснованием роста напряженности между ними.

Мифы об угрозах России западному сообществу

«Русские идут!» — этот миф возник еще во времена холодной войны и он до сих пор продолжает существовать в западных СМИ. Реальность этой угрозы западному сообществу доказывают через демонстрацию военных парадов 9 мая на Красной площади, посвященных победе над фашизмом во Второй мировой войне, которую начали отнюдь не русские¹⁷⁶. Тем не менее антироссийские апологеты в своих концепциях «нового прочтения» истории этой войны стараются представить Россию *отнюдь не победительницей фашизма*. Такие западные историки, как Х. Болдуин, Г. Якобсен и Г. Доллингер, пытаются доказать мировому сообществу, что исход Второй мировой войны решили такие «великие кампании», как высадка англо-американских войск в Нормандии (хотя она произошла в конце войны) и боевые действия на Тихоокеанском и Североафриканском театрах военных действий, где действовали несколько дивизий с обеих сторон.

Советско-германскому фронту отводится второстепенное место (хотя против Красной Армии сражались от 60 до 80 % всех войск вермахта)¹⁷⁷. А такие события, как Сталинградская битва, ставшая началом коренного перелома в ходе этой войны, битва на Курской дуге, давшая русским стратегическое превосходство на всех фронтах, освобождение Европы от фашизма советскими войсками — все это описывается западными историками как «бои местного значения». При этом старательно обходится тот факт, что войска Италии, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии, Болгарии, Финляндии, Норвегии, Хорватии, Испании и Дании добровольно принимали участие на стороне вермахта в походе на Восток. Кроме того, они поставили на службу Третьему рейху свою экономику.

После коллапса Советского Союза и прекращения существования Варшавского договора в глобальные СМИ был запущен миф о *российской оккупации соседних стран*, в который верят несведущие обыватели. Под влиянием этого мифа в Прибалтике, Грузии и на Украине ситуация зашла так далеко, что там не только открываются музеи «оккупации», но уничтожаются памятники героям Великой Отечественной войны. При этом действия «русских оккупантов» какие-то странные: они не уничтожили их культуру и самобытность. Вместо этого строили города, порты, развивали образование, науку, помогали создавать национальную интеллигенцию и всячески благоустраивали «захваченные» территории, хотя русские города и села во время войны пострадали гораздо больше. По сути власти этих стран взяли курс на тотальную русофобию, а советский период истории ими преподносится как один из самых страшных эпизодов в новейшей истории. Все это делается в расчете на то, чтобы эта политика соответствовала стратегии Вашингтона по отношению к России, ведь под это у него можно выпросить как можно больше финансовых средств, чтобы решить многочисленные проблемы (деградация экономики, рост безработицы, эмиграция населения в другие страны и т. д.).

От них не отстают бывшие страны Варшавского договора, ныне являющиеся активными членами НАТО. Раздувая миф о российской «угрозе», они рассчитывают получить согласие США разместить на их территориях воен-

ные базы, за эксплуатацию которых они будут получать финансовые дивиденды, чувствуя себя комфортно под защитой 5-й статьи устава альянса¹⁷⁸. При этом общая численность военнослужащих в НАТО достигает более 3 млн солдат и офицеров, военный бюджет альянса в 2021 г. превысил российский в 23 раза (!), а у России численность ВС РФ составляет — менее 1 млн. Но эти объективные факты не играют большой роли для НАТО, потому что их главная задача продолжать гибридную войну против России. Поэтому антироссийски настроенные силы упорно продолжают приравнять Россию к колонизаторам и, чтобы остановить её, призывают применить военную силу.

В западных СМИ появился миф о том, что *в случае войны с Россией вооружённые силы Запада непременно одержат верх*. Однако этого не произойдет по ряду причин. *Во-первых*, РФ сумела в короткие сроки создать боееспособную армию, имея лишь 10 % от военного бюджета США. При этом ВС РФ обладают командованием, разведкой, коммуникационными возможностями и имеют боевой опыт участия в локальных военных конфликтах (в Афганистане, Закавказье, в Приднестровье, на Балканах, Украине и т. д.). *Во-вторых*, по многим параметрам технического оснащения ВС РФ превосходят США. Они обладают системами ПВО С-400 и С-500, гиперзвуковыми крылатыми ракетами («Авангард», «Цикрон», «Сармат», «Кинжал» и т. д.), которых нет в ВС США и НАТО, а также средствами радиоэлектронной борьбы, способными нанести заметный урон (так, в мае 2018 г. войска РЭБ России вывели из строя технику США в Сирии). *В-третьих*, для США война — это вооруженная борьба в целях защиты американского доминирования в мире и интересов их корпораций в различных регионах планеты. Но духовные ценности военнослужащих альянса не подразумевают необходимость отдать свою жизнь ради этих интересов, а уж о том, чтобы умереть ради защиты украинцев или грузин, не может быть и речи. Российские военнослужащие более патриотичны, они не желают разделить судьбу поработанных Западом стран и готовы воевать ради интересов Родины¹⁷⁹. *В-четвертых*, в соответствии с Основами государственной политики РФ в области ядерного сдерживания Москва оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и ее союзников ядерного оружия и других видов ОМП. Это предусмотрено также в случае агрессии против России с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства¹⁸⁰. При этом массированные ядерные удары повлекут за собой лавину губительных последствий для всего мира, особенно для европейских союзников США, что поставит под угрозу существование цивилизации на планете. В военных ведомствах всех стран мира это понимают, поэтому антироссийски настроенные политологи ищут другие способы покорить Россию.

США и их союзники тешат себя иллюзией возможности *ослабить Россию, сменив её правительство*, на том основании, что в течение последних 20 лет В. Путин правит Россией, а в США за это время сменилось шесть президентов. Но приход к власти тех или иных лидеров, а также проводимая ими

политика — это результат расстановки внутренних общественных сил, а не внешнего воздействия.

Наиболее свежий миф о России — миф Джо Байдена о том, что она *регулярно вмешивается в президентские выборы в Соединенных Штатах*. На сей раз Москву обвинили не только в попытках повлиять на электоральный процесс в 2016 г., но и в том, что она вела информационные кампании ещё против М. Лютера Кинга и Р. Рейгана (!) и продолжает сеять раздор в американском обществе по сей день. Как отметил глава комитета сената по разведке Ричард Бёрр, «цель России гораздо шире: посеять раздор в обществе и дискредитировать государственный аппарат. Спекулируя на существующих разногласиях, Россия пытается посеять недоверие среди наших сограждан к демократическим институтам и друг к другу»¹⁸¹. Под прикрытием этого мифа 15 апреля 2021 г. США ввели очередной пакет санкций против России. Они коснулись 32 лиц, «причастных» к вмешательству в выборы президента США в 2020 г., и шести российских компаний. Кроме того, Министерство финансов США издало директиву, которая запрещает американским финансовым институтам приобретать долговые обязательства, выпущенные Центробанком и иными финансовыми ведомствами РФ после 14 июня 2021 г.¹⁸² В этой связи американское издание The Hill отметило, что «решение ввести санкции было принято на фоне попыток Байдена демонстративно противостоять президенту России Путину... США определенно сильнее России в экономическом и политическом отношении, но это ядерная держава — обладающая правом вето в СБ ООН и влиянием на мировой арене, поэтому введенные санкции против неё еще больше охлаждают отношения между двумя странами»¹⁸³.

Мифические угрозы Китая национальным интересам США и России

При президенте Б. Обаме американо-китайские отношения в экономике и финансовой сфере развивались весьма плодотворно. При этом Вашингтон «закрывал глаза» на внутривнутриполитическую деятельность Пекина, а тот не вмешивался в международную деятельность Белого дома. Однако при Д. Трампе ситуация изменилась. Стремясь вернуть былое «величие Америки», 45-й президент США при помощи торговой войны стал сдерживать Китай. Поэтому некоторые политологи считали, что в 2020 г. выходец из команды Обамы Джо Байден, став президентом, сменит антикитайский курс своего предшественника. Но этого не случилось: 46-й президент США, придя к власти, продолжил политику Д. Трампа, направленную на санкционное давление на КНР. Видя, как в XXI в. стремительно Китай отесняет Соединенные Штаты с первых позиций не только в глобальной экономике, но и в политической области, Вашингтон стал усиленно раздувать мифы о китайской угрозе национальным интересам США.

К ним относится миф о том, что *Китай своей агрессивной глобальной политикой угрожает Соединенным Штатам*. Как отмечает американский политолог Г. Аллисон, «Соединенные Штаты серьезно обеспокоены потенциальной возможностью Китая использовать долговое бремя китайских кредитов или субнациональных групп для получения доступа к стратегическим и воен-

ным объектам США. И такое насильственное поведение Китая проявляется во всем мире — от Ближнего Востока и Африки до Латинской Америки и Европы»¹⁸⁴. В связи с этим госсекретарь США Э. Блинкен своими заявлениями пытается настроить Евросоюз против России и Китая. Так, он назвал самыми большими угрозами для ЕС российский проект «Северный поток-2» и Всеобъемлющее соглашение об инвестициях с Китаем, которые «плохо сказываются на трансатлантических связях», надеясь этим настроить Брюссель против Москвы и Пекина¹⁸⁵. При этом Вашингтон давит на Пекин по всем фронтам: через его шельмование за нарушение прав уйгуров, нарушение патентных прав и протекционизм в экономической сфере, агрессивную политику в Южно-Китайском море, антиамериканские экономические санкции и т. д.¹⁸⁶

Вслед за обвинениями в адрес Пекина последовало усиление американского военного присутствия у границ Китая. В добавление к постоянным военным учениям в Желтом море Пентагон направил на постоянное базирование в Японии эсминец «Рафаэль Перальта», а на островах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей должны появиться американские ракетные системы на случай «потенциальной агрессии Китая». Документ о необходимости их создания направлен на утверждение в Конгресс США¹⁸⁷.

Следующий миф Соединенных Штатов — *Китай совместно с Россией намерен создать антиамериканский военный союз*. Под его влиянием в Стратегии национальной безопасности США, утвержденной Д. Трампом в декабре 2017 г., указывается, что Россия и Китай «являются вызовом могуществу, влиянию и интересам Америки и пытаются подорвать ее безопасность». В ней указывается, что Москва ответственна за «военное вмешательство на Украине и в Грузии», а Пекин несет ответственность за «агрессию в Южно-Китайском море» и стремится утвердить свои стратегические интересы на европейской земле путем использования недобросовестной торговой практики, вложения финансовых средств в ключевую промышленность и инфраструктуру Европы¹⁸⁸. К этому следует добавить, что на американо-китайской встрече в Анкоридже Блинкен заявил о «глубокой озабоченности действиями Китая в Синьцзяне, Гонконге, на Тайване, экономическим давлением на американских союзников». Отмечалось, что «каждое из этих действий угрожает основанному на законе порядку, позволяющему поддерживать мировую стабильность». Учитывая, что Гонконг и Синьцзян считаются в Пекине внутренним делом Китая, американское давление не могло остаться без ответа. Член Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи обвинил американцев в том, что они «злоупотребляют постулатами национальной безопасности, препятствуя нормальным торговым отношениям, и подстрекают некоторые другие страны к нападкам на Китай, но Штатам не удастся задушить Китай»¹⁸⁹.

Еще одним мифом является утверждение Вашингтона, что *Китай является источником глобальной пандемии COVID-19*. Об этом прямо заявлял 45-й президент США Д. Трамп¹⁹⁰. Тем самым его администрация пыталась «убить двух зайцев». Свалить всю вину на Китай, чтобы скрыть собственные промахи в борьбе с пандемией и потребовать от него возмещения ущерба за поне-

сенные потери. Но особую вину за это Пекин не признает: ВОЗ не располагает подтвержденной информацией о том, что коронавирус был создан в лаборатории в Ухане, а исследования, проведенные в Нидерландах и в Италии, не выявили искусственное происхождение COVID-19.

К этому следует добавить, что руководители европейских государств пока воздерживаются от одобрения мифотворческой политики США, и на это есть веские причины. Торговый оборот с Китаем превосходит оборот с Вашингтоном. При этом европейцы боятся быть втянутыми в военные игры США. С другой стороны, они видят мощь ВС России и крепнущий политический союз Пекина и Москвы. Чтобы посеять недоверие между ними, Вашингтон пытается запугать российское общество мифами об китайской угрозе национальным интересам России, которые тиражируют некоторые отечественные СМИ.

Один из таких мифов о том, что *перенаселенность Китая угрожает российским дальневосточным регионам*. Безусловно, 1,3 млрд человек — это много, но прирост населения в КНР составляет всего 0,55 %, находясь на среднеевропейском уровне, в результате политики властей по контролю рождаемости. При этом по территории КНР занимает 3-е место в мире, поэтому китайцы имеют немалые резервы для освоения земель внутри страны. При этом численность китайских мигрантов в России на порядок ниже и находится под плотным контролем Федеральной миграционной службы и МВД. В случае выявления криминала в их среде они отправляют всех причастных к нему обратно в Китай. Кроме того, китайские мигранты, как правило, не получают российского гражданства, а об их наплыве в российские наукоемкие производства и исследовательские центры речь не идет, как не слышно и о китайских миллионерах, постоянно проживающих в России. Поэтому миф о китайской демографической экспансии не выдерживает критики ни с точки зрения экономики, ни с точки зрения географии, ни с точки зрения демографии.

В реальности Поднебесную интересует лишь стабильная поставка природных ресурсов из Сибири и Дальнего Востока, которая способствовала появлению мифа о том, что *острый дефицит природных ресурсов в Китае обуславливает экономическое завоевание дальневосточных регионов РФ*. Ими как раз КНР не обделена. Она занимает 1-е и 2-е места в мире по запасам угля, железа, марганца, меди, вольфрама, олова, алюминия, золота и т. д. Даже нефти в ней добывают около 200 млн т в год (половина того, что добывается в России) и активно ведут разведку новых месторождений. И в отношении природного газа картина, далеко не удручающая: его прогнозные запасы только в пров. Сычуань исчисляются десятками трлн кубм¹⁹¹.

Авторы мифов о китайской угрозе намеренно игнорируют заявления руководителей КНР относительно того, что Китай не имеет территориальных претензий к своим северным соседям в результате работы спецкомиссии этих стран, которая привела к урегулированию всех вопросов по спорным территориям. Республики Центральной Азии и Россия являются членами ОДКБ, и агрессия против любого участника этой организации автоматически влечет ответные действия всех ее членов¹⁹².

Несостоятельность американских мифов о российских и китайских угрозах

Следует отметить, что в противоборстве с Россией и Китаем США жизненно необходим их образ как врага американских национальных интересов.

Причём агрессивного и упорного, который «обижает соседние страны, а многие свои малые народы до сих пор держит в неволе». В этом достаточно убедиться, посмотрев различные американские фильмы, где в качестве образа главных врагов западного сообщества выступают в основном русские, китайцы, северокорейцы, иранцы, сербы и т. д. По существу это информационная война, которую США год за годом ведут против этих народов, превращая их в «агентов», «террористов», и «оккупантов». Хотя ряд американских экспертов уже много лет пытается донести до американской элиты очень простую мысль: нельзя одновременно сдерживать Китай и Россию, поскольку это лишь толкает страны в объятия друг друга. Однако настроенная против РФ и КНР элита продолжает рассуждать о мнимых российских и китайских военных угрозах, намеренно игнорируя то обстоятельство, что в современных условиях США достигают свои цели в мире в основном за счет стратегии не прямых действий, санкций, информационной войны «цветных революций» для приведения к власти ориентированных на них режимов, и т. д. А войны против таких сильных соперников, как Россия и Китай, обладающих военной мощью и ядерным оружием, они стремятся избегать. Поэтому и прибегают к раздуванию мифов об российских и китайских угрозах, чтобы превратить в глазах мирового сообщества Россию и Китай в «изгоев человечества».

Чтобы победить Москву и Пекин, Вашингтону необходимы сфокусированные общенациональные усилия, но этого трудно достичь без поддержки американской нации. А вот американская общечеловечность выражает иные настроения. Подтверждение тому — результаты опроса Чикагского совета по мировым делам, участники которого поставили Россию на 9-е, а Китай — на 11-е место среди наиболее серьезных угроз для американских интересов. Выше оказалось изменение климата, политическая поляризация в США и массовый приток в Америку иммигрантов и беженцев. Опрос прогнозно-аналитической компании «Группа Евразия» наглядно продемонстрировал громадный разрыв между «элитами» и простыми американцами по ключевому вопросу о войне и мире. На вопрос о том, надлежит ли Америке «инициировать военную операцию» в прибалтийском государстве, мнения простых американцев разделились почти поровну: 54,2 % ответили утвердительно, 45,8 % — отрицательно. Но среди политической элиты 95 % однозначно высказались за войну. Примерно такая же картина и с присутствием ВС США в других европейских странах. Почти половина опрошенных считает, что Америке следует сократить или полностью вывести свои войска из Польши (48 %) и Германии (49 %), а за наращивание этих войск высказалось лишь 5 и 3 % соответственно.

Таким образом, не только простые американцы, но и мировое сообщество в целом видят несостоятельность мифов Вашингтона о российской и китай-

ской угрозе. Но вместо того, чтобы совместными усилиями противостоять глобальным угрозам человечеству в виде COVID-19, распространению ядерного оружия и терроризма, Вашингтон муссирует «старые» и «новые» мифы об угрозах национальным интересам Соединенных Штатов со стороны России и Китая, которые служат обоснованием роста напряженности между ними.

Подводя итоги анализа мифов об угрозах России и Китая национальным интересам США, препятствующих развитию их взаимоотношений в XXI в., можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, на протяжении всей истории существования СССР, а затем России Вашингтон рассматривает Москву в качестве своего главного геополитического соперника, что прописано в Оборонной доктрине и в Стратегии национальной безопасности США. На самом деле демократы и республиканцы в Вашингтоне в последнее время непримиримо соперничают между собой, причем их вражда расколола американское общество, в котором 46 млн граждан США считают, что в результате подтасовок на президентских выборах победа в 2020 г. досталась не Д. Трампу, а Джо Байдену. Но в их отношении к внешнему миру они объединяются на антирусских и антикитайских позициях, которые в обозримой перспективе будут определять фундаментальные контуры геополитики Вашингтона.

Во-вторых, Вашингтон объявил Пекин и Москву своими главными соперниками и пытается вести против обоих государств санкционную, идеологическую, экономическую и политическую войну. На Китай США давят за якобы «угнетение» уйгуров и гонконгцев, коронавирус, агрессивную политику в Южно-Китайском море и т. д. Россию обвиняют в стимулировании войны на Донбассе, якобы во «вмешательстве в американские выборы» и прочих мифических «грехах».

В-третьих, регулярная публикация в западных СМИ голословных утверждений о «российской и китайской угрозах» и не подтвержденные фактами мифы о РФ и КНР как о «государствах-агрессорах» стали чем-то вроде «промывки мозгов» для мирового сообщества. Эти мифы меняют формы, становятся всё более образными и выразительными, однако суть их остается прежней: подрыв репутации России и Китая на международном уровне. Они почти всегда лишены доказательств и причинно-следственных связей, но экспрессивно выписанный фальсификаторами образ мифов о РФ и КНР в качестве «врагов человечества» прочно закрепляется в топе первых мировых новостей. А каждая новая провокация против России и Китая становится продолжением предыдущих.

В-четвертых, долгом экспертного сообщества России и Китая в этой связи является защита правды об их реальной политике, которая нацелена на то, чтобы международная архитектура взаимоотношений была справедливой, демократичной и обеспечивала устойчивость, опираясь на широкое взаимодействие государств и их интеграционных объединений. И эту информацию необходимо аргументировано доводить до нынешнего и будущего поколений жителей планеты.

Примечания

- ¹ *Лао-Цзы*. Трактат «Дао Дэ Цзин». URL: <https://ru.wikipedia>.
- ² *Антонио Грамши*. «Тюремные тетради» URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm>
- ³ *Nye, J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. 1990. New York: Basic Books.
- ⁴ *Joseph S., Jr. Nye* «Soft Power: The Means to Success in World Politics». 2005, Public Affairs. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000970433>
- ⁵ *Морозов Ю.В.* Мягкая и жесткая стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22, № 22. С. 121—138.
- ⁶ *Robert Gates*: «Soft power» needed. URL: http://cjonline.com/stories/112707/kan_2207301199.shtml#.WfKPGSI_zHA
- ⁷ *Clinton H.* The art of smart power//New Statesman. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/politics/2012/07/hillary-clinton-art-smart-power>
- ⁸ Вестник международных организаций. Т. 9. № 2 (2014)
- ⁹ *Братерский М.В., Скриба А.С.* Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-csha>
- ¹⁰ USAID, 2003].
- ¹¹ *Журавлева В.* Pro et contra: каким запомнят Барака Обаму Америка и мир. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/20/01/2017/588204979a79474a747db383>.
- ¹² *Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН. 2016. 376 с.
- ¹³ *Морозов Ю.В.* Применение Соединенными Штатами «мягкосилового арсенала» в современном мире. Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 1. С. 4.
- ¹⁴ *Radin A., Scobell A., Treyger E., Williams J., Ma L., Shatz H., Zeigler S., Han E., Reach C.* China-Russia Cooperation. Determining Factors, Future Trajectories, Implications for the United States. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2021. P. 161—172.
- ¹⁵ *Seib Ph.* China: The First Soft Power Superpower. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/china-the-first-soft-power-superpower_b_1552545.html
- ¹⁶ *Lee A.* Civic ties help shape China's soft power // China Daily. 02.10.2012. P. 7. URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2012-02/10/content_14578454.htm
- ¹⁷ Китай занял первое место в мире по числу отправляющихся ежегодно на учебу за границу граждан. URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7951840.html>.
- ¹⁸ *Peng Kan.* How to hard sell China's soft power // China Daily. 26.10.2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2012-10/26/content_15848154.htm
- ¹⁹ *Морозов Ю.В.* Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34—45.
- ²⁰ Кризисные войны: Рейтинговые агентства против ШОС. URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/22-04-2016/1299227-shos-0>
- ²¹ *Морозов Ю.В.* Значение мягкой силы России и Китая для Центрально-Азиатских партнеров по ШОС. В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Ответственный редактор В.И. Герасимов. Москва, 2016. С. 182—190.

²² *Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson*. Strategic information warfare: a new face of war. URL: rand.org

²³ Joint Publication 3-13/Information Operations/27 November 1998 Incorporating Change 120. November 2014. URL: dtic.mil

²⁴ *Давыдов Е.* Информационная война против России: «момент истины». URL: <https://cont.ws/@eugene-davidov/98702>

²⁵ *Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32 (269).

²⁶ *Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25.

²⁷ *Baldwin H.* Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.

²⁸ *Тихомиров В.* «Миссис лицемерие» и просто «царь». Кто управляет американским президентом? URL: https://life.ru/t/сша/950853/missis_litsiemierie_i_prosto_tsar_kto_upravliaet_amerikanskim_

²⁹ О чем говорил Владимир Путин на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». URL: <https://rg.ru/2021/01/27/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-sessii-onlain-foruma-davosskaia-povestka-dnia-2021.htm>

³⁰ Список лозунгов президентской кампании США. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/List_of_U.S._presidential_campaign_slogans#Democratic_Party_candidates_3

³¹ *Бартош А.А.* Как США и НАТО переводят гибридную войну на научную основу. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-08-24/4_1010_science.html

³² Гибридные войны в стратегии США и НАТО. URL: <http://rusila.su/2014/10/12/gibridnye-voynu-v-strategii-ssha-i-nato/>

³³ *Балуевский Ю.Н., Хамзатов М.М.* Глобализация и военное дело // НВО. 2014. № 27.

³⁴ Офис связи НАТО в Украине. URL: <http://vsenato.ru/ofis-svyazi-nato-v-ukraine/>

³⁵ Украина и НАТО создают Межпарламентский совет. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/72126-ukraina-i-nato-sozdayut-mezhparlamentskij-sovet>

³⁶ *Манойло А.* Как готовятся «цветные революции». URL: <http://www.rosinform.ru/mir/644474-andrey-manoylo-kak-gotoviyatsya-tsvetnye-revolyutsii/>

³⁷ *Морозов Ю.В.* Применение США «мягкосилового арсенала» в современном мире. Информационные войны. 2017. № 1 (41). С. 16—24.

³⁸ *Морозов Ю. В.* Мирная агрессия на Ближнем Востоке и ее влияние на национальные интересы государств ШОС. В сборнике: Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. Москва, 2014. С. 372—394.

³⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Об агрессии», от 14 декабря 1974 г. URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/>

⁴⁰ Консультативный совет по вопросам безопасности за рубежом. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/business-ru/overseas-security-advisory-council-ru/>

⁴¹ *Карякин В.* Стратегия «непрямых действий» и «мягкой силы» в политике США. URL: <http://catu.su/analytics/415-strategija-nepriamo-dejstvii-i-mjagkoj-sily-v-politike-usa>

⁴² *Шамин И.В.* Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий: монография. Н. Новгород-Саров: СГТ, 2010.

⁴³ *Панарин И.Н.* Информационная война: теория и практика // Кадровая политика. № 2. 2002. *Зенгер Х.* Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые стратегемы за три тысячелетия. В 2-х т. М., 2005.

⁴⁴ *Морозов Ю.В.* Теория и практика миротворческой деятельности США в сочетании с «умной силой» и стратегией непрямых действий // Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века. Москва, 2017. С. 111—140.

⁴⁵ *Шамин И.В.* «Цветная (бархатная) революция» как технология осуществления геополитического противоборства в условиях постбиполярного мира // Материалы межрегиональной научной конференции. Н. Новгород: ННГУ, 2008.

⁴⁶ *Mann S.R.* Chaos Theory in Strategic Thought // Parameters. 1992. Vol. XXII. Autumn. P. 54—68; *Шашков С.* Джин на верёвочке или проверка практикой теории «управляемого хаоса». Фонд стратегической культуры. 28.02.2011. URL: www.imperya.ru; *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Институт им. А. Эйнштейна. URL: http://www.aeinstein.org/organizati...DTD_Russian.pdf; *Шарп Дж.* Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии 1992. № 8.

⁴⁷ *Данюк Н.* Подрывная стратегия США в отношении России и Китая. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/>

⁴⁸ Новый директор ЦРУ назвал борьбу с Китаем главным приоритетом. URL: <https://riafan.ru/1393858-novyi-direktor-cru-nazval-borbu-s-kitaem-glavnym-prioritetom>

⁴⁹ Подрывная стратегия США в отношении России и Китая. URL: <http://www.iarex.ru/articles/52341>

⁵⁰ ОДКБ объявила об отказе от диалога с НАТО и ориентировании на ШОС, Иран, Латинскую Америку и Карибы. URL: <https://www.newsru.com/world/06nov2014/odkb.html>

⁵¹ AUSA NEWS: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hopes-to-release-new-modernization-strategy-in-coming-days>

⁵² *Морозов Ю.В.* Совершенствование вооруженных сил США, России и Китая под влиянием новейших технологий // Взаимоотношения России — Китая — США в рамках стратегического треугольника. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 188—214.

⁵³ Информация и космос. 2017. № 3.

⁵⁴ Global Information Grid (GIG). URL: <https://www.globalsecurity.org/intell/systems/gig.htm>

⁵⁵ Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RL32411.pdf>

⁵⁶ Joint Tactical Radio System Programmable, Modular Communications System. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ground/jtrs.htm>

⁵⁷ Army Future Combat System (FCS) “Spin Outs” and Ground Combat Vehicle (GCV): Background and Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL32888.pdf>

⁵⁸ *Медин А.О.* О новой системе планирования строительства вооруженных сил США. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2010-06-18/1_usa.html

⁵⁹ Вечная война. О перспективах развития вооружения. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/07/18/fwar2/>

⁶⁰ Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf>

⁶¹ *Шербаков В.* Армия США: стратегия многосферного доминирования. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2019-10-25/1_1067_usa.html?print=Y

⁶² Uq.S. Army Is Bringing Back Land-Based Missiles to an unusual extent in a Post-INF world. URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2019/08/07/army-will-soon-begin-testing-precision-strike-missiles-for-a-post-inf-world/#759db6f225e1>

⁶³ Pica tinny Arsenal reveal details of Army's extended-range artillery system. URL: <https://defence-blog.com/army/picatinnny-arsenal-reveal-details-of-armys-extended-range-a-rtiltery-system.html>

⁶⁴ US Army looking for Optionally-Manned Fighting Vehicle. URL: https://www.armyrecognition.com/weapons_defence_industry_military_technology_uk/us_army_looking_for_optionally-manned_fighting_vehicle.html

⁶⁵ Armored Multi-Purpose Vehicle. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Armored_Multi-Purpose_Vehicle

⁶⁶ Robotic Combat Vehicle (RCVS). URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82>:

⁶⁷ US Army triggers design competition for future attack reconnaissance helicopter. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/10/03/us-army-triggers-design-competition-for-future-attack-reconnaissance-helicopter/>

⁶⁸ SUN BLADE(tm) 6000 AND 6048 MODULAR SYSTEMS. URL: <http://files.ocs.ru/sun/Products/Systems/Niagara/INTEGRATOR/Sun%20Blade%20>

⁶⁹ Беспилотные летательные аппараты сил специального назначения BBC США. URL: <https://topwar.ru/162433-bespilotnye-letatelnye-apparaty-sil-specialnogo-naznachenija-vvs-ssha.html>

⁷⁰ U.S. Army Integrated Air and Missile Defense Capabilities: Enabling Joint Force 2020 and Beyond. URL: <https://www.ausa.org/sites/default/files/TBNSR-2014-US-Army-Integrated-Air-and-Missile-Defense-Capabilities.pdf>

⁷¹ Армия США тестирует очки дополненной реальности с системой ночного видения. URL: <https://se7en.ws/armiya-ssha-testiruet-ochki-dopolnennoy-realnosti-s-sistemoj-nochnogo-videniya/>

⁷² Савин Л. Перспективные военные технологии в США. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/perspektivnye-voennye-tehnologii-v-ssha>

⁷³ Храмчихин А. «Новый облик» по-китайски. Армейский сайт Полевая почта. URL: <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316865.html>

⁷⁴ Литовкин В. Пекин делает ставку на стратегию активной обороны. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html#print=Y

⁷⁵ Чем китайская армия опасна для России. URL: <https://russian7.ru/post/chem-ki-tayskaya-armiya-opasna-dlya-gossii/>

⁷⁶ Кауменова Т. Ключевые аспекты модернизации видов войск вооруженных сил Китая. URL: www.easttime.ru/analytic/3/8/490.html

⁷⁷ Васильев Ю., Кузнецов П. Взгляды военно-политического руководства Китая на роботизацию вооружённых сил страны. URL: http://factmil.com/publ/strana/kitaj/vzglyady_военно_politicheskogo_rukovodstva_kitaja_na_robotizaciju_vooruzhjonnykh_sil_strany_2017/59-1-0-1212

⁷⁸ Никитин С. Модернизация вооруженных сил КНР в начале XXI. Available at: asiapacific.narod.ru/countries/china/army21/

⁷⁹ Цветков И. Кризис в российско-американских отношениях. URL: <https://ushistory.ru/component/comprofiler/userprofile/65-ivan-tsvetkov?Itemid=408>

⁸⁰ Проблемы и перспективы российско-американских отношений на современном этапе. URL: https://otherreferats.allbest.ru/international/00819500_0.html

⁸¹ Обзор доклада ООН World Investment Report «Приближение к адекватности» // Business Week

⁸² *Морозов Ю.В.* подводные камни военно-политического сотрудничества России с США и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 21—36.

⁸³ *Фененко А.* Перспективы развития российско-американских отношений. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniy/>

⁸⁴ После Ирака Америка взялась за Арктику URL: <http://www.yoki.ru/social/08-12-2005/13294-arc-0>

⁸⁵ США против России. Как будут воевать две великие страны. URL: <https://topwar.ru/162414-ssha-vs-rossija-kak-budut-voevat-dve-velikie-strany.html>

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ The NPT took effect 50 years ago; its purpose been debated from the beginning. URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=68109018#message/171699735793549944>

⁸⁸ *Шмат В.* Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2237&type=news>

⁸⁹ *Морозов Ю.В.* Проблемы, сдерживающие реализацию интеграционных проектов Китая и России в Евразии // Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы глобальных и региональных измерений безопасности. М., 2018. С. 95—117.

⁹⁰ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. URL: <https://www.kommersant.ru/Docs/2011/2011d153-doklad.pdf>

⁹¹ Чжао Хуашэн. Россия — Китай: почему «горячо» в политике и «холодно» в экономике? URL: http://perevodika.ru/articles/1204190.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

⁹² *Цзунь Хэ.* Внешнеторговая ситуация будет усугубляться // Китай-2013. № 8.

⁹³ *Шу Кэ.* Небывалый уровень сотрудничества // Китай-2012. № 7.

⁹⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 4 июля 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218>

⁹⁵ Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/.

⁹⁶ *Цвигун И.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество: состояние и перспективы развития. Сборник трудов конференции по развитию сотрудничества в сфере экономики, политики и юриспруденции между Россией и Китаем. 2014. С. 207.

⁹⁷ Центральный банк РФ. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>

⁹⁸ Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая. Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/.

⁹⁹ Российско-китайское приграничье: использование потенциала сотрудничества. URL: <http://naukarus.com/rossiysko-kitayskoe-prigranichie-ispolzovanie-potentsiala-sotrudnichestva>

¹⁰⁰ *Александрова М.В.* Приграничная торговля с Китаем затихает перед новым подъемом // Российская газета. Спецвыпуск «Китай». № 5016 (192). URL: <http://www.rg.ru/2009/10/13/volny.html>

¹⁰¹ Новые платформы сотрудничества Китая и России: перспективы развития. URL: <https://tass.ru/pmef-2018/articles/5232189>

- ¹⁰² Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая. URL: <http://ria.ru/spravka/20140520/1008416110.html#ixzz3eUBpUv7N>
- ¹⁰³ Российско-китайское военное сотрудничество. URL: <https://topwar.ru/30726-rossiysko-kitayskoe-voennoe-sotrudnichestvo.html>
- ¹⁰⁴ Эксперт рассказал о перспективах сотрудничества России и Китая в космосе. URL: <https://ria.ru/20180704/1523908220.html>
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Ли Кэцян: мы готовы развивать сотрудничество с Россией на Дальнем Востоке. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/19661/>
- ¹⁰⁷ Научно-техническое и инновационное сотрудничество России и Китая. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/5690>
- ¹⁰⁸ *Мозис П.М.* Российско-китайское экономическое сотрудничество // *Обозреватель*. 1994. № 9. URL: http://observer.materik.ru/observer/N09_94/9_10.htm
- ¹⁰⁹ *Трошин Н. Н.* Потенциал российско-китайского инвестиционного сотрудничества. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/5/11.pdf>
- ¹¹⁰ *Титов Б.* В российско-китайском сотрудничестве еще много нераскрытого потенциала. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-10/23/content_36871751.htm
- ¹¹¹ Джордж Буш предупреждал о пандемии. URL: https://news.rambler.ru/other/44122579/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copyli
- ¹¹² Дональд Трамп сделал заявление. URL: <https://www.cosmo.ru/stars/news/14-04-2020/vazhneyshiy-progress-v-voynе-s-koronavirusom-donald-tramp-sdelal-zayavlenie/>
- ¹¹³ Китай скрывал данные о коронавирусе для накопления лекарств. URL: https://ria.ru/20200504/1570937934.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
- ¹¹⁴ Как Помпео обидел власти Китая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/31_a_12787340.shtml
- ¹¹⁵ Eileen Choffnes. Declaring victory too soon: Lessons from Europe's different responses to coronavirus. URL: <https://thebulletin.org/2020/04/declaring-victory-too-soon-lessons-from-europes-different-responses-to-coronavirus/>
- ¹¹⁶ Рекордное падение: экономика США рухнет на 40 процентов. URL: <https://ria.ru/20200414/1569979813.html>
- ¹¹⁷ *Henry Sokolski and Victor Gilinsky.* The Hidden Nuclear Risk of the Pandemic URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=68109018#message/172262685746972947>
- ¹¹⁸ Laura H. Kahn. The Commissioned Corps was created to stop plagues at the US border. Why hasn't it been used at airports during the pandemic? URL: <https://thebulletin.org/2020/04/the-commissioned-corps-was-created-to-stop-plagues-at-the-us-border-why-hasnt-it-been-used-at-airports-during-the-pandemic/>
- ¹¹⁹ *Daniel M. Gerstein.* Epic fail: Why the US wasn't prepared for the coronavirus pandemic. URL: <https://thebulletin.org/2020/04/epic-fail-why-the-us-wasnt-prepared-for-the-e-coronavirus-pandemic/>
- ¹²⁰ 7 компаний, которые помогают правительству США в борьбе с коронавирусом. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3264921&tid=108446>
- ¹²¹ Обнародованы меры по достижению адекватного результата в борьбе с коронавирусом в США. URL: <https://medvestnik.ru/content/medarticles/Obnarodovany-mery-podostizheniu-adekvatnogo-rezultata-v-borbe-s-koronavirusom-v-SShA.html>

¹²² Америка и Китай обвиняют друг друга в заражении планеты коронавирусом. Комсомольская правда от 7 марта 2020г.

¹²³ Байден подписал десять указов по борьбе с COVID-19. URL: <https://rg.ru/2021/01/22/bajden-podpisal-desiat-ukazov-po-borbe-s-covid-19.html>

¹²⁴ *Морозов Ю.В.* Результаты борьбы с пандемией в США, Китае, России и готовность этих стран противостоять такой угрозе в будущем. Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 5 (101). С. 164–174.

¹²⁵ Семь секретов, которые помогли победить эпидемию коронавируса в Китае. URL: <https://www.kp.ru/daily/27107.5/4182089/>

¹²⁶ Как Китай преподал демократиям урок борьбы с коронавирусом. BBC News. Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51872716>

¹²⁷ *Кованова М.С.* Влияние пандемии COVID-19 на внешнюю политику Китая и результаты борьбы с эпидемией. URL: <https://moluch.ru/archive/329/73726>

¹²⁸ Bloomberg назвал «Спутник V» крупнейшим научным прорывом со времен СССР. URL: https://ria.ru/20210206/proryv-1596305813.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

¹²⁹ Россия одержала еще одну победу. ВОЗ признала нашу вакцину безопасной и эффективной. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5efcc2e47c8a441248d0cce6/rossia-ode-rjala-esce-odnu-pobedu-voz-priznala-nashu-vakcinu-bezopasnoi-i-effektivnoi-5f6c9c99449d0768561f0441>

¹³⁰ Статистика вакцинации от коронавируса. URL: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>

¹³¹ Remarks by President Biden on America's Place in the World. FEBRUARY 04, 2021. U.S. Department of State Headquarters. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>

¹³² Interim National Security Strategic Guidance. President Joseph R. Biden, Jr. P. 10.

¹³³ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. THE DEPARTMENT OF DEFENSE.

¹³⁴ Pompeo M. Communist China and the Free World's Future. July 23, 2021. URL: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/>

¹³⁵ В Белом доме назвали формат «четверки» основой политики США в Индо-Тихоокеанском регионе // ТАСС. 30.01.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10583855>

¹³⁶ Quad Summit 2021: Why is China Rattled? // Financial Express. Updated: Mar 14, 2021. URL: <https://www.financialexpress.com/defence/quad-summit-2021-why-is-china-rattled/2212544/>

¹³⁷ США, Британия и Австралия заключили антикитайский военный союз // Российская газета. 2021. 16.09.

¹³⁸ Tan J. Here are the highlights from the heated exchange between the U.S. and China in Alaska // World Politics. March 19, 2021. URL: <https://www.cNBC.com/2021/03/19/here-are-the-highlights-from-the-heated-us-china-exchange-in-alaska.html>

¹³⁹ США и союзники создали новый блок против Китая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/61433f6d9a7947a1f9783e78>

¹⁴⁰ Interim National Security Strategic Guidance... P. 21.

¹⁴¹ Joint leaders' statement on the regional comprehensive economic partnership (RCEP). URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2020/11/RCEP-Summit-4-Joint-Leaders-Statement-Min-Dec-on-India-2.pdf>

¹⁴² Statement of admiral Philip S. Davidson, U.S. NAVY commander, U.S. Indo-Pacific command before the Senate armed servicescommittee on U.S. Indo-Pacific command posture. 09 March 2021. P. 3, 32—33.

¹⁴³ Cohen R. China, Russia looms over routine air operations across the globe. // Defense News. Friday, Sep 10. 2021. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/air-force-association/2021/09/09/china-russia-loom-over-routine-air-operations-across-the-globe/>

¹⁴⁴ Statement for the Record. Worldwide Threat Assessment. Armed Services Committee. United States Senate. Scott Berrier, Lieutenant General, U.S. Army Director, Defense Intelligence Agency. 2021. P. 14—15.

¹⁴⁵ *Ширяев В.* Академик Арбатов: «Китайские боеголовки полетят над территорией России» // Новая газета. 29 июля 2021 г. URL: [https://novayagazeta.ru/s/articles/2021/07/29/akademik-arbatov-kitaiskie-boegolovki-poletiat-nad-territoriei-rossii](https://novayagazeta.ru/turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2021/07/29/akademik-arbatov-kitaiskie-boegolovki-poletiat-nad-territoriei-rossii)

¹⁴⁶ Tirpak J. Strategic Command Needs New Three-Way Deterrence Model, Deputy Commander Says. // Air Force Magazine. Aug. 27, 2021. URL: https://www.airforcemag.com/strategic-command-new-three-way-nuclear-deterrence-model/?mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAF_POEMVDn4PU2Zqos409flFgTlaDRvj56GkYwffzLTxQjHxyHPb41FQulNEgE0WpC-vUDQ4eqyGStJfkiwAAKFOMSnEkbP0AEeOTv7KSCcocc

¹⁴⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁴⁸ *Гагарин В.* Тенденции развития современной стратегической обстановки // Обозреватель. 2005. № 9 (188).

¹⁴⁹ *Молчанов Г.* Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной безопасности России // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 3—12.

¹⁵⁰ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

¹⁵¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президентом РФ от 25.12.2014 г. URL: <http://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/>

¹⁵² Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/445/>

¹⁵³ *Макаренко И.К., Морозов В.С.* Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/editor/makarenko.html>.

¹⁵⁴ Основные угрозы военной безопасности РФ. URL: http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/takticheskaya_

¹⁵⁵ Родительный падёж. Из-за чего население России становится все меньше // АиФ 2021. № 9.

¹⁵⁶ Рабочих рук не хватает! URL: https://aif.ru/politics/russia/roditelnyy_padyozh

¹⁵⁷ Пандемия подкосила: россияне сократили число покупок в магазинах на треть. URL: <https://svpressa.ru/society/news/288830/?itg=1>

¹⁵⁸ Эксперт рассказал о фантастическом росте регистрируемой безработицы в России. <https://svpressa.ru/society/news/289417/?itg=1>

159 *Чаблин А.* Налоги начнут душить миллионы людей. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/285613/?lbq=1>

160 Что ждёт Россию в ближайшее время: мнения экспертов. URL: https://finance.rambler.ru/economics/45188906/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copuylink

161 Почему власть не спрашивает мнения учёных? // *АиФ* 2021. № 9.

162 *Мамин Сибиряк.* Основные проблемы экономики в России — почему наша страна не развивается? URL: https://zen.yandex.ru/media/mamin_sibiryak/osnovnye-problemy-ekonomiki-v-rossii-pochemu-nasha-strana-ne-razvivaetsia-601943912d3708189cdb2251?utm_campaign=dbr

163 У России не осталось шансов на экономический прорыв. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/42216021-u-rossii-ne-ostalos-shansov-na-ekonomicheskij-proryv/>

164 Round University Ranking (RUR) — является первым ежегодно издаваемым рейтингом российского происхождения. Начиная с 2010 г. суммарно 1,1 тысячи ведущих университетов мира из 85 стран приняли участие в том или ином рейтинге семейства RUR. Помимо «Общего» рейтинга, также издается ряд рейтингов по укрупненным предметным областям, в том числе по гуманитарным и социальным наукам. Всего в рейтинге RUR используется 20 индикаторов оценки университета, объединённых в четыре группы измерения — качество преподавания, качество исследований, уровень интернационализации, уровень финансовой устойчивости.

165 РИА Новости, 27.04.2021. URL: <https://ria.ru/20210427/rejting-1730092257.html>

166 Учитель имеет право// *Российская газета*. Федеральный выпуск № 59(5138)

167 *Костиков В.* В буднях великих строек // *Аргументы и факты* 2021. № 4.

168 Президент России Владимир Путин рассказал о новом правителе мира в ближайшем будущем. URL: <https://versia.ru/prezident-rossii-vladimir-putin-rasskazal-o-novom-pravitele-mira-v-blizhajshem-budushhemu>

169 Путин подписал указ о национальных целях развития России на период до 2030 года. URL: <https://tass.ru/politika/9013529>

170 *Березина Е.* Все идет по плану. URL: <https://rg.ru/2020/11/11/opredeleny-priority-nacionalnogo-razvitiia-na-blizhajshie-desiat-let.html>

171 Служить премьером // *Аргументы и факты* 2021. № 4.

172 Bloomberg: в 2021 г. экономику России ждёт рост. URL: <https://svpressa.ru/economy/news/288940/?itg=1>

173 *Кочетов А.* Место России в новом мировом порядке, как неизбежность. URL: <https://zen.yandex.ru/media/dbk/mesto-rossii-v-novom-mirovom-poriadke-kak-neizbeznost-5fe892ca0d0c7759ac2f3599>

174 Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983>

175 Действовать на опережение // *Аргументы и факты* 2021. № 4.

176 «Мифы о России. Русская угроза». Документальный цикл. URL: <https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/doc/dokumentalnyy-cikl-mify-o-rossii/mify-o-rossii-russkaya-ugroz-a-dokumentalnyy-cikl>

177 *Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной войны против России // *Электронный журнал Россия и Америка* в XXI веке. 2015. № 1. С. 2.

178 В статье 5 устава НАТО говорится, что «вооруженное нападение на одну или нескольких из них будет рассматриваться как нападение на них в целом и, следовательно-

но, каждая из них может осуществить право на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемое Статьей 51-й Устава ООН» URL: <https://fishki.net/anti/1719533-statja-5-ustava-nato.html> (с) Fishki.net).

¹⁷⁹ Обман века: миф о военной мощи США, или почему Россия одолеет Америку URL: <https://fishki.net/anti/2669057-obman-veka-mif-o-voennoj-mowi-ssha-ili-pochemu-r-ossija-odoleet-ameriku.html>

¹⁸⁰ Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74105990/>

¹⁸¹ «Всего лишь очередной миф»: почему в сенате США продолжают обвинять Россию во вмешательстве — РТ на русском URL: <https://russian.rt.com/world/article/675623-rossiya-vmeshatelstvo-v-vybory>

¹⁸² По отношению к России Байден взял на вооружение «путинский подход». URL: <https://gordonua.com/news/worldnews/po-otnosheniyu-k-rossii-bayden-vzval-na-vooruzhenie-putinskiy-podhod-klimkin-1549173.html>

¹⁸³ «Угроза остается крошечной». Мировые СМИ о новых санкциях США против России — ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11168409>

¹⁸⁴ Allison G. The New Spheres of Influence // Foreign Affairs. March/April 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence>

¹⁸⁵ США надеются словами об «угрозах» настроить ЕС против России и Китая. URL: <https://politexpert.net/238998-euobserver-ssha-nadeyutsya-slovami-ob-ugrozakh-nastroyit-es-protiv-rossii-i-kitaya>

¹⁸⁶ Враг моего врага: возможен ли российско-китайский альянс против США? URL: <https://expert.ru/2021/03/26/kitay/>

¹⁸⁷ Что Запад готовит России. URL: <https://smotrim.ru/article/2543019>

¹⁸⁸ Буденный А.А. Стратегия национальной безопасности Трампа. URL: <https://vudennyu637@scientifictext.ru>

¹⁸⁹ Россия и Китай переходят от обороны к контратаке. URL: https://ria.ru/2021/03/23/diplomatiya-1602378042.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr

¹⁹⁰ Как Помпео обидел власти Китая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/31_a_12787340.shtml

¹⁹¹ Юрьев М. Правда и мифы о китайской угрозе // Профиль. № 1(557). 14.01.2008.

¹⁹² Морозов Ю. К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 2. С. 118—129.

Часть четвертая

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

4.1. Развитие российской теории и практики многополярного мира в рамках международных структур

Развитие теории многополярного мира в рамках БРИКС

Нестабильность современных международных отношений в сочетании с несовершенством теории многополярности обуславливают периодическое уточнение её трактовок, находящих свое отражение в совместных документах стран — членов международных организаций и на национальном уровне.

Точкой отсчета в процессе выработки единой концепции многополярности можно считать встречу министров иностранных дел стран БРИК в Екатеринбурге 16 мая 2008 г., в результате которой было принято совместное коммюнике. В п. 3 этого документа указывалось, что «современное мироустройство должно основываться на верховенстве международного права и укреплении многосторонних начал при центральной роли ООН». При этом термин «многополярность» (multipolarity) в коммюнике не использовался, а характеристика миропорядка ограничивалась двумя пунктами преамбулы, предполагавшей обсуждение проблем международных финансовых институтов и продовольственной безопасности, подрываемой экономическим кризисом¹. В этом документе, помимо прочего, выделялся вопрос о поддержке Россией и Китаем стремления «Индии и Бразилии играть более видную роль в ООН», что будет регулярно повторяться впоследствии во всех совместных документах БРИК—БРИКС как указание на необходимость реформирования Совета Безопасности ООН посредством наделения этих стран, а затем и ЮАР, статусом постоянных членов этой структуры².

В Екатеринбурге в 2009 г. лидеры России, Китая, Индии и Бразилии, собравшиеся обсудить итоги мирового кризиса, отчасти изменившего баланс сил в их пользу, смогли оформить свою позицию в отношении многополярно-

сти более отчетливо. В п. 12 Совместного заявления указывалось: «Мы подчеркиваем нашу позицию в пользу более демократического и справедливого многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права, равноправии, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами».

Важно отметить, что в данном пункте многополярный мир трактуется как возможность принятия решений всеми государствами, противореча другому определению многополярности, в котором глобальную политику формируют несколько центров экономического, политического и цивилизационного влияния. Таким образом, в терминологии четырех государств многополярность фактически приравнивалась к многосторонности, что отнюдь не означало принятия подобной трактовки всеми странами — участниками организации³.

Дальнейшее развитие идеологии многополярности в рамках БРИК отразилось в Совместном заявлении глав государств и правительств стран — участниц Второго саммита БРИК в Бразилии (2010). Преамбула, сформулированная на Екатеринбургском саммите, практически не претерпела никаких изменений, однако в основной части нового документа был сделан акцент на особую роль G-20, притом не только в борьбе с последствиями финансового кризиса, но и в формулировке «целостной стратегии на посткризисный период». Впоследствии в документах саммитов эта «двадцатка», объединяющая традиционно развитые и развивающиеся «полюсы» формирующегося многополярного мироустройства, регулярно возникала в таком качестве в совместных документах «четверки»⁴.

Третья встреча в китайском городе Санья (2011) привела к целому ряду существенных изменений как в структуре форума, к которому присоединилась Южно-Африканская Республика, так и в его идеологии (рис. 4.1.1).

В Декларации, принятой по итогам этой встречи, вновь появляется термин «многополярность», однако уже не в качестве абстрактной цели, а объективно существующей посткризисной тенденции. Так, в п. 7 Декларации указывается: «Мы едины во мнении, что мир претерпевает далеко идущие, сложные и глубокие изменения, характеризующиеся усилением многополярности, экономической глобализации и нарастанием взаимозависимости». Традиционно была озвучена позиция стран БРИКС о необходимости интенсифицировать участие Индии, Бразилии, а также присоединившейся ЮАР в структурах ООН и была подтверждена ведущая роль G-20⁵.

Саммит в Нью-Дели (2012) перед встречей «Большой двадцатки» в Мексике не принес практически ничего нового. В п.3 итогов этого саммита содержалась частично перефразированная позиция относительно сложившегося миропорядка: «БРИКС — это платформа для диалога и сотрудничества между странами в условиях многополярного, взаимосвязанного и все более сложного глобализирующегося мира». И, несмотря на исключительно формальную роль геополитической преамбулы, теория многополярности была раскрыта в контексте перераспределения влияния в международных финансовых структурах. В тексте Декларации преобладали требования по скорей-

Рис. 4.1.1. Страны — члены БРИКС.
Источник: URL: <http://vestifinance.ru>

шему реформированию Бреттон-Вудской финансовой архитектуры, обоснованные возросшей ролью полюсов глобального Юга и их стремлением расширить свое влияние в МВФ и Международном валютном фонде⁶.

Пятый саммит стран БРИКС, прошедший в Дурбане (2013), оказался наиболее неожиданным с точки зрения поиска общей концепции многополярности. Основной задачей встречи стала интенсификация финансово-экономического взаимодействия в рамках «пятерки», связанная с перспективами создания единого банка БРИКС и выражающаяся в ряде соглашений о сотрудничестве между государственными корпорациями и госбанками стран — участниц этой организации. При этом понятие многополярности не возникло ни в тексте декларации по итогам саммита, ни в заявлениях лидеров перед прессой. Однако в п. 22 Декларации появилась формулировка «гармоничное мироустройство», непосредственно заимствованная из внешнеполитической доктрины Китая.

К настоящему времени политический потенциал и перспективы развития стран — участниц БРИКС рассматриваются с двух диаметрально противоположных позиций, которые условно можно обозначить как «оптимистическую» и «пессимистическую».

Первой придерживаются преимущественно российские политологи, предполагающие дальнейшее укрепление двухсторонних отношений внутри

БРИКС и утверждение некоего миропорядка, инициированного странами — участницами этой организации. Указывается на активную антизападную политику стран БРИКС, среди которых особенно выделяется Китай. «БРИКС — это “золотой кирпич”, который Поднебесная, похоже, хотела бы заложить в фундамент нового мирового порядка как в плане финансовой, так и международно-политической архитектуры», — утверждает профессор С. Лузянин, обращая внимание на китайскую политику «выхода из тени»⁷.

С другой стороны, доля скептических отзывов по поводу идеологического потенциала БРИКС и перспектив его дальнейшего развития по-прежнему весьма существенна. Среди критиков следует отметить историка Н.А Косолапова, выявившего зависимый характер идеологического становления политического пространства БРИКС, проходящего в рамках уже сложившегося глобального миропорядка, при наличии там таких центров силы, как США, G-20, G-7 и т. д. (рис. 4.1.2)⁸.

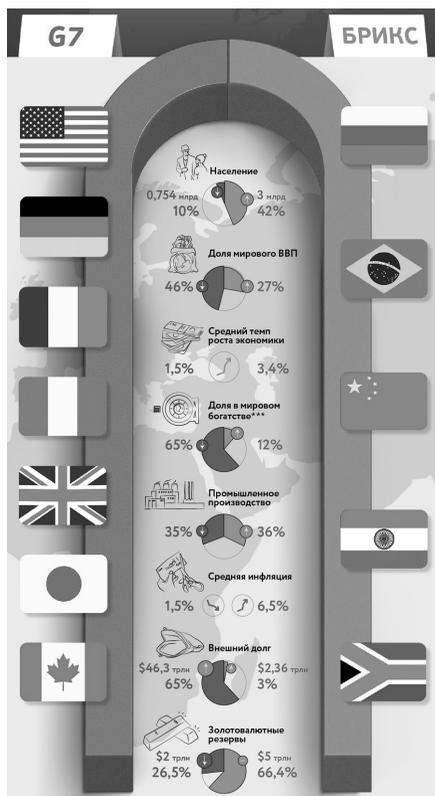

Рис. 4.1.2. Потенциалы государств G-7 и БРИКС.
Источник: URL: <https://vz.ru>

Если обобщить позиции «пессимистов», то можно выделить ряд основных проблем, приписываемых международному форуму БРИКС, среди которых, наряду с экономической и политической дезинтегрированностью, следует отметить отсутствие полноценной идеологической платформы, способной выступить в качестве привлекательной альтернативы существующему «однополярному» миропорядку во главе с США.

Таким образом, учитывая, что в ближайшем будущем БРИКС сохранит формат дискуссионной площадки, основной функцией которой является согласование интересов ее стран-участниц, идеологическое направление развития объединения следует признать наиболее актуальным. Однако вопреки многочисленным попыткам по структуризации и оформлению, предпринятым за последние десятилетия, современную теорию многополярности пока нельзя считать ни полноценной, ни всесторонне разработанной.

Особенности трактовки многополярности на национальном уровне

Рассматривая теорию и практику трактовки многополярности на национальном уровне, можно выделить две основные позиции, первая из которых представляет собой классическую многоцентричность, построенную на останках идеологии холодной войны, а вторая — многосторонность, более адаптированную под реалии современного глобализирующегося мира.

Наиболее ярким представителем первой концепции является *Россия*, традиционно позиционирующая себя в качестве одного из ключевых международных центров силы, являющегося также «выразителем интересов всего незападного мира». История российской многоцентрично-многополярной теории началась в начале 1996 г., когда Е.М. Примаков, занявший пост министра иностранных дел РФ, впервые использовал ее, заменив малоуспешную политику «демократической солидарности».

На тот момент схожих взглядов придерживался и «выходящий из тени» Китай, активно стремившийся занять достойное место в узком кругу мировых лидеров. В июле 1995 г. тогдашний генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь заявил, что «современный мир идет к многополярной структуре, и эпоха, когда одна-две державы или группировки великих держав управляли мировыми делами и определяли судьбы других государств, больше никогда не вернется». В апреле 1997 г. он обратил внимание на «ускоренное развитие тенденции многополярности как на глобальном, так и на региональном уровнях»⁹.

Сближение позиций позволило России и Китаю подписать совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка, где были провозглашены такие основополагающие принципы теории многополярности, как: невмешательство во внутренние дела третьих стран; уважение суверенитета; неприемлемость блоковой дисциплины и переход политики на региональный уровень (1997)¹⁰. Косовский конфликт 1999 г. и связанная с ним антиамериканская направленность российско-китайской внешней политики начала 2000-х способствовали переходу от наме-

ченного многополярного пути к более реалистической многоцентричной теории, использовавшейся как альтернатива американскому гегемонизму.

В Концепции национальной безопасности РФ (2000) впервые было указано на противостояние российско-китайской теории и однополярной концепции, лежащей в основе внешнеполитических доктрин стран Запада: «После окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции. Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений. Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США». Поэтому в Концепции было отмечено: «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире»¹¹. Подобная позиция была расценена западными экспертами как «комплекс травмированной сверхдержавы», хотя на сегодняшний день она прошла существенную трансформацию и по-прежнему влияет на ситуацию в мире¹².

Наиболее красноречиво это отражено в высказываниях представителей военных кругов и независимых аналитиков КНР. Первые, среди которых находятся представители Национального университета обороны НОАК и Академии военных наук, подвергают резкой критике пассивность китайской внешней политики, опирающейся на теорию «гармоничного мира», предполагая в качестве альтернативы более жесткую конфронтацию с традиционными западными странами-лидерами. В качестве типичного примера многоцентричной риторики можно привести высказывания старшего полковника ВВС Дай Сюя, призвавшего в январе 2012 г. к созданию военно-политического союза между Пекином и Москвой, направленного на сдерживание США, а также генерал-майора Ло Юаня, заявившего, что Китаю следует отвечать на враждебные действия США «так же жестко, как Россия».

С другой стороны, главный редактор журнала *Contemporary International Relations* Лю Липин в духе многосторонности разделил все существующие государства на четыре типа: сверхдержавы (США), сильные (Англия, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия, Бразилия и др.), средние и слабые страны. По его мнению, сильные страны и сверхдержава образуют «Большую двадцатку» — полюсы многостороннего мира. При этом каждый полюс принимает участие в глобальных делах, но основные усилия направляются на собственные регионы¹³.

Резкий всплеск многоцентричной риторики произошел в период кризиса 2008—2012 гг., существенно ослабившего страны Запада. Важным для понимания характера российской многополярности стало заявление тогдашнего президента РФ Д.А. Медведева, сделанное в сентябре 2008 г.: «Мир должен быть многополярен. Однополярность неприемлема, мы не можем принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки»¹⁴.

Кроме того, в стратегии национальной безопасности Российской Федерации возникло понятие «ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений», к которым Россия причислила себя¹⁵. В Концепции внешней политики России, принятой в 2013 г., напрямую указывалось на то, что «продолжают сокращаться возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в АТР. Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики», что, с одной стороны, указывало на переход к более либеральной трактовке многополярности, а с другой — на возвращение идеологического противостояния с западными геополитическими теориями¹⁶.

Теория многосторонности также представлена внешнеполитическими концепциями «развивающихся демократий» — Бразилии и ЮАР, первая из которых обладает определенными «мессианскими комплексами», отчасти роднящими ее с российско-китайской концепцией. При этом ее исторические мечты о «Большой Бразилии» стали реализовываться уже к середине 1980-х годов, когда страна выступила с инициативой создания регионального блока МЕРКОСУР, являющегося, вплоть до сегодняшнего дня, одним из наиболее влиятельных южноамериканских объединений. Однако попытки Бразилии превратиться в региональную доминанту встретили упорное сопротивление со стороны Соединенных Штатов, поддержавших ее конкурентов — Аргентину и Мексику. Поэтому в начале 1990-х годов внешнеполитическая доктрина Бразилии, направленная на сотрудничество с США, была пересмотрена, и именно тогда во внешней политике страны возникла теория многополярного мира.

Особенность бразильской трактовки заключалась в том, что за целью построения многополярного миропорядка скрывалось желание доминировать в собственном регионе, а не оспаривать мировое лидерство у глобальных центров силы. Фактически многосторонность по-бразильски была выражена в «теории гомициклов», последовательно ставящей перед страной три внешнеполитические задачи: *во-первых*, наладить сотрудничество со странами Южноамериканского региона; *во-вторых*, заручиться поддержкой глобальных полюсов Юга (страны РИК); *в-третьих*, выступить в качестве выразителя интересов «третьего мира», приобретя тем самым необходимое для полноценного полюса политическое влияние¹⁷.

На схожих позициях находится концепция многополярности ЮАР, освободившейся от политики апартеида в 1994 г. и активно включившейся в борьбу за лидерство в Южно-Африканском регионе, на которое претендовала также Нигерия. Этому противостоянию активно способствовала официально пропагандируемая политика изжития апартеида, позволившая ЮАР выступать от имени всей африканской цивилизации. Важным этапом интеграции африканских государств в сферу влияния ЮАР стало превращение Организа-

ции африканского единства в Африканский союз, произошедшее в июле 2002 г. Помимо этого Республика последовательно выступает за отмену экономических барьеров, создание новой инфраструктуры и демократизацию на континенте, выделяя себя в качестве основного агента грядущей панафриканской интеграции. Таким образом, к началу 2000-х годов основные цели ЮАР были окончательно сформированы и начали реализовываться. В этом плане была показательна попытка президента Зумы выступить в качестве посредника в Ливийском конфликте, закончившаяся неудачей, но, тем не менее, показавшая ту ключевую роль в регионе, которой удалось добиться стране за это время¹⁸.

Тем не менее теория многополярного мира не играет в южноафриканской дипломатии столь важную роль, как в китайской или российской, но многосторонность в таких проявлениях, как стремление к абсолютному суверенитету региональных полюсов, их право на цивилизационную самобытность и наличие сфер влияния, защищенных от более крупных центров силы, находит свое отражение в доктрине «убунту» («справедливость» и «соборность»), являющейся стержневой политической концепцией ЮАР¹⁹. Эта теория во многом способствовала принятию ЮАР в БРИКС, однако, несмотря на декларируемое стремление выйти в мировые лидеры, политика республики сумела сохранить свой прагматичный характер.

Неоднозначной выглядит в отношении теории многополярности позиция Индии, находящейся на стыке многоцентричности и многосторонности. С одной стороны, ее стремление играть более существенную роль в формирующемся миропорядке не вызывает сомнений, при том что экономический потенциал и политический авторитет этой страны превращает ее в непререкаемого лидера Южно-Азиатского региона. В пользу гегемонистских устремлений Индии говорят ее отношения с Непалом, а также индийско-пакистанский конфликт, длящийся с 1947 г. В 1998 г. Индия, так же, как и ее партнеры по РИК, оказалась в конфронтации с Западом вследствие проведения испытаний ядерного оружия, воспринятых как непосредственная угроза глобальной безопасности.

Исходя из этого, можно предположить, что в Индии развивается многоцентричная теория, аналогичная российско-китайской. Однако, с другой стороны, индийская внешнеполитическая позиция является более замкнутой, а сфера ее геополитических интересов практически ограничивается ее собственным регионом. Кроме того, неоднозначным во внешней политике Индии остается вопрос ее отношений с Западом, весьма существенный для формирования любых внешнеполитических концепций. Так, бывший посол Индии в России Канвал Сибал отмечал: «Сформировавшаяся модель отношений Индия — США будет отличаться от отношений Америки с Британией, Японией или Францией. Это будет уникальная модель, в которой Индия останется самостоятельной сущностью, тогда как Соединенные Штаты сохраняют веру в свою исключительность»²⁰. Стоит также отметить, что, проводя сдержанную политику по отношению к США, Индия с 2003 г. активно участвует в деятельности «форума развивающихся демократий» IBSA, являясь, та-

ким образом, единственной страной БРИКС, имеющей членство в обеих структурах.

Таким образом, несмотря на подчеркнuto экономический характер международного клуба БРИКС, геополитическая теория многополярности играет весьма существенную роль в формируемой им позиции. Элементы теории многополярности, среди которых абсолютный суверенитет всех полюсов, равное представительство в международных организациях, главенствующая роль ООН, отказ от блоковой дисциплины и т. п., активно вовлекаются в структуру совместных декларативных документов стран БРИКС, не только отражаясь в преамбулах, но и определяя содержание политико-экономических рекомендаций «пятерки».

Фактически многополярная теория задает координаты для деятельности объединения, формулируя его цель, приоритеты и принципы этой деятельности. Кроме того, коллективное признание теории многополярности всеми странами — участниками БРИКС демонстрирует общность их взглядов на существующий миропорядок, а также подчеркивает их статус как государств, уже обладающих полным суверенитетом и рассматривающих себя в качестве перспективных региональных лидеров.

Тем не менее в рамках БРИКС отсутствует полноценная теоретическая база и даже общепринятая терминология, способная формализовать многочисленные национальные концепции («гармоничный мир» КНР, «дипломатия убунту» ЮАР, «демократический мир» Индии и т. д.), схожие по содержанию с многополярной теорией. Что гораздо более важно — страны-участницы не имеют общего видения картины существующего миропорядка в рамках теории многополярного мира, самостоятельно выделяя полюсы и расставляя приоритеты, не согласующиеся друг с другом. Результатами подобных несоответствий становятся трудности при интеграции внутри объединения.

В целом перспективы дальнейшего развития теории многополярности раскрываются в двух наиболее вероятных вариантах:

- либо противоречия, имеющие место на сегодняшний день, окончательно разделят «пятерку» на «демократическую тройку» и российско-китайский тандем, сохраняющий верность классическо-реалистическому восприятию, что обусловит переход инициативы к новым международным клубам развивающихся стран, опирающихся в своей деятельности на иные теоретические концепции, например к более «либеральной» ШОС;
- либо посредством интенсивного взаимодействия экспертных центров в рамках регулярно проводимых форумов в течение нескольких лет объединение БРИКС получит столь необходимую ему теоретическую базу, определяющее место в которой будет занимать обновленная теория многополярности, отражающая нетипичный характер возникающих полюсов (информационных, цивилизационных и т. д.) и их право на участие в глобальном управлении.

Реализация второго, оптимистического сценария, дающего теории многополярного мира шанс на дальнейшее существование и развитие, потребует не только грандиозной координационной работы по согласованию внешне-

политических доктрин стран, различных по своей историко-культурной традиции, но и политической воли правительств стран-участниц, а также возникновения относительной блоковой дисциплины, характеризующей, например, успешно оформившееся объединение G-7. К сожалению, исходя из результатов проведенного исследования, приходится констатировать, что вероятность подобного развития событий остается крайне малой.

Подходы России к перспективам формирования многополярного мира

Многие международные эксперты приписывают первые шаги по выработке стратегии многополярности для международных отношений России. И для этого есть основания. Еще 23 апреля 1997 г. Россией и Китаем в Москве была подписана декларация по многополярному миру и установлению нового международного порядка, а 15 мая того же года декларация была зарегистрирована в ООН²¹.

В ней указано, что РФ и КНР будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка. Отмечалось, что в конце XX в. в международных отношениях произошли глубокие перемены. Утверждается многообразие политического, экономического и культурного развития всех стран, растет роль сил, выступающих за мир и широкое международное сотрудничество. Все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты. Построение мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка становится настоятельным требованием эпохи и императивом исторического развития.

Декларация также гласила, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. При этом в декларации подчеркивалось, что Китай и Россия переходят к новой форме взаимоотношений, и она не направлена против третьих стран. Возлагались надежды, что ООН сыграет важную роль в установлении нового международного порядка совместно с силами, способствующими формированию многополярного мира, среди которых назывались развивающиеся страны и Движение неприсоединения.

Далее позиции Москвы и Пекина в области формирования многополярного мира еще больше сблизилась. Их совместная декларация о международном порядке в XXI в., подписанная в Москве 1 июля 2005 г. президентом РФ В. Путиным и председателем КНР Ху Цзиньтао, логически продолжала эту линию. К тому времени США уже вторглись в Ирак, и декларация являлась реакцией на этот вызов, будучи призванной укрепить усилия по организации нового международного порядка. В этой декларации также говорилось, что «многообразие культур и цивилизаций в мире должно стать основой для их

взаимообогащения, а не для конфликтов. Не «столкновение цивилизаций», но необходимость глобального сотрудничества — вот определяющее требование мира в современных условиях²².

При этом формирующийся многополярный мир существенно отличается от других моделей многополярности, главным образом за счет противостояния России и Китая Западу во главе с США. В основном это связано с тем, что: прямые иностранные инвестиции в Россию в связи с продолжающимися санкциями стран Запада и США резко сократились, включая прямые инвестиции в технологии; в рамках ВТО наблюдается стремление США проводить дискриминацию РФ и КНР в торгово-экономической области. Но, несмотря на западные санкции, российские и китайские компании все активнее занимают финансовые средства на мировых рынках капиталов. При этом роль России как поставщика энергии на главные международные рынки постоянно растет.

В Концепции внешней политики Российской Федерации помимо этого зафиксировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов»²³.

Необходимо также отметить, что понимание российскими политиками, дипломатами и учеными необходимости разработки теории многополярности возникло из кризисной ситуации в конце XX в. Вначале произошел распад Советского Союза, сопровождавшийся этническими конфликтами. Подобный коллапс случился и в Югославии, что привело к нескольким внешним интервенциям и изменению политической карты региона. Бомбардировка НАТО и самопровозглашение албанцами Косово были чувствительным ударом не только по суверенитету Союзной Республики Югославия, на тот момент состоявшей из Сербии и Черногории, но и по европейскому геополитическому устройству в целом.

События 11 сентября 2001 г. также повлияли на восприятие мировой системы в новом качестве. Неслучайно в публикации от сентября 2003 г. один из отечественных апологетов многополярности Е.М. Примаков отмечал, что «вслед за событиями 11 сентября отчетливее, чем когда бы то ни было, проявилось противостояние двух тенденций. С одной стороны, сохранение при определенной модернизации миропорядка, основывающегося на таком механизме многосторонних действий, как Организация Объединенных Наций. С другой — ставка на то, что жизненно важные для человечества решения могут приниматься одной страной — Соединенными Штатами — на основе субъективного восприятия Вашингтоном международной действительности»²⁴.

Примаков указывал, что ЕС превращается в центр силы, сопоставимый по своим возможностям с США. Китай, Россия, Индия и Япония также не собираются следовать в хвосте событий, определяемых в Вашингтоне. Им была отмечена необходимость роли ООН в становлении многополярности. Ранее Примаков замечал, что «неравномерность развития государств будет проявляться преимущественно в антагонистических формах, даже домини-

рующая держава исторически не сможет образовать однополярное мироустройство»²⁵. Важно отметить, что он уже тогда отрицал лидерство США, указывая на стремительно растущие возможности других стран и альянсов. «Падение американского противовеса — СССР, не дает основания считать — что США — безусловный победитель, и, следовательно, мир должен быть однополярным, с единственным центром в Вашингтоне. Этому противоречит и сам ход мирового развития».

Это подтверждается следующими данными: совокупный ВВП Китая и Индии больше ВВП США. Лидерство США в научно-техническом прогрессе как одно из условий однополярного мира тоже сегодня активно оспаривается²⁶. Это подтверждается статистикой: к 2011 г. сложились четыре главных центра научного прогресса — США (31 % мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24 %), Китай (14 %) и Япония (11 %)²⁷.

В целом, Е.М. Примаков, будучи сторонником создания «стратегического треугольника Россия—Индия—Китай, который мог бы сбалансировать агрессивное поведение США и парировать другие вызовы, заслуженно считается одним из первых отечественных практиков многополярности.

Концепция «неоевразийства» другого российского политолога А.Г. Дугина также является одной из идеологических и интеллектуальных платформ для разработки многополярности. Он полагает, что «...евразийство на уровне планетарного тренда — это глобальный революционный цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации. Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе». Хотя классическое евразийство было связано исключительно с судьбой России, которая характеризовалась как Евразия из-за своей уникальности, огромной территории и непосредственного расположения между «классической» Европой и Азией, концепция Дугина дополнила эту идеологию новыми методологиями и научными понятиями. Таким образом, она получила глобальное измерение, вышла за пределы континента Евразия. В его понимании «евразийство — это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы Земли в строительстве самобытного и оригинального мира, каждая составляющая которого органично проистекала бы из исторических традиций и местных культур»²⁸.

Довольно близким к данной формуле является мнение другого российского ученого Б. Мартынова, который отмечал, что новая нарождающаяся многополярность не может быть никакой иной, кроме как цивилизационной. Он подчеркивает, что «...межцивилизационное общение — это реальность современного мира, в котором помимо государств и наряду с ними в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различ-

ного рода все больше вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и, наконец, отдельные люди как представители своих цивилизационных архетипов. Кроме того, преимущество системы многополюсного мироустройства перед однополярной и биполярной в том, что для своего функционирования она должна основываться на праве. Верность этого наблюдения очевидна на примере однополюсного мира, существующего “по понятиям” главного игрока глобальной системы. Применимо оно и к биполярности, где каждый из двух “равноответственных” субъектов стремится к обеспечению “свободы рук” в своей зоне влияния, невзирая ни на какое международное право. Однако для взаимодействия нескольких крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощью и влиянием, право необходимо для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus vivendi*. Это тем более применимо к такой сложной системе, как цивилизационная многополярность»²⁹.

Тем не менее далеко не все российские ученые и дипломаты указывали на положительный характер формирующейся многополярности. Например, научный руководитель Института США и Канады РАН С. Рогов заявлял, что «в новой полицентричной системе отсутствуют общие “правила игры”, нормы и институты, которые могли бы эффективно регулировать взаимодействие центров силы — как сотрудничество, так и соперничество», поэтому тенденция к многополярности создает «неустойчивость и непредсказуемость эволюции современной системы международных отношений, создает угрозу выхода ситуации из-под контроля»³⁰.

Как «суверенная страна Россия способна самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути», — заявил президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ в 2018 г. Разумеется, что результаты и перспективы необратимого продвижения российского общества по избранному пути развития не могут быть осмыслены вне рамок тех перемен исторического масштаба, которые произошли в мире на рубеже XX—XXI веков, когда мировое сообщество вступило в сложный этап формирования новой системы международных отношений.

Исходную позитивную роль для запуска этого процесса, который обещает быть достаточно длительным, с сильным элементом неопределенности и непредсказуемости, сыграло прекращение изнурительного, жесткого противостояния между обладателями крупнейших ракетно-ядерных потенциалов и их союзниками, что не раз ставило человечество на грань катастрофы. После того как мировому сообществу удалось освободиться от пресса идеологической и политической конфронтации времен холодной войны, в мире утвердились демократические, рыночные модели развития.

Широкое поле совпадающих интересов государств мира позволило преобразовать алгоритм международных отношений, открывая перспективы решения общечеловеческих проблем без сдерживающего влияния блоковой дисциплины и идеологических шор, хотя в сфере стратегической стабильно-

сти и контроля над вооружениями элементы двухполярной системы по-прежнему сохраняются.

Очерченные радикальные сдвиги неслучайно совпали с набирающей обороты глобализацией. Она существенно сблизила различные мировые культуры благодаря новой динамике торгово-экономических связей, бурному совершенствованию средств информации и коммуникаций. Резко усилилась взаимозависимость государств: их безопасность и процветание стали неделимы.

В то же время процессы глобализации усугубили неравномерность мирового развития. Расширились региональные зоны напряженности — как открытые, так и тлеющие. На смену традиционным вызовам пришли иные угрозы безопасности и устойчивому развитию: международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, организованная преступность, наркотрафик, нелегальный оборот обычных вооружений, экологическая деградация, массовые эпидемии, техногенные катастрофы. Вызовы и угрозы нового поколения приобрели планетарный размах, а мировое сообщество далеко не сразу осознало эту опасность. Поначалу преобладающее хождение получили рассуждения о том, что утверждение принципов демократии и рыночной экономики само по себе явится регулирующим стержнем международных отношений. Такие надежды, однако, оказались иллюзорными, а стереотипы холодной войны — весьма живучими. Не обошлось также без пагубного воздействия дефицита доверия между международными акторами, стремления приспособить окружающий мир под их односторонние интересы.

Как следствие, международные отношения стали утрачивать системообразующее начало. Переходный период в них принял противоречивый и затяжной характер, а сама попытка дать сколько-нибудь четкое определение новой системе международных отношений явилась серьезным вызовом. В результате сложилась ситуация, отличающаяся перманентной нестабильностью: приобретая все большую взаимозависимость, мир становится все менее безопасным. Лавина беспрецедентных террористических актов, обрушившаяся на многие страны в начале XXI в., наглядно продемонстрировала неотлагательную необходимость согласованного ответа на новые вызовы и придания глобальным процессам управляемого характера. При этом обозначились две методики реагирования на новые угрозы.

Первый — путь односторонних, в том числе превентивных, силовых действий, предпринимаемых в обход ООН и в нарушение международного права. Подобная линия, несмотря на провозглашаемые «благие намерения», в конечном итоге провоцирует неоправданное соперничество, культивирует пренебрежение международными законами и многосторонними институтами. Возрастает опасность расшатывания несущей конструкции международного правопорядка, утраты предсказуемости мировой политики, расползания гонки вооружений.

Другой путь — коллективный поиск адекватных решений для устранения нарастающих политических, экономических, криминально-террористиче-

ских рисков и в долгосрочном плане — разработка стратегии управления глобализацией, что позволило бы всем нациям (а не только так называемому золотому миллиарду) пользоваться ее плодами. Внедрению нового духа в международные отношения способствует сплоченность мирового сообщества, а не чьи-либо односторонние акции.

Российская Федерация — последовательный сторонник второго пути. Ее руководители полагают, что оптимальной моделью для всех стран — вне зависимости от размера территории, численности населения или потенциала в той или иной сфере — является демократическая многополярная система. Система, которая в полной мере учитывала бы законные интересы всех государств и в то же время предоставляла бы каждому из них надежную защиту с помощью международного права. Поэтому Россия выдвинула программу создания Глобальной системы противодействия новым угрозам и вызовам, которая получила признание и поддержку всех государств — членов ООН.

Приоритетная задача в ней — выработка такого мироустройства, которое гарантировало бы стабильность и безопасность на всех уровнях, содействуя нейтрализации нынешних вызовов и угроз и не допуская появления новых. Есть все объективные предпосылки для выстраивания демократического миропорядка, при котором каждое государство несло бы свою долю ответственности за будущее человечества, а мировое сообщество оберегало бы международное право и законные интересы каждого из его членов. Базисный принцип этой программы: безопасность и процветание через международное взаимодействие при сохранении национальной самобытности.

В этом смысл российской идеи многополюсности. Многополярный мир — это не столкновение полюсов и соперничество между ними, а утверждение в международной жизни коллективных начал, тесное взаимодействие основных мировых центров на основе равноправия и партнерства. Российский подход лишен элементов конфронтации и соперничества. Москва искренне заинтересована в сотрудничестве со всеми своими партнерами и уверена в том, что эффективное взаимодействие не должно строиться на религиозно-цивилизационном родстве или готовности принять все ценности и разделить взгляды тех, кто организует антитеррористическую деятельность. При всей важности прямого антитеррористического аспекта в международной деятельности им ограничиваться нельзя.

Требуется постоянный широкоформатный анализ причин, которые подпитывают международный терроризм. При этом прочный антитеррористический фронт не создать, если одни члены мирового сообщества для обеспечения собственной и коллективной безопасности будут использовать методы, противоречащие законным интересам других. Примером тому является неурегулированность региональных или внутригосударственных этнических и/или конфессиональных конфликтов. Яркое подтверждение — ближневосточный конфликт, где палестино-израильское урегулирование перестало быть отдельной региональной проблемой: этот вопрос напрямую затрагивает отношения Запада с исламским миром.

Не менее важна перестройка отношений Север—Юг. Из них нужно искоренить все, что порождало или сопровождало развитие терроризма на мировой арене, а именно — поднять уровень жизни той большей части населения планеты, которая находится за пределами «золотого миллиарда», хотя нельзя сводить корни возрастания международного терроризма исключительно к бедности Юга и, что не менее существенно, необходимо устранить асимметрию в правах и возможностях «золотого миллиарда» и остального мира. Объективно назрела необходимость последовательных действий в различных направлениях, начиная от закладки правовых условий, благоприятствующих доступу населения Юга к мировым достижениям научно-технического прогресса, современного массового образования, и кончая прекращением всех видов дискриминации. Естественно, что становление справедливого миропорядка невозможно без обязательств и со стороны Юга — прежде всего соблюдения прав человека, демократизации общества, но не всегда и не во всем по «северному» образцу, без учета историко-культурных традиций.

Свежего осмысления также требуют отношения Запада и Востока. Государства, входящие в эти понятия, никогда не определялись по географическому принципу, а относились к этим полюсам по политическим мотивам. И нельзя не учитывать их специфику, когда речь идет о двоецентрии в стратегической ядерной области и насущной необходимости достижения договоренностей по трем взаимосвязанным чувствительным проблемам обеспечения международной безопасности — недопущению милитаризации космоса, противоракетным системам и нераспространению ОМУ.

Таким образом, Россия продолжает активно работать над формированием демократической многополярной модели миропорядка. В ее основу заложены следующие основные *принципы*: новое мироустройство призвано отражать существование в мире различных центров влияния. Это потребует немалых усилий по гармоничной стыковке их интересов и разработке общей стратегии урегулирования международных конфликтов и других проблем общепланетарного характера; это мироустройство призвано опираться на результативное многостороннее сотрудничество, что предполагает надлежащую координацию деятельности ведущих международных структур. Схематически это можно представить в форме пирамиды, вершину которой образует ООН и ее Совет Безопасности. Уровнем ниже расположены многочисленные региональные организации, взаимодействующие с ООН и соединенные между собой горизонтальными связями. Далее — плотная ткань двусторонних отношений. И, наконец, фундамент и своего рода цементирующий материал всей конструкции — международное право; Россия полностью отдает себе отчет в неизбежных трудностях на избранном пути, но не считает такую модель утопической. Более того, РФ полагает, что ее неуклонное воплощение в жизнь — по силам мировому сообществу посредством конструктивного, убеждающего диалога между всеми заинтересованными сторонами, а не навязывания кому-либо субъективных воззрений. В своем подходе к формированию нового мироустройства Россия не одинока. Ее позицию разделяет широкий круг государств, которые считают, что многостороннему сотрудничеству и укреплению

нию международного правопорядка при центральной координирующей роли ООН в современном мире нет альтернативы³¹.

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, несмотря на регулярные упоминания о многополярности в официальных международных документах, единая и общепризнанная трактовка данного понятия так и не сформировалась. Неопределенными остаются основные характеристики многополярного мироустройства, пути его построения и т. д., что, тем не менее, не позволяет отрицать теорию многополярности как таковую. Будучи логическим продолжением развития теории полярности, прошедшей через стадии «классической многополярности» начала XX в., биполярного противостояния холодной войны и однополярного мироустройства начала 1990-х годов, современная теория многополярности находится в процессе своего становления, исход которого важен как с практической, так и с теоретической точек зрения.

Во-вторых, вне зависимости от трактовок, отличительными чертами любой многополярной теории стран незападного мира являются абсолютный суверенитет полюсов, наличие у них сфер влияния и руководящая роль международных организаций, позволяющих всем полюсам принимать решения коллегиально. Важным критерием выделения полюса многополярного мира также является его способность оказывать влияние на функционирование мировой политической системы: будучи не только экономической доминантой, но и цивилизационным центром глобального масштаба, полюс может своим исчезновением повлечь коренную трансформацию всей системы международных отношений.

В-третьих, многополярное мироустройство воспринимается членами «пятерки» в рамках различных парадигм международных отношений, что обуславливает несогласованность их оценок роли «традиционных» международных институтов Ялтинско-Потсдамской системы (Совет Безопасности ООН, МВФ) и «неформатных» дискуссионных площадок (G-20, G-8, БРИКС). Их единой позицией является абсолютизированный характер государственного суверенитета. В частности, это связано с тем, что страны — участницы БРИКС относятся к государствам, способным проводить независимую внешнюю политику, и объединены во многом именно по данному принципу.

В-четвертых, многополярность связывается с пересмотром «несправедливой» финансовой архитектуры и расширением представительства глобального Юга в Совете Безопасности ООН. При этом следует отметить активное противодействие Китая по отношению к стремлению Индии закрепиться в Совбезе в качестве постоянного члена, что, тем не менее, не отражается в официальных документах БРИКС. Восприятие многополярности как миропорядка, «выравнивающего» закрепившееся неравенства по линии Север—Юг, в первую очередь объясняется догоняющим характером развития всех стран «пятерки».

В-пятых, характерной чертой многополярного миропорядка, с точки зрения стран БРИКС, является его стабильность, обеспечиваемая главенствующей ролью международных организаций и формальным равенством «по-

люсов». Несмотря на то что большинство критиков многополярности опираются именно на ее неустойчивость и непредсказуемость, именно с достижением многополярного мироустройства связываются надежды основных лидеров БРИКС — Китая и России — на геополитический статус-кво, столь необходимый для сохранения устойчивого экономического роста.

В-шестых, Россия впредь будет намерена и далее играть самую активную роль в построении новой модели мироустройства — создании внешних условий, надежно гарантирующих безопасность и процветание граждан РФ, достичь которых можно в случае, если мировое сообщество сможет выработать необходимые базовые принципы для межгосударственных отношений на современном этапе развития человечества.

4.2. Повышение роли России в борьбе с глобальными и региональными угрозами

Предпринимаемые шаги России в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом

Важную роль при этом будет играть повышение активности России в борьбе с глобальными и региональными вызовами и угрозами. В обострившихся международных условиях РФ продолжает энергичное участие в международном антитеррористическом сотрудничестве, прежде всего на площадках ООН, ряда других авторитетных многосторонних организаций, а также в двустороннем формате. При этом она разделяет серьезные опасения мирового сообщества по поводу глобальной террористической угрозы, которая приобрела в последние несколько лет качественно новое и тревожное измерение, связанное с выходом в лидеры «террористического интернационала» группировки ИГИЛ, поднявшей террористическое насилие на невиданный уровень жестокости и претендующей впервые в истории на создание собственного террористического «псевдогосударства»³².

Для российских властей очевидно, что в свое время ряд ведущих мировых игроков принялись за безответственную «геополитическую инженерию» в некоторых регионах мира, предусматривавшую целенаправленное и системное вмешательство во внутренние дела независимых стран, дестабилизацию и свержение «неудобных» режимов. Именно такая политика во многом привела к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, бесконтрольному распространению в них оружия, спровоцировала небывалый всплеск «радикализации» местного населения и в итоге привела к разгулу боевой активности террористических и экстремистских структур.

Крайнюю озабоченность у России вызывают такие общемировые «политические» черты нынешнего международного терроризма, как эффективное использование террористами протестных настроений в обществе, умелое «вплетение» терроризма и его носителей в ткань региональных и внутренних

конфликтов, проникновение террористических групп и лидеров вглубь оппозиционных движений, перехват ими инициативы и последующее вытеснение оттуда ответственных и конструктивных политических сил.

Поэтому РФ исходит из того, что с глобальной террористической угрозой надо бороться сообща, на подлинно коллективной основе, при центральной координирующей роли ООН и соблюдении норм международного права, без «двойных стандартов». Принципиальная позиция России состоит и в том, что основу эффективной стратегии по решающему и окончательному пресечению угроз, исходящих от крупнейших террористических группировок во главе с ИГИЛ, должна в итоге составить международная коалиция, действующая на полностью легитимной основе решений ООН, твердо приверженная в своих действиях нормам международного права.

Россия вносит весомый вклад в укрепление международной системы противодействия терроризму, придавая в этом плане первостепенное значение задачам выполнения глобальной контртеррористической стратегии ООН, антитеррористических резолюций СБ и Генеральной Ассамблеи ООН, эффективному осуществлению и расширению числа участников универсальных антитеррористических конвенций.

Российская сторона принимает активное участие в совершенствовании нормативных рамок международного контртерроризма, в частности она сыграла определяющую роль в разработке важнейших для решения актуальных задач антитеррористического сотрудничества резолюций Совета Безопасности ООН 2170 и 2178, нацеленных на пресечение деятельности ИГИЛ и на борьбу с феноменом «иностранных террористов-боевиков». Принимая во внимание существенное финансовое укрепление ряда террористических организаций в Сирии и Ираке за счет нелегальной торговли нефтью, Россия энергично поддерживает усилия Контртеррористического комитета СБ ООН и его исполнительного директората по контролю выполнения государствами базовой антитеррористической резолюции СБ 1373, предметного диалога со странами по резолюциям 1624³³ и 2178³⁴.

В условиях роста угроз со стороны ИГИЛ, «Аль-Каиды» (запрещены в РФ) и связанных с ней группировок Россия рассматривает в качестве весьма актуальной задачу повышения эффективности имеющегося «антиалькаидовского» санкционного режима СБ ООН. Наряду с введением более прозрачных процедур деятельности Контртеррористического комитета СБ ООН важным является обеспечение неукоснительного выполнения государствами своих обязательств по применению санкционных мер в отношении фигурантов соответствующего списка.

Россия активно участвует в деятельности Центра ООН по вопросам борьбы с терроризмом и выступает за согласование проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, которая содержала бы общепризнанное определение терроризма. Она исходит из необходимости найти такое решение, которое было бы приемлемым для всех государств — членов ООН. Только тогда данная конвенция сможет реально стать всеобъемлющей и служить эффективным инструментом мирового сообщества в борьбе с терроризмом.

В увязке с задачами предупреждения терроризма, в том числе в плане борьбы с подстрекательством к террористическим преступлениям и с учетом важности антитеррористического партнерства с институтами гражданского общества, Россия рассматривает привлекающие все большее международное внимание вопросы противодействия «насильственному экстремизму». В этой сфере многоконфессиональная Россия имеет уникальный исторический опыт, которым она готова открыто делиться с зарубежными партнерами.

Она исходит из того, что эффективная борьба с терроризмом невозможна без надежного перекрытия источников его финансирования, как того требуют профильные резолюции СБ ООН и международные стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). В этой связи РФ уделяет повышенное внимание наращиванию международного сотрудничества в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Важное значение имеет укрепление многостороннего сотрудничества, усиление роли международных институтов в противодействии финансированию терроризма. РФ последовательно выступает за то, чтобы деятельность Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег носила неполитизированный, сугубо технический характер.

Так, в рамках российского председательства в этой структуре был реализован масштабный проект, направленный на выявление незаконных финансовых потоков от производства и оборота афганских наркотиков. В ходе проведенного исследования было установлено наличие взаимосвязи между доходами от афганского наркотрафика и финансированием терроризма, а также выявлены финансовые центры по отмыванию афганских наркоденег. Важно и впредь, чтобы данные юрисдикции оставались на контроле этой Группы в ходе очередных раундов ее заседаний и анализировались предпринимаемые меры по недопущению легализации афганских наркодоходов.

На сегодняшний день наиболее актуальными представляются также усилия по борьбе с финансовой подпиткой ИГИЛ. На октябрьском и чрезвычайном декабрьском пленумах Группы в 2015 г. Россия ставила вопрос о том, чтобы ее стандарты, в частности Рекомендация 5 (тематика противодействия финансированию терроризма), учитывали необходимость всеобъемлющего выполнения государствами разработанных резолюций СБ ООН 2199 и 2253³⁵, вводящих запрет на торговлю с ИГИЛ сирийской и иракской нефтью. Россия предложила задействовать в этих целях существующие механизмы СБ ООН для оказания давления на государства, не выполняющие юридически обязывающие решения Совета Безопасности по лишению ИГИЛ финансовой подпитки.

Важным является и принятое по инициативе России в декабре 2015 г. решение о том, что усилия Группы на ближайшую перспективу будут сфокусированы преимущественно на вопросах противодействия финансированию терроризма. Этой теме с акцентом на финансовые потоки, связанные с ИГИЛ, было посвящено прошедшее 13–19 февраля 2016 г. в Париже пленарное заседание ФАТФ, на котором Россия продолжала продвигать принципи-

альную линию, направленную на повышение эффективности и практической отдачи от совместных с партнерами по Группе действий.

РФ приняла активное участие в исследованиях по выявлению каналов финансовой подпитки ИГИЛ, а также новых, «нетрадиционных» источников финансирования терроризма. Сейчас задача видится в скорейшем переходе к практической фазе по идентификации конкретных государств, физических и юридических лиц, вовлеченных в экономические отношения с ИГИЛ. При этом РФ привержена развитию двусторонних связей по тематике противодействия финансированию терроризма, в том числе оказывает международным партнерам необходимую экспертную помощь. В этих целях российская сторона приглашает зарубежных специалистов на обучение по профильным программам в Международном учебно-методическом центре финансового мониторинга. Россия заинтересована в наращивании взаимодействия между региональными группами в целях укрепления глобальной системы противодействия подпитке терроризма. РФ также привержена развитию и укреплению многостороннего диалога по этой проблематике между подразделениями финансовой разведки по каналам Группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт». При этом в международном сотрудничестве в решении мировой проблемы наркотиков Россия традиционно играет одну из ключевых ролей и является участницей трех профильных международных конвенций в сфере контроля над наркотиками — Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.³⁶, Конвенции о психотропных веществах 1971 г.³⁷ и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.³⁸; она также является членом Комиссии ООН по наркотическим средствам.

Основной целью внешнеполитических усилий России на антинаркотическом направлении является значительное сокращение производства и потребления опиатов, кокаина, каннабиса, а также синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ с долгосрочной перспективой по созданию общества, свободного от наркотиков.

Решение этих задач должно основываться на принципах общей и совместной ответственности всех государств, комплексного и сбалансированного подхода к стратегиям и мерам по сокращению спроса и предложения на наркотики, включая недопустимость легализации употребления наркотиков в немедицинских целях. В условиях ухудшения ситуации с незаконным производством наркотиков в Афганистане и их контрабандой, в том числе в Россию, приоритетом РФ является активизация комплексных международных усилий, направленных на борьбу с афганской наркоугрозой, которая квалифицирована в ряде документов ООН в качестве угрозы международному миру и стабильности.

РФ — член Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма с момента его основания в 1997 г., инициатор создания в 2004 г. Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, наблюдатель в Азиатско-Тихоокеанской группе по проти-

действию отмыванию денег с 2010 г. Функции этих групп в России выполняет Федеральная служба по финансовому мониторингу.

Россия совместно с Францией стали инициаторами инициативы Парижского пакта — международного механизма с участием более 50 государств и международных организаций, нацеленного на борьбу с опиатами афганского происхождения. Одновременно РФ придает важное значение реализации Итогового документа состоявшейся в Нью-Йорке 19—21 апреля 2016 г. Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков в контексте достижения целей и задач, сформулированных в Политической декларации 2009 г. и Плана действий до 2019 г. Для этого правительство России ежегодно выделяет 2 млн долл. в качестве добровольного взноса в Фонд Управления ООН по наркотикам и преступности, которые идут на поддержку антинаркотических и антикриминальных проектов Управления.

Важную роль в антитеррористической деятельности играет сотрудничество России с государствами СНГ.

Развитие антитеррористического сотрудничества РФ в рамках международных организаций

Сотрудничество в борьбе с террористической угрозой на пространстве СНГ осуществляется в рамках Антитеррористического центра государств — участников СНГ (АТЦ СНГ) и в двустороннем формате. Решение о создании Центра принято на саммите СНГ в июне 2000 г. Положение о нем утверждено Советом глав государств СНГ в декабре 2000 г. Штаб-квартира АТЦ расположена в г. Москве. Центр также имеет отделение в г. Бишкеке (Киргизия) (рис. 4.2.1).

АТЦ СНГ является самостоятельным постоянно действующим отраслевым органом Содружества, призванным обеспечить координацию взаимодействия спецслужб и правоохранительных органов государств — участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. В его компетенцию входит содействие профильным органам стран Содружества в проведении оперативных мероприятий и комплексных операций по борьбе с международным терроризмом, в осуществлении межгосударственного розыска преступников, а также в организации подготовки специалистов антитеррористических подразделений.

Отдельной задачей является обеспечение информационного обмена со спецслужбами и правоохранительными структурами, органами отраслевого сотрудничества, сбор и анализ информации о состоянии и тенденциях развития террористической обстановки. В рамках Центра функционирует банк данных, содержащий сведения о лицах, объявленных в межгосударственный розыск по обвинению в совершении преступлений террористического характера, и вероятных местах их укрытия. Сотрудники АТЦ участвуют в подготовке нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы деятельности Центра, а также в разработке и правовом сопровождении проектов документов, направленных на совершенствование международно-правовой базы борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Рис. 4.2.1. Структура антитеррористического центра участников СНГ.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=0&img_

В своей деятельности Центр руководствуется трехлетними программами сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. При этом АТЦ взаимодействует с профильными структурами в рамках Содружества: Советом руководителей органов безопасности и специальных служб, Советом командующих пограничными войсками, Советом министров обороны, Советом министров внутренних дел, Советом руководителей таможенных служб, Координационным советом генеральных прокуроров, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и другими видами преступлений на территории СНГ и пр.

Центр на основе двусторонних меморандумов и протоколов строит отношения с рядом международных организаций и структур: Исполнительным директоратом Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН, Управлением ООН по наркотикам и преступности, Региональной антитерро-

ристической структурой Шанхайской организации сотрудничества, Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма и др.

Проблематика новых вызовов и угроз в формате *ОДКБ* является неотъемлемым элементом обеспечения региональной безопасности на постсоветском пространстве (рис. 4.2.2).

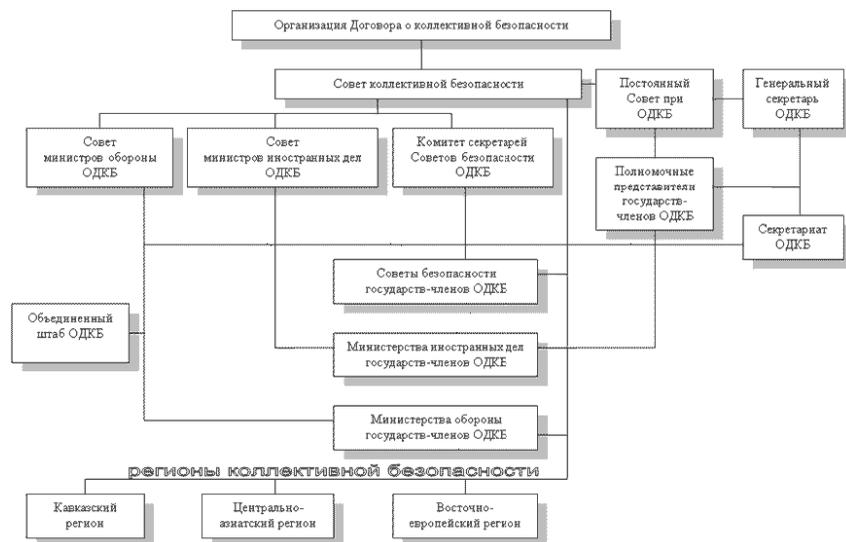

Рис. 4.2.2. Структура ОДКБ.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=3&img_

С целью повышения эффективности в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами осуществляется работа по реализации поставленной Советом коллективной безопасности задачи по трансформации Организации в многофункциональную структуру противодействия всему спектру вызовов и угроз безопасности государств-членов.

В октябре 2016 г. в ОДКБ была утверждена Стратегия коллективной безопасности до 2025 г., а также принято Совместное заявление государств — членов Организации о противодействии международному терроризму³⁹. При Совете министров иностранных дел ОДКБ с 2006 г. действует Рабочая группа по Афганистану. Среди основных направлений ее работы — мониторинг ситуации в Афганистане, оказание помощи Таджикистану в укреплении таджикско-афганской границы, а также подготовка кадров для антинаркотических, правоохранительных и пограничных структур Афганистана и стран Центральной Азии в высших учебных заведениях государств — членов ОДКБ.

При Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ функционируют рабочие группы по вопросам борьбы с терроризмом, противодействию незаконной миграции, информационной политике и безопасности. В декабре 2014 г. была одобрена Антинаркотическая стратегия государств-членов⁴⁰, создан Консультационный координационный центр ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты. А в октябре 2016 г. был создан Центр кризисного реагирования, на который возложены функции по информационно-аналитическому и организационно-техническому сопровождению процесса выработки решений уставными органами Организации.

Кроме того, в феврале 2009 г. были сформированы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Ежегодно проводятся их совместные комплексные учения с участием контингентов и оперативных групп государств — членов ОДКБ

Начиная с 2004 г. на регулярной основе проводятся учения Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона, в том числе с отработкой антитеррористических задач. В 2016 г. в апреле в Таджикистане состоялось первое совместное учение сил и средств разведки вооруженных сил государств — членов ОДКБ «Поиск-2016», в мае на территории Армении были проведены тактико-специальные совместные учения «Кобальт-2016» подразделений органов внутренних дел (полиции), в июле на территории Киргизии — совместное командно-штабное учение «Рубеж-2016», в августе в Белоруссии и в России состоялись учения «Нерушимое братство-2016» и «Взаимодействие-2016». В ходе маневров отрабатывались тренировочные операции по отражению вторжения на территорию государства — члена ОДКБ незаконных вооруженных формирований, деятельность подразделений по защите от хакерских и информационно-психологических атак.

ОДКБ поддерживает контакты со структурами ООН, включая Контртеррористический комитет СБ ООН, Управление ООН по наркотикам и преступности. В сентябре 2016 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Исполдиректоратом СБ ООН. Действуют аналогичные документы между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом ШОС, а также Исполнительным комитетом СНГ. В октябре 2016 г. был разработан механизм формирования и утвержден Единый список организаций, признанных террористическими в формате ОДКБ.

В целях борьбы с преступлениями в информационной среде в ОДКБ осуществляется операция постоянного действия «ПРОКСИ» («Противодействие криминалу в сфере информации»). В качестве перспективного направления сотрудничества в рамках ОДКБ рассматривается обеспечение безопасности спортивных и других крупных международных мероприятий, в том числе с учетом опыта состоявшейся в России Всемирной летней Универсиады, зимних олимпийских и Паралимпийских игр, Чемпионата мира по футболу 2018 г. и Всемирной зимней Универсиады в Красноярске 2019 г.

Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС ШОС) была учреждена в соответствии с Соглашением между государствами — членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г. Она

является постоянно действующим органом ШОС и предназначена для содействия координации и взаимодействия компетентных органов государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Основными задачами и функциями РАТС ШОС являются разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества для соответствующих структур ШОС; содействие компетентным органам государств — членов ШОС; сбор и анализ информации, поступающей в РАТС от государств — членов ШОС; участие в подготовке международно-правовых документов; содействие в подготовке специалистов и инструкторов для антитеррористических подразделений; установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (рис. 4.2.3).

При РАТС ШОС учрежден институт постоянных представителей государств — членов ШОС. В июне 2012 г. президент РФ выступил с инициативой о реформировании РАТС ШОС и последующем создании на ее базе уни-

Рис. 4.2.3. Шанхайская организация сотрудничества.

Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=3&img_

версального Центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности, главной задачей которого должно стать комплексное противодействие международному терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности. В рамках реализации этого предложения в июле 2014 г. МИД России выступил с предложением сформировать на первом этапе Рабочую группу по противодействию финансированию терроризма наркобизнесом. Советом глав государств — членов ШОС была утверждена Программа сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016—2018 гг. По инициативе российской межведомственной делегации 8 апреля 2016 г. Советом РАТС ШОС утвержден Алгоритм совместных действий компетентных органов государств — членов ШОС по противодействию вызовам и угрозам, исходящим от ИГИЛ.

Участие России в обеспечении международной информационной безопасности

В третьем тысячелетии информационно-коммуникационные технологии превратились в один из основных вызовов глобального развития. Виртуальное пространство все чаще используется в военно-политических, криминальных и террористических целях. Мишенью компьютерных атак становятся государства и частные компании, а зачастую и рядовые граждане. Интернет активно «осваивают» террористы и преступники. Не отстают от них отдельные страны, которые наращивают военный потенциал в цифровой сфере, создают системы массовой электронной слежки.

Россия традиционно рассматривает данную проблематику как единую «триаду» угроз военно-политического, террористического и криминального характера. Она исходит из того, что в сложившихся условиях необходимо сосредоточить международные усилия на предотвращении конфликтов в информационном пространстве, не допустить противоправного применения этих технологий и гарантировать соблюдение прав человека в цифровой сфере.

Очевидно, наиболее эффективной формой международного сотрудничества в области противодействия всему комплексу угроз в этой сфере станет принятие универсальных правил ответственного поведения государств в информационном пространстве. Такие правила должны закрепить в цифровой сфере принципы неприменения силы, уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, уважения основных прав и свобод человека, а также равные права для всех государств на участие в управлении сетью Интернет, в связи с чем Россия совместно с государствами — членами ШОС, партнерами по БРИКС и СНГ активно продвигает на международной арене соответствующие миротворческие инициативы. Именно страны ШОС инициировали предметное обсуждение правил поведения государств в информационном пространстве. В 2012 г. ими был подготовлен и распространен в ООН проект Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности⁴¹. В ходе 70-й сессии Генассамблеи ООН в 2016 г. консенсусом принят российский проект резолюции

«Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Резолюция получила рекордное число соавторов — 84 государства.

Данный документ предполагает создание Группы правительственных экспертов ООН, мандат которой включает в себя исследование того, как международное право применяется к использованию информационно-коммуникационных технологий государствами, а также норм и правил ответственного поведения государств, мер укрепления доверия и наращивания потенциала, которые являются важным условием предотвращения потенциально конфликтных ситуаций. Большая работа в этом направлении проделана в рамках ОБСЕ. В декабре 2013 г. Постоянный совет ОБСЕ утвердил Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью снижения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационно-коммуникационных технологий, что впервые создало региональный механизм взаимодействия государств в целях противодействия угрозам в этой сфере и дало старт формированию «страховочной сетки» в информационной сфере на пространстве от Ванкувера до Владивостока.

Нет сомнения в том, что потребности развивающихся стран в информационно-коммуникационной сфере должны быть учтены, однако практическое наполнение данной тематики требует конкретизации. В этой связи важно гарантировать, чтобы программы «наращивания потенциала» не использовались в качестве прикрытия для вмешательства во внутренние дела государств-получателей, а переданные технологии не применялись впоследствии в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности.

При этом борьба с преступностью в глобальном информационном пространстве осложняется отсутствием полноценной международно-правовой базы сотрудничества государств. В связи с этим РФ последовательно выступает с инициативой разработки под эгидой ООН универсальной конвенции по противодействию информационной преступности. В вопросах использования Интернета Россия исходит из стратегической задачи интернационализации управления данной сетью и повышения в этом контексте роли Международного союза электросвязи. Необходимо обеспечить равные права для всех государств на участие в управлении сетью Интернет и суверенное право государств на регулирование и обеспечение безопасности ее национального сегмента.

Деятельность России в борьбе с региональными вызовами в рамках ее партнерства с АСЕАН

С июля 1996 г. Россия является полноправным партнером по диалогу с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Министр иностранных дел России ежегодно участвует в конференциях Ассоциации с диалоговыми партнерами в формате «АСЕАН+1». 19-20 мая 2016 г. состоялся юбилейный саммит Россия—АСЕАН в Сочи, приуроченный к 20-летию установления отношений диалогового партнерства. В ходе мероприятия лидеры

подтвердили важность дальнейшего укрепления сотрудничества в интересах эффективного противодействия терроризму и другим угрозам безопасности. Первоочередные задачи на этом направлении закреплены в принятой 20 мая Сочинской декларации, а также в Комплексном плане действий, включающем расширенный раздел по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью и раздел по сотрудничеству в сфере информационно-коммуникационных технологий. Ежегодно в рамках Диалогового партнерства Россия—АСЕАН проходит Совещание старших должностных лиц по транснациональной преступности и заседание Совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом. Оба мероприятия проводятся в межведомственном формате (с российской стороны — МИД, ФСБ, МВД и Росфинмониторинг) при координирующей роли России.

В рамках межведомственного формата осуществляется сотрудничество по следующим направлениям: борьба с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью и пиратством, ОМУ-терроризмом, противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма, защита критически важной инфраструктуры, обеспечение кибербезопасности.

При координирующей роли МИД РФ были проведены обучающие курсы для представителей правоохранительных органов и специальных служб стран АСЕАН по проблематике борьбы с терроризмом и экстремизмом, включая аспекты противодействия финансированию терроризма. С тех пор подобные мероприятия по повышению квалификации проходят на ежегодной основе. Аналогичные курсы по линии ФСБ и МВД получили высокую оценку партнеров.

Региональный форум (АРФ) АСЕАН по безопасности, созданный в 1994 г., является ведущим механизмом регионального политического диалога по всему спектру вопросов обеспечения мира и стабильности в АТР. При этом АРФ объединяет 27 участников: 10 стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины), 10 диалоговых партнеров Ассоциации (Австралию, Индию, Канаду, Китай, Новую Зеландию, Республику Корея, Россию, США, Японию и Евросоюз), а также Бангладеш, Восточный Тимор, КНДР, Монголию, Пакистан, Папуа—Новую Гвинею и Шри-Ланку. Заявки на участие подали Казахстан, Киргизия и Афганистан.

Укрепление многопланового сотрудничества с государствами — участниками АРФ по противодействию терроризму является одним из российских приоритетов. Эта проблематика регулярно обсуждается в рамках Межсессионных встреч по противодействию терроризму и транснациональной преступности. Основное внимание этих встреч сосредоточено на вопросах консолидации усилий стран-участниц по ликвидации любых форм материальной и финансовой подпитки ИГИЛ. В сфере антитеррора согласованные обязательства участников зафиксированы в Рамочных договоренностях о сотрудничестве между участниками АРФ в области противодействия терроризму и транснациональной преступности, утвержденных в 2007 г.

Основные мероприятия Межсессионной группы поддержки по мерам доверия и превентивной дипломатии на контртеррористическом треке в формате АРФ определены Рабочим планом по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью, который регулярно актуализируется в целях консолидации усилий государств — участников АРФ и сосредотачивается на ключевых вопросах повестки дня профильных межсессионных встреч Форума. В нем закреплены такие приоритетные для России направления, как обеспечение безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий, борьба с незаконным оборотом наркотиков, ОМУ-терроризмом, торговлей людьми, радикализацией общественных настроений. По предложению России в документ включена также проблематика противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Подводя итог анализа роли России в борьбе с глобальными и региональными угрозами, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, Россия вносит свой весомый вклад в укрепление международной системы противодействия терроризму, придавая в этом плане первостепенное значение задачам выполнения Глобальной контртеррористической стратегии ООН, антитеррористических резолюций СБ и Генеральной Ассамблеи ООН, а также расширению числа участников универсальных антитеррористических конвенций. Практическим шагом в этом направлении могут стать предпринимаемые усилия ряда региональных структур безопасности по координации их действий в регионах мира в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом под эгидой ООН с согласия государств, на территориях которых такая борьба ведется.

Во-вторых, наиболее эффективной формой международного сотрудничества в области противодействия всему комплексу информационных угроз станет принятие универсальных правил ответственного поведения государств в информационном пространстве. Такие правила должны закрепить в цифровой сфере принципы неприменения силы, уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, уважения основных прав и свобод человека, а также равные права для всех государств на участие в управлении сетью Интернет. В связи с этим Россия совместно с государствами — членами ШОС, партнерами по БРИКС и СНГ активно продвигает на международной арене соответствующие инициативы. Важно гарантировать, чтобы программы наращивания потенциала этих инициатив не использовались в качестве прикрытия вмешательства во внутренние дела независимых государств, а переданные технологии не применялись впоследствии в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности.

В-третьих, рабочая группа АТЭС по борьбе с терроризмом является приоритетной для России региональной площадкой, позволяющей максимально эффективно осуществлять и продвигать конкретные инициативы, направленные на борьбу с терроризмом. При активном участии российской стороны была разработана и одобрена лидерами АТЭС ее Консолидированная антитеррористическая стратегия. Она является действенным многосто-

ронним механизмом обмена информацией о террористических угрозах в АТР, основой для обсуждения таких актуальных вопросов, как обеспечение транспортной, продовольственной, пограничной и кибербезопасности, противодействие финансированию терроризма и пресечение трансграничных перемещений иностранных террористов-боевиков, обеспечение безопасности проведения крупных международных мероприятий и привлечение возможностей деловых кругов в борьбе с новыми вызовами и угрозами на пространстве АТЭС. Кроме того, важную роль в борьбе с глобальными и региональными вызовами и угрозами играет политическое взаимодействие России и другими государствами мира.

4.3. Увеличение роли «мягкой силы» России на международной арене

Пути совершенствования «мягкой силы» РФ по взглядам российских политологов

Впервые в официальном политическом дискурсе России понятие «мягкая сила» было озвучено в выступлении президента В. Путина на совещании послов и российских дипломатов 9 июля 2012 г. По его мнению, под «мягкой силой» подразумевалось «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и духовной культуре и интеллектуальной сфере». Путин также отметил, что образ России за рубежом часто оказывается искаженным и не отражает ни реальную ситуацию в стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, ни в развитие мирных международных отношений. В этой связи встает вопрос о необходимости применения отечественной дипломатией новых технологий и методов внешнеполитического влияния. «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать», — заявил В.В. Путин на этом совещании⁴².

Президент Института национальной стратегии М. Ремизов, комментируя предложение президента РФ применять «мягкую силу», справедливо отмечал, что она является слабым местом в российской международной политике потому, что образ страны в международном правовом мнении оставляет желать лучшего. «Есть какие-то старые ресурсы, связанные с русской культурой, с советским научно-техническим заделом. Но они работают именно в режиме ретро-стиля, в режиме воспоминаний, а не как актуальный ресурс». По его мнению, «нарастить мягкую» силу можно «только инициировав какие-то действительно интересные амбициозные проекты внутри страны, и привлечь к ним внимание»⁴³.

А из выступлений участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству, состоявшегося 31 октября 2012 г. в Общественной палате РФ, становится понятно, что общегосударственной концепции «мягкой силы» до этого времени в России не существовало. Можно было говорить о существовании определенной единой позиции членов Общественной палаты относительно интерпретации данного термина. Ими «мягкая сила» трактовалась главным образом как сила, которая занимается овладением умами людей и привлечением их симпатий на свою сторону, симпатий к своей стране, ее культуре, прибегая к таким инструментам, как кинематограф, пропаганда культурных ценностей, произведений искусства, музыки, научных достижений, образовательных программ, то есть «всего, что может создать позитивный и узнаваемый образ страны за рубежом»⁴⁴.

В тот период согласно международным рейтингам Россия по многим показателям «мягкой силы» уступала аналогичным показателям других стран. Поэтому в выступлении Д. Медведева на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом 3 сентября 2012 г. было отмечено, что Россия находится на 10-м месте по индексу «мягкой силы», в то время как по индексу «жесткой силы» Россия занимает одно из первых мест в мире. Такая диспропорция, по его мнению, снижает позитивный имидж страны и ее конкурентоспособность. Среди инструментов «мягкой силы», которые могли бы исправить диспропорцию, он назвал применение механизмов вовлечения иностранных граждан в культурные обмены и развитие образовательных услуг России на международных рынках. Компенсировать имиджевые потери России, по мнению Медведева, также должны центры науки и культуры Россотрудничества, количество которых к 2015 г. планировалось приблизить к 100. «Мы должны расширять сеть, но, прежде всего, думать о содержании работы, ее формах, делать центры многофункциональными и полезными, — пояснил Медведев. — Критерием эффективности должны быть конкретные показатели — количество людей, вовлеченных в культурный обмен».

Вместе с тем официальная государственная позиция, направленная на важность применения технологий «мягкой силы» во внешней политике страны, сопровождается критическим отношением к расширенному применению данных технологий. Более того, реальная практика использования технологий «мягкой силы» в ряде случаев расценивалась как деструктивная и противоправная.

Вместе с тем, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., отмечалось, что «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы” и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом»⁴⁵. Поэтому в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что в рамках пуб-

личной дипломатии с применением новых информационно-коммуникационных технологий Россия будет:

- добиваться ее объективного восприятия в мире;
- развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом;
- обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку;
- активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности.

Следует также отметить, что в соответствии с президентским указом «Вопросы Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» от 8 мая 2013 г. Россия внесла изменения в области выделения средств на международные донорские проекты. Вместо многосторонних проектов, которые осуществляются, например, в рамках Всемирного банка, правительство России будет уделять больше внимания конкретным двусторонним проектам, чтобы участие РФ в решении проблем иностранного государства было персонализировано⁴⁶.

Дипломатический источник газеты «Коммерсантъ» так объяснил логику этого указа: «В странах Африки никто не догадывается, что речь идет о донорской помощи из России. Мы финансируем программы по всему миру, без разбора, по усмотрению международных организаций, в которые идут наши деньги. Между тем наши геополитические конкуренты львиную долю средств направляют на адресные двусторонние проекты в важных для себя регионах»⁴⁷.

Работы в области разработки российской модели и стратегии «мягкой силы» в настоящее время ведутся фондом «Русский мир», созданным по указу президента России от 21 июня 2007 г., и Федеральным агентством по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданным в сентябре 2008 г.

В одном из своих выступлений министр иностранных дел России С. Лавров заявил: «Русский мир — огромный ресурс укрепления авторитета России в мире, над его сохранением и развитием надо работать активно и целеустремленно, на ежедневной основе. Важно не только распространять русский язык и российскую культуру, но и расширять возможности получения образования на русском языке»⁴⁸.

Согласно заявлению руководителя Россотрудничества в 2012—2014 гг. К. Косачёва, «чем в большем числе стран Россия будет иметь свои центры, чем больше стран будет иметь возможность говорить на русском языке, о русской культуре, о русской истории, о русской науке, тем легче будет России занимать подобающие ей позиции в глобальном масштабе». И далее: «Наши центры не призваны противодействовать каким-то тенденциям, будь они в зародыше или уже обозначившиеся. Но если не будет культурного присутст-

вия, если не будет связей на духовном уровне между людьми, то никакие усилия политиков, экономистов, таможенников — кого угодно — по созданию дееспособных интеграционных структур не окажутся востребованными»⁴⁹.

Большим успехом России в области использования такого инструмента «мягкой силы», как «спорт высоких достижений», стала организация и проведение в 2014 г. зимних Олимпийских игр в Сочи. По замечанию политолога О. Матвейчева, эти игры стоит рассматривать как «сверхоружие в сфере мягкой силы, как гигантское событие, которое смотрят миллиарды людей на планете. О нем рассказывают все мировые СМИ. Причем медийный отклик, как это было и в случае с советской Олимпиадой 80-го, растягивается на десятилетия. Никакие затраты на проведение игр не могут сравниться с масштабами информационного покрытия получаемого позитивного эффекта. Олимпиада является кульминацией всплеска положительных эмоций в мировом масштабе. Она дает возможность заставить мир полюбить себя, что сделать очень и очень непросто»⁵⁰.

При этом важно отметить, что недооценка роли инструментов «мягкой силы» в выстраивании тесных контактов между государствами может привести на практике к ослаблению партнерских отношений и к усилению влияния деструктивных сил, формирующих из дружественного государства образ врага. Именно такого рода метаморфоза случилась в последние годы с политической элитой Украины: Россия стала представляться в образе враждебного государства. Формированию резко негативного имиджа России способствовала слабая работа российских дипломатических каналов влияния, работа в области межкультурного обмена, в сфере информационного продвижения общих для России и Украины культурно-исторических ценностей, общей исторической памяти⁵¹.

Слабостью российской «мягкой силы» на Украине воспользовались агенты влияния из США и Европейского союза, которые стали проводить политику усиленного продвижения европейских ценностей и политику присоединения Украины к западным международным организациям. В итоге массивная атака «мягкой силы» на украинское общество со стороны стран Запада обернулась победой «евромайдана» и государственным переворотом, приведшим в итоге к гражданской войне внутри страны и к попыткам изоляции России со стороны Запада.

Иначе говоря, соревнование в области эффективного применения инструментов «мягкой силы» по отношению к Украине Россия проиграла. К настоящему времени Европейский союз и США имеют безраздельное влияние на властные структуры Украины, за исключением провозглашенных республик на юго-востоке страны.

С критической позиции в отношении эффективности использования Россией своих ресурсов «мягкой силы» в отношении Украины и других государств выступил министр иностранных дел С.В. Лавров: «Необходима существенная перестройка работы с общественностью не только на украинском, но и на всем постсоветском направлении. Рискованно во всем полагаться на очень важные, но все же статичные факторы вроде исторических корней,

сохранения русского языка или русских диаспор — сами по себе они еще ничего не гарантируют. Нужны глубокий и трезвый анализ эффективности действий всех без исключения вовлеченных в эту сферу государственных и негосударственных институтов и формирование на основе этого анализа последовательной и долгосрочной работы в общегосударственном масштабе, а не усилиями одних дипломатических или культурных представительств⁵².

В настоящее время репутация государства на международной арене, формируемая в том числе и с помощью инструментов «мягкой силы» (МС), является важным условием для привлечения и приращения идеологических и материальных ресурсов страны. Тем не менее до сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегменты, единой трактовки МС нет. Экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «народной дипломатии» и СМИ.

А в китайской политологии она предстает как триада следующих элементов: культурный диалог со странами-партнерами; несиловое лидерство, обусловленное экономическими успехами в развивающемся мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. При этом культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (*хуацяо*), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в том числе через Институты Конфуция и СМИ⁵³. «Простое» гуманитарное сотрудничество Китая (ГС), его «народная дипломатия» (НД), а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — это три кита, на которых обычно и зиждется «мягкая сила».

Это триединство может быть реально возведено в ранг МС только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, согласно которой это государство будет четко представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несиловыми методами.

По мнению сотрудника ИДВ РАН Е. Сафроновой, «мягкая сила» — это не только гуманитарное сотрудничество и «народная дипломатия», но и имидж-мейкерская работа государства. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение образа страны в мировом восприятии. «Мягкая сила» — это овладение умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло «modus vivendi и modus operandi» страны-партнера, но добровольно приняло бы их как модели для подражания⁵⁴. Учитывая существующие разночтения термина «мягкая сила», Сафронова считает, позволительно там, где это не нарушает смысла повествования, заменять его термином «гуманитарное сотрудничество». При этом она подразумевает, что гуманитарную деятельность страны по своей значимости можно поставить в один ряд с её внешнеполитической и экономической активностью, направленной на обеспечение государственных интересов за рубежом.

Учет роли «мягкой силы» в доктринальных документах России

В современном мире на Россию оказывается сильное политическое и экономическое давление со стороны США и стран Западной Европы. Естественно, вступать в прямую военную конфронтацию с Россией невыгодно никому из них, поэтому в ход идут всевозможные методы воздействия на нее. В качестве примера можно привести введение санкций США и странами ЕС против РФ, акты, направленные на введение персональных ограничений и санкций для ряда граждан России, серия допинг-скандалов и отстранений российских атлетов от соревнований различного уровня на весьма шатких и практически бездоказательных основаниях.

Соответственно, российской власти необходимо эффективно противодействовать этому. 30 ноября 2016 г. президент РФ В. Путин представил Совету Безопасности страны новую Концепцию внешней политики РФ. Помимо закрепления её основных принципов — открытости, предсказуемости, прагматизма, нацеленности на достижение и отстаивание национальных интересов — в документе фигурирует понятие «мягкая сила», которое определяется как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁵⁵.

В соответствии с этим документом «мягкая сила» во внешней политике РФ использует соответствующий инструментарий и реализуется в следующих областях.

Во-первых, она опирается на Россотрудничество — организацию, подведомственную МИД РФ, на которую возложен широкий ряд задач (распространение русского языка и укрепление его позиций в мире, продвижение русской культуры за рубежом, поддержка общемирового развития, сохранение памятников и мемориалов и т. д.). Главным образом деятельность организации направлена на страны СНГ.

Во-вторых, в последнее время в России проводилось много спортивных состязаний и международных форумов по различным тематикам (зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 г., Международный студенческий форум в 2017 г., Чемпионат мира по футболу в 2018 г. и т. д.). Организация данных мероприятий и гостеприимство приятно удивили многих иностранных гостей вопреки давлению со стороны различных западных СМИ. Таким образом, вопреки западной дезинформации, постепенно складывается образ России как дружелюбной, готовой оказать теплый прием страны,

В-третьих, у Российской Федерации есть могучий потенциал для развёртывания «мягкой силы» с помощью информационных технологий, представляющих возможность охватить широкую аудиторию, оперативно доставить необходимую информацию. В социальных сетях, как отечественных, так и зарубежных, распространяется актуальная информация о внутренней и внешней политике России с целью формирования её позитивного облика, а также анализируются и «парируются» антироссийские выпады.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что роль «мягкой силы» в современном мире невозможно переоценить, ведь зачастую это едва ли не единственный возможный способ приобретения влияния на международную политическую арену. Только использовать её необходимо аккуратно, так как результаты её применения трудно предугадать заранее⁵⁶. И в нынешней непростой политической ситуации России просто необходимо совершенствовать свою концепцию «мягкой силы», защищая жизненно важные интересы страны и не теряя свои позиции в мировой расстановке политических сил.

Направления совершенствования стратегии «мягкой силы» в интересах реализации национальных интересов России

По мнению российских экспертов, «мягкая сила» России должна включать следующие параметры:

- сеть различных центров и учебных заведений на постсоветском пространстве по изучению русского языка, русской культуры и русской истории. Задача этой сети — обеспечивать доминирование русской ментально-культурной, духовной составляющей на евразийском направлении;

- формирование политики государства в вопросах научно-образовательного сотрудничества России со странами постсоветского пространства. Цель — через научное взаимодействие оказание услуг в получении высшего образования, сформировать интеллектуальную, элитную пророссийскую прослойку в странах СНГ;

- конструирование схем взаимодействия российских политических элит с различными неправительственными общественными организациями. Здесь предстоит добиваться того, чтобы многочисленные неправительственные организации (НПО) выполняли роль активных проводников российских национальных интересов в государствах СНГ по технологиям «прямого» и «непрямого» действия;

- использование современных информационно-сетевых технологий в сочетании с взаимодействием различных прогосударственных организаций, «мозговых» информационно-аналитических центров, неправительственных общественных организаций, структур масс-медиа (интернет-сообщества, твиттер, информационные сообщества, телевидение, радио, печатные издания). Все это должно быть выстроено в определенную систему и представлять арсенал средств, которые необходимо использовать в борьбе с врагами и конкурентами России;

- применение внутривнутриполитических сетевых возможностей, в том числе через горизонтальные структуры, а также церковные общины, для ослабления влияния российского либерального политического кластера, ориентированного на западные, англосаксонские ценности. В этой связи следует отметить эффективность деятельности Центра исследования политической культуры России;

- усиление патриотического движения в стране. Его взаимодействие с Русской православной церковью также позволит не только усилить позиции

в стране, но «русский мир» в целом, сделать РФ безусловным лидером постсоветского пространства, что создаст предпосылки для ее восстановления в качестве великой державы.

Данная задача определяет стратегию национальной безопасности РФ в глобальном информационном мире в период продолжающейся информационной войны Запада против неё. В этот период функцию сопротивления «мягкой силе» Запада и восстановления целостности цивилизационного пространства страны могут осуществлять патриотические силы России. Эта стратегия с опорой на придание российской цивилизации системообразующего характера с практическими выводами в части национализации общенародной собственности может позволить России свою национальную безопасность в эпоху глобализации и войн нового поколения⁵⁷. При этом важнейшими элементами ее «мягкой силы» являются культурный обмен и двустороннее взаимодействие. Сильной составляющей этих элементов является наработка контактов для бизнеса и информирование российского бизнеса о предложениях, что особо важно для экспортеров. Такие организации, как Россотрудничество, фонд «Русский мир», подразделения российских университетов и Российской академии наук вносят значимый вклад не только в образование и науку, но и в формирование благоприятного бизнес-климата. В этой связи министр иностранных дел РФ С.В. Лавров акцентировал внимание на следующей проблеме применения российской «мягкой силы»:

Россия традиционно помогает другим государствам, однако эта помощь фактически обезличена и не воспринимается общественностью как помощь именно России, а скорее как помощь международных финансовых институтов;

- решением этой проблемы будет являться эффективное использование потенциала Росструдничества с тем, чтобы бизнес более активно получал политическую поддержку со стороны государства, дипломатическое сопровождение своих проектов, а государство — добивалось более эффективного укрепления наших позиций на международной арене. Поэтому дипломатическое сопровождение бизнеса требует подготовки высококвалифицированных российских специалистов данного профиля;

- российские культурные и образовательные проекты остаются одним из эффективных инструментов российского влияния на страны СНГ.

Ведущий сотрудник ИМЭМО РАН Э. Соловьев отмечает, что благоприятное позиционирование России на постсоветском пространстве как никогда требует сегодня комплекса мер «мягкой силы». К этим мерам он относит: создание более широких и открытых общественных и экономических связей, привлечение финансовых ресурсов российских бизнес-структур к различным образовательным и культурным проектам. При всей ограниченности ресурсов Россия на постсоветском пространстве является важным фактором обеспечения безопасности и экономическим локомотивом развития. Россия необходима странам СНГ как рынок приложения избыточных трудовых ресурсов, как важнейший транзитный путь для надежного и стабильного выхода на рынки третьих стран, а также в качестве источника инвестиций.

А для союзников по ОДКБ Россия выступает гарантом безопасности, поставщиком современных вооружений и военно-технического сотрудничества на льготных условиях.

В свою очередь, страны СНГ, способны обеспечить России ресурсную базу (природные ресурсы, рабочую силу, транзитные возможности), необходимую для успешной модернизации и ускоренного развития страны. Однако на постсоветском пространстве есть ряд факторов, усложняющих активные действия России в СНГ:

- трудности российской модели развития в ходе нынешнего финансово-экономического кризиса и международных санкций сильно ударили по имиджу России;
- этот кризис значительно снизил как прямые российские внешнеполитические возможности (проекции влияния, обусловленного экономической мощью), так и косвенные (формирующиеся за счет авторитета политики и эффективности избранной модели развития);
- в постсоветских государствах уже выросло поколение людей, для которых Россия представляет собой нечто внешнее в социокультурном и языковом отношении.

Поэтому в данных условиях для усиления реального влияния России на постсоветском пространстве использовать влияние «мягкой силы» представляется лучшим вариантом. Также решению возникающих проблем будет способствовать грамотное государственное регулирование. А в связи с болезненностью восприятия государственной инвестиционной активности России за рубежом, целесообразно создание влиятельных институциональных структур, включающих не только государственных чиновников и бюрократов, но и частных предпринимателей всех заинтересованных стран региона.

Благоприятными для экономического климата являются курсы повышения квалификации для бизнесменов и руководителей, научные конференции в ведущих университетах, мастер-классы для российских специалистов, программы по международному академическому обмену, гранты для обеспечения сотрудничества отечественных и зарубежных исследователей. Ответом на подобные шаги образовательных учреждений может быть финансирование предприятиями данных проектов, а также предоставление рабочих мест выпускникам вузов.

Важнейшим вкладом в будущее является также применение инновационных технологий. Так, для быстрого и бесплатного обмена информацией при обучении и бизнес-сотрудничестве могут быть использованы социальные сети, «облачные» серверы и другие возможности Интернета. Институт исследований развивающихся рынков Московской школы управления в Сколково также советует переключить внимание с крупных государственных компаний на поддержку и развитие частного предпринимательства. Это, по мнению аналитиков, докажет, что «мягкая сила» России может развиваться даже вопреки методам «жесткой силы», зачастую используемой для решения внешнеполитических задач.

Для достижения своих целей России нужно продолжить модернизировать и выводить на глобальную арену вузы, что поспособствует формированию связей в молодежной среде и распространению культурных идей. А применение «мягкой силы» негосударственными организациями поможет преодолеть экономические трудности, возникшие в связи с украинским кризисом.

Миротворческая деятельность как инструмент реализации «мягкой силы» РФ

Анализ тенденций развития военно-политической обстановки (ВПО) в мире показывает, что, *во-первых*, мироустройство середины XX в., определённое Ялтинской и Потсдамской конференциями, в современных условиях подвергается глубокой трансформации: происходит передел сфер влияния между современными национальными и региональными «центрами силы», претендующими на лидерство в мире. В отличие от военных катаклизмов, характерных для первой половины XX в., процессы перераспределения сфер влияния сейчас происходят в основном мирным путём, за счёт финансово-экономической, политической и миротворческой экспансии. Там, где мирными средствами достичь политических целей передела политической карты мира не удаётся, применяется военная интервенция под прикрытием международного мандата в форме миротворческих акций. При этом миротворчество становится специфичным способом обеспечения присутствия вооружённых сил (ВС) государства во многих регионах мира. Именно под его флагом, а после 11 сентября 2001 г. под лозунгом борьбы с международным терроризмом, США создают новые военные базы на Балканах, расширяют военное присутствие в Закавказье, в Африке и в других регионах мира⁵⁸.

Во-вторых, миротворческая деятельность многих стран мира в рамках ООН выходит на новые рубежи. Так, в 2007 г. под эгидой Организации действовало 22 миротворческих миссии, из них 10 в Африке, четыре на Ближнем Востоке, по четыре в Азии и Европе, четыре на Ближнем и Среднем Востоке, а также «миссия по стабилизации» на Гаити. Еще 33 операции проводились под эгидой региональных организаций и альянсов⁵⁹. В этих операциях в общей сложности было задействовано более 110 тыс. военнослужащих. А начиная с 1948 г. 118 стран добровольно предоставили в распоряжение ООН более 750 тыс. военнослужащих и гражданского полицейского персонала. И если учесть, что еще 10 лет назад численность миротворческих контингентов составляла всего 20 тыс. человек, то рост государственной заинтересованности в миротворческих миссиях — налицо.

В настоящее время Россия занимает лишь 45-е место в рейтинге миротворчества, а Китай — 12-е. При этом до недавнего времени Пекин воздерживался от какой-либо вовлеченности в миротворчество, а на сегодняшний день он направил для участия в операциях ООН, в основном в африканские страны, богатые энергоресурсами, почти две тысячи военнослужащих и впервые продвинул своего кандидата на пост командующего силами в одной из миссий ООН⁶⁰.

В-третьих, западные государства крайне неохотно посылают своих военных на территории, где у них нет явных интересов. В текущих операциях ООН на долю ВС Евросоюза приходится менее 5,8 %, на США — 0,5 %, в то же время Организация испытывает хроническую нехватку миротворцев. Поэтому ООН предпочитает переложить миротворческие задачи на региональные блоки государств. Очевидно, что практика решения региональных конфликтов силами региональных миротворцев, где США играют одну из «первых скрипок в оркестре» стран-миротворцев (НАТО, ЕС, ОБСЕ, Африканский союз и т. д.), продолжится.

В-четвертых, чтобы играть «первую скрипку» в миротворческой деятельности, совсем не обязательно находиться в списке стран-лидеров. Достаточно проанализировать, как относительно «небольшие» страны с гораздо меньшими амбициями активно проводят свою политику и шаг за шагом реализуют свои интересы в «горячих точках», например Дания и Южная Корея в Ираке или Норвегия в Шри-Ланке.

В-пятых, важным фактором для России как государства-миротворца является прогноз результатов настоящих и будущих кризисных ситуаций в мире и четкое представление, где следует уклоняться от участия в миротворческих акциях, а где обязательно стоит «поучаствовать». Нередко под вывеской «прекращения конфликтов и строительства мира» решается большое количество стратегически важных национальных задач, которые обычно не афишируются. Зачастую в результате «силового» умиротворения, миротворческих акций и гуманитарной помощи в конфликтных регионах/странах к власти приходят режимы, которые становятся «в кильватер» политической ориентации основного государства-миротворца. Яркий тому пример — нынешняя власть в балканских странах, в Ираке, ориентирующаяся на США.

В-шестых, неравенство в военно-политических возможностях и средствах воздействия на обстановку в районе кризиса, в ресурсном обеспечении, финансово-экономических возможностях партнеров по миротворческим операциям приводит к фактическому подчинению общей политики региональных организаций и миротворческих коалиций целям и задачам политики «старшего партнера». Когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества рушится «старая» государственная машина и начинают налаживаться новые схемы взаимоотношений, у государства-миротворца, участвовавшего в операции, появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Оперативность и гибкость страны, участвующей в миротворческом процессе, позволяют в этот момент занять новые позиции в связи с изменяющейся политической и экономической ситуациями.

Так, в постконфликтном урегулировании вслед за военными в стране начинают «разворачиваться» гуманитарные организации, экономисты, промышленники; приходит частный бизнес страны-миротворца и т. п. Десятки национальных гуманитарных организаций, тянущиеся за международными миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от стран-миротворцев. В современных условиях это в основном организации,

базирующиеся на прочной евро-американской политико-экономической системе, которые обеспечивают местному населению куда больший заработок и лучшее отношение, нежели местная власть. В последующем частный бизнес страны-миротворца, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики зоны конфликта и разработку полезных ископаемых. Так было на Балканах, в Ираке, на африканском континенте, где американские компании безоговорочно одерживали победу над конкурентами.

В-седьмых, поддержание мира представляет собой эффективную с точки зрения затрат государственную деятельность. В свое время Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отмечал, что 30 млрд долл., израсходованные на миротворческие операции за всю историю Организации, представляют собой лишь одну тридцатую часть мировых военных расходов в 2007 г. «Мизерные» расходы США на миротворческую деятельность по сравнению с бюджетом на оборонные нужды страны приносят Вашингтону большие политические и экономические дивиденды. Военные операции Соединенных Штатов в конфликтных регионах мира, где присутствуют американские национальные интересы, часто прикрываются мандатом ООН. Поэтому миротворческая деятельность под вывеской ООН зачастую является более выигрышной для Соединенных Штатов, чем оказание помощи в формате двухсторонних взаимоотношений.

По сравнению с Соединенными Штатами РФ обладает гораздо меньшим опытом миротворчества. Российские воинские контингенты участвовали в миротворческих операциях на Балканах (в составе миссии ООН UNPROFOR и операций НАТО IFOR, SFOR и KFOR), часть подразделений находится в миссиях ООН в Африке. На постсоветском пространстве ВС РФ локализовали конфликты в Таджикистане, Приднестровье, в Грузии — Южной Осетией и Абхазией.

На Ближнем Востоке в результате действий сирийской армии при поддержке ВКС РФ был полностью восстановлен контроль над сирийско-иорданской границей. Созданы условия для возобновления деятельности миротворческих сил ООН, развернутых в районе разделения между Сирией и Израилем на Голанских высотах в соответствии с резолюцией СБ ООН 1974 г. № 350⁶¹. В августе 2018 г. миротворцы ООН в сопровождении российской военной полиции начали совершать регулярное патрулирование в районе сирийско-иорданской границы.

Помимо этого, в соответствии с договоренностями, указанными в совместном заявлении президента РФ, президента Азербайджана и премьер-министра Армении, с 10 ноября 2020 г. объявлено полное прекращение огня и всех военных действий в Нагорном Карабахе, которые начались между противоборствующими сторонами. Для контроля за прекращением огня и военных действий в Нагорном Карабахе был развернут миротворческий контингент России⁶² (рис. 4.3.1).

Его основу составляют подразделения 15-й отдельной мотострелковой бригады (миротворческой) Центрального военного округа. Согласно договоренностям руководителей Азербайджана, Армении и России, она направила в

Рис. 4.3.1. Место дислокации российских миротворцев в Нагорном Карабахе.

Источник: URL: www.kp.ru/daily/2171206/4318995/

Нагорный Карабах 1960 миротворцев, 90 бронетранспортеров, 380 единиц автомобилей и специальной техники. В подписанном В. Путиным указе не только названо количество действующих в этом регионе российских «голубых касок» и единиц техники, указаны сроки пребывания там солдат и офицеров, и места их службы, но также определен порядок ротации миротворческого контингента. При этом основное отличие этой миссии российских миротворцев состоит в том, что они пришли в Карабах именно для разграничения сторон, а не для того, чтобы выступить на чьей-либо стороне, как это, зачастую, имело место в бывшей Югославии.

На основе практики проводимых операций одновременно происходило и развитие правовой базы российского миротворчества, переход к всё большему учёту стандартов и требований ООН. При этом для реализации миротворческой деятельности РФ как инструмента ее «мягкой силы» в горячих точках планеты необходимо учитывать следующие критерии: наличие в регионе реальной угрозы миру и безопасности; степень, в которой данный конфликт затрагивает интересы России; отвечает ли участие в операции интересам организаций и союзов, членом которых является РФ; целесообразность применения миротворческих сил как наиболее подходящего средства разре-

шения кризиса; перспективы урегулирования конфликта и увязка учреждаемой операции с политико-экономическим процессом урегулирования; согласие легитимного правительства на учреждение операции; точный и ясный мандат на проведение операции (весьма желателен мандат ООН); наличие сил и средств, финансовых возможностей для проведения операции; степень риска для миротворческого контингента; адекватное представительство России в командовании миротворческих сил в соответствии с ролью и численностью её воинского контингента в учреждаемой операции. Естественно, должны учитываться тенденции в развитии миротворчества и те уроки, которые позволяет извлекать анализ операций, проводимых ведущими странами мира в сфере миротворчества.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

Развитие ситуации на международной арене и деструктивные действия Запада, создающие препоны для РФ и КНР в их внешнеполитических инициативах, обостряют вопрос о совершенствовании стратегического партнерства двух стран. Поэтому для поддержки совпадающих интересов Китая и России целесообразны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона западным акциям и по превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Страны Центральной Азии, Китай и Россия являются носителями богатых традиций и обычаев, удивительной истории, и поэтому их сотрудничество открывает пути для межцивилизационного диалога. Следует отметить крайнюю желательность следующих китайско-российских инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС в следующих областях.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС. Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе бывший в то время президентом РФ Д.А. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств-членов и наблюдателей ШОС суть происходивших на Кавказе событий. Это свидетельствует о том, что, *во-первых*, не все лидеры государств имели полное представление о югоосетинском кризисе, а *во-вторых*, что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках Организации до сих не создана единая информационная сеть, и в ее центральноазиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел. Можно вспомнить, как предвзято освещались и освещаются в США и странах ЕС события на Украине, в Андижане и Тибете, ситуация вокруг иранской ядерной программы, а также положение в Афганистане⁶³.

Для исправления ситуации в медийной сфере первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия должно стать формирование единого информационного поля ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В связи с этим целесообразно создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News) либо обеспечение широкой доступности

сти телеканала «Мир» для населения не только стран — участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется основание печатного органа ШОС — доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации. Эти и другие меры в исполнении российско-китайского «дуэта» могли бы повысить взаимопонимание между народами и снизить возможность искажения политики РФ и КНР и деятельности ШОС в целом.

Сотрудничество в области здравоохранения. Со дня основания ШОС декларирует необходимость сотрудничества в области здравоохранения. Но поскольку эта сфера — во многом конкурентная отрасль, то кооперация стран Организации в этом направлении носила и до сих пор носит дискретный характер. При этом необходимость наращивания сотрудничества в здравоохранительной сфере диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы больниц из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения оставляет желать много лучшего⁶⁴. Противодействие пандемии коронавируса в странах ЦА ведется Россией и Китаем «по всем фронтам», их сотрудничество осуществляется на основе равноправия и взаимной поддержки. Такой опыт может быть полезен миру, который на фоне пандемии COVID-19 начинает входить в этап политической и экономической турбулентности. Тем не менее вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым. Он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС. В связи с этим следует отметить, что страны ЦА с помощью международных здравоохранительных организаций уже достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности туберкулезом.

Еще одним фактором эпидемического риска является глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особенно остро для ШОС встает вопрос о качестве санитарного контроля на границах, состоянии экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясо-молочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания.

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Распространение ВИЧ/СПИД ускоряется ростом внутривенного потребления наркотиков в ЦА. На долю потребителей инъекционных наркотиков приходится 70—90 % новых случаев СПИД/ВИЧ в регионе, при этом инфицируется в основном молодежь. Комбинированная инфекция ТБ/СПИД снижает выживаемость и увеличивает затраты на медицинскую помощь.

В Россию из Исламской Республики Афганистан ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, а число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18 % ввозящихся наркотических средств⁶⁵.

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), имеющей задачей создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам государств — членов ШОС в любой стране — участнице Организации. В системе ШОЗ, основные усилия по созданию которой, видимо, придется предпринять России и Китаю, можно было бы проводить обучение и стажировку специалистов из стран-членов и наблюдателей ШОС, обмениваться опытом и идеями. Создание ШОЗ — это задача средне- и даже долгосрочного характера, поскольку для ее выполнения понадобится не только отладка практического взаимодействия и договорное обеспечение новой структуры, но и весьма значительные инвестиции.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов по исследованию биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе туберкулеза, полиомиелита, чумы, малярии; а также для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров, консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей; проведения ответственного эпидемиологического контроля, повышения ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ. Профилактика, выявление и лечение болезней эпидемического характера — весьма актуальная и важная задача для многих стран ШОС, учитывая, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОС по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем. Видится целесообразным привлечение стран ШОС к практике здоровых учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС, а МЧС России — на страновом.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам. Особенно страдают от их последствий менее экономически успешные страны региона, а также ряд провинций КНР. В 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощи у соседей, что не только не решает проблему, но затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенных катастроф.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и совместным с Пекином спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управления ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны Организации на долевой основе.

Сопутствующая задача здесь — создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств.

Сотрудничество в области экологии. Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это крупнейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приаралье, но на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить соответствующие мероприятия при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др. В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградационным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с международными структурами, в частности с ЮНИСЕФ, ЮФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Казахстанский дипломат Б. Нурғалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз высказывал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: «Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС присоединятся дружественные страны и институты системы ООН, можно добиться прогресса в реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья в области охраны здоровья населения и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, восстановления биоразнообразия»⁶⁶.

В результате проведенного анализа роли «мягкой силы» России на международной арене можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, задействование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание

положительного международного имиджа страны. Если она не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию этой силы, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие на постсоветском пространстве и заметно потеснить Россию с занимаемых ею позиций. При этом её «мягкая сила» не может опираться на систему ценностей, принятую в западных странах, поскольку в этом случае Россия фактически попадет под идеологическую зависимость от США и Европы.

Во-вторых, основой российской идеологии могут стать ценности мирного сосуществования народов. Для реализации «мягкой силы» России необходимо создавать свою логическую связку, которая бы отвечала образу и миссии в сложном многополярном мире. Миссия России — невзирая на лишения и нужды, не жалея сил и затрат гарантировать безопасность и стабильность в регионе, на континенте и в глобальном мире. Авторитет ШОС в мире постоянно растет. Организация все более становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала ШОС.

В-третьих, необходимо сформировать образ России как страны, где бережно сохраняются богатые исторические традиции русской культуры, где уважаются культуры всех народов, где существует творческая свобода и плюрализм. Образ России должен быть образом страны, где интересы федерального центра и регионов согласуются при уважении суверенитета и государственной целостности Российской Федерации. Позиционирование России как динамично развивающейся страны, члена БРИКС и ведущего государства ШОС, несомненно, усилит привлекательность ее «мягкой силы». Приоритетом политики «мягкой силы» РФ должно стать предоставление систематической и всесторонней поддержки соотечественникам за рубежом, защита постоянно проживающих за границей российских граждан, помощь в реализации прав русскоязычного населения в иностранных государствах. Улучшению образа России будет служить улучшение условий жизни граждан страны, создание эффективной системы образования, расширение гражданских прав и свобод.

В-четвертых, гуманитарное сотрудничество России со странами Центральноазиатского региона устойчиво развивается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» является важной предпосылкой успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом. Поэтому России следует незамедлительно принять меры по усилению ее позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это преимущество, и гуманитарное сотрудничество может быть эффективным механизмом выполнения этой задачи.

4.4. Направления нейтрализации угроз России в информационной сфере

Проблемы и перспективы информационной политики России

Россия и Запад имеют большое количество пересекающихся интересов в мире, чтобы сохранять даже видимость нейтралитета по отношению друг к другу. Поэтому западными экспертами России по-прежнему отводится место вассала Запада, и этим они стараются ограничить ее национальные интересы в мире. Подобное обстоятельство противоречит статусу России как мировой державы⁶⁷.

Чтобы отстаивать свои интересы в современном мире, России необходимо было иметь четко выработанную концепцию противодействия вызовам и угрозам в политической, экономической, военной и в информационной сферах, чтобы защитить собственную безопасность⁶⁸. В этих целях в РФ в 2002 г. была уточнена Доктрина информационной безопасности РФ⁶⁹. Ее анализ показал, что данная доктрина до этого времени реализовалась слабо и нуждалась в уточнении с учетом современной и будущей геополитической ситуации в мире. В уточнении также нуждалась и информационная политика страны, обеспечивающая информационную безопасность РФ на всех направлениях ее жизнедеятельности. При этом следует отметить, что в настоящее время, с целью нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности, в информационной сфере России постоянно совершенствуются механизмы реализации прав граждан на получение, хранение, пользование и распоряжение информацией, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. В новых условиях, когда монополизм государства в области информации оказался частично разрушен, нерешенными продолжают оставаться многие проблемы охраны и защиты конфиденциальной информации, интеллектуальной собственности и коммерческой тайны, без чего невозможно эффективное управление, предотвращение негативного внешнего воздействия, решение всего комплекса проблем информационной безопасности.

Значимым этапом решения проблем информационной безопасности станет разработка и реализация стратегии всеобъемлющей информатизации страны, ориентированной на развитие электронной системы осуществления административных процедур, услуг, предоставляемых гражданам и бизнесу государственными органами и иными организациями, и переход государственного аппарата на работу по принципу информационного взаимодействия. Ускоренными темпами должна развиваться индустрия информационных и телекоммуникационных технологий, где особое внимание следует уделить последовательному повышению качества, объема и конкурентоспособности национального контента, который призван занимать доминирующее положение внутри страны, и его продвижению во внешнее информационное пространство.

Приоритетным направлением является совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности и завершение формирования комплексной государственной системы ее обеспечения, в том числе путем оптимизации механизмов государственного регулирования деятельности в этой сфере. Большое значение должно предаваться наращиванию деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений против информационной безопасности, а также надежному обеспечению безопасности информации, охраняемой в соответствии с законодательством. Необходимо активно продолжать разработку и внедрение современных методов и средств защиты информации в системах, используемых в информационной инфраструктуре, являющейся жизненно важной для страны.

Нейтрализации ряда внутренних источников угроз национальной безопасности будет способствовать информационное обеспечение государственной политики, которое заключается в доведении до граждан России и внешней аудитории объективной информации о государственном курсе во всех сферах жизнедеятельности общества, официальной позиции по общественно значимым событиям внутри страны и за рубежом, о деятельности государственных органов. Важной задачей при этом является расширение каналов и повышение качества информирования зарубежной общественности. Составной частью информационного обеспечения государственной политики выступает информационное противоборство, представляющее собой комплексное использование информационных, технических и иных методов, способов и средств для воздействия на информационную сферу с целью достижения политических, экономических и иных задач либо защиты собственного информационного пространства⁷⁰.

В деле информационной безопасности менее всего нужно ориентироваться на партнерские отношения с передовыми индустриально развитыми государствами, уже вошедшими в стадию информационных обществ. В каждом конкретном случае у администрации этих государств имеется своя иерархия приоритетов, связанных с собственной концепцией национальных интересов, в соответствии с которой выбираются и тактические приемы «партнерских» отношений. Неслучайно в период развала СССР наличие общих целевых установок и определенного выбора способов их реализации заставило США и их западноевропейских союзников по НАТО вычленить «конфликтную информационную политику» как самостоятельное направление внешнеполитического курса по отношению к СССР. Поэтому высокий уровень теоретической и практической разработки вопросов, связанных с поисками оптимальных моделей поведения политического руководства РФ в условиях кризисных и конфликтных ситуаций, должен позволить создать новые прикладные концепции уже в ближайшее время. Иными словами, на повестку дня с особой остротой встает вопрос не столько об информационном партнерстве с США, западноевропейскими и даже восточноевропейскими странами, сколько об информационной защите от такого партнерства⁷¹.

Также необходимо выявить дестабилизирующие факторы информационной безопасности, где их источниками в различных ситуациях могут быть как отдельные личности, так и организации, объединения. Но наиболее сильными из них являются скрыто или открыто враждебные государства или их коалиции, в которых создаются и функционируют специальные органы и службы. Особую группу составляют современные информационные системы и средства, поскольку они одновременно являются орудием приведения в действие информационных угроз, каналом проникновения их в сознание личности или общественное сознание и генератором спонтанных угроз, возникающих вследствие технических неисправностей и других причин. Именно последнее обстоятельство позволяет рассматривать их в качестве самостоятельного источника дестабилизирующих факторов. При этом следует учитывать, что каждому источнику свойственны определенные виды дестабилизирующих факторов. В межгосударственных отношениях это, как правило, конфликты различных масштабов и сфер жизнедеятельности страны (экономика, политика, идеология, дипломатия и т. д.)⁷².

К основным видам наиболее важных для внутригосударственных дестабилизирующих факторов России следует отнести: правовой вакуум населения страны в большинстве вопросов обеспечения информационной безопасности; преднамеренное или непреднамеренное нарушение имеющегося законодательства по вопросам информационной безопасности; существующие политические и военные конфликты различного масштаба; злоумышленные действия преступных элементов и групп в отношении информационных источников; отказы, сбои, технические ошибки информационных систем или средств; природные явления и процессы, затрудняющие получение, передачу, прием и хранение информации или разрушающие информационные системы, и т. д. Эти источники вместе с присущими им видами дестабилизирующих факторов формируют целый спектр информационных угроз, воздействующих на состояние информированности политического руководства страны. К ним относятся: похищение, уничтожение, потеря, сокрытие, разглашение, фальсификация, компрометация истинной информации, а также фабрикация, распространение и внедрение заведомо ложной информации. В результате снижается информированность субъектов государственного управления, у них создается искаженное представление о социальных процессах в мире.

Публикуемая в настоящее время информация российских исследовательских организаций отличается от прежних документов более высоким уровнем обобщения и аналитичности, достижение которого возможно только при наличии обширной базы фактологических и социологических данных. Эта особенность позволяет сделать вывод, что, помимо собственных возможностей и отработанных методик социально-экономических и политических процессов, в подготовке докладов руководству страны все чаще должны использоваться экспертные и аналитические работы отечественных исследователей. При этом осуществляется переход от самостоятельной аналитической обработки первичных материалов (взглядов отдельных политиков, программ-

ных документов партий, общественных движений и т. п.) к исследованию аналитико-синтетических документов и материалов альтернативных исследовательских структур. Также можно говорить и о формировании качественного нового по своим параметрам информационного канала для зарубежных СМИ, в которых циркулирует информация, подготовленная квалифицированными специалистами России, хорошо знающими социально-политическую и экономическую ситуацию в стране.

При этом изменение социально-экономического и политического развития России обуславливает необходимость постоянного совершенствования системы защиты информации. Поскольку Россия становится все более активным субъектом мировой политики и экономики, это влечет за собой необходимость обеспечения безопасности значительных объемов конфиденциальных сведений. Переход развитых стран мира в информационную стадию развития с такими неизбежными последствиями, как информационные преступления, информационный терроризм и даже возможность проведения информационных войн, ставит на повестку дня вопрос о возрастающем значении проблем защиты информации государственной важности. Для России основная задача состоит в том, чтобы обеспечить такой уровень безопасности информации, который гарантировал бы сохранение и упрочение российской демократической государственности, политической и социальной стабильности общества, защиту прав и свобод граждан в информационной сфере, равноправное вхождение страны в мировое информационное пространство, в том числе при включении ее информационных ресурсов в глобальные информационно-телекоммуникационные сети.

В современных условиях для России важным является формирование негативного глобального общественного мнения о недружественных приготовлениях, открытых и тайных акциях США и НАТО. Поэтому здесь нет необходимости заниматься фальсификацией или искажением фактов действительности: объективно внешняя политика США и НАТО направлена на реализацию национальных интересов США в мире и достижение глобальных интересов НАТО на международной арене, установление одного центра силы в общей системе международных отношений. В связи с этим существует насущная необходимость вести эту работу в России систематически, а не эпизодически, например в период кризисных ситуаций, связанных с провокациями, военными конфликтами, локальными войнами и т. п., с привлечением всех политических средств государства, делая особый упор на дипломатию и средства массовой информации и коммуникации. Отдельные попытки такой работы проявились в период югославского кризиса, когда особая позиция России в вопросе использования военной силы НАТО против боснийских сербов реально раскрыла несоответствие между «миротворческими» устремлениями США и их союзников и их действиями против мирного населения Боснии.

Кроме того, необходимо отработать варианты трансформации существующих подходов к ведению информационной войны с целью вывести процессы их управлением на один из высших уровней стратегического планиро-

вания и выработать единое понимание проблемы защиты государства от информационного оружия и кибертерроризма.

К сожалению, нынешние раздробленные усилия различных ведомств РФ пока не дают реальных результатов. Поэтому для решения проблемы необходимо уточнение общей концепции на основе доктрины информационной безопасности, которая позволяла бы государству координировать деятельность всех участников создания и обеспечения национальной информационной безопасности (рис. 4.4.1).

Рис. 4.4.1. Модель безопасности информации.

Источник: URL: <http://textarchive.ru/images/931/1860588/e8d515c1.gif>

При этом стратегия развития информационного общества в России, как и любая стратегия, должна включать в себя следующие положения: ясное определение цели; четкое представление об окружающей среде; отчетливое представление об имеющихся ресурсах; возможные приемы и способы достижения поставленной цели в заданных условиях окружающей среды при наличии определенных ресурсов. Важнейшая задача — определение национальных интересов России в информационной сфере, прежде всего с учетом цикла «потребность — интерес — цели реализации интереса — ресурсы — эффективный способ достижения цели»⁷³. Также следует учитывать, что трансформации современного общества, вызванные глубоким проникновением в повседневную жизнь информационных технологий, во многом есть объективный процесс, не зависящий от проводимой государством политики. Происходящие процессы трансформации столь фундаментальны, что они несут угрозу всем, кто не воспринял новых условий. Причем темпы преобразований столь высоки, что, не утя характера изменений сегодня, завтра уже не будет времени и сил догнать. И, несмотря на то, что в России была принята специальная федеральная программа «Электронная Россия»⁷⁴, темпы ее реализации пока не позволяют говорить о том, что разрыв, отделяющий Россию от всего остального мира, будет преодолен в ближайшее десятилетие. Сегодня Россия

находится далеко позади не только ведущих стран Запада, но и многих стран Азии, и вынуждена ориентироваться на импорт оттуда информационных технологий. Такие оценки предполагают, что страна рискует оказаться на дне «цифровой пропасти» вместе с большинством африканских стран и стран Латинской Америки. Однако в последнее время появилась возможность использовать виток технологической революции с целью выхода России из сложившегося положения в области развития ее информационной стратегии.

Основные задачи по парированию угроз для информационной безопасности РФ

Основными задачами России по предотвращению, парированию и нейтрализации внешних и внутренних угроз информационной безопасности являются⁷⁵:

- создание законодательной базы обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, формирующей правовую основу для противодействия информационным угрозам. Такая база имеется сейчас во многих странах мира. Формируется она и в России. Так, например, в РФ приняты законы «О государственной тайне»⁷⁶, «Об информации, информатизации и защите информации»⁷⁷, «Об участии в международном информационном обмене»⁷⁸ и некоторые др. Ведется работа по созданию механизмов практической реализации этих законов, подготавливаются другие законопроекты, регулирующие общественные отношения в информационной сфере;
- проведение специальных мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности в органах государственной власти страны и местного самоуправления. В настоящее время в стране активно ведутся работы по созданию защищенной информационно-телекоммуникационной системы органов государственной власти, способной противостоять внешним и внутренним информационным угрозам;
- создание и внедрение отечественных высокоэффективных средств, методов и систем защиты информации в общегосударственных информационных и телекоммуникационных системах, а также методов обеспечения надежного и бесперебойного функционирования этих систем в экономической, финансовой и общественно-политической сферах;
- создание и практическое внедрение эффективных средств, методов и систем защиты национальных информационных ресурсов страны от разрушений и несанкционированного доступа, повышение надежности и безопасности их хранения. В России уже ведутся научно-исследовательские работы не только по инструментальным средствам защиты информационных ресурсов, но и по их классификации по категориям информационной безопасности. При этом учитывается как их национальная специфика, так и международный опыт, в частности принятые в 1991 г. группой европейских стран рекомендации «Критерии оценки безопасности информационной технологии»⁷⁹. Можно надеяться, что выполнение этих исследований позволит сделать защиту национальных информационных ресурсов России более надежной и эффективной;

- развитие отечественной промышленности для производства современных средств информационной техники, используемых для создания и развития национальной информационной инфраструктуры, обеспечения деятельности оборонного комплекса, органов государственного управления и наиболее важных предприятий финансовой и деловой сферы;
- разработка и проведение в жизнь специальных организационно-правовых и воспитательных мероприятий, направленных на предотвращение и нейтрализацию информационных угроз в духовной сфере жизни общества, формирование общественного сознания населения страны в направлении активного противодействия этим угрозам.

В число этих мероприятий должны входить:

- открытое провозглашение и активная пропаганда государственной идеологии общества, которая была бы понятной и приемлемой для большинства населения, учитывая культурные и исторические традиции развития многонациональной страны;
- разработка и осуществление цивилизованных форм воздействия на средства массовой информации с целью их ориентации на распространение в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным целям страны, воспитанию патриотизма и гражданского долга по защите ее интересов.

Таким образом, меры по обеспечению информационной безопасности страны должны быть комплексными и содержать в себе не только мероприятия идеологического и воспитательного характера, направленные на соответствующую ориентацию общественного сознания. Также важно широко использовать «мягкую силу» России для реализации ее национальных интересов и взаимодействовать с Китаем в рамках ШОС.

Направления развития информационной стратегии России

По мнению российских экспертов, развитие информационной стратегии страны целесообразно определить периодом до 15—20 лет. Такая длительность позволяет учитывать динамику социальных, культурных, технологических и финансово-экономических процессов в российском обществе. В рассматриваемый период ситуация в России и в мире будет характеризоваться следующими изменениями.

В политической сфере: продолжится перенос общественно-политической деятельности в Глобальную сеть; появятся новые сетевые политические образования и партии; возможно появление транснациональных политических объединений на основе Глобальной сети, которые будут оказывать влияние на деятельность нескольких государственных структур; продолжающийся рост и развитие горизонтальных связей в еще большей степени возвысит потенциал «общественного мнения» как мерил эффективности деятельности госаппарата; политические кампании будут приобретать все больше виртуальности, побеждать на выборах станет не личность, а виртуальный образ политика, сформированный СМИ, и оппозиционная правительству деятельность сосредоточится на использовании Интернета.

В социальной сфере: сохранится социальное неравенство в обществе, при этом оно претерпит глубокую трансформацию: исчезнут некоторые прежние профессии и появятся новые профессиональные классы. Наиболее массовым по численности будет кластер наемных рабочих и корпоративных служащих — среда, наиболее восприимчивая к изменениям в обществе; продолжится снижение инновационного потенциала населения страны вследствие изменения демографической карты России, вызванного общим старением населения, снижением рождаемости, повышением продолжительности жизни и ее низким уровнем в большинстве дотационных регионов страны, неконтролируемыми миграционными потоками из стран Средней Азии.

В финансово-экономической сфере: продолжится трансформация экономики под влиянием новых маркетинговых концепций «сетевой торговли». При этом ключевую роль займут электронные средства платежей — как на уровне юридических лиц, так и физических лиц; усилится давление на Россию на международной арене со стороны международных финансово-экономических структур и транснациональных корпораций.

В промышленной сфере: сохранится ориентация на развитие сборочного производства на территории России на заводах зарубежных кампаний. А ключевые для становления информационного общества отрасли высокотехнологичной промышленности в РФ в будущем кардинально восстановлены не будут. Сохранится зависимость от поставок зарубежного оборудования и технологий; сохранится и общий невысокий уровень развития информационной инфраструктуры в стране и ее неравномерное развитие по регионам.

В сфере науки и образования: в среднесрочной перспективе сохранится отсутствие отечественных значимых конкурентоспособных отраслей ИТ-промышленности, чему способствовал 15-летний провал в области фундаментального знания в области информационных технологий, и ориентация на зарубежные нормативные документы и стандарты в области ИТ; будет усиливаться ориентация системы высшего и среднего образования на удовлетворение наиболее значимых потребностей общества в подготовке низшего и среднего звена специалистов. Высшее звено руководителей промышленных и финансовых компаний по-прежнему будет предпочитать проходить подготовку за рубежом.

В сфере безопасности государства: продолжится сращивание национальной и зарубежной преступности в транснациональные преступные синдикаты. В сферу их интересов попадет «цифровая» экономика. Увеличится число противоправных действий с использованием информационных технологий и против объектов информационной инфраструктуры; экстремистские действия приобретут характер кибер-террористических. Произойдет слияние преступных хакерских сообществ с террористическими организациями. Возможно появление высокозаконспирированного преступного сетевого сообщества, аналога «Аль-Каиды», но ориентированного на экстремистскую деятельность в глобальной сети.

Таким образом, предстоящее десятилетие будет нести в себе ряд принципиальных новаций в социальном устройстве общества, которые кардинально

повлияют на характер межличностных и государственных отношений. С учетом текущего состояния и возможностей России, важнейшей будет являться не столько задача достижения лидирующих позиций в новом обществе, сколько сохранение статус-кво в принципиально новых условиях.

В этих условиях первостепенной задачей государства становится создание работоспособного механизма внешнеполитической информации, обеспечивающего наиболее полное и своевременное доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике России, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни. Также возникает необходимость уточнения алгоритма информационного обеспечения российских внешнеполитических инициатив, осуществляемого в настоящее время зачастую декларативно, урывками и в ограниченном геополитическом пространстве, на разработку, планирование и проведение целевых информационных кампаний в широких масштабах, носящих систематический и интенсивный характер и концентрируемых вокруг каждого значимого конкретного события или ситуации, что придаст им наибольшую силу воздействия⁸⁰. Именно такой подход оправдал себя во время острого информационного противоборства по вопросу самоопределения Республики Крым и её возвращения в состав РФ. Ставшие на тот период ежедневными тематические ток-шоу с привлечением отечественных и зарубежных политиков, общественных деятелей, экспертов, ученых; аналитические программы ведущих российских тележурналистов, телемосты, целевые сессии в блогосфере создали массивное и эффективное информационное обеспечение позиций России в этой неординарной и достаточно кризисной ситуации. Эффективность такого подхода признает влиятельная американская *Washington Post*, отмечая, что «в будущем весь мир будет следовать тактике Путина, и это та реальность, которую необходимо признать»⁸¹.

Важным фактором успешности противодействия внешнему информационному влиянию представляется создание российским представительствам и организациям за рубежом возможностей для работы по нейтрализации распространяемой дезинформации о внешней политике РФ. При этом департамент информации и печати МИД РФ функционально пока не приспособлен для конвейерного обеспечения зарубежных СМИ профессионально подготовленными материалами, которые масштабно и оперативно обслуживали бы внешнеполитические интересы России.

В связи с этим важная роль должна быть отведена тесному взаимодействию профессионального журналистского и экспертного сообществ в формате сети информационно-аналитических групп, состоящих из дипломатов, политологов, политтехнологов, публицистов, репортеров, переводчиков, психологов, сотрудников систем связи и коммуникации, веб-дизайнеров, способных не только прогнозировать возможные внешнеполитические риски и информационные атаки, но оперативно и доходчиво разъяснять мировому сообществу суть внешнеполитических инициатив и позиций России. Важным шагом стало реформатирование информагентства РИА Новости, теле-

канала Russia Today (RT) и радио «Голос России» в медиа-холдинг «Россия сегодня» для решения главной задачи — поставки на телеканалы и в информационные агентства нужной России информации, продвигаемой в мировое информационное пространство. При этом возрастает востребованность обновленных рекомендаций ученых и специалистов, учитывающих специфику общественного мнения в каждой стране, необходимую для отладки потока адресной объективной информации о России, — информация должна достигать определенной целевой группы и давать соответствующий эффект.

Ключевым фактором успешности внешнеполитического направления обеспечения информационной безопасности страны представляется государственная поддержка деятельности российских информационных агентств по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок. Такая поддержка могла бы осуществляться через выделение грантов российским СМИ за рубежом, инвестирование в совместные российско-зарубежные проекты (прокладка новых информационных магистралей и т. д), приобретение активов зарубежных медиа-компаний и информагентств, привлечение российского бизнеса к инвестированию в разработку актуальных направлений в области новейших информационно-коммуникационных технологий. Необходимо и дальше совершенствовать эту деятельность, развивая российскую сеть инноваций, постепенно наращивая количество ее узлов за рубежом.

Об эффективности этого направления свидетельствует деятельность телеканала Russia Today. По данным информагентства Inter Press Service, уже к январю 2010 г. RT стал вторым по популярности после ВВС иностранным каналом в США, в 6,5 раз обогнав «Аль-Джазиру», заняв третью место. Кроме того, RT в 2018 г. подтвердил статус крупнейшего поставщика новостного продукта на международном уровне, став первым в мире телеканалом, который преодолел отметку в 1 млрд просмотров на YouTube. Вместе с тем такая деятельность не должна стать инструментом прямой пропаганды, односторонне освещающей те или иные события, что может подорвать мировое доверие.

Необходимым представляется также создание под патронажем Совета Безопасности РФ межведомственного аналитического Центра по разработке новейших информационно-психологических технологий, методик продвижения внешнеполитической информации. Решением здесь может стать создание сетевых интеллектуальных клубов с привлечением ученых, интеллектуалов, патриотически настроенных журналистов и деятелей культуры, противодействующих в глобальной сети внешнему информационному влиянию и манипулированию сознанием населения, оперативно реагирующих на информационные атаки извне (рис. 4.4.2).

Важным элементом системы противодействия внешней информационной экспансии должна стать эффективная контрпропаганда, представляющая собой ответную информационную акцию, направленную на нейтрализацию воздействия конкретного враждебного выпада. В то же время контрпропагандистская деятельность не должна представлять собой серию лишь оборонительных мероприятий, пассивный арифметический баланс тезисов, противопоставляемых с запозданием в ответ на тезисы противной стороны,

Рис. 4.4.2. Направления защиты информационной безопасности.

Источник: URL: http://images.myshared.ru/18/1250652/slide_4.jpg

но систему акций, позволяющих упреждать информационные атаки и перехватывать инициативу в информационном противоборстве.

Анализ возможных направлений нейтрализации угроз России в информационной сфере позволяет прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, приоритетным направлением нейтрализации угроз России в информационной сфере является совершенствование ее нормативно-правовой базы и формирование комплексной государственной системы ее обеспечения, в том числе путем оптимизации механизмов государственного регулирования деятельности в этой сфере. Важное значение также должно отводиться наращиванию деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений против информационной безопасности, а также надежному обеспечению безопасности информации, охраняемой в соответствии с российским законодательством. Для этого необходимо активно продолжать разработку и внедрение современных методов и средств защиты информации в системах, используемых в информационной инфраструктуре, являющейся жизненно важной для страны, разрушение которой может оказать отрицательное воздействие на национальную безопасность.

Во-вторых, необходимо выявить дестабилизирующие факторы информационной безопасности, где их источниками в различных ситуациях могут быть как отдельные личности, так и организации, объединения. Но наиболее сильными из них являются скрыто или открыто враждебные государства или их коалиции, в которых создаются и функционируют специальные органы и службы. Особую группу составляют современные информационные системы и средства, поскольку они одновременно являются орудием приведения в действие информационных угроз, каналом проникновения их в сознание личности или общественное сознание и генератором спонтанных угроз, возникающих вследствие технических неисправностей и других причин. Имен-

но последнее обстоятельство позволяет рассматривать их в качестве самостоятельного источника дестабилизирующих факторов. В межгосударственных отношениях это, как правило, конфликты различных масштабов и сфер жизнедеятельности страны (экономика, политика, идеология, дипломатия и т. д.).

В-третьих, важная роль должна быть отведена тесному взаимодействию профессионального журналистского и экспертного сообществ в формате сети информационно-аналитических групп, состоящих из дипломатов, политологов, политтехнологов, публицистов, репортеров, переводчиков, психологов, сотрудников систем связи и коммуникации, веб-дизайнеров, способных не только прогнозировать возможные внешнеполитические риски и информационные атаки, но и оперативно, доходчиво разъяснять мировому сообществу суть внешнеполитических инициатив и позиций России.

В-четвертых, в условиях глобализации необходима скорейшая реформа системы обеспечения национальной безопасности РФ, которая должна быть способна адекватно отвечать на угрозы нового времени. В основу обеспечения национальной безопасности России должна быть положена информационная политика, определяющая национальные интересы и приоритеты в информационной сфере. Достижение и удержание информационного превосходства.

4.5. Стратегия развития российско-китайских отношений в XXI веке

Современное состояние стратегического партнерства РФ и КНР

В последние годы стратегическое партнерство России и Китая характеризуется небывалым подъемом, который наблюдается на всех уровнях двусторонних взаимодействий. Отношения этих ядерных держав, постоянных членов СБ ООН и ведущих государств ШОС, являются объектом пристального наблюдения, что позволяет говорить об огромной их значимости в современном мире. Именно сотрудничество с Китаем предоставляет широкие возможности альтернативного развития для России в рамках двустороннего сотрудничества в организациях БРИКС и ШОС. При этом их стратегическое партнерство рассчитано на долговременный исторический срок, чем подчеркивается серьезность намерений лидеров обеих стран, отраженных в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях. Однако современная военно-политическая обстановка в мире диктует все новые условия, заставляющие государства думать прежде всего о национальной безопасности, суверенности их границ и собственных интересах. Именно поэтому представляется достаточно сложным спрогнозировать, как будут относиться друг к другу РФ и КНР через 15—20 лет⁸².

С одной стороны, формулировка «стратегическое партнерство» применительно к российско-китайским отношениям позволяет с уверенностью заявить о том, что партнерство России и Китая будет укрепляться, а их взаи-

мозависимость будет расти, что так или иначе приведет к тому, что «вес» двустороннего альянса на международной арене увеличится в силу значимости данных отношений в региональном и общемировом развитии. Однако в настоящее время у Китая нет открывенных союзников среди других стран мира, что является редкостью для современных влиятельных и крупных держав, и вполне вероятно, что он в них пока не нуждается. Ввиду этого стратегическое партнерство с Россией в перспективе может зайти в тупик, если руководство КНР изменит свой внешнеполитический курс и переориентируется на Запад под воздействием внешних сил и обстоятельств.

Хотя эксперты считают, что данное развитие событий маловероятно и нелогично, особенно учитывая события в Гонконге, схожие по почерку внешних акторов с «евромайданом», что заставляет китайских лидеров с большим вниманием подойти к вопросу укрепления политического, экономического и культурного сотрудничества с Россией. Не стоит забывать и о том, что большинство американских геополитических концепций сводятся к недопущению сближения КНР и РФ. Следовательно, для Запада будет принципиально важным создать все условия, препятствующие реализации данного сценария.

Современные отношения между Китаем и Россией носят гармоничный характер, а их ключевые проблемы связаны с взаимоотношениями с другими странами в регионах мира. Так, Китай в наибольшей степени обеспокоен возможностью столкновения интересов с США в АТР, а также западным вмешательством во внутренние проблемы страны (СУАР, Тайвань, Тибет, и т. д.). А Россия воспринимает нестабильность на постсоветском пространстве (на Украине, Кавказе и т. д.) сквозь призму своих интересов и степени участия в этой нестабильности НАТО и США. Таким образом, следуя логике данного подхода, сотрудничество России и Китая будет продолжаться до тех пор, пока между ними не возникнет каких-либо серьезных разногласий, напрямую затрагивающих их национальные интересы.

И Россия, и Китай усвоили уроки в области взаимодействия с США; обе стороны выступают за многополярный мир и пропагандируют политику невмешательства во внутренние дела других стран, в связи с чем они становятся ближе друг к другу; руководители КНР и РФ понимают, что в двустороннем взаимодействии России и Китая они способны нивелировать слабые стороны политики и экономики своих государств путем активного сотрудничества друг с другом. При этом РФ и КНР рассматривают ООН как эффективный механизм поддержания международной безопасности, выступающий за разоружение и нераспространение оружия массового поражения, против терроризма, сепаратизма, экстремизма и организованной преступности. Именно по этим вопросам они согласуют свои позиции на международной арене и способны так или иначе влиять на их решение. Поэтому правительства обеих стран заинтересованы друг в друге, поскольку лишь в тандеме представляется возможным выступить в противовес странам Запада.

Кроме того, за последние несколько лет отмечается, что значительная часть населения Китая с большой теплотой относится к России. Это связано

прежде всего с внешней политикой США, где РФ выступает в качестве антипода западным ценностям и сторонником идей, разделяемых КНР. Необходимо отметить, что «стратегическое партнерство», которое зачастую путают с союзническими отношениями или альянсом, не предусматривает полного тождества позиций и мнений, наоборот, по некоторым вопросам они могут быть диаметрально противоположны.

При этом смысл партнерства заключается в согласовании взглядов и поиске при возникающих разногласиях альтернативных решений, устраивающих обе стороны. Поэтому Россия и Китай — страны с разными политическими системами и идеологиями — зачастую имеют различные позиции, но умело согласовывают их, избегая возможных противоречий друг с другом.

Проблемы в российско-китайских отношениях есть, поэтому сводить анализ этих отношений к хвалебным эпитетам руководства обеих стран не стоит. Но, тем не менее, все недопонимания, которые существуют между сторонами на данный момент, не носят глобального характера. Особого внимания заслуживает миф о так называемой китайской угрозе⁸³, распространившейся в просторах сети Интернет, предвещающей столкновение двух держав в грядущем столетии. Эти опасения прежде всего связаны с возможной китайской экспансией на Дальнем Востоке РФ. На самом деле, оценивая масштабы легальной и нелегальной миграции жителей Поднебесной на территорию России, можно утверждать, что процент китайцев в РФ уступает их количеству в других странах мира.

Таким образом, анализируя современные российско-китайские отношения, можно прийти к выводу, что пока руководители обеих стран настроены дружелюбно по отношению друг к другу и трезво оценивают стратегическую значимость взаимодействия своих стран, следуя подписанным соглашениям, эти отношения будут углубляться, независимо от провокаций третьих стран, которые значительно усилились в последнее время.

Рассматривая возможные сценарии развития российско-китайских отношений в XXI в., эксперты видят не только вероятность укрепления стратегического партнерства России и Китая, но даже в некоторых вариантах неизбежность его перерастания в союзнические отношения.

На первый взгляд, данная позиция кажется утопичной, но, тем не менее, она имеет право на существование. К тому же Китай является редким на сегодняшний день крупным государством-одинокочкой, что дает России возможность подставить ему свое «дружеское плечо поддержки». Более того, РФ и КНР способны изменить текущий ход вещей на мировой арене именно в альянсе при минимальном столкновении интересов между друг другом. Хотя процесс этот вряд ли будет столь гладким, поскольку он коренным образом способен изменить сложившуюся систему международных отношений на глобальном уровне.

В целом в современных условиях РФ и КНР всеми силами содействуют развитию двусторонних отношений, придерживаясь следующих основных принципов: взаимное уважение, равенство, невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимная поддержка и всемерное продвижение политическо-

го взаимодействия; взаимодополняемость, взаимовыгода и взаимное благоприствование, учет долгосрочной перспективы, стремление к совместному развитию.

Конкретные проекты развития российско-китайских отношений

На фоне западных санкций, объявленных России и Китаю, эти страны в ближайшем будущем планируют объединить свои усилия по разработке ракетных двигателей и электронной компонентной базы, в сфере спутниковой навигации, исследования и освоения Луны, изучения дальнего космоса. Москва и Пекин также продолжат взаимодействовать в сфере гражданского авиастроения, в частности в создании широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и тяжелого вертолета.

Стоит упомянуть о заключении межправительственного соглашения о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, которое предполагает в том числе обмен данными о потенциальных рисках и угрозах. Как считают в российском МИД, «по существу, речь идет о создании правовых рамок для диалога заинтересованных ведомств наших стран по всему спектру вопросов»⁸⁴. В связи с этим бывший в то время вице-премьером Д. Рогозин заявил, что санкции против российской радиоэлектронной промышленности потеряли смысл после начала сотрудничества РФ и КНР в этой сфере. Выделяя взаимодействие в атомной промышленности, Рогозин отметил, что Россия готова продемонстрировать китайским партнерам работу по созданию в Санкт-Петербурге плавучего энергоблока, который уже готов. При этом Москва заинтересована в сотрудничестве в строительстве плавучих тепловых электростанций для нужд Китая, в серийном исполнении — не менее шести энергоблоков.

Еще одним крупным российско-китайским проектом может стать продажа Китаю 100 самолетов Sukhoi Superjet. ЗАО «Гражданские самолеты Сухого» подписало меморандум с пулом китайских инвесторов — Henan Oberoi Aircraft Company, Shanghai Yuan Fei Aviation Technology Company, а также China Tianli Aviation Technology Co. Согласно этому меморандуму эти компании построят предприятие для сборки SSJ100 в г. Чжэнчжоу пров. Хэнань. Сейчас Sukhoi Superjet 100 является чуть ли не единственным российским проектом гражданского самолета, дошедшим до стадии коммерческой эксплуатации. При этом некоторые детали лайнера, включая двигатели, разрабатывались и закупались у иностранных производителей авиатехники. В итоге доля импортных комплектующих в сборке составила более 53 %. Поэтому в настоящее время российские инженеры усиленно работают над тем, чтобы эти комплектующие были заменены российскими.

Товарооборот России и Китая по итогам 2020 г. сократился в годовом выражении на 2,9 % и составил 107,76 млрд долл. Это снижение было вызвано пандемией коронавируса, охватившей всю планету, включая РФ и КНР. Тем не менее, по сравнению с другими партнерами Китая — это лучший результат⁸⁵. При этом продолжена работа по активизации использования национальных валют при расчетах в двусторонней торговле. В результате за-

ключенных соглашений выигрывают обе стороны. Китай получает новые рынки сбыта, а Россия добивается дальнейшего развития торгово-экономических отношений с КНР⁸⁶.

Следует отметить, что строительная отрасль в ряде регионов РФ пока еще не очень развита, в них отсутствует опытная рабочая сила и ощущается дефицит комплектующих строительных материалов. Следует также заметить, что строительная отрасль России имеет свою специфику, что проявляется в законодательстве, режиме ввоза трудовых ресурсов, финансово-налоговой политике и в других областях. В этой ситуации ООО «Китайстрой», компания, входящая во Всекитайскую инженерно-строительную корпорацию (ВИСК), которая занимает 80-е место в списке 500 ведущих крупнейших компаний мира, исходя из своих возможностей, взяла подряд на постройку высококачественных объектов, в том числе самого высокого здания в Европе — башни «Федерация» в Москве, здания многофункционального торгового центра «Стокманн Невский центр» в Санкт-Петербурге. Эта компания принимала участие в декоративно-отделочных работах почти всех китайских предприятий и учреждений в России, включая филиал Китайского банка в России, Китайский культурный центр в Москве, филиал Китайского строительного банка в России и др.

В целом ВИСК постоянно уделяет внимание российскому рынку, в освоение которого вложила немало людских и материальных средств. В дальнейшем ее филиал «Китайстрой» намерен укреплять строительство корпоративной команды компании, реализовать научное управление и усиливать локализацию на российском рынке. Одновременно с наращиванием своих преимуществ ВИСК, используя в полной мере инвестиционную и финансовую политику России, намерен более активно бороться за заказы на строительство местных крупных общественных и частных объектов, добиться стабильного развития «Китайстроя» в России и в соседних странах и регионах, чтобы эта компания стала одним из ведущих предприятий на российском строительном рынке⁸⁷.

Также следует отметить, что председатель Правления ОАО НК «Роснефть» И. Сечин и президент Китайской национальной нефтегазовой корпорации (СНРС) Чжоу Ципин подписали долгосрочные соглашения по поставке в Китай 46 млн т нефти. Общая стоимость контракта — 270 млрд долл., он рассчитан на 25 лет. Помимо поставок сырой нефти, «Роснефть» и СНРС осуществляют совместные проекты по строительству нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Тяньцзине и развитию сотрудничества в области нефтедобычи⁸⁸. А директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев сообщил, что российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ) достиг договоренности о вхождении в акционерный капитал дальневосточной компании Russia Forest Products (RFP) — второй по величине лесозаготовительной компании России. Данная сделка обеспечивает высокую доходность, а также продвижение двустороннего экономического сотрудничества между Россией и Китаем. В результате этой сделки РКИФ может инвестировать в RFP более 200 млн долл. и стать крупнейшим акционером компа-

нии. Данная инвестиция позволит создать новые рабочие места на российском Дальнем Востоке и внедрить современные технологии в российское лесоводство.

Кроме того, китайские города и российское Приамурье вместе занялись развитием приграничного туризма. В административном центре пров. Хэйлунцзян была создана китайско-российская трансграничная региональная ассоциация туризма «3+1», которая охватывает три города провинции — Харбин, Ичунь и Хэйхэ и один регион в России — Амурскую область. Эта ассоциация одновременно является международной и региональной организацией туристического сотрудничества.

В сфере военного сотрудничества президент РФ В. Путин дал согласие на продажу Китаю зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф». Помимо покупки этих комплексов китайская сторона настаивает на получении полных сведений о тактико-технических характеристиках С-400. Однако в Москве обоснованно считают, что в первую очередь должны быть удовлетворены потребности Министерства обороны России. В настоящее время речь идет о продаже от двух до четырех дивизионов С-400, в состав каждого из которых входит восемь пусковых установок с ракетами-перехватчиками.

Реализация этой сделки, однако, вызывает ряд опасений у Москвы. Она опасается копирования этой техники Китаем, так как Пекин запросил подробную информацию о характеристиках «Триумфа». Похожая ситуация наблюдалась во время переговоров между Москвой и Пекином относительно продажи новых истребителей Су-35С. Изначально китайская сторона объявила о намерении приобрести 48 боевых самолетов, и этого было бы достаточно для комплектации двух — трех полноценных эскадрилий. Позднее Китай решил ограничиться лишь приобретением четырех истребителей. В Москве посчитали продажу столь малого количества Су-35С экономически невыгодной, и переговоры на некоторое время прервались. В настоящее время они проводятся в замедленном режиме, причем Россия настояла на расширении возможного контракта до 24 истребителей. Параллельно Китаю могут быть проданы и турбореактивные двухконтурные двигатели с камерами АЛ-41Ф1С.

Кроме того, Китай продолжает нелегальное копирование российской продукции военного назначения, внося в нее изменения. Поэтому Россия с осторожностью относится к продаже Китаю вооружений и военной техники четвертого поколения, поскольку эта страна начинает играть все более значительную роль на мировом рынке, предлагая покупателям более дешевые копии российского оружия и собственные разработки этой техники.

Наблюдается перекосяк и по объему взаимных инвестиций. Так, из Китая в Россию в 2017 г. пришел 1 млрд долл. прямых инвестиций, в то время как из России в Китай пришло 240—250 млн долл. Это совсем мало. Подписанные соглашения позволяют резко увеличить инвестиционную составляющую, создать базу для развития инфраструктуры, прежде всего по проекту создания «Нового Шелкового пути» и строительства скоростной дороги Москва—Казань. Кроме этого, есть проекты Морского пути и развития Арктики. «С по-

мощью Китая и созданного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций Россия сможет развивать инфраструктуру на Дальнем Востоке. Это важно для России, особенно в условиях западных санкций. Тем более что западные СМИ сетуют, что США и Европа оказались в стороне от российско-китайского сотрудничества⁸⁹.

Развитие инвестиционной политики в российско-китайских отношениях

Главными позициями развития российско-китайского сотрудничества в области инвестиций является наращивание финансовых активов, ибо в случае отсутствия финансовой выгоды ни один инвестор не захочет размещать свои активы, какими бы ни были цели предприятия. Ведь у инвестора имеются финансовые средства, и он ищет привлекательные проекты для их вложения с целью получения прибыли. В случае если российский рынок покажется китайским инвесторам недостаточно привлекательным, они смогут найти более выгодные способы вложения средств — в странах с благоприятным инвестиционным климатом, низким уровнем коррупции, а также более квалифицированными трудовыми ресурсами⁹⁰.

За последние десятилетия КНР успешно проявила себя в эффективном использовании имеющихся экономических ресурсов. На данный момент экономика Китая хоть и замедляет темпы своего роста, но остается одной из самых быстрорастущих в мире, лидером в целых производственных отраслях. Динамичный рост толкает государство и представителей бизнеса на поиски новых экономических ресурсов для дальнейшего развития.

Деятельность России на мировой арене в плане развития инвестиционных программ становится все менее активной, Китай же, обладая огромными экономическими ресурсами и постоянно рассматривая возможные области для инвестирования, находит Россию приемлемой целью финансирования.

При этом в условиях небольшого выбора предложений в области инвестирования российские предприятия рассматривают данную возможность исключительно с положительной стороны, не уделяя пристального внимания дальнейшим вопросам управления проектом. В настоящее время КНР вкладывает достаточное количество ресурсов практически во все важные направления российской экономики — от совместных проектов в области энергетики и добычи ископаемых до сферы обслуживания и торговли. Особое внимание Китай уделяет предприятиям, деятельность которых каким-либо образом связана с дальневосточной частью России. Примером совместных проектов в области энергетики является сотрудничество РФ и КНР в области развития Тяньваньской АЭС, которое включает строительство двух ее блоков, работы по поставке радиоизотопных термоэлектрических генераторов, взаимодействие с китайскими партнерами в доработке быстрого реактора, а также решение вопросов о выделении площадки для размещения новых блоков АЭС⁹¹.

В качестве примера российско-китайской кооперации в сфере нефтедобычи можно привести соглашение ПАО «Роснефть» и China National Petroleum Corporation о наращивании объема транзитного потока углеводоро-

дов через Казахстан и его пролонгации вплоть до 2023 г. Согласно этому контракту количество транспортируемой нефти увеличится до 91 млн т и позволит планомерно наращивать продажи в азиатском направлении⁹². Также следует отметить сотрудничество российской компании «Востсибуголь» и одной из крупнейших компаний Китая в сфере добычи угля Shenhui, в котором активы распределены между российской и китайской сторонами в равных долях.

В процессе сотрудничества планируется развитие совместной добычи каменного угля в Зашуланском месторождении в Забайкалье⁹³. Одним из самых крупных вложений в российскую экономику за последнее время можно считать приватизацию «Роснефти», объем вложений составил порядка 9 млрд долл. Одним из последующих шагов «Роснефти» может стать привлечение китайского партнера для разработки месторождений в Ямало-Ненецком автономном округе. В 2018 г. Китай, Япония и Индия нарастили объем вложений в российские предприятия на 25 % в общей сумме до 32,4 млрд долл., при этом вложениях со стороны китайского партнера составляют 8 млрд долл.

В дальнейшем китайские инвесторы рассматривают возможность вложения средств в обрабатывающую и горнодобывающую отрасли. Несмотря на увеличение потока инвестиций в российские предприятия со стороны азиатских партнеров, в том числе Китая, практически все инвестиции приходится на добывающую промышленность и нефтегазовую отрасль, а участие в развитии обрабатывающей промышленности и транспортной отрасли происходит крайне низкими темпами.

Также не стоит забывать, что российская экономика является для китайских инвесторов лишь одним из объектов вложений наряду с другими странами. Главенствующие позиции в привлечении капитала китайских инвесторов в настоящее время занимает Казахстан, который на протяжении долгого времени укрепляет экономические отношения с Поднебесной. Китайские инвесторы продолжают сотрудничество с белорусскими предприятиями, где объем вложений в машиностроительную отрасль увеличился до 0,6 млрд долл. Не следует считать, что только китайские партнеры — единственно верный путь развития российских предприятий. Необходимо учитывать, что Россия входит в первую десятку стран Европы по количеству проектов с привлечением прямых инвестиций. Например, Германия принимает участие в 43 российских проектах.

Китайские инвестиции в Россию составляют порядка 0,5 % от общего объема инвестиций КНР за рубежом. Тем не менее в последнее время наметились положительные тенденции. В 2017 г. китайские инвестиции в Россию увеличились почти на 116 % до 654 млн долл., а всего с 2004 по 2012 г. объем реализованных китайских прямых инвестиций в нашу страну составил 4,4 млрд долл.⁹⁴

Одновременно в России постоянно совершенствуется инвестиционное законодательство, создана сеть специальных экономических зон, в которых организованы благоприятные условия для деятельности иностранных предпринимателей, в том числе в сфере налоговых льгот и инфраструктуры. Ряд китайских компаний создают производства в свободной экономической зоне

(СЭЗ) в Калужской и Липецкой областях. В 2012 г. был создан Российско-китайский инвестиционный фонд, образованный Российским фондом прямых инвестиций и Китайской инвестиционной корпорацией для активизации инвестиционного сотрудничества. В России определен курс на ускорение развития Сибири и Дальнего Востока, и в этом плане для китайских инвесторов открывается много новых возможностей. Перспективным является расширение кооперации в сфере сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, прежде всего за счет создания на российской территории перерабатывающих производств. Имеются и другие проекты, например по развитию туристической инфраструктуры, объектов торгово-развлекательной индустрии.

Направления раскрытия потенциала российско-китайского сотрудничества

В результате анализа «узких мест» российско-китайского сотрудничества представляется возможным определить ряд приоритетных направлений повышения его потенциала. К основным из них относятся следующие.

Первое — необходимо минимизировать риски, связанные с иммиграционно-экономической экспансией Китая, а саму экспансию ассимилировать в рамках общего регионального хозяйства лишь при выполнении трех условий: относительно высокой и равномерной заселенности восточных регионов гражданами России, существенно более плотной, чем в настоящее время; при достаточно развитой, диверсифицированной и конкурентной экономике, не находящейся в прямой зависимости от «китайского фактора»; при эффективном иммиграционном, финансовом, техническом, экологическом и ином госконтроле, распространяющемся на все виды и форматы хозяйственной деятельности.

Второе — совместные разработки в области высоких технологий и внедрение их в производство. Китай нуждается в производимом в России оборудовании и продукции обрабатывающей промышленности в военной, космической, авиационной и судостроительной отраслей. В ходе совместного сотрудничества на основе высоких технологий производить самолеты гражданского и военного назначения, космические летательные аппараты и военную технику, газовые турбины и другое крупное оборудование. Это сотрудничество может быть осуществлено на следующих условиях: Россия выделяет в качестве своей доли технику и технологии, а Китай предлагает денежные средства, рынок для совместного освоения и производства.

Третье — совместное освоение запасов нефти и газа. Речь идет об ускоренном освоении богатейших запасов нефти и газа в России, прокладке трубопроводов для их поставки в Китай за счет предоставляемых им капиталов и рабочей силы. При таком варианте в ближайшие 10 лет Китай смог бы получать ежегодно 50 млн т сырой нефти и 10 млрд кубм природного газа, а Россия — более 10 млрд долл. или товаров на эту сумму.

Четвертое — совместное освоение лесных ресурсов. Россия обладает одной четвертой всех мировых запасов древесины, ежегодно производит ее в два раза больше Китая. После принятия программы охраны природных лесо-

насаждений Китай сократил производство древесины, а потребность в ней растет. Предлагается России нарастить производство и экспорт древесины в Китай с нынешних нескольких миллионов кубометров до нескольких десятков миллионов кубометров в год, увеличив тем самым свои валютные поступления до 10 млрд долл. Для удовлетворения этих потребностей она будет ежегодно расходовать только часть естественного прироста леса, что никак не повлияет на экологию. С другой стороны, в Китае только на северо-востоке имеется несколько сот тысяч свободных лесорубов.

Пятое — совместное освоение земельных ресурсов. Россия занимает первое в мире место по территории, а по размеру пахотной земли на душу населения превосходит Китай в 10 раз. Однако вследствие влияния таких факторов, как нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, недостатки механизма управления и использования научных достижений в производстве, ощущается нехватка продукции сельского хозяйства, на ее импорт приходится тратить валюту. В Китае же, где отмечается наименьшая в мире площадь на душу населения и огромный избыток рабочей силы, наработана достаточно передовая технология сельскохозяйственного производства. При этом Сибирь испытывает острую потребность в рабочей силе — около 5 млн человек. В этой ситуации выходом могло бы быть использование многочисленной китайской рабочей силы для участия в освоении обширных районов восточной части России, особенно в форме подряда на обработку земли для выращивания зерновых, овощей, фруктов, а также животноводства. Это станет мощным стимулом для ускорения развития экономики обеих стран.

Шестое — совместное развитие районов свободной торговли, торговых зон взаимных рынков и районов совместного освоения. Они обеспечиваются большой протяженностью общих границ, многочисленными пунктами пропуска на границе и огромными потенциальными возможностями торговли. В ближайшее время необходимо решить ряд вопросов: в приграничных районах, особенно там, где имеются парные пункты пропуска и удобные пути сообщения, организовать зоны свободной торговли, торговые зоны взаимных рынков, районы экономического освоения. Сюда относится и спорная территория — участок площадью в 400 кв. км на островах Большой Уссурийский и Тарабарова, которую можно было бы совместно использовать для создания особой торговой зоны или свободного порта. Таким образом, Китай и Россия могли бы избежать налогообложения или сократить налогообложение при проведении экспортно-импортных операций, чтобы расширить масштабы торгово-экономической деятельности.

Чтобы поднять китайско-российскую торгово-экономическую деятельность на новую ступень, необходимо убрать два основных препятствия:

- устранить угрозу китайским гражданам в России. Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, формировало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на

российском рынке. При этом обе стороны должны усилить контроль за экспортом рабочей силы Китаем;

- ликвидировать сверхвысокие таможенные тарифы. Многие российские эксперты считают эту причину основным мотивом отказа от вложения капиталов в РФ. В России самые высокие тарифы в мире, поэтому ежегодный объем капиталовложений в нее не превышает 10 % от капиталовложений в Китае. Стремление КНР участвовать в разработках природных богатств России и в научно-техническом освоении также упирается в высокие налоги. Предлагается уменьшить налоговые ставки и ориентироваться на мировой опыт в этой сфере⁹⁵.

Седьмое — для достижения максимального эффекта инвестиционного сотрудничества необходимо сосредоточиться на решении внутренних проблем российской экономики, которые препятствуют полноценному взаимодействию с китайскими партнерами. В частности, представляется целесообразным, чтобы Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству оказала содействие разработке и согласованию общих правил и требований к взаимным инвестициям, что позволит снять имеющееся недопонимание между представителями российского и китайского бизнеса. Целесообразно учредить специальный фонд при Внешэкономбанке или другом российском институте развития, располагающем квалифицированными кадрами для Национальной ассоциации институциональных инвесторов по финансовым рынкам, на которую возложен контроль за размещением и обращением облигаций на межбанковском рынке Китая⁹⁶. Наряду с этим, необходимо содействовать продвижению российских компаний на рынок капитала КНР. Это целесообразно для предприятий, имеющих активы на территории КНР или ведущих с ней активную торговлю. Кроме того, выход этих банков на внутренний китайский рынок позволит им существенно снизить стоимость фондирования в юанях для своих клиентов.

Восьмое — возможности использования внешнеэкономических связей во многом закладываются при разработке стратегий социально-экономического развития сопредельных регионов. Расширение спектра взаимодополняемости формирующихся экономик создает условия для развития сотрудничества, поскольку способствует наращиванию преимуществ обеих сторон при интеграции в международное разделение труда. Наличие противоречий в интересах сторон, напротив, приводит к обострению конкуренции и ограничению сфер конструктивного взаимодействия. Соответственно, поле для экономического приграничного сотрудничества может иметь тенденцию как к расширению, так и к ограничению связей сторон. Накопленный за годы развития приграничных связей опыт позволяет оценить перспективность использования потенциала приграничного сотрудничества.

Подводя итоги анализа потенциала российско-китайского сотрудничества, следует отметить, что по объему и разнообразию форм оно является неотъемлемой составной частью совокупного комплекса российско-китайских отношений стратегического партнерства и равноправного взаимодействия. В последние годы между РФ и КНР заключено более сотни соглашений, ко-

торые способствовали активизации и значительному расширению двустороннего сотрудничества. Экономическая составляющая сотрудничества стала ключевой во всём комплексе российско-китайских отношений, которые на современном этапе характеризуются диверсификацией видов экономических связей и активным взаимодействием.

Однако главным звеном торгово-экономического сотрудничества России и Китая остаётся торговля, структура которой не отражает конкурентные преимущества экономик обеих стран. Расширению общего поля и определенной гармонизации торгово-экономического взаимодействия двух стран может способствовать устойчивое наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития РФ и КНР. А экстенсивное и интенсивное развитие торгово-экономического сотрудничества с Китаем крайне важно как дополнительный источник динамики для российской экономики. Главное на данном этапе — полностью использовать предоставляемые возможности в целях реализации конкурентных преимуществ экономики России.

Двусторонняя торговля между Россией и Китаем также обладает большим нераскрытым потенциалом, об этом свидетельствует резкое увеличение объёма сотрудничества с начала 2017 г. Относительно масштабное взаимодействие с Китаем сохраняется в атомной энергетике и в меньшей степени в космосе и гражданском авиастроении⁹⁷. Но по многим направлениям — станкостроение, микроэлектроника, отдельные сегменты транспортного и энергетического машиностроения — КНР опережает Россию, приближаясь к мировому уровню, и может рассматриваться как источник современного оборудования и технологий для модернизации соответствующих отраслей российской экономики.

Россия и Китай представляют собой огромные растущие рынки также для аутсорсинга. Для этого необходимо повышать качество и уровень двустороннего сотрудничества по таким направлениям, как разработка программного обеспечения и его прикладное использование. Россия надеется, что ее технопарки привлекут китайские инвестиции, но пока это не приносит заметных результатов. При этом российская сторона выбирает для технопарков удаленные регионы с небольшим населением и недостаточно развитой экономикой. Она надеется, что иностранный капитал будет развивать эти регионы, однако для зарубежного бизнеса такой рынок недостаточно привлекателен. Китайские парки новых технологий в основном являются высокотехнологичными производственными зонами, а российская сторона сооружает научно-исследовательские объекты, которые значительно различаются с точки зрения экономической эффективности и модели продвижения. Китайский опыт показывает, что невозможно вести научно-исследовательскую работу и одновременно запускать производство, сложно сочетать экономическую эффективность и производственные ожидания. По объективным причинам эти два направления не могут быть объединены, так как у них отсутствуют точки пересечения.

Таким образом, в будущем возможны два пути развития двустороннего экономического сотрудничества. Первый — более глубокое развитие существ-

вующего потенциала торговой кооперации, второй — открытие новых сфер взаимодействия, включая расширение кооперации в неэнергетических областях, что позволит сделать структуру китайско-российского экономического сотрудничества более рациональной, разнообразной и всесторонней. Представляется целесообразным и изучение возможностей расширения спектра услуг в телекоммуникационной сфере, а также в области электронной передачи данных и электронной коммерции. По мере увеличения торгового оборота на внутреннем рынке двух стран электронная коммерция превращается в новую форму бизнеса. Она обладает огромным потенциалом и в будущем может стать важным видом торговли между КНР и Россией, поэтому надо прилагать максимум усилий для ее развития. Защищая свои интересы, Россия проводит регулирование экономической политики. Однако вносимые изменения не становятся окончательными, им не хватает преемственности, а это вызывает серьезные вопросы у китайских компаний, инвестирующих в российскую экономику и ведущих активную торговлю.

Анализ стратегии развития российско-китайских отношений в XXI в. позволяет прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, отношения между Китаем и Россией, характеризующиеся высоким политическим уровнем и прочностью, отвечают интересам обеих стран и служат важным обеспечением мира и стабильности на планете. Между ними существует налаженный механизм партнёрства, в интересах которого создано 11 подкомиссий по главным отраслям взаимодействия обеих стран. Кроме того, подписано множество договоров и создано немалое количество нормативно-правовых актов, которые закрепляют взаимовыгодное сотрудничество России и Китая.

Во-вторых, между Китаем и Россией существует взаимодополняемость в национальных индустриальных отраслях. Россия имеет огромные преимущества по энергетике, тяжелой промышленности и в области высоких технологий. Китай достиг значительных результатов в отрасли машиностроения, изготовления текстиля, бытовой техники и в телекоммуникациях. Благодаря такому плотному взаимодействию страны дополняют друг друга, что способствует достижению высоких конкурентных позиций на международных и межрегиональных рынках.

В-третьих, экономические отношения России и Китая имеют многоярусную структуру. На верхнем ярусе располагаются крупные контракты, которые предназначены для реализации технически сложных проектов и длительной оптовой поставки важных товаров. На среднем ярусе располагаются проекты российских и китайских предпринимателей в различных областях. На нижнем ярусе осуществляется приграничная торговля. При этом Россия и Китай располагают большой ёмкостью национальных рынков, что позволяет им увеличить оборот товаров, природных ресурсов, технологий и денежных средств.

В-четвертых, основными сферами сотрудничества двух государств являются энергетика, транспорт, сельское и лесное хозяйство. Эти сферы имеют не только коммерческий интерес, но и перспективу для длительного сотруд-

ничества России и Китая. Однако они требуют постоянных совместных комплексных нововведений. Важным вопросом обоюдного сотрудничества является развитие трубопроводных поставок газа и нефти из России в Китай. Было принято множество выгодных нормативных актов по этому поводу, что вызвало резкий рост иностранных инвестиций в эту область. Россия и Китай также активно развивают агропроизводственный комплекс, программу строительства жилья в сельскохозяйственной местности и развитие инфраструктуры туристического бизнеса. Китай готов принимать активное участие в развитии российского Дальнего Востока, в реализации стратегии импортозамещения и совместно создавать значимые проекты инвестиционного сотрудничества. Россия придает большое значение инициативе «Одного пояса, одного пути» и связывает эту инициативу с Евразийским экономическим союзом.

В-пятых, у России и Китая согласованы проекты по строительству автомобильного маршрута Европа—Западный Китай, евразийской высокоскоростной магистрали Москва—Пекин. Развивается и сотрудничество с Китаем в космосе, авиации и военно-технической сфере. Есть идея большого азиатского энергокольца для поставок российской электроэнергии. Для этого китайские компании стали соинвесторами проекта «Ямал СПГ».

В-шестых, общие геополитические угрозы для РФ и КНР, неприкрытая враждебность со стороны США в отношении России и скрытая, но еще более серьезная в отношении Китая создают условия для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества. Своей агрессивной политикой на мировой арене Соединенные Штаты во многом цементируют стратегические отношения Китая и России. Раскручивая конфронтацию с Россией в политической, военной и экономической сферах, отказываясь учитывать ее законные национальные интересы, администрация 46-го президента США вынуждает Москву все больше разворачиваться на Восток. В Вашингтоне по-прежнему не понимают, что если Россия и Китай, взаимодополняющие друг друга по многим параметрам, будут действовать единым блоком, американской гегемонии в мире быстро наступит конец. Для этого Москва и Пекин должны более активно развивать все сферы стратегического сотрудничества как на глобальном, так и на региональном уровнях.

4.6. Совершенствование военного компонента РФ для защиты национальных интересов

Военная организация России как основа обеспечения ее безопасности

При совершенствовании военного компонента РФ в XXI в. руководство страны учитывает военно-политические отношения России со странами Запада во главе с США, поскольку с ними в последние годы имеется ряд серьезных противоречий, в том числе в военной области. В связи с этим внешнеполитические шаги РФ и ее военная политика в ближайшей перспективе будут

направлены на обеспечение военной безопасности страны как на глобальном, так и на региональном уровне, где всё более возрастает необходимость защиты ее национальных интересов.

Анализ современного внешне- и внутривнутриполитического положения России и ее национальных интересов в различных регионах мира позволяет определять задачи ВС РФ по обеспечению национальной безопасности. Они сформулированы в Концепции национальной безопасности (КНБ)⁹⁸, в Стратегии национальной безопасности (СНБ) РФ⁹⁹, а также в ее Военной доктрине.

В КНБ определены характер и направленность военного строительства государства, основные требования к группировкам войск (сил) по решению оперативно-стратегических задач в будущей войне, направления их реорганизации, а также основные принципы обеспечения безопасности страны в оборонной сфере. Это позволяет сформулировать исходные данные для разработки военной доктрины России и различных концепций развития сил и средств обеспечения ее безопасности. В Концепции отмечается, что обеспечение национальной безопасности является важнейшим направлением деятельности страны, где главной целью практической деятельности государства и общества в этой сфере является совершенствование военной организации России для обеспечения адекватного реагирования на угрозы, которые могут возникать в XXI в.

Россия не стремится поддерживать паритет в вооружениях и вооруженных силах с ведущими государствами мира и их военными альянсами, а ориентируется на реализацию принципа реалистического сдерживания, в основе которого лежит решимость адекватно использовать имеющуюся военную мощь для предотвращения агрессии. При предотвращении войны и вооруженных конфликтов Россия отдает предпочтение политическим, экономическим и другим невоенным средствам. Однако пока неприменение силы не стало нормой международных отношений, национальные интересы РФ требуют наличия достаточной военной мощи для ее обороны.

Для выполнения этой задачи Россия должна обладать потенциалом ядерных сил, способных гарантировать нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору либо коалиции государств. Ее вооруженные силы боевым составом мирного времени должны быть способны обеспечить надежную защиту страны от воздушно-космического нападения и решение задач по отражению агрессии в локальной войне, а также развертывание группировки войск (сил) для решения задач в региональной войне.

СНБ исходит из того, что интересы обеспечения безопасности России и эволюция геополитической обстановки предопределяют необходимость военного присутствия России в некоторых стратегически важных регионах мира. Размещение в государствах этих регионов на договорной основе и на принципах партнерства воинских континентов (военных баз) должно, *во-первых*, продемонстрировать готовность России выполнить свои союзнические обязательства, *во-вторых*, содействовать формированию устойчивого военно-стратегического баланса сил в регионах и, *в-третьих*, обеспечивать

РФ возможность реагировать на кризисную ситуацию в начальной стадии ее зарождения.

Для обеспечения военной безопасности РФ военная организация государства постоянно совершенствуется. Во главе неё находятся Вооруженные Силы, которые состоят из центральных органов военного управления, объединений (военных округов, флотов, армий, флотилий, корпусов), соединений (дивизий, бригад), воинских частей и организаций, входят как в виды и рода войск, так и в тыл ВС. В военную организацию РФ входят и другие войска, воинские формирования и органы: пограничные войска, национальная гвардия, железнодорожные войска, войска ФАПСИ при президенте РФ, войска гражданской обороны, военные формирования министерств и ведомств, органы безопасности и внешней разведки, а также часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности¹⁰⁰.

Руководство Вооруженными Силами осуществляет Президент РФ, который в соответствии с Конституцией является Верховным Главнокомандующим. Ему предоставлено право в случае агрессии или при непосредственной ее угрозе вводить на территории страны военное положение. В пределах своих полномочий он может издавать приказы и директивы, обязательные для исполнения ВС РФ, другими войсками, воинскими формированиями и органами. Управление ими осуществляет министр обороны через Министерство

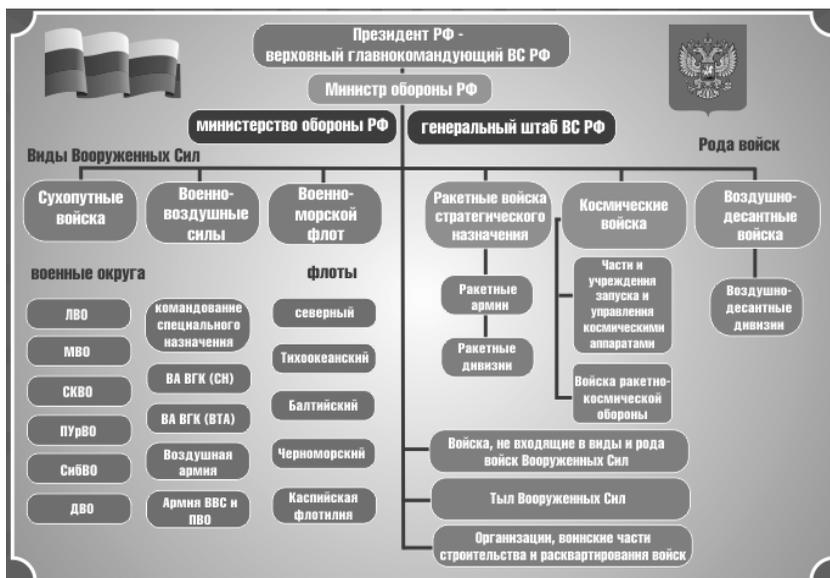

Рис. 4.6.1. Подчиненность видов и родов войск ВС РФ.

Источник: URL: <https://foxdesign.nethouse.ru/static/img/0000/0003/8324/38324940.twhw b5rsvv.png>

обороны и Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации (рис. 4.6.1).

Развитие всех компонентов военной организации РФ осуществляется в рамках единой идеологии военного строительства по взаимозависимым согласованным планам, основанным на оперативно-стратегических и технико-экономических расчетах, направленных на создание оптимальной и сбалансированной структуры организации. При этом строительство ВС осуществляется с учетом следующих основных принципов:

- интенсификация форм развития, предполагающая повышение огневых, маневренных и иных возможностей войск (сил);
- повышение военной мощи государства путем осуществления научно-технических прорывов в различных областях военного дела, реализация их в форме новых средств вооруженной борьбы;
- мобильная оборона с опорой на ядерное сдерживание, которая предполагает наличие стратегических ядерных сил и региональных группировок войск общего назначения и резервов для наращивания усилий с целью отражения агрессии;
- экономия сил и средств с одновременным приоритетным развитием тех видов ВС (родов войск), которые обеспечивают сдерживание агрессии и оперативное разрешение военных конфликтов;
- руководство строительством ВС со стороны государства, которое отражается в планах и мероприятиях по обеспечению военной безопасности;
- контроль за деятельностью ВС со стороны высших органов власти, которые влияют на разработку и реализацию военной политики, правовое обеспечение всех мероприятий по реформированию вооруженных сил, неукоснительному соблюдению международных и конституционных прав и свобод личности военнослужащих, контроль за комплектованием армии и флота;
- централизация руководства и единоначалия на правовой основе в условиях ограниченного состава сил и средств и времени на принятие решений;
- соответствие структуры, состава и численности войск (сил) возлагаемым на них задачам, законодательству, международным обязательствам, экономическим возможностям и стратегическому положению государства;
- заблаговременное создание запасов, накопление мобилизационных ресурсов, что обуславливается сокращением возможностей экономики в военное время восполнять стратегические запасы и сужением рамок мобилизационного развертывания.

А часть промышленного и научного комплексов государства предназначена для поддержания на необходимом уровне обороны страны промышленного и научного потенциала. Это обеспечивается:

- технологическим развитием оборонного промышленного потенциала на основе достижений науки и техники и использованием технологий двойного назначения;
- государственной поддержкой предприятий и научных организаций, определяющих военно-техническую и технологическую устойчивость функционирования и развития ВПК;

- ведением научно-технических исследований и разработок вооружений и военной техники, развитием экспериментальной, испытательной и промышленной базы;

- высоким уровнем мобилизационной готовности промышленного комплекса и устойчивостью его функционирования в различных условиях ВПО.

Боевая готовность год от года растет, армия и флот получают новейшие образцы вооружений и военной техники, часть из которых не имеет мировых аналогов, а количество проводимых учений вселяет уверенность в надежной защите мирного населения страны от вероятной агрессии.

Одним из основных способов подготовиться к возможной войне является отработка оборонительных и наступательных действий в условиях, максимально приближенных к боевым. Недаром этому уделяется в современной российской армии так много внимания. Руководство Министерства обороны понимает важность постоянного оттачивания мастерства своих подчиненных, поэтому внезапные проверки боеготовности проводятся постоянно. Наряду с внезапными проверками проводятся всевозможные плановые учения, которые отличаются между собой масштабностью и количеством задействованных иностранных подразделений. Так, например, последние несколько лет стало традицией проводить стратегические маневры, в которых принимают участие десятки тысяч военнослужащих, тысячи единиц вооружений и военной техники, корабли и авиация. Названия у этих мероприятий всегда зависят от места проведения, например «Центр», «Запад» и т. п.

Темпы перевооружения видов и родов войск Вооруженных сил России

Для парирования угроз военной безопасности России было запланировано увеличение военного бюджета в 2020 г. на 6,6 %, из которых около 70 % направлено на закупки современного вооружения и военной техники, в связи с чем последовательно укрепляется *ядерная триада СЯС РФ*, где доля современного вооружения составляет 82 %. В 2019 г. в российских войсках стратегического назначения (РВСН) заступил на боевое дежурство ракетный полк, оснащённый комплексом «Ярс». Авиационные СЯС пополнились модернизированными самолётами — Ту-160 и Ту-95МС. Подтверждена возможность залповых пусков ракет с подводных лодок. В 2019 г. подводный крейсер стратегического назначения «Юрий Долгорукий» осуществил успешный залповый пуск четырех БРПЛ «Булава» (стрельба таким количеством ракет с подводных крейсеров была проведена впервые в мире). На опытно-боевом дежурстве находятся высокоточные гиперзвуковые авиационно-ракетные комплексы «Кинжал». В войсках стоят на вооружении боевые лазерные комплексы «Пересвет». Началось серийное производство ракетного комплекса «Авангард»; в 2019 г. заступил на боевое дежурство ракетный полк, вооружённый этим комплексом с планирующим крылатым блоком. Успешно проведены испытания тяжёлой МБР стратегического назначения «Сармат». Ни у одной страны мира, кроме России, сегодня нет гиперзвукового оружия, а тем более гиперзвукового оружия межконтинентальной дальности.

Серьезные усилия направлены на создание обеспечивающих объектов действий ядерной триады за счет совершенствования аэродромной сети, системы базирования флотов, развития арктической группировки и арсеналов хранения оружия. Для этого за последние пять лет было завершено техническое обустройство семи ракетных полков РВСН; введены в строй новые РЛС; реконструированы 17 аэродромов, еще 12 находятся в стадии высокой готовности. Ежегодно в рамках выполнения оборонного заказа войска получают более 300 летательных аппаратов малой дальности и ближнего действия. Их число уже превысило 2100 единиц. Боевые возможности авиационных стратегических ядерных сил (СЯС) ВВС за пять лет увеличились в 1,5 раза, доля современных ракетносцев достигла 75,7 %, а количество самолетов, способных применять новые КР, увеличилось более чем в 11 раз. Стратегические бомбардировщики ВВС стали регулярно выполнять задачи боевого патрулирования в ключевых районах мира — над акваториями Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого океанов. Наметилось возрастание морского военного присутствия России в стратегически важных акваториях за счет дальних походов кораблей ВМФ. В Средиземном море создана постоянная группировка подлодок и кораблей. Таким образом, в настоящее время армия России оснащена современными образцами ВВТ, способными гарантированно нанести неприемлемый ущерб агрессору, в том числе обладающему средствами ПВО и ПРО.

Говоря о состоянии оружия возмездия, стоит сказать и о системе, без которой есть шанс не успеть принять решение об ответе на агрессию. Это система предупреждения о ракетном нападении. В настоящее время над нашей страной «натянута» замкнутый радиолокационный купол, который способен засечь пуск баллистической, гиперзвуковой или других типов ракет со всех опасных направлений. Система работает в разных диапазонах, поэтому попытки найти в ней «дыры» окажутся тщетными.

При этом Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) призваны обеспечить решение задач по установлению факта ракетно-ядерного нападения, его отражения, а также проведения эффективных ответных действий. В состав РВСН входят ракетные армии, военно-учебные заведения и научно-исследовательские учреждения, воинские части специальных войск и учреждения тыла и охраны (рис. 4.6.2).

Но ВС РФ могут защищать национальные интересы страны не только ядерными средствами. Неядерные силы РФ тоже выходят на уровень, позволяющий гарантированно обеспечивать оборону России. Доля современного ВВТ составила в 2021 г. 70 %.

Высокоточное оружие развивается также стремительно. Количество носителей высокоточных КР в войсках за пять лет увеличилось более чем в 30 раз. Были налажены серийные поставки в войска ракетных комплексов «Искандер-М», комплекс «Калибр» поступил на вооружения подводных и надводных кораблей ВМФ, в ВВС начата модернизация самолетов дальней авиации под применение новой КР Х-101. Дополнительно в 2019 г. ВС РФ получили более 31 тыс. единиц техники связи, при этом уровень оснащённости современными средствами управления повысился в войсках до 66 %.

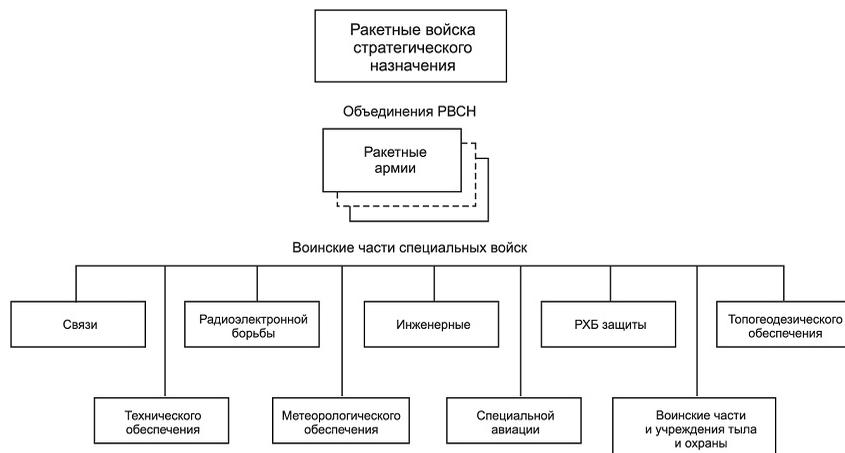

Рис. 4.6.2. Структура и состав Ракетных войск стратегического назначения.

Источник: URL: http://present5.com/presentation/3/93613509_142766896.pdf-img/93613509

Помимо традиционных классов ВТО «воздух—земля» и «воздух—воздух» разрабатываются перспективные системы «космос—земля», «космос—воздух» и «космос—космос», в том числе гиперзвуковые КР с дальностью стрельбы до несколько тысяч километров. Широкое применение получили высокоточные авиабомбы от малого до сверхбольшого калибра, управляемые артиллерийские снаряды и автономные авиационные боеприпасы (рис. 4.6.3).

Для дальнейшего развития систем ВТО Минобороны при участии РАН, ведущих научных центров и НИИ сформировало систему инновационной деятельности, в рамках которой за последние пять лет было проработано около 1,5 тыс. научно-технических проектов, 450 из которых отобраны для внедрения, свыше 180 находятся в стадии реализации и более 300 образцов прошли апробацию. Более 800 инновационных образцов и технологий были отобраны МО РФ в рамках форума «Армия-2019», где был представлен созданный в РФ ударный беспилотный комплекс «Ланцет», который в перспективе может кардинально изменить характер боевых действий¹⁰¹. Доведение к 2021 г. уровня оснащённости ВС современным ВВТ до 70 % позволит им считаться одной из самых передовых армий мира, несмотря на то что бюджет ВС РФ значительно уступает американскому. При этом по экспорту вооружений Россия занимает второе место в мире после США.

Сухопутные войска ВС РФ в настоящее время распределены по трем военным округам — Западному, Центральному и Восточному. В военное время они преобразуются во фронты, подчиненные стратегическим командованиям, имея в своем составе необходимое количество органов управления и боевых соединений, полностью оснащенных вооружением и военной техникой. Они предназначены к выполнению задач в условиях военных конфлик-

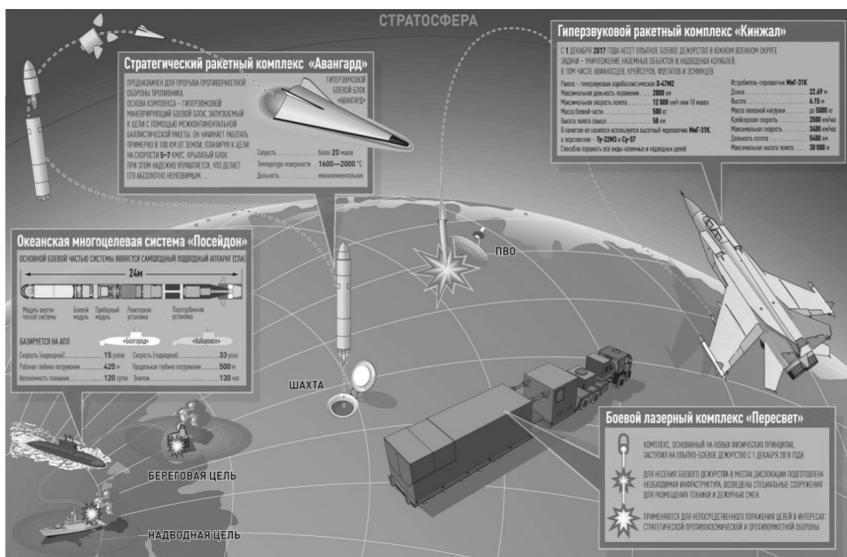

Рис. 4.6.3. Перспективные системы вооружения ВС России.

Источник: URL: http://rtnews.ru/system/files/styles/body_main_img_570_only_width/private/news/img-

тов локального масштаба и совместно с другими видами ВС способны предотвращать их перерастание в крупномасштабную войну.

В составе группировок Сухопутных войск (СВ) мирного времени предусматривается также наличие частей и соединений сокращенного состава. Их предназначение — быстрое развертывание для наращивания группировок войск при отражении агрессии против нашей страны и ее союзников. В их состав входят: мотострелковые, танковые, воздушно-десантные войска, ракетные войска и артиллерия, войска противовоздушной обороны, а также специальные войска (разведывательные, инженерные, радиационной, химической и бактериологической защиты, и гидрометеорологические) и тыл (рис. 4.6.4).

Говоря о технике Сухопутных войск, следует отметить артиллерию. Одни из самых мощных пушек в мире, созданных еще в СССР, проходят модернизацию в лучших традициях российской «оборонки», но наряду с этим создаются и новые образцы, которые позволят завоевать господство на поле боя. Речь в первую очередь об артиллерийских комплексах «Коалиция-СВ», огнеметных системах «Тосочка» и метателях реактивных снарядов «Торнадо». Эти виды вооружения в ближайшем будущем составят основу ракетных войск и артиллерии и будут еще долгое время зачищать пространство перед наступлением сухопутных подразделений. Сейчас доля современного оружия в Сухопутных войсках составляет 45 %. Что касается вооружения самих солдат, то

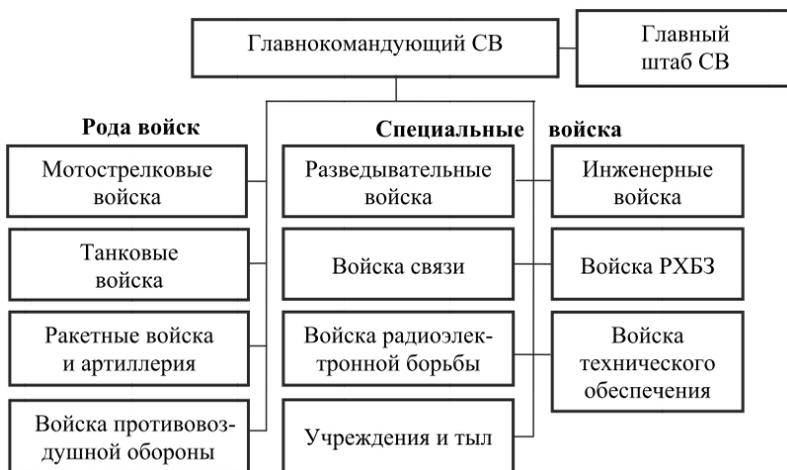

Рис. 4.6.4. Структура и состав Сухопутных войск.

Источник: URL: <https://ds04.infourok.ru/uploads/ex/0bf7/0006af2e-de06ebd4/img38.jpg>

здесь на первый план выходит «Ратник». В состав этой боевой экипировки входят различные системы жизнеобеспечения, а также новейшее стрелковое оружие, например автоматы АК-12.

Для соответствия параметрам армии XXI в. сухопутные войска регулярно переоснащаются на новые образцы ВВТ. В ходе проводимых преобразований они получили боеспособные полки, бригады и дивизии, оснащенные новыми системами ВВТ, а на всех стратегических направлениях были созданы самодостаточные группировки войск. Следует отметить, что в ходе проводимой военной операции ВС РФ в Сирии все командующие военными округами приобрели боевой опыт. Там также получили навыки боевого управления все командующие общевойсковыми армиями и армиями ВВС и ПВО, почти все командиры дивизий и более половины командиров общевойсковых бригад и полков с их штабами. Практически весь лётный состав оперативно-тактической и армейской авиации также приобрел опыт ведения боевых действий в Сирии. Но даже с учетом опыта, приобретенного российскими войсками в Сирии, и их предыдущих действий на Балканах, Северном Кавказе и в Южной Осетии Россия пока уступает США в опыте применения военной силы в локальных военных конфликтах. Американские войска приобрели боевой опыт во многих «горячих точках планеты»: в Афганистане, Ливии, Ираке, Сирии, в Персидском заливе, на Балканах и Голанских высотах и в других частях мира. Поэтому американский опыт российским военным целесообразно изучать и адаптировать его применительно к военным действиям ВС РФ в будущих локальных конфликтах на планете.

В интересах развития *Воздушно-космических сил* (ВКС) в 2019 г. в их соединения и части было поставлено 126 самолётов и вертолётов, 10 космиче-

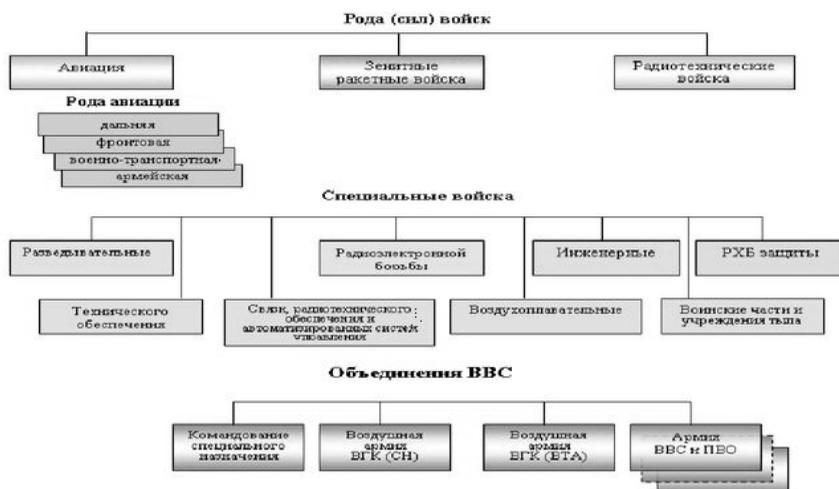

Рис. 4.6.5. Структура и состав Военно-воздушных сил.

Источник: URL: <https://ds03.infourok.ru/uploads/ex/08fc/00017c13-ee27a89c/640/img30.jpg>

ских аппаратов, 120 единиц техники ПВО. Их составным элементом являются Военно-воздушные силы (ВВС), которые сочетают в себе оборонительные и ударные функции и предназначены для эффективного действия при отражении воздушно-космического нападения, завоевания господства в воздухе, а также для решения задач авиационной поддержки Сухопутных войск, ведения воздушной разведки, транспортных перевозок и специальных задач (рис. 4.6.5).

Для доставки различных видов боеприпасов в ВВС имеются стратегические бомбардировщики Ту-160, Ту-95МС, Ту-22М3, которые в настоящее время проходят глубокую модернизацию и вскоре станут еще современнее. Из фронтовых бомбардировщиков выделяется Су-34, который после модернизации получит новые средства поражения и бортовую электронику. Нишу истребителей традиционно занимают тяжелые машины на базе Су-27 (Су-30, Су-35С), а в легком классе нет равных МиГ-29 и его многочисленным модификациям. На этом модельный ряд не заканчивается, ведь в перспективе ВКС вооружатся истребителем нового поколения Су-57 и самым последним представителем семейства бойцов в легком весе МиГ-35. Контракты на эти машины уже подписаны и в стадии исполнения.

Помимо боевой, важную роль на поле боя играет транспортная авиация. Сейчас самым известным ее представителем можно считать самолет типа Ил-76 и его вариации, а также машины разработки КБ Антонова. Срок службы многих антоновских самолетов к 2030 г. подойдет к концу, но российская промышленность готовит им смену. Так, известный всему миру транспортник Ан-26 сменит Ил-112В, а потомком Ан-12 станет один из проектов, выбранных в результате конкурса на создание среднего транспортника.

Еще одной частью современных Воздушно-космических сил, которая в ближайшем будущем станет неотъемлемой, является беспилотная авиация, например «Охотник», «Альтиус» и «Форпост», которые проходят испытания и в скором времени будут защищать страну в одном строю с пилотируемыми самолетами. Доля современных вооружений в самом воюющем виде Вооруженных сил составляет 73 %¹⁰².

Акцент в авиации направлен на обновление парка военно-транспортной авиации, прежде всего на самолет Ил-76МД-90А, испытания которого продолжаются. Испытания проходит и новый самолет-заправщик. Активно ведется доработка самолета Ил-112В, который заменит Ан-24 и Ан-26 в 2022 г. Завершается создание беспилотных разведывательных ударных комплексов средней дальности, в 2020 г. они начали поступать в войска.

В настоящее время войска воздушно-космической обороны (ВКО) России контролируют воздушное пространство над центральным промышленным районом России и отвечают за ПРО Москвы. В общей сложности они прикрывают свыше 140 объектов государственного управления, промышленности и энергетики, транспортных коммуникаций и атомных электростанций с использованием комплексов тактической ПРО малого, среднего и большого радиуса действия и других систем.

При развитии сил ВКО особое внимание уделяется средствам предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Их главной составляющей являются РЛС «Воронеж», способные засекать на расстоянии до 6—8 тыс. км крупные ракеты противника. В 2019 г. на боевое дежурство заступила новейшая загоризонтальная РЛС «Контейнер», в связи с чем система СПРН стала более чувствительной. По сравнению с «Воронежем» новая РЛС способна одновременно отслеживать сверхмалые воздушные цели, включая гиперзвуковые крылатые ракеты (КР) и самолеты, выполненные по технологии «стелс», определяя их траекторные параметры на удалении от 3 тыс. км от госграницы РФ¹⁰³. Помимо создания новых элементов системы СПРН, идет массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф», проходит тестирование С-500 «Витязь» и модернизация Московской системы ПРО, а также ведутся работы по созданию интегрированной управляющей системы ВКО. При этом особой «головной болью» натовских стратегов является Калининградская область, оказавшаяся после распада СССР в тылу у натовской восточноевропейской группировки. Ее зенитные комплексы С-400, размещенные там, и противокорабельные комплексы «Бастион», в сочетании с ударным комплексом «Искандер», способны создавать для натовских войск обширные «зоны запрещенного доступа», покрывающие огромные морские и сухопутные территории (рис. 4.6.6).

В последние годы Россия занимает лидирующие позиции по экспорту вооружений во многом благодаря своим системам ПВО. Так, об эффективности системы С-400 «Триумф» говорит то, что Турция, Китай, Индия заключили многомиллиардные контракты на ее поставку. Помимо систем большой дальности — С-400 и С-300 — войска противовоздушной обороны страны имеют в боевом составе комплексы средней и малой дальности, такие как «Бук», «Тор», «Панцирь», «Тунгуска», «Шилка» и др. Все они подтверждают

Рис. 4.6.6. Схема единой системы ПВО России и Белоруссии.

Источник: URL: <http://posredi.ru/sootnoshenie-sil-rossiya-nato.html>

свои выдающиеся технические характеристики не только в ходе учений, но и в реальных боевых действиях в Сирии и на Украине.

Военно-Морской Флот (ВМФ) предназначен для создания надежной обороны государства, обеспечения национальных интересов России в Мировом океане и в прилегающих к России акваториях, поддержания военно-политической стабильности на морских и океанских пространствах. В его состав входят четыре флота — Северный, Тихоокеанский, Балтийский, Черноморский — и Каспийская флотилия, органы военного управления и родов сил: подводные и надводные силы, морская авиация, береговые войска, подразделения обеспечения и обслуживания (рис. 4.6.7).

Северный флот обеспечивает защиту границ России со стороны Северного Ледовитого океана. Его база расположена в Североморске. Данный флот является самым молодым, его флагман — атомный ударный крейсер «Петр Великий». Балтийский флот стоит на защите государственных границ с западного фланга. Его флагман — эсминец «Настойчивый». Черноморский флот располагается на побережье Черного моря с базой в Севастополе в Крыму. Флагман флота — крейсер «Москва». Тихоокеанский флот выполняет необходимые боевые задачи на востоке страны. Его база находится во Владивостоке. Флагман флота — крейсер «Варяг». Каспийская флотилия базируется в основном в Астрахани, ее флагманом выступает ракетный корабль «Дагестан».

Рис. 4.6.7. Структура и состав Военно-Морского Флота.

Источник: URL: <http://www.grandars.ru/images/1/review/id/3801/234d691eb4.jpg>

Что касается развития ВМФ России, то для него российский ВПК стал разрабатывать и поставлять на вооружение новые корветы и малые ракетные корабли со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами и КР типа «Оникс» и «Калибр». Строятся фрегаты дальней морской зоны. На «Адмиралтейских верфях» для Северного флота строится патрульный корабль ледового класса «Николай Зубов», который в 2024 г. присоединится к аналогичному кораблю «Николай Панин». Новые крейсера не строятся, а обновляется прибрежный флот исходя из экономических возможностей России, у которой, кроме побережья Камчатки, нет прямого выхода в океан. Поэтому у ВМФ РФ нет возможностей для господства на океанских просторах и нет такой необходимости. США всегда будут превосходить их по количеству кораблей. Исходя из этого, больше внимания уделяется развитию боевых возможностей береговых систем, сил подводного флота в сочетании с развитием группировок разнородных сил ВМФ на воде, под водой и в воздухе.

Что касается пополнения флота, то в 2020 г. ВМФ был передан первый серийный атомный подводный крейсер проекта «Борей-А» «Князь Олег», вооруженный баллистическими ракетами «Булава» (всего планируется принять на вооружение семь таких подлодок). В надводном кораблестроении тоже все неплохо. Малые ракетные корабли, корветы, фрегаты, патрульные корабли могут нести оружие, зарекомендовавшее себя в Сирии, РФ — крылатые ракеты «Калибр». А о разработке подводного беспилотника «Посейдон» президент РФ впервые объявил в послании Федеральному собранию в 2018 г. Такие беспилотники могут быть оснащены как обычными, так и ядерными боеприпасами, что позволит им поражать широкий спектр целей, в том числе авианосные группировки, береговые укрепления и инфраструктуру¹⁰⁴.

В настоящее время оснащённость ВМФ новым вооружением и техникой составляет 62,3 %. В его боевой состав принято 14 новых кораблей и боевых

катеров, а также 11 судов обеспечения, четыре новейших береговых ракетных комплекса «Бал» и «Бастион». Черноморский флот пополнился шестью самыми малозумными в мире подводными лодками проекта «Варшавянка», которые прозвали в НАТО «черными дырами». На вооружении Новороссийской ракетно-артиллерийской бригады стоят комплексы «Бал» с противокорабельными КР и единственный в мире подвижной артиллерийский комплекс «Берег», боеприпас которого ничто не может отвлечь от цели по всей траектории его полета. На Тихоокеанском флоте вступила в строй бригада подлодок в составе шести субмарин типа «Варшавянка»¹⁰⁵. Начаты испытания подводной лодки проекта «Борей-А», отличающейся повышенной скрытностью и надёжностью по сравнению с иностранными аналогами. Особое внимание уделяется развитию вспомогательного флота, который к 2027 г. будет пополнен 176 морскими и рейдовыми судами¹⁰⁶.

Пристальное внимание уделяется развитию *воздушно-десантных войск* (ВДВ), где доля современного ВВТ составляет 63,7 %. В эти войска в 2019 г. было поставлено более 300 новых образцов ВВТ и свыше 11 тыс. комплектов средств десантирования личного состава, вооружения и грузов. А в целях сбалансированного развития всех компонентов ВДВ — реализуется комплексная целевая программа обновления этих войск.

Что касается развития *Тыла ВС РФ*, то в 2020 г. он должен был решить следующие задачи: обеспечить внедрение современных и перспективных технологий во все сферы материально-технического обеспечения войск (сил), а также реализацию приоритетных проектов в рамках программы «Эффективная армия»; повысить эффективность создания, поиска и внедрения прорывных технологий для создания нового вооружения и техники; улучшить всестороннее взаимодействие и информационное обеспечение при решении задач обороны страны. Однако программа внедрения прорывных технологий для полного перевооружения ВС РФ, в том числе за счет «импортозамещения», пока полноценно не работает. ВПК России не может одномоментно восстановить свои возможности после введенных Западом и Украиной санкций. Поэтому сегодня ВПК сталкивается с рядом проблем.

Первая из них — основной объём импортозамещения приходился на продукцию, производимую на Украине, где было налажено производство газотурбинных двигателей для кораблей ВМФ РФ и турбореактивных установок для самолётов ВВС. В этой области российского ВПК главная задача состоит в том, чтобы поставлять в войска их аналоги, разработанные на новом технологическом уровне. И ВПК с задачей успешно справляется. В России налажено производство вертолётных и корабельных газотурбинных двигателей. Следующая задача ВПК — замещение более высокотехнологичных систем, которые до 2014 г. Россия импортировала из ряда западных стран (например, из Франции импортировались тепловизоры для прицелов ночного видения). При этом введенные Западом санкции — это предоставляемый ВПК своеобразный шанс для разработки собственной высокотехнологической продукции, обеспечивающий выход из «заколдованного круга», в котором ВПК сейчас находится ввиду определенного дефицита новых идей (к

примеру, поставляемые в войска самолёты Су-30 и Су-35 — это развитие ещё советского истребителя Су-27).

Проблемой является наращивание на мощностях военных предприятий производства продукции двойного назначения. Это сложный процесс, который требует и от компаний ВПК, и от государства в целом больших инвестиций и четкой организационной и маркетинговой работы, с которой у ВПК пока не все благополучно. Задачи тут стоят амбициозные: добиться к 2025 г. роста производства гражданской продукции на 30 %, а на 50 % к 2030 г. Есть еще одна проблема ВПК на сегодня — сложное финансовое положение большого числа предприятий и компаний: их задолженность по кредитам составляет 2 трлн руб. Очевидно, выход из этой проблемы один: обеспечить более высокую рентабельность заказов Министерства обороны РФ. Чем более высокотехнологичная продукция будет поставляться в войска, тем больше должна быть прибыльность предприятий ВПК.

Результаты военных действий ВС РФ в Сирии

При реформе военной организации государства также учитывается опыт боевых действий ВКС в Сирии. Как заявил министр обороны РФ С. Шойгу, выступая на совещании министров обороны АСЕАН и партнёров по диалогу в октябре 2018 г., «за три года участия российской группировки в боевых действиях в этой стране при её поддержке полностью разгромлены бандформирования ИГИЛ¹⁰⁷. Всего за время операции было уничтожено свыше 87 500 боевиков, освобождено 1411 населённых пунктов и более 95 % территории Сирии. Также министр обороны РФ сообщил, что в ходе боевых действий поражено порядка 122 тыс. объектов террористов. А российские сапёры за время операции в Сирии разминировали 6500 га территории республики, 1500 км дорог, свыше 19 тыс. зданий и сооружений. Общая площадь освобожденной территории равна 10 тыс. км (около 5 % от площади всей Сирии)¹⁰⁸. Террористы были вытеснены из Латакии, восстановлено сообщение с Алеппо, Пальмира была вновь освобождена от незаконных вооружённых формирований. Также была очищена большая часть провинций Хама и Хомс, деблокирована авиабаза Квайрес, которая была заблокирована на протяжении трех лет, и установлен контроль над нефтегазовыми полями вблизи Пальмиры.

Всего пилоты российских ВКС в Сирии выполнили более 9 тыс. вылетов. Нанесены удары высокоточным оружием на дальность свыше 1,5 тыс. км. На территории Сирии уничтожено более 2 тыс. бандитов — выходцев из России, в том числе 17 полевых командиров (рис. 4.6.8).

Ударная авиация ВКС РФ уничтожила большую часть объектов нефтяной промышленности, находящейся под контролем боевиков, тем самым существенно сократив источники финансирования террористических группировок.

В результате ударов удалось остановить, а в отдельных местах и полностью прекратить ресурсное обеспечение террористов за счет пресечения торговли углеводородами. ВКС России уничтожили в Сирии 209 объектов неф-

Рис. 4.6.8. Итоги операции ВКС РФ в Сирии (по состоянию на 2018 г.).

Источник: URL: http://rnews.ru/system/files/styles/body_main_img_570_only_width/private

тедобычи и перекачки топлива. Таким образом, Россия показала всему миру, что её современная армия сильна.

Для примера, по сравнению с ней Соединенные Штаты для борьбы с Хусейном собирали свои войска на Аравийском полуострове три месяца, а Россия за считанные дни перебросила свою группировку ВКС в Сирию, которая совершала ежедневно по 70—80 вылетов и уничтожала по 250 целей. Для сравнения: американцы совершали около 20 вылетов, притом у них было 180 самолетов, а у ВКС только 50. Поэтому Вашингтон был вынужден признать, что российская армия является второй по мощи в мире. Работа ВКС РФ в Сирии не прошла зря: достигнут результат, который ощутим, особенно если сравнить с той катастрофической ситуацией, которая складывалась до того, как Россия начала военную операцию.

Тем не менее одними действиями авиации в войне с террористами с их полупартизанскими силами и методами ведения боевых действий не справиться. Помимо помощи, оказанной сирийским правительственным войскам, успехи которых в конечном итоге и привели к установлению перемирия и началу мирных переговоров, было налажено четкое сочетание военной операции ВКС с действиями российских дипломатов, политических деятелей других государств. Контакт с американскими военными был налажен быстрее, чем с политическими деятелями США. Россия предложила и подписала меморандум о недопущении происшествий в небе над Сирией, и вскоре американские военные пришли к выводу, что этот меморандум эффективен.

Сказалось умение российских военных контактировать с местным населением, обеспечить четкое взаимодействие и учет особенностей боевых действий в климатических условиях Сирии, найти контакт с вооруженными группировками, которые хотели бы сложить оружие или же участвовать в конфликте на стороне сирийских ВС.

В итоге Россия получила в Сирии две военные базы (военно-воздушная база в Хмеймиме и пункт обслуживания ВМФ в Тартусе), с помощью которых она может контролировать весь Ближний Восток и восточную часть Средиземного моря, где находятся корабли НАТО. А боевой опыт, приобретенный командованием ВС РФ в Сирии, был впоследствии применен во время спецоперации России на Украине.

Прекращение договора о РСМД и его влияние на международную безопасность

По мнению российских парламентариев, разрыв администрацией Д. Трампа Договора по РСМД послужил стимулом для развития гонки вооружений. Глава комитета Госдумы по международным делам Л. Слуцкий полагает, что ликвидация ДРСМД может привести к серьёзному кризису в сфере контроля над ядерными арсеналами, так как ракеты средней и меньшей дальности относятся к классу нестратегического (тактического) ядерного оружия.

В настоящее время США делают ставку на эскалацию общей напряженности в мире. Эти действия создают опасность прямого вооруженного конфликта на территории Европы, поскольку данная политика ведет к увеличению военной напряженности на границах России, что невыгодно не только Москве, но и близлежащим к России странам. Первыми новую ситуацию почувствуют на себе европейцы, поскольку системы средней и меньшей дальности порождают новые риски в первую очередь именно на европейском континенте. Поэтому заявление Трампа по ДРСМД оказалось для европейских партнеров США неприятной неожиданностью. Последствия почувствует на себе и Китай, так как США выражают все больше озабоченности развитием ядерного арсенала Китая. Критика ДРСМД, звучавшая из уст членов команды Трампа, связана и с тем, что Договор никак не ограничивает развитие ядерных сил КНР. Поэтому, отказываясь от Договора, США развязывают себе руки не только на европейском, но и на азиатском ТВД. Пентагон начал расширять арсенал средств сдерживания Китая, закрепляя за собой позиции «эскалационного доминирования», однако среди азиатских союзников США вред ли найдутся желающие увидеть их ракеты на своей территории.

Проиграет и глобальная безопасность, так как в условиях отказа от ДРСМД очень проблематичным представляется будущее режима нераспространения ядерного оружия. Россия может пересмотреть свою военную доктрину, которая сейчас основана на оборонительной системе, перейдя к действиям превентивного характера в случае выявления признаков агрессии против неё. При этом Россия готова к переговорам по разоруженческой тематике, но «стучаться в закрытую дверь» больше не будет и подождёт, пока США осознают необходимость равноправного диалога по этой теме.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *выводы*

Во-первых, совершенствование Вооруженных сил РФ и средств вооружённой борьбы идёт непрерывно в соответствии с развитием новейших технологических достижений. Создание и внедрение новых образцов ВВТ приводит не только к совершенствованию структур видов и родов войск, но и

к изменению стратегии и тактики ведения боевых действий. Скачкообразное развитие получили информационные системы разведки, связи, управления, обнаружения целей на базе новейших электронных компонентов. В сочетании с качественным совершенствованием других технологий появилась возможность создания новых образцов ВВТ, способных совершить революцию в военном деле. А с учётом развития современных и перспективных наступательных вооружений предсказать момент нападения противника представляется весьма сложным, так как дальность действия современных средств поражения позволяет нападающему нанести внезапный удар из мест базирования или патрулирования его боевыми системами.

Во-вторых, в перспективе сухопутные войска России претерпят наиболее радикальные изменения как по задачам, так по составу и тактике ведения боевых действий. Широкое распространение высокоэффективных радиолокационных и тепловизионных средств разведки, высокоточных КР, боеприпасов с кассетными самоприцеливающимися боевыми элементами и БПЛА не позволит осуществлять в будущем полномасштабные наземные операции в их традиционном понимании. Любое скопление бронетехники и живой силы с высокой вероятностью будет выявлено и уничтожено. В этих условиях СВ ВС РФ придётся наряду с ВВС и ВМФ по-новому решать задачу разгрома вооружённых сил агрессора, разрушения его объектов инфраструктуры и уничтожения живой силы. А высокая вероятность возникновения локальных конфликтов низкой интенсивности в регионах мира требует присутствия в составе ВС РФ подготовленных частей и подразделений, ориентированных на уничтожение незаконных вооружённых формирований с применением новейших средств вооруженной борьбы.

В-третьих, в войне будущего соединения и части ВВС становятся одним из главных звеньев как в обороне, так и в нападении. От успешности ведения ими боевых действий в воздушно-космическом пространстве зависит успешность действий и сухопутных сил, и военно-морского флота. Поэтому приоритетными задачами ВВС России, Китая и США считается контроль воздушного пространства, обеспечение господства в воздухе, нанесение ударов на большую глубину ядерными и высокоточными неядерными средствами поражения по наземным и надводным целям. Прослеживается тенденция перехода авиации на большие (свыше 15 км) и сверхмалые (до 50 м) высоты, увеличивается средняя скорость полёта и боевой радиус действий. В обозримой перспективе для ведения боевых действий на сверхмалых высотах в основном будут применяться беспилотные и дистанционно-пилотируемые летательные аппараты.

В-четвертых, операция в Сирии дала ВС РФ, и прежде всего командованию и личному составу ВКС, существенный боевой опыт и возможность продемонстрировать в действии российское оружие, спутниковую связь и навигационную систему ГЛОНАСС. Это является мощным стимулом для продажи российского вооружения на региональном и глобальном уровнях. При этом опыт войны в Сирии и другие современные конфликты локального уровня должны побудить российское государственное и военное руководство страны заняться решением одной из главных задач — разработкой стратегии

и уточнением теории использования ее ВС с учетом особенностей противопартизанской войны как наиболее востребованного в ближайшие десятилетия способа ведения боевых действий.

В-пятых, тенденции развития ВВТ на военных флотах показывают, что акцент боевых действий на море всё больше смещается под воду, особенно с учётом растущих противоречий у США с Китаем и Россией. Их боевые действия под водой будут отличаться высокой скрытностью, внезапностью и сложностью определения государственной принадлежности нападавшего, что обуславливает разработку в ВМФ РФ новых технических средств опознавания для обеспечения своевременного и адекватного ответа на агрессию. В XXI в. уже невозможно воевать успешно, если основные параметры систем связи Сухопутных войск, ВВС и ПВО, ВМФ, РВСН, ВКС не совпадают. Руководству ВС РФ и конструкторским бюро военных ведомств необходимо завершить решение проблемы сопрягаемости морских, сухопутных и воздушных средств связи и управления, привести их к основным параметрам, позволяющим использование стратегических, оперативных и тактических автоматизированных систем управления войсками. Также нельзя откладывать принятие решения о состыковке топографических основ морских и общевойсковых карт прибрежной зоны морей и океанов. Среди других приоритетных задач — разработка кодекса требований к боевой технике и вооружению XXI в., том числе боевым машинам с собственным интеллектом. Также требует пересмотра теория использования современной авиации, флота и специальных сил с учетом растущего значения киберопераций в будущих военных конфликтах.

В-шестых, нет никаких оснований полагать, что количественная гонка вооружений — по типу той, которая велась Советским Союзом и Соединенными Штатами во второй половине прошлого века, — повторится в нынешнем столетии. Главной проблемой будут не количественные, а качественные характеристики стратегических арсеналов — таких как, например, растущее использование в этой области элементов искусственного интеллекта. При этом основная часть международных проблем, в которых проявляется конкуренция между Москвой и Вашингтоном, касается их стратегического паритета, реализации США глобальной и региональной систем ПРО, региональных кризисов в Афганистане, Северной Корее и Сирии, перспектив расширения НАТО, дестабилизации ситуации на Украине, а также ряда других вопросов.

4.7. Взаимоотношения РФ, США и КНР в свете военного кризиса на Украине

Причины военного кризиса и цели спецоперации ВС РФ

С момента дезинтеграции СССР до начала спецоперации ВС РФ на Украине, Киев самостоятельно определял свой путь развития, опираясь на сверхдоходы от российского газа, постепенно интегрируясь в европейские

структуры и отдавая при этом промышленный потенциал страны на откуп западным компаниям. При этом Украина оставалась одним из крупнейших торговых партнеров России даже после воссоединения Крыма с РФ в 2014 г. На международном уровне Киев проводил прозападную политику вопреки тому, что Россию и Украину объединяло общее историческое прошлое и территориальная близость, предопределявшая с точки зрения военной безопасности нейтральный статус Украины.

В то же время для Запада территория Украины являлась удобным плацдармом для враждебных России группировок войск к ее границам и подготовки к боевым действиям против РФ. Выгодная позиция для пуска ракет, подлетное время которых позволяет поражать объекты на всю глубину стратегической обороны РФ, воодушевила Вашингтон, когда киевские власти, заявив о желании вступить в НАТО, не возражали против создания баз альянса на территории страны. Чтобы Москва не препятствовала этому, Вашингтон содействовал двум «майдановым революциям» на Украине, сперва поставив в 2005 г. на пост президента прозападного В. Ющенко, а затем вынудив В. Януковича покинуть президентский пост в 2014 г.

Успех этих акций был достигнут благодаря осуществлению Соединенными Штатами стратегии «непрямых действий» в отношении Украины с целью изменения её внешней политики на прозападную и усилению в ней антироссийской риторики. Для достижения этих целей применялись местные СМИ, финансируемые извне, и действия «пятой колонны» как в органах власти страны, так и среди её населения. В итоге Украина в одностороннем порядке прекратила действие Договора о дружбе и сотрудничестве с Россией и стала активно проводить проамериканскую политику в регионе¹⁰⁹.

При этом Киев не отказался от попыток силой вернуть Крым. Несмотря на то что Украина в свое время присоединилась к Конвенции ООН по запрещению биологического и токсинного оружия, 30 украинских лабораторий было вовлечено в полномасштабную военно-биологическую деятельность в стране под патронажем Пентагона. А президент В. Зеленский на Мюнхенской конференции по европейской безопасности грозился выйти из Будапештского меморандума, чтобы стать обладателем ядерного оружия. Это создавало бы угрозу не только безопасности России, но всему миру¹¹⁰.

Со своей стороны, Москва шаг за шагом утрачивала влияние на Украину, финансируя там свою «мягкую силу» по остаточному принципу, рассчитывая на то, что эта страна экономически прочно связана с Россией благодаря поставкам киевским властям стратегически важной продукции. Она дипломатическими средствами пыталась примирить прозападный Киев с пророссийски настроенными жителями Луганской и Донецкой областей, которые приносили в киевскую казну до 30 % экспортной выручки. Чтобы силой подавить эти настроения, в 2014 г. Киев начал карательную операцию на Донбассе, в которой за восемь лет было уничтожено более 14 тыс. мирных жителей.

Учитывая стремительное нарастание угроз для национальной безопасности России и то, что более 120 тыс. жителей ЛНР и ДНР являются российски-

ми подданными¹¹¹, 17 декабря 2021 г. МИД РФ направил президенту США и генсеку НАТО проект соглашения, предполагающий отказ от расширения военного альянса за счет принятия в него Украины, а также от развертывания ракет вне территории блока. Ни одно из этих российских требований не было принято ни в Белом доме, ни в Брюсселе, что крайне разочаровало Москву¹¹².

21 февраля 2022 г. Совет Безопасности России обсудил обращения глав ДНР и ЛНР к президенту РФ с просьбой признать независимость этих республик. В тот же вечер В. Путин подписал соответствующие указы, а также договоры о сотрудничестве и взаимопомощи между Россией ДНР и ЛНР, в том числе в военной сфере. 23 февраля главы этих республик вновь обратились к президенту РФ с просьбой об «оказании помощи в отражении военной агрессии украинского режима»¹¹³.

В результате произошло резкое обострение напряжённости на российско-украинской границе, где Киев начал сосредоточие ударных группировок ВСУ с целью окончательно подавить силой пророссийски настроенный Донбасс¹¹⁴. В этом ему активно помогал Пентагон, который, активно поставляя Киеву вооружение, объявил о расширении военного присутствия в Восточной Европе¹¹⁵. Чтобы предотвратить военную агрессию Киева, Москве было необходимо «сыграть на опережение» ВСУ, проведя встречную военную акцию на Украине с целью прекращения новой бойни на Донбассе.

24 февраля 2022 г. российские войска во взаимодействии с вооружёнными формированиями ДНР и ЛНР развернули ширококомасштабные боевые действия против ВС Украины, главной целью которых было освобождение Донбасса¹¹⁶. Однако резолюция Генассамблеи ООН ES-11/1 не признала эту цель правомерной и оценила Россию как страну-агрессора, призвав её вывести свои войска с территории Украины¹¹⁷.

Стратегически важный результат первого этапа спецоперации на Украине был достигнут уже в его начале, когда дистанционными ударами высокоточным оружием ВС РФ подавили основные средства ПВО и уничтожили ВМФ Украины и большую часть ВВС. В результате к исходу марта боевой потенциал ВСУ существенно понизился, но их боеспособность утрачена не была. Об этом свидетельствуют следующие данные.

В ходе боевых действий силами ВСУ на Донбассе было повреждено 11 413 объектов инфраструктуры и 6247 жилых домов; 770 линий электропередач и пунктов распределения электроэнергии; 176 объектов теплоснабжения; 52 объекта водоснабжения; 2669 объектов газоснабжения¹¹⁸. 20 апреля власти ДНР передали в Международный суд в Гааге документы о 6 тыс. преступлений ВСУ против мирного населения. По данным Минобороны РФ, по состоянию на 25 марта в ходе спецоперации погибло более 1,3 тыс. российских военнослужащих и свыше 3,8 тыс. было ранено. При этом суммарная суточная стоимость войны на Украине для России составила 20—25 млрд долл.¹¹⁹ Невзирая на эти потери, российские войска и формирования ДНР и ЛНР продолжали наступать (рис. 4.7.1).

В ходе второго этапа их цель операции заключалась в завершении разгрома оставшихся группировок ВСУ в районах Днепрапетровска, Мариуполя, в

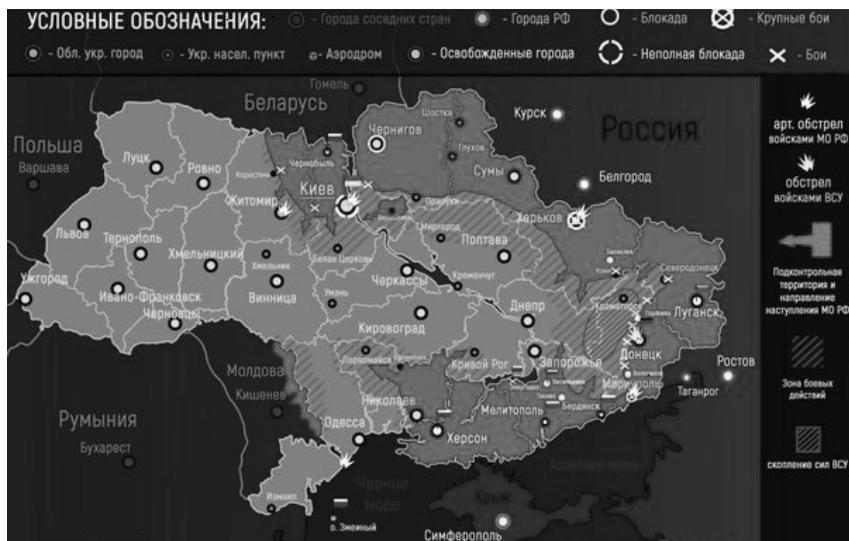

Рис. 4.7.1. Ход ведения первого этапа спецоперации ВС РФ на Украине.

Источник: <https://qph.fs.quoracdn.net/main-qimg-d68dd4a5e9a4d01b9740a20a8a5c10b5-1q>

блокировании Одессы и в установлении полного контроля над Донбассом, тем самым обеспечив сухопутный коридор в Крым. Для этого российское руководство использовало апробированную в Сирии тактику: медленное наступление на разных направлениях из-за сложной минной обстановки на их пути и действий диверсионных групп ВСУ.

Помимо этого, националисты из батальонов «Азов», «Донбасс» и «Айдар» подготовили в районах Днепра укрепрайоны и использовали мирных жителей в качестве «живого щита». Чтобы снизить уровень антироссийских настроений среди мирных жителей на освобожденных территориях, им была оказана всесторонняя гуманитарная помощь и организована работа с местными властями, а ВС РФ продолжали наносить точечные удары по стратегически важным объектам ВСУ.

В ходе семинара, посвященного событиям на Украине, американский военный эксперт С. Риттер заявил, что «российские атаки на склады горючего и боеприпасов делают украинскую боевую технику бесполезной, при этом значительная часть украинских войск вынуждена была находиться в Одессе и под Киевом. Поэтому Россия побеждает по всем показателям в военной операции на Украине. Но вы не услышите об этом, потому что в западных СМИ раскручивают абсолютно противоположный тезис»¹²⁰.

Умелое использование стратегии и тактики руководством ВС РФ обеспечило успех военных задач данного этапа спецоперации, в ходе которого ВСУ потеряли 140 самолетов и 487 беспилотных летательных аппаратов; 252 зенитных ракетных комплекса; 2353 танка и других боевых машин; 256 установок

реактивных систем залпового огня и 1014 орудий артиллерии и минометов. Безвозвратные потери украинских частей составили более 100 тыс. человек, а ежедневные убытки бюджета Украины — 67,8 млн долл. Из-за войны на Запад бежало более 4 млн человек (2,3 млн — в Польшу, 600 тыс. — в Румынию, 380 тыс. — в Молдавию, 350 тыс. — в Венгрию и 275 тыс. — в Словакию)¹²¹.

Все это свидетельствовало о неминуемом военном поражении ВСУ в их противостоянии с Российской армией, у которой в наличии современное вооружение, обусловившее военное превосходство над украинскими группировками войск.

Зеленский старался всеми способами оттянуть военный крах и демилитаризацию Украины, ежедневно упрасывая западных партнеров, чтобы те поставляли ему как можно больше оружия и боеприпасов. Помимо этого, киевские власти привлекли на Украину 6824 иностранных наемника из 63 государств, подавляющая часть которых находилась в составе украинских группировок в городах Киев, Харьков, Одесса, Николаев и Мариуполь¹²². В боевых действиях также участвовали советники НАТО. Так, в организации обороны Одессы принимал участие французский подданный Б. Леви. Другие офицеры НАТО руководили обороной Мариуполя и силами формирования «Азов», а генерал-майор ВС США Р. Клутье руководил созданием бандформирований, которые должны были действовать после прихода на Украину частей ВС РФ. Инструкторы НАТО занимались подготовкой подразделений ВСУ к боевым действиям до их начала и в течение всего периода боев с российскими войсками и вооружёнными формированиями ДНР и ЛНР.

Одновременно представители Зеленского намеренно затягивали российско-украинские переговоры по поводу ликвидации военного кризиса на Украине, и они были готовы обсуждать вопрос о членстве Украины в НАТО и о статусе Крыма только после того, как боевые действия прекратятся и российские войска будут выведены из страны¹²³. Эта позиция Киева была согласована с Вашингтоном.

У Москвы была иная точка зрения в отношении будущности Украины после окончания спецоперации ВС РФ, цели которой взаимосвязаны не только с признанием принадлежности Крыма к России и независимости ЛНР и ДНР, но и с обязательством Запада — не вооружать Украину и отказать ей во вхождении в НАТО. Поэтому до её окончания руководство России выдерживало паузу, а российские политики высказывали несколько вариантов. Они предполагали, что Москва будет способствовать созданию на её территории новых политических образований — Малороссии, Новороссии и Западной Украины. Другие исходили из того, что она не будет препятствовать присоединению западных территорий Украины к Польше, Румынии и Венгрии. Были и другие варианты, политическая реализация которых тесно увязана с военными целями спецоперации ВС РФ на Украине и какой путь для её дальнейшего развития изберут киевские власти.

Поэтому до завершения спецоперации Москва признавала легитимность Зеленского в качестве президента страны. Если он реально хотел прекратить войну на Украине, сохранив при этом президентские полномочия, ему необ-

ходимо было сделать выбор: либо оставаться «пешкой» в геополитическом противостоянии Запада с Россией, либо способствовать развитию Украины в качестве нейтрального государства, отказавшись во внешней политике страны от антироссийской направленности.

Реакция США и их европейских союзников на события на Украине

До начала спецоперации ВС РФ политика и стратегия Вашингтона по отношению к Москве сохранялась в режиме, начавшемся в 2014 г. США при помощи санкционной политики и дипломатического давления на международном уровне всеми способами стремились остановить развитие России. Российско-американские отношения скатились до уровня холодной войны 50-х годов прошлого века, с той разницей, что на этот раз количество разнообразных санкций в отношении РФ резко возросло, превысив в 2022 г. 6 тыс., что явилось беспрецедентным. Это было сделано в расчете на то, что россияне, возмущенные снижением своего жизненного уровня, помогут Белому дому в ходе «цветной революции» смести ненавистный путинский режим¹²⁴. Однако этого не произошло: уровень поддержки гражданами РФ действий президента В. Путина с момента начала операции на Украине составил 77,9 %¹²⁵. В Вашингтоне посчитали, что если развитие России нельзя остановить при помощи «цветной революции», то следует нанести сокрушительный удар по российской промышленности, ограничив доступ её продукции на международный рынок, изгнать РФ из ВТО и т. п. Это отвечало целям Стратегии национальной безопасности США, где их главными противниками определены Россия и Китай. Поэтому, воспользовавшись военным кризисом на Украине, цель Вашингтона в соответствии с принципом «разделяй и властвуй», была: сначала «разобраться чужими руками» с экономически слабой Россией, а затем с более сильным противником — Китаем.

Учитывая это, Вашингтон консолидировал страны НАТО и ЕС под своей эгидой и при помощи коллективных санкций пытался изолировать РФ от глобальных экономических процессов, а развязанная им информационная война, основанная на лжи и искажении фактов по поводу спецоперации на Украине, искажала ее цели, способствуя превращению России в «изгоя» в глазах международного сообщества.

Это соответствовало идее Бзежинского, изложенной им в книге «Великая шахматная игра», где сказано, что «без Украины Россия никогда не будет евразийской империей»¹²⁶. Вашингтон заставил членов НАТО увеличить военные расходы, снизив тем самым финансовое бремя США, и продолжал активно «подливать масло» в огонь российско-украинского кризиса поставками Киеву больших партий оружия. Он сыграл ведущую роль в оказании «удушающего» нажима на Россию, для чего администрация Байдена содействовала отключению российских банков от мировой финансовой системы и не позволила ЦБ РФ воспользоваться своими финансовыми активами, хранящимися в западных банках. В результате произошел разрыв торгово-экономических связей России со многими государствами мира, поставки им рос-

сийских энергоресурсов, пшеницы, никеля, титана, алюминия и удобрений были нарушены.

Это выгодно Вашингтону, поскольку этот разрыв ударил по его экономическому сопернику — Евросоюзу, который под давлением США отказался от ввода в эксплуатацию «Северного поток-2». В результате стоимость газа в Европе достигла 2400 долл. за 1000 кубометров 900 долл., а Брюссель способствовал увеличению зависимости стран ЕС от поставок американского газа по завышенным ценам.

Однако ни американский газ, ни поставки его из стран Персидского залива не смогли заменить российские энергоресурсы, которые обеспечивали потребности европейской промышленности и граждан ЕС. В результате в 2022 г. цены на энергоносители и продовольствие в Европе резко выросли, достигнув рекордного уровня, а инфляции в ЕС к исходу года превысила 7 %¹²⁷.

Несмотря на удручающую статистику, в знак солидарности с Вашингтоном Брюссель стал усиленно поставлять оружие ВСУ, что также было на руку военно-промышленному комплексу США, который поставляет его в европейские армии, получая громадную прибыль. Введя масштабные антироссийские санкции, Евросоюз все глубже погрязал в разнообразных кризисах в сферах экономики, энергетики и общественной жизни. Верховный представитель ЕС Ж. Боррель признал, что Евросоюз допустил ошибки в развитии отношений с Россией и упустил возможность наладить их.

К тому же 5 млн беженцев с Украины, наводнивших европейские государства, не являлись заботой США — ведь война шла не на их территории, а в Европе. Кроме того, США и другие западные государства выслали более 400 российских дипломатов из своих стран, тем самым препятствуя диалогу с Россией в интересах поиска выхода из кризиса на Украине.

Главный покровитель Зеленского — Байден не собирался ввязываться на Украину в войну с Россией, обладающей ядерным и трансконтинентальным гиперзвуковым оружием, легко преодолевающим систему ПРО США, предпочитая, чтобы это делали ВСУ и наемники. Он отказал Зеленскому выслать в помощь американские подразделения и воспретить доступ в воздушное пространство Украины. Аналогично на эти просьбы ответил и Брюссель. Украина нужна Западу как постоянный очаг напряженности с Россией. «Холодным душем» для наемников стали удары высокоточным оружием по районам их сосредоточения и учебным центрам на границе с Польшей, их окружение в районах Днепропетровска и Мариуполя подразделениями из Чеченской республики¹²⁸.

«Забыв» о евроатлантической солидарности, Вашингтон, следуя своим интересам, отменил свое эмбарго на российские поставки титана и нефти в США, о чем сообщил госсекретарь Блинкен¹²⁹. Все это свидетельствует о том, что Вашингтон заинтересован в собственной выгоде в Европе, а не в стабилизации обстановки на Украине.

В связи с этим по окончании спецоперации на Украине возможно изменение конфигурации системы безопасности в Европе, в которой вместо

принципа «обеспечение равной безопасности для всех» возобладает принцип «равной угрозы для всех», поскольку коллективный Запад не намерен следовать зафиксированному им в Стамбуле принципу — «никто не должен укреплять свою безопасность за счет безопасности других стран», зафиксированному Хартией европейской безопасности¹³⁰.

В ответ на отлучение российских банков от международной системы расчетов SWIFT ЦБ РФ запустил собственную систему передачи финансовых сообщений, легализовал криптовалюту и накопил в «подушку финансовой безопасности» более 620 млрд долл., позволяющих продержаться как минимум несколько лет без помощи извне. Следует отметить, что западные санкции не коснулись поставок российских энергоресурсов в другие страны мира, поэтому у Москвы по-прежнему есть торговый канал связи с мировой экономикой. В 2021 г. доля российских энергоресурсов в общем объеме мировых поставок составила 14 %. Что касается предприятий российского оборонно-промышленного комплекса, то они работают на российской электронной продукции, являясь при этом вторым по величине экспортером оружия в мире, на их долю приходится примерно 20 % мировых продаж оружия.

Тем не менее санкционная политика коллективного Запада негативно повлияла на экономику России и на жизнь ее граждан. Начиная с весны 2022 г. они уже не могут расплачиваться за услуги и приобретённые товары платежными картами — VISA, American Express, Master Card и Europay. При этом инфляция в РФ в апреле 2022 г. составила 17,5 %, что привело к росту цен на продовольственные товары и к дефициту лекарств. Разорились многие предприятия торговли, сферы услуг и общепита, в стране выросла безработица. В результате высококлассные специалисты эмигрировали в Турцию (14 тыс. человек), Грузию (31 тыс. человек), Армению (7 тыс. человек) и в другие постсоветские республики¹³¹.

Результаты санкционного давления Запада на экономику России выявили её многие негативные особенности. С закрытием для России европейских рынков пострадали отрасли, работающие на экспорт. Были остановлены заводы автопрома, выпускавшие западные модели автомашин. Пострадал туристический бизнес и гражданский авиапарк РФ, 90 % которого составляют лайнеры европейского и американского производства. Ситуация для производителей гражданской продукции также изменилась в худшую сторону: в мае их склады электроники были почти полностью опустошены, а закупать ее в других странах стало дорого. Поэтому ряд предприятий, работавших до введения санкций с западными фирмами, разорились.

Нынешнее правительство России во главе с М. Мишустиным делает все, чтобы исправить существующие перекосы в экономике страны и дать промышленности мощный импульс к импортозамещению и развитию отечественных ИТ-технологий. Свидетельством этих усилий является развитие агропромышленного комплекса РФ, который в кратчайшие сроки обеспечил продовольственную безопасность страны, а экспорт сельскохозяйственной продукции на мировой рынок в 2021 г. составил 14 %.

Следует отметить, что в санкционной политике коллективного Запада в отношении России наблюдаются сбои. Так, Грузия, которая наравне с Украиной стремилась стать членом НАТО, заявила о том, что она не присоединится к санкциям, памятуя о результатах военной авантюры бывшего президента М. Саакашвили, который решил силой вернуть «мятежные» территории Южной Осетии, в результате чего в течение пяти дней вооруженные силы Грузии были разгромлены. Поэтому правящая партия «Грузинская мечта» придерживается своей генеральной линии — не вмешиваться в российско-украинский конфликт и не поддерживать санкции Запада против России, несмотря на оказываемое давление на неё. Такой же политики придерживается правительство Молдовы, избравшее политику нейтралитета в отношении военного конфликта на Украине. Продолжает придерживаться политики нейтралитета Азербайджан, не присоединяясь к антироссийским санкциям. Кроме того, страны АСЕАН, Ближнего Востока, Африки и Южной Америки также не ввели санкции против России.

США стали главными выгодоприобретателями в результате военного кризиса на Украине, переложив все издержки противостояния с Россией на Европу и взяв на себя бремя ответственности за контроль евразийского театра военных действий.

Отношения США и Китая на фоне военного конфликта на Украине

Для усиления давления на Россию из-за военного конфликта на Украине Вашингтон пытался заставить Пекин занять антироссийскую позицию. Однако Пекин в событиях на Украине занял де-факто по отношению к РФ дружественную позицию нейтралитета¹³². При этом в КНР внимательно анализировали ход спецоперации на Украине и санкционные действия Запада, соизмеряя их с активностью США в АТР. 24 февраля, когда российские войска начали спецоперацию на Украине, представитель МИД КНР Хуа Чуньин значительную часть своего ежедневного брифинга посвятила критике США, обвинив Вашингтон в «проведении блоковой политики для создания конфронтации и разделения на основе идеологии», отметив при этом, что Китай и Россия «действуют ответственно, поддерживая международную безопасность и стабильность»¹³³.

Но и одобрять действия Москвы Пекин не спешил. С одной стороны, он стремился расширить стратегическое партнерство с Россией, но, с другой — ему важно было не слишком сближаться с Москвой, так как это повышало риск ввода западных санкций против него самого. Пекин заинтересован в стабильной ситуации в мире, в которой он может развиваться и наращивать военную силу.

Это усиливает рост враждебности США по отношению к Китаю, которые осознали, что они в ближайшем будущем могут потерять доминирующее положение в мире. Об этом свидетельствует трехкратное превышение темпов роста ВВП КНР (6,0 %) по сравнению с ВВП США (2,1 %). При этом попытки Вашингтона затормозить развитие Китая при помощи санкций постоянно терпят неудачу.

В частности, Белый дом запретил продажу оружия Китаю, вынудив его самостоятельно развивать эту отрасль, благодаря чему он стал третьим по величине экспортером оружия в мире. США запретили американским компаниям экспортировать электронные чипы в Китай, чтобы остановить там строительство суперкомпьютеров. В ответ КНР разработала собственный суперкомпьютер TaihuLight и вытеснила в 2020 г. США из мирового рынка, произведя 250 млн компьютеров и 1,5 млрд смартфонов¹³⁴. Китай стал серьезным конкурентом США в основополагающих технологиях нового века — в сферах искусственного интеллекта, квантовой информатики, биотехнологии и т. д.¹³⁵

На этом фоне Белый дом продолжает считать, что система государственного устройства и международного сотрудничества США является образцом для остальных государств мира. Но на деле это означает проецирование американской военной силы в те регионы, которые представляют стратегический интерес для Вашингтона, где он пытается навязать свою модель развития. Это в корне противоречит китайскому видению международного сотрудничества. Председатель КНР Си Цзиньпин нацелен на то, чтобы к середине этого века построить в Китае общество «благоденствия», которое «затмит» американскую модель и будет служить притяжением для других государств мира¹³⁶. В 2020 г. Китай стал единственной страной в мире с положительным экономическим ростом, а его ВВП по величине — вторым в мире. Доход на душу населения превысил 10 тыс. долл., выведя тем самым почти 100 млн граждан КНР из нищеты. Кроме того, китайские власти быстро преодолели пандемию коронавируса в 2021 г. и поделились эпидемической информацией с международным сообществом. По прогнозам американского политолога С. Суаре, к 2030 г. Китай достигнет своей цели — стать ведущей экономической державой мира¹³⁷.

Чтобы не допустить этого, в отношении Китая Белый дом желал бы сделать то же самое, что на Украине: «чужими руками задержать его развитие при помощи поддержки очагов сопротивления сепаратистов в Тибете, Синьцзяне, Гонконге и Тайване для разжигания там протестов и беспорядков среди радикальных групп. Глава МИД КНР Ван И призвал США выполнить ряд обещаний, данных президентом Д. Байденом, в том числе — не сдерживать Китай Индо-Тихоокеанской стратегией и не устраивать провокации вокруг объединения материкового Китая с Тайванем¹³⁸.

Хотя на словах США официально выступают за их воссоединение в соответствии с принципом «одно государство, две системы», на деле они прилагают всяческие усилия для укрепления оборонного потенциала Тайваня. Посол КНР в США Цинь Ган предупредил, что если Вашингтон будет поощрять тайваньские власти к провозглашению независимости острова, между Китаем и США может возникнуть военный конфликт¹³⁹. Однако они вряд ли дойдут до прямого военного столкновения из-за крайне высокой цены для обеих сторон вследствие разрыва важной связки между ними в торгово-экономической сфере. Во Временном стратегическом руководстве США по национальной безопасности подчеркивается: «Мы признаем, что стратегическая конкуренция не препятствует и не должна препятствовать сотрудничеству с Китаем»¹⁴⁰.

Прибытие 15 апреля 2022 г. делегации американских конгрессменов на Тайвань стало очередным поводом для серьезного обострения обстановки вокруг острова. Кроме того, США распространяли ложную информацию о позиции Китая в отношении к российско-украинскому кризису, пытаясь спровоцировать напряженность между Пекином и Тайбэем. В этом им активно помогал лидер тайваньских властей Цай Инь-вэнь, стремясь заставить Пекин пойти на компромиссы и уступки. В ответ Китай объявил о проведении военных учений вблизи тайваньской территории.

Для усиления в АТР военного давления на Китай Вашингтон делает ставку на военные альянсы — AUKUS и QUAD в интересах реализации целей индо-тихоокеанской стратегии в этом регионе¹⁴¹. Но, по словам командующего Индо-Тихоокеанским командованием ВС США адмирала Ф. Дэвидсона, «КНР располагает крупнейшими в мире военно-морскими силами, численность которых за последние два десятилетия увеличилась втрое. ВМС КНР только в 2020 г. ввели в эксплуатацию более 25 крупных кораблей, включая боевые корабли, корабли-амфибии и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами <...> и истребитель-невидимку 5-го поколения J-20». Вывод командующего однозначен: в АТР США теряют качественное превосходство над потенциальным противником¹⁴².

И если пять лет назад шансы на военный конфликт в Южно-Китайском море были малы, то сейчас возможность военного столкновения там существенно повысилась¹⁴³. Белый дом усиленно раздувает китайскую псевдоугрозу в международных СМИ и перекладывает вину за внутреннее экономические и социальные проблемы в США на Китай и Россию¹⁴⁴. Руководитель Центра изучения стран Дальнего Востока китаевед К. Котков считает, что в запасе у России есть два-три месяца на то, чтобы переломить ситуацию на Украине в свою сторону, и Китай готов выдержать этот срок, не присоединяясь к анти-российским санкциям, к которым Вашингтон упорно призывает Пекин¹⁴⁵.

Стратегическое сближение Китая и России на фоне военного кризиса на Украине является прямой угрозой для национальных интересов США в мире, так как это в корне меняет мировой баланс сил, при котором Вашингтон потеряет свое влияние и позиции в Евразии. Стратегическое взаимодействие крупнейших евразийских держав — РФ и КНР — движется по восходящей не только в торговле, но и в других ключевых областях, включая политическую и военную. Они образуют тандем в СБ ООН и на международных саммитах, блокирующий попытки США и их приверженцев усилить западную гегемонию¹⁴⁶.

При этом в рамках реализации национальной военной стратегии у России и Китая разные театры военных действий (ТВД) и разные операционные среды. Поэтому партнерство с Китаем позволяет России сосредоточить свое внимание на западном ТВД, а Китаю — на морском ТВД, откуда он видит военную угрозу своей безопасности. Сближение с Москвой позволило Пекину сместить вектор развития НОАК с суши на море. А российско-китайская граница для каждой из стран — надежный стратегический тыл. Китай заинтересован в том, чтобы Россия не потерпела неудачу при проведении спецопера-

ции на Украине и сохранила статус основного поставщика ему энергоресурсов в случае развязывания военного конфликта в Южно-Китайском море, при котором ВМС США перекроют главную артерию их поставок в КНР — Ормузский пролив. Для этого Сенат США принял Закон о стратегической конкуренции, гласящий, что Соединенные Штаты будут тратить до 2026 г. по 300 млн долл. в год на борьбу с «глобальным влиянием Китая»¹⁴⁷.

В настоящее время Соединенные Штаты вкладывают большую часть своих усилий в антироссийскую стратегию в Европе, а на одновременное давление на Пекин и Москву у Вашингтона не хватает сил и средств. При этом укрепление во многих областях сотрудничества России с Китаем обеспечивает политический и экономический выигрыш для обоих государств на международной арене, тем самым осложняя доминирование США в мире. Именно этого США и их союзники по НАТО боятся больше всего. Накануне открытия зимних Олимпийских игр в Пекине 4 февраля 2022 г. лидеры РФ и КНР В. Путин и Си Цзиньпин приняли совместное заявление, в котором говорится: «РФ и КНР призывают НАТО отказаться от идеологизированных подходов времен “холодной войны” и уважать суверенитет, безопасность и интересы других стран. Стороны выступают против формирования в АТР закрытых блоковых структур <...> и сохраняют бдительность относительно негативного влияния на стабильность в этом регионе индо-тихоокеанской стратегии США»¹⁴⁸.

Перспективы российско-китайского стратегического партнерства

По мере развития кризиса на Украине Пекин настойчиво подчеркивал, что российско-китайские отношения являются «лучшими за всю историю». Чтобы помирить Россию и Украину, он предлагал Москве и Киеву свои посреднические услуги для разрешения военного конфликта мирными средствами, чтобы они могли развивать всестороннее сотрудничество в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь», который в 2018 г. обрел конкретное содержание в виде концепции «построения единой всеобщей судьбы человечества». При этом китайский лидер Си Цзиньпин в этом вопросе весьма прагматичен, он не навязывает точку зрения КПК другим государствам, а последовательно развивает сотрудничество с ними.

Как отмечал в свое время руководитель Центра Института Дальнего Востока РАН А. Островский, с каждым годом объем российско-китайского товарооборота увеличивается, поэтому Пекину невыгодно портить отношения с Москвой. «В 2021 г. объем товарооборота между двумя странами составил 146,7 млрд долл. В связи с западными санкциями к концу 2022 г. он составит 180 млрд долл., а в 2023 г. — вырастет до 200 млрд долл.»¹⁴⁹. Это важно для Москвы, так как в условиях резкого обострения отношений с коллективным Западом ей необходимо усиление стратегического партнерства с Пекином. Для этого необходимо дальнейшее укрепление российско-китайской внешнеполитической координации, в том числе на площадках ООН, ШОС, БРИКС и РИК в АТР и в Евразии.

Тем не менее глобальная экономическая экспансия Китая привела к тому, что Пекин становится прямым конкурентом Москвы в сотрудничестве со странами ряда регионов в экономической и военной областях. В связи с военным кризисом России с Украиной Пекин изучает разные варианты торговых маршрутов в Европу в обход российской территории. Вариант маршрута через Каспий считается самым выгодным, в связи с чем следует ожидать увеличения объема грузоперевозок по нему из Китая в Европу¹⁵⁰. Существует и некая неопределенность, связанная с изменением экономического «веса» России и Китая в рамках ШОС. Москва опасается, что решающий голос в решении тех или иных проблем развития Организации скоро будет принадлежать только Пекину. Примечательно, что президент РФ В. Путин не был приглашен 25 января 2022 г. на онлайн-саммит лидеров КНР и республик Центральной Азии, итогом которого стало формирование площадки «Центральная Азия — Китай», на которой и будут приниматься важнейшие для региона решения в экономической и политической сферах без участия России¹⁵¹. Также сопряжение китайского проекта с российским проектом ЕАЭС в рамках евразийской интеграции откровенно буксует из-за отсутствия в этом проекте не только стратегии, но и даже концепции. Разговоры идут многие годы, но дальше дискуссий дело пока не сдвинулось¹⁵².

Для реализации необходимо решительно продвинуть практическую работу по реальному сопряжению этих проектов. Речь идет о качественном продвижении по пути «увязки взаимных интересов, в том числе по торговым режимам, о формировании соответствующих дорожных карт сотрудничества в области торговых, производственных, финансовых обменов, строительстве транспортных коридоров Транссиба и БАМа.

Помимо развития транспортной артерии «Восток—Запад», необходимо продвигать транспортный коридор «Север—Юг» с подключением к его строительству Индии, Пакистана и Афганистана. В результате реализации главные транзитные пути из Азии в Европу (за исключением пути через Суэцкий канал) будут под контролем России и Китая. Кроме того, в части развития евразийских транспортных коридоров РФ и КНР нужно содействовать строительству логистических платформ, упорядочить процесс прохождения грузов через госграницы, совершенствовать соответствующие положения национальных законодательств.

Финансовые потери России, связанные с блокадой «Северного потока-2» и другими потенциальными рестрикциями такого рода, возможно компенсировать за счет повышения объёмов поставок газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» и ускорения процесса ввода в строй газопровода «Союз—Восток», что также позволит «подтянуть» развитие дальневосточных регионов России. Понятно, что при этом не снимаются логистические задачи, связанные с каналами транспортировки с Ямала, других привязанных пока к Европе российских месторождений.

Важным направлением является наращивание взаиморасчетов в национальных валютах. Это позволит России минимизировать негативные последствия отключения системы SWIFT и способствовать развитию банковской

сферы РФ, независимой от доллара. Уже в первой половине 2021 г. 16 % от всего китайского импорта в Россию было оплачено юанями, при этом четыре года назад эта доля не превышала 2 %. Тем не менее очевидно, что в перспективе при взаимных расчетах национальные валюты не будут на уровне паритета, а будет перекося в сторону именно китайской национальной валюты, что выгодно Китаю, так как это способствует интернационализации юаня.

В промышленной сфере большое значение будет иметь увеличение реализации совместных проектов с КНР на основе высоких технологий, что позволило бы компенсировать потери из-за западных санкций. Наиболее важными для России являются совместные проекты в области авиастроения, освоения космоса и добычи энергоресурсов.

Также целесообразно усилить практическое взаимодействие РФ и КНР в сфере медицины, чтобы разработать систему предотвращения повторных вспышек COVID-19/омикрона. Этому способствовало бы объединение усилий в разработке и производстве вакцин (в том числе для третьих стран и рынков), включая, конечно, и вопрос взаимного признания вакцин.

Растет и актуальность российско-китайского сотрудничества в рамках ШОС. В целях укрепления этой организации следует, в том числе совместно, нивелировать деструктивное влияние информационной войны Запада, которая провокационно сулит некоторым странам ШОС распространение на них «украинского сценария».

На этом фоне Пекин намерен прагматично развивать стратегическое партнерство с Москвой, но не в ущерб своим экономическим связям с США и Европой, так как Россия не может экономически заменить сотрудничество Китая со странами Запада. Поэтому для Пекина важно, чтобы отношения с Евросоюзом не скатывались «вниз», на фоне событий на Украине.

Исходя из анализа взаимоотношений России, США и Китая в свете российско-украинского военного кризиса, можно сделать следующие **выводы**.

Во-первых, в связи с событиями на Украине происходит стремительное изменение геополитической обстановки в мире, характерной чертой которой является борьба двух тенденций — сохранения однополярности международных отношений под эгидой США и строительства многополярного мира, сторонниками которого является Китай и Россия. Поэтому, чтобы сохранить свое глобальное лидерство, Вашингтон, используя свой экономический потенциал и военную мощь, усиливает давление на Россию и Китай с применением разнообразных санкций против них, так как в его Стратегии национальной безопасности они названы главными соперниками США. В этой связи Вашингтон старается препятствовать укреплению российско-китайской стратегической связки с целью изолировать от них партнеров в различных регионах мира, используя для этого принцип «разделяй и властвуй», чтобы сначала «чужими руками разобраться» с Россией, а затем — с Китаем.

Во-вторых, в феврале 2022 г. Россия не совершала агрессию против Украины, а в соответствии с её Конституцией и во исполнение договоров о дружбе и взаимопомощи с ДНР и ЛНР провела спецоперацию ВС РФ в интересах защиты своих граждан, проживающих в Донбассе, а также для демилит-

таризации и денацификации Украины с целью снижения военных угроз национальной безопасности со стороны киевских властей, спонсируемых Западом, который использовал Украину в качестве «ритуальной жертвы» в длительной геополитической борьбе против России. В украинском контексте речь идет о глобальной задаче Запада — замедлить развитие РФ и сохранить свою гегемонию. Поэтому в 2022 г. российско-американские отношения скапались до уровня новой холодной войны.

В-третьих, Вашингтон на фоне военного конфликта на Украине пытался заставить Китай занять антироссийскую позицию и добивался от Пекина обещания не помогать Москве. Однако Пекин по отношению к Москве занял дружественную позицию нейтралитета. При этом он заинтересован в стабильной ситуации в мире, зная, как функционировать в таких условиях и наращивать свою силу, продолжая последовательно развивать сотрудничество с другими государствами и расширяя свое присутствие в АТР, Латинской Америке и Африке, чтобы к 2030 г. стать ведущей экономической державой мира. Чтобы не допустить этого, Белый дом желал бы в отношении Китая сделать то же самое, что на Украине, — «чужими руками задержать его развитие при помощи поддержки очагов сопротивления сепаратистов в Тибете, Синьцзяне, Гонконге и на Тайване. Помимо этого, усиливается информационная война США против КНР, основанная на лжи и искажении фактов, чтобы наравне с Россией превратить её в «изгоя» в глазах международного сообщества.

В-четвертых, адекватным ответом России и Китая на агрессивную политику США является усиление их стратегического партнерства. Для этого у России есть природные ресурсы и обширный внутренний рынок, способствующие экономическому развитию Китая, и современные российские вооруженные силы, обладающие боевым опытом. А у Китая имеются финансы и развитые высокотехнологические отрасли, способствующие преодолению Россией западных санкций. При этом необходимость одновременного сдерживания России и Китая в Европе и АТР вынуждает США расплывать силы, не позволяя добиться решающего военного превосходства над ними, так как Москва и Пекин на должном уровне поддерживают стратегические ядерные силы.

4.8. Опора России на собственные силы в условиях западных санкций и перспективы восстановления сотрудничества с США

Западные санкции в отношении российской продукции требуют принятия срочных мер по обеспечению выживаемости российской экономики в условиях обостряющейся конкуренции на международном рынке в процессе его глобализации. Минэкономразвития РФ разработало концепцию «Экономическая безопасность России»¹⁵³, одним из главных ориентиров которой стало восстановление её статуса мировой экономической державы. По мне-

нию разработчиков этой концепции, по уровню ВВП России необходимо в обозримой перспективе войти в шестёрку мировых лидеров, а также значительно увеличить уровень благосостояния населения. Неотъемлемой частью этого плана становится доминирование в научной, технологической и финансовой сферах.

Стимулами для этого будут:

Во-первых, коммерциализация сферы НИОКР и ее встраивание в рыночный механизм. Ориентация исследований, в том числе и фундаментальных, на конкретные целевые программы и приоритетное финансирование научно-технических проектов, связанных с развитием инновационного бизнеса, а также выстраивание сетей «наука—эксперимент—производство».

Во-вторых, обеспечение повышенного финансирования научно-технической сферы для выпуска массовой отечественной продукции без учета затрат на НИОКР в интересах обороны страны (в среднем затраты на НИОКР гражданского назначения в России составляют порядка 12 млрд долл., в США 264, в Евросоюзе 150 и в Японии 130 млрд долл.)

В-третьих, формирование тесной связи между сферой НИОКР и промышленностью, включая: создание государственной системы поощрения предпринимателей за использование в производстве новейших достижений отечественной науки и техники; целевое финансирование особо важных и перспективных российских проектов; снижение налогов и предоставление специальных кредитов, лизинг новейших видов машин и оборудования под государственные гарантии.

В-четвертых, признание властями страны приоритетности научно-технического прогресса и инновационного развития. Государство должно иметь специальные программы по ускорению научно-технического прогресса и инновационному развитию российской промышленности. Такие программы имеются практически во всех развитых странах мира.

В-пятых, расширение международного научно-технического сотрудничества с другими государствами и изучение полезного зарубежного опыта. Необходимо также реализовать комплекс мер по улучшению экономической деятельности на международном рынке и безопасности российских предприятий¹⁵⁴. К ним относятся:

- проведение изменений в законодательной базе страны в экономической области с учетом изменения политической и экономической обстановки в мире;
- выявление зарубежных конкурентов, особенно проводящих антироссийскую политику на международном рынке, выяснение направленности их устремлений и разработка мер по противодействию им;
- вскрытие среди российских бизнес-партнеров недобросовестных юридических лиц и применение к ним мер согласно Федеральному закону № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹⁵⁵;
- содействие выявлению и уточнению финансовых, коммерческих, организационных, технических и технологических позиций, гарантирующих сохранение и укрепление положения предприятий на рынке и систематический

анализ потенциальных и реальных угроз российским позициям на внешнем рынке, их ликвидация в соответствии с Законом РФ «О безопасности» № 2446-1¹⁵⁶;

- отслеживание криминогенной обстановки внутри страны вокруг отечественных предприятий и сбор информации об организованной преступности и отдельных лицах, имеющих противоправные намерения в отношении этих предприятий;

- организация охраны предприятий, защита жизни и здоровья сотрудников, обеспечение личной безопасности руководителей предприятий и членов их семей от посягательств со стороны преступных элементов;

- исключение технического проникновения на предприятия конкурентов, криминальных организаций и отдельных лиц с целью съема важной информации, согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» № 272-ФЗ¹⁵⁷;

- обеспечение бесперебойной работы предприятий в условиях кризисных ситуаций и участие в принятии конкретных мер по выходу из них;

- информационное обеспечение управленческой деятельности руководства по проблемам безопасности и иным жизненно важным для предприятий вопросам, а также совершенствование нормативной базы в интересах обеспечения безопасности предприятий.

Обеспечение экономической безопасности России в условиях западных санкций на международном рынке может осуществляться с помощью¹⁵⁸:

- умелого государственного прогнозирования, которое предполагает анализ рисков появления угроз безопасности и даёт детальный прогноз возможных исходов, уточнение долгосрочной экономической стратегии России и конкретных мероприятий по снижению этих угроз;

- создания независимых аналитических источников в научной и технологической сфере жизнедеятельности государства;

- нормализации и поддержки благоприятных международных отношений России и улучшения законодательной базы в сфере национальной экономики;

- поддержания финансовой независимости страны и частичного отказа от иностранных кредитов.

К другим мерам, по мнению российских экспертов, относится¹⁵⁹:

- уточнение международной политики России в увязке с западными санкциями и промышленной политикой РФ;

- ускорение научно-технического прогресса и повышение конкурентоспособности российских товаров, ключ к которой лежит в свободном предпринимательстве, основанном на рыночных механизмах;

- последовательное укрепление российской науки на базе реального сектора российской экономики, прежде всего в промышленных отраслях, производящих IT-продукцию и предметы народного потребления;

- перевод российского производства на инновационный путь развития и создание мощного комплекса производств, работающих в условиях западных санкций;
- постоянная поддержка и расширение конкурентных преимуществ тех предприятий, которые ориентируются на выпуск новой технологичной продукции и создание собственных ее видов, с одновременным сокращением от неконкурентоспособных предприятий-банкротов;
- завершение реформы естественных монополий, направленной на формирование конкурентоспособных блоков внутренних производителей;
- разработка национальной программы повышения конкурентоспособности производства в целях стимулирования отечественного инновационного бизнеса, усиления связей между академическими институтами, отраслевыми НИИ и промышленными предприятиями;
- изменение налогового режима для инновационных фирм и подразделений.

Таким образом, теоритический базис для развития российской экономики в условиях западных санкций существует. Многое зависит от того, какая модель экономического развития страны будет принята правительством в ближайшей перспективе. Очевидно, в условиях дефицита квалифицированных организаторов производства, которых в свое время заменили так называемые эффективные менеджеры, наиболее вероятным сценарием станет создание при правительстве некоего координационного центра и ряда подчинённых ему структур, призванных распределять наиболее важные дефицитные ресурсы в условиях западных санкций. Такие структуры могут принять формат рабочих групп при правительстве (или при созданном правительством штабе по импортозамещению). Это позволит локализовать лоббистские усилия частных компаний (и госкорпораций) в борьбе за средства госфинансирования, выделяемые на импортозамещение. А эффективность их работы будет зависеть в первую очередь от того, приводными ремнями от кого и к кому они служат: от государства к крупному бизнесу, который государство намерено использовать для достижения своих целей, или наоборот — от крупного бизнеса к государству, чтобы использовать государственные рычаги в интересах промышленников¹⁶⁰.

В то же время консолидированный Запад не будет «сложая руки» наблюдать за развитием российской экономики. Чтобы затормозить этот процесс, США вместе со своими союзниками будут вводить всё новые санкции и ограничения в отношении к РФ. Помимо этого, они применят свою излюбленную тактику поджигания старых и организации новых региональных конфликтов по периметру границ России. Напряжение вокруг пророссийски настроенного Приднестровья в Молдавии, попытка госпереворота в Казахстане и т. п. — яркое подтверждение тому.

Ряд западных аналитиков в своих прогнозах сравнивают экономику России в 2022 г. с периодом разлухи во время Гражданской войны. Другие считают, что «падение» российской экономики будет либо нулевым, либо минимальным. При этом вводимые Евросоюзом санкции — это отличный способ

«отвязаться» от европейского рынка. Помимо него, существуют другие глобальные рынки — а это десятки стран с растущей экономикой. Никакие западные санкции не смогут помешать России эффективно освоить экономическое пространство ЕАЭС, рынок в Китае или в Индии с их многомиллиардным населением на взаимовыгодных условиях и т. д.

Бюджетный сектор РФ отнюдь не маленький, запасы государственных денег в нём значительны, а налогооблагаемая база в стране стабильна. Соответственно, все социальные обязательства правительства будут выполнены, а значит, внутренний рынок будет поддерживаться платежеспособным спросом. Следует добавить, что меры поддержки самых разных отраслей — от IT до строительства — уже начали реализовываться, а значит, стагнация производств не угрожает России¹⁶¹.

Тем не менее целесообразно реализовать ряд направлений для внедрения на предприятиях мероприятий мер по обеспечению их экономической безопасности (табл. 4.8.1).

Современное состояние экономической безопасности России по-прежнему оставляет желать лучшего, поэтому решением этой проблемы будет являться переход от экспортно-сырьевого развития страны к инновационному и использование преимуществ в отечественной науке, образовании и технологиях, которые являются решающими факторами, способствующим экономическому развитию РФ.

Важно также осуществлять прорыв в отраслях, являющихся основной специализацией РФ на мировом рынке: в сфере энергетики, транспорте и в аграрном секторе; формирование мощного научно-технического комплекса; диверсификация национального хозяйства; развитие рынка и предпринимательства, их обеспечение на законодательном уровне.

Тенденции развития экономической ситуации в мире создают, однако, определённые риски, и перспективы России в эпоху глобализации зависят от объективных условий развития мирового хозяйства и субъективных процессов, происходящих на мировой арене и в отдельных регионах РФ. Экономическая безопасность России всё ещё оставляет желать лучшего, поэтому это обуславливает поиск новых международных партнёров и развитие собственной экономики.

Подводя итоги направлений развития России с опорой на собственные силы в условиях западных санкций, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, будущее место России в мире зависит, прежде всего, от политики и действий российского руководства, общества и государства, от масштаба и интенсивности экономических реформ и от степени интеграции страны в мировое хозяйство в условиях продолжающихся западных санкций.

Во-вторых, главным направлением развития России с опорой на собственные силы является повышение конкурентоспособности российской экономики при активизации инвестиционного процесса, а также сохранение науки и переводе ее на приоритетное финансирование. Россия должна интегрироваться в мировое научно-техническое пространство, чтобы стать одним

Таблица 4.8.1. Мероприятия по обеспечению экономической безопасности предприятий

№ п/п	Наименование мероприятий	Результаты реализации мероприятий
1	Изучение и анализ законов РФ и регионов, подзаконных актов, инструкций и положений, аналитическая обработка информации	Выявление нестыковок и противоречий в законодательных актах и нормативно-инструктивных материалах с целью минимизации налогов и сборов
2	Сбор, обработка и анализ сведений о заинтересованных в работе предприятий экономических, общественных и политических организациях	Выработка рекомендаций по достижению компромиссных решений по устранению препятствий для развития бизнеса
3	Изучение и анализ информации о потенциальных и действующих партнерах, методах их поведения на рынке	Выявление уровня профессионализации партнеров, психологии их поведения, принятие мер по нормализации отношения либо по отсечению недобросовестных партнеров
4	Сбор и анализ информации о криминальных структурах, выявление агентов этих структур внутри предприятия, их целей в отношении предприятий и методов их работы.	Выработка механизмов и принятие контрмер против ОПГ, в том числе силовых с возможным привлечением силовых структур (МВД, ФСБ) для противодействия криминалу
5	Изучение и анализ информации о недобросовестных конкурентах и методах их деятельности на рынке и внутри предприятия	Разработка и реализация механизмов противодействия деятельности недобросовестных конкурентов фирмы, а также коррумпированных чиновников, предотвращение внеплановых налоговых проверок, мошеннических действий, попыток использования спецслужб

Источник: URL: <http://textarchive.ru/images/931/1860588/e8d515c1.gif>

их лидеров и достойным партнером в области инноваций и торговли высокотехнологичными продуктами.

В-третьих, для этого Минэкономразвития РФ разработало концепцию «Экономическая безопасность России», одним из главных ориентиров которой стало восстановление для страны статуса мировой экономической державы. По мнению разработчиков этой концепции, по уровню ВВП России необходимо в обозримой перспективе войти в шестёрку мировых государств, а также значительно увеличить уровень благосостояния среди населения страны.

4.9. Факторы в пользу восстановления российско-американских отношений

Этому может способствовать в том числе нормализация российско-американских отношений. Существующие ныне проблемы в российско-американских отношениях можно было бы преодолеть, если Москва и Вашингтон смогли бы создать действенный механизм партнерства с учетом того, что их объединяют совпадающие интересы в области глобальной безопасности. Однако Москва и Вашингтон до 2022 г. так и не сумели выработать систему согласования и координации своей политики в этой области, а после 24 февраля российско-американские контакты и вовсе прекратились. Если какие-то каналы связи сохранились, то либо на минимальном уровне в форме негласного обмена отдельной информацией между спецслужбами, либо в ходе диалога и работы по линии ООН. Например, в рамках подготовки резолюций СБ ООН по противодействию иностранным боевикам-террористам и финансированию ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и группировок, связанных с Аль-Каидой (запрещены в РФ), в том числе за счет доходов от торговли нефтью и нефтепродуктами, или Глобального контртеррористического форума при ООН¹⁶².

Тем не менее возможности для создания реального партнерства России и США далеко не исчерпаны. Это обусловлено следующими факторами.

Первый из них — это отсутствие фундаментального конфликта интересов между Россией и США. Тезис о «неизбежной вражде» России и США столь же необоснован, как и миф об их «естественной дружбе». Как свидетельствует двухсотлетнее развитие российско-американских отношений, и царская Россия, и Советский Союз в критические моменты истории, когда нарушался баланс сил в мире, оказывались партнерами и даже союзниками США. Так было и в период американской революции, и в годы Гражданской войны в США, и во время двух мировых войн. Причина этого заключалась в угрозе ключевым интересам национальной безопасности двух держав, когда они сталкивались с вызовами этим интересам со стороны третьей державы или коалиции ряда государств. Общая опасность помогла найти общий язык двум весьма непохожим друг на друга государствам¹⁶³.

Второй фактор — ослабление глобальной управляемости в международных отношениях со стороны ООН, что серьезно беспокоит и американские, и российские политические круги, ведь именно они были инициаторами создания этой организации в конце Второй мировой войны. И нынешние российско-американские отношения ошибочно считать «вечным кризисом». Сейчас они напоминают движение маятника Фуко, который в 2022 г. находится на наибольшем расстоянии от центральной оси международных отношений, но в перспективе этот маятник неминуемо начнет движение в обратную сторону, то есть в направлении нормализации российско-американских отношений и их улучшения перед лицом общей угрозы их национальным интересам, как это уже было в XX в.

Следовательно, *третий фактор* свидетельствует о том, что нормализация российско-американского партнерства возможна при наличии трех основных компонентов: определение общих интересов; наличие механизма совместно-го принятия решений (в рамках ООН или других организаций) и осуществление этих решений обоюдными усилиями. К сожалению, в российско-американских отношениях эти составные блоки стратегического партнерства в настоящий момент заморожены.

В результате партнерство России и США не может быть эффективным, если не будет воссоздан механизм их военно-политического взаимодействия в рамках Совета Россия—НАТО. Ибо сохраняющиеся сферы расхождений по закону «маятника» обладают потенциалом возврата к конфронтационной модели отношений между Россией и США. Также следует учитывать банкротство американского лидерства в том виде, в котором оно имело место в течение последних 15—20 лет, и наиболее дальновидная часть политического и экономического истеблишмента США это сознает. Она понимает, что Америка более не способна самостоятельно в одиночку решать крупные политические проблемы. И в этом заключается еще один потенциал российско-американского сближения.

Четвертый фактор, усиливающий взаимное притяжение РФ и США, — наличие общего «врага» их национальным интересам в лице международного терроризма, неконтролируемого распространения ядерного оружия и т. д. Это еще один стимул для восстановления сотрудничества между Россией и США в сфере военной безопасности.

Пятый фактор свидетельствует о том, что при всех нынешних разногласиях и асимметричности экономических и политических позиций у Москвы и Вашингтона сохраняются многие общие интересы в подходе к ключевым проблемам международной безопасности, что позволяет надеяться, что им удастся не допустить разрастания расхождений и возврата к геополитической конфронтации.

В-шестых, с учетом перечисленных факторов, свидетельствующих о возможности восстановления российско-американских отношений, все же главным для сближения позиций РФ и США является время, которое обуславливает смену стереотипов, сложившихся в Москве и Вашингтоне по отношению друг к другу. При этом восстановление их взаимовыгодного партнерства будет непростой задачей — слишком различны сегодня возможности двух держав. Так, нынешний ВВП США превышает ВВП России, ещё более заметен разрыв в сфере военных расходов. И в краткосрочной перспективе баланс сил в российско-американских отношениях вряд ли изменится в пользу РФ, что может быть использовано США для усиления нажима на нее. Но по мере обеспечения устойчивых темпов экономического развития России возникнут предпосылки для выравнивания отношений с Соединенными Штатами, обеспечивающие более равноправное взаимодействие двух государств и преодоление рецидивов их противостояния. Это создаст основу для формирования в отдаленной перспективе устойчивой модели взаимовыгодного сотрудничества как в рамках двусторонних отно-

шений, так и в подходе к решению ключевых проблем мировой политики и экономики, обеспечения безопасности на глобальном и региональном уровнях.

Барьеры, существующие на пути улучшения отношений между РФ и США

На сегодняшний момент приходится констатировать, что перечисленные направления улучшения российско-американских отношений пока не реализованы и в ближайшем будущем вряд ли будут. Разрыв между декларациями и реальностью российско-американских отношений произошел вследствие грубых ошибок дипломатии обеих стран, особенно в период после развала Советского Союза. Тогда создавалось впечатление, что РФ готова пойти на любые уступки США, ничего не требуя взамен. Предоставив инициативу чуть ли не целиком американской стороне, Россия не смогла обеспечить равноправный характер провозглашенного партнерства. Как писала в то время английская газета «Индепендент», «диалог между Западом и Россией в конечном счете сводился к официальным встречам, на которых России предлагалось согласиться с решениями, принятыми другими правительствами».

Кроме того, в последнее время вырос список международных проблем, где две державы придерживаются противоположных позиций. Во внутриполитических дебатах в обеих странах амбициозные политики все чаще используют риторические выпады в адрес другой стороны для того, чтобы «набирать очки» в ходе избирательных баталий. Конечно, можно списать эти тревожные симптомы в российско-американских отношениях на «конъюнктурные моменты».

К примеру, по итогам промежуточных выборов в США в ноябре 2018 г., Д. Трамп, избавившись от угрозы импичмента, почувствовал себя свободнее в принятии внешнеполитических решений, в том числе по новым антироссийским санкциям. Первый пакет ограничений запретил продажу России оружия и технологий двойного назначения, а также кредитование со стороны госструктур США, а далее эти санкции по отношению к РФ шли по нарастающей. Поэтому антироссийские санкции, введенные Обамой и Трампом, которые обрели в США силу закона, Байденем не будут отменены на протяжении его президентского срока, если иметь в виду антироссийскую политику Демократической партии США, победившей на выборах 2020 г. В перспективе Байден может объявить запрет на кредитование России со стороны МВФ и Всемирного банка — хотя она уже много лет не нуждается в подобных кредитах.

Несмотря на эти американские санкции, РФ обладает способностью вмешиваться в глобальные мировые проблемы и действовать вразрез с интересами США. Это подтверждают российские действия на Украине, в Сирии и в Нагорном Карабахе, подрывающие американское доминирование в мире. Эти вызовы национальным интересам США со стороны РФ на региональном уровне укладываются и в набирающий силу процесс усиления других государств на мировой арене, что способствует ослаблению глобальных институтов, созданных Западом во главе с Соединенными Штатами. Продолжаю-

щийся мощный экономический и политический подъем Китая в мире, возвышение Индии — свидетельства этой тенденции. Все более активную геополитическую роль играют другие державы — Турция, Иран, Бразилия. В отдаленной перспективе процесс усиления роли национальных государств может затронуть и страны Европы, являющиеся в настоящее время союзниками США по НАТО, — Францию, никогда не расстававшуюся с риторикой национального величия, а также Германию.

Поэтому Москва, основываясь на своих национальных интересах в мире, готова сотрудничать с любыми государствами, если они принимают во внимание интересы РФ и уважают ее глобальный статус. Ярким примером тому является заявление В. Путина об объединении усилий стран мира в борьбе с коронавирусом, озвученное им в ноябре 2020 г. на саммите стран АТЭС. Он выразил готовность поставлять тест-системы диагностики COVID-19 и вакцину «Спутник V» партнёрам РФ, в том числе на безвозмездной основе. Десятки стран заинтересованы в этом препарате, а Венгрия, несмотря на угрозы со стороны ЕС, наладила его массовый выпуск.

При этом сотрудничество России с Соединенными Штатами существенно уступает таким экономическим приоритетам, как Китай, Европа и СНГ. Таким образом, лимитированное российско-американское партнерство будет уравниваться другими связями, прежде всего экономическими, в которые вовлечены другие международные акторы. Именно комплекс этих экономических отношений будет определять мировую политику в обозримом будущем. Россия вовсе не соперничает с Америкой в экономической сфере, в экспорте России в США преобладает сырье и товары первичной переработки — алюминий, черные металлы, никель, драгоценные камни; а в импорте — мясо и мясные субпродукты и оборудование. Практически прекратились крупномасштабные поставки американского зерна, занимавшие ведущее место в советском импорте из США, поскольку благодаря экономическим санкциям США Россия сама стала экспортером этого продукта в другие страны мира.

В ближайшем будущем Китай и Евросоюз для России останутся крупнейшими торговыми партнерами и потенциальными донорами технологий. Учитывая сложность политического контекста в отношениях между Москвой и Брюсселем, перспективы их взаимоотношений зависят от темпов и характера российского экономического роста. Тогда Россия окажется привлекательным и быстро растущим рынком для промышленного экспорта из ЕС, а западно-европейские столицы найдут способ изолировать политические разногласия от позитивной программы по осуществлению совместных экономических проектов. В этой ситуации требуется новое прочтение дилеммы безопасности в Европе — но не на основе разграничения сфер влияния или создания коллективного органа регулирования¹⁶⁴. Вместо училения противостояния ЕАЭС и ЕС нужно инициативно вести дело к размыванию границ и де-факто конвергенции интеграционных блоков. Поскольку ЕС приглашает в свои форматы союзников России, то и Москве следует действовать так же. Отложив тезисы об антагонизме, целесообразно предложить ряду стран ЕС одновременное участие в интеграционных форматах под патронажем России.

В плане развития внутренних территорий страны у Москвы возникает тандем с крупным партнером — Китаем, который заинтересован в помощи России для реализации проекта «Экономического пояса Шелкового пути» со сходными целями — ускорить развитие отстоящих регионов севера и запада КНР. Тем не менее, с учетом важности Восточной Сибири и Дальнего Востока для будущего России, не стоит превращать успех развития этих территорий в функцию «доброй воли зарубежных инвесторов». Государство многое делает для мобилизации внутренних ресурсов освоения этих регионов — в эту логику вписывается программа «Дальневосточный гектар». Стоит рассмотреть и целесообразность ускоренной натурализации и расселения на дальневосточных территориях мигрантов из Украины и других стран постсоветского пространства. Усилия государства могут концентрироваться на развитии нескольких городских агломераций — Красноярска, Иркутска, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, — способных стать катализаторами дальнейшего роста Сибири и Дальнего Востока. Вопрос на ближайшие годы состоит в том, сможет ли Россия использовать свое растущее политическое влияние для нужд развития собственной экономики.

Следует отметить, что в качестве военно-политического игрока Россия занимает уникальное место в мировой политике. В Сирии она показала, что ее военные возможности не уступают возможностям ведущих стран НАТО, а с точки зрения совокупной эффективности военной силы и дипломатии даже превосходят их. Россия обладает полной «линейкой» технологий, позволяющих конкурировать с Западом в области производства современных вооружений, опробованных в конфликтах. Военные обязательства России за пределами ее границ минимальны, и ее военно-политические союзы сравнительно подвижны. Она не связана необходимостью поддерживать значительное число военных баз и воинских контингентов за пределами своей территории и лишь в небольшой мере вовлечена в вооруженные конфликты во взрывоопасных регионах мира.

Возможные направления улучшения российско-американских отношений

В основу улучшения российско-американских отношений могли бы лечь принципы сотрудничества, открытости и предсказуемости, которые были изложены в Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений 2008 г.

В ней отмечалось, что «прочность и устойчивость этого фундамента будут основываться на расширении многообразия связей между правительствами стран и народами на положительных примерах»¹⁶⁵. Для достижения этих целей РФ и США было бы целесообразно начать консультироваться для выработки инициатив, отвечающих их общим интересам.

Россия и Соединенные Штаты должны перешагнуть через барьеры существующих стереотипов в восприятии друг друга и сосредоточиться на реальных общих угрозах, которые существуют для обоих государств. К ним в первую очередь относится угроза распространения оружия массового поражения (ОМП) и средств его доставки. Поэтому Россия и США должны предотвра-

тить попадание этого оружия в руки террористов и тех, кто их поддерживает. Сочетание международного терроризма с опасностью распространения ОМП представляет собой явную угрозу безопасности как России, так и Соединенных Штатов, а также других стран, которые являются партнерами в глобальной борьбе против терроризма. Для этого необходимо придать дополнительный импульс по всем направлениям деятельности российско-американской Рабочей группы по борьбе с терроризмом, включая усилия по уничтожению террористических организаций и сетей, которые предоставляют им финансовую и материальную поддержку.

Этому будет способствовать то, что «Глобальная инициатива», запущенная РФ и США в 2006 г., расширилась до 67 государств-участников, включая в качестве наблюдателей ЕС и МАГАТЭ. Государства — участники этой инициативы сотрудничают в укреплении индивидуальных и коллективных возможностей предотвращения получения террористами доступа к ядерным материалам, недопущения предоставления террористам убежища, финансовой и другой поддержки; в обмене информацией о террористической деятельности, взаимодействуют по правоохрательным аспектам и по вопросам ликвидации последствий террористической атаки.

России и США также могут разработать новые подходы, сфокусированные на экологически безопасных технологиях, которые будут поддерживать экономический рост обеих стран и способствовать расширению использования ядерной энергии, созданию жизнеспособной альтернативы распространению чувствительных технологий ядерного топливного цикла. Необходимо оказывать неизменную поддержку Договору о нераспространении ядерного оружия¹⁶⁶ и сотрудничать в достижении его результатов. В этом направлении необходимо работать с другими государствами над разработкой взаимовыгодных подходов, обеспечивающих экономически привлекательный и надежный доступ к ядерной энергии, с тем чтобы позволить этим странам создать жизнеспособную альтернативу приобретению ими чувствительных технологий ядерного топливного цикла. В качестве первого шага можно привести пример России и Казахстана, которые создали на российской территории Международный центр по обогащению урана¹⁶⁷.

Что касается ядерной программы Ирана, то Россия и США по-прежнему должны быть привержены политическим и дипломатическим усилиям по нахождению переговорного решения, гарантирующего исключительно мирный характер этой программы. Согласие России поставить для иранской АЭС в Бушере ядерное топливо и забрать оттуда отработанное топливо является шагом, который предоставляет Ирану возможность обладать гражданским ядерно-энергетическим потенциалом без необходимости создавать собственные мощности по обогащению урана и переработке отработанного ядерного топлива¹⁶⁸.

Сотрудничество в области энергетики также продолжает оставаться областью со значительным потенциалом для обоих государств. Для этого необходимо интенсифицировать российско-американское энергетическое сотрудничество при помощи более структурированного энергетического диалога,

направленного на расширение поставок энергии без ущерба для экологии, развивая при этом новые источники энергии с пониженным уровнем выбросов углерода. Нужно предпринять шаги по сотрудничеству в рамках инициатив по эффективным технологиям, развитию технологий экологически чистого сжигания угля, инициатив по топливным элементам, а также в рамках других научно-исследовательских инициатив для замены уменьшающихся традиционных запасов углеводородного сырья.

В области противодействия изменению климата целесообразно совместно работать по продвижению ключевых элементов договоренностей в рамках Парижского соглашения по климату 2015 г. с целью создания всеобъемлющей программы действий, включающей обязательства крупнейших экономик-эмитентов по ограничению или сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу в соответствии с их национальными условиями и решение вопросов уменьшения выбросов в ключевых отраслях. Почва для этого есть. Действующий президент США Дж. Байден в день своей инаугурации подписал серию из 17 указов. Подписывая эти документы, 46-й глава Белого дома исполнил не только многие пункты своей предвыборной программы, но и приступил к реализации главного желания демократов — как можно скорее избавиться от наследия Трампа. Байден вернул Соединенные Штаты к участию в Парижском соглашении по климату, из которого Трамп вывел их в 2017 г., считая, что зеленые ограничения наносят ущерб промышленности страны и приведут к банкротству крупнейших американских компаний¹⁶⁹.

Также следует отметить, что Россия и США являются основными игроками в Восточном Средиземноморье, и им следует наладить регулярный диалог по региональной безопасности. Его целью вовсе не обязательно будет поиск решения возникающих проблем, но это позволит сторонам сформировать и изложить свою политику и позицию по соответствующим вопросам. Очевидно, что при проведении диалога целесообразно избегать публичности, он должен проходить на государственном уровне, достаточном для обстоятельного обсуждения. В то же время крайне важно поддерживать постоянные контакты между военными для координации их действий, чтобы минимизировать количество происшествий или инцидентов¹⁷⁰. Кроме того, наличие прямых линий связи между Москвой и Вашингтоном, взаимное оповещение о запусках ракет — всё это играет важную роль в безопасности планеты, поскольку эти российско-американские акции резко уменьшают вероятность того, что цепочка нелепых случайностей приведёт к глобальной войне с применением ядерного оружия¹⁷¹.

К конструктивным направлениям сотрудничества РФ и США можно отнести действия по уничтожению химического оружия в Сирии, где Россия взяла на себя основную часть наземной части операции, а США предоставили специальное судно для осуществления его уничтожения. Совместными дипломатическими усилиями РФ и США было сдвинуто с мертвой точки решение ядерной проблемы КНДР. Москва и Вашингтон оказывают давление на Пхеньян, чтобы он прекратил разработку ядерного оружия. Несмотря на

существующие расхождения, США и Россия продолжают сотрудничество для того, чтобы убедить Иран выполнять взятые на себя обязательства об отказе от разработки ядерного оружия.

Вторая область общих интересов — партнерство в сфере освоения космоса и гуманитарное сотрудничество. На сегодняшний день практически вся пилотируемая космонавтика (кроме китайской программы) держится фактически на сотрудничестве России и США, а инфраструктура подготовки космонавтов и центры управления полётом функционируют в рамках единого процесса¹⁷². Третья сфера — торговое сотрудничество США и РФ в сфере энергоресурсов и редких цветных металлов, которые жизненно необходимы для американской промышленности¹⁷³.

Чтобы ускорить процесс реализации этих направлений сотрудничества, представляющих взаимный интерес обеим державам, необходимо начать перевод их отношений из плоскости «негативной взаимозависимости» в плоскость совместной позитивной программы. Для этого Москве и Вашингтону необходимо начать диалог хотя бы по тем вопросам, по которым можно договариваться. Речь не идет об односторонних уступках, ведь есть немало областей, где договоренности отвечают долгосрочным интересам двух государств. К ним, помимо борьбы с терроризмом, относятся: стратегическая безопасность, реформа структур ООН для повышения эффективности ее деятельности, борьба с распространением ОМУ и средств его доставки, контроль за распространением «критичных» технологий, сотрудничество по вопросам экологии, совместная деятельность в борьбе с международными криминальными структурами, включая наркомафию.

В этой связи возникает необходимость переосмыслить стратегию США и России относительно «силового противостояния друг другу». Необходимо восстановление регулярной работы разных согласительных комиссий и комитетов, регулярных рабочих встреч на всех уровнях, которые, как показывает практика, выступают мощным регулятором партнерства и амортизирующим механизмом, служащим гарантией взаимоотношений двух держав. Эта задача требует длительной и кропотливой работы, результаты которой никогда не будут выглядеть внешне столь же эффективно для международного сообщества, как, например, продление Россией и США в феврале 2021 г. договора СНВ-3¹⁷⁴.

Темп, ориентиры и содержание российско-американского партнерства должны задавать встречи в верхах. Одновременно следовало бы продолжать налаживать контакты на уровне руководителей других национальных ведомств. Особое значение в нынешних условиях приобретает рабочее взаимодействие руководителей спецслужб обеих стран по противодействию международному терроризму. А для экспертной проработки позиций к политическим переговорам целесообразно использовать межведомственную группу по стратегической стабильности. Обоим государствам следовало бы создать сеть рабочих групп по вопросам двустороннего сотрудничества, включая нераспространение ядерного оружия и контроль над передачей этого оружия и технологий двойного назначения третьим странам.

Как отмечает член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова Ф. Войтоловский, «в повестке российско-американских отношений остаются и другие направления, открывающие возможности для выработки совместных шагов. Так, в условиях роста глобальной и региональной нестабильности для развития российско-американского диалога особое значение приобретает сотрудничество между научно-экспертными сообществами России и США, а также дипломатия “второго трека”. Несмотря на санкции и другие ограничения, значительная часть американских ученых, а также научных центров и университетов проявляет готовность и заинтересованность к сохранению связей с российскими научно-исследовательскими организациями и вузами. Ряд американских специалистов в области общественных наук, в том числе профессиональных исследователей России, последовательно выступают за улучшение отношений двух стран в некоторых областях»¹⁷⁵.

Можно назвать и другие области, в которых сотрудничество между Россией и США имеет глубокие корни и востребовано в наши дни. Ведь в условиях острого противостояния с Соединенными Штатами России становится все сложнее реализовывать свои объективные преимущества для развития, ужимается пространство для маневра на международной арене, ограничиваются возможности для доступа к современным технологиям и международным капиталам. Ей также приходится выделять значительные средства на фактически уже развернувшуюся гонку вооружений. И то обстоятельство, что Соединенные Штаты тоже несут определенные потери в своем противостоянии России, едва ли может служить достаточным утешением¹⁷⁶.

Поэтому, чтобы начать длительный процесс восстановления утраченного доверия, двум державам необходимо выработать схему сотрудничества до того, как пересечение их интересов перерастет в открытый конфликт.

Как полагает сотрудник Фонда Карнеги Р. Сокольский, «будет лучше, если на этом пути США сконцентрируются на небольших и прагматичных шагах, а не на глобальных целях. Насколько удастся реализовать возможности, которые появятся вместе со схемой сотрудничества, будет зависеть от глав государств — их лидерских качеств, воли, планов — и от того, смогут ли они преодолеть стену взаимного недоверия и сопротивление своих граждан и политиков»¹⁷⁷. По его мнению, «для безопасности в Европе самые опасные районы — Прибалтика и Черное море, где силы НАТО и России действуют в непосредственной близости друг от друга. К концу следующего десятилетия, если не раньше, и Альянс, и Россия должны по взаимному согласию занять сдерживающие и оборонительные позиции в обоих регионах, чтобы исключить вероятность столкновения или максимально ее уменьшить. Для этого необходимо восстановление определенной степени доверия, как бы утопично это ни звучало. Один из способов — возобновление на высшем уровне серьезного стратегического диалога, который в первую очередь должен быть ориентирован на создание системы взаимной безопасности в Евро-Атлантическом регионе»¹⁷⁸. Однако на сегодняшний момент приходится констатировать, что перечисленные направления улучшения российско-американских отношений пока не реализованы и в ближайшем будущем вряд ли будут.

Подводя итоги анализа факторов за восстановление российско-американских отношений, можно прийти к следующим *выводам*.

Во-первых, существует множество направлений для восстановления российско-американского сотрудничества, основу которых составляет совпадение национальных интересов России и США. К ним можно отнести международный терроризм, опасность распространения ОМП и средств его доставки, наркопроизводство и распространение наркотиков, глобальные и региональные экологические проблемы, сотрудничество в освоении космического пространства и т. д. Поэтому для восстановления российско-американского сотрудничества в этих областях Москве и Вашингтону было бы целесообразно постоянно консультироваться для выработки инициатив, отвечающих их общим интересам. Для этого Россия и Соединенные Штаты должны перешагнуть через барьеры существующих стереотипов в восприятии друг друга и сосредоточиться на реальных общих угрозах, которые уже существуют.

В-вторых, в современных условиях на этом пути существует, однако, множество преград, главным образом связанных с политикой и стратегией США по отношению к России. При этом антироссийские санкции обрели в США силу закона и не будут отменены Байденом в течение его президентского срока из-за устойчивых антироссийских отношений в органах законодательной и исполнительной власти. И пока трудно спрогнозировать, как поведет себя новая администрация Белого дома в области восстановления двусторонних отношений с Россией в более отдаленной перспективе.

4.10. Направления сотрудничества США, Китая и России по противодействию общим угрозам

Общие угрозы национальным интересам России, США и Китая в XXI в.

Для современных угроз акторам «стратегического треугольника» РФ—США—КНР характерна их возрастающая сложность, обусловленная усложнением технологических, финансовых и политических взаимосвязей в социально-экономических системах и трудно предсказуемыми новыми комбинациями параметров риска угроз и масштабов их последствий. Они все больше превращаются в самоподдерживающийся процесс неопределенностей причинно-следственных связей, которыми трудно управлять.

К геополитическим угрозам национальным интересам России, США и Китая можно отнести терроризм, воинствующий сепаратизм и экстремизм, нарушение режима ядерного нераспространения, региональные конфликты и локальные войны, нелегальное производство и торговлю оружием, деградацию окружающей среды, проблемы демографии и нелегальной миграции¹⁷⁹.

В настоящий момент наиболее острой проблемой не только для акторов стратегического треугольника, но и для всего мирового сообщества является

проблема международного терроризма, который распространился на большинство регионов планеты.

Террористические удары по Нью-Йорку и Вашингтону, нанесенные исламистами 11 сентября 2001 г., стали поворотным пунктом в развитии проблематики безопасности международного сообщества. Исламский радикализм и экстремизм, взявший на вооружение терроризм и выведший его на глобальный уровень, стали восприниматься во всем мире как главная угроза международной безопасности. Для ее ликвидации образовалась широкая антитеррористическая коалиция, объединившая страны Запада, Россию, Китай, а также многие другие государства мира. При этом поиск путей эффективного противодействия терроризму и нейтрализации социально-экономических, политических и идеологических факторов, его порождающих, стал главным направлением исследований в сфере международной безопасности.

Нарушение режима ядерного нераспространения также является серьезной геополитической угрозой. И если в XX в. обладание ядерным оружием было привилегией развитых в военно-технологическом отношении государств, то в XXI в. намечается обратная тенденция. Этим оружием стремятся овладеть относительно слабые государства в качестве своего основного военно-стратегического ресурса, например Северная Корея. Поэтому для общепризнанного международным сообществом «клуба» ядерных держав (США, РФ, КНР, Великобритания и Франция) важнейшее значение приобрели вопросы нераспространения оружия массового уничтожения, а также ракетных и других критически важных военных технологий.

В связи с сохранением на планете очагов локальных войн и военных конфликтов центр тяжести проблематики международной безопасности сместился от отношений сверхдержав и возглавляемых ими коалиций на отношения внутри нестабильных стран и территорий, возникших в результате распада ряда государств в Юго-Восточной Европе, в Азии, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Для ликвидации там очагов войны актуальной темой стало миротворчество — от традиционных операций ООН по поддержанию мира до усилий по восстановлению мира и принуждения к нему. А необходимость обеспечения постконфликтного урегулирования обусловила международную помощь в становлении новых государств. Все эти усилия осуществлялись, как правило, на коллективной основе, на основе мандата ООН. Однако международные миротворческие коалиции не долго просуществовали в широком формате.

Если операция многонациональных миротворческих сил на Балканах, а затем в Афганистане была активно поддержана практически всеми государствами, то вторжение США и их союзников в Ирак, Ливию и Сирию произошло без мандата СБ ООН¹⁸⁰.

В перспективе вполне реально возникновение новых локальных войн и военных конфликтов, ведущихся на относительно ограниченной территории с использованием сравнительно малочисленных вооруженных сил слабо насыщенных военной техникой. Так, в 2020 г. мир стал свидетелем войны в Сирии и возобновления боевых действий между вооруженными силами Азер-

байджана и Армении из-за спорных территорий Нагорного Карабаха. К нему можно добавить незатухающий конфликт между Израилем и Ливаном и др.

Деградация окружающей среды непосредственно влияет не только на национальные интересы России, США и Китая, но и на жизнедеятельность всего населения планеты, а потому она представляет серьезную геополитическую угрозу. Она включает глобальное потепление, истощение озонового слоя, загрязнение морей, истребление лесов, опустынивание, истощение почвы, перенаселенность и проблемы нехватки продовольствия, кислотные осадки, угроза ядерной катастрофы, глобальное снижение биоразнообразия, опасные отходы и т. д. И хотя в современном мире постепенно возрастает понимание экологической взаимозависимости стран мира, необходимость ликвидации этих угроз совместными усилиями укоренилась не прочно в политике ряда государств.

Быстрый рост населения на планете порождает социально-экономические проблемы, которые оказывают влияние на геополитическую картину мира. По прогнозам ООН, в 2030 г. население составит 8,5 млрд человек. При этом усилится демографический дисбаланс между «богатыми» государствами Европы и США и более «бедными» странами Азии, Африки и Латинской Америки. Ожидается, что в ближайшей перспективе население в возрасте до 30 лет составит: в Азии — 47 %, на Ближнем Востоке и в Северной Африке — 57 %, в зоне к югу от Сахары — 70 %. В то же время в США этот контингент будет составлять 42 %, а в Европе — 31 %¹⁸¹. Многократно возросшая в последние десятилетия неконтролируемая миграция из бедных стран мира создает дополнительную нагрузку на социальную сферу в развитых странах и приводит к формированию социально-культурных анклавов, бросающих вызов ценностям принимающего миграционные потоки общества.

А развитие трансграничных связей создает возможности для формирования трансграничных преступных сообществ, занимающихся отмыванием денег и тайной торговлей людьми, наркотиками и оружием, и оказывается тесно связанным с другими глобальными угрозами, в том числе международным терроризмом. При этом политические разногласия и противоположности интересов отдельных государств препятствуют эффективному противодействию этой угрозе.

Также следует отметить, что развитие средств передвижения делает современные общества более уязвимыми по отношению к различного рода эпидемиям. В настоящее время угроза трансграничной пандемии коронавируса является современной «чумой для человечества», в связи с чем снижение «болевого порога» современных обществ заставляет правительства России и Китая заботиться о медицинской безопасности в самых отдаленных точках мира, купируя распространение этой эпидемии.

В современных условиях все более тесное переплетение внутривнутриполитических проблем с внешнеполитическими — в том числе в аспекте безопасности — привело к возрастанию роли идеологического фактора и новейших коммуникационных технологий. «Цветные революции» в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии в 2000—2005 гг., а затем события

«арабской весны» 2011—2012 гг. и «майданная революция» на Украине 2013—2014 гг. стали возможными во многом вследствие применения протестными силами социальных сетей. В Грузии, Сирии, Ливии и на Украине внутриполитические процессы привели к войнам с участием внешних сил.

Технологический прогресс создает новую сферу цифровых коммуникаций, которая стала полем не только сотрудничества и взаимодействия, но и источником новых угроз. Зависимость всех современных обществ от информационных технологий заставляет развитые страны искать методы противодействия различным киберугрозам и одновременно разрабатывать способы ведения информационной борьбы против своих противников. Речь идет не только о возможностях, но о реальных фактах противоборства государств в киберпространстве¹⁸².

И хотя для акторов стратегического треугольника эти угрозы представляют реальную опасность, каждый из них предпочитает действовать самостоятельно либо во взаимодействии с другими странами, ограничиваясь борьбой с этими угрозами на своей территории и в тех сферах, где присутствуют их национальные интересы. Тем не менее в области борьбы с международным терроризмом США, Россия и Китай действуют под эгидой ООН и постоянно совершенствуют свои национальные структуры, предназначенные для борьбы с этим явлением.

Структуры США, РФ и КНР, предназначенные для борьбы с терроризмом

Несмотря на то, что с момента теракта 11 сентября 2001 г. прошло более 20 лет, высокий уровень террористической активности исламских радикалов в различных частях света продолжает указывать на наличие серьезной угрозы со стороны экстремистов для многих стран мира, в том числе для США, России и Китая. Поэтому это одна из ключевых областей трехсторонних связей в рамках ООН, уступающая по значимости только проблемам ядерной безопасности и контроля над вооружениями¹⁸³. На решение этой задачи как в России и Китае, так и в США направлены усилия соответствующих структурных подразделений государственного аппарата, работа которых заключается в актуализации информации, касающейся террористической угрозы, и обеспечении международного сотрудничества по этой проблематике.

Так, в *Соединенных Штатах* в 2004 г. был создан Национальный контртеррористический центр. В широком смысле деятельность этого центра представляет собой подобие мозгового треста. Для совместной борьбы с международным терроризмом в Госдепартаменте США есть должность координатора по контртерроризму, в обязанности которого входит укрепление партнерства с неправительственными многоцелевыми организациями и иностранными государствами с целью координации антитеррористических усилий, что способствует защищенности территории Соединенных Штатов. Ему также отводится ведущая роль при стратегическом планировании контртеррористических миссий США за рубежом, он участвует в подготовке ежегодного доклада госсекретаря по терроризму, который представляется в Конгресс США.

В России взамен существовавшей с 2002 г. Федеральной антитеррористической комиссии по указу президента в 2006 г. был создан Национальный антитеррористический комитет (НАК), благодаря эффективной работе которого впоследствии на территории страны не было допущено масштабных терактов¹⁸⁴. Важную роль в международном сотрудничестве по антитеррористической проблематике играет представитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью, который регулярно представляет позицию России по борьбе с терроризмом на международных конференциях.

После теракта 11 сентября правительство *Китая* стало принимать активное участие в международных коалиционных действиях против террористов, что значительно повысило международный статус КНР и способствовало улучшению ее отношений с США и Россией¹⁸⁵. При этом позиции китайского и российского правительств в вопросах борьбы с терроризмом совпадают и носят принципиальный характер. РФ и КНР считают, что военными средствами проблему терроризма не решить и выбить почву из-под ног международного терроризма можно лишь путем действенной борьбы с бедностью, разрешением региональных конфликтов, обеспечением поступательного развития. Борясь с терроризмом, необходимо руководствоваться целями и принципами Устава ООН и другими нормами международного права; в вопросах борьбы с терроризмом должен быть единый подход и отсутствие двойных стандартов. Осуждая и нанося удары по внутреннему или международному терроризму в том или ином его проявлении, нельзя одновременно попустительствовать или поддерживать терроризм в других странах или в других формах¹⁸⁶.

Такая активная позиция КНР в борьбе против терроризма не случайна. Раскольнические элементы в Китае и за его пределами, подстрекаемые и поддерживаемые международным панисламизмом и пантюркизмом, а также западными державами, никогда не прекращали свою преступную деятельность, направленную на раскол страны. Для этого они за рубежом создают в ряде стран свои организации и пытаются сформировать «правительства в изгнании», чтобы с их помощью из заграницы создать на территории Китая «Восточно-Туркестанскую республику».

Особенно это касается деятельности террористических сил «Восточного Туркестана», которые состоят из большого числа организаций, полуподпольных партий, ассоциаций и т. д. В 1995—2000 гг. структуры этой организации провели более 300 террористических актов в Синьцзяне, в результате которых погибли свыше 100 человек и более 300 человек получили ранения, серьезный урон был нанесен развитию экономики СУАР. Помимо этого, существует порядка 40 организаций как в Китае, так и за его пределами, которые находятся на полуполюгальном положении. Они нестабильны в организационном плане и принимают различные формы, однако их общими чертами являются экстремизм и религиозная направленность. Часть их лагерей находится в труднодоступных районах на юге СУАР. Следует добавить, что «уйгурский вопрос» и связанные с ним обвинения в адрес Пекина со стороны 46-го пре-

зидента США стали проявляться более активно. Так, 10 февраля 2021 г. Джо Байден провел первый телефонный разговор с председателем КНР Си Цзиньпином, в котором он выразил обеспокоенность относительно «принудительных и нечестных экономических действий Пекина», а также ситуации в Гонконге, СУАР и на Тайване¹⁸⁷.

Что касается российско-американских отношений, то начиная с 2014 г. основные институциональные механизмы их сотрудничества были свернуты или заморожены Соединенными Штатами в ответ на действия России на Украине. Была прекращена деятельность двух рабочих групп по терроризму под эгидой двусторонней Президентской комиссии: одной — по линии МИД, другой — в составе руководителей спецслужб обеих стран. Та же участь постигла взаимодействие России с США и другими западными странами в рамках таких многосторонних форматов, как Совет Россия — НАТО и Группа контртеррористических действий «Большой восьмерки».

При этом особенно серьезный внешнеполитический вызов как для США, так и для России представляет ИГИЛ как идеологический вызов и катализатор вооруженного исламистского экстремизма, в связи с чем Москва и Вашингтон выражают обоюдную обеспокоенность транснациональными потоками боевиков в Сирию и Ирак и перспективой их возврата. Для России эта проблема стоит намного острее, чем для США. По данным на сентябрь 2015 г., лишь 21 гражданину США удалось добраться до Сирии и Ирака и вступить в ряды ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры», что гораздо меньше по сравнению с 2900 боевиками из России.

Поэтому Россия с начала XXI в. систематически занимала гораздо более высокие места в Глобальном индексе терроризма, чем США (так, по данным за 2002—2011 гг., Россия входила в первую десятку стран мира по уровню террористической активности, заняв в ней 9-е место. Потом она опустилась: сначала на 11-е место¹⁸⁸, а затем на 23-е¹⁸⁹).

Такие высокие показатели контрастировали с соответствующими показателями Глобального индекса терроризма для США, которые занимали в нем лишь 41-е место за период 2002—2011 гг. Однако в последнее время этот разрыв сокращается, а соответствующий общий уровень террористической угрозы на территории России и США становится более сопоставимым. Согласно Глобальному индексу за 2000—2015 гг., РФ по уровню террористической активности занимала 30-е место, а США — 36-е (рис. 4.10.1).

Следует также учитывать, что США имеют гораздо более широкие глобальные интересы и их присутствие в мире больше, чем России, что чаще делает американские объекты и граждан за рубежом мишенью транснациональных террористических сетей. Поэтому потенциальная угроза для США со стороны международного терроризма сильнее, а ее масштаб и охват — шире, чем для России.

На фоне замораживания российско-американских отношений в области совместной борьбы с терроризмом усиливается координация Москвы и Пекина в антитеррористической борьбе, в целях создания единого антитеррористического фронта под эгидой ООН. В дальнейшем стороны намерены про-

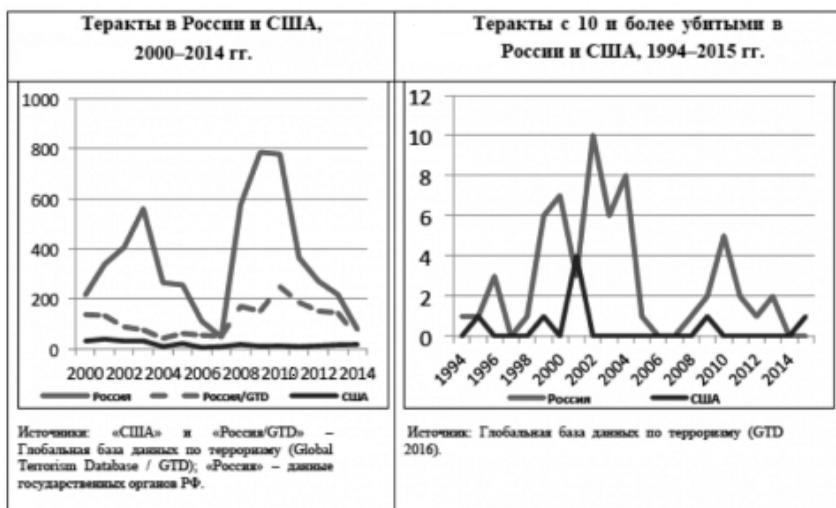

Рис. 4.10.1. Источник: URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1926030-echo/>

двигать разработки международных норм деятельности в киберпространстве и содействовать реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата, а также поддерживать механизм ООН по вопросам прав человека, увеличивая его вклад в обеспечение этих прав в развивающихся странах.

Москва и Пекин намерены также продвигать создание многостороннего механизма по обеспечению безопасности действий в космосе в рамках ООН и усиливать международное управление борьбой с коррупцией, поддерживать международное антикоррупционное сотрудничество на основе соответствующей конвенции ООН¹⁹⁰.

В целом обеспечение национальной и международной безопасности — задача номер один для китайского и российского правительств. Это не только терроризм и экстремизм, но устранение угроз для национальных интересов КНР и РФ со стороны трансграничной преступности и наркопроизводства (по статистике, потребление героина в Китае занимает 10 % мирового потребления этого наркотика, а в России — 20 %). Для российско-китайского тандема в сфере безопасности появились новые вызовы, такие как рост морского пиратства, а также увеличение частоты и масштаба техногенных катастроф.

Сохраняют свою важность совместные усилия РФ и КНР по развитию международного сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС. Серьезные вызовы для неё связаны и с тем, что западная коалиция во главе с США за 10 лет так и не смогла решить коренные проблемы безопасности в Афганистане.

В ближайшем будущем Китай имеет все шансы занять лидирующие позиции в мировой экономике, научно-техническом развитии, а также в сфере

инноваций, оттеснив с этих позиций США. Свидетельством тому является то, что, в отличие от большинства крупных государств, чья экономика во время пандемии коронавируса в 2020—2021 гг. сильно пострадала, экономика КНР остается в плюсе. Предложенная Китаем модель международных отношений также становится всё привлекательнее. В ней нет места порокам глобализма с его неравенством, растущей конфронтацией, мировой экспансией западных держав¹⁹¹.

Возможные направления трехстороннего сотрудничества РФ, США и КНР

К сожалению, в новейшей истории пока нет примеров эффективного трехстороннего сотрудничества России, США и Китая в рамках стратегического треугольника. Скорее наоборот, эти страны в прошлом веке часто выступали по «разную сторону баррикад». Например, во время войны на Корейском полуострове Москва и Пекин поддерживали Пхеньян, а Вашингтон — Сеул в их военном противостоянии друг другу. То же самое наблюдалось во время войны во Вьетнаме, где Россия и Китай были на стороне Северного Вьетнама, а США — на стороне Южного. В немалой степени это было связано с идеологическим и военным противостоянием этих держав и игнорированием ими главенствующей роли ООН в сфере обеспечения глобальной и региональной безопасности. И пока не налажены форматы трехстороннего сотрудничества, Россия, Китай и США могут и должны продвигаться, по крайней мере, хотя бы по трем направлениям в области противодействия терроризму и экстремизму.

Первое из них — выход за рамки заикленности предыдущих форматов, основанных преимущественно на силовом контртерроризме, в сторону повышения внимания к предотвращению насильственного экстремизма и радикализации населения. Потребность в таком расширении трехсторонних контактов и будущих форматов сотрудничества отражает растущую необходимость как для России, так и для Китая и США адекватно противостоять этим вызовам, вдохновленным праворадикальными транснациональными идеологиями экстремистов и сетью Интернет, которую они активно используют. Среди полезных практик в этой области весьма важен обмен информацией и опытом: специализированные программы противодействия радикализации молодежи, разработка антиэкстремистских и идеологических посылов, ограничение возможностей пропаганды и вербовки экстремистами сторонников посредством социальных сетей. Примером такого взаимодействия является ШОС, где в рамках Регионального антитеррористического центра Россия и Китай тесно взаимодействуют.

В плане извлечения уроков из области противодействия экстремизму сильной стороной американской модели является ее особый упор на роль муниципальной полиции и вовлечение органов местного самоуправления, местных сообществ, представителей и институтов гражданского общества. Поэтому Китаю и России имеет смысл внимательно присмотреться к опыту США по профилактике борьбы с экстремизмом и избирательно позаимствовать некоторые элементы этого опыта. Главное преимущество России и Ки-

тая по отношению к Соединенным Штатам состоит в их многовековом опыте тесного совместного проживания и взаимодействия с многомиллионным коренным мусульманским населением, хотя в последние годы у российских властей растет озабоченность возможной радикализацией среди мусульман-мигрантов, особенно из Средней Азии, а также возврата на территорию страны ее граждан — радикальных экстремистов, которые воевали на стороне ИГИЛ в локальных военных конфликтах на Ближнем Востоке. Аналогическую озабоченность проявляет и руководство Китая, особенно в части, касающейся региона СУАР.

Вторым направлением является активизация их сотрудничества по конкретным региональным проблемам, представляющим взаимную озабоченность. Спектр таких проблем — от специфических вопросов и инцидентов в сфере безопасности, требующих срочных прямых контактов между спецслужбами, предоставления разведанных и обмена ими, до крупных региональных вооруженных конфликтов вроде Сирии и Афганистана. Среди примеров функционально-технических контактов — предоставление России разведанных ФБР о террористической атаке на российский пассажирский самолет над Синаем в 2015 г. и консультирование российских спецслужб по поводу обеспечения безопасности в 2018 г. в России чемпионата мира по футболу. В более широком международном плане США, Китай и Россия — это те державы, которые лучше всего способны обеспечить, чтобы иракско-сирийский и афгано-пакистанский контексты оставались приоритетами глобальной антитеррористической повестки дня, а Китай может внести существенный вклад в стабилизацию обстановки в Афганистане. Эти страны в рамках их возможной коалиции должны служить примерами активизации многосторонних усилий по поиску путей реального урегулирования этих конфликтов как долгосрочной глобальной стратегии по сокращению и предотвращению терроризма. Существующие конфликтные зоны в мире являются плацдармом для развязывания региональных конфликтов и гражданских войн в ослабленных и полуразвалившихся государствах. Именно на них приходится до 2/3 всей террористической активности в мире, в связи с чем разрешение сложных вопросов, таких как в сирийском и афганском контекстах и за их рамками, вряд ли может быть найдено в отсутствие совместных усилий США, Китая и России. Их опыт совместного решения острых региональных и других проблем, представляющих взаимный интерес, может не только способствовать общему улучшению российско-американских и американо-китайских отношений, но стать основой для восстановления, совершенствования и создания более тесных механизмов совместного сотрудничества в области противодействия террористическим угрозам и сепаратизму на планете.

Третьим направлением является проведение совместных миротворческих акций под эгидой ООН для прекращения локальных межгосударственных военных конфликтов, которых, к сожалению, еще достаточно в разных регионах мира. Преодолев непосредственную угрозу глобальной войны, мировое сообщество столкнулось с опасностью возникновения и разрастания непредсказуемых по своим последствиям и трудно контролируемых вооруженных

конфликтов на межэтнической и конфессиональной почве в различных регионах мира. Их предупреждение, локализация и прекращение становятся проблемой XXI в., и реалии современного мира таковы, что проблемы предотвращения и урегулирования таких конфликтов выступают на первый план в политике России, Китая и США, так как поддержание мира и стабильности на глобальном и региональном уровнях является неотъемлемым условием равноправного сосуществования и гармоничного развития всех государств¹⁹².

Главным органом по предотвращению и урегулированию конфликтов продолжает оставаться ООН. Однако в последние годы все четче обозначается тенденция смещения центра тяжести усилий по обеспечению безопасности с глобального на региональный уровень. ООН наряду с собственной деятельностью по разрешению многих конфликтных ситуаций все чаще привлекает региональные организации для проведения операций по установлению и поддержанию мира. Ярким примером этого являются миротворческие операции многонациональных сил на территории бывшей Югославии и в Афганистане.

Особого внимания в этой связи заслуживают усилия Европейского союза по созданию собственного европейского миротворческого потенциала. Необходимо только, чтобы этот вновь создаваемый потенциал оставался в русле миротворческих усилий ООН, а не эволюционировал по направлению к злоупотреблению военным вмешательством, характерному для миротворчества НАТО.

Анализ опыта международной миротворческой деятельности позволяет выявить некоторые тенденции современного миротворческого процесса, которые в общих чертах можно сформулировать следующим образом:

- миротворчество начинает оказывать воздействие на развитие положений военных доктрин, отражая новые подходы к применению вооруженных сил в войнах и вооруженных конфликтах;
- в миротворческой деятельности происходит смещение акцентов к операциям по принуждению к миру;
- упрочивается тенденция передачи полномочий по урегулированию региональных кризисов от ООН к военно-политическому союзу или коалиции во главе с государством-лидером;
- миротворческие операции становятся все более комплексными и многокомпонентными;
- безусловно, положительным может считаться тот факт, что коллективное миротворчество выступает катализатором развития сотрудничества государств в военной и политической области.

Наряду с этим миротворческие операции, в том числе и те, в которых участвовала и участвует Россия, выявили целый комплекс проблем различного характера, которые требуют своего решения. В военной области серьезные трудности вызывают, в частности, проблемы совместимости систем управления национальными контингентами в рамках многонациональных сил и различия в уровне и требованиях к подготовке личного состава, вооружения и военной техники, в оперативно-тактических нормативах.

В политической дает о себе знать отсутствие единой системы международного мониторинга военно-политической обстановки в кризисных точках, что приводит к неспособности своевременно предотвращать развязывание локальных конфликтов, делает превентивные меры со стороны мирового сообщества малоэффективными.

Просчеты в политическом урегулировании, допускаемые участниками миротворческого процесса, приводят к разрыву между выполнением военной части мирных соглашений и реализацией политических, социально-экономических и административных процессов. Это вызывает постоянное продление мандата миротворческих сил (МС), влечет за собой неоправданные людские потери, увеличивает расход материальных и финансовых средств на проведение операции.

В этой связи российские подходы к вопросу дальнейшего совершенствования совместного миротворчества разных стран в XXI в. состоят в следующем:

- укрепление структур Секретариата ООН, занимающихся проблемами поддержания мира и военными вопросами;
- создание «резервных сил» ООН, предоставляемых правительствами государств-участников в каждом конкретном случае в распоряжение ООН для осуществления операций по поддержанию мира (ОПМ);
- включение в национальные программы подготовки военного и гражданского персонала вопросов, относящихся к проведению операций по поддержанию мира;
- совершенствование стандартизированных процедур в целях взаимодействия сил различных государств;
- тесная связь ОПМ с задачами содействия политическому процессу и мирному разрешению спора;
- четкая определенность мандата, длительности и условий прекращения операции;
- наличие адекватных ресурсов и финансирования;
- риск для миротворческого персонала должен быть заблаговременно всесторонне взвешен и признан минимальным;
- неотъемлемое право миротворческих сил на оборону;
- состав объединенной командной структуры МС должен адекватно отражать численность и роль национальных контингентов, участвующих в данной ОПМ;
- возможность контроля со стороны национального и военного руководства¹⁹³.

Что касается других направлений сотрудничества России, США и Китая в областях, представляющих угрозу не только их национальным интересам, но и всей системе глобальной безопасности, то и здесь ситуация выглядит не лучшим образом. Это касается и системы ограничения стратегических наступательных вооружений, и распространения оружия массового поражения на планете, и ограничения вывода оружия в космическое пространство, и совместных миротворческих операций для прекращения локальных конфликтов.

Основная вина за это лежит на руководстве Соединенных Штатов, которое по-прежнему считает себя «нацией № 1», а другие субъекты международных отношений, в том числе Россию и Китай, должными безоговорочно подчиняться им. Пока в менталитете американских властей не произойдет сдвига в сторону осознания реалий современного мира, эта ситуация в лучшую сторону не изменится.

Завершая анализ основных направлений сотрудничества США, Китая и России по противодействию общим угрозам, можно констатировать *следующее*.

Во-первых, к общим геополитическим угрозам национальным интересам России, США и Китая можно отнести терроризм, современные конфликты и локальные войны, нарушение режима ядерного нераспространения, нелегальное производство и торговлю оружием, деградацию окружающей среды, проблемы демографии и глобальную незаконную миграцию. Однако в настоящее время разногласия между Россией и Китаем, с одной стороны, а США — с другой, по многим принципиальным и второстепенным вопросам глобальной и региональной безопасности носят долговременный характер и проистекают из фундаментальных различий между государственно-политическими системами, культурами, системами ценностей, историческим опытом, национальными интересами и глобальной ролью этих стран, которые, очевидно, сохранятся в ближайшем будущем.

Во-вторых, хотя для акторов стратегического треугольника эти угрозы представляют реальную опасность, каждый из них предпочитает действовать самостоятельно либо в тандеме с другими странами, ограничиваясь борьбой с этими угрозами на своей территории и в тех сферах, где присутствуют их национальные интересы. Тем не менее в области борьбы с такими международными явлениями, как терроризм и прекращение локальных межгосударственных военных конфликтов, США, Россия и Китай действуют под эгидой ООН и постоянно совершенствуют свои национальные структуры, предназначенные для борьбы с этими явлениями. Для этого в России, США и Китае созданы и успешно функционируют соответствующие госструктуры. Их состав и функции различаются, но в целом они преследуют одну и ту же цель — искоренить терроризм и экстремизм не только на своей территории, но в зоне национальных интересов в регионах мира.

В-третьих, анализ взаимоотношений между Россией и КНР по противодействию общим угрозам показывает, что основными направлениями их развития являются: укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества по линии ШОС, превращение ее в наиболее влиятельный международный институт; сотрудничество в рамках Региональной антитеррористической структуры и придание нового импульса укреплению договорно-правовой базы; насыщение антитеррористического взаимодействия практическим содержанием, что обеспечивает успешное решение вопросов военной безопасности на рубежах обеих стран; сотрудничество под эгидой ООН, направленное на противодействие терроризму, незаконному обороту наркотиков и трансграничной организованной преступности; участие в развитии архи-

тектуры международных институтов по предотвращению распространения ядерного оружия, созданию глобальных и региональных систем ПРО, направленных против России и Китая; усиление взаимодействия по вопросам безопасности в рамках БРИКС и РИК, АТЭС, АСЕАН по направлениям, представляющим общий интерес для членов этих организаций.

В-четвертых, нынешние взаимоотношения между Россией и США подтверждает теорию маятникового движения, при которой они находятся либо в условиях холодной войны, либо объединяют свои усилия для ликвидации общих угроз их национальным интересам. Поэтому следует ожидать, что в среднесрочной перспективе российско-американские отношения начнут движение от нынешней замороженной конфронтации в сторону их потепления. Чтобы ускорить этот процесс обеим державам необходимо начать перевод их взаимоотношений из плоскости отчуждения в плоскость совместной позитивной программы. Для этого Москве и Вашингтону уже сейчас необходимо начинать диалог хотя бы по тем вопросам, по которым можно договариваться: о стратегической стабильности; о реформе структур ООН для повышения эффективности ее деятельности; борьбе с распространением ОМУ и средств его доставки; о контроле за распространением «критичных» технологий; о сотрудничестве по вопросам экологии и совместном мирном освоении космоса; об объединении усилий в борьбе с международными криминогенными структурами, включая наркомафию.

В-пятых, основой позитивного сценария развития российско-американских отношений может стать выработка «кодекса российско-американского поведения» по ряду направлений: возобновление переговоров по проблемам региональной безопасности, которые можно решить сообща; начало диалога по контролю над вооружениями между НАТО и ОДКБ; установление взаимных обязательств на случай конфликта с третьими странами. Реализация этих мер создаст необходимую позитивную повестку для отношений Москвы и Вашингтона.

В-шестых, пока не налажены форматы трехстороннего сотрудничества, Россия, Китай и США в рамках противодействия общим угрозам могут продвигаться по двум направлениям в области противодействия терроризму и экстремизму. Первое из них — выход за рамки заикленности предыдущих форматов, основанных преимущественно на силовом контртерроризме, в сторону повышения внимания к предотвращению насильственного экстремизма и радикализации населения. Это отражает растущую необходимость — как для России, так для Китая и США — адекватно противостоять этим вызовам их национальным интересам. Вторым направлением является активизация их сотрудничества по конкретным региональным проблемам, представляющим взаимную озабоченность. Спектр таких проблем — от специфических вопросов и инцидентов в сфере безопасности, требующих срочных прямых контактов между спецслужбами, предоставления разведанных и обмена ими, до ликвидации/нейтрализации крупных региональных вооруженных конфликтов вроде сирийского или афганского.

Примечания

¹ Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел Китая, России, Индии и Бразилии URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-05/17/content_634270.htm.

² Теория многополярности и образ многополярного мира во внешнеполитических доктринах стран БРИКС. URL: <http://lawinrussia.ru/content/teoriya-mnogopolyarnosti-i-obraz-mnogopolyarnogo-mira-vo-vneshnepoliticheskikh-doktrinah>

³ Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders. Yekaterinburg, Russia, June 16, 2009. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/090616-leaders.html>

⁴ Совместное заявление глав государств и правительств стран — участниц Второго саммита БРИК «Россия в БРИКС». URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/8V8AE397B54634E7C325780900468661>

⁵ Декларация по итогам саммита БРИКС «Россия в БРИКС» URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A>

⁶ Делийская декларация (принята по итогам IV саммита БРИКС «Россия в БРИКС» URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6>

⁷ *Лузянин С.Г.* Россия в БРИКС. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/>

⁸ Immanuel Wallerstein, Precipitate Decline: The Advent of Multipolarity URL: <http://www.iwallerstein.com/precipitate-decline-the-advent-of-multipolarity>

⁹ *Портяков В.Я.* Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/vector/videniye_mnogopolyarnosti_v_rossii_i_kitaje_i_mezhdunarodnye_vyzovy_2013-08-31.htm.

¹⁰ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/10168>.

¹¹ Концепция национальной безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.

¹² *Мельвиль А.Ю.* Политический атлас современности. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y04_2011/

¹³ *Грачиков Е.Н.* Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность. URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/1474/>.

¹⁴ Пять принципов внешней политики Российской Федерации. URL: <http://prima.media.ru/news/politics/01.09.2008/79645/pyat-printsipov-vneshney-politiki-rossiyskoj-federatsii.html>

¹⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/424

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F

¹⁷ *Шевырев И.* Внешняя политика Китая: контуры китайского миропорядка. URL: <http://www.dipcomment.com/news.php?Ids=94>

¹⁸ Делегация Африканского союза во главе с президентом ЮАР отправится в Ливию для установления мира. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/04/09/n_1785749.shtml

¹⁹ White paper on South African foreign policy — building a better world. URL: <http://www.safpi.org/publications/white-paper-south-african-foreign-policy-building-better-world-diplomacy->

²⁰ Володин А.Г. Заметки о внешней политике Индии. URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2012/07/21/sui-generis-zametki-o-vneshnej-politike-indii-15626.html>

²¹ Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order, adopted in Moscow on 23 April 1997. Letter dated 15 May 1997 from the Permanent Representatives of China and the Russian Federation to the United Nations addressed to the Secretary-General, Distr. GENERAL A/52/153, S/1997/384, 20 May 1997.

²² *Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Издательство Московского университета, 2014. 316 с.

²³ *Примаков Е.М.* Мир без сверхдержав, 2 сентября 2003. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1560

²⁴ *Примаков Е.М.* Мир без сверхдержав, 2 сентября 2003. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1560

²⁵ *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября. М. 2002. С. 155.

²⁶ *Бондарь А., Примаков Е.* Мир будет многополярным. URL: <http://www.stoletie.ru/ekskluziv/primakov>

²⁷ *Никонов Я.И.* Компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 145.

²⁸ *Дугин А.Г.* Евразийская миссия. Международное евразийское движение, М., 2005. С. 11.

²⁹ *Мартынов Б.* Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. Том 7. Номер 3 (21). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first.htm>

³⁰ *Рогов С.М.* Россия и США: Уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2006. № 1.

³¹ *Морозов Ю.В.* Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ—США—КНР». М.: ИДВ РАН, 2020. 488 с.

³² Роль России в мобилизации отпора вызову международного терроризма и экстремизма, в противодействии другим новым вызовам и угрозам. URL: <http://www.mid.ru/>

³³ Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902047973>

³⁴ Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 г. URL: <http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/36809/2178.pdf>

³⁵ Резолюции Совета Безопасности ООН 2015 г. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015>.

³⁶ Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900371>

³⁷ Конвенция о психотропных веществах. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091/

³⁸ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092/

³⁹ Совместное заявление государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 72-й сессии ГА ООН «О противодействии международному терроризму». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/

⁴⁰ Решение Совета коллективной безопасности организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=75098

⁴¹ Продвижение российских инициатив в области обеспечения международной информации. URL: https://studme.org/78414/pravo/prodvizhenie_rossijskih_initsiativ_oblasti_obespecheniya_mezhdunarodnoy

⁴² Мягкая сила Владимира Путина Независимая газета от 10 июля 2012 г. URL: http://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html

⁴³ «Мягкая сила» во внешней политике РФ — величина, практически отсутствующая. URL: Electorat.info

⁴⁴ России нужна «мягкая сила». Выступления участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству 31 октября 2012 г. Российская газета от 01.11.2012.

⁴⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 12 февраля 2013 г. Официальный сайт МИД РФ.

⁴⁶ Россотрудничество является элементом «мягкой силы». Интервью с А.Г. Чесновым // Радио «Голос России». 26 марта 2012.

⁴⁷ «Мягкую силу» снабжают средствами. Коммерсантъ от 05.05.2013.

⁴⁸ Выступление С.В. Лаврова на юбилейной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию СВОП, Москва, 1 декабря 2012 г. Официальный сайт МИД РФ.

⁴⁹ Указ Президента РФ от 8 мая 2013 г № 476. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/>

⁵⁰ *Матвейчев О.А.* «Сверхоружие» в области «мягкой силы» Независимая газета от 10.02.2014.

⁵¹ *Русаков В.М., Русакова О.Ф.* Реализация технологий «мягкой силы» во внешней политике России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-tehnologiy-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-rossii>

⁵² Выступление и ответы на вопросы С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 18 декабря 2013 г.

⁵³ *Резгенова Д.* Исторический опыт стратегичности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. URL: <http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoRef/renderFile/86152>.

⁵⁴ *Морозов Ю.В., Сафронова Е. И.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства. Москва, 2015. С. 119—128.

⁵⁵ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>

⁵⁶ *А.М. Богачев, М.М. Лагутин:* «Мягкая сила» русской цивилизации на постсоветском пространстве. URL: <http://www.xn--80ajkthhn.xn--p1ai/%D0%>

⁵⁷ Роль мягкой силы России в формировании благоприятного бизнес-климата. URL: <http://delonovosti.ru/analitika/3567>

⁵⁸ *Морозов Ю.В.* Трансформация миротворческой деятельности США и ее влияние на региональную стабильность. В сборнике: Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН. Москва, 2011. С. 153—183.

⁵⁹ Ежегодник СИПРИ. М., ИМЭМО, 2008. С. 136.

⁶⁰ В настоящее время китайский миротворческий контингент — это 1 тыс. 962 подготовленных военных.

⁶¹ Миротворцы ООН возвратились в Сирию. URL: <http://arsenal-otechestva.ru/article/1105>

⁶² Российские миротворцы в Нагорном Карабахе: кто они, откуда и чем вооружены. URL: <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/>

⁶³ *Морозов Ю. В.* Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—115.

⁶⁴ *Сафронова Е. И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран — членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—182.

⁶⁵ Опросы, проводившиеся центрами «Ижтимоий Фикр», SIAR — Bishkek и Gallup в 2003—2008 гг. Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectesco.org/ru123/show.asp?id=81>.

⁶⁶ *Сафронова Е. И.* 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.

⁶⁷ *Бубнов А. В.* Информационная безопасность России в условиях глобализации URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionnaya-bezopasnost-rossii-v-usloviyakh-globalizatsii>

⁶⁸ *Панарин, И., Панарина, Л.* Информационная война и мир. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 384 с.

⁶⁹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/#ixzz5V6u8xl4v>

⁷⁰ *Брандман Э. М.* Цивилизационные императивы и приоритеты информационной безопасности общества // Философия и общество. 2006. Выпуск № 3(44).

⁷¹ *Швец Д. Ю.* Информационная безопасность России и современные международные отношения. М.: Мир безопасности, 2001. 176 с.

⁷² Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 36.

⁷³ Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А. А. Прохожева. М.: РАГС, 2002. 320 с.

⁷⁴ «Электронная Россия (2002—2010 годы)», утверждена постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 URL: <https://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/>

⁷⁵ Основные задачи обеспечения информационной безопасности. URL: <https://studwood.ru/637720/>

⁷⁶ Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/

⁷⁷ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями на 19 июля 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901990051>

⁷⁸ Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10929/

⁷⁹ Общие критерии оценки безопасности информационных технологий. URL: <https://studfiles.net/preview/4171370/page:19/>

⁸⁰ *Дроботенко О.Н.* Информационная безопасность России в условиях глобализации: внешнеполитический аспект URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie/informacionna-ja-bezopasnost-rossii-v-uslovijah-globaliza>

⁸¹ Путин выдвинул новые методы ведения войны XXI века URL: korrespondent.net/world/worldabus/3318152-putyn-vydvynul-novye-metody-vedeniya-voiny-XXI-veka-The-Washington-Post

⁸² *Шадрин Е.* Стратегическое партнерство России и Китая: перспективы развития. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/>

⁸³ *Морозов Ю.* К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 2. С. 118—129.

⁸⁴ Россия и Китай начинают десятки совместных проектов. URL: <https://vz.ru/politics/2015/5/8/574698.html>

⁸⁵ Rogozin рассказал о динамике развития торговых отношений с КНР. URL: <https://versia.ru/rogozin-rasskazal-o-dinamike-razvitiya-torgovyx-otnoshenij-s-krn>

⁸⁶ Становление и развитие Российско-Китайских отношений в современный период. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/>

⁸⁷ *Ли Бо.* Пусть китайские строители строят дома в России // Китай-2013. № 9.

⁸⁸ *Чун Яту.* Визит Чжан Гаоли в Россию // Китай-2013. № 7.

⁸⁹ *Островский А.* О перспективах сотрудничества России и Китая. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_8dc_jWLSWc

⁹⁰ *Мельник М. К.* Совместные инновационные проекты России и Китая // Молодой ученый. 2018. № 34.

⁹¹ Официальный интернет-портал государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: URL: <https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/>

⁹² Официальный интернет-портал информационного агентства Интерфакс: URL: <http://www.interfax.ru/business/544603>

⁹³ Официальный интернет-портал ООО «Компания Востсибуголь». URL: <http://old.kvsu.ru/news/3024.html>

⁹⁴ *Юэ Ляньго.* Новый «двигатель» развития российско-китайских отношений // Китай-2013. № 4.

⁹⁵ Новый этап в развитии научного сотрудничества между Китаем и Россией. URL: <http://mo.bobrodobro.ru/9965>

⁹⁶ New China bond licences raise more questions // AsiaMoney. 2017. URL: <https://www.euromoney.com/article/b12khpkst7yfm/new-china-bond-licences-raisemore-questions>

⁹⁷ Российско-китайское военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в сфере высоких технологий и освоения космоса. URL: https://studwood.ru/505686/istoriya/rossijsko_kitayskoe_voenno_tehnicheskoe_

⁹⁸ Концепция национальной безопасности РФ. URL: <https://utmagazine.ru/posts/9921-konceptiya-nacionalnoy-bezopasnosti-rf>

⁹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ».

¹⁰⁰ Вооружённые силы Российской Федерации. URL: <https://ru.wikipedia.org>

¹⁰¹ Хирургическая точность «Ланцета» // Еженедельник Звезда. 2019. № 23 (237). 5 декабря.

¹⁰² Новейшая техника и вооружения: чем армия сможет защитить Россию. URL: <https://ria.ru/20200223/1565111582.html>

¹⁰³ Россию накрыли противоракетным «куполom» // Еженедельник Звезда. 2019. № 24 (238). 12 декабря.

¹⁰⁴ Новейшая техника и вооружения: чем армия сможет защитить Россию. URL: <https://ria.ru/20200223/1565111582.html>

¹⁰⁵ Спасти «Варшавянку» // Еженедельник Звезда. 2019. № 23 (237). 5 декабря.

¹⁰⁶ Итоги работы Министерства обороны РФ в 2019 г. URL: <https://topwar.ru/163653-itogi-raboty-ministerstva-oborony-rf-v-2019-godu.html>

¹⁰⁷ Военное обозрение с 15 по 21 октября 2018 г. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340>

¹⁰⁸ Общие выводы и конкретные уроки Сирийской кампании. URL: eurasian-defence.ru/?Q=NODE/37423

¹⁰⁹ НАТО: «стратегия непрямых действий». URL: https://www.stoletie.ru/geopolitika/nato_strategija_nepamyh_dejstvij_2009-08-14.htm

¹¹⁰ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Миролюбивый агрессор, или армия мирового порядка // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3. С. 185—190.

¹¹¹ Глава Ростовской области назвал точную цифру. URL: https://tsargrad.tv/news/skolko-grazhdan-rossii-zhivjot-v-donbasse-glava-rostovskoj-oblasti-nazval-tochnuju-cifru_485484

¹¹² Россию разочаровала реакция США и НАТО на предложения о гарантиях безопасности. URL: https://lenta.ru/news/2021/12/17/ryabkob_reaction_on_psaki/

¹¹³ Главы ДНР и ЛНР обратились к Путину с просьбой помочь в отражении агрессии Киева. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13824025?utm_source=yan dex.ru&utm

¹¹⁴ Об этом свидетельствуют боевые распоряжения Генштаба Украины боевым частям ВСУ, обнаруженные в районе Мариуполя.

¹¹⁵ Скоробогатый П. Украина до и после: чем закончится спецоперация России. URL: <https://expert.ru/expert/2022/10/ukraina-do-i-posle-chem-zakonchitsya-spetsoperatsiya-rossii/>

¹¹⁶ Антонов оценил цели военной операции России на Украине. URL: <https://inosmi.ru/20220410/politika-253749569.html>

¹¹⁷ Рофе Ж. Генассамблея ООН требует от РФ вывести войска из Украины // газета Deutsche Welle от 2 марта 2022г.

¹¹⁸ Сколько разрушено домов и зданий в ДНР. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/2898917/>

¹¹⁹ Сколько стоит война России и Украины? URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20220331/1033651311.html>

¹²⁰ Американский военный аналитик: Россия побеждает в спецоперации на Украине. URL: <https://ria.ru/20220407/pobeda-1782203263.html>

¹²¹ Потери Украины и ВСУ — демилитаризация и денацификация Украины в цифрах. URL: https://wsem.ru/publications/poteri_ukraini_1280/?yurwinfo=1650374936570653-15874415322603195792-sas6-5258-c9c-sas-17-balancer-8080-BAL-2594

¹²² В Минобороны назвали число иностранных наемников на Украине. URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/17/24765/>

¹²³ Зеленский назвал условия для переговоров с Россией. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/04/17/zelenskiy-nazval-usloviya-dlya-peregovorov-s-rossiey>

¹²⁴ Мишустин заявил о беспрецедентном количестве санкций против России. URL: <https://iz.ru/1317017/2022-04-07/mishustin-zaiavil-o-bespretcedentnom-kolichestve-sanktcii-protiv-rossii>

¹²⁵ «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. URL: <https://russianfield.com/netvoine>

¹²⁶ Brzezinski Z. (1997). The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives: *Basic Books*. 223p.

¹²⁷ Экспорт России 2021: статистика по странам и товарам, таблица по годам. URL: <https://top-rf.ru/business/141-eksport.html>

¹²⁸ Чеченский батальон «Восток» отправили на Украину воевать с ВСУ. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/26/chechenskiy-batalon-vostok-otpravili-na-ukrainu-voevat-s-vsua.html>

¹²⁹ Пресс-конференция госсекретаря США Энтони Блинкена. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IBt0u8GXl0w>

¹³⁰ Хартия европейской безопасности, принятая в Стамбуле в 1999 г. URL: <https://pasm.ru/archive/83117/>

¹³¹ Кто уехал из России в 2022 г. после начала спецоперации на Украине. URL: https://emigrating.ru/19-04-2022-kto-pokinul-rossiyu-v-2022-godu-iz-za-ukrainu/#_

¹³² В Китае призвали ЕС отказаться от враждебных стереотипов о России. URL: <https://inosmi.ru/20220317/bezopasnost-253413133.html>

¹³³ «Лучший друг» поможет? Как Китай реагирует на военный конфликт России с Украиной. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/world/20220305/luchshii-drug-pomozhet-kak-kitai-reagiruet-na-voennii-konflikt-rossii-s-ukrainoi>

¹³⁴ What will happen if USA stop importing from China completely? URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a801a738-62219df0-8f91288c-74722d776562/
<https://www.quora.com/>

¹³⁵ *Graham Allison, Kevin Klyman, Karina Barbesino, Hugo Yen*. Great Tech Rivalry China vs US. 2021. Belfer Center for Science and International Affairs/Harvard Kennedy School. URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatTechRivalry_ChinavsUS_211207.pdf

¹³⁶ Xi Jinping's Speech at the Unveiling of Then New Chinese Leadership // South China Morning Post, November 15, 2012.

¹³⁷ *Saure Sylvain*. China's GDP may exceed the United States for the first time this year. Do you think that this will be permanent? URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=68109018#message/178736610211332367>

¹³⁸ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. The Department of Defense.

¹³⁹ Китай предупредил США об угрозе военного конфликта из-за Тайваня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/29/conflict/>

¹⁴⁰ Interim National Security Strategic Guidance. The White House. March 03, 2021. P. 21.

¹⁴¹ США, Британия и Австралия заключили антикитайский военный союз // Российская газета. 2021. 16.09.

¹⁴² Statement of admiral Philip S. Davidson, U.S. NAVY commander, U.S. Indo-Pacific command before the senate armed servicescommittee on U.S. Indo-Pacific command posture. 09 march 2021. P. 3. 32—33.

¹⁴³ Обрисована перспектива «горячего» конфликта Китая и США вокруг Тайваня. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/15/obrisovana-perspektiva-goryachego-konflikta-kitaya-i-ssha-vokrug-taivyanya.html>

¹⁴⁴ Will China go bankrupt in a few years? URL: <https://www.quora.com/>

¹⁴⁵ Востоковед Котков спрогнозировал, когда Китай может присоединиться к санкциям против РФ. URL: <https://www.ridus.ru/news/378874>

¹⁴⁶ *Павленко В.* Кто заинтересован в подрыве российско-китайских отношений. URL: <https://regnum.ru/news/3412083.html>

¹⁴⁷ Why does NATO fear China more than Russia? URL: https://translated.turbopages.org/proxu_u/en-ru.ru.a4d02bb0-62219d0d-d9976139-74722d776562/https/www.quora.com/

¹⁴⁸ Совместное заявление России и Китая. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/02/04/sovместnoe-zayavlenie-rossii-i-kitaya-polnyy-tekst>

¹⁴⁹ Востоковед Островский: К 2023 г. товарооборот между Китаем и Россией вырастет до 200 млрд долл. URL: <https://www.osnmedia.ru/ekonomika/vostokoved-ostrovskij-k-2023-godu-tovarooborot-mezhdu-kitaem-i-rossiej-vyrastet-do-200-mlrd-dollarov/>

¹⁵⁰ *Ранова Г.А.* Вступительное слово на круглом столе руководителей аналитических клубов «Роль и место России в эпоху глобальных перемен». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GOjy0MKGUSc>

¹⁵¹ *Новрузова З.* Китай без России забирает Центральную Азию. 2022. URL: <https://haqqin.az/oldage/232915> (дата обращения: 27.01.2022).

¹⁵² *Иванов А.* Геополитика-2022: Россия договорится с ЕС по Украине, Китай с США пожмут друг другу руки. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/322041/>

¹⁵³ Минэкономразвития разработало концепцию по совершенствованию процессуального законодательства. URL: <https://ria.ru/economy/20040727/640989.html>

¹⁵⁴ *Пузанова Е.С.* Экономика и современный менеджмент: теория и практика. Новосибирск: СибАК, 2012.

¹⁵⁵ Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (редакция 2018г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

¹⁵⁶ Закон РФ от 05.03.1992 N 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/

¹⁵⁷ Федеральный закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности. URL: <https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n272-fz-ot22122008-h1249413/>

¹⁵⁸ Экономическая безопасность России. URL: <http://surzhyk.info/ekonomicheskaya-bezopasnost-rossii/>

¹⁵⁹ Пути преодоления проблем и угроз экономической безопасности России. URL: http://www.psj.ru/saver_people/detail.php?ID=69761

¹⁶⁰ По какому пути может пойти российская экономика после введения санкций. URL: <https://journal.open-broker.ru/investments/scenarii-razvitiya-ekonomiki-rf/>

¹⁶¹ Выяснилось, насколько велик запас прочности экономики России. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/05/10/vyyasnilos-naskolko-velik-zapas-prochnosti-ekonomiki-rossii.html>

¹⁶² Степанова Е. Как и почему Россия и США могут сотрудничать в противодействии терроризму. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1926030-echo/>

¹⁶³ Категория «национальных интересов» в стратегиях национальной безопасности России и США. URL: <https://cyberleninka.ru/article/>

ференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. URL: <http://nak.fsb.ru/nac/structure.htm>.

¹⁸⁵ Китай в борьбе с сепаратизмом и терроризмом. URL: <http://naukarus.com/kитай-v-borbe-s-separatizmom-i-terrorizmom>

¹⁸⁶ Ян Хуэй. Люань пин дань дай кун бу чжу и [Некоторые замечания о современном международном терроризме и борьбе против терроризма] // Гоцзи чжаньлюэ яньцю. Пекин, 2002. № 1. С. 6—10,14.

¹⁸⁷ Байден и Си Цзиньпин провели первый телефонный разговор. URL: https://aif.ru/politics/world/bayden_i_si_czinpin_proveli_pervyy_telefonnyu_razgovor

¹⁸⁸ Согласно «Глобальному индексу терроризма» 2014, который охватывал период 2000—2013 гг. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>

¹⁸⁹ Согласно «Глобальному индексу терроризма» 2015 г. за период 2000—2014. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>

¹⁹⁰ Пэн Бо. Китайско-российское стратегическое взаимодействие укрепляет авторитет ООН. URL: <https://rg.ru/2020/10/12/kitajsko-rossijskoe-strategicheskoe-vzaimodejstvie-ukrepliaet-avtoritet-oon.html>

¹⁹¹ Зюганов Г. Будущее России и Китая — в дружбе и всестороннем сотрудничестве! URL: <https://svpressa.ru/world/article/272024/>

¹⁹² Морозов Ю., Макдермотт П. Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в Центрально-Азиатском регионе: взгляд из Москвы и Лондона // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6 (60). С. 28—42.

¹⁹³ Морозов Ю.В. Миротворческая деятельность России по урегулированию конфликтов в Европе. Институт Европы РАН. М., 2007. Сер. 185 Доклады Института Европы Том 1 Операции на постсоветском пространстве.

Заключение

Итоги анализа взаимоотношений США, Китая и России в рамках их стратегического треугольника, позволяют сделать следующие выводы и предложения относительно российских национальных интересов.

О перспективах взаимоотношений России, США и Китая

Во времена холодной войны взаимоотношения СССР и США служили одной из основных опорных точек стабильности биполярной системы международных отношений. Однако после ее окончания эта стабильность рухнула, уступив место геополитическому лидерству США. Но по мере снижения роли Вашингтона в международных делах, усиления в них значимости Москвы и роста экономического могущества Пекина, у акторов этого геополитического треугольника появилась возможность стать существенным фактором формирования новой системы международных отношений.

Это связано в том числе с тем, что КНР и США — самые мощные экономики мира, а Россия обладает обширными запасами полезных ископаемых и самым современным военным потенциалом. Кроме того, «трио» входит в число государств, обладающих правом вето в СБ ООН, оказывая все более возрастающее влияние на развитие ситуации в мире.

Основываясь на этих факторах, Москва предложила Пекину и Вашингтону не вступать во взаимные конфликты, придерживаясь политики взаимного уважения и сотрудничества. Благодаря этому они могли бы избежать взаимного масштабного противостояния, имея эффективные инструменты для контроля глобальной ситуации в интересах предотвращения кризисов на планете. Однако политика и стратегия США продолжает ориентироваться на сохранение глобального лидерства с использованием при необходимости военной силы, что неприемлемо для Москвы и Пекина, отношения которых с США характеризуются перманентной напряженностью.

В этих взаимоотношениях камнем преткновения является дилемма, что первично — право наций/народов на самоопределение или нерушимость границ территории, на которой они проживают? В одном случае, когда косовары в 2005 г. без проведения референдума заявили о своей независимости от Сербской Республики, она была немедленно признана Вашингтоном и его союзниками легитимной. В другом случае, когда народы Крыма в 2014 г. после проведения референдума заявили о присоединении к России, легитимность этой акции Вашингтон и другие западные страны не признали. Россия постоянно подвергается жестким санкциям с их стороны, и, очевидно, в бли-

жайшей перспективе Вашингтон не будет заинтересован в равноправном диалоге с Москвой, за исключением сфер, в которых сохраняется угроза американским интересам.

В других областях от администрации Байдена вряд ли можно ожидать встречных шагов из-за устойчивого антироссийского консенсуса, сложившегося в органах власти Соединенных Штатов, особенно после начала проведения ВС РФ спецоперации на Украине с целью её демилитаризации и прекращения войны на Донбассе, жители которого также объявили о своей независимости от украинских властей. Принятые ранее антироссийские санкции будут сохраняться в течение длительного времени. Ближайшие цели Вашингтона во взаимоотношениях с Москвой — снизить издержки американо-российской конфронтации, угрожающие интересам США, не ослабляя давления на российскую власть. США будут стремиться и далее использовать инструментарий санкций в отношении России, одновременно блокируя нарушения санкционного режима со стороны других акторов и повышая уровень координации своей политики по отношению к РФ с политикой своих союзников.

С учетом подобного характера действий американской администрации решение Россией задач по обеспечению своей безопасности может быть достигнуто за счет консолидации российского общества и укрепления национальной обороны; развития стратегического партнерства с Китаем и другими союзниками; умелого использования потенциала международных организаций в интересах обеспечения глобальной и региональной безопасности и решительного противодействия попыткам деструктивного влияния США на сферу международных отношений.

По сравнению с Россией во взаимоотношениях США и Китая развернуто более широкое сотрудничество. Пекин стремится выйти из-под влияния Вашингтона и стать мировой экономической, а в военном отношении — региональной державой в Восточной Азии, где подходы США и КНР по вопросам безопасности коренным образом разнятся. Между ними существуют разногласия по Южно-Китайскому морю, Тайваню, правам человека, вопросам торговли и др. Пекин также крайне обеспокоен планами США по созданию военного союза в АТР в целях реализации их Индо-Тихоокеанской стратегии. Соединённые Штаты, в свою очередь, озабочены оттеснением их Китаем на вторые роли в экономическом плане, что обуславливает рост их соперничества в регионах мира. Пределы американо-китайского противостояния до сих пор не исчерпаны, а фундаментальных предпосылок для коренного разворота в сторону потепления взаимоотношений пока не просматривается. Тем не менее американо-китайские отношения вряд ли дойдут до открытого военного конфликта с учётом крайне высокой цены для обеих сторон, в связи с чем отношения между ними в обозримой перспективе можно охарактеризовать как «напряжённое партнёрство».

Необходимость одновременно сдерживать Москву и Пекин вынуждает Вашингтон расплывать свои силы. Кроме России, ни у одной страны мира, включая США, нет гиперзвукового оружия континентальной дальности. Поэтому, учитывая, что США могут оказаться в конфликте с РФ и КНР одно-

временно, Вашингтон будет предпринимать меры по отдалению их друг от друга. И для этого у него есть некоторые основания.

Так, глобальная экономическая экспансия Китая привела к тому, что Пекин становится прямым конкурентом Москвы в области экономического и военного сотрудничества со странами ряда регионов. Китай стремится также к усилению своего присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке в интересах обеспечения своих потребностей в природных ресурсах. В ближайшее десятилетие экономическое сотрудничество между РФ и КНР будет продолжаться по принципу «российское сырье — китайские технологии». Хотя это отвечает краткосрочным интересам Москвы, стремящейся «подтянуть» развитие дальневосточных регионов до уровня западных областей страны, на деле осуществляется их постепенная «китаизация», что вступает в противоречие с долгосрочными российскими интересами. При развитии транспортных коридоров в рамках реализации китайского проекта «Один пояс, один путь» по территории России Москва также остается в вторых ролях, поскольку Пекин в данном случае является главным получателем выгод и ему не нужно доминирование РФ в трансевразийской торговле. Неслучайно в вопросах международной безопасности Пекин по сравнению с Москвой проявляет большую осторожность и выполняет все санкции в отношении России по крымскому вопросу.

Хотя КНР совместно с РФ выступают за многополярность международных отношений, в ближайшей перспективе реальными союзниками они не станут, поскольку это противоречит официальной политике Китая. С другой стороны, в случае создания военно-политического союза, у Китая и России неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить существующие разногласия между ними. Поэтому обе державы придерживаются принципов всеобъемлющего стратегического партнерства, а не принципа союзничества. В то же время — нельзя исключить, что в случае обострения военно-политической обстановки в мире, связанной с агрессивной политикой США по отношению к РФ и КНР, такой союз не исключен. И чем больше политика Вашингтона будет угрожать интересам безопасности Москвы и Пекина, тем вероятнее возможность его заключения. Но его создание потребует от руководства РФ тщательного взвешивания каждого шага, поскольку напряжённость в российско-американских отношениях ставит в более выигрышное положение Китай, позволяя ему занимать позицию балансира между ними.

Что касается укрепления стратегического партнёрства РФ и КНР в экономической сфере, то для этого Москве и Пекину было бы целесообразно: расширить масштаб двусторонней торговли, ускорив строительство логистической и торговой платформ; усилить взаимное сотрудничество в области инвестиций, устранив для этого административные барьеры; углубить сотрудничество в научно-технической и инновационной областях, реализовав ряд важных научно-технических проектов по таким направлениям, как разработка авиационных и космических систем, применение реакторов на быстрых нейтронах, а также в сфере нанотехнологий, биоинженерии; ускорить транс-

граничный обмен и упорядочить процесс прохождения грузов через границу, борясь совместно с «серой растаможкой». Реализация этих направлений позволит значительно увеличить темпы укрепления стратегического партнерства РФ и КНР. Однако с учетом специфики российско-китайских отношений своё возрождение России придется реализовывать самостоятельно с опорой на свою военную мощь и партнеров по ОДКБ, ШОС и ЕАЭС в тех областях, где их национальные интересы совпадают.

Направления реализации национальных интересов РФ в регионах мира

В ближайшей перспективе в *Арктике* России придётся иметь дело с ростом военного присутствия США и их союзников. И хотя баланс сил между ними там пока остается благоприятным для России, поддержание боеготовности ВС РФ на северных рубежах должно сочетаться с активными дипломатическими усилиями по нейтрализации возможных конфликтов в данном регионе.

В качестве ответной реакции на введенные санкции и на отказ США и НАТО/ЕС учитывать озабоченности РФ по поводу ее безопасности, в перспективе можно ожидать изменения конфигурации безопасности в *Европе*, в которой вместо принципа «обеспечения равной безопасности для всех» во главу угла встанет принцип «равной угрозы для всех», так как коллективный Запад не намерен следовать принципу, предусмотренному ст. 8 Хартии европейской безопасности, — «никто не должен укреплять свою безопасность за счет безопасности других стран».

Целесообразно, однако, сохранить открытой дверь для конструктивного диалога по проблемам европейской безопасности и экономическому сотрудничеству. Вместе с тем российское общество не желает «раствориться» в «общеевропейском доме» в силу географических масштабов страны и её культурного своеобразия. Кроме того, из-за антироссийских санкций, введенных коллективным Западом, стратегический курс политики РФ становится более азиатским, что обуславливает углубление общих подходов России с государствами БРИКС и ШОС, а также с исламским миром по вопросу формирования многополярного мира, которое будет сталкиваться с противодействием ряда стран Запада, имеющих экспансионистские устремления в страны Азии и Ближнего Востока.

В условиях, когда на западном направлении ближайшие перспективы налаживания конструктивных отношений маловероятны, полем деятельности, где Москва сможет добиться реального прогресса, является *Азиатский регион*. Всесторонняя интеграция РФ со странами этого региона будет способствовать усилению в нем влияния Москвы, особенно в государствах, с которыми налажены прочные экономические связи. В других странах региона, где усиливается китайское и американское влияние, РФ придется достаточно жестко отстаивать свои национальные интересы.

В *Ближневосточном регионе* России в ближайшее время предстоит решить ряд первостепенных задач по закреплению своего присутствия. Среди них — достижение политического урегулирования в Сирии и обеспечение

реализации завоеванных позиций для российского бизнеса. Российским властям необходимо бдительно следить за попытками Вашингтона вбить клин в российско-сирийские, российско-иранские и российско-турецкие отношения. Для этого им целесообразно разработать долгосрочную ближневосточную стратегию, которая должна быть направлена на защиту национальных интересов РФ в этом регионе.

В *Азиатско-Тихоокеанском регионе* целесообразно рассматривать укрепление российских позиций и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление внешней политики РФ, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону. Для этого важно использовать фактор российско-китайского сближения, выстраивая общую политику в противовес американской Индо-Тихоокеанской стратегии, в сочетании с повышением активности тех международных организаций, которые уже действуют в этом регионе: АСЕАН, АТЭС и БРИКС, членом которых является Россия.

Большое значение будет иметь поддержание взаимовыгодных связей РФ с теми государствами, которые разделяют взгляды российской стороны о неприемлемости гегемонии Запада в современном мире. В этой связи в области геополитики важной составной частью внешнеполитического курса Москвы являются ее отношения с ООН, G-20, РИК, БРИКС, а также политика в рамках таких международных структур, как ШОС и ОДКБ, где она играет ведущую роль.

Перспективы развития России в условиях западных санкций

Особенностью развития России в условиях западных санкций является то обстоятельство, что она, в отличие от стран, проповедующих в сфере глобальной экономики принцип разделения труда, должна самостоятельно развивать отрасли своей экономики и критически важные технологии. Это связано с тем, что враждебные России силы будут и впредь препятствовать ее становлению в качестве мировой державы, вводя по отношению к ней ограничительные меры под любым предлогом.

Другая особенность России заключается в том, что она как экспортер энергоресурсов может оказаться на обочине развития глобальных процессов при участии Китая, США и ЕС, если будет по-прежнему отдавать приоритет экспорту сырьевых ресурсов. Также надо учитывать, что многие страны переходят на энергосберегающие источники сырья, используя для этого энергию солнца, ветра, морских приливов и т. д., поэтому потребность в природных ресурсах России на международных рынках не будет бесконечной.

Главным направлением развития России с опорой на собственные силы является повышение конкурентоспособности национальной экономики при активизации инвестиционного процесса, а также перевода науки на приоритетное финансирование в интересах интеграции страны в мировое научно-техническое пространство (несмотря на уход из науки многих ученых и изобретателей, в стране продолжают работать 12 % всех ученых планеты — 4-е место после США, Японии и Китая). Это позволит России стать притяга-

тельным партнером для мировых лидеров в области инноваций и в торговле высокотехнологичными продуктами.

Серьезными внутренними вызовами, препятствующими развитию России, являются: *в области государственного управления* — незавершенность реформирования госструктур и регламентов их деятельности, слабость механизмов гражданского контроля над институтами власти (многие действующие законы не обеспечены механизмами их реализации и поэтому они не работают); *в экономической области* — незавершенность экономических преобразований, слабость институтов рыночной экономики, сохранение коррупции в стране и бегство из неё капиталов, возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов; *в области социальных отношений* — социальное расслоение общества, большой разрыв между наиболее богатыми и бедными, низкая эффективность сферы образования и рост безработицы.

В России необходимо продолжать наведение порядка в механизме государственного управления, без чего нельзя решать другие задачи, главная из которых — улучшение жизни россиян. Действенным способом для этого является развитие сильной экономики с опорой на национальные прорывы в области высоких технологий. Экономический рост страны могут также обеспечить: увеличение производительности труда и рост внутренней конкуренции. Чтобы деньги перестали «убегать» из России, нужна комплексная модернизация экономической инфраструктуры с одновременным усилением борьбы с коррупцией. В совокупности это будет способствовать притоку в Россию зарубежных инвестиций. Необходимо и дальше использовать дешёвые кредиты, поскольку они помогают развивать малый и средний бизнес. Разумно пересмотреть шкалу и содержание прогрессивного налога, чтобы для большей части населения налоги стали меньше, а поступления в казну страны от состоятельной прослойки граждан и бизнеса росли пропорционально росту их доходов.

На международном уровне необходимо усиление системы обеспечения информационной безопасности РФ. Важная роль для этого должна быть отведена тесному взаимодействию профессионального журналистского и экспертного сообщества в составе информационно-аналитических групп дипломатов, политологов, политтехнологов, публицистов, репортеров, психологов, сотрудников систем связи и коммуникации, веб-дизайнеров, способных не только прогнозировать возможные внешнеполитические риски и информационные атаки, но оперативно, доходчиво разъяснять мировому сообществу суть внешнеполитических инициатив и позиций России, поставляя в мировое информационное пространство соответствующие оценки и комментарии. Необходимо активно продолжать разработку и внедрение современных методов и средств защиты информации, являющейся жизненно важной для страны, разрушение которой может оказать резко отрицательное воздействие на национальную безопасность. Важное значение должно отводиться наращиванию деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений против информационной безопасности.

Также на международном уровне необходимо усилить задействование российской «мягкой силы», нацелив её на поддержание положительного образа страны в международном сообществе. При этом не следует опираться на западную систему ценностей, поскольку в этом случае Россия попадет в соответствующую идеологическую зависимость. На международном уровне целесообразно усилить аргументацию миссии РФ в современном мире: она — гарант безопасности и стабильности в региональном и в глобальном масштабе (особенно на фоне провалов политики США на Ближнем Востоке и в Афганистане); Россия — это государство, бережно сохраняющее богатые исторические традиции и культуры всех народов, в среде которых есть свобода мнений и плюрализм и которым абсолютно чужд расизм. Это может стать наступательной идеологией России в её противостоянии с Западом, одновременно служа определенным идеологическим скрепом не только для российских граждан, но и для других народов, не приемлющих западные ценности. Приоритетом политики «мягкой силы» РФ должно стать предоставление всесторонней поддержки соотечественникам за рубежом, защита постоянно проживающих за границей российских граждан и помощь в реализации прав русскоязычного населения в иностранных государствах.

России также следует незамедлительно принять меры по усилению в Центральной Азии своих гуманитарных позиций, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят аналогичные позиции Китая в регионе (если РФ не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей гуманитарной активности в странах этого региона, вкладывая в нее достаточные средства, враждебные ей силы смогут расширить там своё присутствие и заметно потеснить РФ с занимаемых ею позиций, как это уже произошло в странах Восточной Европы, Балтии, в Грузии и на Украине).

Кроме того, целесообразно обратить внимание на усиление гуманитарной составляющей деятельности ШОС, которая подвластна негативному воздействию недружественных Организации сил. Для этого нужны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона «антишосовским» акциям путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия. Одной из важнейшей задач Секретариата ШОС может стать развитие единого информационного поля Организации: на телевидении, в прессе, на радио, а также создание его рейтингового агентства. Представляется целесообразным создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран — участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и создание печатного органа ШОС, например доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации.

Указанные направления преобразований России в XXI в. надежно защищены от внешних угроз и вызовов военной мощью страны. В настоящее время 70 % видов и родов войск ВС РФ оснащены современным вооружением и техникой (в РВСН этот показатель равен 83 %), обеспечивая тем самым при-

чинение неприемлемого ущерба любому агрессору. В ближайшей перспективе необходимо завершить решение проблемы сопрягаемости морских, сухопутных и воздушных средства связи и управления, привести их к основным параметрам, позволяющим использование стратегических, оперативных и тактических АСУВ. Нельзя откладывать принятие решения о состыковке топографических основ морских и общевойсковых карт прибрежной зоны морей и океанов. Среди других приоритетных задач в военной области — разработка кодекса требований к боевой технике и вооружению XXI в., в том числе боевым машинам с собственным интеллектом. Также требует пересмотра теория использования современной авиации, флота и специальных сил с учетом растущего значения киберопераций в будущих военных конфликтах. Это связано с тем, что широкое распространение высокоэффективных радиолокационных и тепловизионных средств разведки, высокоточных КР, боеприпасов с кассетными самоприцеливающимися боевыми элементами и БПЛА уже не позволит осуществлять в будущем полномасштабные наземные операции в их традиционном виде. Любое скопление бронетехники и живой силы с высокой вероятностью будет выявлено и уничтожено. В этих условиях СВ ВС РФ придётся наряду с ВВС и ВМФ по-новому решать задачу разгрома вооружённых сил агрессора. Высокая вероятность возникновения военных конфликтов в зонах российских интересов обуславливает необходимость совершенствования форм и способов применения миротворческих сил РФ и спецназа, ориентированных на уничтожение незаконных вооружённых формирований с применением новейших средств вооруженной борьбы.

Библиография

Государственные документы Российской Федерации

Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу, утверждены Президентом РФ 17 декабря 2008 г.

Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президентом РФ от 25.12.2014.

Закон РФ от 05.03.1992 N 2446—1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности»

Закон РФ от 21.07.1993 N 5485—1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне».

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г.

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 12 февраля 2013 г.

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. С. 31.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (редакция 2018 г.)

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями на 19 июля 2018 г.).

Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене».

Печатные издания на русском языке

Александрова М.В. Приграничная торговля с Китаем затихает перед новым подъемом // Российская газета (Спецвыпуск «Китай»). 2009. № 5016 (192).

Америка и Китай обвиняют друг друга в заражении планеты коронавирусом // Комсомольская правда 2020. 7 марта.

Бакланов А. Россия — Африка: среднесрочный план действий // Россия в глобальной политике. 2018. 10 авг.

Балакин В., Сяоинь Л. КНР и СССР в 1960-е — 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 1. С. 13—14.

Балуевский Ю.Н., Хамзатов М.М. Глобализация и военное дело // НВО. 2014. № 27.

Барабанов М.С., Кашин В.Б., Максиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля оружием КНР М.: Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований, 2013.

Батюк В.И. Американско-китайские отношения: возвращение холодной войны? // США — Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 5 (593). С. 23.

Батюк, В.И. Возможный американско-китайский конфликт в оценках американских специалистов // Россия и Америка в XXI веке. Электронный журнал. 2017. № 1.

Батюк В.И. Европейское командование США после саммитов НАТО в Уэльсе (2014 г.) и Варшаве (2016 г.) // США — Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 31.

Батюк В.И. История международных отношений. М.: Юрайт, 2016. 345 с.

Батюк В.И. Структура взаимоотношений в рамках «стратегического треугольника» (США — КНР — РФ) // Россия и Америка в 21 веке. Электронный журнал. 2020. Выпуск № 3.

Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 264 с.

Богатурова А.Д. Системная история международных отношений в четырех томах. Т. 3. 1918—2003. События 1945—2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. 351 С.

Брандман Э.М. Цивилизационные императивы и приоритеты информационной безопасности общества // Философия и общество. Вып. № 3(44).

Бушин В.П. Японо-американский союз безопасности. История и современность (К 50-летию со дня основания). М.: ИДВ РАН, 2000. 331 с.

Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. 382 с.

Ван Цисы. Изучать текущее развитие глобальной стратегии США // Сяньдай гоцзи гуаицзы. 2004. № 1.

Вартазарова Л.С., Кобринская И.Я. США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с.

Вебер Ю. Измотать и пересидеть. Истоки американского поведения в отношении России /Ю. Вебер, А. Крикович // Россия в глобальной политике. 2016. № 2.

Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2018 г.: Обзор МИД РФ. М., 2019. 90 с.

Вэй Цзуилэй. Перестройка дислокации американских войск в связи с концепцией «новой войны» // Сяньдайгоцзигуаньси. 2015. № 9. с. 7.

Гагарин В. Тенденции развития современной стратегической обстановки // Обозреватель. 2005. № 9 (188).

Гао Кэ. Китайско-американские отношения (геополитическая ситуация в США в начале XXI в.: региональная политика и межгосударственные отношения) // Цицинь. 2015. с. 44.

Глазьев С. Когда власть услышит учёных? // Аргументы и факты. 2020. № 3.

Давыдов А.С. Россия — Китай — США про альянсы и соперничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С 3—14.

Давыдов А.С. КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства / А.С. Давыдов // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С 4—17.

Действовать на опережение // Аргументы и факты. 2021. № 4.

Делягин М. Как вернуть в Россию 180 миллиардов долларов? // Аргументы и факты. 2021. № 3.

- Дугин А. Г.* Евразийская миссия. Международное евразийское движение. М., 2005. С. 11.
- Дынкина А.А.* Мир 2035. Глобальный прогноз / ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. 352 с.
- Есин В.И.* Ядерные силы США и перспективы их развития // Россия и Америка в XXI веке. Электронный журнал. 2019. Вып. 1.
- Загорский А.В.* Кризис европейской безопасности: пути выхода // Ежегодник СИПРИ. 2017.
- Захария Ф.* Постамериканский мир. М.: Изд-во Европа, 2009. 280 с.
- Зенгер Х.* Стратегемы: О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. М.: Прогресс: Культура, Б. г. (1995). 379 с.
- Злобин Н.В.* Две стороны одной медали // Российская газета. 2010. 24 февр.
- Иванов И.С.* Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46 // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 200 с.
- Каменнов П., Клименко А.* О военной политике и военной доктрине Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.
- Кашин В.* Арктическая кладовая // Ведомости. 2008. 25 июля.
- Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М: Институт Дальнего Востока РАН, 2009. 348 с.
- Костиков В.* В буднях великих строек // Аргументы и факты. 2021. № 4.
- Костиков В.* Цена невыученных уроков. Пути и судьбы русской эмиграции // Аргументы и факты. 2021. № 3.
- Ли Айминь.* Широкие перспективы китайско-российской торговли // Китай. 2012. № 9.
- Литовкин В.* Всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие в современную эпоху. Российско-китайское военное сотрудничество выходит на новый исторический уровень // Независимое военное обозрение. 2019. 18—24 окт. № 38 (1066).
- Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновленного мира // М.: Весь Мир, 2018. С. 13.
- Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России: Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Междунар. отношения, 2015. С. 789 с.
- Мартынов Б.* Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Том 7, № 3 (21).
- Матвейчев О.А.* «Сверхоружие» в области «мягкой силы» // Независимая газета. 2014. 10 февр.
- Мельник М. К.* Совместные инновационные проекты России и Китая // Молодой ученый. 2018. № 34.
- Месамед В.И.* Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность. М.: Институт Ближнего Востока, 2012. 240 с.
- Мионов В.В.* Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования в современности // Вестник ОмГУ. 2012. № 1 (63).
- Мозиас П.М.* Российско-китайское экономическое сотрудничество // Обозревател. 1994. № 9.
- Мокрецкий А.Ч.* Выступление на «круглом столе» по проблемам российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С.17—18.
- Молчанов Г.* Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 3—12.

Морозов Ю.В. «Мирная агрессия» на Ближнем Востоке и ее влияние на национальные интересы государств ШОС // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М., 2014. С. 372—394.

Морозов Ю.В. К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, № 2. С. 118—129.

Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в XXI веке. М.: ИДВ РАН, 2016. 376 с.

Морозов Ю.В., Макдермотт Р. Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в Центрально-Азиатском регионе: Взгляд из Москвы и Лондона // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6 (60). С. 28—42.

Морозов Ю.В. «WHOISWHO» из трио ядерных держав на мировой арене в области экономики и политики в XXI веке? // Экономика и управление: проблемы и решения, 2020. Т. 1, № 3. С. 136—156.

Морозов Ю.В. «Подводные камни» военно-политического сотрудничества России с США и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 21—36.

Морозов Ю.В. «Удельный вес» участников «Стратегического треугольника» на мировой арене в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 4. С. 72—91.

Морозов Ю.В. Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, № 17 (302). С. 39—51.

Морозов Ю.В. Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—115.

Морозов Ю.В. Борьба нерегиональных акторов за влияние в Центральной Азии // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. Вып. 5. С. 46—57.

Морозов Ю.В. Взаимоотношения России — Китая — США в рамках стратегического треугольника (монография). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2020.

Морозов Ю.В. Геополитика участников «треугольника» на глобальном уровне // Россия и Америка в 21 веке: Электронный журнал. 2020. Вып. 1.

Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2020. Вып. 25. С. 80—95.

Морозов Ю.В. Значение мягкой силы России и Китая для центрально-азиатский партнеров по ШОС // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2016. С. 182—190.

Морозов Ю.В. Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32—41.

Морозов Ю.В. Итоги борьбы с пандемией в США, Китае и России, их готовность противостоять этой угрозе в будущем // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. Т. 2, № 5. С. 164—174.

Морозов Ю.В. Перспективы использования «мягкой силы» РФ и КНР в интересах реализации их национальных интересов в мире // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 163—195.

Морозов Ю.В. Индо-Тихоокеанская стратегия Трампа как угроза интересам Китая и России в АТР // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. С. 53—70.

Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34—45.

Морозов Ю.В. Применение США «мягкосилового арсенала» в современном мире // Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 1. С. 4.

Морозов Ю.В. Применение Соединенными Штатами «мягкосилового арсенала» в современном мире // Информационные войны. 2017. № 1 (41). С. 16—24.

Морозов Ю.В. Проблемы российских медработников и возможные пути их решения: взгляд со стороны // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. № 6. Т. 1 (102). С. 71—82.

Морозов Ю.В. Проблемы, сдерживающие реализацию интеграционных проектов Китая и России в Евразии // Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы глобальных и региональных измерений безопасности. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 95—117.

Морозов Ю.В. Пути нейтрализации вызовов и угроз для национальных интересов России в рамках «стратегического треугольника РФ—США—КНР. М.: ИДВ РАН, 2020. 488с.

Морозов Ю.В. Результаты борьбы с пандемией в США, Китае, России и готовность этих стран противостоять такой угрозе в будущем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 5 (101). С. 164—174.

Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32 (269).

Морозов Ю.В. Совершенствование вооруженных сил США под влиянием новейших технологий // Электронный журнал Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. С. 10.

Морозов Ю.В. Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1.

Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2016. 376 с.

Морозов Ю.В. Теория и практика миротворческой деятельности США в сочетании с «умной силой» и стратегией не прямых действий // Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века. М., 2017. С. 111—140.

Морозов Ю.В. Трансформация миротворческой деятельности США и ее влияние на региональную стабильность // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН. 2011. С. 153—183.

Морозов Ю.В. Удельный вес» участников «стратегического треугольника» на мировой арене в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 4. С. 72—91.

Морозов Ю.В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной войны против России // Россия и Америка в XXI веке: Электронный журнал. 2015. № 1. С. 2.

Морозов Ю.В. Центральная Азия как область столкновения стратегических интересов США, Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 6—19.

Морозов Ю.В., Клименко А.Ф. Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 17 (302). С. 39—51.

Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства / С.Г. Лузянин, Ю.В. Морозов, Е.И. Сафронова и др. М.: ИДВ РАН, 2015. 166 с.

Морозов Ю.В. Миротворческая деятельность России по урегулированию конфликтов в Европе // Доклады Института Европы / Институт Европы РАН. Сер. 185. Т. 1. Операции на постсоветском пространстве. М., 2007.

Морозов Ю.В. мягкая и жесткая стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 121—138.

Морозов Ю.В. Перспективы внешнеполитического курса России после выборов президента Российской Федерации // Россия. 2018. № 2. С. 6.

Морозов Ю.В. Подводные камни военно-политического сотрудничества России с США и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 21—36.

Морозов Ю.В. Политика и стратегия Китая, США и России в важнейших для них регионах мира // Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2020. С. 27—57.

Морозов Ю.В. Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ — США — КНР». М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2020. 488 с.

Морозов Ю.В. Результаты борьбы с пандемией в США, Китае, России и готовность этих стран противостоять такой угрозе в будущем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2, № 5 (101). С. 164—174.

Морозов Ю.В. Совершенствование вооруженных сил США, России и Китая под влияние новейших технологий // Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2020. С. 188—214.

Юрьев М. Правда и мифы о китайской угрозе // Профиль. 2008. № 1(557).

Не одичать в «осыпающемся мире» / Ф. А. Лукьянов, О. Н. Барабанов, Т. В. Бордачев, Я. Д. Лисоволик, А. А. Сушенцов, И. Н. Тимофеев. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osyupa-yu-shchemsya-mire/>

Никонов Я.И. Компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 145.

Панарин И., Панарина Л. Информационная война и мир М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 384 с.

Панарин И.Н. Информационная война: теория и практика // Кадровая политика. 2002. № 2.

Полонский И. Проигравшие и укрепившиеся. Военный союз России и Китая становится реальностью // Военное обозрение. 2019. 16 окт.

Полонский И. США против России. Как будут воевать две великие страны // Военное обозрение. 2019. 15 сент.

Полончук Р. Товарищество пока на доверии // Военно-промышленный курьер. 2021. № 6 (869).

Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Издательство Московского университета, 2014.

Прохожсва А.А. Общая теория национальной безопасности. М.: РАГС, 2002. 320 с.

Пузанова Е.С. Экономика и современный менеджмент: теория и практика. Новосибирск: СибАК, 2012.

Раис К. Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2027. Т. 5. № 2.

Рогов С.М. Россия и США: Уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2006. № 1.

России нужна «мягкая сила». Выступления участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству 31 октября 2012 г. // Российская газета. 2012. 1 нояб.

Сафронова Е.И. 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.

Сафронова Е.И. Латиноамериканский вектор актуальной внешней политики Китая // Латинская Америка. 2020. Вып. 2.

Сафронова Е.И. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран — членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества: К новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—182.

Си Цзиньпин. Взявшись за руки строить новое партнерство, предусматривающее сотрудничество и общую выгоду, в единстве создавать общую судьбу человечества // Жэньминь жибао. 2015. 29 окт.

Слободян Е. Взносы, которые Россия платит в международные организации // Аргументы и факты. 2020. № 3.

Степанов А.С. Перелом в американско-китайских отношениях. США в 2018 г. // США в 2018 г. Круглый стол Совета молодых ученых ИСКРАН / Институт США и Канады РАН. М.: Весь Мир, 2019. С. 83—97.

Субботин И. Израиль игнорирует сигналы США об опасности Китая // Независимая газета. 2019. 24 дек.

Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития / отв. ред. В.Б. Супян. М.: Весь мир, 2018. 426 с.

Тимофеева И. Мозги, которые мы потеряли // Новая газета. 2009. 30 окт.

Труш С.М. Россия—США—Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // США—Канада: экономика — политика — культура. 2020. № 3.

Фролов И.Д. Внешнеполитические интересы России в Европе // АНИ: экономика и управление. 2018. № 1 (22).

Хаас Р. Чем закончится миропорядок // Россия в глобальной политике. 2019. 21 янв.

Храмчихин А. Военное сотрудничество России и Китая // Независимое военное обозрение. 2019. 20 сент.

Храмчихин А. Мягкая колонизация Африки. Черный континент разделят без участия Европы // Военно-промышленный курьер. 2018. № 42 (855).

Храмчихин А. Отряды кораблей ВМС НОАК — частые гости в Европе // Независимое военное обозрение. Электронный журнал. 2019.

Цвигун И.В. Российско-китайское экономическое сотрудничество: состояние и перспективы развития // Сборник трудов конференции по развитию сотрудничества в сфере экономики, политики и юриспруденции между Россией и Китаем. Иркутск, 2014. С. 203—211.

Цзинь Ланьжуи. Международные позиции США с точки зрения равновесия внутренних механизмов // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2015. № 3. С. 201.

Цзунь Хэ. Внешнеторговая ситуация будет усугубляться // Китай. 2013. № 8.

Цогоева М.И., Цоков З.Б. Китай и инвестирование в сельское хозяйство Африки // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8 (39). Ч. 1. С. 96—98.

Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия в 4 т. / Сост. А.И. Шаклеина. М.: МГИМО (У); Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНОЦентр», 2002. Т. 4. Документы. 535 с.

Шамин И.В. «Цветная (бархатная) революция» как технология осуществления геополитического противоборства в условиях постбиполярного мира // Материалы международной научной конференции. Н. Новгород: ННГУ, 2008.

Шамин И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий // Монография. Н. Новгород; Саров: СГТ, 2010.

Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. № 8.

Шашков С. Джин на верёвочке или проверка практикой теории «управляемого хаоса» // Фонд стратегической культуры: Электронное издание. 2011.

Швец Д.Ю. Информационная безопасность России и современные международные отношения. М.: Мир безопасности, 2001. 176 с.

Ши Ипхунь. Международный вес США: сравнение и изменения // Сяндай гоцзи ганьси. 2015. № 3. С. 31.

Шу Кэ. Небывалый уровень сотрудничества // Китай. 2012. № 7.

Юй Шумаиь. О нынешней внешней политике США // Гоцзи чжаньлюэ яньцзю. 2015. № 2. С. 12.

Зарубежные государственные документы

National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 2, 47.

National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P 3.

National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. II, 1.

The National Security Strategy of the United States of America / The White House. 2010. 52 p.

The National Security Strategy of the United States of America / Tthe White House. 2015. 29 p.

Иностранные издания

Allison G. China vs America. Managing the Next Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 2017. September/October.

Allison G. The New Spheres of Influence // Foreign Affairs. 2020. March/April.

Annual Report to Congress / Department of Defense // Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019. May 2019. P. 24.

Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2019. P. 47.

Biden J. Jr. Why America Must Lead Again. Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // Foreign Affairs. 2020. March/April.

Biden Says Weakened Russia Will Bend to U.S // Wall Street Journal, 2009. July 25.

Blackwill R., Gordon P. Containing Russia How to Respond to Moscow's Intervention in U.S. Democracy and Growing Geopolitical Challenge. Council on Foreign Relations // Council Special Report 2018. January, № . 80. P. 3—4.

Boston S., Johnson N. Beauchamp-Mustafaga Y. Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe Implications for Countering Russian Local Superiority // Crane — RAND Corporation Research Report. 2, M.018.

Burns W. How the U.S.— Russian Relationship Went Bad. An American diplomat tells the inside story of Yeltsin, Putin, and opportunities lost // The Atlantic. 2019 April.

Carafano J.J., Volker K. Building the Post-Pandemic // The National Interest. 2020. May 24.

Cooper H., Schmitt E. 'Niger approves armed US drone flights, expanding Pentagon's role in Africa' // *New York Times*. 2017. 30 Nov.

Department of Defense Arctic Strategy // Office of the Under Secretary of Defense for Policy. 2019. June. P. 4, 6.

Extending Russia. Competing from Advantageous Ground // RAND Corporation, 2019. P. 216.

Extending Russia. Competing from Advantageous Ground / James Dobbins, Raphael S. Cohen, Nathan Chandler, Bryan Frederick, Edward Geist, Paul DeLuca, Forrest E. Morgan, Howard J. Shatz, Brent William // RAND Corporation Santa Monica, Calif., 2019. P. 51.

Nathan Chandler, Bryan Frederick, Edward Geist, Paul DeLuca, Forrest E. Morgan, Howard J. Shatz, Brent William. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation 2019. P. xi.

Gompert D., Cevallos A., Garafola C. War with China: Thinking Through the Unthinkable. Santa Monica: RAND, 2016.

Graham T., Allison D., Simes G. A Sino-Russian Entente Again Threatens America // *The Wall Street Journal*. 2019. 29 January.

Ikenberry J. The Next Liberal Order. The Age of Contagion Demands More Internationalism, Not Less // *Foreign Affairs*. 2020. July/August.

Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. THE DEPARTMENT OF DEFENSE. P. 20.

Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. The Department of Defense. June 1, 2019. P. 8.

Investment and import to Russia: Aiming for Careful Growth. Third annual survey of the American Chamber of Commerce in Russia. Report prepared in partnership with EY. May 2018.

Benitez J. U.S. NATO Policy in the Age of Trump: Controversy and Consistency // *The Fletcher Forum of World Affairs*. Winter 2019. Vol. 43, № 1. P. 184, 193.

Kaczmarek M., Rodkiewicz W. Russia's Greater Eurasia and China's New Silk Road: Adaptation Instead of Competition // *OSW Commentary*. no. 219. 2016. 21.07.

Kagan R. The Twilight of the Liberal World Order // *Brookings*. Tuesday. 2017. 24 January.

Kaplan R. What Next for Donald Trump? (Symposium) // *The National Interest*. 2017. January — February. P. 5—24.

Kendall-Taylor A., Shullman D. Navigating the Deepening Russia — China Partnership // *The CNAS Transatlantic Security Program*. 2021. January. P. 1—2.

Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Simon and Schuster, 1994. P. 719.

Lawrence F. Trump and Brexit // *Survival*. December 2018—January 2019. Vol. 60, № 6. P. 8.

Liao Y. China gets its first agricultural green channel // *China Daily*. 2014. 03.01.

Liao Y. Xinjiang photo exhibition opens in Beijing // *China Daily*. 2014. 14.01.

Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // *Parameters*. 1992. Vol. 22. Autumn. P. 54—68.

Manuel A. It is Not Too Late to Prevent a Russia-China Axis. Here is how the U.S. can avoid driving the two countries together // *The Atlantic*. 2018. 14 September.

Merry R. What Next for Donald Trump? (Symposium) // *The National Interest*. 2017. January — February. P. 5—24.

Miller C. The New Cold War's Warm Friends // *Foreign Policy*. 2019. 1 March.

Morozov Y. Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation? // *Peace Review: a journal of social justice.* 2011. Vol. 27. № 5. P. 25—41.

Mullen M. A Step toward Trust with China // *The New York Times.* 2011. 25 July.

Our Nation's Security Demands Lethal Precision Strike Lockheed Martin Global Vision Center, 2019. March 26—27.

Pant H.V., Haidar A.M. China's Expanding Military Footprint in Africa // *ORF,* no 195. 2017. 12 September.

Pop I.I. Strengths and Challenges of China's "One belt, One road" Initiative // *Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies (CGSRS).* United Kingdom. 2016. 09.02. 12 p.

Ron P. Russia gate is not about Trump, and It Isn't Even Ultimately about Russia // *The Institute for Peace and Prosperity.* 2017. P. 7.

Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) White Paper. May 2019. P. iv.

Santos M. Philippines wins arbitration case vs. China over South China Sea // *Global Nation Inquirer.* 2016. 12 July.

Savage C., Schmitt E. 'Trump eases combat rules in Somalia intended to protect civilians' // *New York Times.* 2017. 30 Mar.

Shahtahmasebi D. China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // *RT Live. Question More.* 2018. 27 July.

Simes D. Russia's Best Defense Against America's Pressure Strategy May Be China // *National Interest.* 2019. 7 June.

STATEMENT OF ADMIRAL PHILIP S. DAVIDSON, U.S. NAVY COMMANDER, U.S. INDO-PACIFIC COMMAND BEFORE THE SENATE ARMED SERVICES COMMITTEE ON U.S. INDO-PACIFIC COMMAND POSTURE 12 FEBRUARY 2019. P. 5, 13—16.

STATEMENT OF ADMIRAL ROBERT F. WILLARD, U.S. NAVY COMMANDER, U.S. PACIFIC COMMAND BEFORE THE SENATE ARMED SERVICES COMMITTEE ON U.S. PACIFIC COMMAND POSTURE. 12 APRIL 2011. P. 11—12.

STATEMENT OF ADMIRAL ROBERT F. WILLARD, U.S. NAVY COMMANDER, U.S. PACIFIC COMMAND BEFORE THE SENATE ARMED SERVICES COMMITTEE ON U.S. PACIFIC COMMAND POSTURE. 12 APRIL 2011. P. 3.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States. P. 2.

Swaine M.D. China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // *China Leadership Monitor.* № 34.

The National Military Strategy of the United States of America. 2011. Redefining America's Military Leadership. Washington, D.C., February 2011. P. 14.

The People's Republic of China. July 2019. P. 4, 32.

US Policy in the Persian Gulf: New Beginnings. Vantage Conference. 1989. Muscatine, 1989. P. 5.

What is America is Winning Hand if Russia Plays the China Card? The two adversaries are growing closer, posing a strategic challenge to the United States // *The New York Times.* 2019/ 21 July/

Zakaria F. The Self-Destruction of American Power. Washington Squandered the Unipolar Moment // *Foreign Affairs.* 2019. July/August.

Сведения об авторах

БАТЮК Владимир Игоревич

Доктор исторических наук, руководитель рабочей группы Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН), главный научный сотрудник ИСКРАН, профессор. Его научная деятельность связана с изучением американской военной и внешней политики, российско-американских отношений и истории «холодной войны». Является автором более 130 научных работ. За свою практическую деятельность награжден тремя российскими наградами, включая медаль Совета безопасности РФ «За заслуги в укреплении международной безопасности».

E-mail: ctas@inbox.ru

МОРОЗОВ Юрий Васильевич

Кандидат военных наук, профессор, ветеран военной службы, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, член-корреспондент Академии военных Наук и Академии геополитических проблем. Его научная деятельность связана с исследованием проблем национальной, глобальной и региональной безопасности, конфликтологией и миротворчеством. Является руководителем/участником шести российских исследовательских и пяти международных проектов по проблемам глобальной и региональной безопасности (в том числе с НИУ США, Японии, Италии и Дании). Он является автором 6 монографий и более 170 научных статей, опубликованных как в России, так и за рубежом.

Работая в Генеральном штабе ВС РФ в должности начальника направления военной безопасности Центра военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ участвовал в разработке документов, касающихся военной политики России в том числе Военной доктрины РФ, Концепции единого оборонного пространства СНГ, Наставления по миротворческой деятельности ВС РФ и др. В качестве военного наблюдателя ООН побывал в «горячих точках» Евразии — на Балканах и в Закавказье, в Приднестровье, Нагорном Карабахе и Афганистане. Опыт, приобретенный им в миротворческих миссиях ООН, и анализ военных конфликтов

в Евразии способствовал публикации его монографий «Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества»; «Миротворческая деятельность России по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве»; «Американская политика и стратегия в локальной войне в Афганистане и их влияние на региональную безопасность»; «Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века»; «Пути нейтрализации вызовов и угроз для национальных интересов России в рамках «стратегического треугольника РФ—США—КНР». За свою научную и практическую работу Ю.В. Морозов награжден многими отечественными и международными наградами.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

About the authors

Vladimir I. Batyuk

Ph. D in history, Head of the working group of the Center for Military and Political Studies of the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN), Chief Researcher of ISKRAN, Professor. His research activities related to the study of American military and foreign policy, Russian-American relations, and the history of the Cold War. He is the author of more than 130 scientific papers. For his scientific work, V. Batyuk awarded by three national medals.

E-mail: ctas@inbox.ru

Yuri V. Morozov

Ph. D. in military sciences, Professor, Veteran of Military Service (Colonel ret.), Leading Researcher at the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of Academy of Military Sciences and Academy of Geopolitical Problems. His scientific activity related to the study of problems of national, global and regional security, conflict management and peacemaking. He is the head/participant of six Russian research projects (in 2019—2021 — the head of the project “The Strategic Triangle of the USA-China-Russia: Challenges and prospects for Russia's national Security”) and five international projects on global and regional security (including with the National research centers of the USA, Japan, Italy and Denmark). He is also the author of more than 170 scientific articles published both in Russia and abroad.

Working in the General Staff of the Russian Armed Forces in the position the head of direction «National military security» in the of the Centre for Military-Strategic Studies of the General Staff participated in the drafting of the documents relating to: Russian military policy; Russian Federation Military Doctrine; Concept of Common Defense Space of CIS States; Guidance on Peacekeeping Activity of the Russian Armed Forces etc. As a UN military observer, he visited the “hot spots” of Eurasia — the Balkans and Transcaucasia, Transnistria, Nagorno-Karabakh and Afghanistan.

His experience in UN peacekeeping missions and analysis of military conflicts in Eurasia contributed to the publication of his monographs: Balkans

Today and Tomorrow: Military-Political Aspects of Peacekeeping; Russia's Peacekeeping Activities to Resolve Conflicts in the Post-Soviet Space; American Policy and Strategy in the Local War in Afghanistan and Its Impact on Regional Security; Western Strategy in the Central Asian Region at the Beginning of the XXI Century; Ways to Neutralize Challenges and Threats to Russia's National Interests Within the "Strategic Triangle of the Russian Federation-the United States-China. For his scientific and practical work, Yu. Morozov decorated by number of domestic and international awards.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Научное издание

**Юрий Васильевич Морозов
Владимир Игоревич Батюк**

**Стратегический треугольник
США—КНР—РФ:
вызовы и перспективы
безопасности России**

Редактор *Л.С. Лаврова*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 28.11.2022. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 34,0. Уч.-изд. л. 34,8.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.icca-ras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5